

Саратовский государственный
медицинский университет
имени В. И. Разумовского

приоритет2030⁺
лидерами становятся

ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ

МАТЕРИАЛЫ XXII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Саратов, 26-29 сентября 2024 года

Саратовский государственный медицинский
университет имени В. И. Разумовского

Волгоградский государственный
социально-педагогический университет

ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ

**Материалы
XXII Международной научной конференции**

Саратов, 26–29 сентября 2024 года

*Саратов
Саратовский государственный медицинский
университет им. В. И. Разумовского
2024*

УДК 81`373.2
ББК 81.053.16
О59

Редакционная коллегия:

Н. И. Данилина, проф. каф. русского и латинского языков Саратовского ГМУ;
В. И. Супрун, проф. каф. русского языка и методики его преподавания
Волгоградского ГСПУ

Рецензенты:

В. М. Мокиенко, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет;
М.Э. Рут, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

О59 **Ономастика Поволжья** : материалы XXII Международной научной конференции, Саратов,
26–29 сентября 2024 года / ред. кол.: Н. И. Данилина, В. И. Супрун ; Саратовский
государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского, Волгоградский
государственный социально-педагогический университет. – Саратов : Сарат. гос. мед. ун-т,
2024. – 407 с.
ISBN 978-5-7213-0876-5

В сборнике представлены материалы XXII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», состоявшейся в Саратове 26–29 сентября 2024 года. Сборник содержит статьи по актуальным теоретическим и прикладным вопросам ономастики. Представлены исследования в разных областях: топонимике, антропонимике, урбонимике, литературной ономастике. Обсуждаются вопросы применения ономастического знания в учебном процессе вуза и школы.

Для специалистов в области филологии и широкого круга исследователей.

УДК 81`373.2
ББК 81.053.16

Материалы печатаются в авторской редакции

ISBN 978-5-7213-0876-5

© Авторы, 2024
© Данилина Н. И., Супрун В. И.,
составление, 2024

Содержание

<i>Данилина Н.И., Супрун В.И.</i> Предисловие	8
Общие вопросы ономастики	
<i>Арутюнова Е.В.</i> Названия государственных учреждений в орфографическом словаре: как примирить динамическую языковую реальность и словарные предписания?	15
<i>Васильева Н.В.</i> Прецедентные имена и имена-палимпсесты: сходство и различие	20
<i>Гордова Ю.Ю.</i> Новые направления ономастики информационной эпохи	25
<i>Данилина Н.И., Шевцова Ю.В.</i> Терминогнездо эпонима <i>Абель</i> в языке математики	29
<i>Демидович Т.В.</i> О прецедентном антропониме <i>Алексей Петрович Быстров</i>	35
<i>Калинкин В.М.</i> Генезис и эволюция имени (из цикла «Филолософемы дилетанта»)	40
<i>Крюкова И.В.</i> Социальная коннотация рекламного имени	45
<i>Мозговой В.И.</i> Скрытая номинация и кризис в ономастике	50
<i>Никитин О.В.</i> Академик А.А. Шахматов как ономатолог	56
<i>Орлова Е.О.</i> Локализаторы агонимов новгородских преподобных: возможные направления исследований	62
<i>Романова Т.П.</i> Структура армонимического поля	67
<i>Супрун В.И.</i> Корпусная ономастика: имена собственные в Национальном корпусе русского языка	72
<i>Фатеева Н.А., Соколова А.А.</i> Ассоциативно-культурный фон ономастикона Великой Отечественной войны в современных реалиях	76
Антропонимика	
<i>Басангова Т.Г.</i> Имена-апотропеи в калмыцкой народной традиции	81
<i>Васильев В.Л.</i> Очерки древне- и старорусской антропонимии Новгородской земли (оттопонимные реконструкции). III	83
<i>Волков С.С., Смирнова А.С., Ткачева Н.В., Шарихина М.Г.</i> Антропонимическая лексика в авторском словаре	88
<i>Ганжина И.М.</i> Еще раз о фонетическом соответствии <i>и</i> vs <i>у</i> в христианских личных именах (на материале тверских деловых текстов преднационального периода)	94

<i>Герасименко И.А.</i> Способы катойконимической номинации (на материале названий жителей Донбасса)	98
<i>Климкова Л.А.</i> Прецедентное имя в прозвищной номинации	104
<i>Красовская Н.А.</i> Авторские подписи как явление антропонимики (на материале региональных газет военного времени)	109
<i>Кузнецов Г.А.</i> О неизвестной картотеке древнерусских личных имен собственных (из фондов большой словарной картотеки Института лингвистических исследований)	113
<i>Николаев Е.Р.</i> О некоторых мотивирующих признаках якутских личных имен 70-х гг. XVIII в.	115
<i>Осипова Е.П.</i> Антропонимы в рязанских говорах	120
<i>Родина Н.А.</i> Концептуальное распределение позывных российских военнослужащих	123
<i>Цепкова А.В.</i> Сопоставительный анализ терминов <i>прозвище</i> и <i>пiскname</i> в русской и американской лингвокультурах	129
Топонимика	
<i>Беленов Н.В.</i> Топонимия эрзянского села Старая Малыкла Новомалыклинского района Ульяновской области	136
<i>Генералова Е.В.</i> Составные географические наименования в историческом словаре	139
<i>Дамбуев И.А.</i> Нормализация топонимов в зеркале ГКГН: итоги 2023 года	144
<i>Кичикова Н.А.</i> О типах связи в топонимах-сочетаниях (на примере ойконимов Юга России)	149
<i>Кургузова Е.В.</i> Меморативы ономастического пространства вооруженных сил ФРГ	154
<i>Мартыненко И.А.</i> Испаноязычные зоотопонимы как часть геолингвистической системы	159
<i>Минеева З.И.</i> Особенности употребления топонимов в Карелии	164
<i>Мызников С.А.</i> Цвет как топооснова в зонах этноязыковых контактов	168
<i>Никаева Т.М.</i> Региональный словарь топонимов (из опыта составления)	173
<i>Петешова О.В.</i> Роль псевдосогласования топонимов при переименованиях географических объектов Калининградской области	180
<i>Печетова Н.Ю.</i> Ойконимы Республики Саха (Якутия): к проблеме происхождения и установления языка-источника	184
<i>Попов С.А.</i> Роль региональной прессы в исследовании исчезнувших топонимов	187
<i>Цветкова Е.В.</i> Слово <i>гарь</i> в костромской микротопонимии	191
<i>Щербак А.С.</i> Топоним <i>Караул</i> на территории Тамбовского края и лексема <i>караул</i> в литературном русском языке	196

Онимическое пространство города и региона

<i>Ахметова М.В.</i> Об эргонимных обозначениях типа <i>У Татьяны</i> : узус, вариативность, ономастический статус	199
<i>Васильева Ю.А.</i> Названия детских образовательных центров в ономастическом пространстве региона	203
<i>Веденеева Е.В.</i> Имена великих медиков в годонимии	207
<i>Голомидова М.В.</i> Актуальные вопросы изучения урбанонимических ландшафтов	211
<i>Горяев С.О.</i> «Географические посвящения» в урбанонимии городов Уральского федерального округа	216
<i>Дзис А.В.</i> К вопросу о коммеморативной практике в годонимии Горловки	221
<i>Заонегина В.В.</i> Урбанонимический ландшафт Торжка: неофициальные топонимы	224
<i>Лаптева М.Л.</i> «Чужое» в «своем» городском пространстве: инокультурные номинации астраханских улиц	227
<i>Лукина О.А.</i> Эклезионимикон города Витебска: история и современность	233
<i>Махнач Ю.И.</i> Отражение культурно-исторических реалий советского времени в минском ономастиконе	238
<i>Мезенко А.М.</i> Имена небесных сил и святых как отражение ценностей христианства в урбанонимии	244
<i>Мокренцова А.С.</i> Лингвокультурная ситуация в эргоурбонимии г. Ялты	249
<i>Полежаева С.С.</i> Эклезионимы в приднестровской ономастике: лингвокультурологическое описание	252
<i>Природина У.П.</i> Религиозная тематика эпохи Средневековья в годонимах Стокгольма	258
<i>Прищепя М.М.</i> Современный годонимикон юго-западной Англии	261
<i>Разумов Р.В.</i> Коллективные посвящения в урбанонимии Российской Федерации: уникальное и универсальное	264
<i>Рассадин А.П., Ильин В.Н.</i> Городские уличные названия как топонимическое высказывание	269
<i>Салимова Д.А.</i> Фактор лингвокреативности в формулировке эргонимов современной Казани	275
<i>Свешникова Н.В.</i> Неофициальные микротопонимы в языковом пространстве города	281

Литературная ономастика

<i>Бубнова Н.В.</i> Онимы религиозной сферы в «Армянском тексте русской поэзии»	286
<i>Бурченкова А.А.</i> Хремотонимы и наименования оружия и военной техники в романе Б. Васильева «В списках не значился»	291
<i>Гурьянова Л.Б.</i> Роль имен собственных в повести В. И. Даля «Павел»	296

Алексеевич Игривый»	
<i>Дорофеева Ю.Г.</i> Катон как коннотативное имя в русском литературном и бытовом локусе XVIII – середины XIX века	300
<i>Кокова Л.Дж., Кокова Б.Дж., Шериева М.М.</i> Ономастика российского освоения севера (по роману В. А. Каверина «Два капитана»)	305
<i>Комлева Н.В.</i> Символическая функция зоонима в художественном тексте (на материале прозы В.И. Белова)	310
<i>Ланге Н.В.</i> Некоторые особенности антропонимов в произведениях Д.И. Рубиной как аспект ономастического стиля писателя	316
<i>Попова Е.А.</i> Региональное ономастическое пространство Провинциального текста русской литературы и его аксиологический потенциал	321
<i>Разумовская Е.А.</i> Противостояние Авиньона и Рима в «Письмах без адреса» Франческо Петрарки	326
<i>Робустова В.В.</i> Языковая игра как способ расширения семантики имен собственных	331
<i>Родионова И.Г.</i> Ономастическая лексика как объект метаязыкового комментария в «Семейном альбоме» М. Л. Матусовского	336
<i>Цзян С.</i> Китайские онимы в русском тексте: на материале произведений В. К. Арсеньева	340
<i>Шехтман Э.Н., Мангушев С.В.</i> Английские формы обращения конца XVIII века (на материале романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение»)	345

Онимы в разных видах искусства и в СМИ

<i>Абрамкина А.С.</i> Особенности функционирования зоонимов в компьютерной игре League of Legends	350
<i>Гординская Е.М.</i> Функция тематического фокусирования в ономастическом пространстве (на примере смены монархических фигур в Великобритании)	353
<i>Дулова Ю.В.</i> Прагматический потенциал артионимии отдельного региона	359
<i>Завьялова Е.Е.</i> Фелинонимы как тренд TikTok	363
<i>Корнейчук Т.А.</i> Названия латиноамериканских сериалов: прагмалингвистический аспект	366
<i>Михайлин И.А.</i> Хремотонимы в дискурсивном пространстве компьютерной игры	371
<i>Сулейман М.М.</i> Индекс прагматизма в названиях телепередач каналов «Ю» и «Культура»	376
<i>Цзян Л.</i> Имена собственные в заголовках русской прессы: языковая игра с онимами	380

Методические аспекты ономастики

<i>Го Ц.</i> Информативность державинских онимов в россиеведческом познании	386
---	-----

<i>Максимчук Н.А.</i> О структуре ономастического пространства школьных образовательных программ	389
<i>Сабиева Е.В., Какимова М.Е., Ережеева Н.К.</i> Формирование патриотизма через концепт «Родина» в образовательном процессе	394
<i>Шетэля В., Мамонтов А.С.</i> Комментарии к названиям волжских барок в поэтической строке В. Хлебникова (реализация проекта РКИ на данном примере)	400
<i>Шульдишова А.А.</i> Из опыта работы над семантическим и стилистическим комментированием собственных имён в курсе риторики для иностранных студентов-медиков	404

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1987 году выдающийся русский учёный, организатор многих ономастических конференций Владимир Андреевич Никонов, как он писал об этом в письме Эдуарду Макаровичу Мурзаеву, «совершил триумфальный рейс по Волге и Дону в наилучнейших условиях» [Супрун, 2017, с. 11]. Круизный теплоход ночью плыл по реке, а днём останавливался во всех крупных волжских городах, где пассажиры отправлялись на экскурсии, в музеи, на выставки, прогуливались по набережным, улицам, площадям. Была такая остановка и в Саратове. Конечно, у Владимира Андреевича мелькнула мысль о том, что неплохо бы в этом замечательном волжском городе провести конференцию «Ономастика Поволжья», которая до этого уже проходила в Ульяновске (1967), Горьком (1969), Уфе (1971), Пензе (1973), Саранске (1974), а потом 13 лет никак не находилось для неё нового места.

Это была не первая встреча учёного с Саратовом. В 1967 или 1968 году он на круизном теплоходе плыл от Москвы до Астрахани и обратно и несколько часов провёл в этом городе. Предварительно Владимир Андреевич списался с известным саратовским диалектологом Лидией Ивановной Баранниковой, которая попросила свою аспирантку Эмму Владимировну Копылову встретить его и показать гостю Саратов. Сама Лидия Ивановна в это время была занята, кажется, подготовкой монографии и докторской диссертации, которую защитила в 1968 году [Баранникова, 1967]. Эмма Владимировна вспоминала, что Владимир Андреевич хорошо знал историю и ономастику волжских городов: «Гидом, в сущности, был он. Время пролетело во взаимном обогащении фактами из истории Саратова» [Копылова, 2017, с. 14].

Но в 1987 году у ономастолога уже была намечена конкретная цель, ради которой он в общем-то и отправился в этот круиз: списавшись с профессором Волгоградского педагогического института Леонидом Михайловичем Орловым, он решил договориться в вузе о проведении шестой конференции в Волгограде. Саратов был отложен на последующие годы.

В том же письме Э. М. Мурзаеву В. А. Никонов писал: «Шестую Поволжскую ономастическую конференцию согласился [провести] Волгоград (почтят память вставанием) в 1989 г.» [Супрун, 2017, с. 11]. К сожалению, тревожные предчувствия учёного не обманули. 13 марта 1988 года Владимира Андреевича не стало. Конференция в Волгограде была посвящена его памяти [Супрун, 1995].

А вслед за этим пришли суровые 90-е годы XX столетия. Учёные, как и другие граждане страны, были заняты поиском хлеба насущного, руководители вузов размышляли о том, как сохранить свои учреждения в бесконечной чехарде реформ. Желающих проводить конференцию «Ономастика Поволжья» не находилось, она задержалась в Волгограде, ещё трижды была проведена в Волгоградском педагогическом институте. И только в 2006 году «Ономастика Поволжья» вернулась к задуманному В. А. Никоновым формату, перемещаясь из одного поволжского города в другой: Уфа, Йошкар-Ола, Казань, Ярославль,

Тверь, Арзамас, Ульяновск, Великий Новгород, Кострома, Оренбург, Элиста, Рязань.

Дважды, казалось бы, конференция отклонялась от Поволжья: ни Великий Новгород, ни Оренбург не стоят на Волге или её притоках, однако в обоих регионах имеются реки, принадлежащие к Волжскому бассейну, местные ономасты исследуют гидронимы и названия других объектов этих территорий, поэтому проведение поволжских конференций в этих городах было оправданным и уместным.

Постепенно сложился состав постоянных участников, который, конечно же, обновлялся, в него вливалась новая смена поволжских ономатологов, традиционными стали студенческие секции, участие в заседаниях конференции школьных учителей и старшекласников. С докладами и сообщениями на конференциях выступали не только филологи, но и историки, географы, энтузиасты-любители.

Каждая конференция «Ономастика Поволжья» становилась уникальным событием в научной жизни страны. Местные организаторы старались внести что-то новое в традиционное расписание мероприятия: знакомили с культурными достижениями региона, его историей, развитием филологии в разных поволжских городах, устраивали выставки книг, в которых рассматривались имена собственные и различные проблемы ономастики, науки, культуры.

В 2017 году XVI конференция в Ульяновске была посвящена памяти В. А. Никонова и 50-летию юбилею первой «Ономастики Поволжья». На этой встрече ономатологи вспомнили не только энтузиаста ономастических исследований в стране и зачинщика многих конференций Владимира Андреевича Никонова, но и прежних участников «Ономастики Поволжья»: А. В. Суперанскую, Н. М. Шанского, Г. Ф. Саттарова, Н. Ф. Мокшина, Ф. И. Гордеева, В. Ф. Барашкова, Л. Л. Трубе, С. И. Зинина, А. С. Кривошекову-Гантман, Э. М. Мурзаева, Г. П. Смолицкую, О. И. Фонякову, В. Э. Очир-Гаряева, И. П. Добродомова, Г. Ц. Пюрбеева, Дж. Н. Кокова и мн. др.

На этой же конференции стараниями председателя местного оргкомитета Светланы Васильевны Рябушкиной родилась новая традиция: было изготовлено знамя конференции «Ономастика Поволжья», которое на заключительном заседании передавалось организаторам следующей научной встречи. В XXI веке проблем с выбором города для проведения очередной конференции уже не было, даже возникла некоторая очередь из желающих провести этот ономастический форум. В резолюции конференции указывался вуз-организатор следующей конференции, на заседании определялся председатель местного оргкомитета будущей встречи ономастов.

Главным критерием для выбора города очередной конференции было определение председателя местного оргкомитета, поскольку без надёжного и умелого организатора проводить научную встречу было бы весьма сложно, на самом деле – невозможно. Куратором волгоградских конференций была верный сподвижник Владимира Андреевича Никонова главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

профессор Роза Шотаевна Джарылгасинова. В 2006 году в Уфе блестяще справилась с организационными задачами профессор Евгения Андреевна Яковлева. В Казани ношу организации конференции взяла на себя профессор Гульшат Раисовна Галиуллина. Затем организацией очередных «Ономастик Поволжья» занимались доцент Ярославского государственного педагогического университета Роман Викторович Разумов, доцент Тверского государственного университета Ирина Михайловна Ганжина, профессор Людмила Алексеевна Климкова из Арзамасского государственного педагогического университета (ко времени проведения конференции он стал филиалом Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского), упомянутая выше доцент Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова Светлана Васильевна Рябушкина, профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого Валерий Леонидович Васильев, профессор Костромского государственного университета Нина Семёновна Ганцовская и доцент этого же вуза Галина Дмитриевна Неганова, профессор Оренбургского государственного педагогического университета Елена Николаевна Бекасова и доцент Пётр Анатольевич Якимов, доценты Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова Надежда Андреевна Кичикова и Элина Борисовна Манджиева, профессор Рязанского государственного Виталий Александрович Лаврентьев и доцент Игорь Николаевич Хрусталёв (на начальном этапе участие в организации принимала доцент Елена Петровна Осипова).

В 2023 году на конференции в Рязани руководителями местного оргкомитета было передано знамя профессору Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского Наталии Ивановне Данилиной, и в 2024 году «Ономастика Поволжья» вновь вернулась на волжские берега, на сей раз в Саратов.

Саратовский край относится к так называемым «территориям позднего заселения»: русская колонизация этих земель началась только в XVI веке, ранее же они входила в состав Золотой орды, одним из крупнейших городов которой был Укек (совр. пос. Увек), расположенный на южной окраине современного Саратова [Малов, 2018]. После присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к Русскому государству вдоль Волги начали строиться города-крепости, к числу которых относится и Саратов, основанный в 1590 году по царскому указу воеводой Г.О. Засекиным на левом берегу Волги, в междуречье небольших речек Саратовки и Донской, где уже существовало татарское поселение с названием, созвучным современному [Студенцов, 1989]. После опустошительных пожаров город был перенесен на правый берег, в котловину, окруженную горами. Уже в начале XVII века население Саратова состояло не только из стрельцов, но и из посадских людей, переселенцев из разных областей России, а также бежавших из Среднего Поволжья татар, мордвы, чувашей [История..., 1983, с. 5]. Память об истории Саратовского края хранят многочисленные гидронимы: Иргиз, Караман, Узень, Чардым, Курдюм и др. Основным занятием саратовского люда был рыбный промысел, что и

запечатлено на гербе города, изображающем трех стерлядей (принят в 1781 г.) [История..., 1983, с. 7].

Саратов всегда был не только торговым, затем промышленным, но и крупным культурным и научным центром. Саратовский университет – десятый из существовавших в Российской империи. Он был основан в 1909 году в составе единственного факультета – медицинского. В 1931 году этот факультет стал самостоятельным институтом, затем университетом, но никогда не порывал связи со своей *alma mater*. Филологическое образование в Саратове ведет свою историю с 1917 года. Первым деканом историко-филологического факультета был философ С.Л. Франк, преподавали слависты М. Фасмер, Г.А. Ильинский. В годы Великой Отечественной войны в Саратов был эвакуирован филологический факультет Ленинградского университета. Во второй половине XX века в Саратове сложилось два крупных лингвистических направления: диалектологическое под руководством Лидии Ивановны Баранниковой и Валентина Евсеевича Гольдина и занимающееся изучением разговорной речи под руководством Ольги Борисовны Сиротининой. Большинство саратовских филологов – выпускники СГУ и представляют саратовскую филологическую школу. В сферу научных интересов выпускников СГУ, работающих в непрофильных вузах, входят обычно проблемы отраслевых терминологий и профессионального дискурса.

Саратов славится своим краеведением, которое неизбежно соприкасается с топонимикой и ономастикой в целом. Здесь 12/24 декабря 1886 года была открыта Саратовская учёная архивная комиссия, которая приступила к сбору и анализу материалов о прошлом края. Одной из первых публикаций этой комиссии стала заметка Михаила Викторовича Готовицкого об этимологии названия губернского города. Он считал, что топоним происходит от слова *sart* – названия постоянных поселенцев городов, хлебопашцев, ремесленников, торговцев [Готовицкий, 1887, с. 5]. В конце XX века эту версию поддержала доцент СГУ Л. Г. Хижняк с соавторами в выступлениях на краеведческих чтениях, о чём упоминал в своей статье историк И. И. Дремов [Дремов, 2015, с.181]. Его статья была своеобразным ответом на книгу географа Н. Н. Студенцова «Две загадки Саратова», в которой отстаивалась точка зрения от происхождения топонима от названия низменного острова *Sar-atau(атав)*, которое, в свою очередь, образовалось путём адаптации тюркскими народами древнего ираноязычного гидронима *Sarat/a*, распространенного в степной зоне Евразии от Алтая до Карпат [Студенцов, 1989, с. 73].

Однако этот всплеск топонимических разысканий произошёл уже в конце XX – начала XXI века. В первые годы проведения конференций «Ономастика Поволжья» саратовские исследователи нечасто становились их участниками. В 1969 году на второй конференции в Горьком выступили с докладами З. А. Данилова, Н. П. Чернева и Г. В. Агапова [Ономастика Поволжья, 1971, с. 18–22, 30–35, 151–155]. Дериватолог Галина Васильевна Агапова приняла участие также в третьей конференции с докладом «Об особенностях общерусского топонимического типа» [Агапова, 1973]. В 1989 году активно включилась в поволжские конференции ономастологов Людмила Григорьевна Хижняк. Она

выступала с докладом на VI конференции в Волгограде [Хижняк, 1989], вскоре после этого с доцентом СГУ З. Л. Новоженовой издала популярную книжку о топонимии Саратовской области [Хижняк, Новоженова, 1991] и уже в XXI веке участвовала в конференциях в Уфе и Йошкар-Оле [Хижняк, 2006; 2008].

Популярный топонимический словарь Саратовской области был написан ещё в 1980-е годы кандидатом географических наук Василием Ивановичем Горцевым. В нём у некоторых топонимов он пытается дать этимологию названия, которая не всегда удачна: *Кулатка* <...> от тюркского «кул» (кол) озеро, река, рыба [Горцев, 1984, с. 65].

В 2013 году Топонимический словарь Саратовской области издал и в 2015 году переиздал доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарного образования Саратовского областного института развития образования Сергей Борисович Козинец. В нём указаны не только существующие населённые пункты, но и исчезнувшие. В некоторых случаях рассказ об истории поселений содержит горькие нотки: «Шилово <...>. Окончательно было покинуто примерно в 1970-е гг. Сегодня все постройки, включая церковь, полностью утрачены. О находившемся на этом месте населённом пункте напоминают лишь бугры на месте домов и разбросанные камни». Этимологическое построение (кроме топонимов отантропонимного происхождения) не всегда точны и убедительны: *Кулатка* <...> от тюркского кул 'озеро, река' [Козинец, 1913, с. 99]. Тюркские обозначения реки (тат. елга, башк. йылға, казах. өзен, чуваш. юханшыв, тур. nehir и др.) существенно отличаются от этого корня. В статье нет объяснения суффикса *-ат-*. В 2017 году С. Б. Козинец участвовал в XVI конференции «Ономастика Поволжья» [Козинец, 2017].

Саратовская конференция «Ономастика Поволжья» собрала 98 ономастологов из 58 вузов и научно-исследовательских организаций четырех стран: России, Белоруссии, Казахстана и Приднестровья. Россия представлена фактическими всеми известными университетскими и неуниверситетскими городами: от Калининграда до Улан-Удэ и Якутска, от Нальчика и Ялты до Вологды – всего 34 города. Наибольшую активность традиционно проявили Москва (13 участников из разных организаций) и Санкт-Петербург (6 участников), из провинциальных городов – Волгоград и Саратов (по 7 участников), Смоленск (5 участников), Донецк (4 участника). Пять докладов представили белорусские ономатологи из Минска и Витебска. Из остальных тридцати российских и зарубежных городов выступили со своими материалами по 1-2 исследователя.

В статьях участников конференции обсуждаются актуальные вопросы ономастической теории, рассмотрены ядерные и периферийные разряды ономастического поля различных языков: русского, белорусского, башкирского, калмыцкого, коми, карельского, эрзя, якутского, а также английского, испанского, итальянского, монгольского, шведского.

Заметной чертой многих докладов и статей данного научного собрания в Саратове стало внимание к региональным языковым особенностям ономастикона разных краёв и уголков России и зарубежья, выявление

взаимосвязи апеллятивной и проприальной лексики, что полезно не только для ономастической типологии, но и для понимания истории формирования и развития русского языка и его диалектов. Помимо традиционного материала к анализу привлекаются единицы ономастического пространства Интернета, компьютерных игр, телевидения, медиаисточников, кинематографа и пр. Значительная часть исследований посвящена анализу ономоупотребления многих отечественных и зарубежных писателей: И. А. Бунина, В. И. Белова, Б. Васильева, В. И. Даля, В. Каверина, М. К. Матусовского и др.

Большую ценность для теории ономастики и языковедения в целом имеют исследования участников конференции С. А. Мызникова, Н. В. Васильевой, А. С. Щербак, В. Л. Васильева, В. М. Калинкина, Т. Г. Басанговой, Л. А. Климковой, Р. В. Разумова, И. В. Крюковой, М. Л. Лаптевой, Н. А. Максимчук, А. М. Мезенко и многих других авторов статей и докладов.

57 лет прошло со времени первой встречи поволжских ономатологов. Ономастика по-прежнему является востребованной и актуальной наукой в нашей стране и в мире, поэтому мы верим, что научная конференция «Ономастика Поволжья» будет и впредь на высоком научном уровне проходить в различных университетских центрах России. Пожелаем всем участникам XXII конференции «Ономастика Поволжья» творческого вдохновения, убедительных научных открытий, полезных дискуссий, радости от общения с единомышленниками, коллегами и друзьями.

Список литературы

Агапова Г. В. Об особенностях общерусского топонимического типа // Ономастика Поволжья 3 (материалы III конференции по ономастике Поволжья) / отв. ред. Р. Г. Кузеев, В. А. Никонов. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1973. – С. 320–323.

Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период: (К проблеме соотношения языка и диалекта). – Саратов: СГУ, 1967. – 206 с.

Горцев В. И. Саратовская область в географических названиях / под ред. Н. Н. Студенцова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. – 143 с.

Готовицкий М. В. О значении названия «Саратов» // Протокол IV общего собрания Саратовской ученой архивной комиссии 5 мая 1887 года / под ред. Н. Соколова. Приложение №1. Саратов: Тип. губ. правления, 1887. – С. 1–10 (новая пагинация).

Дремов И. Две разгадки Саратова // Волга – 2015. – №9–10 (458). – С. 170–184.

История Саратовского края. 1590–1917: Хрестоматия / Под ред. В.А. Осипова, З.Е. Гусаковой, В.М. Гохлернер. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – 340 с.

Козинец С. Б. Принципы составления «Топонимического словаря Саратовской области» // Ономастика Поволжья: матер. XVI Междунар. научной конф., посвящ. 50-летнему юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В. А. Никонова / под ред. С.В. Рябушкиной, В.И. Супруна, Е.В. Захаровой, Е.Ф. Галушко. В 2 т. – Т. 1. – Ульяновск: Изд-во УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2017. – С. 332–337.

Козинец С. Б. Топонимический словарь Саратовской области. – Саратов: Саратовский источник, 2013. – 206 с.

Копылова Э. В. [В. А. Никонов] // «Ономастика Поволжья»: из истории конференции / под ред. В. И. Супруна, С. В. Рябушкиной, Е. В. Захаровой, Р. В. Разумова. – Ульяновск: Изд-во УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2017. – С. 13–15.

Малов Н.М. Золотоордынский Укек и Увекское городище // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. – 2018. – Т.18. – Вып. 4. – С. 523–526.

Ономастика Поволжья 2 (материалы II Поволжской конференции по ономастике) / отв. ред. Т. А. Исаева, В. А. Никонов. – Горький, 1971. – 376 с.

Студенцов Н.Н. Две загадки Саратова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 77 с.

Супрун В. И. Введение // Ономастика Поволжья: матер. VII конф. поволжских ономатологов. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 3–4.

Супрун В.И. Завещание Владимира Андреевича Никонова // «Ономастика Поволжья»: из истории конференции / под ред. В. И. Супруна, С. В. Рябушкиной, Е. В. Захаровой, Р. В. Разумова. – Ульяновск: Изд-во УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2017. – С. 9–13.

Хижняк Л. Г. Была ли река Медведица медвежьей рекой? // Ономастика Поволжья: матер. XI Междунар. науч. конф. / отв. ред. А. Н. Куклин. – Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2008. – С. 150–154.

Хижняк Л. Г. Древние названия урочищ саратовского Поволжья // Ономастика Поволжья: матер. X Междунар. конф. / отв. ред. Е. А. Яковлева. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 105–106.

Хижняк Л. Г. Древние топонимы Саратовского Поволжья // Шестая конференция по ономастике [Поволжья]: тез. докл. и сообщ.: посвящ. памяти В. А. Никонова, основателя Поволжских ономастических конференций / отв. ред. В. И. Супрун, Р. Ш. Джарылгасинова. – Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1989. – С. 133–134.

Хижняк Л. Г., Новоженова З. Л. Зеленый остров, Серый Ключ, Красная Речка: [Топонимия Сарат. Поволжья]. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1991. – 102 с.

Н. И. Данилина, В. И. Супрун

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

НАЗВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ОРФОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ: КАК ПРИМИРИТЬ ДИНАМИЧЕСКУЮ ЯЗЫКОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ И СЛОВАРНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ?

Е. В. Арутюнова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)*

В статье описаны характерные особенности названий госучреждений, которые создают значительные трудности в представлении этого типа названий в нормативном орфографическом словаре. Это 1) динамичность языкового материала, обусловленная а) частыми изменениями названий одних и тех же учреждений, упразднением учреждений и появлением новых, б) широкой вариативностью названий, сосуществованием официальных форм – полной и краткой (нескольких кратких) – и неофициальных; 2) конфликт орфографических правил и орфографической формы официальных названий, которые закрепляются юридически и становятся обязательными в официальных документах. Предлагаются лексикографические решения, которые учитывают специфику языкового материала, юридический аспект функционирования названий и при этом не отрицают действующие и поддержанные практикой письма орфографические предписания.

Ключевые слова: орфография; правила орфографии; норма; кодификация; прописная буква; Русский орфографический словарь; названия учреждений

Академический «Русский орфографический словарь» (1999–2023) с первого издания включает не только апеллятивную лексику, но и собственные имена и составные названия, в том числе названия государственных учреждений (см. также электронный ресурс «Академос»). Сведения об орфографии ономастической лексики востребованы обществом: пишущим удобно, если выбор написания конкретного, нужного ему имени или названия можно сделать с помощью словаря, без обращения к правилам, формулирующим общие законы и закономерности письма. Представление ономастического материала в словаре требует от лексикографов решения ряда специфических проблем. Остановимся на двух из них, наиболее общих, концептуальных. Первая проблема связана с изменчивостью названий, за которой трудно поспевать орфографическому словарю общего типа. Так, со времени выхода первого издания «Русского орфографического словаря» некоторые госучреждения поменяли свои названия несколько раз, некоторые стали историзмами в связи с упразднением, реструктуризацией органов власти. Вторая проблема обусловлена конфликтом орфографических рекомендаций по написанию названий учреждений и реальной практикой нейминга и функционирования названий в текстах разного назначения.

Анализ написания названий госучреждений, наблюдения за их употреблением позволяют уточнить некоторые принципы подачи таких названий в орфографическом словаре общего типа и предложить ряд новых лексикографических решений, отражающих динамическую природу языкового материала.

Орфографический словарь общего типа может включать в себя названия лишь достаточно устойчивые, не подверженные частым изменениям, названия должны быть широко известными, общественно и культурно значимыми, разнообразными по структуре. Такой отбор языковых единиц позволит расширить возможности словаря: ограниченный круг зафиксированных словарем названий будет давать образцы для неограниченного количества названий, не включенных в словарь.

Динамичность языкового материала проявляется не только в недолговечности названий, но и в широкой вариативности их лексического состава. Многие учреждения имеют не одно название, а два и более: официальные полное и краткое (или несколько кратких) и неофициальные. Официальные названия современных госучреждений нашей страны закрепляются юридически – в Конституции, законах и положениях о данных организациях. Например, полное официальное название нижней палаты Федерального Собрания Российской Федерации (российского парламента) – *Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации*, краткая форма – *Государственная Дума*, неофициальные: *Государственная дума Федерального собрания РФ*, *Государственная дума Федерального собрания России*, *Государственная дума ФС РФ*, *Государственная дума Федерального Собрания*, *Государственная дума РФ*, *Государственная дума России*, *Государственная дума*, *Дума*, *Госдума*, *ГД* (неофициальные названия даны в орфографически корректном написании, о котором речь пойдет ниже; в практике письма в таких названиях встречаются и другие орфографические варианты). Сфера функционирования неофициальных названий широка, но ограничена, она исключает официальные документы, в которых могут употребляться только официальные названия. В свою очередь официальные названия, кроме официальных документов, встречаются и при этом часто оказываются функционально оправданными и в других текстах, например в СМИ.

Безусловно, орфографический словарь не может и не должен отражать всё многообразие названий. «Русский орфографический словарь» дает, как правило, одну форму, в редких случаях больше; для приведенного выше примера это *Государственная дума*, *Госдума* и *Дума*. В настоящее время, когда предпринимаются попытки юридически закрепить нормы русского языка как государственного, современный академический словарь общего типа не может игнорировать официальные формы названий, имеющие свои специфические проблемы написания.

Одна из острых проблем современного письма – конфликт отраженных в правилах орфографических рекомендаций по написанию названий госучреждений и реальной письменной практики, подчиняющейся не только орфографическим правилам, но и юридическим требованиям. «На поле кодификационной деятельности кроме специалистов по орфографии появились новые субъекты – чиновники госорганов и функционеры корпораций, создающие в недрах своих организаций документы обязательной юридической

силы, нормы которых – в том числе и письменные – обязательны для применения в нижестоящих бюрократических звеньях» [Иванова, 2017, с. 421].

Академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина предписывает: «В официальных составных названиях органов власти, учреждений, организаций, научных, учебных и зрелищных заведений, обществ, политических партий и объединений с прописной буквы пишется первое слово и входящие в состав названия имена собственные, а также первое слово включаемых в них названий других учреждений и организаций...» [Раздел «Орфография», § 189]. В ряду примеров названия органов государственной власти: *Федеральное собрание РФ, Государственная дума, Московская городская дума, Законодательное собрание Ростовской области, Государственный совет, Конституционный суд РФ, Высший арбитражный суд РФ, Генеральная прокуратура РФ, Министерство иностранных дел Российской Федерации* и др. Орфографическая форма таких названий в академическом «Русском орфографическом словаре» подчинена орфографическим правилам. Однако, как видно уже на примере *Государственной думы*, в официальных документах воспроизводится название в том лексическом составе и в той орфографической форме, которая закреплена юридически. В Конституции РФ с двумя прописными буквами кроме *Государственной Думы* пишутся: *Федеральное Собрание, Конституционный Суд, Верховный Суд, Конституционное Собрание, Совет Министров, Совет Безопасности*, в то время как орфографически корректными с точки зрения правил признаются лишь формы с прописной буквой в первом слове. Такое положение дел ставит пишущего перед непростым выбором: нарушить правила орфографии или юридические установления.

Сегодня орфографический словарь может снять названное противоречие, отразив сложившуюся под влиянием орфографических и юридических факторов дифференциацию написаний. Он может показать связь лексического состава названия – официальной и неофициальной форм – и их написания. Для этого были разработаны новые типы словарных статей и уточнено содержание пометы *офиц.* На данном этапе работы предлагается такое понимание этой пометы:

Помета *офиц.* означает, что отмеченное ею написание, в некоторых случаях отступающее от правил орфографии, юридически закреплено и поэтому обязательно в официальных документах (конституциях, законах, указах, приказах, официальной переписке и под.), в официальных информационных сообщениях в СМИ. В текстах других типов использование официальной формы названия не запрещается, оно возможно, но также возможно и уместно использование названия в ином, неофициальном облике, соответствующем орфографическим правилам.

Далее будут представлены проекты нескольких новых словарных статей с краткими комментариями к ним. В ряде случаев статьи с названиями современных госучреждений Российской Федерации дополняются статьями с омонимичным историческим названием (то есть названием учреждения, существовавшего в прошлые эпохи) или иностранным.

Парламенты Российской Федерации и ее субъектов
Федеральное Собрание Российской Федерации (*офици.*) и **Федеральное собрание Российской Федерации**
Федеральное Собрание (*в РФ, офици.*) и **Федеральное собрание** (РФ)

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (*офици.*) и **Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации**, **Совет Федерации Федерального собрания** (РФ)
Совет Федерации (*в РФ, офици.*) и **Совет Федерации** РФ

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (*офици.*) и **Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации**, **Государственная дума Федерального собрания** (РФ)
Государственная Дума (*в РФ, офици.*) и **Государственная дума** (РФ)
Государственная дума (*в России 1906–1917*)

Статьи «Русского орфографического словаря» и «Академоса»:
Федеральное собрание РФ; Совет Федерации; Государственная дума.

Источники официальных наименований – Конституция РФ, официальные документы.

В официальных документах употребляются полные и краткие формы: в текстах обычно полные, в реквизитах и в составе других названий – краткие.

Некоторые СМИ (напр., телеграм-канал РИА Новости) последовательно придерживаются правил. В газетном подкорпусе НКРЯ доля написаний по правилам значительная (напр., написание *Федеральное Собрание РФ* встречается в 794 текстах, *Федеральное собрание РФ* – в 552; *Государственная Дума РФ* – в 1620, *Государственная дума РФ* – в 915).

В новых статьях сопоставляем официальную орфографическую форму – полную и краткую – с неофициальной. С помощью элемента (РФ) компактно передаем две формы неофициального названия – с аббревиатурой и без нее. Неофициальные формы со словом *Россия* (*Федеральное собрание России* и др.) последовательно не даем как менее частотное, которое пишется по аналогии с названием, включающим аббревиатуру.

Законодательное Собрание (*парламент в субъектах РФ, офици.*);
Законодательное Собрание Новосибирской области, Законодательное Собрание Санкт-Петербурга) и **Законодательное собрание** (Законодательное собрание Новосибирской области, Законодательное собрание Санкт-Петербурга)
Законодательное собрание Ленинградской области (*офици.*)

парламент, -а

Парла́мент, -а – как *первое слово в офиц. названии, напр.:* Парла́мент Чечёнской Респу́блики, Парла́мент Респу́блики Се́верная Осётия – Ала́ния

хура́л, -а

Хура́л (*в офиц. названиях парламента в субъектах РФ; Наро́дный Хура́л Респу́блики Бу́рятия*)

ду́ма, -ы

Ду́ма, -ы (*вместо Государственная дума Российской Федерации*)

Ду́ма, -ы (*в офиц. названиях парламента в субъектах РФ; Ду́ма Астраханской о́бласти, Белгоро́дская о́бластная Ду́ма, Моско́вская городская́ Ду́ма, Законода́тельная Ду́ма Хаба́ровского кра́я*)

Моско́вская городская́ Ду́ма (*офиц.*) и **Моско́вская городская́ ду́ма** **Бо́йрская ду́ма** (*ист.*)

Статьи «Русского орфографического словаря» и «Академоса»: **Законода́тельное собра́ние** (*парламент в нек-рых странах и субъектах РФ*); **Госуда́рственное собра́ние** (*парламент в нек-рых странах*); **Наро́дное собра́ние** (*парламент в нек-рых странах*); **Госуда́рственный сове́т**; **хура́л**, -а; **ду́ма**, -ы; **Ду́ма**, -ы (*вместо Государственная дума*); **Моско́вская городская́ ду́ма**; **Бо́йрская ду́ма** (*ист.*).

Источники официальных названий – конституции республик РФ, уставы (основные законы) других субъектов РФ, официальные документы.

Разная подача слов *хурал* и *парламент* обусловлена такими названиями: *Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия, Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва.*

Написание официальных названий парламентов субъектов РФ в целом системно: основное слово (*Дума, Совет, Хурал* и под.) пишется с прописной буквы вне зависимости от положения в начале или не в начале названия. В «Русском орфографическом словаре» даются, как правило, не конкретные названия парламентов, а лишь основное словосочетание названия) и представлена лишь часть актуальных типов названий (не даются *верховный совет, областная дума* и др). В перспективе возможна разработка статей для всех актуальных типов названий.

Правительства Российской Федерации и ее субъектов

пра́вительство, -а

Пра́вительство, -а – как *первое слово в офиц. названии, напр.:*

Пра́вительство Росси́йской Федера́ции, Пра́вительство Пско́вской о́бласти, Пра́вительство Чечёнской Респу́блики

Статьи «Русского орфографического словаря» и «Академоса»: **пра́вительство**, -а; **Пра́вительство Росси́йской Федера́ции.**

Источники официальных названий – конституции республик РФ, уставы (основные законы) других субъектов РФ, официальные документы.

Совет безопасности
**Совет Безопасности Российской Федерации (офиц.) и Совет
безопасности Российской Федерации
Совет Безопасности (в РФ, офиц.) и Совет безопасности (РФ)
Совет Безопасности ООН**

Статья «Русского орфографического словаря» и «Академоса»: **Совет безопасности** (*правительственное учреждение в ряде стран*), но: **Совет Безопасности ООН**.

Источники официального названия РФ – Конституция РФ, официальные документы; источники зарубежного названия – официальные документы, справочник Д. Э. Розенталя, БРЭ, БСЭ.

Написание *Совет Безопасности ООН* традиционное, давно закреплённое письменной практикой и словарями.

Газетный подкорпус НКРЯ: *Совет безопасности РФ / России – 1955 / 1637; Совет Безопасности РФ / России – 197 / 151; Совет безопасности ООН – 3288, Совет Безопасности ООН – 10 382.*

Список литературы

Академос: орфографический академический ресурс [Электронный ресурс] / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – URL: <https://orfo.ruslang.ru>.

Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://old.bigenc.ru>.

Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] : в 30-ти т. 3-е изд. – М. : Совет. энцикл., 1969–1986. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/130/index.htm>.

Иванова О. Е. Орфографическая кодификация и социальная динамика // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – Вып. 13. Культура русской речи. – М., 2017. С. 417–425.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru>.

Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Правила русской орфографии и пунктуации: полный академический справочник / Рос. акад. наук, Отделение ист.-филол. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; отв. ред. В. В. Лопатин. – М. : Эксмо, 2006. – 478 с.

Розенталь Д. Э. Прописная или строчная? : Словарь-справочник. – 5-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1989. – 350 с.

Русский орфографический словарь / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. – М.: Грамота, 2023. – XIII, 884 с.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА И ИМЕНА-ПАЛИМПСЕСТЫ:

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Н.В. Васильева

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

В статье предлагается взгляд на термины «прецедентное имя» и «имя-палимпсест» с позиций антропоцентрического терминоведения, для которого характерно особое внимание к употреблению терминов в тексте, позволяющее реконструировать реальные значения терминов и соотносить их с декларируемыми, например, в словарях. Терминами «прецедентное имя» и «имя-палимпсест» обозначаются схожие феномены; однако наблюдение над жизнью этих терминов в текстах позволяет говорить а) об их различном семантическом потенциале и б) о различной

фокализации, т.е. способности манифестировать точку зрения и/или специфицировать научное направление. К анализу также привлекается понятие терминологического ансамбля, которым обозначается совокупность семантически близких терминов.

Ключевые слова: прецедентное имя; имя-палимпсест; терминологический ансамбль; терминологическая фокализация; семантическая мощь термина

В настоящее время вряд ли найдется филолог, который не употреблял бы словосочетания *прецедентное имя*. Оно принадлежит к числу понятных без определения и, как показывает анализ текстов аннотаций и списков ключевых слов, часто используется в статусе так называемого зонтичного термина, т.е. специального выражения, «покрывающего» смыслы, передаваемые также другими схожими терминами. К ним относятся, в частности, термины *коннотативное имя* (*коннотоним*) и *аллюзивное имя*, а также относительно недавно появившееся выражение *имя-палимпсест*, или *палимпсестное имя*. Если первые два активно употребляются ономастологами, ср. [Крюкова, 2021; Крюкова и др., 202; Горнакова, 2008], то последний представляется нечастым гостем на страницах ономастических работ. Поэтому в данной статье предлагается сравнить термины *прецедентное имя* и *имя-палимпсест* по некоторому набору параметров, позволяющему выявить их смысловой потенциал и узуальные характеристики. К таким параметрам, ориентированным на употребление терминов, относятся следующие: 1) источник появления; 2) первичное значение; 3) когнитивный механизм; 4) приобретенные смыслы; 5) семантическая мощь (число других терминов, связанных с данным термином семантическими отношениями, см. [Васильева, 2023, с. 14]). Рассмотрим эти признаки последовательно для каждого термина.

1. Для термина *прецедентное имя* (ПИ) **источником** послужила теория прецедентности, восходящая, как известно, к трудам Юрия Николаевича Караулова [Караулов, 1987] и развитая впоследствии в работах Д.И. Гудкова и его коллег [Красных и др., 1997]. В основе этой концепции лежит понятие **когнитивной базы** – определенным образом структурированной совокупности знаний и представлений, которой обладают практически все члены того или иного лингвокультурного сообщества [Гудков, 1998, с. 83]. Эти представления хранятся в когнитивной базе в минимизированном, редуцированном виде как некоторые **инварианты восприятия** того или иного культурного явления.

Важно то, что ПИ находится в тесной связи с другими прецедентными феноменами – прецедентным текстом, прецедентным высказыванием и прецедентной ситуацией. Также важно, что первые исследования ПИ использовали методику психолингвистического эксперимента. Анкетирование, проведенное Д.Б. Гудковым и коллегами в 1998 г., объектом которого стали ПИ, позволило выявить инварианты восприятия, которым было дано название **национально детерминированное минимизированное представление** (НДМП). В индивидуальном когнитивном пространстве могут находиться, как пишет Д.Б. Гудков, «несколько представлений одного феномена, например, собственное представление индивида и то НДМП, которое содержится в когнитивной базе. Особо интересны для нас те случаи, когда эти представления резко различны» [Гудков, 1998, с. 86]. Пример, который приводит автор,

относится к имени *Сусанин*. Характеризуя Сусанина, один из респондентов пишет, что это *русский герой Смутного времени, ценой своей жизни спасший царя*, что соответствует энциклопедической информации. Однако в задании, предлагающем закончить предложение *Он назвал своего друга Сусаниным, потому что тот....* этот же человек пишет: *...завел его в лес, где они заблудились*. Еще более интересными являются свидетельства того, что инвариант восприятия (ср. *Колумб* как человек, открывающий что-то новое, или *Обломов* как лентяй) сохраняется у индивида даже при отсутствии энциклопедической информации о лице (например, один из респондентов отвечал, что *Колумб открыл Африку*, а *Обломов* – герой романа Тургенева) [Гудков, 1998, с. 87].

Таким образом, можно говорить об **автономности** НДМП относительно энциклопедической информации. Этот, на наш взгляд, очень важный тезис был в последующем десятилетии подтвержден анализом дискурса СМИ: на большом корпусе примеров было наглядно продемонстрировано, что именно такое, весьма далеко ушедшее от энциклопедической информации редуцированное представление является компонентом когнитивной базы наших современников [Нахимова, 2007] (подробнее об актуальных методиках анализа прецедентных имен в СМИ см. [Будаев, 2021]). **Первичное значение** термина *прецедентное имя*, которое до настоящего времени приводится в многочисленных работах, посвященных этому явлению, дается, как правило, по Д.Б. Гудкову. Следует отметить, что у этого исследователя значение ПИ формулируется с привлечением других видов прецедентных феноменов: это «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (*Обломов*, *Илья Муромец*), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Иван Сусанин*, *Павлик Морозов*)» [Гудков, 1998, с. 83]. Таким образом, **когнитивным механизмом**, обеспечивающим имени статус прецедентного, является **отсылка** к ситуации или тексту. Однако приведенная цитата имеет продолжение: «За каждым ПИ стоит инвариант восприятия того культурного предмета, на который указывает данное имя» [ibid.].

За прошедшие десятилетия именно эти концептуальные признаки прецедентного имени, а именно: отсылочный характер и инвариант восприятия – несколько побледнели. Салиентным признаком часто оказывается наличие набора коннотаций – сопутствующих значений различного характера, сопровождающих данную номинацию. Наш материал (личная база данных, включающая заглавия, аннотации и ключевые слова) – наряду с работами в русле «классической» концепции прецедентности – демонстрирует именно такое, несколько размытое, представление о ПИ. С одной стороны, авторы статей часто включают в состав ПИ просто все упоминаемые в анализируемых источниках имена собственные, в том числе и в денотативном употреблении. С другой стороны, наблюдается (и отчасти декларируется) тенденция расширения состава ПИ как класса за счет говорящих имен, эпонимов, образных сравнений, различных цитат и др.

Терминологически интересна в этой связи родовидовая атрибуция термина *прецедентное имя*. Так, в начале 2000-х он мог трактоваться как гипоним, ср. прецедентные и аллюзивные имена как виды «говорящих имен» в работе [Бардакова, 2009, с. 54]. Позже отмечается постепенное перемещение этого термина из гипонима в гипероним, и в последнее десятилетие, по нашим наблюдениям, прецедентное имя закрепилось в качестве нечеткого родового термина, а именно: в качестве термина-зонтика.

2. Выражение *имя-палимпсест*, или *палимпсестное имя*, пока еще находится на пути в лингвистическую ономастику. Однако есть надежда, что этот термин займет свое место в терминологическом аппарате двух её больших разделов: топонимики и литературной ономастики. **Источник** этого термина можно обозначить как полигуманитарный, потому что в основе его экспансии в самые разные сферы знания и поэтического творчества стало превращение в **концептуальную метафору** вполне предметного термина *палимпсест* (греч. *παλίμψηστον*, от *πάλις* ‘опять, вновь’ и *ψηστός* ‘соскобленный’) из области источниковедения и палеографии, первоначально означавшего, как известно, пергамент с рукописным текстом, нанесённым поверх ранее написанного и удалённого текста. «Просвечивающие» сквозь вновь написанное фрагменты старого текста и определили тот метафорический смысл, который палимпсест приобрел в различных социально-гуманитарных науках (библиография по этой проблеме заняла бы десятки страниц). Именно концентрация на «просвечивающих» слоях (смыслах, текстах, их иерархии) представляет собой **когнитивный механизм**, который обеспечивает определение явления как палимпсеста. О термине *топонимический палимпсест* с соответствующими отсылками мне уже доводилось писать в материалах предыдущей конференции [Васильева, 2023а]. Этот термин, используемый в областях, формально относящихся к географии (новая культурная география и критическая топонимика, см. работы С.Н. Басика, И.И. Митина и др.), представляется очень полезным для лингвистической топонимики, поскольку дает исследователю особую точку зрения на культурные ландшафты, на многие социономастические явления в топонимии с точки зрения их отражения в языковом сознании (например, сохранение в культурной памяти старых названий). Метафора «город как палимпсест», ср. [Митин, 2022], включающая исследования городской топонимии в широко трактуемую урбанистику, уже получает развитие в лингвистической ономастике, см. [Яник-Борецка, 2022].

Литературная ономастика, предметная аффилиация которой (лингвистика vs. литературоведение) решается разными исследователями по-разному, в своей литературоведческой ипостаси пользуется понятием *палимпсеста*, традиционно связываемого с Ж. Женеттом. Определение палимпсеста как «иерархии просвечивающих друг через друга текстов вплоть до главного – архитекта» [Шатин, 1997, с. 222] отражается и в понимании *палимпсестного имени* как производного от текста и репрезентирующего текст [Тюпа, 2014], [Михайлова, 2020]. Задачей и одновременно рабочим инструментом исследователя имен собственных в «палимпсестной парадигме» является

обнаружение палимпсестных связей, которые скрываются в используемых именах [Крюкова, 2021].

Подвести итог сопоставлению двух терминов – *прецедентное имя* и *палимпсестное имя* – поможет методика выявления терминологического окружения термина с помощью текстов аннотаций и ключевых слов, которая позволяет говорить о складывающихся *терминологический ансамблях*, репрезентирующих концептуальные поля, в которые включены исследуемые термины, и, соответственно, судить о той точке зрения, которая доминирует в исследовании (*концептуальная фокализация*). Термин *прецедентное имя* представлен в окружении следующих терминов-партнеров: *ономастическое пространство, семантическая аура имени, динамика коннотативных значений, коннотация, метафора, многозначность, сравнение, «говорящие» имена, аллюзивное имя, поэтоним, прецедентный знак, прецедентный визуальный феномен, ценностный эталон, символ культуры, поликодовый текст, политическая реклама, воплощенные имена, семантический перенос, прецедентный феномен; прецедентный антропоним; названия литературных произведений, поликодовый текст, массовая коммуникация, лингвоаксиология.*

Для термина *палимпсестное имя* (*имя-палимпсест, оним-палимпсест*) отмечено следующее окружение: *интертекст, интертекстуальная система персонажей, гибридный текст, культурная память, жанровая модель, семантическая «прозрачность», переименование, перевод.*

Таким образом, оба термина представляют собой схожие ономастические явления, при терминологизации которых были использованы разные когнитивные механизмы и которые по-разному описываются и располагаются (пока еще) в различных концептуальных пространствах. Но их объединяет свойство, за которое мы так любим и ценим нашу науку ономастику: уникальная способность хранить и передавать культурные смыслы и знания.

Список литературы

Бардакова В.В. «Говорящие имена» в детской литературе // Вопросы ономастики. – 2009. – № 7. – С. 48–56.

Будаев Э.В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования // Политическая лингвистика. – 2021. – № 3 (87). — С. 22–36.

Васильева Н.В. Материалы к словарю терминов литературной ономастики // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. – 2023. – № 2 (19). – С. 4–16.

Васильева Н.В. Метафорические термины в метаязыке ономастики // Ономастика Поволжья: материалы XXI международной научной конференции (Рязань, 3–5 октября 2023 г.) / под общ.ред. И. Н. Хрусталёва, В. И. Супруна. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2023а. – С. 26–30.

Горнакова Л.Ю. Специфика актуализации аллюзивного антропонима в художественном тексте // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: Сб. науч. ст. Вып. 5. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. – С.61–66.

Гудков Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В.Красных, А.И. Изотов. – Вып. 4. – М.: Филология, 1998. – С. 82–93.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9 (Филология). – 1997. – №3. – С. 62–75.

Крюкова Е.В. Палимпсестное имя как переводческая проблема (на материале произведений Т. Пратчетта) // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2021. – № 1. – С. 75–84.

Крюкова И. В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: методика коммуникативного описания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Филология и искусствоведение. – 2021. – № 2. – Р. 43–53.

Крюкова И. В., Врублевская О.В., Хвесько Т.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: особенности понимания и воспроизведения // Сибирский филологический журнал. – 2021. – № 3. – С. 177–190.

Митин И.И. Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2022. – № 1 (49). – С. 108–125.

Михайлова А. А. Палимпсестные имена и их роль в романе Гузель Яхиной «Дети мои» // Язык и репрезентация культурных кодов: Сб. статей X Всероссийской научной конференции молодых ученых. Ч. 2. – Самара: Инсома-пресс, 2020. – С. 54–57.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – 207 с.

Тюпа В.И. Палимпсестные имена // Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении / Под. ред. В.И. Тюпы. – М.: Intrada, 2014. – С. 281–287.

Шатин Ю.В. Минья и палимпсест // Ars interpretandi: Сб. статей к 75-летию Ю.Н. Чумакова. – Новосибирск, 1997. – С. 221–233.

Яник-Борецка К. Места-палимпсесты Санкт-Петербурга и их названия // Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города. – 2022. – 1 (2). – С. 142–156.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОНОМАСТИКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

Ю.Ю. Гордова

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

Ранее не обозначенные направления ономастики получают предварительное определение и описание для дальнейшей более глубокой разработки. Коммуникативная ономастика изучает место и роль собственных имен в процессе общения. Кинематографическая ономастика, противопоставленная литературной ономастике по ряду ключевых признаков, раскрывает значения и коннотации имен в фильмах. Ономастика технологий и искусственного интеллекта, андройдная ономастика отслеживают трансформацию имен в технологическом мире, разделяют имена человека и робота, прогнозируют рождение нового типа собственных имен у человекоподобных существ.

Ключевые слова: *информационная эпоха; коммуникация; кинематография; компьютерные технологии; андройды.*

Вступление человечества в новую информационную эпоху и создание прорывных информационно-коммуникационных технологий неизбежно приводят к изменению структуры научного знания и рождению новых научных направлений. Ономастика не может быть исключением. В данной работе описываются такие направления ономастики, которые появились в последние два десятилетия (2000–2024), либо которые могут быть оформлены как самостоятельные направления вследствие приобретения особой актуальности отдельных ономастических аспектов на фоне общего развития цивилизации: коммуникативная, кинематографическая и технологическая ономастика.

1. Коммуникативная ономастика (communicative onomastics)

Современная эпоха определяется как информационная и вместе с тем как коммуникационная: не только кратно увеличился объем производимой и потребляемой информации, но и изменилась, усилилась, приобрела особую, новую значимость коммуникация, которая теперь воспринимается как

важнейшая сфера человеческой жизнедеятельности. Причем значимыми стали не только процессы коммуникации, но и ее каналы, то есть способы, пути, по которым происходит взаимодействие между людьми и обмен информацией, именно поэтому часто можно встретить определение информационно-коммуникативный. В информационно-коммуникативных процессах особое место занимает система собственных (персональных, индивидуальных) имен, включающая личные имена, фамилии, прозвища, никнеймы людей, а по отношению к месту, пространству – географические наименования разных видов.

Общение всегда персонифицировано. Многие виды очной коммуникации предполагают знакомство и представление, а оно не обходится без имен. Интернет-коммуникация также предполагает знакомство через регистрацию и выбор имени. Важную мысль о значении личного имени при знакомстве высказывает один из героев кинофильма «Атлас» («Atlas», США, 2024 г., 37 минута): «Имя собственное воспринимается не так, как нарицательное. Собственное имя вызывает психологическую реакцию, создает эмоциональную связь». Именно такая связь создается в ходе развития истории между героями фильма, и такие связи образуются (или не образуются) при личном общении людей. Таким образом, имя выполняет не только идентифицирующую функцию – отличать одного индивидуума от другого, но и психоэмоциональную.

Безусловно, имя в аспекте коммуникации (виды, типы современных имен, используемых в общении, их роль, стандарты, этикет, коннотации, психологическое восприятие, сознательное / бессознательное воздействие и прочие аспекты) требует особого изучения, в связи с чем *коммуникативная ономастика* может быть представлена и описана как отдельное, самостоятельное направление. Такое изучение может принести много новых открытий как в части самой сути имени как феномена, так и в части практических разработок и рекомендаций, имеющих в современном мире огромную востребованность.

2. Кинематографическая ономастика (cinema-onomastics, cinematic onomastics)

Кинематограф отражает жизнь, моделируя на экране различные ситуации, как реальные, так и нереальные, воплощая через систему образов идеи, значимые в данный момент. Как и художественные произведения, продукты кинематографии обладают собственными характеристиками, отличаясь от произведений литературы прежде всего визуализацией текста, наличием движения, цвета, звука. И если литературная ономастика уже давно является самостоятельным направлением ономастики, то кинематографическая ономастика пока не обозначена как отдельное направление, хотя, безусловно, таковым является.

Значение киноиндустрии в последнее время сильно выросло, о чем свидетельствует хотя бы факт появления не просто фильмов или сериалов, а целых Вселенных экранизированных историй: Вселенная «Ходячих мертвецов», Вселенная «Властелина колец», Вселенная «Чужого» и т.д.

Каждый культовый фильм рождает свой мир, свой круг поклонников, фанатов, аналитиков. Имена героев и локаций этих миров также представляют собой отдельную область исследования, можно сказать, что, будучи озвученными в фильме, они начинают жить своей жизнью, вызывают стойкие ассоциации с конкретным фильмом, с конкретной историей: Людмила Прокофьевна Калугина и Анатолий Ефремович Новосельцев («Служебный роман»), Чужие (внеземная форма жизни, «Чужой»), хоббит Фродо Бэггинс, волшебник Гэндальф, черный властелин Саурон, существо Голлум («Властелин колец»), название спутника планеты Пандора («Аватар»), Титаник («Титаник», имя уже больше ассоциируется с фильмом, нежели с погибшим пароходом). В научной литературе эти онимы иногда рассматриваются как фильмонимы, но разработка кинематографической ономастики как самостоятельного направления – со своим объектом, предметом, целями и задачами, методикой исследования, вскрытием разных пластов заложенных в именах смыслов и ассоциаций – еще не начата.

У кинематографической и литературной ономастики, безусловно, есть много общего, но есть и существенные различия, которые могут быть описаны именно в сопоставлении двух направлений. В основе многих фильмов (но не всех) лежат именно художественные произведения. Более того, любая экранизация сильно влияет на интерес к книге, удачная кинопремьера часто вдохновляет автора на создание продолжения своей истории. И, наоборот, некоторые книги пишутся на основе вышедших фильмов. Но мультимедийность кинематографии сильно влияет на восприятие созданных миров, историй, героев, имен и локаций, что требует их более пристального и системного изучения.

3. Ономастика технологий и искусственного интеллекта, андроидная ономастика (onomastics of technology and artificial intelligence, android onomastics)

Новая область исследований связана с компьютерными технологиями, в том числе использующими искусственный интеллект (ИИ). Она включает в себя систему имен компьютерных программ и человекоподобных операционных систем (Android), виртуальных ассистентов, антропоморфных роботов (производственных, бытовых, боевых), в том числе оснащенных искусственным интеллектом, также может включать именную систему научной и кинематографической фантастики, связанной с ИИ, в связи с оперативной разработкой и быстрым проникновением в реальную жизнь показанных в фильмах и описанных в книгах технологий.

Созданные человекоподобные системы используют и антропоподобную систему имен. Однако эти имена мы уже не можем называть антропонимами, так как, согласно классическому определению, *антропонимы* – это имена людей, а продукты технологических разработок таковыми не являются. Это рождает необходимость введения нового термина для определения имен, которые носят антропоморфные машины, наделенные «разумом». По аналогии с уже имеющимися терминами ономастики (имена животных – *зоонимы*, имена

небесных тел – *космонимы*), в этом качестве можно было бы использовать термины *роботоним*, *андроидоним*.

В книгах и фильмах часто можно встретить сцены, в которых отстаивается право андроидов иметь собственные имена на основании наличия у них «разума» или, на современном этапе, ИИ. Объясняется, что наличие имени у робота позволяет создавать комфортный и привычный мир пользователя. Так, например, в фильме «Чужой: Завет» («*Alien: Covenant*», США, 2017) робот-андроид, высаживаясь вместе с людьми на неизвестную планету, также надевает защитный скафандр, отвечая на недоуменный вопрос людей, зачем он это делает, следующим образом: «Если я буду без скафандра, это будет вызывать у вас нервозность». Так и имена роботов, отличные от именной системы людей, тоже создают преграду для восприятия андроида как помощника человека, ему подобного.

Анализ имен популярных сегодня виртуальных ассистентов (голосовых помощников) доказывает это. Начнем с того, что таких помощников разработали все крупнейшие технологические компании мира. И почти все они получили «человеческие» имена. Виртуальный голосовой помощник компании Яндекс носит имя Алиса. Алиса умеет распознавать речь, вести диалог, отвечать на вопросы, решать практические задачи. Аудитория Алисы за месяц (по состоянию на 2024 г.) составляет 77 млн. человек [Ежемесячная аудитория...], за 4 года она увеличилась в 1,7 раза [Алексей Швек]. В 2018 г. был запущен ассистент компании Mail.ru Group (позднее VK) по имени *Маруся*, на платформе Android работает *Ассистент Дуня*, известны также помощники с именами *Alexa* (Amazon) и *Cortana* (Microsoft, по имени героини игры Halo) [Алексей Швек]. Компанией «Сбер» разработаны 3 ассистента, два из которых – *Джой* и *Афина*, как и все вышеперечисленные помощники, говорят женским голосом и соответственно носят женские имена. Однако известен и ассистент-«мужчина» по имени *Олег*, созданный банком «Тинькофф» (по имени основателя). Имя третьего помощника «Сбера», говорящего также мужским голосом, уже не восходит к антропонимам – его зовут *Сбер*. Голосовой помощник компании Apple носит имя Сири / *Siri*, которое является не антропонимом, а аббревиатурой словосочетания *Speech Interpretation and Recognition Interface* (интерфейс для интерпретации и распознавания речи). И лишь ассистент компании Google не имеет «имени», а называется просто Ассистент.

Таким образом, сегодня можно констатировать наличие имен у искусственных существ – роботов-андроидов, голосовых ассистентов. Наличие имен объясняется антропоморфностью машин, то есть их созданием по образу и подобию людей, наделением их качествами людей. В будущем, по мере все большего проникновения систем с ИИ во все сферы жизни, возможно появление у антропоморфных существ собственной именной системы, уже противопоставленной именной системе людей. Зачатки этого процесса мы видим на примере оригинальных андроидных имен типа *Siri*. Такое ономастическое противопоставление напрямую связано с проблемой различия человека и нечеловека. Уже сегодня в сети можно встретить ключи

доступа к ресурсам, содержащие вопросы с пояснениями типа: «Этот вопрос задается для того, чтобы выяснить, являетесь ли Вы человеком или роботом», «Нам важно знать, что вы не робот», «Выберите картинки (с лестницей, велосипедом...), если вы не робот», или иконку «Я не робот», на которую нужно нажать пользователю в случае, если он человек.

Новые направления ономастики: коммуникативная, кинематографическая, андроидная и другие, которые пока, быть может, еще не обозначены, свидетельствуют о развитии социума и современной цивилизации, фиксируют основные векторы ее развития. Наука не может игнорировать происходящие социальные, культурные и технологические процессы, оказывающие воздействие, в том числе, и на мир собственных имен.

Список литературы (электронные ресурсы)

Ежемесячная аудитория голосового помощника «Алиса» составляет 77 млн. человек – «Яндекс» [Электронный ресурс] // URL: <https://mfd.ru/news/view/?id=2615756&ysclid=lz9wmwv6ln57924441> (дата обращения: 05.05. 2024).

Алексей Швек. 10 главных умных помощников в 2022 году: голосовые помощники на русском языке и не только [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mvideo.ru/blog/pomogaem-razobratsya/10-glavnyh-umnyh-pomoschnikov?ysclid=lz9wijd5xk836414189> (дата обращения: 05.05. 2024).

ТЕРМИНОГНЕЗДО ЭПОНИМА АБЕЛЬ В ЯЗЫКЕ МАТЕМАТИКИ

Н.И. Данилина¹, Ю.В. Шевцова²

¹*Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского*

²*Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)*

На материале математических терминов и предтерминов, образованных от имени норвежского математика Н.Х. Абеля, выявлен ряд свойств, характерных для данной лексической группы. Основные синтаксические модели: с эпонимом-существительным; с эпонимом-прилагательным. Базовыми эпонимическими терминами выступают полилексемные, монолексемные являются их семантическими производными. Деривационный потенциал терминов разных моделей различен. Эпоним-прилагательное способен развивать качественные элементы семантики, что сказывается на его деривационном потенциале. Термины с общим эпонимом могут быть представлены в виде гнезда, упорядоченного в соответствии с мотивационными (понятийными) отношениями между его членами. Вершиной гнезда и формальной производящей базой для его членов всегда выступает имя собственное.

Ключевые слова: *эпонимический термин, терминообразование, мотивация, терминогнездо, полилексемный термин.*

Нельзя сказать, что эпонимические термины обойдены вниманием лингвистов: существует обширная литература по данной теме. В то же время нельзя не отметить и двух важных моментов: объектом исследований чаще других становятся медицинские термины, акцент делается на культурологической составляющей, т.е. на персоналиях, связанных с каждым из терминов. Исключение составляет работа [Какзанова, 2011], выполненная на материале немецкого языка, где наряду с медицинскими подробно рассматриваются математические эпонимы и дается список структурных моделей эпонимических терминов.

Русская математическая терминология, насколько нам известно, на предмет эпонимии не исследовалась. Между тем даже при беглом знакомстве с эпонимическими математическими терминами обращает на себя внимание многократное (большее, чем в медицине) использование одного антропонима для номинации разных объектов, что побуждает подробнее проанализировать термины данного типа именно в математике. В нашем исследовании особенности эпонимии в русской математической терминологии будут продемонстрированы на примере эпонимических терминов, образованных от фамилии Абель.

Нильс Хенрик Абель (1802–1829) – выдающийся норвежский математик, за свою короткую жизнь сделавший ряд фундаментальных открытий в алгебре, математическом анализе и теории функций [Боголюбов, 1983, с. 6–7]. Жизнь ученого сложилась трагически: рано потерявший отца, он вынужден был содержать многочисленных братьев и сестер, постоянно нуждаясь в средствах к существованию. основополагающие исследования Абеля при жизни остались практически незамеченными, и он зарабатывал частными уроками. Лишь в 1828 г. в результате ходатайства французских математиков перед королем Норвегии Абель получил должность преподавателя в университете и инженерной школе в Осло, а также был избран членом Королевского общества Норвегии. В 1830 году Парижская академия наук присудила Н.Х. Абелю (посмертно) и немецкому математику К.Г. Якоби премию за развитие теории эллиптических функций. В настоящее время имя Абеля носит большое количество математических понятий. В 2002 году правительство Норвегии в честь 200-летнего юбилея ученого учредило Абелевскую премию, которая ежегодно присуждается выдающимся математикам и является одной из самых престижных наград, сопоставимых по значимости с Нобелевской премией.

В математических энциклопедических и терминологических словарях (т.е. в сфере фиксации) мы обнаружили 22 эпонимических термина, образованных от фамилии Абеля [Математическая энциклопедия, 1984; Ловатер, 1990; Драгнев, 1994]. В сфере употребления подобных лексических единиц значительно больше, в чем несложно убедиться путем запросов в поисковиках Google или Yandex или способом поиска по ключевым словам на портале e-library.

Первые такие термины были введены после смерти Абеля его коллегой и соперником в исследованиях эллиптических интегралов К.Г. Якоби. Отвергая в рецензии на работу А.М. Лежандра, введенное им название «ультраэллиптические функции», Якоби предложил назвать их *абелевыми трансцендентностями*, «поскольку именно Абель впервые ввел их в анализ», а связанную с ними теорему *теоремой Абеля*, «так как она является блестящим свидетельством исключительной проницательности покойного ученого» [Оре, 1961, с. 297]. В письме к Лежандру от 27 мая 1832 года Якоби позднее объяснил, что он «попытался подчеркнуть бессмертные заслуги геометра, который помимо многочисленных и важных открытий, обогативших науку, славными трудами своей жизни создал две великие и обширные дисциплины, которые отныне будут являться альфой и омегой всякого математического

исследования»[Jacobi, 1881, с. 458]. В дальнейшем за абелевыми трансцендентностями закрепилось название *абелевы функции*.

Разумеется, не все приводимые нами далее эпонимические единицы следует относить к терминам; многие находятся еще на пути к терминологизации и представляет собой широко употребительные предтермины, закрепление которых в словарях – вопрос времени. Впрочем, для нашего исследования этот аспект не имеет принципиального значения. Наша задача – структурировать полученную лексическую группу.

Если представить «абелевские» термины как гнездо, подобное словообразовательному, то вершиной будет фамилия *Абель*, а большинство терминов, фиксируемых словарями, можно считать производными первой ступени. Эти термины полилексемны и построены по одной из двух синтаксических моделей: 1) *Абеля* + родовой термин-существительное (*Абеля уравнение, Абеля преобразование* и т.д.); 2) *абелев* + родовой термин-существительное (*абелева группа, абелев интеграл* и т.д.).

Терминов с эпонимом-существительным словаря фиксируют десять; все они носят меморативный характер. Большинство соответствующих математических денотатов появились в трудах самого Абеля и послужило поводом для создания в дальнейшем эпонимических терминов: *Абеля дифференциальное уравнение, Абеля задача, Абеля интегральное уравнение, Абеля преобразование, Абеля теорема* (четыре теоремы), *Абеля признак* (два признака), *Абеля-Гончарова проблема*.

Термины с эпонимом-существительным имеют слабый деривационный потенциал. Вместе с тем они способны порождать как монологемные термины, так и полилексемные, построенные по обоим названным моделям. С точки зрения формы производящей базой выступает имя собственное, в семантическом аспекте мотиватором служит полилексемный эпонимический термин первой ступени. Пара с монологемным производным: *интегральное уравнение Абеля* → *абелизация* ‘нахождение решения интегрального уравнения Абеля’. Пара с производным, содержащим эпоним-прилагательное: *интегральное уравнение Абеля* → *неабелево уравнение* ‘уравнение, не являющееся уравнением Абеля’. Цепочки с производными, содержащими эпоним-существительное: *теорема Абеля о непрерывности суммы степенного ряда* → *Абеля метод суммирования* → *Абеля – Пуассона метод суммирования* (син. *суммирование по Абелю*) ‘Абеля метод суммирования, примененный к рядам Фурье’; *Абеля преобразование* → *Абеля неравенство* (доказывается с помощью преобразования Абеля), *дискретное Абеля преобразование*, оно же *тождество Абеля*.

Отношения в группе терминов с эпонимом-прилагательным интереснее и разнообразнее. Производных первой ступени среди них немного. Это *абелев интеграл, абелева функция* (исследованы самим Абелем), *абелев дифференциал, абелева группа* (см. далее), *абелев многочлен*.

При решении вопроса о направлении производности следует обратить внимание на наличие случаев, подобных обратной деривации в общепотребительном языке, т.е. расхождений между реальным производством

термина и современной трактовкой отношения понятий в соответствующей паре. Один из таких примеров связан с термином *абелева группа*. Французский математик Камиль Жордан в работе «*Traité des substitutions et des équations algébrique*» пишет, что Шарль Эрмит занимался проблемой, связанной с преобразованием абелевых функций. Рассматривая связанные с этими исследованиями подстановки, Жордан замечает, что они образуют группу, которую он и называет тогда *абелевой* [Jordan, 1870, с. 171–172]. При этом общепризнанно, что Жордан хотел увековечить имя норвежского ученого за его вклад в становление теории групп. В современном изложении соответствующего материала отношения между понятиями *абелева функция* и *абелева группа* оказываются обратными: *теория абелевых функций может рассматриваться как область применения методов абелевых групп* [Маркушевич, 1979]. Другой пример – определение *абелевой функции* как функции на *абелевом многообразии*, хотя в действительности термин *абелево многообразие* был введен при изучении *абелевых функций*.

Производные с эпонимом-прилагательным обладают высоким деривационным потенциалом, порождая многочисленные производные последующих ступеней, как монолексемные, так и полилексемные, построенные по синтаксической модели с эпонимом-прилагательным. Примеры порождения полилексемных терминов непервой ступени: 1) *абелево многообразие* ‘проективное алгебраическое многообразие, являющееся алгебраической группой’ → *абелева схема* ‘схема, слои которой являются абелевыми многообразиями’, *абелева поверхность* ‘двумерное абелево многообразие’; *абелевы числа* → *абелевы корни многочлена* ‘корни многочлена, являющиеся абелевыми числами’; 2) *абелева группа* (син. *коммутативная группа*) ‘группа, в которой результат применения групповой операции к двум элементам группы не зависит от порядка, в котором они записаны’ → *абелева категория* ‘категория, обладающая рядом характерных свойств всех абелевых групп’, *неабелева группа*.

Обратим внимание на необычный для терминологии процесс: притяжательное прилагательное в составе термина *абелева группа* перенимает качественное значение своего синонима ‘коммутативный’, и может использоваться в этом значении не только в терминах, понятийно производных от термина *абелева группа*, но и вне этой связи, причем не только в математике, но и в физике. Примеры из математики (10): *абелев моноид*, *абелева луна*, *абелев нормальный делитель*, *абелево кольцо*, *абелево ядро*, *абелев фактор*, *абелев группоид*, *абелева полугруппа* (понятие, не определяемое через *абелеву группу*), *абелев коммутант* → *метаабелева группа* ‘группа, коммутант которой абелев’. Примеры из физики: *абелево калибровочное поле* → *неабелева теория поля*, *абелева модель Хиггса* → *неабелева модель твердой материи*. Значение ‘коммутативный’ у прилагательного *абелев* фиксируют и двуязычные словари математических терминов.

Термин *абелева группа* развивает качественные элементы значения даже в контекстах, не связанных с понятием коммутативности, что делает возможным порождение монолексемных аффиксальных и полуаффиксальных производных.

В работах по теории групп находим производные, мотивированные термином *абелева группа*: *абелевость*, *неабелевость*, *псевдоабелев*, *полуабелев*, *квазиабелев*. Показательно, что эти образования носят отнюдь не окказиональный характер. Так, существительное *абелевость* фиксирует [Ловатер, 1990]; поиск по ключевым словам на портале e-library дал следующую статистику: *неабелевость* – 78, *псевдоабелев* – по 606 публикаций, *полуабелев* – 85, *квазиабелев* – 13.

Качественное значение прилагательного *абелев* позволяет использовать его в роли терминообразующего форманта в полилексемных терминах, см. вышеприведенные примеры. Как формант прилагательное *абелев* может вводиться в другие эпонимические термины, в результате чего формируются полилексемные термины, содержащие несколько эпонимов: *алгебра Ли* → *абелева алгебра Ли* → *почти абелева алгебра Ли*.

Один эпонимический термин может определяться через другой: *проблема обращения Якоби* – это проблема обращения *абелевых интегралов* первого рода. Интересен и такой пример, где один эпонимический термин определяется через два других: *неабелева дедекиндова группа* называется *гамильтоновой группой*.

Отдельно следует рассмотреть эпонимические процессуальные существительные *абелизация* и *абелианизация*. Существительные с формантом *-изация* в русском языке являются преимущественно отглагольными, однако не исключено также их образование непосредственно от слов других частей речи или, напротив, образование глаголов от существительных на *-изация*. Немногочисленные случаи деривации от имен собственных демонстрируют как раз неглагольные производящие базы процессуальных существительных. Примеры цепочек с эпонимическими процессуальными существительными: *Пастер* → *пастеризация* → *пастеризовать*, *Гальвани* → *гальванический ток* → *гальванизация* → *гальванизировать*. Как можно заметить, в данной модели в качестве производящей базы для процессуальных существительных используется основа имени собственного. С этой точки зрения норме русского словообразования отвечает существительное *абелизация*: *Абель* → *абелизация*. Данный термин используется преимущественно в значении ‘решение уравнения Абеля’ [Кузнецов, Щеглов, 1979], т.е. мотивируется термином *уравнение Абеля*, и редко в работах по теории групп [Шварцман, 2009], где мотивируется термином *абелева группа*. Однако термин *абелианизация* также является устоявшимся в математике, причем исключительно в значении ‘способ превратить произвольную группу в абелеву’, т.е. для него мотивация термином *абелева группа* является единственной. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с образованием от заимствованной основы *абелиан-*, т.к. в английском и французском языках притяжательное прилагательное *абелев* содержит латинский по происхождению суффикс *-an (abelian)*. Отметим также дериваты от рассмотренных существительных: *абелизировать* (1 пример на e-library), *абелианизатор*.

Наконец, нельзя не упомянуть один случай, не вписывающийся в систему моделей образования ни монолексемных, ни полилексемных терминов. Он мог

бы быть назван примером «ассоциативного терминообразования». Мы имеем в виду термин *каинова группа*, содержащий отсылку к дофамильному, библейскому значению имени собственного Абель (в оригинальном написании Abel), в русской транскрипции традиционно передаваемого как Авель. Термин предложен советскими математиками А.Д. Вентцелем и В.Я. Лином в 1970-х годах [Лин, 1979] и закреплен в учебниках [Постников, 1982, с. 414]; определяется следующим образом: группа называется каиновой, если тривиальна ее абелианизация.

Подведем итоги. На примере терминов, образованных от фамилии знаменитого норвежского математика Н.Х. Абеля, нам удалось выявить некоторые свойства эпонимических терминов в языке математики. Эпонимические термины являются преимущественно полилексемными и строятся по одной из двух базовых синтаксических моделей: с эпонимом-существительным или с эпонимом-прилагательным. Эпонимические термины, построенные по разным моделям, обладают разным деривационным потенциалом. Эпоним в форме притяжательного прилагательного может развивать в своем значении качественные элементы, что сказывается на особенностях дальнейшего терминообразования. Монолексемные эпонимические термины, будучи формально произведенными непосредственно от имени собственного, семантически мотивируются полилексемными. Группа терминов, имеющих общий эпоним, может быть представлена в виде гнезда, подобного словообразовательному. Вершиной терминогнезда и формальной производящей базой для эпонимических терминов всегда выступает имя собственное. Структуризация гнезда может быть произведена установлением отношений понятийной мотивации между терминами, в том числе полилексемными.

Список литературы

- Jacobi C.G. Gesammelte werke. – Berlin, 1881. – 546 S.
- Jordan C. Traité des substitutions et des équations algébriques. – Paris: Gauthier-Villars, 1870. – 667 p.
- Боголюбов А.Н. Математики. Механики: Биографический справочник. – Киев: Наукова думка, 1983. – 639 с.
- Драгнев М.В. Французско-русский математический словарь. – М.: Руссо; Русский язык, 1994. – 524 с.
- Какзанова Е.М. Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса (на материале математических и медицинских терминов-эпонимов): автореф. дис. ... д.филол.н. – М., 2011. – 46 с.
- Кузнецов Э.И., Щеглов Д.А. Методы диагностики высокотемпературной плазмы. – М.: Атомиздат, 1974. – 160 с.
- Лин В. Я. Косы Артина и связанные с ними группы и пространства // Итоги науки и техники. Сер. Алгебра. Топология. Геометрия. – 1979. – Т. 17. – С. 159–227.
- Ловатер А. Дж. Русско-английский словарь по математическим наукам. – М.: Внешторгиздат, 1990. – 342 с.
- Маркушевич А.И. Введение в классическую теорию абелевых функций. – М.: Наука, 1979. – 240 с.
- Математическая энциклопедия / гл. ред. И.М. Виноградов. – М.: Советская энциклопедия, 1984.

Оре О. Замечательный математик Нильс Хенрик Абель. – М.: Физматгиз, 1961. – 344

с.

Постников М. М. Лекции по геометрии. Семестр 5: Группы и алгебры Ли. – М.: Наука, 1982. – 447 с.

Шварцман О.В. Кручение в абелизации группы Торелли t как $sp(z_2)$ -модуль // Математические заметки. – 2009. – Т. 86. № 3. – С. 478–480.

О ПРЕЦЕДЕНТНОМ АНТРОПОНИМЕ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ БЫСТРОВ

Т.В. Демидович

Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский Университет)

(Москва, Россия)

Статья посвящена жизни и работе известного врача, анатома, гистолога, палеонтолога, художника, поэта, доктора биологических наук, профессора Алексея Петровича Быстрова. В работе приводятся цитаты из воспоминаний самого Быстрова, а также его родственников, коллег, курсантов. Алексей Петрович прожил интересную, насыщенную жизнь, оставил после себя внушительный архив рисунков, литературных произведений, статей, работ. Образ врача навсегда остался запечатлен на страницах книг И.А. Ефремова, Е.Л. Баренбойма и др. Имя ученого навечно вписано в короткую, но яркую историю существования Военно-морской медицинской академии.

Ключевые слова: антропоним; прецедентный антропоним; Алексей Петрович Быстров; Иван Антонович Ефремов; Военно-морская медицинская академия.

В статье предпринята попытка провести лингвокультурологическое исследование антропонима *Алексей Петрович Быстров*, который, на наш взгляд, является прецедентным именем русской и российской культуры и науки. Данное имя представляет собой значимую единицу национальной картины мира и реализуется в языке разнообразными вариантами вербализации. Оно не просто обозначает конкретную личность, но является, своего рода, национальным символом определенной эпохи, конкретных исторических событий.

Алексей Петрович Быстров родился в семье сельского священника и школьной учительницы. По семейной традиции он должен был получить духовное образование и стать церковнослужителем, но судьба распорядилась иначе. В 1921 г. А. Быстров поступил в Военно-медицинскую академию (ВМА) в Петрограде, где прослушал курс лекций академика И.П. Павлова и успешно сдал экзамен. Свои впечатления о студенческой жизни Быстров описал в воспоминаниях «Ното sum» [Быстров, 2013].

С 1929 года ученый работал на кафедре нормальной анатомии в Военно-медицинской академии. Ведя практические занятия со студентами, Быстров до позднего вечера пропадал в анатомичке: «Череп в нашей квартире стояли везде: на письменных столах, на полках между книг, на подоконниках, а особенно ценные экземпляры заполняли полки переоборудованного для этих целей большого платяного шкафа» [Исси]. Есть большая вероятность, что именно работа с черепами привела Быстрова в палеонтологию. Ко всему прочему, Алексей Петрович прекрасно знал латынь, читал подлинники на латыни, и прилично знал английский язык.

А.П. Быстров был прекрасным диагностом и врачом. Будучи студентом старших курсов, он вы́ходил умирающую от туберкулеза девушку, ставшую впоследствии его женой. Выздоровление безнадежно больной, которую и врачи, и все окружающие считали обреченной, привело к тому, что «туберкулезные больные нашего большого дома стали лечиться у дяди. До войны каждое воскресенье он кого-то выслушивал, выстукивал, давал дальнейшие рекомендации по лечению болезни. И надо сказать, что у всех, кого лечил дядя и кто придерживался его советов, наступало улучшение. Возможно, что большую роль здесь играла вера больных в своего врача» [Исси]. Надо сказать, что Алексей Петрович всегда очень серьезно относился к морально-этическому кодексу врача.

Превыше всех других наук А.П. Быстров ставил анатомию. Ученый справедливо считал, что невозможно стать хорошим врачом, не зная анатомии. Ирма Викторовна Исси хорошо помнила один из его диагностических приемов, применявшийся Алексеем Петровичем при поиске причин нездоровья пациента: «Он ставил больного спиной к себе, предлагал ему немного согнуться, затем, прощупывая весь позвоночник от шеи до копчика и следя за реакцией пациента на нажатие межпозвоночных участков, приговаривал: "А это у Вас печень пошаливает, это – левая почка, а ниже все в порядке..."» [Исси].

Научные интересы Быстрова из области анатомии человека постепенно переместились в палеонтологию позвоночных. Еще в период учебы в ВМА А.П. Быстров написал и опубликовал в журналах «Искра» и «Искра науки» несколько популярных статей, которые иллюстрировал своими рисунками. Способности к рисованию были у него наследственными. А.П. Быстров, будучи самоучкой, не боялся по несколько раз переписывать свои рукописи, перерисовывать, написанные тушью, рисунки. «Некоторые рисунки имеют не подсобное, а самостоятельное значение: произведения графического искусства, обладающие главным качеством этого искусства, – чувством живой линии. Линейный язык Быстрова-художника, отточенный многолетней практикой, уверенный и свободный. Легким уверенным росчерком изображает он и фигуры животных в сложных ракурсах, например, саблезубых тигров в статье, посвященной этим ископаемым животным» [Береснева, 2017, с. 104]. Все рисунки в знаменитом двухтомном учебнике по анатомии В.Н. Тонкова были сделаны его рукой.

На занятиях по анатомии, уже будучи преподавателем, Быстров парой штрихов изображал разные выражения на лице человека, и курсантам надо было ответить – какие мышцы напряжены. При изучении гортани он изображал, как она выглядит у южноамериканских обезьян. Он объяснял и показывал, чем и почему, позвонок селедки отличается от человеческого. Успевающим курсантам он из-под стола доставал и подбрасывал вверх косточку, а потом ловил её и спрашивал название. Малые кости пясти, запястья, плюсны и предплюсны он помещал в мешочек и надо было определить их на ощупь. Он мог показать направление пули, которая прошла сквозь организм, и надо было последовательно перечислить проходимые ею органы и ткани,

рассказывая их гистологию. Алексей Петрович был учителем от Бога, ученики помнили его всю жизнь.

В 1935 году за ряд статей Быстрову была присвоена степень кандидата медицинских наук без защиты диссертации, а в 1937 г. он оставил ВМА и переехал в Москву, где работал старшим научным сотрудником отдела низших позвоночных. В это время заведующим данного отдела был И.А. Ефремов. Вместе они выполнили работу «Бентозухус. Лабиринтодонт из эотриаса р. Шарженги», которая в 1945 г. была удостоена премии им. акад. А. Борисьяка. А.П. Быстров и И.А. Ефремов были не только коллегами, но и друзьями, и много лет после ухода А.П. Быстрова из института их связывала многолетняя переписка.

Колоритный портрет Алексея Петровича Быстрова дан И.А. Ефремовым в романе «Звездные корабли», где он выведен под именем Алексея Петровича Шатрова: «Вошедший снял старый военный плащ, вытер платком лицо, пригладил свои легкие светлые волосы, сильно поредевшие на темени <...> Необычайно ясные глаза Шатрова блестели под густыми бровями. Высокий лоб мыслителя, квадратные челюсти и резко очерченные ноздри усиливали общее впечатление незаурядной умственной силы, придавая профессору черты фанатика» [Ефремов, 1987, 3, с. 324]. Помимо внешности Быстрова Ефремов передал главному герою и любимые увлечения Алексея Петровича: «Прекрасный художник-самоучка, он всегда находил успокоение в рисовании. Но сейчас даже хитро задуманная композиция не помогла ему справиться с нервным возбуждением. Шатров захлопнул альбом, вышел из-за стола и достал пачку истрепанных нот. Вскоре старенькая фисгармония заполнила комнату певучими звуками брамсовского интермеццо. Играл Шатров плохо и редко, но всегда смело брался за трудные для исполнения вещи, так как играл только наедине с самим собой» [Ефремов, 1987, 3, с. 325–326]. От Алексея Петровича достались главному герою и род деятельности, и одержимость наукой. Шатров в повести Ефремова – палеонтолог, поэтому неудивительно, что даже подбитый танк напоминает ему череп: «Танк показался Шатрову похожим на огромный исковерканный череп, зияющий черными дырами больших проломов. Броня, погнутая, закругленная и оплавленная, багровела кровоподтеками ржавчины» [Ефремов, 1987, 3, с. 328]. Отмечается также в романе, что почерк у Шатрова был «ровный, крупный, удивительно четкий» [Ефремов, 1987, 3, с. 380]. Несомненно, что на художественное воплощение образа Алексея Петровича оказали влияние многочисленные свидетельства и воспоминания его племянницы, Ирмы Викторовны Исси, и коллег, а ум, эрудиция и смелость стали основными его характеристиками в беллетристике. Фигура Быстрова выведена и в романе Е.Л. Баренбойма «Доктора флота».

В 1939 году А.П. Быстров вернулся в Ленинград на кафедру нормальной анатомии Военно-морской медицинской академии. Его избрали профессором кафедры, но палеонтологические исследования ученый не прекратил. В 1940 году Быстров защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора наук. Как уже было сказано выше, курсанты «профессора Алексея Петровича Быстрова просто любили. Маленький, лысый, он смотрел на нас в упор

большими, очень живыми глазами и объяснял все просто и вразумительно. Объяснит и спросит: – До-о-ошло? <...> Одним-двумя штрихами менял выражение изображенного человеческого лица и при этом пояснял: сейчас включена такая-то мышца, а вот теперь... Кто скажет, какая?» [Соколовский 1990: 82].

Обладал А.П. Быстров и внушительными литературными способностями:

«Нулей» несчастных все пугали.
Но вот и бывший «нуль» у Гали
Берет халат, пинцет и кость –
Для нас и «нуль» – желанный гость.
И он твердит: «Externus, extra,
Foramen, magnum, costra, dextra,
Fissura, succus, tuber, os,
Processus, rossa, sinostos».
Все эти crista, cauda, gala –
Названий триста – правда, Галя?
Мы разве твердо знать должны?
Зачем? Кому они нужны?
В углу стоит большая ванна.
Курсанты ждут, когда Сусанна,
Работник точный, как устав,
Из этой ванны даст сустав.
И снова слышно: «Stratum, cavum,
Membrana, bursa, rubrum, flavum,
Три связки: вправо, влево, вкось,
Одна, другая, третья ось...»
Хоть все изложено толково
В большом учебнике Тонкова,
Но, право, нужно много лет,
Чтоб все понять и знать скелет.
Запомнить эти os lunatum,
Trochanter major, os hamatum
И сотни связок с разных мест...

А *vita nostra brevis est...*» [Следы, 1990, с. 12–14]. Сохранилось около 75 его стихотворений.

Вскоре после начала блокады Ленинграда, академии пришлось эвакуироваться: частые воздушные тревоги, бомбежки, артобстрелы и голод не давали курсантам возможности заниматься. Учебный процесс становился нереальным. В конце ноября, как только установился прочный лёд на Ладожском озере, Военно-морская медицинская академия приступила к эвакуации преподавательского состава и курсантов младших курсов по льду озера.

В военные годы Алексей Петрович продолжил свою научную (исследовал порядка 4,5 тысяч человеческих черепов) и хирургическую деятельность. В феврале 1943 года ему присвоили звание подполковника медицинской службы. После окончания войны Алексей Петрович вернулся в Ленинград на должность заведующего кафедрой палеонтологии ЛГУ, читал курс лекций по палеонтологии студентам геолого-почвенного факультета. Албанец Анастас Кондо, студент Быстрова, вспоминал: «... читал он нам тогда 1-ю лекцию о

зубах, подумать только, какая проза – зубы, эмаль, дентин, аспидин, и прочее... Но нет, нет, у него было что-то свое, которое нельзя выразить словами, которое только он имел. Какая бы неинтересная лекция ни была, он мог делать из нее поэму. Он мог делать так, чтобы ты слышал только то, что он читал, не думая больше ни о чем. И я помню тогда, как он нам показывал свои первые диапозитивы, как мы были рады, мы радовались как дети, а сколько, сколько раз потом мы видели эти диапозитивы! Он любил все, он знал все, от античности до наших дней, он мог читать «Илиаду» Гомера и сонет Шекспира как самый лучший литератор, он мог объяснить причины поражения Пифа в Италии и войну в Триполи, как немногие историки. Он, как самый лучший музыковед, знал музыку индийского танца и музыку симфоний Шостаковича. А что касается палеонтологии позвоночных, то здесь он был один» [Иодко].

В 1946 году Быстров был избран редактором Государственного всероссийского палеонтологического общества и членом Общества палеонтологии позвоночных. В этом же году Алексей Петрович получил звание профессора. В 1947 году ученый возглавил палеонтологическую лабораторию в ЛГУ. Послевоенный период жизни Быстрова характеризуется целой серией научных работ, особое место среди которых занимает монография «Прошлое, настоящее, будущее человека», написание которой потребовалось более десяти лет. В 1959 году монография была признана лучшей научной работой в Ленинградском университете и удостоена премии Учёного Совета, выдвинута на соискание Сталинской премии. В работе представлено более 400 авторских рисунков. Фактически, монография стала «книгой жизни» выдающегося ученого, в ней он утверждал будущее современной человеческой биологической организации.

Прецедентное имя Алексей Петрович Быстров несет в себе богатейшее культурное и научное наследие. До наших дней не прекращается цитирование научных трудов Алексея Петровича Быстрова. Память о нём увековечена в научных названиях целого ряда ископаемых животных (*Bystrowia Berg, 1955, Bystrowianidae Vjuschkov, 1957, Bystrowiana Vjuschkov, 1957, Bystrowiana permira Vjuschkov, 1957, Bystrowiana sinica Young, 1979, Bystrowiella Witzmann, Schoch, et Maisch, 2008, Benthosuchus bystrowi Getmanov, 1989, Edaphaspis bystrowi Novitskaya, Glyptomus bystrowi, Kuzbassocrinus cf. bystrowi Yeltyschewa, 1957, Melocrinites bystrowi Yeltyschewa, 1957, Mesotrypa bystrowi Modzalevskaja, 1953 (Es), Mycobystrovia lepidographia Gouget et Locquin, 1979, Panderichthys bystrowi Gross, 1941, Psammosteus bystrowi Obruchev, 1965, Syringothenia bystrowi Obut, 1953*), в названиях двух географических объектов на карте мира: в 1963 году именем Быстрова был назван мыс на острове Джексона (Земля Франца Иосифа) в Баренцевом море и в 1966 году – скала в Антарктиде (Земля королевы Мод), в героях художественных произведений И.А. Ефремова, Е.Л. Баренбойма.

Список литературы

- Баренбойм Е.Л. Доктора флота: Роман. – Р.: Лиесма, 1985. – 574 с.
Береснева О.Н., Парастаева М.М. Забытые страницы истории: А.П. Быстров (1899-1959) // Нефрология. – 2017. – Т. 21. № 1. – С. 101-106.

Быстров А.П. Homo sum... Воспоминания о детстве, учебе, работе в Академии. – СПб.: ВМедА, СПФ АРАН, 2013. – 336 с.

Ефремов И.А. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т.3. Туманность Андромеды; Звездные корабли; Сердце Змеи; Пять картин. – М.: Мол. Гвардия, 1987. – 478 (2) с.

Иодко О.В. Капитан «Звездных кораблей» А.П. Быстров – врач, художник, палеонтолог [Электронный ресурс] // URL: <http://iae.makorzh.ru/Bystrow/iodko/index.htm> (дата обращения: 15.04.2024)

Исси И.В. Как мы выжили. Моя война, моя блокада... // Блокада глазами очевидцев. Книга третья. – СПб.: Остров, 2016. – С. 68-282 [Электронный ресурс] // URL: <http://iae.makorzh.ru/Bystrow/blockada.htm> (дата обращения: 15.04.2024)

Исси И.В. О моем дяде, Алексее Петровиче Быстрове [Электронный ресурс] // URL: <http://iae.makorzh.ru/Bystrow/> (дата обращения: 15.04.2024)

Следы: Лирика и юмор курсантов Военно-морской медицинской академии / Сост. А.А. Лопатенок. – Л., 1990. – 64 с.

Соколовский А.М. Мы – курсанты 41 года: Очерк о фронтовом курсе Военно-морской медицинской академии. – Л.: Лениздат, 1990. – 208 с.

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ИМЕНИ (ИЗ ЦИКЛА «ФИЛОЛОСОФЕМЫ ДИЛЕТАНТА»)

В.М. Калинин

*Донецкий государственный педагогический университет
(ДНР, Россия)*

В очередном филолософском опыте представлены размышления, гипотетически трактующие “начало всех начал”: выделение Homo Sapiens из семейства гоминид в свете событий бытия Слова от рефлексивных выкриков до осознания Имени орудием мышления. Обосновывается мнение о первичности проприальности как протосвойства Слова. Высказаны предположения о роли индивидуальной и коллективной памяти в формировании речевых механизмов, закреплении их и передаче из поколения в поколение.

Ключевые слова: имя; индивидуальная память; память культуры; проприальность; слово; человек

Прошлое – это колодезь глубины несказанной. <...> Ведь, чем глубже тут копнешь, чем дальше проберешься, чем ниже опустишься в преисподнюю прошлого, тем больше убеждаешься, что первоосновы рода человеческого, его истории, его цивилизации совершенно недостижимы, <...> ибо то, что не поддается исследованию, словно бы подтрунивает над нашей исследовательской неуёмностью, приманивая нас к мнимым рубежам и вехам, за которыми, как только до них доберешься, сразу же открываются новые дали прошлого.

Т.Манн. Иосиф и его братья. Пролог.

Необозримые дали времени, когда человек уже существовал, в основе своей остаются для нас тайной. Это время молчания истории, хотя именно тогда должно было произойти то, что наиболее существенно для нас.

К. Ясперс. Смысл и назначение истории.

Если довериться тем философским и филологическим книгам, из которых почерпнуты многие мысли, изложенные здесь, то нужно признать, что человека, мыслящего о мире и о себе в мире, всегда и прежде всего интересовал вопрос о Начале всех Начал. При этом о не ведомых никому в точности Началах в необычайно длительный период Генезиса *Homo Sapiens*, в

результате которого он выделился в самостоятельный вид в семействе гоминид, даже биологи-эволюционисты рассуждают с осторожностью. А о возникновении и началах развития речевых способностей у человека на дописьменном этапе эволюции языка (сие известно каждому филологу) размышлять или трактовать законы с окончательной убедительностью невозможно. Однако препятствий для предположений и предложений гипотетического характера не существует. Тут и пофантазировать не грешно, однако в пределах добытых наукой достоверных или условно достоверных, сохранных устными преданиями и мифологией, сведений.

Ю.М. Лотман в монографии «Культура и взрыв», среди прочих, коснулся того интересующего и нас момента антропогенеза, в котором осуществляется переход от животного к первоначальному состоянию *Homo Sapiens*. Поскольку учёного интересовала семиотическая сторона событий, он сосредоточил внимание на представлении в сознании человека двух миров: мира, принадлежащего языку, и мира, лежащего за пределами языка. А мы, воспользовавшись приёмом комментирования цитируемого, и, для удобства изложения, выделив курсивом отдельные значимые фрагменты, отметим те моменты, которые в определённом смысле “тождественны” или частично совпадают с трактовками ситуации архаического этапа антропогенеза, не противоречащие нашим представлениям.

Опускаясь в доисторическое прошлое, мы стремимся отыскать и обозначить момент, который можно считать начальным этапом антропогенеза: «Некоторой условной исходной точкой можно взять стадное поведение и/или поведение генетически унаследованное, которое не было *ни индивидуальным, ни коллективным* <...> {[В нашем случае, для начала, имеет смысл сосредоточиться на “генетически унаследованном поведении”, поскольку оно, во-первых, позволяет экстраполировать биологические закономерности наследования на филологические представления о свойствах и процессах памяти, а общественно-исторические теории о переходе от стадного образа жизни к первобытно-общинному (родовому и, позднее, племенному) строю до поры до времени оставить историкам и палеокультурологам. Однако важно подчеркнуть его выделенное курсивом определение как “*ни индивидуального, ни коллективного*”, поскольку к нему придётся ещё вернуться и придать ему смысл не мнения, а утверждения.]} <...> Следующий этап состоит в том, что <...> происходит вычленение поведения *индивидуального* (аномального) и *коллективного* (“нормального”) <...> возникает единая система, в которой эти две возможности реализуются как неразделимые аспекты единого целого. {[По Ю.М. Лотману, нетиповое поведение начинает осознаваться первобытным “коллективом” как нарушение нормы. Но аксиологическую сторону поведения первобытного человека мы тоже рассматривать не будем, а сосредоточимся на факте появления “своего” и “общего для всех” в сфере становления человеческого бытия.]} <...> Таким образом, индивидуальное поведение и коллективное поведение возникают одновременно как неразделимые аспекты единого целого» [Лотман, 2000, с. 13–14]. Подставив вместо понятия “поведение” термин “память”, мы получим требуемое для нашего филолософского экскурса “нестрогое отождествление”, позволяющее перевести обсуждение в зону отношений между Памятью и Словом. При этом можно считать допустимым утверждение о наличии у человеческой особи даже на самых ранних этапах антропогенеза индивидуальной, а в человеческом обществе – коллективной памяти как познавательных способностей,

сосуществующих со Словом вначале как Даром Речи, а впоследствии как единицей языка.

Для обозначения позиции филолософствующего автора в обсуждаемом вопросе потребуется отступление от основной линии. В университетском курсе диалектического материализма нам настоятельно рекомендовали понять, что подлинная философия начинается у “водораздела” бытия и мышления, где обсуждается её основной вопрос: если признаётся, что материя первична, а сознание вторично, ты материалист, а если наоборот, то, соответственно, идеалист. Наиболее ясно его сформулировал Фридрих Энгельс в известной работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» [Энгельс, 1961, с. 283]. По прошествии чуть более столетия со времени опубликования труда выдающегося диалектика и материалиста в рядах отечественных гуманитариев, ощутивших необходимость, а главное, возможность вольного философствования стали появляться как отдельные признаки, так и “очаги сомнений”. Возникла встречная критика и в академических философских журналах по этому поводу стали публиковаться разные мнения. Г.Д. Левин так прокомментировал происходящее “усекновение” философии: «От “революционных” перемен, происшедших в отечественной философии, веет какой-то интеллектуальной трусостью. Из учебников и справочных пособий молча, безо всяких объяснений, изымают положения, считавшиеся когда-то фундаментальными, краеугольными... Исчез из них и основной вопрос философии – этот “становой хребет” диалектического материализма» [Левин, 2004, с. 160]. Он также выступил противником исключения основного вопроса философии из вузовского курса: «Этот выдающийся научный результат Энгельса, необходимо лишь додумать до конца и сформулировать на современном уровне» [Левин, 2004, с. 168].

Позволим себе предположение, что одним из фундаментальных вопросов филолософствования является вопрос об отношениях Слова и коллективной Памяти и попытаемся с позиций диалектического материализма представить происхождение и первоначальный этап эволюции Имени Собственного. Сделаем это, коснувшись сущностей и комплекса свойств, явленных Памятью и Словом.

Опираясь на смысл философской категории “единство” – одновременное бытие в одном движении двух (и более) моментов – сформулируем ономастическую *филолософему времени*: человеческое Слово и человеческая Память о Слове формируются одновременно, но не одновременно, а одинаково долго.

К сожалению, именно в вопросе о времени начала этого длительного процесса мнения разнятся. Наиболее радикален в этом вопросе был Н.Я. Марр, писавший: «Язык не создан, а создавался. Создавался же он не тысячелетиями, а десятками, сотнями тысячелетий. Много десятков тысяч лет одному звуковому языку. Достаточно сказать, что современная палеонтология языка нам дает возможность дойти в его исследовании до эпохи, когда в распоряжении племени было только одно слово для применения во всех значениях, какие тогда осознавало человечество. <...> Самый древний

письменный язык, возраст которого исчисляется обычно несколькими тысячелетиями, лишь молокосос по сравнению с действительной древностью бесписьменных языков” [Март, 1933, с. 217].

Генетически унаследованная ни индивидуальная, ни коллективная память, длительное время пребывая в становлении и развитии Словом и в Слове, благодаря Дару Речи дифференцируется в бесчисленном количестве актов протокоммуникации, совершенствует их целесообразность, развивает способы передачи потомкам и формирует механизмы и “институты” сохранения опыта. Этот процесс есть превращение гоминида в Человека, а стада гоминидов в Человечество. И всё это не одномоментный, а невероятно длительный и потому драматический процесс запоминания и забывания, пробами и ошибками формирующий коллективную память человеческих сообществ.

Надо сказать, что в науке последних десятилетий всё отчётливее проявляется стремление учёных к осмыслению генезиса языка в онтогенезе как модели и методики её экстраполяции на объяснение процессов становления мышления в филогенезе. К положительным опытам такого рода относительно недавнего времени можно отнести философские заключения Г.В. Лобастова о смысле и генезисе языка. В его работе «дается анализ генезиса языка в онтогенезе, через призму которого высвечивается единство определений становящегося мышления и определений многообразного содержания материи языка» [Лобастов, 2011, с. 52]. Однако аппликация данных онтогенеза на филогенез позволительна лишь с учётом глубоких различий между первобытным и современным человеком, причём не только биологических. Ребёнок первобытного человека получал от родителей и среды обитания ровно то, чем обладало общество его времени. Само же первобытное общество как раз и пребывало в младенческом состоянии.

Несколько слов относительно начал формирования речи вообще: вполне логичным выглядит предположение о том, что самым первым проявлениям “очеловечивания” звуковой активности у бесчисленных поколений эволюционирующих гоминидов становилась *целенаправленность* психомоторной активности речевого аппарата. Между криками рефлекторными, свидетельствующими о личном голоде или какой-либо форме дискомфорта, и криками, о с о з н а н н о (!) предупреждающими другие особи об опасности или указывающими другим на “правила” поведения, лежит период вначале слабо, а затем всё более активно контролируемого первобытным сообществом овладения новым механизмом и инструментом жизнедеятельности. Развивая линию экстраполяции данных онтогенеза на филогенез, можно предположить, что так же как на смену крикам в онтогенезе детской речи приходит гуление, в филогенезе в недрах “периода криков” зарождались способности “членораздельного произношения”, оформлялись умения произносить протогласные и протосогласные, отчётливее дифференцировать различные по семантике выкрики.

При этом важно понимать, что наследование происходящего в процессе становления общественного сознания неразрывно связано с эволюцией вида и

наследованием новых биологических признаков, появляющихся под влиянием различных факторов среды: «Новые признаки могут служить основой для эволюции вида при условии их наследования. <...> Экзогенные мутагены. Их большинство: к ним относятся различные и многочисленные факторы внешней среды (например, радиационное излучение, алкилирующие агенты, окислители, многие вирусы).<...> [Литвицкий, 2012, с. 18–19].

Если предположить всё же, что онтогенез моделирует филогенез, придётся напомнить, что крик новорожденного, вызванный болью от проникновения в лёгкие первого глотка воздуха, уже с момента проникновения в желудок материнского молока становится способностью, знаком, устанавливающим связь между двумя моментами бытия: криком, вызванным голодом и насыщением. Думается, что и для гоминидов в процессе филогенеза подобная связь существовала. Но крик не был ещё ни Словом, ни, тем более, собственным именем. Но в развитии человеческой речи он уже участвовал. Однако между гоминидом и *Homo sapiens* – пропасть, проникнуть в которую, конечно, можно, но разве что по методу “чёрного ящика”: что было – *известно*, что стало – *тоже известно*, а вот “как”(?) остаётся и, по-видимому, останется зоной предположений и гипотез.

Возвратиться к анализу мнений о первобытном, но уже человеку можно, опираясь на мнение О.М. Фрейденберг, относящееся, правда, не к “исходному пункту” истории Человека как вида, а ко времени чуть более позднему, к периоду родовой организации первобытного общества, которая писала: «<...> человек выходит на арену истории, обогащённый высшей нервной деятельностью, координирующей его органы чувств. Он ориентируется в пространстве и времени, тяготеет к коллективизму, имеет большой запас условных рефлексов, ставших безусловными. Он живёт в коллективе, строит жилище, даёт жизнь детям, ест, добывает пищу и многое другое. Но в отличие от высших животных, он имеет субъективную систему осмыслений объективных явлений – то, что Павлов называет “второй сигнальной системой”, а Марр – “семантикой”» [Фрейденберг, 1997, с. , с. 27].

Именно на этом, более высоком уровне развития Человечества, уже не как живой системы только, но в процессах функционирования и развития социальных “организаций” возникает и развивается проприальность как особое свойство Слова. А «наиболее резким проявлением человеческой природы является пользование собственными именами и связанное с этим выделение индивидуальности, самобытности отдельной личности как основы её ценности для “другого” и “других”. “Я” и “другой” – две стороны единого акта самознания и невозможности друг без друга» [Лотман, 2000, с. 36].

Здесь закладывается (формулируется) сложнейший вопрос об отличии первобытного мышления от мышления современного человека. поиск ответ на него возможен только с помощью гуманитарных, в первую очередь, филологических наук. Только с их помощью можно нащупать первоначальное состояние семантики и тот момент в её развитии, когда первичная дифференциация первобытного по сути ещё предмифического синкретизма дала толчок к совершенствованию мифомышления и развитию

мифотворчества, в обновлённом виде способствовавшего развитию поэтики художественных текстов.

В заключение позволим себе сформулировать всего лишь предположение, не претендующее даже на роль гипотезы, но уже могущее послужить отправной точкой для дальнейших поисков: 1) для того, чтобы Слово стало именем собственным, о нём должно без специальных объявлений и договоров, т.е. на бессознательном уровне сформироваться коллективное убеждение, что именно оно обладает качеством проприальности¹; 2) развитие проприальности в процессе мифомышления и мифотворчества развивает у Слова “способность” коннотировать, реализовать себя в тропах и фигурах, функционировать как поэтоним и, в конечном итоге, стать Символом и Мифом.

Список литературы

- Левин Г.Д. Опыт философского покаяния // Вопросы философии. – 2004. – № 6. – С. 160–169.
Литвицкий П.Ф. Наследственность, изменчивость и патология // Вопросы современной педиатрии. – 2012. – Т. 11. №3. – С. 18–28.
Лобастов Г.В. Язык: смысл и генезис // Вопросы философии. – 2011. – №5. – С.52–62.
Лотман Ю.М. Семиосфера. – С.-Петербург: Искусство–СПб, 2000. – 704 с.
Марр Н.Я. К происхождению языков // Н.Я. Марр. Избранные работы. – Т.1. – Л.: ГАИМК, 1933. – С. 217–220.
Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. – Т. 21. – М.: Госполитиздат, 1961. – 745 с.

СОЦИАЛЬНАЯ КОННОТАЦИЯ РЕКЛАМНОГО ИМЕНИ

И.В. Крюкова

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград, Россия)*

Статья посвящена исследованию потенциальной способности рекламных имен (прагматонимов, эргонимов, гемеронимов) служить средством социальной оценки, эмоционально маркировать положение человека в социуме на шкале «богатство – бедность» и на шкале «современность, прогрессивность – отсталость». Показана историческая изменчивость социальных коннотаций рекламного имени в связи с изменениями в ценностном отношении носителей языка к объектам номинации.

Ключевые слова: рекламное имя; прагматоним; эргоним; гемероним; коннотация; социальная оценка

Под общим термином «рекламное имя» мы совокупно рассматриваем названия товаров и услуг (прагматонимы), деловых объединений людей, в том числе коммерческих предприятий (эргонимы), названия средств массовой информации (гемеронимы). Несмотря на различную денотативную отнесенность и структурно-семантическую неоднородность, эти названия могут быть отнесены к единой группе имен собственных, т.к. их объединяет ряд общих свойств. Во-первых, все они относятся к одному понятийному полю и обозначают объекты и явления, подлежащие рекламированию. Во-вторых, их роднит прагматическая направленность, т.к. уже при изобретении названия

¹ Свойство “проприальность” нуждается во всестороннем обсуждении. Чем глубже исследователи смогут проникнуть в его сущность, определить круг относящихся к нему явлений, тем надёжнее будут следствия и выводы, касающиеся коннотативности, фигуративности, символизации и мифологизации Слова–Имени.

учитывается будущее воздействие на потенциального адресата [Крюкова, 2004].

Данные положения мы доказали еще в 2004 году. Наблюдение за функционированием рекламных имен в последующие двадцать лет показали, что это постоянно меняющиеся сущности, добавляющие к своему основному денотативному значению социально-оценочные коннотации, обусловленные постоянно меняющимся отношением носителей русского языка и культуры к номинируемым объектам. Социальную оценку мы трактуем как один из способов актуализации ценностей общества, отраженный в речевых действиях членов данного коллектива. Социальная оценка, показывающая отношение данного коллектива к разнообразным явлениям современной жизни, в лингвистике связывается с понятием коннотации, что позволяет говорить о социальных коннотациях, под которыми в «Словаре социолингвистических терминов» понимаются «стандартные общепринятые в данном обществе ассоциации, возникающие у говорящих при произнесении определенного слова или выражения, обусловленные социальными или национальными факторами и являющиеся компонентом национально-культурного уровня владения языком» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 201].

Материалом настоящего исследования послужили рекламные имена, которые приобрели или изменили социальные коннотации в конце XX – первой четверти XXI века. Среди них глобальные бренды, получившие широкое распространение в России в рассматриваемый период, и названия советских и постсоветских товаров и услуг, крупных финансовых компаний, известных телепроектов, которые в силу ряда причин неоднозначно оцениваются носителями русского языка.

Актуализаторы социальных коннотаций рекламного имени – экстралингвистические характеристики именуемого объекта: его экономическая или социально-культурная значимость, а также наличие признаков, которые переживаются и оцениваются языковым коллективом. В результате широкой известности и длительного функционирования рекламные имена приобретают способность маркировать социальный статус человека, то есть его место по отношению к другим членам общества.

Социальный статус рассматривается как категория социолингвистики. В.И. Карасик выделяет два плана социолингвистического анализа статуса человека: индикация и оценка социального статуса. В качестве индексов социального статуса выступают особенности одежды, жилья, манер, способов времяпровождения тех или иных групп населения. Индексы социального статуса имеют знаковую природу, и поэтому тот или иной индекс престижного либо избегаемого стиля жизни может абсолютизироваться и терять свое исходное содержание, превращаясь в формальный показатель принадлежности людей к определенной группе общества [Карасик, 2002, с. 27]. Однако подобные исследования проводятся без учета имен собственных.

Между тем, по нашим наблюдениям, рекламные имена в этом отношении особенно показательны. При этом они образуют семантические оппозиции, в которых определяется место человека по отношению к другим членам

общества на социальной шкале «богатство – бедность» и «современность, прогрессивность – отсталость». Проиллюстрируем данные оппозиции примерами из Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и корпуса текстов СМИ [East View].

Оппозицию «богатство – бедность» лаконично и точно маркируют рекламные имена-символы обеспеченной жизни и имена-символы низкого уровня жизни. Одни из них выражают социальную оценку прямо, продолжая при этом сохранять связь с единичными объектами. *Старенькие и битые «Жигули», потрепанные «Нивы» и проржавевшие, уже почти раритетные «Москвичи» – это, как я понял, самый низкий контингент* (С. Есин. Почта духов, или Россия в 2007 году, 2008). *Человек, приезжающий ко мне в костюме «Валентино» на автомашине «мерседес», дабы лично отдать распоряжения относительно миллиона, может быть частью системы чьих-то хитроумных понтов* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет, 2005). Другие выражают социальную оценку через метафору, распространяя оценочные признаки на другие объекты. Например, название американского финансово-экономического журнала «Форбс», который приобрел широкую известность благодаря публикуемым спискам и рейтингам самых богатых людей мира (список Форбса), используется для образной номинации богатых людей в какой-либо сфере деятельности и / или на какой-либо территории. *Список «ФОРБС» по-астрахански. Версия 2018. <...> Можно смело констатировать: из года в год депутаты – самая состоятельная часть астраханской политической элиты* (Пункт А, 07.06.2018).

Интересно проследить, как менялись представления о богатстве и бедности, маркированные рекламными именами в разное время, на примере изменчивости коннотативной семы 'платежеспособность'. Так, индикатором платежеспособности в 1960-е – 1970-е годы был прагматоним «Жигули». *Словом, разница в финансовых возможностях, как я понимаю теперь, была вроде той, которая наблюдается сейчас между человеком, имеющим собственную машину «Жигули», и человеком, таковой не имеющим* (В. Розов. Удивление перед жизнью, 1960-2000). По стоимости «Жигулей» судили о высокой цене многих товаров. *Ведь тогда, на заре электроники, синтезаторы были очень дорогим изделием, даже по западным меркам (столько стоили новые «Жигули»), не каждый музыкант за рубежом мог себе позволить роскошь купить такой инструмент* (А. Козлов. Козел на саксе, 1998). Прагматоним «Сникерс», название американского шоколадного батончика, поступившего в продажу в России экономически трудные 1990-е годы, на сравнительно короткое время стал символом обеспеченной жизни и платежеспособности конкретного человека. *Трехэтажные особняки с навороченными иномарками во дворах соседствуют с убогим жильем семей, чьи малолетние дети видели «сникерс» только в телерекламе* (Труд-7, 28.09.2004). – *Даже я могу «сникерс» себе купить, – заявила Юля, – подумаешь! Здоровый лось, «сникерс» дочке купить не в состоянии* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова, 2013). Сейчас эти коннотации утрачены.

В настоящее время коннотативная сема 'платежеспособность' отмечена у названия самого крупного российского банка *Сбербанк*. Этот эргоним достаточно частотен в типовых ироничных конструкциях с отрицанием при номинации невозможности человека оплатить что-либо. Это значение, характерное для разговорной речи, отражено в массовой художественной литературе последних десяти лет. *Сколько? Я тебе что, сбербанк? Мне эти деньги дали с такой кровью* (Е. Сартинов. Ночной патруль, 2014). – *Возьми, возьми, – недовольно проворчал Киса. – А «бабки» я где возьму? Я тебе что, сбербанк, чтобы платить за всех за вас* (Н. Леонов. Отель с темными окнами, 2018).

Оппозиция «современность, прогрессивность – отсталость» неоднородна. Выделяются две группы рекламных имен с социальными коннотациями, противопоставленных друг другу по данным признакам.

Во-первых, это названия марок автомобилей, которые символизируют не только богатство/бедность, как было показано выше, но и технический прогресс/техническую отсталость. Употребляясь в прямом значении, названия элитных марок используются для характеристики технической отсталости российских автомобилей. *Сколько «Жигули» не дорабатывай, в «Феррари» они от этого не превратятся* (О. Дивов. Выбраковка, 1999). Употребляясь в переносном значении, подобные названия дают используются как знаки высокой оценки технических характеристик или дизайна продукции российского автопрома. *За характерную внешность «семерку» называли русским «Мерседесом»* (Труд, 09.04.2008). *Российский «Бентли», что мы о нём знаем?* (заголовок) *Подробности о первом российском премиальном внедорожнике марки Augus* (Drive2.ru, 15.05.2018).

Символом технической отсталости долгое время был прагматоним «Запорожец». Он расширял свой значение и использовался в качестве образного сравнения для оценки автомобиля, но и любого другого средства передвижения. Например, в высказываниях, построенных на образных сравнениях. *Конечно, подлодки проекта 629А, к каковым относится и К-159, рядом с «Курском» – как «Запорожец» у колеса КамАЗа* (Труд-7, 10.10.2004). Или в составе некогда чрезвычайно популярной антонимической пары «Запорожец» и «Мерседес». *Но я же общаюсь с летчиками. Вот Су-27 и Су27ИБ – образно это «Запорожец» и «Мерседес». Причина – глубокая модернизация* (Комсомольская правда, 01.04.2005).

Во-вторых, это противопоставленные друг другу прагматонимы и эргонимы, использующиеся для обозначения прогрессивности и отсталости в мире моды. На одном полюсе – всемирно известные бренды, символизирующие мир высокой моды, а на другом – названия товаров и промышленных предприятий советского времени как символ чего-либо устаревшего, не соответствующего современным стандартам. *А девочка такая – из высшего общества, любимая присказка: «Все дела, очки от Гуччи, галстук от Кардена». И друзья-то сплошь от Кардена* (А. Белозеров. Люди до востребования, 2012). *У вас, наверное, тоже запросы имеются, вы ведь не хотите туфельки фирмы «Скорход» носить и «Красную Москву» на себя прыскать* (Е. Завершнева.

Высотка, 2012). Особенно устойчива во времени антонимическая пара *Карден* и *«Большевичка»*. *Важен стандарт, который заставляет подниматься от низкого уровня к среднему, а от среднего – к высокому. Если не задать такой стандарт, то так навсегда и останется: у них будет Пьер Карден, а у нас – фабрика «Большевичка»* (Коммерсантъ Власть, 13.09.1993). *Из комнаты выплывала Эльсинора, ни дать, ни взять – бизнес-леди: туфли, колготки, юбка, блузка, пиджак, и всё от Кардена. Одна только роза осталась от «Большевички»* (Г. Шепелев. Холодная комната. М., 2016).

К этой группе функционально близки многие гемеронимы, названия популярных журналов и известных телепроектов, маркирующих отсутствие художественного вкуса. *Наконец-то вместо мутантов шоу-бизнеса и всяких «фабрик звезд» появились люди с прекрасной дикцией, умеющие петь, танцевать* (Труд-7, 04.08.2006). А также конструкции, содержащие оценку любого другого продукта творческой деятельности. Например, С. Шнуров употребляет такие названия как аргумент в ответе на вопрос, почему он объявил о распаде группы «Ленинград». *«Ленинград» стал восприниматься неким подобием музыкального Comedy Club или «Наша Russia». В сознании обывателей это явления одного порядка. А мне бы в этом ряду стоять не хотелось* (РБК Daily, 21.04.2011). К этой же группе названий относятся многие гемеронимы, характеризующие простых недалеких людей с низким социальным статусом. *Беги с работы напрямик домой и садись напротив поганого ящика смотреть семейное даун-шоу «Поле чудес»* (Хулиган, 01.12.2003). *На первые полосы выходят чертовски талантливые парни, которые в детстве читали журнал «Популярная механика», а не Playboy* (Известия, 30.09.2013). *Стража, зевая над «плейбойми» и «андреями», провожает нас равнодушными, если не оскорбительными взглядами* (В. Аксенов. Негатив положительного героя, 1996).

Множественное число, утрата кавычек и замена прописной буквы на строчную во многих из приведенных выше примеров не только передает значение однотипности, множественности объектов, обладающих одинаковым признаком, но и усиливает негативные социальные коннотации рекламного имени.

К контекстуальным усилителям негативной социальной оценки, свойственных экспрессивно окрашенной разговорной речи, относятся также местоимения. Например, отрицательные местоимения *какой-то*, *какой-нибудь* и определительное местоимение *всякий* в форме множественного числа добавляют к социальной оценке рекламного имени коннотации пренебрежения. *У «Русского бистро» в Москве сегодня работает 25 ресторанов. Всякие «Макдоналдсы» и «Баскин Роббинсы» о таком только мечтают* (Огонёк. 2006. № 6). Указательно-определяющее местоимение *этакий* / *эдакий* подчеркивает полноту признака. *Потрепанный четырехместный самолетик туристской авиакомпании «Кондор» – этакий летающий «Запорожец» – стукнулся о грунт, дважды подпрыгнул и побежал по пыльной посадочной полосе* (В. Овчинников. Размышления странника, 2012). Местоимение второго лица в дательном падеже *тебе* / *вам* (риторический дательный) в устойчивом

сочетании с отрицательной частицей *не* придают высказыванию характер диалогичности и усиливают эмоциональное воздействие на собеседника. *Время идёт, счётчик тикает. И не смотри на меня удивлёнными глазами. Я тебе не Сбербанк, чтобы льготные кредиты выдавать* (С. Янушкевич. *Время – назад*, 2019).

Так рассмотренные рекламные имена пополняют фонд стилистических средств, используемых для социальной оценки. Они позволяют на сравнительно небольшом отрезке текста выражать отношение автора речи к разнообразным явлениям современной действительности. При этом социальные коннотации, зафиксированные в семантической структуре рекламного имени, исторически подвижны, они изменяются со сменой эмоционально-оценочного отношения к объектам номинации.

Список литературы

East View – Издания по общественным и гуманитарным наукам [Электронный ресурс] // URL: <https://lib.ranepa.ru/ru/informatsionnye-resursy/russkoyazychnye-resursy/57-east-view> (дата обращения: 01.06. 2024).

Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. – Волгоград: «Перемена», 2004. – 368 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.06.2024).

Словарь социолингвистических терминов. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

СКРЫТАЯ НОМИНАЦИЯ И КРИЗИС В ОНОМАСТИКЕ

В.И. Мозговой

*Донецкий государственный университет
(Донецк, ДНР, Россия)*

Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развитие русского языка XX–XI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ регистрации НИОКТР 102311150001-7).

Подвергаются критике онимные употребления, скрывающие реальный объект и его референтные значения, превращённые в онимную метафору. Диагностируется кризис в ономастике, которая всё чаще сталкивается с деонимизацией действительности, разрушающей выделительную функцию собственных имён. Предлагаются пути преодоления кризисных явлений, связанные со сменой преимущественно описательной модели ономастики, закрепляющей власть чиновников над формами именованного, на экспертно-контролирующую, призванную обеспечить сохранение права собственника на уникальность первичного, актуального или исторически сложившегося имени.

Ключевые слова: денотат; референт; деонимизация; кризис в ономастике; онимосфера; экспертная функция ономастики

История онимосферы как способа материализации ноосферы в языке,² развивалась в России не всегда однозначно. Если её взлёты базировались на

² Под *ноосферой* (от греч. *noos* ‘разум’) мы будем понимать высшую стадию осмысления и коррекции биосферы, разумно управляемой человеком. Учение о ноосфере принадлежит В.И. Вернадскому, согласно которому она является продуктом развития цивилизации. Его разумная деятельность является поэтому главным фактором существования человечества, берущего на себя ответственность за сохранение мира и жизни на Земле. *Онимосфера* –

преемственности естественных принципов освоения человеком природы и окружающего мира, то их внедрение тормозилось идеологией правящих элит, не всегда совпадающей с интересами общества. За ней так или иначе просматривалось преобладающее стремление к сохранению власти, в том числе при помощи «обновления» онимного фонда, зависящего от изменяющихся во времени условий принимаемых управленческих решений на разных этапах государственного строительства: от социально значимых до разрушительных.

Социальная значимость этапов начальной онимизации

1. Духовный этап структуризации Древнерусского государства (X–перв. пол. XVII вв.).

Он регламентировался церковью, которая контролировала незыблемость принципов православия при помощи единой процедуры имянаречения, сплотившей общество идеей созидания. В её основе лежали незыблемые каноны, изложенные в Библии и Евангелии, которые обеспечивали неприкосновенность собственных имён (СИ) и устойчивость форм их презентации в языке. «В православии это относилось не только к личным именам (*Иоанн, Пётр, Мария*), но и к топонимам. В названиях *Санкт-Петербург, Николаев, Павловск, Елисаветград* фиксировались чаще всего не царствующие особы, а именник соответствующих святых, благодаря которым объект приобретал духовного покровителя» [Мозговой, 2021, с. 53–54].

2. Светский этап развития Российской империи (вт. пол. XVII – нач. XX в.).

Будучи преемницей первого этапа, Российская империя дополнила идею духовности СИ правом государственного контроля над нормами их передачи в языке. Образованное в 1845 г. Императорское Русское географическое общество определило, что «...параграфом 87-м Высочайше утверждённого окончательного Устава Общества, состоящему при Совете редакционному комитету вменяется в обязанность, между прочим, наблюдение за сохранением в изданиях общества единства правописания в собственных именах географических» [Григорьев, 1850, с. 175]. А по мнению Я.К. Грота, «...учение географии приобрело бы несравненно более смысла и интереса, если бы встречающиеся в ней названия мест и урочищ были более нежели до сих пор делалось, освещаемы филологией, то есть, по мере возможности объясняемы и переводимы [Грот, 1867, с. 617].

Таким образом, продуктивность онимной лексики, опирающаяся на религиозные каноны и светскость номинации с правом контроля над ней со стороны государственных институтов заложила основы для развития ономастики как науки о формах и нормах сохранения и развития онимосферы.

Противоречивость идеологических этапов вторичной онимизации

1. «Патриотический» этап (1914 – 1917 гг.), направленный на создание Российской империи, столкнулся сначала с европейскими устремлениями

главная квалификационная составляющая ноосферы, фиксирующая при помощи системы собственных имён уникальные предметы осмысленного, сотворённого и присвоенного человеком мира.

Петра I, а затем с антинемецкой кампанией во время Первой мировой войны, опирающейся на теорию «официального патриотизма» («православие», «самодержавие», «народность»), предложенную министром просвещения графом С.С. Уваровым. Её апофеозом стала просьба чехов (?), проживающих в Санкт-Петербурге, переименовать его в Петроград, которая была «удовлетворена» указом Николая II от 31 августа 1914 г. Это повлекло за собой и вполне объяснимую «подгонку» иноязычного антропонимикона под русские словообразовательные модели.

Прозвучавшие при этом противоречия сглаживались тем, что изменения в онимосфере проводились корректно. За ними легко угадывалась соотнесённость СИ с объектами номинации (*Санкт-Петербург* = *Петроград* («город Петра»), *Ирман* = *Ирманов*, *Гурлянд* = *Гурьев*), потому что появившиеся новые идеологические коннотации оставались в пределах разумного: адресно-выделительная функция и первичные референтные значения сохранялись.

2. Революционный (социалистический) этап (1917 – 1991 гг.), направленный на кардинальную перестройку мира, развивался противоречиво в соответствии с концепцией, предложенной идеологами социализма. Изменяя коннотации СИ по своему усмотрению, они не обращали внимания ни на объект с его устоявшейся адресно-выделительной функцией, ни тем более на мнение церкви или граждан. Вот почему в антропонимии могли появиться нехристианские имена, типа *Сталина*, *Вилен*, *Альберт*, *Комиссаров*, *Оттоминальд*, *Октябрина*, а в топонимии – варианты названий, связанные с политической конъюнктурой: *Екатеринбург* > *Свердловск*; *Санкт-Петербург* > *Петроград* > *Ленинград*; *Гатчина* > *Троцк* > *Красногвардейск*; *Гюмри* > *Александрополь* > *Ленинкан*; *Луганск* > *Ворошиловград*; *Мариуполь* > *Жданов*; *Тверь* > *Калинин*; *Святогорск* > *Славяногорск* и т. п.

Первичная сакральность СИ оказалась в плену идеологических догм и заблуждений, изменяющих по своему усмотрению не только коннотации, но и референтные значения, например:

– *Киевский политехнический институт Императора Александра II* (1898) > *Киевский политехнический институт* (1918) > *Киевский политехнический институт им. Х.Г. Раковского* (1923) > *Киевский политехнический институт* (1928) > *Киевский индустриальный институт имени П.П. Постышева* (1934) > *Киевский индустриальный институт* (1938) > *Киевский политехнический институт* (1944) > *Киевский ордена Ленина политехнический институт имени 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции* (1968);

– *крепость святой Елисаветы* (1752) > *Елисаветград* (1784) > *Зиновьевск* (1924) > *Кирово* (1934) > *Кировоград* (1939) и т. п.

Разрушительная идеология этапной деонимизации

1. Этап идеологической обработки (1991 – 2000 гг.) был связан с национально-политическими и административными потрясениями после распада СССР:

а) со сменой онимосферы, якобы для восстановления исторической справедливости:

– ул. Щорса > ул. Евгения Коновальца, Московский проспект > пр. Степана Бандеры, пр. Генерала Ватутина > пр. Романа Шухевича, ул. Теодора Драйзера > ул. Рональда Рейгана (Киев);

– ул. Михаила Лермонтова > ул. Генерала Дудаева (Львов);

– Ворошиловград > Луганск, Краснодон > Сорокино, Святогорск > Славянгорск, Жданов > Мариуполь (Донбасс);

– Кировоград > Ингульск > Кропивницкий (Украина);

– Ленинград > Санкт-Петербург, Свердловск > Екатеринбург, Калинин > Тверь (Россия);

– Лениканан > Гюмри (Армения) и т. п.

б) с переходом государственных предприятий в частную собственность и перенесении акцентов с объекта, осуществляющего созидательную деятельность, на собственника или возглавляемую им фирму:

– Донецкий металлургический завод > **ОАО** «Донецкий металлургический завод»;

– Новокраматорский машиностроительный завод > **АО** «Новокраматорский машиностроительный завод»,

– Новолипецкий металлургический комбинат > **ПАО** «Новолипецкий металлургический комбинат» и т. п.

Эти изменения, хотя и были несистемными, не могли пройти бесследно. Они готовили почву для разрушения существующей онимосферы, казавшейся, по мнению национальных элит, устаревшей.

2. Этап всеобъемлющей деонимизации формировался с 20-х гг. XXI в. Он был связан со скрытым стремлением всех правящих элит к завоеванию гуманитарно-правовой сферы, но победу в этом марафоне получили органы исполнительной власти, ставшие контролировать процедуру именования и изменившие правовую природу онимных денотатов [Мозговой, 2021, с. 65–72]:

– университет – «учреждение»;

– директор – «руководитель образовательной организации» / «руководитель»;

– министерство образования – «учредитель образовательных организаций»;

– министр – «руководитель учредителя образовательных организаций»;

– город – «муниципальное образование»;

– в России – «на россия» («переименование» в украинском языке) [Мозговой 2023: 71–83];

– ЖЭК – «управляющая компания» и т. п.

Выводы. Вопросов в связи с деонимизацией онимосферы становится всё больше, но тем меньше появляется ответов на них в официальной ономастике:

1) Кто такие обучающиеся? Ученики, студенты, курсанты, семинаристы или читающие книгу?

2) Кто такой руководитель? Директор, заведующий, ректор, министр или Бог, руководящий всем и всеми, но ни за что не отвечающий?

3) Что такое *бакалавриат*, если его выпускник *бакалавр*, а не *бакалаврий*?

4) Откуда появилась аббревиатура **ВУЗ** ([Новичков 1995: 61], если это не аббревиатура, а слово (см. *вузовский учебник*, *вузовская аудитория* и др.)?)

5) Является ли аббревиатурой конструкция *ДОНГУ*, если это гибридное слово с сокращённой онимной частью *Дон*, т. е. *Донецкий* (а *ДОН-* – это непонятная аббревиатура из трёх слов)?

6) С каких пор стала нормой официальная фиксация СИ прописными буквами и исключительно в именительном падеже (см.: *в лице БЕЗЛЕПКИНА СОФИЯ*)? Это мужчина или женщина?

7) Почему реальный объект заключается в кавычки и превращается в метафору (см: *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. А.С. ПУШКИНА»*)?

Это учреждение или институт?

И, далее. *Учреждение – это институт* или *Институт – это учреждение*?

Что здесь подлежащее и где сказуемое? И как институт стал учреждением, если это учебное заведение? Может быть, главное, не чем он занимается, а кто его учредил?

8) С какой целью понятное всем название *Студенческая поликлиника № 13* в городе Донецке было заменено на *ГБУ «ЦПМСП № 13 Г. ДОНЕЦКА»*?

9) В чём разница между *Донецким государственным университетом* и *Донецким национальным техническим университетом*, если и тот, и другой являются *Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования*?

10) С какой целью подвергают сокращениям фирмы и организации, типа *ООО УК «Старый Город»* (г. Владимир), *МУПА*, *ДОКТМО*, *ЕГРЮЛ*, *ЕГРИП*, *ОГРНЕГРЮЛ*, *Группа 225603 ПОФК-А*, превращая их в ребусы, непонятные социуму?

11) Чем объясняется преобразование словосочетаний *юридический факультет*, *кафедра теории и истории государства и права* в псевдоонимные гомункулусы *Факультет «Юридический»*, *Кафедра «Коммерческое и предпринимательское право»* (Донской государственный технический университет)? Они при закавычивании и написании с использованием прописных букв оказываются не связанными ни с юриспруденцией, ни с коммерческим или предпринимательским правом.

12) Почему заимствованный из украинского языка предлог *про*, уместный при метафоризации СИ (например, *Магазин постельных принадлежностей «Про сон»*, г. Донецк), перенесён в нарицательные имена (*говорить про это*), хотя нормой продолжает быть предлог *о / об* (*говорить об этом*)?

13) Почему любым исполнительным органам, не прошедшим специальную подготовку, дали власть над фиксацией, переименованиями и переводом государственно значимых объектов? В итоге, например, *площадь*

Конституции (г. Донецк), переименованная в *площадь имени Героя России Нурмагомеда Гаджимагомедова*, вычеркнула значимость Конституции.

Можно, конечно, не обращать на это внимание, ссылаясь на тиражируемое в социуме высказывание, что «так установило государство».

Можно также объяснить это невежественностью обывателей, как это сделал в своё время Е. Замятин: «...Все граждане в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет, за исключением самых нераскаянных буржуев, состояли на службе, и всех от восемнадцати до пятидесяти лет ждало сегодня что-то необычное во всевозможных УЭПО, УЭКО, УОНО. Главное, что это было «что-то», что это был икс, а природа человеческая такова, что её влекут именно иксы...» [Замятин, 1990, с. 181].

Но нельзя, чтобы онимную норму устанавливало не государство в лице экспертно-ономастических комиссий, а исполнительные структуры, узурпирующие власть над номинацией и юридически уничтожающих при помощи языковых манипуляций реальных собственников.

Пассивное отношение социума к этим процессам в ономастике смерти подобно, и вот почему:

Во-первых, за этим может последовать упразднение ономастики, как науки, потерявшей способность определять нормы произношения, написания и фиксации СИ в правовой и художественной культуре.

Во-вторых, преобразование объектов права (*шахта, завод, школа университет, детский сад, директор студент*) во внеобъектную неопределённость (*предприятие, учреждение, обучающиеся, управляющие компании*) усилит полномочия властных структур до уровня критической массы, способной ограничить свободу творчества до уровня иллюзий, в которых критерием профессионализма станет подчинение научно-социальных институтов управленческой элите.

В-третьих, пассивность к судьбе ономастики разрушит право вообще, как инструмент, регулирующий социально-правовые отношения.

Таким образом, только усиление экспертно-контролирующей функции ономастики может обеспечить сохранение права первичного, актуального или исторически сложившегося имени на его уникальную роль в непрерывающемся процессе онимизации ноосферы.

Список литературы

Григорьев В.В. О правописании в деле русской номенклатуры чужеземных местностей и народов // Географические известия. – 1850, вып. 2. – С. 175–201.

Грот Я.К. Заметки о географических названиях вообще. – Журнал Министерства народного просвещения, 1867, ч. СXXXVI, ноябрь, отд.2. – С.617–669.

Замятин Е.И. Икс // Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. / Вступ. статья, сост., примеч. О. Михайлова. – М. : Худож. лит., 1990. – 527 с.

Мозговой В.И. Уроки идеологизации онимного пространства. // Ономастика Поволжья: материалы XIX Межд. научн. конф., посвящённой 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля. Оренбург, 11–12 ноября 2021 г.; науч. ред.: Е.Н. Бекасова, В.И. Супрун; сост.: П.А. Якимов. Оренбургский гос. педагогический университет – Оренбург: Изд. «Оренбургская книга», 2021. – С 53–56.

Мозговой В.И. Давно не бывал я в Донбассе... О вариативности предлогов В-НА в топонимии. // Русский язык в поликультурном мире : VII Международный симпозиум (8–12

июня 2023 г.) / Отв. ред. колл. Т.В. Аржанцева. Л.А. Орехова : / Сб. науч. статей. В 2-х тт. Т. I. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2023. – С. 71– 83.

Мозговой В.И. Денотаты, референты, онимная норма, или феномен В.М. Калинкина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. Научный журнал – № 1. Донецк : ДонГУ, 2021. – С. 65–72.

Новичков Н.Н. Словарь современных русских сокращений и аббревиатур: около 12 000 сокращений и аббревиатур. – Париж – Москва: ИНФЛОБ – Тривола, 1995. – 304 с.

АКАДЕМИК А. А. ШАХМАТОВ КАК ОНОМАТОЛОГ

О. В. Никитин

Государственный университет просвещения

Москва, Россия

В статье раскрываются взгляды А. А. Шахматова на проблемы ономатологии. Показано, как возник у него интерес к этой отрасли науки. Говорится о первых ученических работах А. А. Шахматова, в которых он уделял пристальное внимание номинациям народов, рек и в целом «филологической антропологии» языка. Отмечается его увлечение семасиологией в гимназические годы: приводятся названия рукописных работ, содержавших разборы понятий родства, социальных концептов, выписки географических и собственных имен из юридических текстов. Подчеркивается, что весь характер дальнейшей научной деятельности ученого был связан с поиском, реконструкцией и анализом историко-культурных фактов, запечатленных в древнем слове – этнониме, топониме и т.д. По архивным данным фиксируются неизвестные материалы А. А. Шахматова, имеющие отношение к разработке вопросов ономастики. Приводится свидетельство тому, как он принял участие в дальнейшей судьбе «Словаря древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова.

Ключевые слова: *А. А. Шахматов; семасиология; ономастика; филологическая антропология; памятник письменности; источник; лингвистическая традиция.*

Историко-культурное и лингвистическое наследие академика А.А. Шахматова (1864–1920) грандиозно. Оно охватывает самые важные и притом остающиеся актуальными и поныне проблемы: формирование русского и других славянских языков, историческая акцентология, фонетика, грамматика и морфология, современный синтаксис, этнография и фольклор нерусских народностей, изучение памятников древнерусской письменности, юридического быта, летописания, этнологии славянства и т. д.

Новые архивные материалы и юбилейные конференции, связанные с именем А. А. Шахматова, в последние десятилетия открыли современным исследователям богатые источники и редкие факты его научно-педагогической деятельности, показали, как формировалась неординарная языковая личность, кто оказал на ученого влияние, какие дискуссии происходили в его время в мире словесных наук [Макаров 2000; Академик А.А. Шахматов... 2015; Шахматов, 2018]. Казалось бы, фигура А.А. Шахматова обстоятельно изучена. Однако включенность ученого в обозначенную нами проблематику не нашла отражения в учебниках, словарях и научных трудах (см., например: [Бондалетов, 1983]). Наверное, этому можно найти объяснение: А.А. Шахматов не был теоретиком ономастики, несмотря на его глубокий интерес к истории и этнологии языка. Он находился где-то рядом, оставляя культурное пространство имяславчества для будущего. Тем не менее полагаем, что исследования А.А. Шахматова во многом опирались на ономастические факты, так как часто были связаны с выявлением языковых, исторических и

этнографических миграций племен, народов, говоров, отдельных слов или лингвистических явлений. Чем бы он не занимался, его всегда влекли *исторические судьбы языка*, которые особенно при анализе древнейшего периода в его развитии невозможно было изучать без проникновения в антропонимику, топонимику, гидронимику и вообще в весь ономастический ряд явлений, которые нуждались в реконструкции и осмыслении. Поэтому совсем не случаен «семасиологический» поворот в изучении наследия ученого.

Имя академика А.А. Шахматова тесно связано с Саратовским краем, где он провел детство, где зародился его интерес к истории. В его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее – СПбФ АРАН) хранится первое детское сочинение А. А. Шахматова (тетрадь в переплете) – «Русская старина. Книга I до Ярослава I» [СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 402. 93 лл.] и «Русская старина. Книга II» [Там же. Д. 403. 183 лл.], показывающее недюжинные способности совсем юного мыслителя (эта рукопись относится к 1874 г., когда Алексею было всего 10 лет). В письмах А. А. Шахматова разных лет, в воспоминаниях его сестры Е. А. Масальской часто упоминаются топонимы *Саратов, Губаревка, Вязовка, Аткарск*, а также и другие названия населенных пунктов, в которых жили его родственники, где останавливалось семейство Шахматовых, откуда он черпал родовые истории и легенды о пугачёвщине [Масальская, 2012; Масальская-Сурина, 2019]. Вся эта романтика, очевидно, вкупе с большой библиотекой родственников, на попечении которых он находился с ранних лет, вызвала потребность глубже изучить историю и семасиологию имени в целом. Во многом на формирование исследовательской природы повлияла и поездка с дядей в Германию, где юный Алексей Шахматов увидел настоящие сокровища – фолианты старинных книг, рукописи, причудливые скрипты... Уже в 12 лет А. А. Шахматов пишет научные сочинения историко-филологического характера, в которых вопросы ономастики занимают не последнее место. Сохранившиеся черновики того времени рассказывают нам, чем он интересовался: «История древней России. Глава I. Скифия, природа страны, народы, реки. Скифы: история, нравы, язык, религия, остатки литературы»; «Примечания к Истории древней России»; «Филологическая антропология, исторические заметки, слова на разных языках»; «Иран. Монголия [–] рассадок народов. Русско-азиатские степи» [СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 406].

И позднее, в 1890-е гг., будучи известным ученым, он всегда приезжал в семейное поместье Губаревка отдохнуть от столичных дел, воссоединиться с родной землей. А. А. Шахматов не был обычным «помещиком» – он учил и защищал местную бедноту, говорил о необходимости отмены телесных наказаний, занимался устройством крестьянской общины и землевладения, помогал жителям окрестных сел в голодные годы, лечил их – служил, как настоящий русский исполин духа. Он был в полном смысле «земским начальником» – заботился о введении начального образования Саратовским земством (см.: [СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 255, 256, 308, 407]). Поэтому наблюдательность юного Алексея Шахматова, его внимание к народным традициям, приметам, чертам местного говора, особым названиям со

временем переросла в серьезные научные исследования памятников старины, работы по фольклору, этнографии и истории славянских языков, древнерусским летописям. Его интересовали в первую очередь те области филологии, которые коренным образом были связаны с истоками Земли Русской.

Увлеченность языками и словом как духовным отражением древней истории еще больше возросла во время учебы А. А. Шахматова в московской 4-й гимназии, где в то время учителем русского языка был А.А. Преображенский, будущий автор фундаментального «Этимологического словаря русского языка». К этому периоду относится знакомство с Н.И. Стороженко, Е.Ф. Коршем, Ф.И. Буслаевым, Ф.Ф. Фортунатовым – крупнейшими учеными и мудрыми педагогами, поддержавшими ученика в его творчестве. Так, в бумагах А.А. Шахматова сохранилась тетрадь в переплете 1878 г. «Филологические разыскания», в которой содержатся замечания о корнях, санскритские, скандинавские, кельтские слова, списки географических названий. Там же мы находим разбор понятий *отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, бог, муж, жена, царь, князь, лев, волк, дом, огонь, вода, земля, солнце луна*. В тетради помещен и перечень санскритских слов, собранных А. А. Шахматовым [СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 404. 74 лл.]. В 1878–1879 гг. он продолжил заниматься ономастикой, латинской и греческой фонетикой, основами индоевропеистики и сделал разбор понятий *вода, земля, небесные светила* [Там же. Д. 405. 39 лл.].

Отдельно отметим несколько тетрадей в обложке «Имена местностей и народов, происхождение которых ясно, в основании appellativa и некоторые nomina propria» (1880-е гг.) [Там же. Д. 170, 171], «Имена и прозвания ясные и неясные. Выписки имен и географических названий из летописей и юридических актов» [Там же. Д. 172] (1880-е гг.), «Заимствования. Выписки географических и собственных имен из грамот и других юридических памятников» (1883–1884) [Там же. Д. 187]. Эти работы раннего А.А. Шахматова показывают нам принципы работы ученого с текстом, те факты, которые он искал и извлекал из источников. Его ономастические интересы прежде всего заключались в изучении «филологической антропологии» – исследовании всего культурного пространства народов, от их быта и верований до природных объектов. Особое внимание он уделял «именам местностей и народов» и географическим названиям, выписывая их из летописей и памятников русской деловой письменности.

Сами источники, которые находились в центре внимания ученого, уже можно назвать памятниками ономастики. Многие из них он использовал при подготовке трудов, часть из них в виде книг, литографий и рукописей хранится в его личном фонде: «Хроника Георгия Амартола» по списку библиотеки Московской духовной академии (литографированное издание), «Сочинения преподобного Максима Грека» (1859), «Полное собрание русских летописей» (1840–1910-е гг.), «Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, описание Нестора» (1879), «Летописец Новгородский...» (1819), «Летопись по Ипатьевскому списку» (1871), «Палея Толковая по списку,

сделанному в Коломне в 1406 г.» (1892, 1896), «Повесть временных лет» (1916) и др. Многие из этих книг с пометками А.А. Шахматова. Определенную ценность как источник по ономастологии имеют хранящиеся там же объемные (более тысячи листов) «Материалы для словаря древнерусского языка, проектировавшегося к изданию в Москве под ред. Ф.Ф. Фортунатова и Ф.Е. Корша» [СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 361, 362, 363]. Многочисленные выписки и заметки из книг И.И. Срезневского, А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева и других русских и зарубежных филологов, труды по смежным наукам вроде «Исторической географии» (1916) С. М. Середонина [Там же. Л. 88] показывают, насколько глубоким, практически всеохватным была исследовательская жажда ученого, стремившегося досконально изучить любой вопрос. Они свидетельствуют о колоссальной источниковедческой работе, которую проводил А. А. Шахматов в процессе подготовки научных сочинений.

Многие его работы не могли не опираться на данные ономастики. Приведем по описи фонда 134 лишь некоторые из них, имеющие очевидный семасиологический контекст. Это статьи «Сказание о призвании варягов» (1904) [СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 25], «Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Исследование» (1908) [Там же. Д. 29], «Корсунская легенда о крещении Владимира» (1908) [Там же. Д. 33], «Мордовская свадьба. Описание свадебного обряда» - не напечатано (1905–1909) [Там же. Д. 8], «Древние ляшские поселения в России» (1911) [Там же. Д. 5], черновые наброски и подготовительные материалы к работе «Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря» (1910-е гг.) [Там же. Д. 114], «Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии» (1913) [Там же. Д. 13], «Очерк древнейшего периода истории русского языка. Исследование» (1915) [Там же. Д. 30], «К вопросу о происхождении имени Варягов» - черновики к 1-й и 2-й редакции статьи «Врангалимен и Россофар» (1900-е гг.) [Там же. Д. 282], «Варанголимен и Россофар» – черновик 3-й редакции статьи под заголовком «К вопросу о происхождении и распространении имен Варяги и Русь» (1917–1918) [Там же. Д. 117], «Из прошлого русского племени» (1919) [Там же. Д. 3], «Древнейшие судьбы русского племени» (1919) [Там же. Д. 56], «Записка об изучении географической номенклатуры, читанная на заседании АИМК, в Постоянной комиссии по составлению археологических карт и изучению древних путей» (1919) [Там же. Д. 307], «Историческая этнография Восточной Европы» – незаконченная статья (1919–1920) [Там же. Д. 81].

Особенно тщательно А.А. Шахматов работал с летописными источниками, собственноручно готовил к ним карточки – «Материалы для именных и географических указателей к издаваемым летописям» [Там же. Д. 563–568].

Просматривая сочинения А.А. Шахматова, мы обратили внимание на такую ономастологическую особенность: ученый сопровождал лингвистический анализ историко-географическими, культурологическими, этнографическими сведениями об источниках, местности и народах. Так, например, в книге «Исследование о двинских грамотах XV в.» есть большой раздел «Несколько замечаний о территории и населении», в котором он

рассказал об истории Двинской земли. По его мнению, «древнейшие русские поселения на Двине относятся к XIII, а может быть и к XII в.» [Шахматов 1903, ч. I: 39]. Главными «строителями» сурового северного края были монастыри и храмы с их служителями – игуменами, старостами, чернецами, священниками, имена которых подробно названы при описании обитателей, в территориях владения которых и были созданы грамоты. Это Архангельский Михайлов, Николаевский Чухченемский, Николаевский Корельский монастыри. О последнем автор приводит такие сведения: «[он] был основан, как видно из духовной № 106, тщанием новгородской боярыни Марфы, выстроившей храм св. Николы на могиле, где похоронены были ее дети, Антон и Филикс, и пожертвовавшей ему обширные земли...; под 1419 годом в Новгородской 1-й упомянут в Корельском монастырь святого Николы в числе поселений, разграбленных мурманами» [Там же: 41–42]. И в описании церковей А.А. Шахматов прибегает к ономазиологическому методу: приводит сведения о местонахождении храма и его современном состоянии, названия приделов, указывает имена священников, упоминаемые в грамотах и т. д. Вот небольшой фрагмент из этой части исследования А.А. Шахматова: «Если идти вверх по Двине, то наиболее южную оказывается церковь св. Рождества (№ 70), которая[,] вероятно[,] тождественна с Рождественскою церковью в современном Ступинском приходе в 32 верстах от Холмогор, причем она была перенесена из города Орлеца, разоренного в 1398 году... Священником назван в № 70 Феодосий...» [Там же: 42].

Далее ученый описывал социальные слои населения этих мест – бояр и низшие классы, «как свободные, так и несвободные» [Там же]. Интересно наблюдение о *великих смердах*: «Чем отличались смерды от крестьян, от мелких землевладельцев, неясно; неясно также, почему они названы великими. Быть может, название “великие” смерды произошло от того, что они сидели в местности, названной почему-то Великими местами... На то, что смерды владели землей между прочим именно по речке Юре, правом притоке Двины, впадающем недалеко от Чухченемы, указывают географические названия Смердьево озерко близ речки Юры, Смердья речка там же... Во всяком случае из № 33 видно, что смерды были свободным классом населения, владевшим землей на правах частной собственности» [Там же: 46].

А. А. Шахматов отмечал, что в рукописях упоминались «остатки чудских племен»: «Указание на них находим и в наших грамотах: ср. имена Кур, Обекан, Нафлок» [Там же: 47].

Далее, что показательно для Шахматова-ономазиолога, он собрал и перечислил все имена «владычных» наместников на печатях: Остафий Яковлич, Дементий Алексеич, Яков Иванович, Ермола Алексеич, Фома Есипович, Ортемий Дементьевич, ... Микула Максимович, ... Миа Иванович, ... Дементий Кононович» [Там же: 51].

Интересны зафиксированные в грамотах и отмеченные А.А. Шахматовым названия денежных единиц того времени: *куны, белы, белки, рубли, куницы, гривна* [Там же: 60].

Примечательны ономастические наблюдения А. А. Шахматова, изложенные им в лекциях по «Введению в курс истории русского языка», первая часть которого освещала «исторический процесс образования русских племен и наречий». Ученый раскрывал здесь проблемы прародины славян и их соседей, писал о зарождении государственности, приводил дополнительные сведения о дреговичах, радимичах, вятичах. Каждый раздел книги – как ономастический цветник! Так, описывая племена по данным памятников письменности, он замечал, что «*полянми* Начальный свод называет то русское племя, в области которого находится город Киев», а «область *древлян...* называлась в Киеве *дерева...* Древлянские города *Искоростень* и *Вьручии* ясно свидетельствуют, что *древляне* сидели в нынешней Волынской губ.: ср. нынешний Искорость и г. Овруч» [Шахматов, 1916, с. 92]. Вообще этот труд можно назвать введением в историческую ономастику из-за обилия приведенных в нем данных и полезного «указателя названий народов, племен и т. п.» [Шахматов, 1916, с. 128–131]. То же следует подчеркнуть и в построении «Исследования о двинских грамотах XV в.», которое автор снабдил «Указателем имен собственных...» и «Указателем географическим...» [Шахматов, 1903, ч. II, с. 158–184], которые являются ценным источником по «филологической антропологии».

Теория ономастики, которую ученый специально не разрабатывал в своих трудах, как мы видим, все же неотделима от «имясловия», от тех лингвистических, историко-культурных идей А. А. Шахматова, которые соприкасались с изучением разных номинаций и шли рядом, как бы подпирая известные концепции или же полемизируя с ними. Заметим, что в его время эта наука как отдельная отрасль не существовала.

В более древние времена мы знаем немало примеров азбуковников и лексиконов, трактовавших собственные библейские имена, названия растений, животных и т. д. Это были первые попытки проникнуть в «философию имени». В XIX – начале XX вв. проблемы ономастики изучали с исторической, этнографической, богословской, реже – лингвистической точки зрения.

Единственным крупным трудом дореволюционного периода по истории ономастики надо признать «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова (1903), сетовавшего на то, что в нашей научной литературе отсутствует «исторический словарь русского языка». И как восполнение такого пробела автор считал целесообразным создать «специальные словари» [Тупиков, 1903, с. 1]. Он же опубликовал весьма интересный очерк-предисловие к «Словарю», где раскрыл взгляды на христианские и языческие имена и прозвища, на время появления отчества и его употребление и др. А.А. Шахматову как председателю в Отделении русского языка и словесности Императорской АН этот труд был, безусловно, известен. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранился такой документ: «Протокол Заседания ОРЯС от 11 сентября 1899 г. Ст. X. О решении передать на предварительное рассмотрение академика А.А. Шахматова присланный Е.Ф. Карским разбор труда Н.М. Тупикова “Словарь древнерусских личных собственных имён”, представленного в текущем году на соискание

Ломоносовской премии, саму рукопись и материалы к ней» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 208. Л. 47].

Подвижническая деятельность академика А. А. Шахматова дала толчок развитию целого ряда направлений в науке. Оставаясь по большей части традиционалистом, последователем Ф. Ф. Фортунатова, его ученик блестяще применял метод компаративистики для реконструкции языковых явлений, используя при этом щедрые факты ономастики, извлекаемые из рукописных памятников и древних источников. Историко-культурный, этнологический аспект в его сочинениях показывает ученого как тонкого наблюдателя ономастических фактов, которые помогли ему выстроить свою концепцию развития языка в древнейший период и предостеречь будущие поколения от ошибок в национальных вопросах [Никитин, 2018]. Можно сказать, что «филологическая антропология» А.А. Шахматова стояла у истоков современной этнолингвистики и семасиологии, истории культуры и славистики и придала новый импульс языковедческим исследованиям XX–XXI вв.

Список литературы

Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 1040 с.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

Макаров В. И. «Такого не бысть на Руси прежде...»: Повесть об академике А. А. Шахматове. – СПб.: Алетейя, 2000. – 390 с.

Масальская Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове. М.: Изд-во им. Сабашниковых: РГАЛИ, 2012. – 597 с.

Масальская-Сурина Е. А. История с географией. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2019. – 567 с.

Никитин О. В. «Утрата языка – это утрата народности» (из архивного наследия академика А. А. Шахматова) // Русская речь. – 2018. – № 5. – С. 28–35.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1903. – 857 с.

Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. Части I и II / Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903. – 140+184 с.

Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. Исторический процесс образования русских племен и наречий. – Пг.: Типография «Научное дело». 1916. – 146 с.

Шахматов А. А. Избранная переписка: в 3 т. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным / Отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. – 944 с.

ЛОКАЛИЗАТОРЫ АГИОНИМОВ НОВГОРОДСКИХ ПРЕПОДОБНЫХ: ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е.О. Орлова

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)*

Рассмотрена тема развития агиоантропонимов, конкретно, модель того варианта, которая включает оттопонимические прилагательные как локализаторы, адресующие воспринимающих к месту служения преподобных. Отмечено преобладание модели

агиоантропонимов с локализаторами среди имён преподобных из собора новгородских святых. На примере агиографии преподобного Варлаама Хутынского представлено стабильное отсутствие локализатора вплоть до XVII в. Комплексный анализ источников и сопоставление с агиоантропонимами преподобных из соборов святых других русских земель обозначены как возможные направления в исследовании времени и причин появления локализаторов в именах преподобных.

Ключевые слова: агионимы; агиоантропонимы; оттопонимические прилагательные, локализатор; жития преподобных

Агионимы выступают значимой частью сакрального ономастикона. Н.В. Подольская называет агионимом имя святого [Подольская, 1978, с. 26]. И.В. Бугаева уточняет и конкретизирует понятие, включая в него не только имя собственное святого, но и имена объектов, «на которых почивает благодать Божия или святость через чин прославления или освящения» [Бугаева, 2007, с. 9]. В систему агионимов, по мысли автора, входят, «агиоантропонимы ..., агиотопонимы, эортонимы (названия церковных праздников), экклезионимы (названия храмов и монастырей), иконимы (название икон)» [Бугаева, 2007, с. 9]. При этом под агиоантропонимом учёная предлагает понимать «апеллятивно-антропонимический комплекс, служащий для номинации прославленных христианских святых» [Бугаева, 2007, с. 9].

Считаем необходимым указать на исследование А.И. Грищенко «Этнонимические прозвища святых в православном Синаксаре: опыт статистического исследования» [Грищенко, 2013], в котором он подвергает сомнению сам подход к классификации антропонимов, включая агиоантропонимы, что основано на отказе от формально-классификаторского подхода к материалу, разработанного в советской ономастике (автор ссылается на работу Н.В. Подольской): «поскольку она базируется не столько на лингвистических основаниях, сколько на прямолинейном позитивистском членении мира, которое механически проецируется на собственные имена» [Грищенко, 2013, с. 26]. Кроме того, учёный справедливо подчеркивает, что введение классификации имён святых затрудняется их различием в различных источниках, даже одного жанра. Отсутствие единого термина для такого компонента как «чин святости» (варианты «лик святых», «тип святых») тоже имеет значение. Грищенко предлагает типологию прозвищ святых, среди которых есть прозвища, включающие оттопонимические прилагательные, «указывающие на связь святого с тем или иным городом, селом, монастырем, страной, рекой или озером, которые могут быть и местом рождения святого, и местом его подвигов» [Грищенко, 2013, с. 34].

Мы склоняемся по отношению к новгородским преподобным использовать термин агиоантропоним и ту его модель, которая получила наибольшее распространение в именах этих святых, т.к. она позволяет обсудить различные аспекты исторической памяти.

В двухтомном издании 2006 года «Святые Новгородской земли, или история святой Северной Руси в ликах X – XVIII вв.» представлены материалы о 217 святых, из них как минимум 132 относятся к преподобным, в том числе 20 игуменов и одна игуменья; в это число не включены новгородские владыки [Святые Новгородской земли, 2006]. Примечательно, что большинство

агиоантропонимов преподобных соответствует модели – чин святости + имя + локализатор: *преподобный Варлаам Хутынский, преподобный Михаил Клопский, преподобный Антоний Леохновский, преподобный Ксенофонт Робейский, преподобный Александр Свирский* и т.д. Отметим, что И.В. Бугаева предлагает восемь моделей агиоантропонимов. Например, помимо уже обозначенной такие: чин святости + имя + номинатор (*преподобный Иоанн безмолвник*) или чин святости + имя + дескриптор (*святитель Вонифатий Милостивый*) и др. [Бугаева, 2007, с. 28–29]. У преподобных, относящихся к собору новгородских святых, преобладает модель с локализатором. Можно назвать определённо двух святых с иной моделью: *преподобный Антоний Римлянин* и *преподобный Макарий Римлянин*. В классификации, предложенной И.В. Бугаевой, такой вариант отсутствует; там есть модель: чин святости + имя + этноним. По аналогии, возможно рассмотреть вариант чин святости + имя + катойконим, т.к. третья часть указывает нам на исторический факт прибытия святых из Италии; в Риме они оба родились и когда-то проживали там. Преподобный Антоний Римлянин чудесным образом за три дня на камне приплыл в Новгород в XII в., преподобный Макарий Римлянин в начале XVI в. принял монашество в новгородской земле и основал здесь новую обитель. Отметим, что это условный вариант, т.к. на момент формирования имени-прозвища, оба святых уже были жителями других населённых пунктов, а не Рима.

Обратим внимание, что в локализаторах преподобных указан не монастырь, где подвизался святой, а более древний топоним, ставший частью экклезионима. Приведём несколько примеров наименования обителей, где монашествовали названные святые, в чьих агиоантропонимах присутствует локализатор:

- *преподобный Варлаам Хутынский – Спасо-Преображенский Варлаамо-Хутынский женский монастырь* (ныне действующий);
- *преподобный Михаил Клопский – Свято-Троицкий Михайло-Клопский мужской монастырь* (ныне действующий);
- *преподобный Антоний Леохновский – Спасо-Преображенский Антониево-Леохновский мужской монастырь* (ныне действующий),
- *преподобный Александр Свирский – Свято-Троицкий Александра Свирский мужской монастырь* (ныне действующий);
- *преподобный Ксенофонт Робейский – Ксенофонтов Робейский Николаевский монастырь*.

Обозначение в локализаторе не названия главного монастырского храма, а топонима, который связан с этим местом ещё до основания обители, объясняется просто. Церкви могли иметь одинаковое посвящение, например, празднику Преображения Господня, и тогда они не могли бы выполнять функцию локализаторов, указывающих место служения преподобного Богу. Рассмотрению древних топонимов, чьи названия вошли в состав агионимов, посвящаются специальные исследования [Васильев, 2005; Строгова, Секретарь, 2012].

Для нас интерес представляет определение времени, когда появляется локализатор в агеоантропониме, ведь изначально имя святого звучало без него. Например, преподобный Зиновий Отенский, подвизавшийся в Отенском монастыре, так обозначает себя в документе XVI в.:

«Посланная грамотка от старца Зеновия Отинского монастыря ис пустыни к государеву великаго князя диаку Якову Шишкину
Государю моему Якову Васильевичю нищий докучник и богомолец твой старец
Зиновие челом бьет...» [Клибанов, Корецкий, 1961, с. 219].

Если в названии документа можно предположить присутствие будущего локализатора в развёрнутом виде – *Отинского монастыря*, то далее по тексту автор уже употребляет только своё имя. Сейчас агеоантропоним этого святого звучит следующим образом – *преподобный Зиновий Отенский*. На наш взгляд, определение момента, когда и под влиянием каких условий первоначальное именование будет преобразовано в существующий ныне вариант может стать важным направлением в исследовании агеоантропонимов.

Несомненно, наряду с другими источниками одним из основных будет выступать агеографическая литература, различные редакции житий святого. Так, Житие преподобного Варлаама Хутынского, одного из самых почитаемых новгородских святых, сохранилось «более чем в десяти редакциях, подразделявшихся на ряд вариантов и групп» [Дмитриев, 1987, с. 138]. Л.А. Дмитриев приводит название и начало второй редакции жития, датированное первой половиной XV в.: «"Месяца ноября 6, память преподобного отца нашего Варлаама чудотворца" (нач.: "Сей преподобный отец наш Варлаам родился...")» [Дмитриев, 1987, с. 139]. И далее по тексту имя святого приводится без агеоантропонимического прилагательного, например, в посмертном чуде «О утопшем в реце», где речь идёт о некотором новгородце, который «имея веру к преподобному Варлааму», пришёл в Хутынский монастырь [Дмитриев, 1973, с. 22].

Обратим внимание, что святой жил в XII в., текст второй редакции его жития относится к XV в. и, как видно, локализатор ещё не присутствует в агеоантропониме.

Редакции Жития, составленного Пахомием Логофетом, имеет в своей основе вторую редакцию, обогащённую стилистическими правками и нравоучительными добавлениями. Время её появления относят ко второй половине XV в. Как отмечает Дмитриев, редакция сербского монаха имеет «пространный заголовок: "Житие и подвизи преподобнаго и богоноснаго отца нашего Варлаама игумена, иже на Хутине пречестень монастырь составившаго..."» [Дмитриев, 1987, с. 139]. Таким образом, агеографические источники XV в. демонстрируют отсутствие локализатора, притом, что в названии Жития может быть указана связь преподобного с основанной им обителью.

В исследовании Э.А. Гордиенко «Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житии и мистериях, XII–XVI века» помещено фототипическое воспроизведение рукописи второй половины XVI века, содержащей редкую редакцию Жития Варлаама Хутынского [Гордиенко, 2010]. В

Археографическом описании рукописи (автор О.А. Абеленцева) в разделе «Записи» указано: «Л.1. Запись скорописью XVII в. светло-коричневыми чернилами – краткое оглавление сборника: "Месяца ноября в 6 день Житие Варлаама иже на Хутыне..." 2. Вкладная запись на нижних полях л. 2-4: "Дал сию книгу Житие Варлаама Хутынского да Михаила Клопского и Великого Нова Града Антоньева монастыря старец Герасим в дом Вознесению Христову да Рождеству Иоанна Предтечи..."» [Гордиенко, 2010, с. 219]. В содержании собственно самой рукописи XVI в. нигде не обозначен локализатор в имени святого: «Месяца ноября в 6 день. Житие и подвизи преподобного и богоносного отца нашего Варлаама иже на Хутыни пречестен монастырь составльшаго боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и в нем общее житие составльшаго. ... "О рождении блаженного Варлаама" – л. 4; «Сказание о сугубей любви иже во святых отца нашего Антония архиепископа Великаго Новаграда к преподобному Варлааму чудотворцу. Чудо св. Варлаама о осуженных" – л.8 об.» и т.д. [Гордиенко, 2010, с. 219–220]. Таким образом, мы можем предположить, что собственно сам текст Жития XVI в. сохраняет принятое наименование святого – «преподобного и богоносного отца нашего», «блаженный» и т.д. без локализатора, а во вкладной записи XVII в. появляется уже привычное нам наименование с локализатором – «Варлаам Хутынский». Можно предположить, что в официальных текстах долгое время сохраняется изначально принятое наименование, а локализатор используется в разговорной речи, что и нашло отражение во вкладной записи.

Интересно, что в «Книге житий святых» (конец XVII – начало XVIII вв.) святитель Дмитрий Ростовский вообще не упоминает название места, где расположен монастырь, в котором подвизался преподобный Варлаам Хутынский. Получается, что автору это не представлялось значимым. Указана церковь во имя Преображения Господня, поставленная преподобным и ставшая главным храмом обители. Сам текст имеет название «Житие преподобного отца нашего Варлаама, Новгородского чудотворца» [Святитель Дмитрий Ростовский].

На наш взгляд, объяснение причины появления локализаторов в агеоантропонимах новгородских преподобных как отражения исторических процессов или языковых явлений, или их общего влияния предполагает привлечение комплекса источников. Так же интерес вызывает сопоставление имён преподобных из собора новгородских святых с именами из соборов святых других русских земель: насколько преобладание модели с локализатором выступает особенностью агеоантропонимов именно новгородских преподобных или это можно рассматривать как общерусское явление. Определение времени появления локализатора может помочь осмыслить необходимость такого указателя как определённого феномена исторической памяти.

Список литературы

Бугаева И.В. Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ: Монография. – Москва: ФГОУ ВПО РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2007. С. 138.

Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимические образования) / НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2005. – 468 с. (Серия «Монография»; Вып. 4).

Гордиенко Э.А. Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житии и мистериях, XII-XVI века [Текст] / Э.А. Гордиенко; Российская акад. наук, Санкт-Петербургский ин-т истории РАН. – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2010. – 638 с.: цв. ил., портр., факс.; 29 см.

Грищенко А.И. Этнонимические прозвища святых в православном Синаксаре: опыт статистического исследования / А.И. Грищенко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. – 2013. – № 4(34). – С. 21-39.

Дмитриев Л.А. Житие Варлаама Хутынского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) / ред. Д.М. Буланин, О.В. Творогов. – Л.: Наука, 1987. – С. 138-142.

Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII – XVII веков. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. – 303 с.

Клибанов А.И., Корецкий В.И. Послание Зиновия Отенского дьяку Я.В. Шишкину // ТОДРЛ. М.; Л., – 1961. Т. 17 – С. 201–224.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Отв. ред. А.В. Суперанская. – Москва, Наука, 1978. – 198 с.

Святитель Дмитрий Ростовский. Житие преподобного отца нашего Варлаама, Новгородского чудотворца [Электронный ресурс] // URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/dimitr_rostov/nojabr/txt20.html (дата обращения: 17.05.2024).

Святые Новгородской земли, или история святой Северной Руси в ликах X – XVIII вв. в 2 томах. Том 1 X – XV вв. Том 2 XVI – XVIII вв. – Великий Новгород, 2006. – 1472 с.

Строгова В.П., Секретарь Л.А. Древние топонимы Великого Новгорода и его окрестностей. – Великий Новгород, 2012. – 92 с. [ил.].

СТРУКТУРА АРМОНИМИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Т. П. Романова

Самарский национальный исследовательский университет

им. академика С. П. Королёва

(Самара, Россия)

Статья посвящена исследованию структуры армонимического поля, ядро которого составляют армохремотонимы – индивидуальные собственные имена единиц российских вооружений, а периферию образуют армопрагматонимы – наименования марок оружия и военных механизмов, используемые как дополнительные словесные знаки идентификации наряду с обязательными общевоинскими буквенно-цифровыми индексами.

Ключевые слова: *российская ономастика; собственные наименования вооружений; армонимы; армохремотоним; армопрагматонимы; структура армонимического поля*

Полевой подход к изучению онимов разных разрядов, традиционно применяющийся в российской ономастике, предполагает выявление типологии онимов, специфики их системных связей, закономерностей создания и функционирования в языке и речи. «Ведущим направлением анализа при полевом подходе является описание ядерно-периферийных отношений исследуемых единиц» [Разумов, 2023, с. 105].

К определению понятия поля в ономастических исследованиях впервые обратилась А.В. Суперанская: «Поле в ономастике – это прежде всего определенная сфера соотнесенности имени. Для участников коммуникации она обычно бывает определена экстралингвистически» [Суперанская, 1973, с. 280]. Внутри общего российского ономастического поля выделяются частные поля «в связи с объектной соотнесенностью имен: антропонимическое, топонимическое и т. д. в соответствии со сферами, на которые мы делим ономастическое пространство» [Суперанская, 1973, с. 281].

Собственные наименования российского оружия и военной техники – армонимы [Романова, 2023, с. 269] – формируют специфическое армонимическое поле, представляющее собой систему имен, «каждый член которой увязан с другими по ряду параметров: территория, время, тема, разновидности объекта и т.п.» [Суперанская, 1973, с. 281].

В структуре российского армонимического поля выделяются два основных разряда онимов: армохреMATонимы, которые служат для индивидуализации боевых единиц (самолет Ту-160 «*Николай Кузнецов*»), и армопрагматонимы – наименования марок оружия и серийных моделей военных механизмов (танк Т-90М «*Прорыв*») [Романова, 2024, с. 177].

Внутри этих разрядов различаются официальные и неофициальные онимы. Официальные именованья появляются в результате актов искусственной номинации боевых единиц государственными структурами и закрепляются в официальных документах, публикуются в специальных справочниках, используются в общественно-публицистических изданиях. Их состав относительно стабилен и в настоящее время доступен широкой общественности. Например, Интернет-ресурсы «Вооружение.рф» [Вооружение] и «Словесные названия российского оружия» [Словесные названия] содержат порядка 5000 официальных армопрагматонимов. Не менее многочисленны открыто публикуемые списки собственных имен кораблей ВМФ России [Российский государственный архив] и подводных лодок [Каланов, 1988].

Неофициальные военные онимы, подобно прозвищам, функционируют в речевой практике профессиональных коллективов. Они локальны и вариативны, нередко представляют собой стилистически сниженные сленгизмы. Ср., например, армопрагматонимы автомата Калашникова: АК-47 – «*весло*», складной АК-74-мс – «*окурок*», укороченный АКС74У – «*Ксюха*». Неофициальные армохреMATонимы используются в речи участников СВО. Например, танк Т-80БВ, который экипаж называл «*Дед Мороз*», или, сокращенно, «*Дед*», в результате легендарного боя стал широко известен под позывным «*Алёша*».

Традиционно к ядру ономастического поля относят собственные имена, которые «наиболее специализированы на выполнении функций поля, систематически используются, выполняют функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конституентами поля и обязательны для поля» [Попова, 1989, с. 6]. Околоядерное пространство образуют единицы с «более низкой частотностью, специфической стилистической окрашенностью» [Супрун, 2000, с. 17]. Для единиц периферии

поля характерна «слабая структурированность и системность, использование для обозначения однотипных объектов названий, разнообразных по структуре» [Крюкова, 2004, с. 80].

Выделение ядра и периферии в структуре армонимического поля довольно проблематично, прежде всего, потому, что почти все армонимы находятся на периферии ономастического пространства. Среди них практически нет слов, которые можно было бы без родового термина отнести к разряду армонимов. Функционирование преимущественно в профессиональном или специализированном общественно-политическом дискурсе отчасти снимает проблему речевой коммуникации.

Официальные армопрагматонимы в отечественной практике не являются обязательными для каждой серийной модели военной техники, которые, как правило, маркируются при помощи общевоинских буквенно-цифровых индексов (МиГ-35, Су-25 «*Грач*», Ту-160 «*Белый лебедь*»).

Еще более узкий круг видов российских вооружений традиционно получает индивидуальные именованья – армохреMATонимы. В обязательном порядке именуется крупные суда ВМФ (фрегат 1-го ранга «*Адмирал Головкин*», подводная лодка «*Алроса*»), строевые самолеты (Ту-160 «*Валерий Чкалов*») и ракетноносцы (Ту-95МС «*Москва*»). Во время Великой Отечественной войны танкам, построенным на народные пожертвования, также давали индивидуальные имена: ИС-2 «*Владимир Маяковский*», Т-34 «*Грозный*». Неофициально индивидуализируют свои бронемашину участники СВО: «*Грозный*» / «*За Матушку Россию!*». Боевые единицы остальных видов вооружений индивидуальных имен, как правило, не имеют. Таким образом, очевидно, что армопрагматонимы охватывают значительно большую часть видов вооружений, чем армохреMATонимы.

В то же время российские военные хреMATонимы имеют более длительную традицию употребления. В России именованья уникальных артиллерийских орудий известны с середины XVI в., например, осадные пищали: «*Павлин*» (1555), «*Беркут*» (1571), «*Лисица*» (1575), «*Единорог*» (1577), «*Аспид*», «*Лев*», «*Медведь*» (1590) и др. На корпусе такого изделия помещалось изображение, соответствующее его имени. Таким образом, средневековые орудия были оригинальными произведениями военно-инженерного искусства, вербально и визуально воплощавшими идею персонализации [Романова, 2022, с. 51–52].

С конца XVII в. используются хреMATонимы кораблей ВМФ России. В царском указе царя Алексея Михайловича, построившего первый военный корабль в 1668 г., говорилось: «...на корабле «*Орел*» поставить на носу и на корме по орлу и на знаменах, и на яловчиках [вымпелах] нашивать орлы же» [Крючков]. Декор кораблей, как и средневековых артиллерийских орудий, в обязательном порядке включал символические знаки, соответствующие их именам, аллегорические фигуры на носу, эмблемы, рисунки на парусах, знаменах и вымпелах, а также надписи и девизы [Романова, 2023, с. 48].

Имена первых кораблей повторяли символические номинации средневековых орудий («*Лев*», «*Единорог*»), олицетворяли природные стихии

(«*Ветер*», «*Гром*», «*Молния*»). Корабли высших рангов получали меморативные имена-посвящения православным святым («*Апостол Петр*»), императорам («*Петр Первый и Второй*»), знаменитым соотечественникам («*Александр Невский*»), названиям мест боевой славы («*Севастополь*») и ключевых событий Российской истории («*Полтава*»).

Суда российского ВМФ могли переименовываться в соответствии с изменением политических установок. Так, линкор-дредноут «*Гангут*», в 1909 г. названный в честь победы в Гангутском сражении 1714 г., в 1925 стал называться «*Октябрьская революция*». Таким образом, очевидно, что состав российских корабельных хрематонимов традиционно соответствует актуальному политическому курсу государства, выражая его имиджевые характеристики.

Хрематонимы первых кораблей, построенных по типовым серийным моделям, начинают использовать как прагматонимы по отношению ко всей серии. Так, известно, что 54-пушечные линейные корабли типа «*Пётр Второй*» входили в состав ВМФ России с 1728 по 1774 г., 66-пушечные линейные корабли типа «*Слава России*» – с 1733 по 1791 г. [Российские надводные корабли и суда]. Таким образом, российская корабельная прагматонимия восходит к хрематонимии, сохраняя память об именах головных кораблей.

Прагматонимы самолетов в России появляются в начале XX в. Импортные модели называются именами конструкторов («*Фарман*», «*Ньюпор*», «*Блерио*»), российские – аббревиатурными индексами (модели И. И. Сикорского *С-3А*, *С-5*, *С-6А*, *С-16*, *С-20*) или же условно-символическими именами («*Лебедь-ХII*» от фамилии пионера-авиатора и основателя Таганрогского аэропланового завода В. А. Лебедева).

Для современных моделей отечественных летательных аппаратов используются отфамильные прагматонимы, «расшифровывающие» буквенно-цифровые индексы: *Як-130* – «*Яковлев*», *Ка-52* – «*Камов*». Некоторые модели могут иметь, кроме того, символические прагматонимы: *Ту-44* «*Ирбис-С*», «*Ирбис-Л*», «*Ирбис-Т*»; *Ка - 50* «*Черная акула*», «*Аллигатор*»; *Ка-52К* «*Катран*».

Прагматонимы советской бронетехники появляются в конце 30-х годов XX в. Так, аббревиатурный индекс тяжелого танка *КВ* «расшифровывается» как «*Климент Ворошилов*», *ИС-1* – «*Иосиф Сталин*». Начиная с послевоенного периода, некоторые модели танков получают символические прагматонимы: *Т-72* «*Урал*», *Т-80* «*Гроза*», *Т-80УД* «*Береза*», *Т-72Б2* «*Рогатка*», *Т-90* «*Владимир*», *Т-14* «*Армата*», *Т-90М* «*Прорыв*».

Современные российские армопрагматонимы в условиях профессиональной коммуникации оказываются более эффективными, чем обязательные общевойсковые буквенно-цифровые индексы. Генерал-полковник Виктор Есин подчеркивает значимость для них таких акустических и семантических параметров, как звучность, удобство при передаче голосом (что важно в условиях плохой связи) и легкую запоминаемость [Шквал].

Проведенное нами исследование российского армонимического поля показало, что его лексический состав включает коммуникативные единицы, обладающие специфическим набором прагмалингвистических параметров, которые обеспечивают этим, принципиально неописательным по отношению к объектам номинации, онимам выполнение криптонимической функции и коммуникационное удобство. Специфические параметры, проявляющиеся на графическом, фонетическом, словообразовательном и семантико-стилистическом уровнях, определяют сходство и различие двух основных типов онимов в составе армонимического поля.

Общими для армохремотонимов и армопрагматонимов являются: 1) кириллический алфавит, 2) семантический способ образования, 3) прозрачность внутренней формы, 4) символичность номинации, 5) патриотическая направленность.

Различаются: 1) протяженность номинации: если армопрагматонимы имеют предельно лаконичную форму – это однословные онимы, 1-3 слога (РСЗУ «Град», «Торнадо»), – то армохремотонимы могут быть многословными наименованиями (фрегат «Адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков»); 2) артикуляционная простота и акустическая ясность, обязательные для армопрагматонимов (РСЗУ «Ураган»), не имеют принципиального значения для армохремотонимов (ракетный корабль «Град Свяжск»); 3) стилистическая нейтральность или даже ироничность некоторой части армопрагматонимов (БПЛА «Упырь») противопоставляется высокой стилистической окраске армохремотонимов (подводная лодка «Владимир Мономах»); 4) армопрагматонимы, как правило, не имеют функции посвящения – среди армохремотонимов, напротив, доминируют меморативные номинации, выполняющие имиджевую функцию: ракетный крейсер «Пётр Великий», самолеты: Ту-160 «Илья Муромец», Ту-95МС «Самара», танк Великой Отечественной войны Т-34 «Мстители Донбасса», танк на СВО Т-64БВ «За Донбасс»; 5) принципиальная индивидуальность армохремотонимов противопоставляется свободному повторению слов в составе армопрагматонимии: гаубицы 2С21 «Мста-К», 2С19М1 «Мста-С», 2С33 «Мста-СМ».

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что ядро армонимического поля составляют армохремотонимы, которые имеют более длительные традиции употребления и служат для индивидуализации военно-технических средств, а также в силу меморативности и символичности состава тесно связаны с такими ядерными разрядами ономастического поля России, как антропонимия и топонимия. Армопрагматонимы, хотя и охватывают более широкий круг видов вооружений, однако номинируют серийные модели и, таким образом, по своим функциям сближаются с нарицательной лексикой.

Список литературы

[Вооружение.рф](https://xn--b1agacl3aeas4a.xn--p1ai/armaments/?ysclid=lahz86y594587704277). Каталог военной техники. [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1agacl3aeas4a.xn--p1ai/armaments/?ysclid=lahz86y594587704277> (дата обращения: 25.11.2022).

Каланов Н. Имена подводных кораблей // Проза.ру. – 1988. [Электронный ресурс] // URL: <https://proza.ru/2019/07/19/1706> (дата обращения: 10.04.2024).

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 288 с.

Крючков Ю.С. Имя на борту. – М.: Транспорт, 1989. – 157 с. [Электронный ресурс]// URL: <https://coollib.com/b/594440/read?ysclid=ldna7x3mcw506221445> (дата обращения: 14.02.2023).

Попова З.Д. Введение // Полевые структуры в системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1989. – С.3 - 8.

Разумов Р.В. Русская урбанонимия: Полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования: монография. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. – 387 с.

Романова Т.П. Армонимы в онимическом пространстве России // Ономастика Поволжья: Материалы XXI Международной научной конференции. Рязань, 3-7 октября 2023. – Рязань, 2023. – С.269-274.

Романова Т.П. Состав российского армонимического поля и его динамика // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – Самара, 2024. – Т. 30. – № 1. – С. 175-185.

Романова Т.П. Типология онимов в сфере российских вооружений // Вестник ДонНУ. – Сер. Д: Филология и психология. 2022. – № 3. – С. 50-58.

Романова Т.П. Традиции проприальной номинации российских вооружений // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: сборник научных статей, посвящ. юбилею Л. Б. Карпенко, д-ра филол. наук, проф. / отв. ред. Н.А. Илюхина. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2023. – С. 44-54.

Российские надводные корабли и суда [Электронный ресурс]// URL: <https://ruxpert.ru> (дата обращения: 10.04.2024).

[Российский государственный архив военно-морского флота](https://rgavmf.ru/books/boevaya-letopis-russkogo-flota/ukazatel-nazvaniy-korabley?ysclid=lutfj7mikz845748126) [Электронный ресурс]// URL: <https://rgavmf.ru/books/boevaya-letopis-russkogo-flota/ukazatel-nazvaniy-korabley?ysclid=lutfj7mikz845748126> (дата обращения: 10.04.2024).

[Словесные названия российского оружия](https://ru.wikipedia.org/wiki) // Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]// URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 25.11.2022).

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

Шквал, Ярс и другие: как создаются названия российских ракет [Электронный ресурс]

URL: https://news.rambler.ru/other/40333322/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.11.2022).

КОРПУСНАЯ ОНОМАСТИКА: ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В. И. Супрун

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград, Россия)*

В статье рассматриваются перспективы использования Национального корпуса русского языка (НКРЯ) для изучения истории и современного функционирования имён различных разрядов в русском языке. С помощью корпуса удаётся более детально установить грамматические, деривационные, стилистические, частотные, исторические и пр. характеристики имён собственных. Использование НКРЯ для ономастических исследований становится обязательным условием для выявления и описания функционирования онимов в языке и речи.

Ключевые слова: ономастика; корпус; словоформа; антропоним; мелиоратив; топоним; урбаноним; библионим

В наши дни лингвисты всё чаще обращаются в своих исследованиях к лингвистическим корпусам. Е. В. Грудева характеризует корпусную лингвистику как «раздел прикладной лингвистики, связанный с разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текстов) с использованием компьютерных технологий» [Грудева, 2012, с. 79]. С. Ю. Толдова выделяет два аспекта корпусной лингвистики: «во-первых, создание и разметка (аннотирование) корпусов текстов и разработка средств поиска по ним — и, во-вторых, собственно лингвистический — экспериментальные исследования на базе корпусов» [Толдова, 2019, с. 407]. Один из разработчиков Национального корпуса русского языка (НКРЯ) В. А. Плунгян полагает, что «намечаются контуры новой модели языка, которая в ряде существенных отношений отличается от привычных моделей, сложившихся в последней четверти XX века» [Плунгян, 2008, с. 7–20].

НКРЯ представляет собой разветлённую систему корпусов, созданных по общей модели, но с неизбежной спецификой для каждого из них. Основной корпус по состоянию на 09.06.2024 содержит 374 449 975 слов, извлечённых из 131 488 письменных прозаических текстов, созданных с 1700 года по начало XXI века. Устный корпус состоит из 14 554 052 слов, расшифрованных из 4514 текстов магнитофонных записей публичной и бытовой повседневной устной речи, а также транскрипты кинофильмов, театральных спектаклей и записей чтения художественной прозы в исполнении авторов и профессиональных чтецов. Некоторые корпуса разделяются на подкорпусы (или параллельные корпуса). Газетный корпус состоит из подкорпусов центральных и региональных СМИ. Сложную структуру имеет исторический корпус, в него входят древнерусский, старорусский, церковнославянский подкорпусы, эпиграфика и берестяные грамоты. Объём каждого из них различается, порой существенно: церковнославянский параллельный корпус содержит 5 264 583 слова, извлечённых из 1419 текстов, а древнерусский имеет всего 838 928 слов из 301 текста.

Уже простое обращение к частотным словарям отдельных корпусов НКРЯ даёт возможность обнаружить ономастические единицы, зафиксированные в текстах. Так, в подкорпусе центральных СМИ среди существительных 2-е место занимает топоним *Россия*, 9-е место – *Москва*, 34-е – *Украина*, на 35-м месте находится антропоним *Владимир*, на 60-м – *Александр*. В древнерусском параллельном корпусе 1-е место закреплено за феонимом *Богъ*, 9-е – *Господь*, 19-е – *Изаславъ*, 24-е – *Володимеръ* (странно, что без ъ), далее друг за другом идут *Кыевъ*, *Сватославъ*, *Новъгородъ*, на 29-м месте – *Мьстиславъ* и т. д. Запись топонима *Новъгород* с ъ после первой части композита даёт основание предполагать, что в языке ещё не произошло полное слияние двух частей сложного слова. Обращение к поиску грамматических форм подтверждает это: в 37 текстах 149 раз зафиксирована форма родительного падежа *Новагорода*, в 35 текстах отмечено 205 примеров формы дательного падежа *Новугороду* и т. д.

НКРЯ позволяет мгновенно определить портрет слова. Запрос антропонима *Василий* даёт следующую картину. Грамматика:

существительное, одушевлённое, мужской, имя. Семантика: *имена собственные, лица, имена.* В виджете «Скетчи», который показывает, как слово взаимодействует с другими словами в языке, какова его сочетаемость (коллокации) со словами разных частей речи с учётом синтаксических связей, данных не представлено, хотя приведённые ниже примеры показывают взаимодействие имени с правым и левым контекстом. Приведены однокоренные слова, являющиеся вариантом антропонима (*Василь*), мелиоративом (*Василёк*) или фитонимом (*василёк*), женским именем (*Василиса*), отчествами (*Васильевич, Васильевна, Васильич*), фамилиями (*Васильев, Васильевский, Васильчиков, Васильева*). Гипокористическая форма *Вася* в списке отсутствует, её портрет даётся отдельно. Приведена полная парадигма падежных форм имени, включая случаи множественного числа именительного и родительного падежей: *Василии, Василиев*. Распределение результатов поиска по датам показывает, что первая фиксация относится в 1682 году, последняя – к 2021. Отмечено, что 56% использования лексемы относится к художественным текстам.

Гипокористика *Вася* имеет при семантическом описании дополнительную характеристику: краткие имена. К дериватам отнесены формы нового вокатива (*Вась, Васьк* [Даниэль 2009; Супрун 2001]), фамильно-пейоративная форма (*Васька*), фамилии (*Васькин, Васьков, Васьковский, Васькина*), топонимы (*Васькино, Васьково*) и сочинённое нейросетью слово *васькиний*, которое на самом деле является притяжательным прилагательным *Васькин*, имеющего сочетаемость в правом контексте со словами: *мать, мама, отец, тело, голова, двор, нога, рука, лицо.*

При всей лёгкости обнаружения онимов в различных текстах исследователь при обращении к НКРЯ должен самостоятельно отделять омонимичные и апеллятивные единицы друг от друга. Слово *Царицын* отмечено как *существительное, неодушевленное, мужской, топоним*, однако семантическая характеристика добавляет сему: *фамилии*. Поиск в основном корпусе показывает, что среди 793 случаев словоупотребления в 405 текстах первая фиксация слова в XVIII веке относится к городу на Волге, топоним упомянут в указе Петра I «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов» (1708). В 1751 году упоминается петербургский микротопоним с таким же названием: *Против Летняго Дому, промеж Каналов, был Луг, которой назывался Царицын*. Это название упоминается в книге К. П. Масальского «Регентство Бирона» (1834), в дневнике М. А. Корфа (1838–1839), в воспоминаниях Ф. В. Булгарина (1846–1849), в книгах В. В. Крестовского «Панургово стадо» (1869), Г. П. Данилевского «Потемкин на Дунае» (1876), в дневниках Д. А. Милютина (1878), П. И. Чайковского (1887), Николая II (1894–1896, 1904–1907), К. К. Романова (1896, 1902, 1903) и др. В 1832 году там же зафиксирован микротопоним *Царицын сад*: *В четыре часа утра, когда уходил, Екатерина с великими княжнами Анной и Елисаветой отправлялись в Царицын сад, потом известный под именем Малого Летнего и ныне принадлежащий к Александровскому дворцу*. В 1845 году Дружинин упоминает о *Царицыным острове* в Петергофе. О нём же и о *Царицыным Луге* пишет в своей книги

«Жизнь художника» А. Ф. Бенуа (1955). В сборнике документов 1941 года упоминается населённый пункт *Царицын Кут*.

От топонимов не было отделено притяжательное прилагательное *царицын*, отмеченное среди примеров трижды. Еще сложнее отделить разные слова, совпавшие в омоформах косвенных падежей. Слово *Царицына* отмечено в 622 случаях употребления в 315 текстах, оно встречается как родительный падеж топонимов *Царицын*, *Царицыно*, *Новое Царицыно*, *Царицын Луг*, форма женского рода притяжательного прилагательного *царицына*, в том числе в составе топонима *Царицына слобода*, как фамилия мужчины в родительном падеже и женщины в именительном, в составе фильмонима «Оборона Царицына» и др. Все рассмотренные выше и ниже примеры взяты с сайта НКРЯ ([https://ruscorpора.ru](https://ruscorpورا.ru)). Следовательно, существенное облегчение работы исследователя, которое обеспечивает НКРЯ, не обходится без его последующего кропотливого анализа всех контекстов и уточнения семантики и грамматики слов.

Имеется ещё один аспект затруднений, возникающих при использовании НКРЯ в исследованиях. Распознавание текстов осуществляет нейросеть, которая равнодушна к смыслу распознаваемого, в результате возникают ошибки при неточном распознавании близких по начертанию букв русской азбуки. В НКРЯ встречается 24 примера в 14 тестах с именем *Таврило*. Впору поверить, что существовал такой антропоним, пока не обнаружишь знакомые фамилии исторических лиц: *Таврило Григорьевич Бобрещев-Пушкин*, *Алексей и Таврило Черкасские*, *Таврило Принцип* – и не поймёшь, что во всех случаях неверно распознано имя *Гаврило*.

Пока ещё к НКРЯ редко обращаются авторы диссертаций и монографий. Издано несколько учебников корпусной лингвистики [Захаров, Богланова, 2011; Грудева, 2012]. Защищены диссертации с использованием материалов корпусной лингвистики в филологических и педагогических целях [Магомедова, 2004; Хоу Линьсюе, 2024; Кротова, 2013; Горина, 2014]. Опубликовано немало статей по проблемам НКРЯ и корпусной лингвистики в целом, в том числе целые сборники трудов по проблемам разработки этого корпуса [Национальный... 2005].

Итак, корпусная ономастика находится на начальных этапах своего развития. Обращение к НКРЯ и другим лингвистическим корпусам открывает новые перспективы для анализа функционирования онимов в разных текстах, для определения истории имён собственных и их словоформ, выявления их семантических, стилистических характеристик, деривационного потенциала. Не за горами время, когда будут защищены диссертации и опубликованы монографии по проблемам корпусной ономастики.

Список литературы

Горина О. Г. Использование технологий корпусной лингвистики для развития лексических навыков студентов-регионоведов в профессионально-ориентированном общении на английском языке: дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 2014. – 321 с.

Грудева Е. В. Корпусная лингвистика: учебное пособие. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта, 2012. – 165 с.

Даниэль М. А. «Новый» русский вокатив: история формы усечённого обращения сквозь призму корпуса письменных текстов // Корпусные исследования по русской грамматике / Ред.-сост. К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов. – Москва: Пробел, 2009. – С. 224–244.

Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2011. – 161 с.

Кротова Е. Б. Корпусная фразеогрфия (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2013. – 24 с.

Магомедова А. Н. Корпусная лингвистика и контекстное разрешение лексической многозначности слов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2004. – 32 с.

Национальный корпус русского языка: 2003–2005: Результаты и перспективы. – Москва: Индрик, 2005. – 344 с.

Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 7–20.

Супрун В. И. Антропонимы в вокативном употреблении // Известия Уральск. гос. ун-та. – 2001. – №20. – Серия: Гуманитар. науки: истор., филол., искусствозн. – Вып. 4. – С. 93–96.

Толдова С. Ю. Корпусная лингвистика // Введение в науку о языке / под ред. О. В. Федоровой и С. Г. Татевосова. – Москва: Буки Веди, 2019. – С. 407–422.

Хоу Линьсюе. Пропедевтический учебный корпус русского языка: методы создания и методический потенциал для обучения носителей китайского языка. Дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2024. – 214 с.

АССОЦИАТИВНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФОН ОНОМАСТИКОНА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Н.А. Фатеева, А.А. Соколова

*Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова училище
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
(Тюмень, Россия)*

В работе приведены результаты проведённого направленного ассоциативного ономастического эксперимента, в ходе которого выявлен ассоциативно-культурный фон ономастикона Великой Отечественной войны. Описаны частотные единицы, принадлежащие к различным разрядам онимов и причины их частотности.

Ключевые слова: *оним; ономастикон; ассоциативно-культурный фон; ассоциативный ономастический эксперимент; Великая Отечественная война; антропоцентризм*

Великая Отечественная война – одно из самых трагичных событий в истории нашей страны. Память о нём объединяет россиян и является источником для нашей национальной идентичности. В статье предпринята попытка выявить ассоциативно-культурный фон (АКФ) ономастикона Великой Отечественной войны в современных реалиях.

Е.В. Кургузова определяет ассоциативно-культурный фон имени собственного как «совокупность фоновых знаний в составе семантики онима, существующих в сознании носителя языка в форме ассоциаций» [Кургузова, 2018, с. 136]. Т.С. Доржиева отмечает, что «ассоциативный фон имени собственного составляет вся информация об объекте и о самом названии. <...> Любой фрагмент этой информации в зависимости от фоновых знаний реципиента может являться ассоциацией» [Доржиева, 2010, с. 115–116].

С целью выявления АКФ ономастикона Великой Отечественной войны у молодёжи мы провели направленный ассоциативный ономастический эксперимент. К данному методу обращаются многие исследователи, в частности В.И. Супрун с помощью такого эксперимента определил, что «в лингвосознании русскоязычного человека одновременно, параллельно функционируют разноразрядные онимы, относящиеся к определённому фрагменту картины окружающего мира» [Супрун, 2019, с. 100].

В рамках нашего эксперимента курсантам Тюменского высшего военно-инженерного командного ордена Кутузова училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова (ТВВИКУ) было предложено написать не больше трёх ассоциаций (имён собственных). Это могли быть названия битв и мест боёв, имена полководцев, названия орденов, особые имена орудий, песни, фильмы и т.п. Оним-стимул: Великая Отечественная война.

В эксперименте приняли участие 136 курсантов первого года обучения ТВВИКУ в возрасте от 17 до 29 лет в разных воинских званиях:

- рядовые – 105;
- ефрейторы – 10;
- младшие сержанты – 5;
- сержанты – 6;
- прапорщики – 9;
- старший прапорщик – 1.

Из них 52 имеют среднее специальное образование, в том числе 10 – среднее специальное военное образование.

Курсанты являются представителями 37 регионов Российской Федерации: Приморский край, Амурская область, Забайкальский край, Читинская область, Республика Саха (Якутия), Иркутская область, Республика Бурятия, Магаданская область, Красноярский край, Новосибирская область, Омская область, Кемеровская область, Республика Хакасия, Тюменская область, ХМАО Югра, Свердловская область, Курганская область, Оренбургская область, Республика Удмуртия, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Челябинская область, Орловская область, Московская область, Владимирская область, Ивановская область, Кировская область, Волгоградская область, Ростовская область, Краснодарский край, Астраханская область, Нижегородская область, Курская область, Смоленская область, Псковская область, Донецкая Республика, Республика Дагестан.

Шесть бланков оказались испорченными. Курсанты либо не поняли задание, либо отнеслись безответственно. Таким образом, для анализа были взяты ответы 130 участников. Всего ассоциаций было названо 113, что было взято за 100% исследования.

Ответы разделились по следующим категориям онимов: антропонимы, топонимы, хрононимы, идеонимы, прагмонимы и фалеронимы.

Наиболее частотными оказались антропонимы (34 единицы – 30,1%), на втором месте хрононимы (24 единицы – 21,2%), на третьем – идеонимы (23 единицы – 20,4%), на четвёртом – прагмонимы (16 единиц – 14,2%), на

пятом – топонимы (10 единиц – 8,8%), на шестом – фалеронимы (6 единиц – 5,3%).

Рассмотрим наиболее частотные онимы в каждой категории.

Преобладание антропонимов объясняется в целом антропоцентризмом языка. В.И. Супрун доказал, что «в лингвосознании и языкоречи в значительной степени представлены антропонимические реакции. <...> Всё, что существует в мире, окружающем человека, и возникает в его фантазиях, получает наименование только потому, что имеет значение для человека, оказывается в центре его дел, интересов, мечтаний» [Супрун, 2019, с. 102].

Всего упомянутых персоналий 25.

Чаще всего называется личность Иосифа Виссарионовича Сталина (50 раз). При этом употребляются разные варианты и синонимы данного антропонима:

Иосиф Виссарионович Сталин – 18 раз;

Сталин – 16 раз;

Сталин И.В. – 9 раз;

Иосиф Сталин – 5 раз;

Иосиф Виссарионович Джугашвили – 2 раза.

На втором месте личность Георгия Константиновича Жукова (28 раз):

Жуков – 12 раз;

Георгий Константинович Жуков – 7 раз;

Маршал Жуков – 5 раз;

Георгий Жуков – 2 раза;

Маршал Жуков Г.К. – 1 раз;

Г.К. Жуков – 1 раз.

На третьем месте по частотности оказалось имя *Ленин* (4 раза), что, на наш взгляд, является неожиданным и нелогичным, поскольку Владимир Ильич Ленин не связан с Великой Отечественной войной. Возможно, курсанты включили имя Ленина в ассоциативный ряд, так как интуитивно почувствовали в этом имени военную коннотацию (Октябрьская революция 1917 года и Гражданская война). А слово *война* ассоциируется в нашем национальном сознании с Великой Отечественной войной.

Следующая по частотности категория – хрононимы. Это объясняется тем, что Великая Отечественная война включает в себя множество событий, которые имеют свои номинации.

Выделим три наиболее часто встречающиеся единицы в ответах курсантов.

Бесспорным лидером оказалась единица *блокада Ленинграда* (43 раза). Такая частотность объясняется разными причинами. Во-первых, это связано с продолжительностью события с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года (872 дня) и количеством жителей, попавших в кольцо (2 544 000 ленинградцев). Во-вторых, с масштабностью трагедии, и, как следствие, обращением памяти потомков к этому событию. Например, ежегодно 27 января проводится Всероссийская акция «Блокадный хлеб», в которой принимают участие школьники и студенты.

Среди хрононимов на втором месте по частотности находится историческое событие *Сталинградская битва*. Это событие отмечают 30 курсантов, что связано с его ключевой переломной ролью в ходе Великой Отечественной войны. Важность события сформировала ассоциативно-культурный фон Сталинграда, который влияет на ответы курсантов.

Для названия этого события в ответах курсантов представлен следующий синонимический ряд:

Сталинградская битва – 21 раз;

Битва за Сталинград – 6 раз;

Битва под Сталинградом – 2 раза;

Оборона Сталинграда – 2 раз.

Событие на *Курской дуге* отмечают 25 курсантов. Это третье по частотности место среди хрононимов.

В синонимическом ряду оказались онимы:

Курская битва – 18 раз;

Курская дуга – 3 раза;

Битва на Курской дуге – 2 раза;

Битва под Прохоровкой – 2 раза.

Частотность упоминания этого события связана с самым крупным в истории войн сражением с применением автобронетанковой техники.

Оним *Курская дуга* курсанты упоминают 3 раза. Без контекста нельзя с точностью утверждать, топоним это или хрононим. В любом случае оним *Курская дуга* входит в ассоциативный ряд «*Курская битва*».

То же и с онимом *битва под Прохоровкой*, который упоминается 2 раза. Это отдельное событие в рамках Курской битвы, но занимает своё место в ассоциативном ряду «*Курская битва*».

Следующая по частотности категория – идеонимы. Наши информанты упомянули в основном названия фильмов и песен, причём названия фильмов преобладают.

Фильмы «*А зори здесь тихие...*» – 7 раз; «*28 панфиловцев*», «*Т-34*», «*В бой идут одни старики*» по 5 раз; «*Иди и смотри*» – 3 раза, «*Сталинград*», «*Брестская крепость*», «*Конвой PQ-17*», «*Один в поле воин*», «*Подольские курсанты*», «*В июне 41*», «*Они сражались за родину*», «*Девятаев*» – по одному разу.

Песни «*Катюша*» – 5 раз; «*День Победы*» – 4 раза; марш «*Прощание славянки*», «*Вставай страна огромная*» и её синоним «*Священная война*» по одному разу.

Один раз упомянут один библионим («*Василий Тёркин*»).

Преобладание названий фильмов в данной категории связано с особенностями визуального восприятия информации молодёжью: клиповое мышление и доступность видеоматериала.

Небольшой объём в количественном отношении занимают прагмонимы, топонимы и фалеронимы.

Среди прагмонимов самым популярным является танк «*Т-34*» (19 раз).

Среди топонимов лидирующие позиции с небольшим отрывом друг от друга занимают номинации *Ленинград* (8 раз), *Брестская крепость* (7 раз), *Дом Павлова* (5 раз).

Значимые награды во время Великой Отечественной войны – *орден Красной Звезды* и *медаль «За отвагу»* оказались непопулярными в ответах курсантов (по одному разу каждый). Следует отметить, что фалеронимы оказались мало известны нашим информантам.

Так, *орден Мужества*, который не существовал во время Великой Отечественной войны (учреждён Указом Президента Российской Федерации от 2 марта 1994 года) упомянут курсантами 3 раза. Думается, что он попал в частотные ответы информантов в связи с его значимостью в настоящее время.

Курсанты назвали 4 раза *орден Кутузова*. Он отображён в ответах курсантов, скорее всего, в связи с тем, что ТВВИКУ награждено орденом Кутузова и эта номинация входит в название нашего вуза.

Таким образом, направленный ассоциативный ономастический эксперимент показал, что основу ассоциативно-культурного фона составляют антропонимы (25 персоналий) и хрононимы (21 событие). Частотность антропонимов объясняется антропоцентризмом языка. Частотность хрононимов связана с тем, что Великая Отечественная война стала основой для появления новых военных онимов, особенно событийных названий.

Ответы информантов показали, что их знания о Великой Отечественной войне недостаточно глубоки. Но основные имена и события всё-таки хранятся в памяти молодёжи. Это личности Иосифа Виссарионовича Сталина и Георгия Константиновича Жукова, блокада Ленинграда, Сталинградская битва и Курская битва. Визуальный материал (фильмы) способствует сохранению нашей героической памяти.

Список литературы

Доржиева Т.С. Структура топонимической семантики: ассоциативный компонент // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 10. – С. 111–116.

Кургузова Е.В. Названия военных операций в системе ономастической периферии (на материале названий военных операций Красной армии периода Великой Отечественной войны) // Известия Смоленского государственного университета. – 2018. – № 4 (44). – С. 132–141.

Супрун В.И. Функциональная и ассоциативная ономастика // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года) / Сост., ред. В.Л. Васильев; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: ТПК «Печатный двор», 2019. – 560 с. – С. 100–104.

АНТРОПОНИМИКА

ИМЕНА-АПОТРОПЕИ В КАЛМЫЦКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ (ИМЯ МУ)

Т.Г. Басангова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

(Элиста, Россия)

Автор статьи рассматривает калмыцкие апотропейные имена и фамилии калмыков, прослеживая динамику имени героя калмыцкой волшебной сказки до бытования этого имени у современных калмыков.

Ключевые слова: имя; имена-апотропеи; калмыцкая волшебная сказка; младший брат; неудачник

Основной целью данной статьи является анализ калмыцких имен и фамилий, восходящих к древним охранительным (апотропейским) личным именам, призванным отвести «злые силы» от новорожденного. По представлениям калмыков жизнь человека зависела от имени, которым ему нарекли при рождении. Апотропейское имя — защитное имя, дававшееся человеку, чтобы предохранять его от смерти, болезней, воздействия злых духов и злых людей, обмануть их. Одним из наиболее распространенных способов сохранения ребенка являлось наречение его плохим именем. Плохие имена нашли отражение в антропонимике калмыцкой волшебной сказки [Борджанова 1983].

Одним из главных героев калмыцкой волшебной сказки является младший брат, которого в исследованиях по сказкам народам мира именуют как «иронический неудачник» или как «низкий герой» (Е.М. Мелетинский).

Имя героя волшебной сказки может носить характер прозвища: "Давным-давно это было. В албату хана жил один мальчик-сирота, и этого мальчика звали Саак (Тот же самый)". Особенно такой принцип номинации характерен для героев низкого происхождения, которые волшебным образом превращаются в прекрасных богатырей, добывают богатство, женившись на ханских дочерях, побеждая врагов (Ходжигор 'плешивый', Нусха Му 'сопливый'). Имена осторожного характера или имена-апотропеи распространены у современных калмыков, ибо до настоящего времени существует в народе вера в сглаз. Разнообразие осторожных имен, от которых возникли и фамилии такого же характера, говорит о том, что калмыки во все времена старались оградить маленьких детей от действий вредоносных сил, от болезни.

Одними из таких имен в калмыцкой антропонимике были имена Нусха и Му – соответственно 'сопливый' и 'плохой'. Но в сочетании как слитное Нусха Му ('Плохой соплячок') имя бытует в известной калмыцкой волшебной сказке. Одним из главных героев калмыцкой волшебной сказки является младший брат, третий по счету, который рождается у престарелых родителей. Но однажды отец умирает, давая сыновьям поручение, которые исполняет только младший брат, – три дня и три ночи быть на могиле отца. Благодарный мертвец – отец – оставляет соплячку счастье, даруя ему три волоска, которые

превращаются в коней [Хальмг туульс, 1961]. У сказки счастливый конец: герой-соплячок побеждает всех врагов, излечивает хана целебным бульоном, женит двух братьев на ханских дочерях. Сам он также стал жить богато и счастливо. На бытование имени Му в калмыцкой антропонимике обратила внимание Г.С. Биткеева, отмечено, что имена от животных и связанные со словом «му» – это имена с негативной окраской [Биткеева, 1983].

В калмыцкой антропонимике две части сказочного имени Нусха Му бытуют по отдельности. Апотропейным именем Нусха («сопливый») современные калмыки не называют детей. В быту калмыки говорят о маленьком ребенке в целях защиты от сглаза: *Мини нуста ковун* «Мой сопливый мальчик, о девочке *Мини нуста куукн* «Моя сопливая девочка». У калмыков получили распространение фамилии от имени Нусха: Нусхаев, Нусхинов. От имени Му («плохой») образовалось множество имен и фамилий: имя Му – фамилии Муев, Мургаев, Муглиев, Мулаев, Мугинов, имя Мууня – фамилия Мунянов, Муняев, имя Муучка – фамилия Мучкаев, Мучкинов, имя Мууша – фамилия Мушаев, Мушинов, имя Муушулда – фамилия Мушулдаев, имя Муута – фамилия Мутаев, имя Муутл – фамилии Мутулов, Мутляев, имя Мууча – фамилии Мучаев, Мучиев, имя Мууджа – фамилия Муджиков, имя Муузра – фамилия Музраев, имя Муузга – фамилия Музгунов, имя Муудра – фамилии Мудрунов, Модрунов, Мудрешкин, имя Муура – фамилия Мураев, имя Мууда – фамилия Мудаев, имя Муука – фамилия Мукаев, Муканов.

В калмыцкой антропонимике имя Му сочеталось с цветообозначениями: *хар* «черный», *шар* «желтый». Имя Мухара («плохой, черный») – фамилия Мухараев, Мухаринов; Му шар («плохой, желтый, светлый») – фамилия Мушараев, Мушаринов, фамилия Мушкин или Мошкин.

У сказочного героя-соплячка изначально была неказистая внешность. В далеком прошлом у многих калмыков, кроме имени, данного монахами хурула, к которым обращались родители новорожденного, были домашнее имя, которое защищало ребенка от сглаза, оно касалось внешности человека. Например Мучиря («плохое лицо») от этого имени образовалась калмыцкая фамилия – Мучиряев, Мунюдюн («плохой глаз») – фамилия – Мунюдюнов, Му – Муцаган – Муцаганов [Солдаты 2015]/

У современных калмыков бытуют разные варианты фамилий, в основе которых лежит имя Му. От имени Мухла («слуга») образованы фамилии Мухлаев, Мухлынов, Мухлинов, Мохленов.

Оберегающий характер носили двойные имена: Мукебен («плохой мальчик») – фамилия Мукебенова (Мукубенова), Мукуукн («плохая девочка») – фамилия Мукукенова, Муманджи («плохой Манджи») – фамилия Муманджиев, Муманджинов.

В целях защиты от сглаза калмыки называли ребенка именами тотемных и домашних животных. А.Ш. Кичиков, исследуя калмыцкие имена, отметил, что «калмыцкие имена имеют свою историю, встречаются санскритские и тибетские имена, а также имена, связанные с животным миром: Чон («волк»), Ноха («собака»), Гаха («свинья»), Харцх («сокол»). Для калмыков эти имена

были тотемными, то есть охранительными» [Кичиков1979]. Ноха в сочетании с именем Му в фамилиях у современных калмыков звучат следующим образом: Мунохаев, Мунухаев, но имени Муноха ('плохая собака') в настоящее имя не бытует, даже в качестве второго домашнего имени.

В настоящее время имена и фамилии со значением *му* 'плохой' составляют пассивный слой антропонимики калмыков. В древности имя Му давали не только в реальной жизни калмыков, но и сказочным героям, чтобы у ребенка с защитным именем была счастливая судьба. Изучение сохраненных фамилий по разным письменным, архивным, фольклорным источникам способствует восстановлению редких калмыцких имен.

Список литературы

Борджанова Т.Г. Антропонимия калмыцких народных сказок // Ономастика Калмыкии. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. – С. 96–100.

Хальмг туульс. – Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1961. – С. 56–66.

Г.С.Биткеева Социальные аспекты некоторых имен у калмыков//Ономастика калмыков Элиста: Калм. НИИ истории, филологии и экономики, 1983. – С.85 – 95.

Солдаты Победы. Т 2. Поименный список воинов 110 -й отдельной кавалерийской дивизии.Изд- е 2 перераб. и доп.-Элиста:КИГИ РАН,2015. – 373 с.

Кичиков А.Ш. Үгин туск үт Элст,Хальмг дегтр һарһач,1979. — с.23–30.

ОЧЕРКИ ДРЕВНЕ- И СТАРОРУССКОЙ АНТРОПОНИМИИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ (ОТТОПОНИМНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ).III

В.Л. Васильев

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)*

Статья представляет собой очередную серию очерков, в которых антропонимия средневековой Новгородской земли реконструируется по названиям современных населенных пунктов Новгородской области. Восстановлены и кратко охарактеризованы следующие личные имена и прозвища: Горбило/Горбила, Дивушка, Дъдерь/Дъдер (вместе с Дедель/Дедея), Деревко, Добран, Долбъй, Дробля, Дроздь, Дудан, Дунило.

Ключевые слова: ойконимы; антропонимы; реконструкция; Новгородская область

Заметка продолжает серию кратких очерков по антропонимии средневековой Новгородской земли, восстановленной на основании названий населенных пунктов Новгородской области. В заметке реконструированы отдельные имена и прозвища на буквы *Г* (частично) и *Д*. Предыдущие серии, посвященные отдельным антропонимам на *А*, *Б*, *В* и *Г*, изложены в публикациях [Васильев, 2017; Васильев, 2023]. Отбор личных имен и прозвищ для оттопонимной реконструкции мотивирован стремлением избежать анализа ранее исследовавшихся и самоочевидных фактов. Поэтому из рассмотрения исключены приходящиеся на алфавитный отрезок *Г* и *Д* ойконимы Новгородской области *Гославль*, *Грузино*, *Грузово*, *Дедлово*, *Добрилово*, *Добросли*, *Добрости*, *Добрыни*, *Домославль*, *Дорогобуж*, *Дорогостицы* и нек. др., весьма интересные с точки зрения стоявших за ними древнеславянских антропонимов, однако уже проанализированные в книге [Васильев, 2012]. Кроме того, автор избегает оттопонимной реконструкции тех имен и прозвищ, которые отражены в частотных русских фамилиях и/или хорошо представлены

в различных словарях антропонимии, и сосредоточен на фактах, менее изученных и тесно связанных с говорами Русского Северо-Запада.

Сокращения Бор., Люб., Мош., Ок., Сол., Ст., Пест., Под., Чуд., отмечают Боровичский, Любытинский, Мошенской, Окуловский, Солецкий, Старорусский, Пестовский, Поддорский и Чудовский р-ны Новгородской обл.

Горбило/Горбила: < Горбино д. Бор. (= Горбилово д. Сеглинского погоста 1495 г. [НПК I: 460]). Это прозвище одного лица или прозвище жителей деревни, произведенное от др.-рус. *горбити(ся)*, рус. *гóрбить(ся)* и относившееся к тем, 'кто горбит спину, много работает'. О его существовании дополнительно свидетельствуют редкие фамилии *Горбилов*, *Горбилин*, встреченные в сети интернет. Смысловую связь прозвища с тяжелым трудом подкрепляют диал. *гóрбить* (спину) 'быть в ломовой работе', *гнуть горб* 'работать', пословицы типа *живи всяк своим добром да свом горбом, от сохи не будешь богат, а будешь горбат* и др. [Даль, ТСЖВЯ, 1, с. 377–378], *горбáтится* 'много, тяжело работать' [СРНГ, 7, с. 21]. Переоформление средневекового названия д. *Горбилово* в совр. *Горбино* было вызвано вторичным сближением ойконима с обозначениями небольших возвышенностей, горбов, неровностей на местности типа новг. *горбiна*.

Дивушка: < Девуцино д. Ок. (= Дивушина д. на карте-трехверстке 1863 г. [ВТК-Зверст], *Дивуцина* д. в материалах 1780-х гг. [МГМ], *Дивушкино* д. Язвицкого погоста 1495 и 1538 гг. [НПК, II, с. 289; ПКНЗ, 4, с. 9]). На мой взгляд, средневековая форма ойконима отсылает к редкой гипокористике, произведенной с суф. *-ушк-* (как *Иванушка*, *Петрушка*) от ст.-календ. имени *Див* или *Дивей* (по А.В. Суперанской, одно из них пошло от лат. *divus* 'божественный', второе от др.-рус. *дивый* 'чудесный' [Суп., СРЛИ, с. 167]). Оба имени малоупотребительны, еще более редки производные от них, тем не менее совр. фамилии *Дивов*, *Дивеев* можно встретить в интернете. Изменение раннего *Дивушкино* / *Дивушкина* в *Дивуцино* / *Дивуцина*, произошедшее до 2-й пол. XVIII в., объяснить нелегко. Скорее всего надо вести речь не о преобразовании ранних вариантов в поздние, а о параллелизме наддиалектного и диалектного вариантов. По одной из версий, ойконимный вариант *Дивуцино* продолжает древнерусскую наддиалектную форму **Дивушчино*, образованную от *Дивушка* с эффектом первой палатализации перед суф. *-ин-* (ср. др.-рус. *Янъчинъ*, *Лучинъ*, *Ольжинъ*, произведенные от *Янъка*, *Лука*, *Ольга*), тогда как *Дивушкино* – это др.-новг. диал. образование без эффекта палатализации, см. [Зализняк 2004: 202]. Менее допустимо чисто орфографическое объяснение: поскольку в др.-новг. письменности консонантная группа [ш'к'] могла передаваться не только сочетанием *шк*, но и буквой *щ* (у *Митроць* 'у Митрошки', у *Тимощина* 'у Тимошкина' и др., см. указ соч., с. 48), то и название деревни в др.-новг. письменности могло быть записано двояко: *Дивушкино* и *Дивуцино*. Обе версии, фонетическая и орфографическая, ослабляются тем обстоятельством, что архаичный диал. вариант *Дивуцино* зафиксирован на письме гораздо позднее, чем вариант *Дивушкино*, отражающий более поздние наддиалектные черты языка.

Дъдерь/Дъдер и **Дедель/Дедея**: < Деделёво д. Чуд. (= Даделева д. на карте 1863 г. [ВТК-Зверст], Дедерева в конце XVIII в. [МГМ], в более ранней письменности до конца XVI в. в вариантах Деделево, Дедилева, Делево, Дедилово, Дедлево, но в самых ранних записях 1500 и 1540 гг. – Дедерево д. Рождественского Солецкого погоста, согласно [Селин, 2003, с. 257]). Исторические колебания ойконима обусловлены неточными записями и притяжениями к различным именованиям людей. Прозвище *Дъдерь/Дъдер, мотивировавшее старый ойконимный вариант, сравнивается с апеллятивом, как твер. *дѣдер* ‘нечистая сила’, *дѣдерь* – бранное обозначение нечистого духа [СРНГ, 7, с. 329], польск. диал. *dziadora* ‘дед, старикашка’, укр. диал. *дідора* ‘нищий, бедняк’ [Ан. РЭС, 13, с. 129], и подкрепляется антропонимами Дедерка, Дедерев: Юрий Дедерка, офицер в Западной Руси 1567 г., Дедерев Ондрюшка Степанов сын, шуйский посадский 1646 г. [Туп., СДЛСИ, с. 126, 474]. Более поздняя форма Деделёво, сохраняющаяся в совр. употреблении, наряду с подобными ей историческими вариантами со звуком л, была вторично соотнесена с созвучным прозвищем Дедель/Дедея, присвоенным человеку крупного телосложения с высоким ростом, судя по диал. *деделюха*, *деделиюка* – прозваниям видной, полной, дородной женщины, или даже с фитонимами *дедиль*, *дедэль*, *дидэль*, *дедэлька* и мн. др. – рус. диал. обозначениями высоких зонтичных растений, дягиля, борщевника или сныти. Аникин считает все такие фитонимы вариантами исходного *дягиль* < прасл. **dęg-yl’ь* [Ан. РЭС, 13, с. 128–129], но появление этих вариантов, очевидно, обязано контаминации *дягиль* с *дед*, др.-рус. *дѣдъ*.

Деревко: < Деревково д. Бор. неподалеку от Боровичей (= Деревково с. 1863 г. [ВТК-Зверст]); Деревково д. Ст. возле Старой Руссы, так же на ВТК-верст 1863 г., ранних сведений нет. Писцовая документация XV–XVI вв. указывает много новгородских крестьян, носителей данного прозвища: Деревко, Овсевко Деревко, Сергейко Деревко, Гаврилко Деревков, Окулко Деревков и др. [НПК, I, с. 112, 621; II, с. 542; V, с. 45, 207, 269, 463; VI, с. 1039] причем за пределами новгородских пятин такое прозвище почти не известно, впрочем, был еще послух Устин Деревков в Угличе сер. XV в. [Вес. Он.: 94]. Антропоним соотносится с сев.-рус. *дѣревко*, *дерѣвко*, *дерѣвко*, известным в разных диалектных словарях в значении ‘небольшое дерево’, ‘древко, жердь’, ‘шест’, ‘мачта’ ‘стебель’ и др. [СГРС, 3, с. 212; СРГК, 1, с. 451; СРНГ, 8, с. 15], сюда же общерус. *дрѣвко*. Похоже, это прозвище высокого и худого, как шест, человека.

Добран: < Добранцево д. Под. на р. Порусья (= Добранцова д. 1863 г. [ВТК-Зверст], Добранычево д. на р. Порусье Офремовского погоста 1539 г. [НПК, IV, с. 357]); Добранцево д. Под. на левом берегу Самбатовки (= Добронцова д. на плане Старорусского уезда 1788 г. [МГМ], Добраничево д. Коломенского погоста 1539 г. [НПК, IV, с. 473]). Ранние варианты обоих ойконимов, входивших в соседние погостские округа, отсылают к патрониму Добраничь от др.-рус. *Добрань* и сообщают о земельных владениях Добраничей – потомков Добрана. Ср. др.-чеш. личн. *Dobran* [Svoboda, 1964, с. 157], др.-

польск. *Dobran* [SSNO, I, с. 485], болг. *Добран* (Илчев, 1969, с. 174), сербохорв. *Dobran*, др.-луж., луж. *Dobran*, др.-луж. *Dobranik* [Schlimpert, 1978, с. 41]. У восточных славян данное имя отражают не только новг. *Добранцево*, но и названия *Добраничевка* на Украине, *Добраново* в Ярославской обл., редкие фамилии *Добранов*, *Добранцев*.

Долбѣй: < *Долбеево* д. Люб. (= *Долбѣева* на карте ВТК-Зверст 1863 г., *Долбѣево* д. Спасского Молодиленского погоста 1564 г. [НПК, VI, с. 1057]). Прозвище *Долбѣй* – девербатив с суф. -ѣй (< -ѣй) от др.-рус. *долбити*, рус. *долбить*, его отражают еще совр. рус. фамилия *Долбеев*, укр. *Довбій*, *Довбиенко*; к осмыслению ср. новг. *долбѣнь*, *долбѣшка* ‘глупый человек’ [НОС, с. 223], рус. диал. *долбѣнь*, *долбня* ‘тупой, непонятливый человек’ [СРНГ, 8, с. 104].

Дробля: < *Дроблино* д. Мош., так же и на ВТК-Зверст 1863 г., более ранних сведений нет. Прозвище *Дробля* получено от *дробля* ‘мелкая рыба’, старого новгородского слова, отмеченного в документации Тихвинского монастыря 1592 и 1626 гг. (по [СлРЯ XI–XVII, 4, с. 356]) и в совр. новг. говорах [НОС: 232]. Редкую фамилию *Дроблин* можно встретить в сети интернет.

Дроздь: < *Дроздино* (по-местному, иногда *Дроздынѣ*) д. Ст. на Ловати (= *Дроздино* с. 1780-х гг. [МГМ], *Дроздыни* д. Черенчицкого погоста 1495 и 1539 гг. [НПК, II, с. 614, 616; IV, с. 362; ПКНЗ, 4, с. 172], *Дроздино* с., вотчина новгородского боярина Остафия Ананьевича, согласно завещанию 1393 г.: «отцына моя и дѣдина на Ловати <...> в Дроздынѣ» [ГВНП, с. 166]). Прозвище *Дроздь* приравнивается к *дроздь* ‘птица дрозд’ жен. р., редкому и архаическому морфологическому варианту к общеизвестному *дрозд* муж. р. В «Русской грамматике» Лудольфа 1696 г.: *дрость черна* – ‘Amsel’ (обозначение черного дрозда), отсылающее к праслав. **drozďь* [Черн. ИЭС, I, с. 270]), хотя арх. говоры знают и редкий «мягкий» вариант муж. р. *дроздь*, -я ‘дрозд’ [АОС, 12, с. 283]. Использование прозвища *Дроздь* в новгородских пятинах доказывает писцовая книга 1564 г., где фигурирует *Дроздь Иванов*, крестьянин из д. Окладнево в погосте Волок Держков [НПК, VI, с. 1014]. Обозначение дрозда (правда, в «твердом» варианте *Дрозд*) в антропонимическом качестве было популярным на Руси, причем новгородская берестяная грамота № 536 (2-я треть XI в.) раньше других источников фиксирует имя *Дроздь* [Зализняк, 2004, с. 241–242]. Колебания ойконимных вариантов *Дроздино* и *Дроздыни* обусловлены способностью формантов -ино/-ина и -ыня /-ыни к взаимозаменяемости, см. [Васильев, 2012, с. 669].

Дудан: < *Дуданово* д. Сол. (= *Дуданова* д. на ВТК-Зверст 1863 г.), ранних сведений нет. Такое прозвище в 1-й пол. XVI в. носил крестьянский сын, живший в погосте Ужин на южном берегу Ильменя: «...Во дворе Панфилко Фоминь, сынъ его Ульянко да Петруша Дуданъ», 1524 г. [НПК, V, с. 354], а поблизости, в бассейне Шелони, записано пск. *дудан* в качестве бранного слова: «Чивó анá фсѣ малчѣт, каг дудан какóй» [ПОС, 10, с. 37]. Образования от *дудá*, *дудѣть* издревле переносно характеризуют человека, напр. есть прозвище *Дуда* в новг. берестяной грамоте № 492 (сер. – 2-я пол. XIV в.) [Зализняк, 2004, с. 640], совр. новг. *дудень* ‘надоедливый человек’ [НОС, с. 237] и т.п.

Дунило: < *Дунилово* д. Пест. Хотя название деревни в источниках ранее XX в. не найти, исходный антропоним весьма старый, проявившийся и в других русских ойконимах, напр. имеется д. *Дунилово* в Ивановской обл. Среди носителей прозвища *Дунило* и его производных известны дворянин Дунилов Семен в Северо-Восточной России 1608 г. [Туп. СДЛСИ, с. 539], Петр Еремеевич Дунило Бахметев 1-й пол. XVI в., Филипп Петрович Дунилов 1610 г., Ярославль [Вес. Он. , с. 104]. Как полагает С.М. Михеев [Михеев, 2019, с. 20], *Дунило* – образование от др.-рус. *дунути*, рус. *дунуть*, подобное новг. прозвищу *Дъмило*, произведенному от *дути*, прасл. **doti*. Но скорее мы имеем здесь девербатив от рус. диал. *дунѣть* ‘гудеть’, записанного в Рязанской Мещере (при чеш. *duněti* ‘гремять’, словац. *duniet’* ‘издавать сильный глухой стук’ [Ан. РЭС, 15, с. 125]), полученный точно так же, как имя *Гудило* (давнее фамилию *Гудилов*) от *гудеть*, имя *Шупило* (давнее фамилию *Шупилов*) от *шипеть* и др.

Список литературы

- Schlimpert G. Slawische Personennamen im mittelalterlichen Quellen zur deutschen Geschichte. – Berlin: Akademie-Verlag, 1978. – 271 S.
- SSNO – Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. i ze wstęp. W. Taszyckiego. T. I–VII. – Wrocław etc.: Polska Akademia Nauk, 1965–1985.
- Svoboda J. Staročeská osobní jména a naše příjmení. – Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1964. – 317 s.
- Ан. РЭС – Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–.
- АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–. М.: Изд-во МГУ, 1980–.
- Васильев В.Л. Очерки древне- и старорусской антропонимии Новгородской земли (оттопонимные реконструкции) // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. Рязань, 2017. – С. 8–13.
- Васильев В.Л. Очерки древне- и старорусской антропонимии Новгородской земли. (оттопонимные реконструкции). II // Имя в пространстве культуры: коллективная монография к 80-летию профессора Г.Ф. Ковалева / под общ. ред. С.А. Скуридиной и С.А. Попова. – Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2023. – С. 12–21.
- Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 816 с.
- Вес. Он. – Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. – 383 с.
- ВТК-Зверст – Исторический атлас Новгородской губернии: репринтное издание военно-топографической карты 1863 года. – СПб.: Эндис, 2011.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. – 408 с.
- Даль ТСЖВЯ – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. – М.: Рус. яз., 1998.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.
- Илчев С. Речник на личните и фамилни имена у българите. – София: Издателство на Българската Академия на науките, 1969. – 626 с.
- МГМ – Материалы генерального межевания 1780-х гг. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1.

- Михеев С.М. Минеи двух Домок: Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // Slověne. 2019. – Vol. 8. – No. 2. – С. 7–56.
- НОС – Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2010. – 1435 с.
- НПК – Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. Т. I–VI. СПб., 1859–1910.
- ПKNЗ – Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. Т. 1. – М.: Археографический центр; Древлехранилище, 1999; Т. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999; Т. 3–6. – М.: Древлехранилище, 2001–2009.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1967–.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Т. I–II. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2002.
- Селин А.А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 494 с.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29–. – М.: Наука, 1975–2011–.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–6. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. 2-е изд., испр. / Ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–48–. – СПб.: Наука, 2002–2015–.
- Суп. СРЛИ – Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – 528 с.
- Туп. СДЛСИ – Тупииков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – СПб.: Типография Н.Н. Скорогорова, 1903. — 904 с.
- Черн. ИЭС – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. – М.: Рус. яз., 1993.

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В АВТОРСКОМ СЛОВАРЕ

С.С. Волков, А.С. Смирнова, Н.В. Ткачева, М.Г. Шарихина

Институт лингвистических исследований РАН

(Санкт-Петербург, Россия)

В докладе рассматриваются основные принципы описания антропонимов в «Словаре языка М.В. Ломоносова», важнейшим из которых является принцип полноты. Благодаря этому в словаре получают отражение группы лексики, которые прежде не были объектом внимания исторической лексикографии этого периода. В структуре словарной статьи, посвященной антропонимам, реализуется стремление составителей раскрыть личность Ломоносова, приобщить человека XXI века не только к неповторимому внутреннему миру и личному опыту великого ученого, поэта и просветителя, но и к русской культуре XVIII в.

Ключевые слова: *антропоним; авторский словарь; Ломоносов; русский язык XVIII в.*

«Словарь языка М.В. Ломоносова» (далее – СЯЛ) – это многоаспектный авторский словарь, объединяющий в себе исторический толковый и терминологический словари, словарь языка поэта, словарь языка ученого, биографический словарь, словарь имен собственных, словарь устойчивых словосочетаний. Объектом лексикографического описания такого словаря является индивидуальная система словоупотребления автора. Главная его цель – показать М.В. Ломоносова «без ретуши», раскрыть современнику его многогранную творческую личность, приобщить человека XXI века не только к неповторимому внутреннему миру и личному опыту великого ученого, поэта и просветителя, но и к русской культуре XVIII в.

Одним из важных признаков лексикографической модели СЯЛ является неограниченная, исчерпывающая полнота (без каких-либо ограничений и изъятий) словаря, так как объективную картину языка отдельной языковой личности может представить только полный словарь (В.П. Григорьев пользуется термином «переполнота» [Григорьев, 2006, с. 449]). Словарь лексикографирует весь репертуар языковых (и, добавим, некоторых невербальных – химических, астрономических и минералогических символов, характерных ломоносовских помет в рукописях и на полях книг и пр.) знаков ломоносовского идиолекта, включая в том числе и все разряды имен собственных (далее – ИС). Это необходимо не только потому, что в XVIII столетии в русском языке шло интенсивное формирование ономастического поля как особого лингвистического и историко-культурного явления и постепенно складывался антропонимический тезаурус новой светской культуры, но и в связи с тем, что сочинения Ломоносова через множество интертекстуальных ИС связаны с произведениями других авторов. Вполне можно говорить о сохранении, с одной стороны, церковно-славянской языковой традиции и, с другой стороны, о внутренней ориентации на культурно-языковые модели Западной Европы начиная с Античности, на лучшие образцы западноевропейской научной литературы XVII–XVIII вв. и, в частности, на сочинения Х. Вольфа, Р. Бойля, И. Ньютона, Л. Эйлера, Н. Коссена, И.Х. Готтшеда и мн. др. Кроме того, лексикографическое описание антропонимов в текстах М.В. Ломоносова даст новые материалы для наблюдений над формированием антропонимической нормы русского литературного языка, так как «историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю **всех** <выделено нами — авт.> слов на протяжении определенного отрезка времени» [Щерба, 1974, с. 303]; в нашем случае этот отрезок – годы жизни (1711–1765) великого ученого.

Антропонимический параметр реализуется в словаре через описание следующих разрядов антропонимов:

- античные теонимы и мифонимы, библейские антропонимы, имена христианских святых и культовых личностей, литературных персонажей: *Адам, святая Анна, святой Александр, Венера, Веста, Гектор, святой Дамаскин, Зевес, Иисус Навин, Лавиния, Ликург, Нептун, святой Николай, Ной, Орфей, святой Петр, Плутон, Солон, Телемак, Тифон, Тритон, Цереса, Феб, Фортуна, Эней* и мн. др. Небольшую группу в этом разряде составляют восточнославянские мифонимы [Волков, 2023, с. 521–541];
- наименования реальных исторических лиц от античности до XVIII в., обычно мало известных или совершенно забытых сейчас, находящихся на периферии культурных знаний современного читателя, но значимых в контексте личности М.В. Ломоносова, ведь это были люди, существенные для понимания его творчества, имманентные его научному сознанию авторитеты или оппоненты; преимущественно это имена западноевропейских ученых-естествоиспытателей, историков, философов, литераторов разных эпох, начиная с Античности: *Амонтоний, Аристарх Самийский, Аристотель, Георгий Агрикола, Иоанн Бернуллий, Виргилий,*

Христиан Вольф, Оттон де Герикк, Христиан Гугений, Картезий, Израиль Конради, Невтон, Мариотт, Пасхалий, Плиний, Тацит, Тюммиг, Фаренгейт, Каспар Шотт и мн. др. Неизбежно включение в словник производных от собственных имен притяжательных и относительных прилагательных, например: *аристотелев, аристотелический, бернулиев, боилов, волфианский, гассендов, герикканский, геронов, гоксбейев, гугениев, картезиев, невтонов, торрицеллиев* – также в составе устойчивых словосочетаний: *геронов фонтан, гоксбейев опыт, торрицеллиева трубка* и пр.

- имена исторических лиц допетровской России, см. [Шарихина, 2023, с. 161–203], представителей разных направлений российской истории и культуры XVIII в., членов Российской академии наук XVIII в., мастеров Инструментальной палаты Академии наук, рабочих Усть-Рудицкой фабрики: *М.И. Воронцов, императрица Елизавета Петровна, Г.В. Крафт, А.Г. Орлов, К.Г. Разумовский, Г.В. Рихман, П.А. Румянцев-Задунайский, И.И. Стафенгаген, В.Н. Татищев, Я.Я. Штелин, И.И. Шувалов* и мн. др.

Для антропонимов в СЯЛ разработана словарная статья довольно простой структуры, включающей 5 обязательных зон лексикографического описания и 10 факультативных (далее в списке даются курсивом):

- Антропоним – заголовочная единица и его варианты;
- Количество словоупотреблений в прозе/поэзии (в скобках);
- *Зона иноязычных аналогов;*
- *Стилистическая и/или функциональная помета;*
- Семантическое описание заголовочного слова, современная форма заголовочного слова;
- Иллюстративный материал;
- *Параллельные иноязычные контексты;*
- *Антропоним в особом употреблении (в заглавиях произведений, в особой синтаксической позиции);*
- *Антропоним в переносном значении или с преобразованием семантики;*
- *Иллюстративный материал;*
- *Историко-культурный или лингвистический научный комментарий;*
- Грамматический указатель форм;
- *Заголовочное слово в рифменной позиции;*
- *Ударение по материалам поэтических текстов;*
- *Отсылки к другим словарным статьям.*

Одним из наиболее актуальных и, соответственно, проблемных является вопрос о форме заголовочного слова и об основном варианте – заголовке словарной статьи. Довольно часто антропонимическая единица представлена несколькими вариантами, более того, они могут принадлежать текстам разных жанров (естественно-научным сочинениям, деловым и частным письмам, трудам по филологии, поэтическим произведениям и пр.). Первоначально в качестве заголовочной единицы предполагалось использовать реконструированную «современную энциклопедическую форму имени»

[Матвеев 2022: 19], которая должна была «собрать» вокруг себя все варианты, например: **АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ** вместо *Алексей* (*Сармат с свирепостью своею / Трофеи отдал Алексею* [Ломоносов 1959: 564]); **ГЮЙГЕНС** вместо *Гугений*; **МУХАММЕД** вместо *Магмет*, **НЬЮТОН** вместо *Невтон*. Такой подход дает ретроспективный взгляд на употребление ИС в русском языке XVIII в., то есть позволяет увидеть отличия и особенности ломоносовского употребления на фоне «нормативного», абстрагированного от конкретного, словоупотребления. Именно так устроен, например, указатель имен к I–X томам «Полного собрания сочинений» М.В. Ломоносова (1950–1983) [Телешова, 1983, с. 359–399]. При этом семантическое описание, порядок расположения вариантов, показ их структуры также неизбежно должны были бы опираться на эту форму. При некоторых преимуществах этого подхода для составителей СЯЛ принципиальное значение имеют его недостатки. Во-первых, он пронизан презентизмом, что, безусловно, «отвлекает» читателя от языка М.В. Ломоносова как уникальной личности, совмещающей в себе поэта и ученого, переводчика и философа, придворного историка и изобретателя, в творчестве которого не только отражаются многие историко-культурные явления XVIII в., но и закладываются основы и традиции, получившие развитие в последующие эпохи. В этом аспекте особую важность получает проспективный взгляд на антропонимический материал, когда «точкой отсчета» признаются словоупотребления в языке Ломоносова. Во-вторых, сама идея о наличии некоего «авторитетного» энциклопедического справочника XVIII века на русском языке, который может стать источником объективных справок по русской антропонимии этого периода, кажется достаточно фантастической (поэтому, заметим, в словарных статьях к антропонимам отсутствует справочный отдел). Некоторые ИС являются новациями М.В. Ломоносова, т.е. именно он ввел их в языковой обиход, некоторые антропонимы находятся далеко за пределами энциклопедических справочников, и в поисках адекватной информации составителям приходится просматривать большой объем дополнительной литературы; см., например: **АНДРЮШКА** (3/0), **АНДРЕЙ НИКИТИН** (2/0), **АНДРЕЙ** (1/0) ‘Андрей Никитин – крепостной крестьянин из Усть-Рудицы, мастер в домашней лаборатории М.В. Ломоносова’.

Миссии и задачам СЯЛ, как представляется, более будет соответствовать такой порядок организации заголовочной строки, при котором будут учтены все текстовые реализации имени, осуществляться переход от *текста* к *имени*: основным вариантом считается *самый частотный* вариант как наиболее типичный для идиолекта М.В. Ломоносова, остальные варианты располагаются по убыванию количества словоупотреблений. Ясно, что такой подход делает СЯЛ надежным помощником при чтении текстов Ломоносова, и любой пользователь всегда может быстро и легко уточнить, кем был, например, **АЛЕКСЕЙ КОЛОТОШИН** или **АЛЦЕЙ ЕОЛЬСКИЙ**. Материалы современного языка к рассмотрению не принимаются. Именно поэтому в словарной статье, посвященной Александру Македонскому, основным вариантом будет не общепринятое его наименование **АЛЕКСАНДР**

МАКЕДОНСКИЙ (является заголовочным словом в статье современной «Большой российской энциклопедии»), а все-таки **АЛЕКСАНДР** (24 употребления, из них только 3 в поэтических текстах) и достаточно частотный **АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ** (17 употреблений); антропоним **АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ** употребляется в текстах М.В. Ломоносова только единожды. Те пользователи словаря, которые будут искать информацию об Александре Македонском в текстах М.В. Ломоносова, опираясь на современную форму его имени, могут обратиться к индексу антропонимов, расположенному в числе приложений к Словарю.

Наблюдения над корпусом ИС в текстах М.В. Ломоносова показывают, что в его поэзии антропонимы приходят, можно сказать, в чрезвычайно взволнованное, беспокойное состояние, они как бы разогреваются, вибрируют, их творческая активность резко возрастает, в результате они становятся важным стилеобразующим средством. Главными причинами этого является глубинный культурный сдвиг, обусловленный освоением общеевропейского антропонимического тезауруса: это освоение предполагает выделение избыточной энергии, проявление креативности (как и любой другой культурный акт), более того, следующее за ним языковое движение тоже является творческим [Биржакова, Войнова, Кутина, 1972, с. 5, 6]. Поэтому одной из значимых задач СЯЛ является отражение различных форм авторского преобразования антропонимов, их семантического «движения» и развития. Концепция семантической перестройки ИС и система моделей их трансформации была разработана для материала XVIII века Е.М. Матвеевым, изложена и обсуждена на XVIII научной конференции «Ономастика Поволжья» (Кострома, 2020 г.) [Волков и др., 2020]. Однако далеко не все модели и приемы переосмысления антропонимов тогда удалось показать. Причин этому довольно много, и первая из них заключается в том, что некоторые приемы можно оценить как частные, периферийные, низкочастотные. Вторая причина заключается в неизбежной сложности алгоритмов семантического описания и, как следствие, в чрезмерном усложнении метаязыка словаря и нагромождении семантических помет. Таким образом, некоторая часть приемов преобразования собственных имен осталась, как говорится, «под сукном»: среди них такие, как *трансфигурация (преображение), реинкарнация, натурализация, многоименство, генеалогическая антропонимическая перифраза* (Петрова дочь, Петрова внука). Все они интересны и заслуживают внимания, однако остановимся пока только на т. н. *реинкарнации*. Этот «книжный» термин используется в своем исконном значении: *реинкарнация* как переселение душ или *метемпсихоз*, когда дух, душа одного лица (в нашем случае – исторического, мифологического или библейского протагониста) после его смерти чудесным образом или желанием поэта «переселяется» в другую историческую личность. В результате *реинкарнации* объект перемещения душ приобретает (или поэт вдохновенно уповает на это) новые, особенные, выдающиеся, пассионарные качества героя или героев прошлого, как, например, в «Оде Всепресветлейшему Державнейшему Великому Государю Императору Петру Феодоровичу» (1761):

*Великолепно облекися,
Российский радостный Сион,
Главой до облак вознесися:
Сампсон, Давид и Соломон
В Петре <Петре III — авт.> тобою обладают
И Голияфов презирают [Ломоносов, 1959, с. 759].*

В этом контексте император Петр Федорович выступает как своеобразный «медиум», которому великие цари и правители Ветхого Завета – Самсон, Давид и Соломон – передают свои особые качества – мудрость, силу, военную удачу – и через которого «спиритуалистически» управляют Сионом: в этом названии нетрудно увидеть аллегорические обозначения России и Петербурга [Николози, 2009].

Весьма часто в поэзии М.В. Ломоносова силу «реинкарнироваться» в своих потомков получает Петр Первый, при этом главной целью такой реинкарнации является безусловное следование его политическому курсу, неукоснительное выполнение заданной им «программы»: см., например, в «Оде на день восшествия на престол Императрицы Елисаветы Петровны 1746 года», где императрица Елизавета Петровна – это восставший из мертвых Петр Первый:

*По стогнам шумный глас несется
Елисаветиных похвал,
В полках стократно раздается:
«Великий Петр из мертвых встал!
Мы пройдем с Ним сквозь огонь и воды,
Преодолим бури и погоды,
Поставим грады на реках,
Мы дерский взор врагов потупим,
На горды выи их наступим,
На грозных станем мы валах» [Ломоносов, 1959, с. 143].*

И далее:

*И кая может власть земная,
На Дщерь и дух Петров взирая,
Себя противу ополчить? [Ломоносов, 1959, с. 144].*

Способы лексикографического описания имен собственных в СЯЛ отражают стремление его составителей к полному и подробному описанию идиолекта великого русского ученого, в том числе фиксацию тех его особенностей, которые вызваны спецификой языка и культуры XVIII в. Вместе с тем метаязык СЯЛ (как, вероятно, и любого другого авторского словаря) накладывает определенные ограничения на описание в словаре семантических трансформаций и переосмыслений, которые нередко трудно «втиснуть» в рамки принятой классификации и, соответственно, они должны получать описание в иных жанрах научной литературы (статья, эссе, монография и под.).

Список литературы

Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка. Языковые контакты и заимствования. – Л.: Наука, 1972. – 431 с.

Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: <https://bigenc.ru> (дата последнего обращения: 24.05.2024).

Волков С.С. Восточнославянские теонимы в текстах М.В. Ломоносова // Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века / под ред. П.Е. Бухаркина, С.С. Волкова и Е.М. Матвеева. – СПб.: ИЛИ РАН, 2023. – С. 521–541.

Волков С.С., Карева Н.В., Матвеев Е.М., Смирнова А.С., Шарихина М.Г. Антропонимы в пространстве русской панегирической поэзии XVIII века // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома, 9–10 сент. 2020 г. Т. 1. – Кострома: Костромской государственной университет, 2020. – С. 193–200.

Григорьев В.П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958–2000-е годы. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 816 с.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 1279 с.

Матвеев Е.М. Инструкция для пользователя «Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века» // Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века / Под ред. С.С. Волкова, Е.М. Матвеева, М.Г. Шарихиной. – СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 15–38.

Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: миф – идеология – риторика. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 215 с.

Телешова И.В. Указатель имен к I–X томам // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 11, дополнительный, справочный: Письма. Переводы. Стихотворения. Указатели. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1983. – С. 359–399.

Шарихина М.Г. Герои русской истории допетровского периода в торжественной поэзии XVIII в.: темы и образы // Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века / под ред. П.Е. Бухаркина, С.С. Волкова и Е.М. Матвеева. – СПб.: ИЛИ РАН, 2023. – С. 161–203.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 427 с.

ЕЩЕ РАЗ О ФОНЕТИЧЕСКОМ СООТВЕТСТВИИ *И* vs *У* В ХРИСТИАНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ (на материале тверских деловых текстов преднационального периода)

И.М. Ганжина

Тверской государственный университет

(Тверь, Россия)

В статье рассматриваются христианские личные имена с меной гласных У – И, зафиксированные в текстах тверской деловой письменности XVI–XVII вв. Автор анализирует тенденции употребления в разных онимах того или иного варианта и рассуждает о возможных предпосылках данного явления, связанных не только с влиянием языка-источника, но и с причинами фонетического и лексико-семантического плана, оказавшими влияние на появление подобных вариантов.

Ключевые слова: *христианское личное имя; каноническая форма имени; старогреческий и новогреческий языки; церковнославянский язык; разговорная речь; этимология*

Христианские личные имена (ХЛИ), зафиксированные в исследованных памятниках, содержат широкий диапазон всевозможных фонетических вариантов, связанных с их русификацией. Как справедливо заметили исследователи, несмотря на то, что «христианская религия, так же как ислам и иудаизм, создавала определенные направления для имятворчества и восприятия имен, источником их была не религия, а народный язык» [Сулова, Суперанская, 1984, с. 48]. Кроме общих тенденций, ХЛИ при их приспособлении к фонетическому строю русского языка проявляли и разнообразные частные особенности как в области вокализма, так и в

консонантной системе. В системе гласных наблюдаем множество вариантов, связанных со всевозможной меной звуков в безударной позиции, при этом не всегда понятны причины подобных явлений. Одним из таких явлений является чередование в одних и тех же ХЛИ гласных звуков *И* и *У*.

В исследованных текстах в целом ряде ХЛИ и их форм широко отражена мена гласных *У* – *И* и их смешение: *Акула, Акулик, Акулко, Окул, Окула, Окулко, Окулик* < Акила; *Алсуфей, Олсуфей* < Евпсихий; *Викула* < Вукол; *Кудя, Кудка, Кудай, Кудень, Кунец* < Акиндин; *Купреянко, Купреян, Кипреян* < Киприан; *Курец, Курьян, Чюрик, Чюрак, Чюрляй, Кирилко, Кирюшка* и др. < Кир / Кириак / Кириан / Кирилл; *Онтуфей, Онтух, Онтушко* < Евтихий; *Перхур* < Порфирий; *Труфоник, Труфан, Труфон, Трифан, Трифон* < Трифон; *Тухон, Тушко, Тихон, Тиша, Тишка, Тишко* < Тихон; *Фуник, Финодей, Финюта* < Афиноген.

Исследователи видят причину такого явления мены *И* – *У* в ХЛИ в самом языке-первоисточнике: «...в истории греческого языка произношение гласного звука, ипсилон, колебалось между *И* – *У*» [Никонов 1988: 64]. Как пишет А.В. Суперанская, изменения, связанные с русской передачей греческого *υ*, отражают «его преобразование в разные хронологические периоды в разных подсистемах русского языка. Для очищенного литургического произношения характерно *υ* > и..., для народных говоров – *υ* > у» [Суперанская, 1977, с. 19]. С таким объяснением соглашается и Е.Л. Гвоздева [1988: 100]. Б. Унбегаун отмечает, что переход греческого гласного *υ* > у “зафиксирован уже на этапе древнецерковнославянского языка” [Унбегаун, 1989, с. 47].

Однако вариативность написания гласных *И* и *У* при передаче греческого *υ* связана с тем, что ни в старославянском, ни в древнерусском языках не было соответствующего звука, а потому и в том, и в другом сосуществовали два фонетических соответствия в позиции после согласного. При этом, как отмечает Б.А. Успенский, произношение [у] или [’у] было более архаичной нормой, оттесненной впоследствии в область разговорного произношения; на смену этой же норме пришло произношение [и] – таким образом, в данном случае представлен не диахронический процесс, а смена двух манер произношения [Успенский, 2002, с. 181–182]. При этом исследователи имеют в виду замену в результате реформы Никона старогреческого *У* на новогреческий *И*: известно, что ХЛИ, заимствованные в первоначальном виде из древнегреческого языка, после реформирования в XVII в. церковных книг «приобрели черты новогреческого языка, отсутствовавшие у них при первоначальном заимствовании» [Суперанская, 2003, с. 40].

Однако наш материал не позволяет согласиться с данным фактом, вероятно, касавшимся лишь строгих канонических форм имен. В исследованном нами материале, отразившем разговорную речь (в период до реформ Никона!) нами зафиксированы формы имен и с *И*, и с *У*, нередко в одном и том же тексте, и с тем, и с другим гласным от одного и того же имени. Тщательный анализ материала показывает, что в данном процессе мены *И* – *У* или ее отсутствии нет сколько-нибудь четких и строгих закономерностей употребления того или иного гласного.

В ряде имен все употребленные в документах формы зафиксированы только с *У*: от имен *Акила* (*Акул, Акула, Акулей, Окул, Окула, Окулик, Окулко*); *Акиндин* (*Кудя, Кудка, Кудай, Куден, Кудень* – правда, в фамилиях зафиксирована форма **Киндырь*, которую предположительно можно связать с данным именем); *Евтихий* (*Антуша, Онтюша, Онтуфей, Онтух, Онтуш, Онтушко*).

В формах от отдельных имен предпочтение отдается одному из двух гласных:

- гласному *И*: *Порфирий* (*Порфирей, Порфилей, Парфелей, Перфирей, Перфилко* против *Перфур, Перфурко, Перхур, Перхушко* – соотношение 9 : 5); *Тихон* (*Тихон, Тихан, Тиханко, Тиханка, Тихмень, Тихома, Тиша, Тишень, Тишка, Тишко* – *Тухон, Тухан, Туфан, Туха, Тухиня, Туша, Тушень, Тушко, Тюша* – соотношение 38 : 9);

- гласному *У*: *Трифон* (*Трифон, Трифан* – против *Труфон, Труфан, Труфаник, Труфанко, Труфоник, Труха, Трухно, Трушко, Трушка, Труня, Трун, Трунай* – соотношение 6 : 31); *Киприан* (*Киприан, Кипреян, Киприян, Киприянко, Кипро* – *Купреян, Купреянко, Купря, Купрешка, Чупреян, Чуприян, Чюпреян, Чупрун, Чупря, Чупреля, Чюпреля, Чупро, Чюпро, Чупрон, Чюпрок, Чупей* – соотношение 12 : 17).

В отдельных же ХЛИ соотношение форм с *У* и с *И* примерно одинаково – ср.: *Кирилл / Кириак / Кириан / Кир* (*Кирил, Кирила, Кирило, Кирилл, Кирилка, Кирилко, Кирюшка, Киряк, Кирик, Кирий, Кирей* – *Курил, Курило, Кур, Курец, Курик, Курка, Курко, Курько, Курьян, Куряй, Чурило, Чюрило, Чурилко, Чюрилко, Чурик, Чюрик, Чурыга, Чюр, Чюрик, Чюрак, Чюрляй, Чюряй, Чюран* – соотношение 65 : 68). В данных примерах на употребление большого количество форм с гласной *У* могли оказать влияние причины как лингвистические – сочетание *КИ*, исконно чуждое славянским языкам, так и экстралингвистические – роль народной этимологии, выражавшаяся в стремлении объяснить непонятное иноязычное имя словами родного языка. Так, форма с основой *кур-* фонетически сближается с нариц. *кур* ‘петух’ или с *курить* – ср. в псковских и тверских говорах *кур* ‘дым, чад, смрад’ [Даль, 2, с. 222–223]; имена же с основой *чур-* могут быть сближены с *чур* ‘грань, край, предел’, *чурать* ‘кричать’ [Даль, 4, с. 615]; ср. также нариц. *чурак, чурка* ‘обрубок дерева’ [Фасмер 4: 387]. Кроме того, нельзя исключить и возможность употребления отдельных форм как некалендарных имен. Так, среди этимологов есть предположение о связи подобных форм с прасл. **čur* ‘домовой, родич’ [Фасмер, 4, с. 386] – в таком случае можно предполагать и возможность изначального употребления некоторых подобных форм в качестве имен-оберегов. Добавим, что подобные онимы зафиксированы в словаре Н.М. Тупикова как древнерусские: «*Чур* Ивашков, крестьянин, 1500; *Чура*, московский боярский сын, 1526» [Тупиков, 2003, с. 432–433].

Таким образом, наш материал обнаруживает отсутствие строгой системности и четких закономерностей в использовании форм имен с тем или иным гласным. При анализе материала тверской деловой письменности можно заметить лишь некоторые тенденции в употреблении форм ХЛИ с гласными *И*

или *У* (скорее спорадические): так, формы имен с *У / Ю* от имен *Тихон, Трифон, Кирилл* чрезвычайно часто находим в составе современных ойконимов [ТТС], вероятно, зафиксировавших народные варианты ХЛИ, бытовавшие некогда в разговорной речи. А при именовании духовных лиц встречаем, как правило, формы с *И*: отец духовный *Кириан* [ЦБИ], митрополит *Кипреян* [АПД], игумен *Порфирей* [ТА], что, возможно, свидетельствует о зарождающемся противопоставлении церковных и литературных народных форм.

В целом же на употребление ХЛИ большое влияние оказывала, по всей вероятности, стихия разговорной речи, наложившая отпечаток на их фиксацию в деловой письменности преднационального периода. Несмотря на то, что изначальным посылом к мене *И – У* были изменения в самом языке-источнике и передача греческой буквы ипсилон русскими буквами, на предпочтения в использовании той или иной гласной в ХЛИ наложились дополнительные факторы. В частности, в ХЛИ чрезвычайно велика роль разного рода аналогий. Так произошло, например, с ХЛИ *Вукол*, которое в наших документах зафиксировано только с гласной *И* (*Викула*), несмотря на то, что в греческом имени не было буквы ипсилон, передававшейся в русской орфографии ижицей, – в этом случае этимологически оправданной была только форма *Вукол*; Б.А. Успенский называет форму *Викол* гиперкоррективизмом [Успенский, 1969, с. 249]. Кроме того, в период так называемой двуименности, когда еще не прекратили употребляться имена дохристианские, одной из причин появления вариантов следует считать лексико-семантический фактор. Кроме отмеченных нами форм с основами *кур- / чур*, сюда же можно отнести и имена с начальным греческим *Полу-*, которые в текстах также передаются двояко, но почти всегда с гласным *у*: *Полуехт, Полиехт < Полиевкт; Полукарп < Поликарп; Полуян, Полуянка, Полунь, Полуня < Полиен*. Очевидно, в данном случае имеем явление несколько иного порядка – связанное не с передачей на письме греческой буквы, а с семантическим фактором, аналогией, ложной этимологией: ассоциация с приставкой *полу-* ‘половина’ (ср. с просторечным *полуклиника < поликлиника*) [Гвоздева, 1988, с. 100–101].

Список литературы

- АПД – Акты писцового дела. Т. I. Акты 1587–1627 гг. / Под ред. С.Б. Веселовского. М.: Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1913.
- Гвоздева Е.Л. К вопросу о фонетической адаптации мужских календарных имен в великорусской деловой письменности XIV–XVI вв. // Лексика русского языка и ее изучение. – Рязань: Рязан. ГПИ, 1988. С. 97–103.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955–1956.
- Никонов В.А. Ищем имя. – М.: Советская Россия, 1988. – 128 с.
- Суперанская А.В. Имя и эпоха (к постановке проблемы) // Историческая ономастика. – М.: Наука, 1977. – С. 7–26.
- Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. – М.: Эксмо, 2003. – 544 с.
- Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. – М.: Наука, 1984. – 220 с.
- ТА – Шумаков С. Тверские акты, изданные Тверской ученой архивной комиссией. Вып. I. Акты 1506–1647 гг. – Тверь, 1896–1897. 198 с.
- ТТС – Воробьев В.М. Тверской топонимический словарь. – М.: Русский путь, 2005. – 472 с.
- Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – СПб.: Изд-во тип. И.Н. Скороходова, 1903. – 857 с.
- Унбегаун Б.О. Русские фамилии. – М.: Прогресс, 1989. – 443 с.

Успенский Б.А. Из истории русских канонических имен. – М.: Изд-во Московского университета, 1969. – 334 с.

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI – XVII вв.). – М.: Аспект Пресс, 2002. – 558 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986.

ЦБИ – К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV–XVI вв. / Под ред. М. Рубцова. Вып. II. Старица, 1905. 96 с.

СПОСОБЫ КАТОЙКОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА)

И. А. Герасименко

*Донецкий государственный педагогический университет
(Горловка, ДНР, РФ)*

В работе описаны способы номинации названий лиц по месту жительства или рождения Донецкого края. Для данного анализа были учтены лексикографические данные и материал современных масс-медиа. В статье указано, что катойконимия (катойконимикон) является совокупность всех локальных катойконимов, функционирующих на определённой территории, а катойконимика – наука о названиях жителей этой территории.

***Ключевые слова:** катойконим; масс-медиа; номинация; словообразовательный тип; лингвокраеведение*

Современная русистика последних десятилетий характеризуются активным изучением региональных особенностей языка. На сегодняшний день именно в локальных чертах языка заключён значительный исследовательский потенциал. Актуальность описания языка конкретного региона неоспорима, так как региональное своеобразие языка – это всегда отражение своеобразия истории и культуры изучаемого края.

Как известно, ономастический материал сохраняет не только языковую, но и важную внеязыковую информацию. По мнению А. В. Суперанской [Суперанская, 2009], образ, положенный в основу имени собственного, индивидуален у каждого народа, и имя, созданное в ту или иную эпоху, может быть однозначно соотнесено с его культурной традицией. В этом плане интересны для исследования катойконимы Донбасса. Цель статьи – описать способы номинации названий лиц по месту жительства или рождения Донбасса, учитывая лексикографические данные [Левашов, 2000] и примеры из региональных массмедийных текстов.

Под катойконимами принято понимать названия жителей по названию места жительства; катойконим – это оттопонимический дериват с обобщённым значением ‘названия лиц по месту жительства’. Соответственно, катойконимия (катойконимикон) толкуется как совокупность всех локальных катойконимов, функционирующих на определённой территории. Катойконимы нельзя однозначно отнести ни к апеллятивам, ни к именам собственным. С позиций семантики они более близки к именам собственным, так как лексическое значение катойконима можно объяснить только через ойконим (ср.: горловчане – жители или уроженцы Горловки; макеевчане – жители или уроженцы Макеевки, авдеевцы – жители или уроженцы Авдеевки и т. д.). С позиций словообразования катойконим не является онимом, это оттопонимное

образование. Как указывает, Н.В. Подольская, катойконим – это «нарицательное наименование жителей по названию места жительства (оттопонимное образование)» [Подольская, 1988, с. 64]. Мы, вслед за Н.В. Подольской, понимаем под катойконимом нарицательное именование жителей по названию места жительства (и/или рождения).

Ученые выделяют пять способов катойконимической номинации, с помощью которых выражается значение ‘житель (уроженец) населённого пункта’ (и о которых пишут, например, В.А. Горпинич [Горпинич, 1972], В. М. Генкин [Генкин 2009]). К ним относятся: 1) словообразовательная парадигматизация (*дончане* от *Донецк*), 2) синтагматизация (*родом из Донецка*, *молодежь из Донецка*), 3) семантизация адъектонимов (*донецкие участвовали*, *донецкие одержали победу*), 4) деонимизация ойконимов (*гольмовский* от *Гольмовский*), 5) описательный способ выражения значения ‘житель или уроженец местности’ (*донецкий характер*). Рассмотрим данные способы катойконимической номинации более подробно:

1) словообразовательная парадигматизация, или деривация, – образование специальных существительных со значением ‘лицо по отношению к месту жительства или рождения’: *зугрэсчане* от *Зугрэс*, *харцызыане* от *Харцызск*, *Моспинчане* от *Моспино* и др.;

2) синтагматизация – выражение значения ‘житель (уроженец) населённого пункта’ словосочетанием, обязательным компонентом которого является зависимый ойконим, употреблённый в форме родительного падежа с предлогом: *люди из Макеевки*, *родом с Амвросиевки* и др.;

3) семантизация адъектонимов – употребление в роли катойконимов субстантивированных оттопонимных прилагательных: *шахтёрские приехали* от *Шахтёрск*, *ясиноватские победили* от *Ясиноватая*, *кировские сказали* от *Кировское* и др.;

4) деонимизация ойконимов – использование в роли катойконима самого географического названия, которое не претерпевает каких-либо структурных изменений» (*гольмовский поворот* от *Гольмовский*) [Генкин, 2009, с. 49];

5) описательный способ выражения значения ‘житель или уроженец местности’, когда «основную смысловую нагрузку несут адъектонимы, но, в отличие от третьего способа номинации, оттопонимные прилагательные не подвергаются субстантивации» [Генкин, 2009, с. 49] (*дебальцевский парень*, *углегорские жители*).

Относительно катойконимов Донбасса можно выделить два продуктивных словообразовательных типа, в которые объединяются слова, образованные одинаковым способом от одной и той же части речи. К ним относятся словообразовательные типы с суффиксами (1) *-чан(е)*, (2) *-ц(ы) / ец(ы)*. Самым распространенным является словообразовательный тип с суффиксом *-чан(е)*. В нашей картотеке он встретился в 80% случаев (из пятидесяти проанализированных катойконимов с помощью суффикса *-чан* образовано сорок лексических единиц). Рассмотрим данные языковые знаки и их мотивирующие ойконимы:

Катойконимы с суффиксом *-чан(е)* могут быть мотивированы ойконимами в форме мужского рода: *Донецк – дончане, дончанин, дончанка* [Левашов, 2000, с. 178]. Например: *Дончане принимают участие в международной выставке «Металлообработка-2024»* (<https://don24.ru/rubric/ekonomika/donchane-prinimayut-uchastie-v-mezhdunarodnoy-vystavke-metalloobrabotka-2024.html> – дата обращения: 07.06.2024).

Катойконимы с суффиксом *-чан(е)* также могут быть мотивированы ойконимами в форме женского рода: *Макеевка – макеевчане, макеевчанин, макеевчанка; Горловка – горловчане, горловчанин, горловчанка* [Левашов, 2000, с. 152]. Например: *Главный врач городской больницы № 2 Горловки Нелля Якуненко рассказала о состоянии горловчан, пострадавших сегодня в результате обстрела Горловки* (<https://mozaika.biz/news/medicina/530173-kak-sebya-chuvstvuyut-gorlovchane-postradavshie-ot-massirovannogo-obstrela-centra-gorlovki-video.html> – дата обращения: 07.06.2024). Нужно отметить, что Е. А. Левашов даёт производные от ойконимов *Горловка* и *Макеевка* катойконимы *горловцы, горловец* и *макеевцы, макеевец* [Левашов, 2000, с. 152, 316]. Однако использование в масс-медиа таких производных представлено единичными примерами. Ср.: *В субботу, 1 января, для гостей провели экскурсии в музей имени Крамского и спортивные мастер-классы, также юные горловцы побывали в тире.* (<http://nkovrn.ru/2024/01/09/> – дата обращения: 07.06.2024); *Макеевцы, конечно, в своем ответном выступлении дали обнадеживающий ответ, обещание не подвести творцов блюминга...* (<http://mayak-makeevki.in.ua/haplanovi-1917-1941.html?start=15> – дата обращения: 12.01.2023). Это говорит о том, что лексемы *горловцы, горловец / макеевцы, макеевец* выступают языковыми знаками, которые уходят из языка.

Такая же вариативность присуща и лексеме, образованной от ойконима *Амвросиевка*. Если в словаре-справочнике Е.А. Левашова зафиксированы катойконимы *амвросиевцы, амвросиевец* [Левашов, 2000, с. 33], то в современных масс-медиа наряду с существительными *амвросиевцы, амвросиевец* используются и существительные *амвросиевчане, амвросиевчанин, амвросиевчанка*. Ср: *Фильм о павших в Демократической Республике Афганистан восьми земляках – амвросиевцах на основе собранных поисковой группой материалов подготовила юнармеец ВПСО “Витязь” Наталья Близниченко* (<https://vk.com/vitiaz> – дата обращения: 09.06.2024); *Так, для юных амвросиевчан была собрана одежда, канцтовары, игрушки и другие полезные мелочи, которые непременно будут радовать ребят!* (<https://ok.ru/group/53434402013254/topic/66866157857606> – дата обращения: 08.01.2023).

Катойконимы с суффиксом *-чан(е)*, мотивированные ойконимами в форме среднего рода: *Кировское – кировчане, кировчанин, кировчанка* [Левашов, 2000, с. 253]; *Комсомольское – комсомольчане, комсомольчанин, комсомольчанка* [Левашов, 2000, с. 252]. Например: *Уважаемые кировчане! В связи со значительным понижением температуры наружного воздуха во избежание*

замерзания водопроводных сетей и водяных колодцев 9 и 10 января 2023 года водоснабжение на низконапорную часть города будет подаваться с минимальным давлением круглосуточно (<https://vk.com/gorodkirovskoe> – дата обращения: 08.01.2023); *Сегодня комсомольчане переживают не лучшие времена, но продолжают с особым трепетом относиться к своему родному городу, любят его всем сердцем, несмотря на трудности, которые непременно закончатся* (<https://gazeta-dnr.ru/k-yubileyu-goroda-komsomolskoe/> – дата обращения: 08.01.2023). Следует отметить что, по данным Словаря-справочника Е.А. Левашова катойконимами для ойконима *Дебальцево* являются лексемы *дебальцевцы, дебальцевец* [Левашов, 2000, с. 165]. Однако в современных масс-медиа используются не только языковые знаки *дебальцевцы, дебальцевец*, но и существительные *дебальчане, дебальчанин, дебальчанка*. Ср.: *К вам, дебальцевцы, я и хочу обратиться. Мы можем сделать город лучше* (<https://возродимдонбасс.пф/area-history/details/7df46012-7b42-4abf-8ee6-b7cd418634e0?ysclid=lx7q7knosn148166193> – дата обращения: 09.06.2024); *Дебальчане приняли участие в акции “Голосуем всей семьей”, в рамках которой нужно было прийти на избирательные участки вместе со своими родными и близкими с разных уголков нашей страны* (https://debaltsevo.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_1267.html – дата обращения: 09.06.2024). Такая же вариативность присуща и лексеме, образованной от ойконима *Моспино*. В словаре-справочнике Е.А. Левашова зафиксированы катойконимы *моспинцы, моспинец* [Левашов, 2000, с. 342], тогда как в современных масс-медиа, наряду с языковыми знаками *моспинцы, морпинец*, используются лексемы *моспинчане, моспинчанин, моспинчанка*. Ср.: *Моспинцы страдают уже много лет, получая воду по непонятному “графику”* через день (<https://dennislavin.livejournal.com/246364.html?ysclid=lx7qar18k242857565> – дата обращения: 09.06.2024); *Моспинчане на отдыхе!* (<https://vk.com/club25530824> – дата обращения: 08.01.2023).

Словообразовательный тип с суффиксом *-ц(ы) / ец(ы)* по своей продуктивности в образовании катойконимов Донбасса уступает суффиксу *-чан(е)*. С помощью этого суффикса образовано лишь 20% от общего числа всех проанализированных единиц. Рассмотрим данные катойконимы и их мотивирующие ойконимы.

Катойконимы с суффиксом *-ц(ы) / ец(ы)*, мотивированные ойконимами в форме среднего рода: *Снежное – снежновцы, снежнянцы* [Левашов, 2000, с. 472]; *Енакиеве – енакиевцы, енакиевец* [Левашов, 2000, с. 187]. Например: *Стоит отметить, что снежнянцы активно пополняют ряды членов ВПП “Единая Россия”* (<https://ok.ru/snezhnoeod/topic/155986075411384> – дата обращения: 09.06.2024); *Что там Снежновцы про Боинг, кстати, рассказывают?* (сохранена орфография источника. – И.Г.) (<https://voorors.ru/viewtopic.php?f=66&t=2488&start=11220&ysclid=lx7raektvs761440340> – дата обращения: 09.06.2024); *Уважаемые енакиевцы! На основании распоряжения главы администрации города Енакиеве от 08.08.2022 г. № 633*

«О проведении общегородских санитарных дней» 19 августа текущего года в г. Енакиево, г. Углегорске, г. Юнокоммунаровске, пгт Булавинское, пгт Карло-Марксово, пгт Корсунь, пгт Ольховатка состоится общегородской санитарный день (https://vk.com/wall-32205256_1645295 – дата обращения: 08.01.2023). Показательно, что для образования катойконима женского рода от ойконима *Енакиево* используется суффикс **-чан(е)** – *енакиевчанка* (отметим, что данная лексема не представлена в словаре-справочнике Е.А. Левашова, однако функционирует в языке современных масс-медиа). Ср.: *Дети освенцима. Судьба енакиевчанки* (https://vk.com/wall-114157074_35229 – дата обращения: 08.01.2023).

Катойконимы с суффиксом **-ц(ы) / ец(ы)**, как правило, мотивированы ойконимами в форме мужского рода: *Шахтёрск* – *шахтёрцы*, *шахтёрец* [Левашов, 2000, с. 578]; *Докучаевск* – *докучаевцы*, *докучаевец* [Левашов, 2000, с. 1763]; *Торез* – *торезцы*, *торезец*; *Юнокоммунаровск* – *юнокоммунаровцы*, *юнокоммунаровец*; *Новоазовск* – *новоазовцы*, *новоазовец* [Левашов 2000: 363]; *Углегорск* – *углегорцы* [Левашов, 2000, с. 525]. Например: *Начинается праздничное шествие шахтёрцев* (<https://residentname.ru/ru/shakhtersk> – дата обращения: 08.01.2023); *Докучаевцы помнят и чтят своих воинов и подвиги всех тех, кто ценой собственной жизни спасал нашу родину и всех нас* (<https://masters.donntu.ru/2009/eltf/f> – дата обращения: 08.01.2023); *Многие торезцы уходили с этой площади под суровый бой барабанов... – преградить путь гитлеровцам в Донбасс* (<https://residentname.ru/ua/torez> – дата обращения: 08.01.2023); *На высшую ступень первенства области... поднялся торезец* (<https://residentname.ru/ua/torez> – дата обращения: 08.01.2023). *Многие юнокоммунаровцы знали, что на шахте готовится взрыв* (<https://youdn.ru/news/post/129-atomniy-vzriv-v-yunokommunarovske-operatsiya-klivazh-28-06-2018> – дата обращения: 12.01.2023); *Уважаемые новоазовцы! Примите самые искренние поздравления с Днём знаний и началом нового учебного года!* (<https://dnr-news.ru/society/2022/09/01/96060.html> – дата обращения: 12.01.2023); *В довоенное время углегорцы и представить не могли, что их родной город станет стратегически важным объектом на карте боевых действий...* (<https://dzen.ru/a/YfvSonf7MC7YKs2n?ysclid=lx7rg5gvoo789800160> – дата обращения: 09.06.2024). Показательно, что от ойконима *Докучаево* образован катойконим женского рода с помощью суффикса **-к** – *докучаевка*.

Катойконимы с суффиксом **-ц(ы) / ец(ы)** также могут быть мотивированы ойконимами в форме женского рода: *Ясиноватая* – *ясиноватцы*, *ясиноватец* [Левашов 2000: 603]; *Ждановка* – *ждановцы*, *ждановец* [Левашов 2000: 190]; *Волноваха* – *волновахтыцы* [Левашов, 2000, с. 127]. Например: *Уважаемые ясиноватцы! Примите искренние поздравления с Рождеством Христовым!* (<https://ok.ru/group54563669540864/topic/160299227809792> – дата обращения: 08.01.2023); *Дорогие ждановцы! Дорогие горняки! Поздравляем вас с таким важным для всех нас праздником – Днём шахтера!* (<https://m.ok.ru/zhdanovsk/topic/152015315182397> – дата обращения: 08.01.2023);

Строители вложили в проект не только время и силы, но и частичку души, чтобы результат полностью устроил волновахцев (https://volnovaxa-r897.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_1620.html – дата обращения: 09.06.2024).

Как видим, катойконимы Донбасса являются дериватами в словообразовательных гнездах ойконимов. Яркой особенностью катойконимии выступает то, что её первичная форма – это множественное число существительных (*енакиевцы, горловчане, дончане, авдеевцы* и др.). Самым распространённым словообразовательным типом среди рассматриваемых катойконимов является словообразовательный тип с суффиксом *-чан(е)*: *макеевчане, кировчане, дебальчане*. Менее распространённым выступает словообразовательный тип с суффиксом *-ц(ы) / ец(ы)*: *докучаевцы, ясиноватцы, новоазовцы, ждановцы, волновахтцы*. Яркой особенностью современной речи, отображенной в тестах масс-медиа, является замена суффиксов *-ц / -овц* на *-чан (е)* при образовании катойконимов: *горловцы* → *горловчане, зугрэсовцы* → *зугрэсчане, макеевцы* → *макеевчане, амвросиевцы* → *амвросиевчане, мостинцы* → *мостинчане*. Ввиду этого продуктивным аффиксом, участвующим в образовании катойконимов Донбасса стал *-чан (е)*, который задействован в 80 % анализируемых единиц. Более того, появились катойконимы для обозначения лиц женского пола – *енакиевчанка, докучаека*, которые не фиксируются в лексикографических источниках.

Важно отметить, что «когнитивно-дискурсивный ландшафт современного Донбасса исторически связан с культурой разных народов и народностей, населяющих полиэтничный регион» [Герасименко, 2021, с. 77]. Поэтому в формировании ойконимии и её производных (в нашем случае – катойконимов) Донбасса в течение длительного времени участвовали многие народы, говорившие на разных языках. Следовательно, исследование этимологии рассматриваемых единиц анализа входит в круг наших задач на ближайшее время.

Список литературы

Генкин В.М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья: учебно-метод. пособие. – Витебск, 2009. – 115 с.

Герасименко И.А. Когнитивно-дискурсивное пространство полиэтничного Донбасса // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 18 – 21 мая 2021 г.) / Ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтов, С.М. Пронченко. – Брянск : РИСО «БГУ», 2021. – С. 74–80.

Горпинич В.А. Особенности сочетания словообразовательных морфем в оттопонимических производных восточнославянских языков // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы республиканской научной конференции. – Самарканд, 1972. – С. 80–85.

Левашов Е.А. Географические названия (прилагательные, образованные от них названия жителей): словарь-справочник. – СПб., 2000. – 605 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР; Институт языкознания. – М. : Наука, 1988. – 196 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М. : Наука, 2009. – 366 с.

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ В ПРОЗВИЩНОЙ НОМИНАЦИИ

Л.А. Климкова
(Арзамас, Россия)

В статье рассматривается составная часть русского диалектонимического пространства – микроантропонимия одного региона, Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья, именно прозвищная номинация, причём одного деривационного способа – трансонимизации, при использовании в качестве производящей базы макроонимов.

Ключевые слова: диалектонимия; прозвище; имя-прецедент; производящая база; трансонимизация; мотивация; мотивационный текст

Русский диалектный язык включает в себя чрезвычайно объёмное микроонимическое (диалектонимическое) пространство, естественной составной частью которого является микроонимия отдельных регионов страны, в том числе Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья. Так, в наших словарях зафиксировано свыше 18 тысяч микротопонимов и свыше 20 тысяч неофициальных антропонимов названного региона, см.: [Климкова, 2006; Климкова, Гузнова, 2022]. Однако это лишь малая толика всего фонда единиц данного типа. Если принять во внимание, что во всей Нижегородской области более четырёх с половиной тысяч сельских населённых пунктов [Нижегородская область, 1993, с. 152–262], и если исходить даже из того, что в каждой микросистеме в среднем по меньшей мере около сотни диалектонимов (и это по меньшей мере!), то общий диалектонимический фонд составляет сотни тысяч единиц. Около половины этого фонда (если не больше) приходится на Правобережье области, Окско-Волжско-Сурское междуречье. Конечно, это лишь приблизительные прикидки, но и они впечатляют.

Значителен объём микроантропонимии региона, в том числе прозвищной номинации, которая хотя и является периферийным компонентом онимической картины мира, но тем не менее значимым для повседневной жизни членов сельского социума, их обиходно-бытового общения. Разнообразен этот компонент по многим показателям: номенклатуре, референции, мотивации, коннотации, по структурно-деривационным и системным отношениям [Климкова, 2022; 2023] и др.

Колоритны прозвища, образованные трансонимизацией, в результате перехода, переноса онимов же, то есть лексико-семантическим способом, причём производящая база для этого компонента региональной онимической картины мира объёмна, многообразна. Различается трансонимизация по диапазону действия: только в пределах микросистемы и с выходом из неё. Во втором случае источником (деривационной базой) прозвищ являются онимы, имеющие широкую известность в стране и за её пределами, входящие в историко-культурный фонд, – своего рода макроонимы по отношению к микросистемам. Ср.: **Коля-Вася**, необидн., прозвище мужчины. *Вон Коля-Вася идёт, ево мать хотела Васей назвать, а отец Колей записал* (Булдаково Арз.) – **Коля Америка**, ирон., прозвище мужчины. *Всё на свете знат. Сначала Голос Америки звали, потом Коля Америка* (Маресево Поч.). (Приводимые здесь единицы и другие, а также адреса соответствующих микросистем см.: [Климкова, Гузнова, 2022]).

Отпрецедентная прозвищная номинация названного характера в нашем регионе представлена рядом тематических групп, в зависимости от характера производящих макроимён, прецедентов. Таковы имена:

- персонажей произведений литературы, как отечественной, так и иностранной: *Анна Каренина, Буратино, Гаврош, Гамлет, Гулливер, Вакула, Карabas, Коробочка, Мазай, Макар Чудра, Мишка Квакин, Мюнхгаузен, Онегин, Остап Бендер, Отелло, Тарас Бульба, Тёркин, Троекуров* и др.;
- персонажей фольклорных произведений: *Добрыня, Емеля, Елена Премудрая, Золушка, Илья Муромец, Кощей Бессмертный, Колобок, Наф-Наф, Садко, Соловей Разбойник* и др.;
- кино-, теле-, мультперсонажей: *Анискин, Афоня, Бровкин, Буба, Будулай, Доцент, Кинг-Конг, Клёна, Леопольд, Муля, Мустафа, Пистимея, Попандопуло, Пятачок, Тарзан, Фантомас, Электроник* и др.;
- артистов, актёров: *Бондарчук, Винокур, Карандаш, Никулин, Петросян, Райкин* и др.;
- музыкантов, композиторов, певцов: *Бетховен, Газманов, Лариса Мондрус, Леонтьев, Машка Распутина, Мияги, Рид, Робсон* и др.;
- писателей, художников: *Гайдар, Гоголь, Лермонтов, Маяковский, Пушкин, Левитан* и др.;
- учёных, путешественников, изобретателей, космонавтов, спортсменов: *Архимед, Гагарин, Жаботинский, Кулибин, Миклухо-Маклай, Мичурин, Пеле, Поддубный, Сократ, Сперанский, Терешкова* и др.;
- государственных, политических, военных и иных исторических деятелей разного толка и времени: *Блюхер, Будённый, Ворошилов, Гитлер, Годунов, Ермак, Кочубей, Кутузов, Ленин, Мамай, Махно, Наполеон, Петлюра, Спартак, Сталин, Суворов, Фидель Кастро, Черчилль* и др.; а также:
- мифонимы: *Адам, Геркулес, Зевс, Иисус, Иуда, Нарцисс, Перун* и др.;
- географические имена (макро- и мезотопонимы): *Америка, Антарктида, Байкал, Брест, Донбасс, Европа, Казбек, Канада, Караганда, Китай, Колхида, Колыма, Магадан, Мадрид, Москва, Порт-Артур, Самара* и др.

Перенос одушевлённого макроимени и превращение его в прозвище происходит по разным основаниям: по общности внешних или внутренних свойств именуемых, манеры их поведения, поступков, особенностей речи; возможно также сближение исходя из характера ситуации, события. Например: **Герасим**, необидн., прозвище мужчины. *Высокай, крупнай, большой, не больно гаварлив; как Герасим, ну как в «Муму» (Яново Серг.). Трындычѣха*, обидн., прозвище женщины. *Она очень быстро говорит. Говорили про неё за глаза (Волчиха Арз.); Она очень быстро говорит. После просмотра фильма «Свадьба в Малиновке» молодое поколение зовёт её Трындычихой (Смирново Шатк.). Дубровский*, необидн., прозвище мужчины. *Когда в школе учился, сценку ставили, он Дубровского играл, с тех пор зовут Дубровским (Курмыш Пильн.). Гулливер*, необидн., прозвище мужчины. *Уж очень он большой, вот и празвали Гулливер (Архангельское Шатк.). Дон Кихот*, обидн., прозвище мужчины. *Длинный да тонкий, вот и прозвали так (Круглово Ард.); Он сядет на лошадь, а ноги достают почти до земли (Волчиха Арз.). Дон Жуан*, обидн.,

прозвище мужчины. *Дон Жуан, потому што гулят много* (Костянка Шатк.); прозвище юноши. *За ево любовные увлечения* (Спасское) и мн. др.

Географические названия как деривационная и мотивационная база прозвищ обозначают место рождения именуемого, прежнего проживания его, работы, службы, отдыха, временного пребывания и т.д. При этом используются как макро-, так и мезотопонимы. Например: **Куба**, необидн., прозвище мужчины. *На Кубе он служил, вот и зовут иво так* (Курилово Д.-Конст.; Сеченово). **Брест**, необидн., прозвище мужчины. *Брест он брал в войну, вот и зовут Брест* (Чернуха Арз). **Мадрид**, необидн., прозвище мужчины. *Испанска была война, участвал* (Ленинское Арз.). **Сумгаит**, необидн., прозвище мужчины. *По путёвке в Сумгаит ездил, потому так и прозвали* (Большие Печерки Шатк.). **Джамбул**, необидн., прозвище мужчины. *Ездит много, любимое место – город Джамбул* (Макарьёво Лыск.). **Муром**, необидн., прозвище мужчины. *Из Мурома к нам приехал* (Леметь Ард.) и др.

В ряде случаев происходит фонетическое сближение именованного лица с онимом-прецедентом, например: **Тёркин**, необидн., прозвище мужчины. *От фамилии Ёркин* (Княжиха Пильн.). **Антарктида**, необидн., прозвище девочки. *Фамилия ей Анта́кова, а зовём Антарктидой. Не обижатся она* (Трудовое Див.). **Никсон**, необидн., прозвище мужчины. *У няво имя Николай и отчество Николаич, и яво зовут Ник-Ник или Никсон* (Малая Поляна Лук.). **Братец Лис**, необидн., прозвище мужчины. *Ему фамилия Лисёнков, хитрай он, вот и стали звать Братцем Лисом* (Абрамово Арз.) и др.

Возможно появление прозвища на базе ассоциативного сближения, общности персонимов обоих лиц – именуемого и обладателя известной фамилии: **Терешкова**, обидн., прозвище женщины: *Её Вале́й зовут, а Терешкова её патом празвали. Што-то абижатся. А што бы абижаться бы, ведь хароше имя-то* (Солнцево [б.] Вач.).

Прозвище появляется и в результате ассоциативного, метафорического дополнения персонима именуемого прецедентным именем, его совмещения, наслоения, типа: **Борис Махно**, обидн., прозвище мужчины. *Сроду косматай ходит, да ещё глаз у нёво один кривой. Вот и зовём Борис Махно. Он так-ту Борис* (Выползово Ард.). **Борис Чапай**, необидн., прозвище мужчины. *В детстве, когда играл в Чапаева с ребятами: я, говорит, буду Чапай. Вот и Чапай* (Михалёво Вач). **Сашка Блюхер**, обидн., прозвище мужчины. *Забияка он, дрался всегда. Блюхер тоже какой-то военной. Ёво уж назвали эдак* (Забелино Арз.). **Вовка Деникин**, обидн., прозвище мужчины. *Так и прозвали ребятами за напористость, агрессивность* (Казаково Вач.). **Мишка Гондурас**, необидн., прозвище мужчины. *Он мариком был, гаварит, в Америку плавал, в Гандурас, а иво так и стали звать. Он ни абижатся* (Берецино Перв.) и мн. др.

Составное прецедентное имя может быть представлено в прозвище неполностью: **Рыбка**, одобр., прозвище женщины. *Больно уж услужлива была, всем помогала. Вот и прозвали Рыбкой* (Пожарки Серг.); ср.: **Кошей**, обидн., прозвище девочки. *Худá она, как Кошей Бессмертный* (Новый Усад Спас.).

Прецедентное имя может быть реализовано в прозвищной номинации в модифицированном виде, например: **Махна́**, необидн., прозвище юноши. *Вон Колька идёт, мы его Махно́й зовём. А я и не знаю, почему все так зовут. Может, от Махно...* (Большое Туманово Арз.). **Сі́кина**, необидн., прозвище женщины. *Любила петь песни, за это её звали Зыкина. В детстве она не выговаривала зэ, а говорила Сикина. Так и осталась Сикина* (Покровка Лук.). **Буратина. Бурлатина**, обидн., прозвище мальчика. *Буратиной зовём, потому што нос длинный у него. И Бурлатиной зовём* (Красный Бор Шатк.). **Ерло́па**, необидн., прозвище мужчины. *Он когда был маленький, в первом классе учился, говорил "Ерлопа" вместо "Европа". Так и остался Ерлопа* (Тубанаевка Спас.) и мн. др.

Все типы сближения имён, их деривации, переноса имён-прецедентов всех тематических групп в прозвищную номинацию отражаются в её мотивационной базе, раскрываются в текстах-свидетельствах диалектоносителей-информантов, см.: **Гоголь**, необидн., прозвище мужчины. *По Гоголю дали, дедушка схожий на писателя Гоголя: и причёска, и лицо...* (Большая Мажарка Кр.-Окт.). **Пушкин**, необидн., прозвище мужчины. *Кудрявый он, на Пушкина похож* (Веригино Арз.). **Гагарин**, необидн., прозвище мужчины. *Ево, как и Гагарина, Юркой зовут, а когда маненькай был – с верхушки дерева упал, вот и Гагарин* (Мадаево Поч.) и др.

Развёрнутая мотивация включает представление причин(ы) номинации, коннотацию прозвища, ряд параллелей при тезоимённости и т.д. Например: **Поддубный**, необидн., прозвище мужчины. *У меня вот, скажем, прозвище Поддубный: меня Иваном зовут, ну и здоровенный я, вот и прозвали Поддубный. Был такой силач – Иван Поддубный. Пусть зовут* (Нучарово Ард.); насмешл., прозвище мужчины. *Он щупленькай уж больно, а на смех зовут Лобаном, Головастым, Поддубным, а эт ведь всё сильные, большези, здоро́вы люди-ти. Вот и шутят так над ним* (Абрамово Арз.) и др.

Мотивационный текст может быть без имени-прецедента, в качестве же обоснования появления прозвища в таком случае даются характерные показатели, признаки соответствующего референта, какие-то детали образа. В этом случае причина появления прозвища, мотивация является «смутной», своего рода «просвечивающей» признаки, основания сближения именованных или предположительной. См.: **Бетховен**, одобр., прозвище мужчины. *Это у нас прозвище Михаила Зубатова. Он был неплохой гармонист, хотя был немного глуховат* (Илларионово Б.-Болд.). **Гамлет**, необидн., прозвище мужчины. *Странный он был. Наверное, поэтому назвали* (Лапша Перв.). **Боневу́р**, необидн., прозвище мальчика. *Витька́ Бяна́ва зовут так, Бынёвуро́м, а нычаму – не знам, наверно, по фамилии: был вроде Бынёвур какой-то* (Водоватово Арз.) и др.

Мы уже отмечали факт значительно представленной, объёмной тезонимии в неофициальной антропонимии нашего региона [Климкова 2022: 83]. Сюда вписывается и отпрецедентная прозвищная номинация. Так, номинанты *Тарапунька*, *Махно* функционируют в пяти микросистемах, *Буба* – в семи, *Москва* – в восьми, *Мазай* – в девяти, *Доцент* – в десяти, *Гитлер* – в

двенадцати, *Тарзан* – в тринадцати, *Додон* – в четырнадцати, *Гагарин* – в восемнадцати, *Пушкин* – в девятнадцати, *Колчак* – в двадцати четырёх, *Колобок* – в сорока одной и т.д. Внешне одно и тоже прозвище при тезоимённости в разных микросистемах часто имеет одну мотивацию. См. некоторые примеры: **Дюймовочка**, обидн., прозвище женщины. *Её так зовут за маленький рост, Дюймовочка же тоже мálенька* (Малая Поляна Лук.); *прозвище дано за маленькой рост* (Рогово Нав.); *мáненька, рýженька* (Княжиха Пильн.); *Дюймовочкой празвали, патаму што ана мáненька больно была* (Ильинское Поч); *девушка маленькая ростом* (Лукоянов). **Фантомас**, обидн., прозвище мужчины. *Он похож на героя кинофильма, на Фантомаса* (Замятино Арз.); обидн., прозвище мальчика. *Глаза у него крáсны всегда, как у Фантомаса* (Красный Бор Шатк.).

В тезоимённой парадигме мотивационные тексты могут включать отдельные детали общей мотивационной базы, например: **Леопольд**, необидн., прозвище мужчины. *Женьку-то Костина Леопольдом празвали, потому што у него усы красíвы, как у кота Леопольда* (Чулково Вач.); *волосы у него рыжие, лицо доброе, характер доброжелательный, прям Кот Леопольд* (Велетьма Кул.); *как дитя мáло, всё время мультики рассказывают* (Княжиха Пильн.); *боится всево он, как Леопольд из мультика* (Большие Печерки Шатк.) и др.

Возможна и другая ситуация при тезоимённости: мотивация внешне одинаковых прозвищ от одного имени-прецедента в разных микросистемах разная вплоть до отказа от неё, например: **Доцент**, обидн., прозвище мальчика. *Всегда у него на языке одно слово "доцент", вот и празвали Доцент* (Ковакса Арз.); *Жирный он, толстый такой, вот и зовём его Доцентом* (Салганы Кр.-Окт.); одобр., прозвище мальчика. *Меня Доцент празвали, не знай почему, видать, по уму* (Большое Туманова Арз.); *Умничал много, вот и празвали Дацентом. – Колька в школе харашо учылся, вот мы иво Дацентом празвали* (Архангельское Шатк.); необидн., прозвище мужчины. *Да фильм какой-то казали, а Вовка уж больно героя, Доцентом звали, хорошо изображал* (Булдаково Арз.); *Учителя по физике мы Доцентом зовём. Длиннай он такой, лысай и в очках* (Чернуха Арз.); обидн., прозвище мужчины. *Он грознай был, драчун. Вот по кину и празвали . Он обижатся* (Семёново Арз.); необидн., прозвище юноши. *Стэценко Коля зовут его, но мы – Доцентом. Почему? Уж не могу вспомнить точно-то. Наверно, потому, што похожи слова, складно* (Первомайск) и др.

Таким образом, прозвища являются колоритным компонентом неофициального именованья русского человека, который хотя и имеет статус периферийного, но тем не менее проявляет, подтверждает богатство русского языка, его лексического и словообразовательного уровней, своеобразие русской речи – русской языковой картины мира. Прозвищная номинация располагает богатым, разнообразным арсеналом деривационных средств, деривационных способов, одним из них предстаёт лексико-семантический в его разновидности *трансонимизация* на базе макроонимов. Она проявляет в том числе объём словарного запаса, фоновые знания носителя языка, его общекультурный, интеллектуальный уровень, умение выстраивать логические связи и

реализовать их в речи, в целом – характер индивидуальной языковой картины мира, встраивающейся в богатейшую общенациональную языковую картину мира.

Проанализированный эмпирический материал при всей своей конкретике, периферийности, региональности проявляет и системность языка, историзм как базовые устои языка и парадигмы языкознания.

Список литературы

Климкова Л.А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3-х ч. – Арзамас: АГПИ, 2006. Ч. 1 – 403 с. Ч. 2 – 336 с. Ч. 3 – 406 с.

Климкова Л.А. Неофициальная антропонимия: разноплановость коннотаций // Ономастика Поволжья: материалы XXI международной научной конф., Рязань, 3-5 октября 2023 г. / сост. и ред. И.Н. Хрусталёв, В.И. Супрун; Рязанский гос. ун-т им. С.А.Есенина. – Рязань: Изд-во «ИП Жуков В.Ю.», 2023. – С. 76-81.

Климкова Л.А. Системные отношения в окско-волжско-сурской неофициальной антропонимии // Ономастика Поволжья: материалы XX международной научной конф., Элиста, 5-7 октября 2022 г. / сост. ред. Н.А. Кичикова, В.И. Супрун; Калмыцкий гос. ун-т им. Б.Б. Городовикова. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. – С. 80-84.

Климкова Л.А., Гузнова А.В. Неофициальная антропонимия Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья: словарь / Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского; Княгининский университет. В 3-х ч. – Ульяновск: Зебра, 2022. Ч. 1 – 437 с. Ч. 2 – 434 с. ; Ч. 3 – 267 с.

Нижегородская область. Административно-территориальное деление (На 1 января 1992 г.). – Н. Новгород: ГИПП «Нижполиграф», 1993. – 272 с.

АВТОРСКИЕ ПОДПИСИ КАК ЯВЛЕНИЕ АНТРОПОНИМИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ)

Н.А. Красовская

Тульский государственный педагогический университет

им. Л.Н. Толстого

(Тула, Россия)

В предлагаемой статье речь идет о некоторых особенностях языка региональных газет периода 1941–1945 годов. В частности, автор обращается к рассмотрению структуры авторских подписей. В результате анализа было выделено несколько разновидностей. Автор пытается определить причины широкого использования одного из вариантов авторской подписи.

Ключевые слова: *региональная пресса; военный период; авторская подпись; структура; имена; фамилии; антропонимы*

Язык СМИ не перестает волновать исследователей, так как в разные периоды общественной жизни он становится своеобразным барометром как социальных явлений, так и языковых.

Региональные газеты также привлекают внимание исследователей, в связи с тем что имеют целый ряд особенностей, которые связаны, как бы мы сейчас сказали, с «форматом» самого издания. Конечно, можно говорить о том, что региональные издания по многим формальным и содержательным моментам пересекаются с центральной прессой, но в то же время региональные газеты имеют и ряд особенностей. Мы уже неоднократно останавливались на изучении региональной прессы военной поры, то есть рассматривали

особенности газет, выходявших в некоторых районах Тульской области в период с 1941 по 1945 и выявляли особенности и использования топонимов, и наличия диалектных лексических единиц, и особенности построения заголовков, наличие оценочной лексики [Красовская, 2021, с. 169–174].

Надо сказать, что региональная периодика рассматривалась и рассматривается исследователями в основном в связи с изучением общей специфики региональных средств массовой информации, отражения особенностей региона в тех или иных газетах. Отдельные разновидности региональной прессы, некоторая специфика ее типологии становились предметом рассмотрения таких ученых, как А.М. Аткина [Аткина, 2011, с. 192–204], О.А. Воронова [Воронова 2006: 60–79], Р.П. Овсепян [Овсепян http://www.textfighter.org/text/60_izdaniya_gazeta_rossii_2.php#з_06], М.И. Шостак [Шостак, 2007, с. 79–92] и др.

Мы уже обращались к проблемам отражения антропонимов на страницах региональных газет и делали некоторые наблюдения, касающиеся того, имена каких именно людей отражались на страницах региональных газет: это могли быть имена известных политических деятелей, причем не только нашей страны, но и зарубежных стран, имена участников военных событий, имена местных руководителей или людей, известных в той или иной области, известных в определенном населенном пункте. Нас также волновала проблема того, почему по-разному представлены авторские подписи в районных газетах [Красовская, 2021, с. 135–142].

Обратимся непосредственно к анализируемому материалу. Нас интересует газета «Белёвская правда» [Белёвская правда https://data.tularlic.ru/newspaper/Belevskaya_pravda/1942/2/#zoom=z], так как сам Белевский район Тульской области – это один из древнейших районов, который имеет славную историю, в период Великой Отечественной войны ряд населенных пунктов Белевского района был оккупирован вплоть до 1943 года.

Заметим также, что под авторской подписью обычно понимается подпись, «которую обычно помещают в конце статьи или заметки под последней строкой текста. Авторская подпись состоит из первого инициала автора и его фамилии (полностью). Иногда сюда добавляются должность, звание, страна, город и т.д., и в этом случае подпись разбивается на несколько строк: в первую строку входят инициал и фамилия, а под ними, на второй строке, ставят должность/звание» [Основы оформления газеты <https://compuart.ru/article/15340?ysclid=lx6evobsxp10243244>].

Важно установить единообразие в наборе авторской подписи.

Итак, мы обратились к материалам газеты «Белевская правда» за 1942 год. Как известно, 1942 год – один из самых сложных периодов войны, и именно газета, в том числе региональная, была призвана поддерживать патриотические настроения, боевой дух как армии, так и тыла.

В материалах газет нам встретились авторские подписи следующей структуры: 1. Фамилия (*Лукашов; Сипин; Кудинов; Ворохобин; Шутов; Васюшкина, Демочкин; Иванов; Громов; Парфенов; Логвинов; Зеленкова; Кузин; Полякова, Тутолева* (сразу две подписи); *Воскресенский, Дворецкая,*

Дроздовский (сразу три подписи), *Кудинов, Кочанова*); 2. Первая буква имени и фамилия, написанная полностью (*Г. Домахин, А. Тутолева, О. Иванова*); 3. Фамилия и указание должности, звания, места проживания и др. (*Директор совхоза Николаев; Селиванов, председатель к-за «Пролетарский труд» Стрелецкого сельсовета; Козаченко, заведующий колбасным производством; Аушев, председатель Стрелецкого сельсовета; Васин, зав райзо; Председатель Горсовета Герасемчук; Директор Белевской МТС Домарев; Агроном Хорзеев; Гришин, секретарь РК ВЛКСМ; Кованов, секретарь комсомольской организации; Кузьмин, зам. Политрука; Директор Домарев; Гришин, секретарь Белевского Р.К. комсомола; Афонина, зав. Райздравотделом; Зав. Райфо Телегин; пролитрук Молочков; Директор Гусев*); 4. Инициалы (может быть только первая буква имени, без указания на отчество), фамилия и указание на должность (*Председатель Исполкома Тулоблсовета депутатов трудящихся Н. Чмутов; за секретаря Исполкома Тулоблсовета депутатов трудящихся Н. Быхов; И.Ф. Ромашкевич. Кандидат сельскохозяйственных наук; А.И. Гудайкин. Заместитель начальника Тульского облземагдела; Львов Н.С. агроном совхоза; Батальонный комиссар Н. Харитоненко; Политрук Б.Котельников; Иванов А.В., председатель колхоза им. РК Милиции Кураковского сельсовета; Батальонный комиссар Б.Симаков*); 5. Только инициалы, видимо, первая буква имени и первая буква фамилии (*О.А.; О.С.*); 6. Две первые буквы имени и фамилия (*Ем. Ярославский*); 7. Этикетная фраза, инициалы и фамилия (*С приветом И.Н. Базукин, С приветом А. Федосов*); 7. Одна буква (по нашим предположениям, это может быть первая буква фамилии (*П.*))

Нами были рассмотрены номера газеты «Белевская правда» за январь и февраль 1942 года. Газета в целом выходила достаточно часто, однако нельзя сказать, что это регулярные номера. То есть газета могла выходить и раз в неделю, но также номера могли выпускаться и с частотой 3 раза в неделю.

Всего нами было прочитано 15 номеров, выбрано 52 подписи (абсолютно повторяющиеся встретились дважды, повторное их использование мы не рассматривали). Как показывает простая статистика, нам встретились семнадцать подписей, состоящих только из одной фамилии (правда, дважды встречались заметки, где авторские подписи состояли из нескольких фамилий: из двух и из трех); три раза встретились подписи, которые состоят из одной буквы имени и фамилии; семнадцать подписей, которые содержат фамилию и указание на должность, звание или иной статус; девять раз встретились авторские подписи, которые включают в себя инициалы (или только одну букву) и указание на должность, статус, звание; два раза встретились подписи, которые состоят из двух инициальных букв, один раз наблюдали подпись, которая состоит из двух букв имени и фамилии, дважды наблюдали подписи, которые состоят из этикетной фразы прощания, инициалов и фамилии, один раз встретилась авторская подпись, состоящая из одной буквы.

Таким образом, мы видим, что по количеству использований преобладают подписи, состоящие из одной фамилии и из фамилии и указания на должность. Авторская подпись, которая содержит указание на занимаемую

должность, звание или иной статус, видимо, используется в том случае, когда в статье или заметке речь идет о каких-то научных фактах, принятых решениях, реализации постановлений, указов, приказов и т.п.

Скорее всего, авторская подпись, которая не содержит указания на занимаемую должность и т.п., используется в том случае, если в статье или заметке сообщается о каком-то личном опыте, личном отклике на важные события, сообщение новой информации, может быть, даже от жителей села, деревни или иного социального объединения.

Интересен факт того, что в авторских подписях, которые преобладают в рассматриваемых нами номерах газеты, используется фамилия, при которой нет никакого указания на имя. Имя как будто не важно, то есть человек, написавший заметку, как будто представляет собой определенную официальную единицу, лишённую части чего-то личного. Конечно, лишение даже инициалов создает такой эффект. В целом такая структура подписи вполне вписывается в общую идеологию страны того времени.

В связи с этим можно отметить, что и авторские подписи, состоящие только из одной буквы или из двух букв также встречаются.

Добавим к этому, что при анализе других газет этого периода нам встречались подписи типа «Крестьянин», «Комсомолец», «Аноним». На наш взгляд, в этом также заключается тенденция к определенному обезличиванию человека, то есть человек в большей степени предстает как винтик, как часть, причем обезличенная, большого механизма.

Но утверждать, что подобная структура подписи связана именно с идеологическими причинами, мы бы не стали. Дело в том, что история становления отечественной публицистики достаточно сложна. И по многочисленным данным можно сказать, что традиции в неполном представлении имени автора были в российской печати довольно сильны: тут можно вспомнить и анонимность многих публикаций XIX века, и наличие псевдонимов, в том числе у многих русских писателей и поэтов, публиковавшихся в периодической печати. Поэтому вполне возможно, что наличие авторской подписи без инициалов, авторской подписи только в виде инициалов – это факт развития публицистики в целом в нашей стране.

В качестве последнего замечания можно отметить, что в целом анализ материала показал разнообразие авторских подписей в региональной прессе военного периода. Данная выборка примеров дает возможность утверждать, что изучение характера авторской подписи возможно как в сопоставительном аспекте, так и в историческом.

Список литературы

Аткина А.М. Молодежь Белгородской области как аудитория региональных СМИ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – № 12 (107). – Т. 10. – С. 192–204.

Белёвская правда [Электронный ресурс] // URL: https://data.tularlic.ru/newspaper/Belevskaya_pravda/1942/2/#zoom=z (дата обращения: 18.05.2024).

Воронова О.А. Местная газета. Модели и типы // Типология периодической печати. Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – С. 60–79.

Красовская Н.А. Авторские подписи в региональных газетах военного периода // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021.– № 4 (43). – С. 135–142.

Красовская Н.А. Региональная пресса военной поры: тематическое разнообразие // Текст в системе обучения русскому языку и литературе. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Уральский государственный университет (Нур-Султан, 15 июня 2021 года). – Екатеринбург: Уральский государственный горный университет. – 2021. – С. 169–174.

Овсеян, Р. П. Журналистика Российской Федерации (90-е гг.). [Электронный ресурс] // URL: http://www.textfighter.org/text/60_izdaniya_gazeta_rossii_2.php#з_06 (дата обращения: 15.05.2024)

Основы оформления газеты [Электронный ресурс] // URL: <https://compuart.ru/article/15340?ysclid=lx6evobsxp10243244> (дата обращения: 20.05.2024).

Шостак М.И. Журналы в системе СМИ: типология и «ниши» издания // Типология периодической печати. – М.: Аспект-Пресс, 2007. – С.79–92.

О НЕИЗВЕСТНОЙ КАРТОТЕКЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ (из фондов Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований)

Г.А. Кузнецов

*Институт лингвистических исследований Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)*

При систематизации архива Большой словарной картотеки ИЛИ РАН в 2024 году среди Материалов В.М. Истрина к славяно-греческому словарю «Хроники Георгия Амартола» были обнаружены значительные фрагменты другой картотеки объемом около 9000 единиц. В результате дополнительных поисков и анализа было установлено, что эта картотека представляет собой материалы Картотеки древнерусских личных собственных имён, часть которой легла в основу «Словаря древнерусских личных собственных имён» Николая Михайловича Тупикова, изданного в 1903 году в Санкт-Петербурге. В докладе кратко описывается ход исследования, позволившего атрибутировать обнаруженные материалы, и дается их краткая характеристика.

Ключевые слова: история русской лексикографии; ономастическая лексикография; история ономастики; словарь древнерусских личных имен

В 2024 году в процессе систематизации архива Большой словарной картотеки ИЛИ РАН (БСК) были подробно изучены материалы, ранее атрибутированные в описи как «Материалы В.М. Истрина к славяно-греческому словарю Хроники Георгия Амартола, приблизительно 12 000 карточек».

Заполненные от руки чернилами карточки из тонкой бумаги размером 88x55 мм хранились в стопках различной толщины. Общий объем материалов был оценен в 18000 (вместо 12000) единиц. При внимательном рассмотрении оказалось, что к «Материалам В.М. Истрина к славяно-греческому словарю Хроники Георгия Амартола» можно отнести только около половины карточек. Эти карточки пронумерованы и содержат пары слов: русские и греческие, записанные в две строки.

Вторая часть карточек, по предварительной оценке – около 9000 штук, содержит информацию совершенно иного рода. Каждая карточка имеет подчеркнутое заглавие: имя или фамилию. Ниже записаны: полное имя, профессиональная, сословная и географическая принадлежность лица,

носившего указанное имя, а также год (в пределах X–XVII веков). Также каждая карточка содержит сокращенную ссылку на источник с указанием тома и страницы. Эти ссылки (например, *Ак. Ист., Ю. З. А., Писц., Ак. Юр.* и подобные) являются в основном сокращенными наименованиями изданных в XIX веке сборников документов для изучения истории России («*Акты исторические*», 1841–1842; «*Архив Юго-Западной России*», 1859–1911; «*Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией*», 1859–1910; «*Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства*», 1838).

Возникло предположение, что картотека связана с одним из русских ономастических словарей. Материалы этого словаря должны охватывать период с X по XVII век. Время подготовки издания, судя по почерку, которым выполнены карточки, и орфографии, было определено как вторая половина XIX – самое начало XX века.

Наиболее известные словари древнерусских имен этого периода – «Славянский именовслов, или собрание славянских личных имён в алфавитном порядке» Михаила Морошкина [Морошкин, 1867] и «Словарь древнерусских личных собственных имён» Николая Михайловича Тупикова [Тупиков, 1903]. В труде Михаила Морошкина словарная статья включает имена, даты и сокращения источников, однако не содержит данных о носителях имен. Структура статьи в словаре Николая Михайловича Тупикова полностью совпала со структурой записи в карточках исследуемого материала. Сопоставление материалов из архива и «Словаря древнерусских личных собственных имён» показало, что зачастую совпадает содержимое карточек и словарных статей.

Необходимо было проверить, действительно ли обнаруженные в архиве БСК материалы являются рукописью «Словаря древнерусских личных собственных имён», или же на карточках содержатся выписки из уже опубликованного издания. Хранившийся разрозненно материал был систематизирован по алфавиту. Затем была начата работа по сверке картотеки с текстом «Словаря древнерусских личных собственных имён» Н.М. Тупикова 1903 года. Содержимое каждой карточки проверяется на наличие ее материалов в издании как вручную, так и автоматически, с помощью поиска по распознанному тексту. Цитаты сверяются с указанными автором источником выборки.

На данный момент работа продолжается, однако появились первые промежуточные результаты. Во-первых, исследуемый материал можно систематизировать в соответствии со структурой словаря Н.М. Тупикова, который включает основные разделы: «Имена» и «Отчества». В картотеке есть материалы на большую часть букв алфавита.

Значительная часть исследуемых материалов найденной картотеки не вошла в издания «Словаря древнерусских личных собственных имён» Н.М. Тупикова [Тупиков, 1903; 2004; 2005]. Предварительные подсчеты по разделам показывают, что из общего количества карточек доля неопубликованных составляет порядка 40%.

В их числе не только повторы встречающихся в словаре имен и отчеств, но и уникальные записи:

Бадморь. Ивашко Бадморь. Бѣлоцерковскій казакъ. 1654. Ю. З. А. X, 789.

Испичник. Пан Микола И-ъ, воевода Сиятинскій. 1398. Ю. З. А. I, 3.

Убоб. Иванко У-ъ, Черкасскій мѣщанин. 1552. Арх. VII, 187.

Дабринской. «Князь Ѡедор Андреевичъ Д-й», Усть-Вымск. намѣстник. 1606. А. К. II, 670.

Лакисовъ. Ондрей Лакисовъ боярс. с. въ Новгород. Стѣверс. 1605. А. М. Г. I, 67.

Также к неизданному материалу можно отнести около 200 карточек с пометой *Nota*, без подчеркнутого заглавия, как правило содержащих расширенные выписки из источников.

Совпадение структур картотеки и словаря позволяет с высокой долей уверенности предположить, что обнаруженный в архиве БСК ИЛИ РАН материал представляет собой большой фрагмент картотеки Николая Михайловича Тупикова, которая легла в основу его «Словаря древнерусских личных собственных имён», причем значительную часть этого фрагмента составляют неопубликованные данные.

В настоящий момент проводится работа по систематизации, сканированию и набору обнаруженного материала с целью сохранить и ввести в научный оборот уникальную рукописную картотеку, а также выделить и подготовить к публикации не напечатанные ранее фрагменты «Словаря древнерусских личных собственных имён».

Список литературы

Морошкин М.Я. Славянский именовслов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. – СПб.: тип. 2 Отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1867. – 213 с.

Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – М.: Русский путь, 2004. – 890 с.

Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – Репр. изд. – М.: Яз. славян. культур, 2005. – 1032 с.

Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1903. – 857 с.

О НЕКОТОРЫХ МОТИВИРУЮЩИХ ПРИЗНАКАХ ЯКУТСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН XVIII В.

Е.Р. Николаев

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
(Якутск, Россия)*

В статье рассматриваются мотивирующие признаки якутских личных имен XVIII в. Выявлены основные признаки, которые легли в основу классификации микрогрупп. Подавляющее количество якутских имен имеет описательный характер, которые выделяют отличительные черты внешности человека. Прояснение вопроса причины именования может послужить основой для составления антропонимической картины мира традиционного именованника якутов (саха).

Ключевые слова: якутский язык; якутские личные имена; мотивирующие признаки

Статья проясняет основные мотивирующие признаки якутских личных имен XVIII века, которые были опубликованы в качестве материалов для изучения земельных ведомостей [Башарин, 1960]. В задачу исследования входит выявление основных мотивирующих признаков антропонимов.

Мотивирующие признаки антропонимов были предметом изучения в различных аспектах, в основном, прозвищных имен [Мусабекова, 1996; Цепкова, 2012; Гузнова, 2014; Казаченко, 2023 и др.].

По словарю Н.В. Подольской, «мотивированное имя – любое имя собственное, имеющее прозрачную семантическую структуру, ясно выделяющуюся корневую морфему (...). Обычно каждое имя при его возникновении мотивировано, но со временем его мотивированность может быть утрачена, иногда мотив номинации может быть скрыт от всех, кроме узкого круга посвященных людей» [Подольская, 1988, с. 85]. В нашем случае, выявление мотивированности подавляющего числа дохристианских якутских личных имен осложнено, поскольку собственные имена держателей земли и наименования земельных участков, написанные в разных местах ведомостей через разные буквы, унифицированы там, где это представлялось возможным [Башарин, 1960, с. 70]. Поэтому при выявлении семантики имени мы оперируем тем вариантом, который зафиксирован в документе.

Как известно, «понятие мотивированности относится только к сложным морфемным образованиям и не характерно для непроемных слов» [Кияк, 1988, с. 69], т.е. «семантико-мотивационная реконструкция избирается как самостоятельная область анализа чаще всего в тех случаях, когда изучаются лексические единицы, представляющие собой результат вторичной номинации или ее источник» [Березович, 2014, с. 204]. Тем самым нам дается возможность прояснить такой аспект как *структурно-семантическое свойство личного имени*. Данный аспект можно обозначить как формальная и содержательная мотивированность. К формальной мотивированности мы относим средства мотивировки, которые впоследствии могут стать обоснованием для выявления типов мотивированности.

Обилие мотивировок нередко является также следствием образности прозвища: образное прозвище информанты могут интерпретировать по-разному, отсюда появление различных мотивировок [Воронцова, 1998, с. 48]. Ономастическая мотивация учитывает причины присвоения имени, которые помогают нам представить его структуру и значение [Лангнер 2012: 19]. Причина мотивации личных имен образует типы мотивированности слова: 1) относительная – определяется посредством отношения, или соотношения, лексических единиц; 2) абсолютная мотивированность – создается за счет соотношения слова с внеязыковой действительностью; звукоподражания. В зависимости от вида признака, реализованного в слове, – мотивировочного или классификационного: лексическая мотивированность; структурная мотивированность [Блинова, 1984, с. 27, 31], которые, обычно, сосуществуют, т.е. лексико-семантическая и структурная (например, аффиксальная) мотивации взаимообусловлены. Вторичность онимов, само собой, предоставляет

практически одно условие номинации – мотивировка имени основана на семантике производящей основы.

Относительная прозрачность семантики, т.е. апеллятивных производящих основ, позволяет нам выделить группы якутских личных имен. Как и предполагалось, в рассматриваемых именах превалирует описательный характер, при котором выделяются отличительные черты человека: цвет волос или кожи, фигура (форма тела), глаза, выражение лица, походка и т.д.:

- мотивированность по отличительным признакам внешности:

Тортогор Чичахов: от *тортой* ‘что-либо торчащее, выступающее (например, зуб)’; *Хабах Тютьев*: *хабах* ‘пузырь’, вероятно, голова как пузырь; *Сырай Могжоров*: *сирэй* ‘лицо’, вероятно, лицо широкое, издалека видно; *Хонтой Нелегов*: от глагола *хонтой* ‘о большом носе’; *Атагаса Сох Куясуканов*: *атаҕа суох* ‘безногий’; *Сантагай Эрчиньев*: от глагола *сантай* ‘иметь большой вздернутый нос’; *Токур Этмяхов*: *токур* ‘кривой’; *Бенестир Болдуканов*: от образного глагола *бэппэй*, который может обозначать ходьбу человека; *Мыттыгуй Даыгаев*: от обр. глаг. *мыттый*, который может обозначать выражение лица человека; *Бытыгый Хагылов*: от сущ. *бытык* ‘усы; борода’; *Моржогос Лохунов*, *Моржой Кярин*: вероятно, от *мордьой* ‘выражение лица, как будто огрызающееся’; *Берчюгюрнюр Сартаков*: от обр. глаг. *бөрчөй*. Скорее всего, от *бөкчөй* ‘быть согнутым, сгорбленным’; *Самнаха Сахаров*: от прилаг. *самнаҕар* ‘человек низкого роста, приземистый’; *Хабтагай Додулов*: *хаптаҕай* ‘плоский (о лице или о теле человека)’; *Селлях Ынахов*: *сиэллээх* ‘с гривой’; *Турбут Болчуяров*: *турбут* ‘вставший’; *Сабырык Кютюрев*: *сабырый* ‘нависать’, вероятно, с нависающими бровями или веками; *Хара Сырай Сырганов*: *хара сирэй* ‘черное лицо’; *Оппой Десянчин*: *оппой* ‘с выпяченными округленными губами’; *Молжорох Унюгесев*: от обр. глаг. *молдьой* ‘иметь небольшое выпуклое лицо с округлым подбородком’; *Кылах Отохов*: от *кылай* ‘едва виднеться, просматриваться из-за чего-л. (о чем-л. мелком)’; *Ортой Кусентеев*: *ортой*=*ордьой* ‘иметь торчащие зубы (о человеке)’; *Былгый Бягячянев*: *былгый* ‘быть с очень мягким, податливым телом из-за чрезмерного ожирения’; *Сымара Ниргаин*: *сымара* ‘плотный, крепко сбитый’; *Сутурук Сюсюков*: *сутурук* ‘кулак’; *Бырчыгынас Быгынин*: возможно, *бырдьыгынас* ‘зернистый (о коже)’; *Баламатча Чохин*: *баламат* ‘наглый, выходящий за рамки приличия; смелый, отважный, дерзкий’; *Бысый Элентьев*: *быһый* ‘быстроногий, резвый, быстрый’; *Силиргах Оелгин*: *силиргэх* ‘крепкого сложения, невысокий и широкоплечий’; *Тахтай Сергяхов*: *тахтай* ‘из-за низкого роста или из-за небольшой длины казаться слишком широким, почти квадратным’; *Ногной Дебягин*: возможно, от *нонной* ‘быть, казаться пухленьким, ладным, хорошего сложения (ласкательное слово о детях)’; *Бёрте Тонахов*: вероятно, от *бөртө* ‘с отметиной’, *Кысыл Лютьев*: *кыһыл* ‘красный’, *Сасарбах Соктогоров*: *саһарбах* ‘желтый’, *Кытархай Тюнюкаев*: *кытархай* ‘красноватый’ и др.

- мотивированность по характеру человека: *Кисиргес Маргахин*: *киһиргэс* ‘хвастливый’; *Барахсан Эдигиев*: *барахсан* ‘бедняжка’; *Бажыс Яковлев*: *бадьыс* ‘суета’; *Сергах Ирчикеев*: *сэргэх* ‘чуткий, быстро и легко

воспринимающий на слух»; *Болчуяр Архантин, Борчуяр Чичахов*: вероятно, от *боччуй* 'устраивать что-л., наводить порядок в чем-л.'; *Хараибат Быкалаев*: вероятно, от *харай* 'заботиться, помогать' в отрицательном значении; *Жогур Накылжыков*: *дьоѳур* 'умение, сноровка, опыт'; *Бѳтес Мочюуков*: *бѳтѳс* 'бойкий, смелый, шальной' и др.

- **мотивированность имени по роду занятий**: *Булчут Бѳтѳгин*: *булчут* 'охотник'; *Умналыр Пиргаин*: *умналыыр* 'просящий милостыню'; *Оюн Кучуктаев*: *ойуун* 'шаман'; *Аянит Плягин*: *айанньыт* 'путешественник' и др.

- **мотивированность, основанная по связи с животными или птицами**: *Хардача(ы) Окноев*: *хардааччы* 'ястреб'; *Хотой Оконьев*: *хотой* 'орел'; *Мекчирге Мачин*: *мѳкчиргѳ* 'сова'; *Турах Ламин*: *тураах* 'ворона'; *Чичах Мюкяилев*: *чыычаах* 'птичка'; *Моксогол Осипов*: *мохсоѳол* 'сокол'; *Кутуях Бахчин*: *кутуйах* 'мышь'; *Унюгес Мурукин*: *унугѳс* 'почка (растения); шенок'; *Куржугес Лютьев*: *курдьугѳс* 'бурундук'; *Далбарай Сандрин*: *далбарай* 'жаворонок'; *Кустук Сютюгоев*: *кустук* 'радуга'; *Кучукта Махтукуев*: *кучукта* 'название растения' и др.

- **мотивированность по предметному окружению**: *Мастарах Хонаин*: *мас тараах* 'деревянный гребень'; *Оногос Мачин*: *оноѳос* 'наконечник стрелы' и др.

- **апотропеическая мотивация**: *Ыткыса Дабаков*: *ыт кыыһа*, букв. 'дочь собаки'; *Харакыс Унюгесев*: *хара кыыс*, букв. 'черная девочка'; *Кусаганныр Кисиргесев, Кусагалдык Кучуктин, Кусаганныр Кисиргесев*: от *куһаѳан* 'плохой'; *Кусаган Сырай Кусентеев*: *куһаѳан сирѳй*, букв. 'плохое (некрасивое) лицо' и др.

- **мотивированность в зависимости от обстоятельств рождения или знакового случая**: *Оебют Могольчихов*: *ѳйѳѳбют* 'поддержавший'; *Кысалга Арчахов*: *кыһалѳа* 'нужда; проблема'; *Кююреяк Кылаев, Куреякан Ыбанаков*: от *күрүѳйѳх* 'сбежавший'; *Огоннер Иктьев*: *оѳонньор* 'старик'; *Кыржыбыт Махсанов*: *кырдьыбыт* 'постаревший'; *Жюл Килеков*: *дьүүл* 'суд'; *Туласын Чичахов*: *тулааһын* 'опора'; *Тобох Тѳкѳнин*: *тобох*, букв. 'остаток; последний' и др.

- **мотивированность, указывающая на преемственность (по имени предка)**: *Баягантай Тарагаев*: *Байаѳантай* 'название рода'; *Жохсогон Митиков*: *Дьохсоѳон* 'название рода'; *Эллей Селчахов*: *Элѳэй* 'имя культурного предка якутов' и др.

Выделенные микрогруппы обычно являются «стандартным набором» мотивирующих признаков (причин), которые присущи и другим национальным именникам. Подавляющее количество якутских имен описывает внешние особенности человека. Это можно объяснить характерным изначальным свойством онимического материала – его антропоцентричностью. Наиболее распространенная основа антропонимической номинации репрезентирует отчасти телесный код культуры народа, который часто отражает субъективную оценку, выражающаяся и в моменте именованья, и в анализе мотивационного признака имени. Как верно пишет М.Э. Рут, классификации онимов, основанные на номинативных признаках (ономасиологическая классификация),

на информативной, т.е. семантической стороне (семантическая классификация), а также на связи апеллятива и онима (мотивационная классификация), «сходятся в одном: они отражают не объективную сторону рассматриваемого языкового материала, а мнение о нем» [Рут, 2015, с. 232]. Тем самым выделенные нами микрогруппы по мотивирующим признакам все-таки имеют субъективно-оценочный характер, особенно если традиционный именной утратил свой ландшафт бытования в современном именнике народа.

В перспективе мотивирующие признаки могут послужить отправной точкой для создания структурирующих компонентов антропонимической картины мира якутов (саха) как вербальное проявление традиционной духовной и материальной культур.

Список литературы

Башарин Г.П. К истории западной Якутии (документы о распределении земли в вилюйских волостях 70-х годов XVIII в.) / Якутский архив: (сборник статей и документов) / Архив. отд. МВД Якут. АССР. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1960. – 174 с. – Вып. 1. – С. 69–170.

Березович Е.Л. О семантико-мотивационной реконструкции лексики // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4(133). – С. 199–214.

Блинова О.И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект: Учеб. пособие. – Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1984. – 191 с.

Воронцова Ю.Б. Ономазиологические особенности русских коллективных прозвищ // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1998. – Вып. 2. – С. 41–50.

Гузнова А.В. Мотивационные отношения прозвищ в арзамасских говорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. С. 62-66.

Казаченко М.Ю. Семантическая мотивированность имен-прозвищ с отрицательной коннотацией в древнерусском языке // Язык и культура: взгляд молодых: Материалы V Международной научно-практической конференции, Москва, 24–25 мая 2022 года / Гл. редактор В. И. Карасик. – Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. – С. 328–331.

Кияк Т.Р. Мотивированность лексических единиц (количественные и качественные характеристики). – Львов, 1988. – 164 с.

Лангнер А.Н. К вопросу изучения мотивов образования прозвищ в современной лингвистической науке / А.Н. Лангнер, Ж. Багана, Э.А. Бочарова // Глобальный научный потенциал. – 2012. – № 9 (18). – С. 19–21.

Мусабекова У.А. Мотивационный аспект антропонимов казахского и русского языков: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мусабекова Урзада Абилкасимовна. – Алматы, 1996. – 27 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

Рут М.Э. Ономазиология? Мотивация? Семантика? Идеография? О классификациях имен собственных / Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / отв. ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 231–233.

Цепкова А.В. Лингвокультурологический потенциал прозвищ различных мотивационных типов (на материале английского языка) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – Т. 2. – № 5. – С. 105–114.

АНТРОПОНИМЫ В РЯЗАНСКИХ ГОВОРАХ

Е.П. Осипова

*Рязанский областной научно-методический центр народного творчества,
Рязанский институт развития образования
(Рязань, Россия)*

В статье рассматриваются бытующие в рязанских говорах мужские и женские имена и прозвища. Отмечаются фонетические, словообразовательные особенности вторичных производных форм. Экспрессивная коннотация возникает у имён вторичного образования и создается за счет использования словообразовательных ресурсов. Выявлены суффиксы мелиоративной и пейоративной оценки. Рассмотрены составные прозвища и производные оценочные наименования людей с именем собственным в составе. В основе одноимённых прозвищных названий может лежать имя собственное или нарицательное.

Ключевые слова: *антропоним; диалектная форма; экспрессивная коннотация; онимы; вторичная производная форма; мелиоративная оценка; пейоративная оценка; экстралингвистические факторы*

В классификациях антропонимов выделяются в качестве особого вида диалектные, т.е. «диалектная форма антропонима, а также антропоним, образованный от слова диалектной лексики (чаще всего прозвище)» [Подольская, 1988, с. 31].

Состав антропонимов в картотеке Рязанского областного словаря невелик. Это объясняется тем, что при сборе полевого материала в основном ориентировались на лексику, отражающую традиционную материальную и духовную культуру, бытовые реалии. Антропонимы, представленные в картотеке, – в основном имена и прозвища. В статье обратим внимание на диалектные производные имена и прозвища и рассмотрим их в формальном аспекте.

Антропонимы в рязанских говорах представлены разными формами: полными и производными, общерусскими и диалектными.

В антропонимике получили отражение фонетические особенности рязанских говоров. Например, утрата начального гласного: *Лиза'р* (Елизар, Алексеевка Кас.); замена *ф* на *х* или *хв*: *Ма'рха* (Марфа, Затворное Скоп.), *Ма'рхва* (Большие Пекселы Кас.), *Хи'мка* (Фимка, Серафима, Уда Ухол.); утрата начального гласного с заменой *ф* на *х*: *Хинаён* (Финаён, Финаген, Афиноген, Бельское Спас.); неразличение аффрикат *ц* и *ч*: *Ва'неца*, *Ма'неца* (Ванечка, Манечка, Шульгино Кас.); уподобление предшествующего гласного основы последующему: *Пала'га* (Пелагея, Глиняные Ямы Сап., Рыбное Рыбн.), *Алдаки'м* (Евдоким, Дубровка Кас.) и уподобление последующего гласного предшествующему: *Пеле'ня* (Пелагея, Рыбное Рыбн.); яканье: *Ягор*, *Ягорка* (Егор, Тарасово, Храпово Ряз.); смягчение конечного заднеязычного под влиянием предшествующего мягкого согласного: *Ма'нька*, *Ва'нька* (Манька, Ванька, Сысой Сар., Коростово Ряз.); замена начального *н* на *м*: *Микала'й* (Николай, Катагоща Зах.), *Мика'ш* (Николай, Котелино Кад.), *Мико'ла* (Николай, Малые Пекселы Кас.), *Мики'шка* (Никита, Глиняные Ямы Сап.), *Мики'та* (Никита, Малые Пекселы Кас.); замена *в* на *л*: *Алдаким*, *Илдаким* (Евдоким, Дубровка Кас.).

В говорах Рязанской области широко употребляются первичные производные формы, являющиеся сокращениями полных личных имён (*Гара'ся* – Герасим, Кулики Шацк.; *Га'ня* – Агафья, Бельское Спас.; *До'ма*, *Да'ма* – Домна, Тарасово, Храпово Ряз.; *Е'ня* – Евгения, Добрые Пчёлы Зах.; *Ко'тя* – Екатерина, Уда Ухол.; *Ма'ня* – Мария, Сысой Сар., Коростово Ряз.; *Митро'ша* – Митрофан, Волынщино Ухол.; *Ми'ка* – Николай, Котелино Кад.; *Ми'ха* – Михаил, Городецкие Выселки Зах.; *Мо'тря* – Матрёна, Аделино Шил, *Мо'ня* – Матрёна, Рыбное Рыбн., *Мо'тя* – Матрёна, Пичкиряево Сас.; *Мо'ря* – Марина, Лесные цветы Сас.; *Пала'га* – Пелагея, Глиняные Ямы Сап., Рыбное Рыбн.; *Паня'*, *Пана'* – Прасковья, Затворное Скоп.; *Уля'ша* – Ульяна, Лесные цветы Сас.; *Хи'ма* – Серафима, Уда Ухол.).

В русских говорах имя собственное часто подвергается диминутивной деривации, эллипсису. Уже отмечалось разнообразие уменьшительно-ласкательных, уничижительных, презрительных форм имён собственных в сравнении с другими языками [Вежбицкая, 1997, с. 107].

Вторичные производные – суффиксальные образования от основы полных и сокращённых имён – составляют основную часть диалектных онимов. Самыми продуктивными с точки зрения словообразования являются вторичные производные мужские и женские имена, образованные при помощи суффикса -К-, присоединённого к основе полного или сокращённого имени: *Уляша* – *Уляшка* (Ульяна, Лесные цветы Сас.), *Вася* – *Васька*, *Паша* – *Пашка*, *Ягор* – *Ягорка* и т.д. (Василий, Павел, Егор, Тарасово, Храпово Ряз.), *Маня* – *Манька* (Мария, Марья, Сысой Сар., Коростово Ряз.), *Котя* – *Ко'тька* (Катя, Екатерина, Уда Ухол.), *Мо'ня* – *Мо'нька* (Матрёна, Рыбное Рыбн.), *Моря* – *Мо'рька* (Марина, Лесные цветы Сас.), *Хима* – *Хи'мка* (Фимка, Серафима, Уда Ухол.), *Еня* – *Е'нька* (Евгения, женское имя, Добрые Пчелы Зах.), *Митроша* – *Митро'шка* (Митрофан, Волынщино Ухол.).

Вторичные имена образуются также при помощи

– суффиксов -ОК/ЁК-: *Аксюта* – *Аксюто'к* (Аксинья, Спас.), *Зина* – *Зино'к* (Зинаида, Добрые Пчелы Зах.), *Таня* – *Танёк* (Татьяна, Добрые Пчёлы Зах.), *Женя* – *Женёк* (Евгений, мужское имя, Добрые Пчёлы Зах.);

– суффикса -ЮХ-: *Арю'ха* (Арина, Добрые Пчелы Зах.), *Гаврю'ха* (Гаврила, Жданная Шацк.);

– суффикса -ЮШ-: *Матря* – *Матрю'ша* (Матрёна, Добрые Пчёлы Зах.);

– суффикса -ЮШК-: *Настя* – *Настю'шка* (Анастасия, Глиняные Ямы Сап.), *Ваня* – *Ваню'шка* (Иван, Городецкие Выселки Зах.);

– суффикса -ИШК-: *Харита* – *Харити'шка* (Харитинья, Тарасово, Храпово Ряз.), *Микита* – *Мики'шка* (Никита, Глиняные Ямы Сап.);

– суффикса -УТК-: *Праску'тка* (Прасковья, Тарасово, Храпово Ряз.);

– суффикса -ЯТК-: *Ваня* – *Ваня'тка* (Иван, Городецкие Выселки, Добрые Пчёлы Зах.), *Вася* – *Васятка* (Василий, Столпцы Старожил.);

– суффикса -АШ-: *Дома*, *Дама* – *Дама'ша* (Домна, Тарасово, Храпово Ряз.), *Мика* – *Мика'ш* (Николай, Котелино Кад.);

– суффикса -ЕЧК-: *Ваня* – *Ва'нецка*, *Маня* – *Ма'нецка* (Иван, Марья, Шульгино Кас.);

- суффикса -ЕЦ-: *Иван – Ива'нец* (Жёлобовы Борки Сар.);
- суффикса -ЯГ-: *Ваня – Ваня'га* (Иван, Жданная Шацк.);
- суффикса -ЯК-: *Апракса – Апря'ка* (Ефросинья, Тарасово, Храпово Ряз.);
- суффикса -ЯЙ-: *Митрий – Митря'й* (Дмитрий, Городецкие Выселки Зах.);
- суффикса -РЕЙ-: *Миша, Миха – Михре'й* (Михаил, Городецкие Выселки Зах.);
- суффикса -Т-: *Ваня – Ва'ньтя* (Иван, Калинино Новодер.).

Интересно, что в с. Добрые Пчёлы Захаровского района от разных производящих основ и при помощи разных словообразовательных аффиксов образованы вторичные мужское и женское имена от Евгений/Евгения: *Женёк* (мужское, образовано от краткого *Женя*) и *Е'нька* (женское имя, образовано от краткого *Еня*).

Приведённые примеры показывают деление онимов на нейтральные и экспрессивные. Словообразовательные ресурсы служат средством выражения экспрессивной коннотации, что так ярко проявляется у личных имён вторичного образования. Так, суффиксы *-ок'ёк, -юш, -юшк, -аш, -ечк* являются выразителями мелиоративной (положительной, уменьшительно-ласкательной) оценки, а, например, *-ишк, -утк, -яг* – пейоративной (отрицательной, уничижительной).

Прозвище, в отличие от других антропонимов, носит сугубо индивидуальный характер, поскольку человек может его получать в разные периоды жизни, оно отражает характерные особенности человека (внешность, характер) или связано с событиями его жизни, местом проживания, родом деятельности, этническим происхождением, т.е. непосредственно определяется экстралингвистическими факторами [Руденко, 1990, с. 241]. Как правило, через прозвище выявляется положительное или отрицательное в человеке. Очевидно, что «речевой смысл имени собственного вычисляется с помощью двух факторов: контекста вместе с ситуацией и «мысленного досье» носителя имени собственного, которым, по мнению говорящего, располагает адресат речи» [Шмелёв, 2002, с. 46].

Для словообразования прозвищ характерен перенос имени нарицательного на собственное. Это определяет наличие двумённых (имя и прозвище, имя и характеристика категории человека и т.п.), трёхимённых (имя, отчество и фамилия или имя, прозвище и добавочное прозвище) образований [Суперанская, 1973, с. 174–175].

В рязанских говорах бытуют составные прозвища и производные оценочные наименования людей, в которых одним из компонентов является имя собственное:

- *Иван-Полковник* – в основе прозвища лежат внешние признаки и черты характера (смелость, находчивость и выправка), Пышкино Ряз.;
- *Зина-Тулупиха* – внешний признак (полная, большая, как в тулупе), Кермись Шацк.;

- *Микита-Грознай* – в основе прозвища черта характера (суровый нрав), Городецкие Выселки Зах.;
- *Маршал Капускин* – прозвище по деду (объяснение утрачено; видимо, связано с биографией деда), Шереметьево-Песочня Ряз.;
- *Миша-Шаранок* – прозвище по чертам характера (верткий, пронырливый), Кермись Шацк.

В основе одноимённого названия может находиться собственное или нарицательное существительное, например:

- *Гуно'к* – мужское прозвище, сведения о нем не сохранились. Возникновение, по нашему мнению, может объясняться чертой характера, т.е. капризный, жалующийся человек; представляется возможной связь с глаголом *гунеть* – плакать и одновременно бормотать слова сквозь слёзы. В то же время в рязанских говорах широко бытует существительное *гу'ня* – рваная, изношенная одежда; тряпка; тогда прозвище может указывать на неопрятного или нищего человека. Жёлобовы Борки Сар.;
- *Муры'с, Муры'сиха* – мужское и женское прозвища по внешнему признаку (тонкий, дребезжащий голос; поющие *над упокойником*). Свистовка Милосл.;
- *Му'рка* – прозвище пьяницы. Бельское Спас.;
- *Чупальчи'ха* – женское прозвище, в основе которого фамилия. Кермись Шацк.;
- *Жи'рный, Чёрный, Пупу'н, Пуза'н* – мужские прозвища по внешним признакам, Гавриловское Спас.;
- *Бу'ка, Беда', Крох* – мужские прозвища, отражающие черты характера. Гавриловское Спас.

Рязанская диалектная антропонимистическая лексика пока остается фактически неисследованной, в том числе и для лексикографических целей. Поэтому сбор и анализ диалектных антропонимов может расширить представления о диалектном ландшафте Рязанского края.

Список литературы

- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: «Русские словари», 1997. – 416 с.
- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; Отв. ред. А.В. Суперанская. – АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988 – 187 с.
- Руденко Д.И. Имя в парадигмах философии языка [Текст] / Д.И. Руденко. – Харьков: Основа, 1990. – 299 с.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 365 с.
- Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А.Д. Шмелёв. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЗЫВНЫХ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Н.А. Родина

*Военный университет имени князя Александра Невского
(Москва, Россия)*

Статья посвящена рассмотрению позывных с точки зрения их распределения в концепте «российский военнослужащий», позволяющего более детально изучить языковую личность представителя отечественных армии и флота. В результате качественно-количественного анализа установлено, что в структуру данного концепта входит 16 мотивирующих признаков, демонстрирующих широкий спектр функциональных проявлений современных представителей Вооруженных сил Российской Федерации. Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе как в гражданских, так и военных вузах, для проведения семинаров и спецкурсов по ономастике, социолингвистике и лингвокультурологии. Также немаловажен представленный опыт для дальнейших изысканий в области ономастики, социолингвистики и лингвокультурологии.

Ключевые слова: *российский военнослужащий; языковая личность; антропоним; позывной; концепт; качественно-количественная характеристика*

В русской культуре и в жизни русского народа в целом воинство всегда представляло собой особое сословие, призванное защищать соотечественников и оберегать родные земли.

На сегодняшний день в российской науке существует множество как диахронических, так и синхронических исследований, посвященных различным аспектам бытования военного социума. В современной отечественной лингвистике одним из популярных подходов к изучению языковых явлений является когнитивный, направленный на выявление тех или иных особенностей концепта – «некоего представления о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющего сложную структуру, выраженную группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова, 2007, с. 17].

Актуальность исследования военной концептосферы русского языка обусловлена, прежде всего, интересом к военному социуму культурологов, историков и, безусловно, лингвистов, растущим в связи с важнейшей ролью Вооруженных сил в жизни Российской Федерации. Так, проводится сопоставительный анализ военных концептов [Венедиктова, 2004], лингвокультурологический анализ [Третьякова, 2020], а также детальные изыскания, посвященные концептам «Воин», «Война», «Враг» [Хоруженко, 2010; Потапчук, 2011; Пименова, Бодриков, 2019] и когнитивным особенностям языковой личности российского военнослужащего сквозь призму позывных [Родина, 2022]. Последнее является примером исследований, проводящихся в русле когнитивной ономастики, которая, как известно, позволяет выявить особенности представления языковой картины мира посредством имен собственных [Щербак, 2012].

Следует отметить, что русские военные позывные представляют собой периферийные антропонимы, обладающие ярким ассоциативным фоном, обеспечивающим их эффективность в коммуникации, в том числе на поле боя. Эти имена собственные представлены двумя семантическими категориями: образованными от имён собственных и от нарицательных. Среди первых наиболее многочисленны отантропонимные, коррелирующие с именами и фамилиями реальных людей и различных персонажей, известных практически каждому бойцу. Наричательные, от которых произошли позывные, могут характеризовать как человека (наиболее частотны онимы, образованные от

обозначений человека по роду деятельности), так и объекты окружающего мира (чаще – животных и растений). По структуре русские позывные преимущественно однословны и коррелируют с субстантивами. Следовательно, они представляют собой языковые маркеры военнослужащих, которые, сохраняя в секрете от противника личность бойцов, идентифицируют их, вкладывая в значение определенные семантические признаки [Родина, 2022].

Анализ структуры концепта «российский военнослужащий» на материале отечественных военных личных позывных позволит выявить когнитивные особенности бытования этих имен собственных, являющихся одним из проявлений языковой личности российского военнослужащего.

С целью рассмотрения распределения данных антропонимов внутри концепта были проанализированы позывные, представленные в открытых источниках. В результате получена картотека, насчитывающая 475 единиц.

Мы проанализировали собранные позывные, отсеяв внешностные, поскольку они, как правило, содержат признаки, присущие любому человеку. В качестве основы структуры модели концепта «Воин» применительно к современному российскому военнослужащему были взяты мотивирующие признаки из исследования «Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта воин)», проведенного М.В. Пименовой и А.Б. Бодриковым: (боевой) клич, ратник / оборонитель / тот, кто воюет, покорение, охота, целеустремленный (человек), военный, освободитель, боец, (военно)служащий, солдат, (опытный) в военном деле, ратник / оборонитель / тот, кто воюет, герой, защитник, храбрец / смелый человек, победитель, оруженосец, мужественный / доблестный (человек), пример для подражания, ответственный (человек), целеустремленный (человек), отдающий долг стране, готовый к самопожертвованию / совершающий подвиг, участник войны, патриот / преданный / верный (Родине / Отечеству / народу) [Пименова, Бодриков, 2019].

Однако в ходе детального соотнесения позывных с вышеуказанными признаками структура была нами дополнена. В результате распределения единиц картотеки по соответствию мотивирующим признакам нами было получено следующее количественное соотношение групп.

Большинство позывных (52 единицы) обладают мотивирующими признаками, позволяющими объединить их в группу «Патриот / родной край». Так, на местность происхождения военнослужащего указывает, например, антропоним *Валдай*, на субъекты федерации – *Алтай*, *ДНР*, *Москва*; на родной город – *Самара*, *Чита*; на реку, протекающую на родине, – *Нева*, *Иртыш*; на этническую принадлежность бойца – *Русич*, *Якут*, а позывной *Патриот* настолько очевидно проявляет мотивирующий признак, что не нуждается в комментарии.

Более чем в два раза меньше (20 единиц) группа позывных, содержащих мотивирующий признак «Смелый / храбрый / отважный». Например, женщина – военный медик с позывным *Валькирия* ассоциируется с бесстрашными воительницами из скандинавского эпоса. Именование бойца *Спартак* напоминает о смелом руководителе восстания гладиаторов. В Японии самураи

считались храбрейшими воинами, поэтому военнослужащий с позывным *Самурай* может характеризоваться таким же образом. Мотивирующим признаком, свидетельствующим о смелости, обладает и позывной *Манул*, поскольку соответствующий апеллятив обозначает дикого представителя кошачьих, одновременно осторожного в охоте и отважного в бою. Интересен также и антропоним *Разведка*, описывающий военнослужащего как надежного и смелого товарища, с которым можно отправиться на любое опасное мероприятие, особенно в разведку.

Несколько уступает по численности (18 единиц) группа «Ответственный / профессионал / командир». Примерами обозначений родов занятий, требующих повышенной ответственности, являются доктор, воспитатель, пастырь. Соответственно, коррелирующие с данными апеллятивами позывные *Доктор*, *Воспитатель* и *Пастырь* напрямую характеризуют военнослужащих. О профессионализме свидетельствует именование *Спец* (сокращено от Специалист). Обобщающим мотивирующим признаком можно считать «командира», поскольку начальник должен быть и ответственным, и отлично знать свое дело. Так, часто для обозначения руководителя используется апеллятив шеф, поэтому соответствующий позывной *Шеф* следует считать содержащим данный мотивирующий признак. Также, как известно, одним из самых известных отечественных военачальников является И.В. Сталин, обладавший всеми положительными качествами, присущими командиру. Следовательно, позывной *Сталин* с точки зрения профессионализма по праву формирует концепт «российский военнослужащий».

Следующая группа (16 единиц) включает позывные, объединенные мотивирующим признаком «Сильный», выделенным нами. Так, одним из символов России, демонстрирующим ее силу, является медведь. По этой же причине военнослужащим выбран позывной *Медведь*. Другой традиционный славянский природный знак-символ вечной энергии и перемен – гром. В связи с этим именование *Гром* характеризует бойца так же с точки зрения большой силы. К другой, технической сфере для демонстрации силы апеллирует позывной *Локомотив*, поскольку именно благодаря тягачу осуществляется транспортировка груза и пассажиров поезда.

Практически такое же количество именовании (15 единиц картотеки) обладают признаком «Охота / убийство». Так, среди животных признанными мастерами охоты являются, например, аллигатор, сокол, щука. Соответственно, позывные, образованные от этих апеллятивов, также содержат данный мотивирующий признак. Именование *Рыбак* соотносится с нарицательным, обозначающим ловца (охотника) рыб. Позывной *Маньяк* так же очевидно апеллирует к именованию убийцы, что подтверждает объединение данных имен собственных по мотивирующему признаку.

Еще одна группа (13 единиц) была выделена нами – «Быстрый». Ярчайшими примерами являются такие позывные, как *Искра*, *Конь*, *Метеор*, *Пуля*, *Шустрый*. Безусловным наличие мотивирующего признака можно считать у именовании *Шустрый*, образованного от синонима прилагательного, называющего вышеуказанный признак. Что касается отсубстантивных

позывных, то следует отметить, что они соотносятся с обозначениями объектов как живой, так и неживой природы: конь представляет собой одно из первых транспортных средств для ускоренного передвижения, метеор и пуля быстро летят, искра способна мгновенно разгореться до пламени.

Мотивирующий признак «Способный совершить чудо» (10 единиц картотеки) был выделен в ходе исследования. Рассмотрим, например, особенности позывных *Знахарь*, *Шаман* и *Гудвин*. Так, целительские умения знахарей в традиционной русской культуре занимали особое место и не были подвластны обывательскому пониманию. Шаман – колдун у народностей, верующих в духов, его сверхъестественные способности позволяют ему совершить еще больше чудес, чем знахарю. В основу позывного *Гудвин* положен антропоним, принадлежащий литературному персонажу сказочного цикла о Волшебной стране и Изумрудном городе. Примечательно, что к этому магу обратились герои повествования с просьбой дать им храбрость, сердце, мозги и возвращение домой. Современный российский военнослужащий также в некоторой степени способен призвать к человечности и разуму врага, подбодрить товарищей и помочь им успешно завершить миссию, чтобы скорее вернуться домой.

Одинаковое количество позывных (по 9 единиц) содержится в группах «Ратник / боец / солдат» и «Ловкий / хитрый». В первой отметим такие именованья, как *Боец*, *Витязь*, *Кадет*, *Матрос*. Позывной *Боец* в данном случае является говорящим и характеризует носителя как человека сражающегося. Витязями на Руси называли доблестных воинов, значит, и соответствующий позывной содержит мотивирующий признак «ратник». Кадетом является воспитанник военного учебного заведения, потенциальный боец. Следовательно, *Кадет* также обладает необходимым мотивирующим признаком. Именованье *Матрос* коррелирует с обозначением рядового военного флота, обладая, таким образом, мотивирующим признаком «солдата на воде». Во второй группе, выявленной нами, выделим такие примеры онимов, как *Аладдин*, *Гермес*, *Жук* и *Лис*. В древнегреческой мифологии Гермес был не только богом торговли и богатства, но и считался одним из самых хитрых обитателей Олимпа. Герой восточной сказки Аладдин благодаря ловкости и смекалке преодолел невероятные препятствия на пути к успеху. Что касается анималистических апеллятивов, то лиса (лис) является общепризнанным мировым символом хитрости, а в разговорной русской речи жуком называют изворотливого человека, способного на неожиданные поступки.

Равное количество единиц (по 7 единиц) находится в группах по также вычлененных нами признакам «Несокрушимый» и «Мудрый / умный». Например, в первую объединены позывные *Алмаз* (алмаз – самый твердый), *Гора* (гора огромная и твердая), *Лом* («Против лома нет приема»), *Монолит* (монолит представляет собой геологическое образование, являющееся цельной каменной глыбой), *Мрамор* (мрамор – твердый камень), *Орех* («крепкий орешек»), *Феникс* (мифологическая птица Феникс возрождается после гибели). Во вторую – *Академик*, *Бухгалтер*, *Историк*, *Дед*, *Платон*, *Ворон*, *Гугл*. Так, академиком называют члена высшей ступени организации ученых, для

успешного ведения бухгалтерского учета необходимо обладать глубокими в этой области знаниями и умениями, хороший историк представляет собой «энциклопедию» событий и персоналий, Платон был одним из трех ключевых философов в Древней Греции, а дед (дедушка) наряду с бабушкой традиционно считается мудрейшим в семье. В дикой природе одним из умнейших животных является ворон, а в виртуальном пространстве Гугл (англ. Google) – самая используемая в мире поисковая система.

Единичными по численности можно считать следующие группы:

- «Защитник / оборонитель» (6 позывных) с представляющими этот признак именованиями *Адвокат* (защитник подсудимого), *Ангел* и *Архангел* (ангелы и архангелы – небесные защитники человека), *Батя* и *Брат* (отец и брат традиционно в семье считаются защитниками), *Казак* (в Московской Руси казак – вольный член военно-земледельческой общины, принимавший активное участие в защите окраин государства);

- «Герой» (4 единицы): *Звезда* (медаль «Золотая звезда» – знак особого отличия, который вручается обладателю звания Героя Российской Федерации), *Корбен* и *Оби-Ван* (Корбен Даллас и Оби Ван Кеноби – герои фантастических фильмов «Пятый элемент» и «Звездные войны»), *Че Гевара* (Эрнесто Че Гевара – герой революций на латиноамериканском континенте);

- «Оруженосец» (4 единицы): *Вальтер* (пистолет, разработанный фирмой «Вальтер» – один из первых массовых), *Калаш* (автомат Калашникова – самый известный русский пулемет), *Пи́ка* (пи́ка – вид старинного холодного оружия), *Порох* (порох – вещество для изготовления зарядов огнестрельного оружия);

- «Победитель» (2 единицы): *Победа* (позывной говорит сам за себя), *Хан* (*Чингис Хан* – один из самых известных успешных завоевателей);

- «Целеустремленный (человек)» (1 единица): *Таран* (таран – стенобитное орудие).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Тема военной концептосферы является одной из актуальных в связи со сложившейся геополитической ситуацией. Исследования в русле когнитивной военной ономастики позволяют провести комплексный анализ репрезентации языковой личности российского военнослужащего сквозь призму имен собственных, бытующих в военном социуме.

Позывные являются неотъемлемой частью профессиональной деятельности военнослужащего. В результате анализа структуры концепта «российский военнослужащий» на материале позывных были выявлены определенные количественно-качественные особенности присутствия мотивирующих признаков.

Во-первых, мотивирующие признаки достаточно разнообразны, поскольку составляют 16 групп.

Во-вторых, наиболее многочисленную группу образуют позывные, характеризующие военнослужащего как патриота или представителя родного края.

В-третьих, в качестве мотивирующих признаков выделяются такие личностные качества российского воина, как смелость, ответственность и профессионализм, сила, способность ликвидировать врага, быстрота, ловкость и хитрость, стойкость, обороноспособность, героизм, владение оружием, целеустремленность, а также способность совершить чудо.

В-четвертых, репрезентующие данные признаки позывные образованы как от апеллятивов, обозначающих объекты живой и неживой природы и обладающих соответствующими семами, так и от других имен собственных.

Выявленные когнитивные признаки показывают широкий спектр функциональных проявлений современных представителей о российском воине. Представленная методология может быть применена при рассмотрении других групп ономастического поля военного социума в когнитивном аспекте.

Список литературы

Венедиктова, Л.Н. Концепт «Война» в языковой картине мира: сопоставительное исследование на материале английского и русского языков / Л.Н. Венедиктова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 20 с.

Пименова М.В. Концепт сердце: образ, понятие, символ / М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с.

Пименова, М.В., Бодриков, А.Б. Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта воин) / М.В. Пименова, А.Б. Бодриков // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – № 21 (4). – С. 1131–1138.

Потапчук, М.А. Концепт «Война» в русском языке и культуре / М.А. Потапчук // Челябинский гуманитарий. – 2011. – № 4 (17). – С. 48–52.

Родина, Н.А. Вторичная антропонимическая номинация русских военнослужащих: структурно-семантические особенности позывных / Н.А. Родина // Социальные и гуманитарные знания. – 2022. – Т. 8. – № 4 (32). – С. 450–462.

Третьякова, Л.Н. Концепт «Русский солдат» в отечественной поэзии: лингвокультурологический анализ / Л.Н. Третьякова // Вестник Педагогического университета. – 2020. – № 1 (84). – С. 66–69.

Хоруженко, В.А. Концепты «Война» и «Враг» в современной русскоязычной публицистике / В.А. Хоруженко: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 21 с.

Щербак, А.С. Когнитивные основы региональной ономастики / А.С. Щербак. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2012. – 319 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ *ПРОЗВИЩЕ* И *НИСКНАМЕ* В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

А.В. Цепкова

*ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»
(Новосибирск, Россия)*

В статье представлен сопоставительный анализ понятий прозвище и нискнаме в контексте российской и американской лингвокультур, проведенный на материале ономастических исследований и толковых словарей, а также опроса представителей соответствующих этнокультурных сообществ. Установлено, что ключевые отличия, определяющие объем и границы сравниваемых понятий, связаны их с доминантными функциями: функцией характеристики в российской культуре; фатической и конативной функциями в американской культуре.

Ключевые слова: *прозвище; нискнаме; неофициальный антропоним; характеристика; фатическая функция; конативная функция*

Данная статья носит кросс-культурный характер и направлена на сопоставление понятий *прозвище* и *нискнаме* в современной русской и

американской лингвокультурах для выявления универсальных и культурно специфических черт. Источниками материала исследования послужили:

1) словари ономастических терминов и исследования неофициального антропонимикона двух сравниваемых этнокультурных сообществ;

2) результаты опросов российских и американских респондентов (с 2003 по 2022 гг.), преимущественно студентов Новосибирского государственного педагогического университета (Россия) и Университета Восточного Вашингтона (США).

Проприальный статус прозвища и *nickname* в англоязычных и отечественных исследованиях, как правило, не подвергается сомнению, что находит подтверждение среди носителей соответствующих лингвокультур: 76% российских и 75% американских респондентов эксплицировали в объяснении терминов *прозвище / nickname* их принадлежность к собственным именам.

Этимологически англоязычный термин эксплицирует проприальный статус данных единиц в сочетании с признаком дополнительности, альтернативности этого имени: *a nickname* < *a nick name* < *an eke name*, где *eke* восходит либо к древнеанглийскому глаголу *eacan*, «увеличивать, добавлять», либо к древнеанглийскому союзу *ēak / ēac* в значении «также, тоже» [Skipper, Leslie 1990 : 235].

В отличие от *nickname* термин *прозвище*, производное от глагола *проз(ы)вать*, во-первых, явно не указывает на его проприальный статус, а во-вторых предполагает оппозицию отношений «агенса (номинатор) – пациенс (номинант)», эксплицируя необходимость наличия субъекта и объекта и неравенство участников номинативного акта.

Далее рассмотрим, насколько признаки, заключенные во внутренней форме терминов, дополняют или противоречат друг другу в сравниваемых лингвокультурах исходя из определений лексикографических и научных источников [Подольская, 1988], [Вальтер, Мокиенко, 2007], [Стаханова, 2011], [Морозова, 2015], [Боброва, 2015], [Гузнова, 2016], [MWCD, 2008], [List of Key Onomastic Terms], [Enninger, 1985], а также носителей лингвокультур.

К универсальным признакам понятий относятся следующие:

1) дополнительное или альтернативное имя человека, обладающее относительной устойчивостью и противопоставляемое официальному имени как неофициальное, неформальное, факультативное;

2) идентифицирующее имя;

3) вторичное имя; при этом вторичность понимается как:

а) статусная характеристика, связанная с прозвищем и *nickname* как видом антропонима второго порядка [Морозова, 2015, с. 224, 228];

б) «общее ощущение, что эти антропонимы не являются “правильными”» [Вальтер, Мокиенко, 2007, с. 8], вытекающее из их неконвенциональности [Felesan, 2013]; в связи с признаком «неправильности» респонденты отмечают профанную природу прозвища и *nickname*, определяя их как «выдуманное псевдо-имя», «придуманное название», «not a real name», «a made up name for someone»;

в) производность от других языковых единиц в силу отсутствия собственной номенклатуры;

4) мотивированное наименование, более подходящее человеку, чем его имя; мотивированность прозвищ свойствами и обстоятельствами, ассоциирующимися с именуемым, противопоставляется мотивированности лингвистическими атрибутами именуемого – официальным именем в совокупности его компонентов; именно в данном свойстве, отражающем две антитетичные черты рассматриваемых понятий (характеристичность – нехарактеристичность) раскрывается их *культурно-специфический характер*.

Способность характеризовать объект номинации включена в базовые определения прозвища, широко цитируемые в русскоязычной ономастике [Чичагов, 1959, с. 5], [Подольская, 1988, с. 111], [Суперанская, 2003–2004, с. 485]. Среди российских респондентов наличие характеризующего компонента в значении прозвища отметили 65% человек, и только 6% упомянули в качестве мотива официальное имя и фамилию. Вместе с тем, в корпусе собранных нами русских прозвищ количество характеристических номинаций (48,1%) на данный момент незначительно превышает количество отантропонимических (43,5%). Данная разница свидетельствует о том, что отантропонимические прозвища, являясь второй по численности группой, тем не менее не осознаются носителями как составляющие понятия, вероятно в силу своей нехарактеристической природы.

В зарубежных источниках, приводящих определение понятию *nickname*, способность характеризовать объект номинации также отмечена как один из ведущих категориальных признаков [MWCD, 2008, с. 836], [List of Key Onomastic Terms]. При этом в американской части опроса в дефиниции понятия *nickname* 50% опрошенных упоминают сокращенные формы, то есть, гипокористики официального имени, в то время как на характеризующие свойства *nickname* указывают 35% респондентов, причем фамилии не упоминаются вовсе. Тем не менее, количественно американские характеристические прозвища в нашей картотеке составляют 49,3%, а отантропонимические – 29,3%. Полученные данные свидетельствуют об обратной ситуации по сравнению с результатами опроса российских респондентов, когда несмотря на разницу в частотности, характеристический характер не выходит на доминирующую позицию, уступая место признаку неформальности, работающему в данном случае на установление и поддержание контакта, легкости в общении и устранение церемоний и неловкости в обращении (*a casual name, a sign of intimacy, an informal name given out of familiarity or closeness*).

Полученные данные подводят нас к вопросу о статусе отантропонимических неофициальных номинаций лиц (узуальных и окказиональных модификатов личных имен и фамилий), который ставится рядом отечественных и зарубежных исследователей [Кюршунова, Семенова, 2021, с. 275], [Busse, 1983, с. 306].

В связи с этим мы разделяем мнение Т. Холланда об определяющей роли носителей языка в процессе категоризации языковых явлений (в том числе,

неконвенциональных). В ходе рассуждения о статусе гипокористик Т. Холланд указывает, что результаты исследований, не принимающих во внимание мнение носителей языка, отражают скорее представления о том, «что исследуемые прозвища означают для исследователя, чем для сообществ, которые на самом деле их используют! По этой причине изучение практики присвоения прозвищ должно продолжаться в направлении более тесного сотрудничества и взаимодействия между исследователями и респондентами» [Holland, 1990, с. 266–267] (перевод с английского языка наш – А.Ц.).

На наш взгляд, одна из причин отнесения гипокористик к nickname связана с рассмотренной выше внутренней формой термина («другое, еще одно, дополнительное имя»), которой гипокористики вполне соответствуют, чего нельзя сказать о русском термине, который гипокористики исключает.

Тем не менее, данные неофициальные антропонимы упоминаются российскими респондентами как примеры прозвищ в ряде следующих случаев трансонимизации, когда эффект выразительности достигается через:

1) демонстрацию близких, дружеских отношений: *Поля. По дружбе, потому что имя – Полина;*

2) использование непопулярной гипокористики, воспринимаемой молодым поколением как устаревшая: *Нюра. Её имя Аня, но как-то разговор зашёл на тему «Как вас будут называть ваши внуки?», на что был ответ: Баба Нюра;*

3) использование гипокористики мужского имени, созвучного с женским: *Алёшка / Лёня / Леха. Созвучно с именем Алёна, использовалось просто как замена настоящего имени;*

4) использование разных вариантов гипокористик одного имени для различения тезок: *Викочка, Вукусик, Вукулька. Разделять 3-х Вик в классе;*

5) аллюзию к одноименному артефакту: *Алёнка. Связано напрямую с именем, но подразумевает шоколадку «Алёнка»;*

6) использование узуальной или окказиональной гипокористики, образованной от личного имени, отчества в пейоративной функции (заглазного) уничижения именуемого в ситуации неравенства социальных ролей (ученики – учитель):

Оксанка. Прозвище было дано в старшей школе учительнице, которая нам не нравилась. Она не вызывала уважения в нашем подростковом коллективе.

Николашка. Отчество человека – Николаевна, неприязнь к человеку;

7) заглазное использование прозвища в мелиоративной функции выражения уважения к именуемому: *Маришка. Кл. руководительницу звали Марина Ивановна. Именуемый не знал прозвища (положительное).*

Случаи, подобные описанным в пунктах 6 и 7, упоминаются в исследовании И.С. Стахановой, отмечающей, что «гипокористические дериваты личного имени учителя можно условно отнести к прозвищам по той причине, что краткая форма имени не является общепринятой и употребительной для социальной группы учеников, а также представляется невозможным употребление данной формы в качестве вокатива в силу

статусного различия именуемого и именуемого субъектов» [Стаханова, 2011, с. 15].

Что касается неконвенциональных трансформаций личных имен, сокращений или трансформаций фамилий, аббревиации компонентов официального именования, их принадлежность прозвищам / *nicknames* менее дискутабельна, судя по материалу, анализируемому в научных работах и приводимому в анкетах респондентов.

2. Прагматические особенности функционирования прозвищ и *nicknames*.

Данный аспект рассматриваемых явлений определяется их использованием в ограниченном кругу людей, отношения между которыми отражены в прагматических функциях и коннотациях используемых номинаций.

Среди сфер функционирования в ответах российских и американских респондентов универсальными являются знакомые, узкий круг друзей. Семья чаще упоминается американскими респондентами, среди российских респондентов этот ответ упомянут один раз.

В связи с этим российские респонденты чаще отмечают микрофункции, связанные с динамикой отношений в компании (маркирование статуса, дифференциация тезок, выделение среди других) как составляющие функции оценочной характеристики, что подразумевает наличие полярных коннотаций. Американские респонденты в определении *nickname* делают акцент на микрофункциях установления и демонстрации близких отношений, дружеского настроения, определения степени близости как составляющих фатической и конативной функций, выражающихся в том, что понятие *nickname* рассматривается участниками опроса как положительно маркированная номинация. Кроме того, в обеих лингвокультурах отмечается развлекательная функция прозвищ и *nicknames*, подчеркивающая профанную природу неконвенциональных антропонимов.

Таким образом, прозвище можно рассматривать не столько как отдельную категорию онимов, апеллятивов или пограничных явлений, сколько как функцию, которую приобретает соответствующая языковая единица, (транс)онимизируясь для обозначения объекта номинации альтернативным, неконвенциональным способом, профанируя официальную антропонимическую систему и демонстрируя нарушение ономастических законов (конвенций) на том или ином уровне: ономастическом, функциональном, структурном, мотивационном, денотативном и коннотативном.

Кроме того, прозвище и *nickname* выступают сегодня не только как экспоненты неконвенциональности, но и как объекты, также подверженные изменениям и экспериментам, как и профанируемые ими официальные имена. Изменения в сфере информационно-коммуникационных технологий сказываются на переосмыслении понятий *прозвище* / *nickname* в сторону приобретения ими статуса зонтичных терминов, объединяющих традиционные категории прозвищ и новые виды неофициальных антропонимов, которые уже

фиксируют изменения в динамике общения людей и их творческих способностей в связи с развитием искусственного интеллекта.

Список литературы

- Busse Th. V. Nickname Usage in an American High School // Names. – 1983. – Vol. 31. – № 1. – P. 300–306.
- Enninger W. Amish By-Names // Names. – 1985. – Vol. 33. – № 4. – P. 243–258.
- Felecan D. Mediated Naming: The Case of Unconventional Anthroponyms (UA) // Names. – 2013. – №61 (4). P. 219–229.
- Holland, Th. J., Jr. The many faces of nicknames // Names. – 1990. – № 38. – № 4. – P. 255–272.
- List of Key Onomastic Terms. [Электронный ресурс] // URL: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-en.pdf> (дата обращения: 20.05.2024).
- MWCD – Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. – Springfield: Merriam-Webster, Inc., 2008. – 1624 p.
- Skipper J. K. Jr., Leslie P. L. The Systematic Study of Personal Nicknames: A Small Step Forward // Names. – 1990. – Vol. 38. – № 4. – P. 253–254.
- Боброва М. В. Современные пермские прозвища, мотивированные лексикой тематической группы «Животные» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 1. – С. 136–140.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М. Прозвища как объект лексикографии (Предисловие) // Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русский прозвищ. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – С. 5–27.
- Гузнова А. В. Прозвища как микроантропонимы: дифференциальные признаки // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 3 – №16. – С. 36–39.
- Кюршунова И. А., Семенова О. В. Проблемы лексикографии современных региональных прозвищ. Рец. на кн.: Материалы для словаря современных прозвищ жителей Пермского края / М. В. Боброва. СПб: Изд-во РХГА, 2020. 195 с. // Вопросы ономастики. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 271–280.
- Морозова М. Ю. Отыменные прозвища и оценочный вариант антропонима // Вестник ТГУ. – 2015. – Вып. 9. – № 149. – С. 225–229.
- Морозова М.Ю. Отыменные прозвища и оценочный вариант антропонима // Вестник ТГУ, выпуск 9 (149), 2015. С. 225–229.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
- Стаханова И. С. Прагматика школьных прозвищ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2011. – 27 с.
- Суперанская А. В. Современные русские прозвища // Folia Onomastica Croatica. – 2003–2004. – № 12–13. – С. 485–498.
- Чичагов В. К. Из истории русских имён, отчеств и фамилий. – М.: Учпедгиз, 1959. – 128 с.

ТОПОНИМИКА

ТОПОНИМИЯ ЭРЗЯНСКОГО СЕЛА СТАРАЯ МАЛЫКЛА НОВОМАЛЫКЛИНСКОГО РАЙОНА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.В. Беленов

*Самарский государственный социально-педагогический университет
(Самара, Россия)*

В статье вводится в научный оборот и анализируется топонимия эрзянского села Старая Малыкла Ульяновской области и его окрестностей, собранная автором в мае 2022 года. Для целостности восприятия представленного материала он предваряется историко-этнографическими сведениями по данному селу. Сравнительно-сопоставительный анализ материала осуществлялся с привлечением данных по топонимическим пространствам других мордовских (эрзянских и мокшанских) сёл Самарского и Ульяновского Поволжья, полученных автором в результате экспедиций 2015 – 2024 гг.

Ключевые слова: топонимика; мордва; эрзя-мордовский язык; этимология; Ульяновское Поволжье; Самарское Поволжье

История села Старая Малыкла восходит к началу XVIII века и тесно связана с историей окрестных эрзянских населённых пунктов – Старой Бесовки и, в прошлом, Старой Кармалы. В последней в настоящее время проживают, в основном, чувашаи, а мордва-эрзя в середине XVIII века переселилась оттуда чуть далее по реке Кармалке, основав Новую Кармалу. Обстоятельства появления мордовских переселенцев в этих сёлах описывает Ю.Н. Смирнов: около 1700 года из Терюшевской волости Нижегородского уезда бежала большая группа мордовских крестьян. Они составили значительную долю населения в таких деревнях как Малыкла, Бесовка, Старая Кармала и Степная Шентала [Смирнов, 1997, с. 171]. Эрзяне Старой Бесовки до настоящего времени помнят, что их предки были выходцами «откуда-то с берегов Пьяны» (ПМА, Ульяновская область, Новомалыклинский район, Старая Бесовка, 2022).

Не противоречат предположению о возникновении села в начале XVIII столетия и данные архивных документов. Так, в материалах первой ревизии 1719 года упоминается «деревня Малыклы Казанского уезда по Ногайской дороге». Согласно материалам второй ревизии (1747 год), в первую ревизию от переписи уклонилась значительная часть населения деревни, в связи с чем были проведены карательные и сыскные мероприятия.

На протяжении заволжского этапа своей истории старомалыклинская мордва продолжала активно контактировать с эрзянами Старой Бесовки, Старой Куликовки, Александровки, Новой Кармалы. Отдельные брачные контакты фиксируются и с мокшанами Старой и Новой Бинарадок.

В говоре старомалыклинцев фиксируется ярко выраженное оканье, твёрдая аффриката [ч], что проявляется как в эрзянской, так и в русской речи коренных жителей села. Ударение разноместное, тяготеет к последнему слогу, но не так явно, как у причеремшанской мордвы.

Географическая терминология старомалыклинского говора имеет общие черты с соответствующим лексическим кластером близлежащих мордовских сёл, что, во многом, обусловлено общностью их происхождения. Так, отмечается термин *кужо* в значениях 'поляна, лужайка', который в

старомалыклинском говоре является ещё и топогенетичным. Для современных заволжских эрзянских говоров это редкость.

Вместе с тем встречаются и характерные особенности, отмеченные нами в других локальных группах мордвы-эрзи Заволжья. К ним относится семантика термина *эрьке*, которым здесь обозначают не только озёра, но и реки, полупроточные водоёмы (ПМА, Ульяновская область, Новомалыклинский район, Старая Малыкла, Старая Бесовка, 2022). В таком значении данный термин известен также у толкайской мордвы Похвистневского района Самарской области [Беленов, 2022].

Указанные особенности нашли отражение в топонимической номенклатуре, сформировавшейся в старомалыклинском говоре эрзянского языка.

Атякиш А'т'акš Озеро в пойме реки Большой Черемшан, на её левом берегу. Лимноним происходит от общемордовской лексемы *атякиш* – ‘петух’. Названия озёр часто восходят к прозвищам рыбачивших на них местных жителей. Как будет показано ниже, ряд названий близлежащих озёр имеет характерные для мордовских языков окончания звательного падежа, что может свидетельствовать об их прозвищной основе.

Ведьгаль V'ed'gal' Название озера на окраине села. По словам местных жителей, дано благодаря густой растительности на его берегах, которую теперь расчистили, раньше же подход к озеру был весьма затруднён. В словаре эрзянского языка под редакцией Б.А. Серебренникова, содержащем значительный диалектный материал, лексема *ведьгаль* определяется как ‘плакучая ива’ [Серебренников и др., 1993, с. 117]. Х. Паасонен, не фиксируя данное слово, приводит ряд подобных названий, с формантом *каль*, в значении ‘вид ивы’, например, *norov-kal* [Паасонен, 1992]. В исследованных нами говорах встречается другое объяснение. Так, информанты в Старой Малыкле утверждали, что *каль* – это кусты различных пород, произрастающие у воды; собственно лексемы *ведьгаль* в их говоре нет, а название озера состоит из двух слов *ведь* – ‘вода’ и *каль*, в указанном выше значении. А.А. Шахматов в окрестностях села Оркино приводит топонимы *Пойгаль лисьма* и *Пойгаль эрьке* для которых даёт перевод *Осиновый родник* и *Осиновое озеро* [Шахматов, 1910, с. 10, 18], то есть в данных случаях формант *каль* означает молодую и частую осиную поросль: *пой* – ‘осина’ + *каль*. Таким образом, лексема *каль* иногда выступает в роли форманта, означающего частую, но тонкую и гибкую поросль. Такое же значение для данной лексемы в прошлом предполагает и В.И. Вершинин, приводя широкие диалектные мордовские параллели [Вершинин, 2004, с. 122]. Связь этимологизируемого названия с рядом идентичных и подобных лимнонимов Самарского Поволжья мы подробно рассматриваем в специальной работе [Беленов, 2023]. Здесь же отметим также, что имеется озеро *Ведьгаль* и в окрестностях села Старое Ерёмкино Чердаклинского района Ульяновской области (также на Волжском Левобережье), в котором ранее значительную часть населения составляла мордва-эрзя.

Дига́й D'i'gaj Озеро в пойме реки Большой Черемшан, на левом берегу. Ранее, по-видимому, являлось рукавом Черемшана, наряду с озёрами *Атяки* и *Кожай*. Название происходит от эрзянского диалектного *дига* 'гусь' + аффикс звательного падежа *-й* (Б.А. Серебренников предпочитает называть *-й*, *-кай* падежеобразными формами в мордовских языках [Серебренников, 1967, с. 31]). Вероятно, название озера дано по прозвищу человека.

Калмо не 'Kalmo 'p'e Название района села, прилегающего к кладбищу. Происходит от эрзянских лексем: *калмо* – 'кладбище' + *не* – 'конец; район села'.

Кожай Ко'žaj Озеро в пойме реки Большой Черемшан, на левом берегу. В основе названия озера мордовский дохристианский антропоним, происходящий от основы *кяж* 'злоба, гнев', оформленный мордовским аффиксом звательного падежа. Мордва Старой Малыклы длительное время оставалась языческой, а после крещения ещё не одну сотню лет, наряду с христианскими, в мордовских сёлах в ходу были «вторые», традиционные имена [Мокшин, 1975]. К этой же основе восходит распространённая среди мордвы фамилия *Кожяев*.

Кругляй Krug'l'aj Название озера к северу от села, в причеремшанских лесах. Происходит от адаптированного в эрзянском языке русского слова *круглый*. Вообще слово *круг* является одним из наиболее частых русских заимствований в мордовских говорах Самарского и Ульяновского Поволжья.

Ланка эрьке Lar'ka er'k'e Название озера в полях у Старой Малыклы. Данное озеро было выкопано человеком, по прозвищу *Ланка*. В данном случае переход личного прозвища на название озера документально зафиксирован.

Малыкла Malyk'la Титульный ойконим исследуемого топонимического пространства. Своё название деревня (ныне село Старая Малыкла) получила по реке, на берегу которой была основана. В настоящее время данная река пересохла. Потамонимия мордовских топонимических пространств в Заволжье чаще всего является субстратной, представляя собой тюркские: чувашские и кыпчакские названия, реже – русские. В данном случае полагаем, на основании общего исследования истории заселения и потамонимии района, что название происходит из чувашского языка. В его основе лексема *мал*, означающая в чувашском языке переднюю часть чего-либо, в топонимии она чаще встречается в значении 'восточный'. Отметим, что данная река протекала к востоку от соседнего со Старой Малыклой чувашского села Нижняя Якушка.

Од ультя Od ul't'a Название одной из сельских улиц, застраивавшейся позже остальных, в советское время. Термин *ультя* для мордовских языков новый, заимствован из русского языка и, как правило, встречается в составе тех урбонимов, которые имеют недавнее происхождение. Дело в том, что застройка мордовских населённых пунктов ранее была гнездовая, в связи с чем названия имелись не у улиц, которых в современном понимании не было, а у районов деревень. Для обозначения таких районов в мордовских языках имеются специальные термины: *не* 'конец', *куро* 'слобода' [Цыганкин, 2005], *куринка* 'несколько близстоящих домов'. Этимология названия прозрачна: *од* 'новый' + *ультя* 'улица'.

Пиче не Р'іце р'е Название района села, примыкающего к сосновому лесу. От общемордовского *пиче* 'сосна' + *не* 'конец, район села'.

Русонь не Ру'зон 'b'e Название одного из районов села: *русонь* 'русский' + *не* 'конец, район села' = *Русский конец*. Ранее в этом районе проживали русские. В настоящее время основное население данной части села составляют цыгане.

Сенской кужо S'ins'koj 'gižo Название поляны в лесу, на которой раньше косили сено. Данный топоним является примером синкретичного, русско-эрзянского названия: первая часть происходит от слова *сено*, вторая – от эрзянского *кужо* 'поляна'.

Солат эрьке Solader 'k'e Озеро к северу от села, в причеремшанских лесах. Название дано по форме объекта. В основе названия эрзянская лексема *сюло* 'кишка' + аффикс множественного числа в мордовских языках *-т*. Озеро представляет собой систему узких переплетающихся протоков, отсюда и название: *Кишки*.

Сюмань не S'u'man' 'b'e Название одного из районов Старой Малыклы. Информантам его значение неизвестно. Не исключено, что название происходит от сельского прозвища, в эрзянском *сумань* – 'кафтан, зипун'.

В заключение хотели бы обратить внимание на некоторые примечательные особенности исследуемого топонимического пространства.

Типичная для эрзянских топонимических пространств Заволжья дуальная урбонимная система *Верё не – Ало не* (Верхний конец – Нижний конец) в Старой Малыкле отсутствует. Вероятно, это объясняется особенностями рельефа в окрестностях села: оно расположено на равнинной местности.

Из фонетических особенностей, помимо указанных в начале статьи, присущих старомалыклинскому говору вообще, следует сказать о регулярно встречающейся в составе двухкомпонентных топонимов регрессивной ассимиляции глухих согласных. Данное явление в принципе характерно для эрзянского языка, но не всегда получает отражение в топонимии.

Список литературы

Raasonen H. Mordwinisches Wörterbuch Zusammengestellt von Kaino Heikkilä. Unter Mitarbeit von Hans-Hermann Bartens, Aleksandr Feoktistov und Grigori Jermuschkin. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla. Helsinki, 1990–1995. Т. 1–4. 557+747+624+775 S.

Беленов Н. В. Возвращаясь к вопросу о лимнониме Каль на Самарской Луке // II Ёпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): актуальные проблемы современной компаративистики. – Йошкар-Ола: Марийский НИИЯЛИ, 2023. – С. 46–50.

Беленов Н.В. Лексико-семантический анализ топонимии эрзянского села Малый Толкай Самарской области // Вестник угроведения. – 2022. – Т. 12. №1. – С. 17–26.

Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских языков. Т. 1. – Йошкар-Ола: Стринг, 2004. – 124 с.

Мокшин Н.Ф. Вторые имена у мордвы // Советская этнография. – 1975. – №3. – С. 115–119.

Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. – М.: Наука, 1967. – 262 с.

Серебренников Б.А., Бузаков Р.Н., Мосин М.В. Эрзянско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1993. – 804 с.

Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. – Самара: Самарский университет, 1997. – 190 с.

Цыганкин Д. В. Память, запечатлённая в слове: словарь географических названий Республики Мордовия. – Саранск: Красный Октябрь, 2005. – 432 с.

СОСТАВНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Е.В. Генералова

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI-XVII веков».

Статья посвящена вопросу лексикографического описания имен собственных, в частности составных топонимов, известных по историческим памятникам русского языка. Рассматриваются разные подходы к словарной интерпретации онимов (включение их в исторический словарь толкового типа или рассмотрение в специальных ономастических исторических словарях), принципы включения онимов разного типа, лексикографические приемы представления составных географических названий.

Ключевые слова: историческая лексикография, ономастика, топонимика, устойчивое сочетание, составное наименование.

Невозможно собрать имен всех мест и привести под правила.

М.В. Ломоносов. Российская грамматика, параграф 238.

Лексикографическое представление имен собственных – сложная и до конца не решенная проблема. При том, что прообразы словарей имен собственных – ономастиконы – один из самых древних типов словарей, в этой области лексикографии еще много вопросов. Для современной науки ономастические словари – утвердившаяся в своих принципах, признанная и хорошо известная отрасль лексикографии со своей яркой спецификой. Историческая же ономастическая лексикография находится еще только в стадии формирования. Антропонимы в истории языка описаны в словарном виде в большей степени, чем топонимы: см. классические труды – Н.М. Тупиков «Словарь древнерусских личных собственных имен» [Тупиков, 1903] и С.Б. Веселовский «Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии» [Веселовский, 1974]. В историческом же описании топонимики можно назвать только отдельные издания, представляющие это направление: см. [Корнилов, Молниева, Обжогин, 2016; Дмитриев, 2021]. Таким образом, основы этой лексикографической области заложены, но общие принципы и конкретная лексикографическая техника представления топонимики в диахронии в словарном виде нуждаются в дальнейшей разработке и совершенствовании. Важно и место таких словарей в описании истории словарного состава.

С учетом ценности данных ономастики для истории языка, имена собственные, зафиксированные в памятниках прошлого, несомненно, должны найти отражение в исторических словарях. Вопрос только, в каких и как.

На настоящий момент историческая лексикография представлена прежде всего словарями толкового типа (общими, региональными, терминологическими, в небольшой степени ономастическими), и топонимика, если и находит словарную фиксацию, то прежде всего на страницах этих

изданий. Основы включения имен собственных в исторические словари толкового типа были заложены родоначальником русской исторической лексикографии – И.И. Срезневским. В его «Материалы для древнерусского словаря» [Срезневский, 1893–1912] в том числе включены и различные имена собственные, среди которых и топонимы: *Березово поле* ‘местность у Ниж. Новгорода’ [Срезневский, 1893, 1, столбец 70], *Кривьи ББлокъ* ‘название местности’ [Срезневский, 1893, 1, столбец 1321] и др. Такая позиция исследователя объяснима стремлением к полноте своего труда и описанию всех дошедших языковых фактов. В составе сложных топонимов они, включающие апеллятивы, дополняют историю функционирования этих слов, в частности, относительных и притяжательных прилагательных, не всегда зафиксированных в памятниках в качестве нарицательных.

В современной исторической лексикографии нет единого решения о включении и интерпретации имен собственных, в том числе составных географических названий.

Во-первых, такое решение зависит от типа словаря и позиции автора. Онимы как существенная часть словарного состава памятников русского языка, безусловно, включаются в такие типы лексикографических источников, как словари-конкордансы (напр., [Исламова, Галиуллин, 2000; Галиуллин, Гизатуллина, 2008]) и словоуказатели (напр., снабженные словником издания [Грамотки, 1969; Памятники, 1993]), при этом в словоуказателях не объединяются с апеллятивами, а выносятся в отдельные словники личных имен собственных и географических названий, редко выделяется даже такая интересная рубрика, как «Перечень слов, написанных с заглавной буквы, не включенных в указатели личных имен и географических названий» [Памятники, 1993, с. 201–204]. Словари же толкового типа идут разными путями.

Во-вторых, вопрос включения онимов определяется типом онима: антропоним это или топоним, однословное имя собственное или составное, есть ли в составе слово, совпадающее с апеллятивом.

Минимально включение имен собственных в «Словарь русского языка XVIII в.», приближающийся по принципам своего составления к современной толковой лексикографии, онимы не описывающей.

Ряд словарей (напр., [ПОС, СлРЯ 11–17, СОРЯ]) включают только совпадающие с нарицательными онимы, но в разной степени подробно. В «Псковском областном словаре с историческими данными» описывается и микротопонимика, в «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» включены и составные географические названия, содержащие оттопонимические и этнонимические прилагательные, и т.п.

В качестве примера словаря, пошедшего по пути максимального включения онимов (прежде всего антропонимов, но и отдельных топонимов) может быть назван «Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края)» [Борисова, 2000]. Составители подчеркивают, что «антропонимы – бесценный источник исторической информации» [Борисова, 2000, с. 12–13], поэтому (при

определенной сложности выявления локализмов в истории языка) «Региональный исторический словарь» включает все антропонимы от диалектных и общерусских основ и предлагает их этимологию. Антропонимы также включены в «Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века» Е.Н. Поляковой [Полякова, 2010], но топонимы в этом словаре не описываются.

Интересным решением является дополнение словаря специальными ономастическими справочниками или словоуказателями. Впервые это решение было использовано при составлении одного из первых региональных исторических словарей – «Словаря языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в.» [Цомакион, 1971], в котором текст словаря предваряет небольшой, но содержательный список этнонимов и топонимов, зафиксированных в источниках словаря [Цомакион, 1971, с. 18–22]. Существенным шагом в развитии исторической ономастики стал «Словарь пермских фамилий» [Полякова, 2005] («первый опыт исторического словаря имен жителей одного из регионов России» [Полякова, 2007, с. 3]) и «Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVII вв.» [Полякова, 2007], дополняющие «Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века». Своеобразным продолжением «Словаря воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв.» является «Словарь географической терминологии Воронежского края (с историческим комментарием)» [Дьякова, Хитрова, 2009] (строго говоря, не исторический и не ономастический словарь, но издание, описывающее очень близкий топонимии пласт лексики). Следует отметить подробную разработку принципов подачи имен собственных, содержащуюся в предисловии к «Региональному историческому словарю второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края)» [Борисова, 2000, с. 3–20] и к «Словарю имен жителей Пермского края XVI–XVII вв.» [Полякова, 2007, с. 3–12]. Вообще, такое обобщение ономастического материала в специальных словарях с разработкой особых принципов его лексикографической подачи представляется почти идеальным вариантом.

Помимо принципиального решения о включении/невключении имен собственных в исторические словари и способе их описания, не решены в исторической лексикографии вопросы, какие именно они подлежат описанию (в тех словарях, которые решают включать их) и как именно эти имена собственные должны интерпретироваться.

Из антропонимов в исторические словари традиционно включаются некалендарные имена и прозвища людей, с топонимами определенности меньше. Спорными группами являются микротопонимика (названия пустошей, починков и других земельных угодий, а также ручьев, ключей и т.п.), а также названия монастырей, улиц, слобод.

Более ясна ситуация с одиночными топонимами: словари обычно включают те, которые совпадают с нарицательными: см. ~ **Кабан**. *Озеро в Казанском уезде* [СОРЯ, 9: 285], ~ **Заречье**. *Название пустоши* [СОРЯ, 7, с. 154], ~ **Гористое**. *Название озера в Псковской области*. [СОРЯ, 4, с. 177].

Включение же составных географических названий непоследовательно. Те устойчивые сочетания, которые имеют в составе апеллятив-обозначение географического объекта, обычно приводятся на этот апеллятив с целью показа функционирования нарицательного в составе имени собственного. В этом отношении удачным решением представляется группировка таких наименований, что демонстрирует их регулярность и системность. См., напр.: ИСТОК...— *В названиях ручьев. ~ Вербилов исток. ... ~ Ганкин исток. ... ~ Дравенский исток. ... ~ Ореховый исток. ... ~ Федоров исток.* [СОРЯ, 9, с. 219], УЛУС...— *В сочетании с им. собств. [СлРЯ, 32, с. 28] ~ В составе топонимов. Липовая гора. Название сенокосного угодья* [ПОС, 17, с. 80].

Однако в такие ряды, очевидно должны включаться не все устойчивые сочетания с данным апеллятивом, а выборочно, т.к. цель не инвентаризация и истолкование всех онимов, а показ функционирования соответствующего нарицательного в составе онима. Тем более что такие ряды могут быть очень большими (напр., ряды с лексемами *земля, городок* и т.п.), кроме того, с учетом того факта, что большинство исторических словарей представляют собой многотомные, реализующиеся не один десяток лет проекты, едва ли возможно собрать и системно описать все такие названия.

Что касается второго компонента составных географических названий, то при условии его совпадения с нарицательным, этот оним тоже будет показан в соответствующей словарной статье, обычно как одиночный, но иногда и в составе группы: напр., *~ Зеленое озерко. Озеро в Дедиловском уезде. ... ~ Зеленая река. Река в Западной Сибири* [СОРЯ, 7, с. 297].

Наибольшие сложности возникают с топонимами, включающими оттопонимическое или отэтнотопонимическое прилагательное. В большинстве своем эти прилагательные вообще не включаются в исторические словари. В словарях, описывающих этот пласт лексики, характеризуются и топонимы, в состав которых входит оттопонимическое или отэтнотопонимическое прилагательное, но только если оно зафиксировано и как нарицательное: напр., *~ Караманский лес. Лес, находившийся в низовьях реки Малый Караман — левого притока Волги (в настоящее время затоплен водохранилищем)* [СОРЯ, 10]; *Даурская земля — Восточное Забайкалье* [Христосенко, Любимова, 2003, с. 159], *> Литовская (Литовстия) земля (страна, княжество)* [ПОС, 17, с. 97]. Нельзя, однако, не отметить субъективность этого критерия с учетом факта случайности письменных свидетельств.

Существенный вопрос — толкование имен собственных. Очевидно, что такое толкование будет энциклопедическим, а не лингвистическим, и неясно, должно ли оно вообще помещаться в историческом словаре толкового типа.

Очень разнообразно и техническое оформление ономастики, причем часто эта интерпретация не единообразна даже в пределах одного издания. Онимы даются как употребления, фразеология, за тильдой: напр., в СОРЯ прозвища подаются за чертой употребления, топонимы — за тильдой и с пометой, а названия городов, уездов, областей, стран и монастырей — как фразеологические сочетания, что едва ли последовательно.

Таким образом, в настоящее время в исторической лексикографии есть два основных типа представления онимов в истории языка: интегрирование их в корпус исторического словаря толкового типа и вынесение в отдельный список (словоуказатель) или отдельный специальный ономастический исторический словарь. Представляется, что следует дифференцировать исторические толковые и исторические ономастические словари; практика описания в них имен собственных должна быть разной и в настоящее время нуждается в совершенствовании.

Список литературы

- Борисова Е.Н. и др. (сост.). Региональный исторический словарь 2-й половины XVI–XVIII в.: по памятникам письменности Смоленского края. – Смоленск: [б. и.], 2000. – 367 с.
- Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974 – 382 с.
- Галиуллин К.Р., Гизатуллина А.Р. Казанский край: Словарь языка памятников 1-й четверти XVII в. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008 – 274 с.
- Грамотки XVII – начала XVIII в. / изд. подг. Н.И. Тарабасова и Н. П. Панкратова; под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1969. – 415 с.
- Дмитриев А.В. Славянская ойконимия Западной Ингерманландии XVI-XVII вв. как структурный компонент историко-топонимического словаря (буквы А-Е). // Севернорусские говоры. – 2021 – № 20 – С. 143–167.
- Дьякова В.И., Хитрова В.И. Словарь географической терминологии Воронежского края (с историческим комментарием). – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2009 – 344 с.
- Исламова Э.А., Галиуллин К. Р. Казанский край: Словарь памятников XVI в. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000 – 286 с.
- Корнилов Г.Е., Молниева М.В., Обжогин А.А. Исторический словарь топонимов Симбирской губернии (1859-1913 гг.). – Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2016. – 287 с.
- Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / изд. подг. С. И. Котков, Н. С.Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянов. – М.: Наука, 1993. – 234 с.
- Полякова Е.Н. Словарь имен жителей Пермского края XVI-XVII вв. – Пермь: Издат. дом Бывальцева, 2007. - 463 с.
- Полякова Е.Н. Словарь лексики пермских памятников XVI-начала XVIII века: вып. 1-2. – Пермь, 2010.
- Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь: Кн. мир, 2005 – 462 с.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными: вып. 1–28. – Л., СПб: изд-во ЛГУ, СПбГУ, 1967-2020 (изд. продолжается)
- СлРЯ 11-17 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. – М.: Наука, 1975–2024 (изд. продолжается).
- СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. Вып. 1–9. – СПб.: Наука, 2004–2020 (изд. продолжается).
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. – СПб.: Тип. императорской Академии наук. Т. 1. 1893. Т. 2. 1902. Т. 3. 1912.
- Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – СПб.: Изд-во тип. И.Н. Скороходова, 1903 – 857 с.
- Христосенко Г.А., Любимова Л.М. (сост.). Исторический словарь Восточного Забайкалья: по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв. Т. 1. – Чита: изд-во ЗабГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2003. – 350 с.
- Цомакион Н.А. (сост.). Словарь языка мангазейских памятников XVII-первой половины XVIII в. – Красноярск: [б. и.], 1971 – с.

НОРМАЛИЗАЦИЯ ТОПОНИМОВ В ЗЕРКАЛЕ ГКГН: ИТОГИ 2023 ГОДА

И.А. Дамбуев

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(Улан-Удэ, Россия)*

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9)

В статье систематизированы и проанализированы результаты нормализации российских топонимов, отраженные в Государственном каталоге географических названий в 2023 году. Официально признанные изменения в написании топонимов затрагивают названия, подверженные варьированию на разных языковых уровнях. Нормализация топонимов осуществляется в соответствии с правилами орфографии и традициями употребления топонимов. Выделяются субъективные и объективные факторы, влияющие на нормализацию топонимов.

Ключевые слова: *российская топонимия; нормализация топонимов; топонимическое варьирование; правила орфографии*

Каждый год в Государственном каталоге географических названий (ГКГН) происходят изменения в написании топонимов. В 2023 г. более 180 топонимов, имевших статус несогласованных в результате вариативного написания, были нормализованы. Причины варьирования могут быть самыми разнообразными, но все случаи варьирования могут быть систематизированы в несколько типов, выделяемых отечественными лингвистами [Суперанская, 1969; Воробьева, 1970; Глинских, 1980; Рубцова, 2011 и др.].

К нормализации топонимов с орфографическим варьированием относятся примеры нормализации написания безударных гласных (*Тигерек / Тигирек → Тигерек, Торбеево / Тарбеево → Торбеево, Надеждинка / Надежденка → Надежденка* и др.), нормализации написания согласных (*Малеванный / Малеваный → Малеванный, Гусиное / Гусинное → Гусинное, Буденовка / Буденовка → Буденовка* и др.), нормализации слитного, дефисного и раздельного написания топонимов (*Чишма-Баи / Чишмабаи → Чишма-Баи, Большежирово / Больше-Жирово → Больше-Жирово, Буда-Первая / Буда Первая → Буда Первая* и др.), нормализации способа написания порядкового прилагательного (*имени 8 Марта / им. Восьмого Марта → имени 8 Марта, III Интернационал / 3 Интернационал → 3 Интернационал, Цовкра-1 / Цовкра 1-я → Цовкра-1* и др.).

Фонетическое варьирование топонимов, имеющее самые разнообразные причины и проявления, на письме может выделяться прежде всего своими фонематическими вариантами. Их можно систематизировать, выделяя, вслед за И.А. Воробьевой, варианты с различным количественным составом фонем и варианты с различным качественным составом фонем [Воробьева 1973: 206]. Таким образом, к примерам нормализации фонетических вариантов топонимов можно отнести нормализацию топонимов с различным количественным составом фонем (*Алхаст / Алхасты → Алхасты, Джарбутак / Джарабутак → Джарабутак, Чазылары / Чазылар → Чазылар* и др.) и с различным качественным составом фонем (*Стеблицкий / Стебницкий → Стебницкий, Арыг-Узю / Арыг-Узуу → Арыг-Узуу, Тебелер / Тобелер → Тобелер* и др.). То,

что с точки зрения русского языка воспринимается как фонетическое варьирование, в исходных языках в одних случаях является морфологическим варьированием, а в других – результатом выбора того или иного способа создания топонимических соответствий.

На морфологическом уровне отечественные лингвисты выделяют варианты грамматические и словообразовательные. Грамматические варианты различаются родовыми окончаниями и формами единственного и множественного числа [Воробьева, 1973, с. 208; Глинских, 1980, с. 22]. Многочисленный материал из ГКГН показывает, что к грамматическому варьированию можно отнести и варьирование падежных форм топонимов. Словообразовательные варианты отличаются варьированием суффиксов [Воробьева, 1973, с. 209; Рубцова, 2011, с. 97]. Словообразовательные варианты также называются морфемно-деривационными, а варианты, различающиеся формами единственного и множественного числа – морфолого-деривационными [Маршева, 2008, с. 28]. Несмотря на различие терминов, к нормализации морфологических вариантов топонимов мы относим случаи нормализации варьирования родовых окончаний (*Многопольное / Многопольный* → *Многопольное*, *Маякский / Маякское* → *Маякское*, *Девочкина / Девочкино* → *Девочкино* и др.), окончаний числа (*Урывки / Урывка* → *Урывки*, *Криница / Криницы* → *Криницы*, *Белозерка / Белозерки* → *Белозерки* и др.), падежных окончаний (*Кирпичного Завода / Кирпичный Завод* → *Кирпичного Завода*, *Опытно-мелиоративная станция / опытно-мелиоративной станции* → *Опытно-мелиоративная станция*, *Парсуковского карьера / Парсуковский карьер* → *Парсуковского Карьера* и др.), а также случаи нормализации словообразовательных суффиксов (*Терентьево / Терентьевка* → *Терентьево*, *Октябровка / Октябрьский* → *Октябрьский*, *Чернореченское / Черноречье* → *Черноречье* и др.).

Исследуя российскую топонимию, лингвисты выделяют и морфолого-синтаксическое варьирование [Воробьева, 1973, с. 211; Глинских, 1980, с. 24; Рубцова, 2011, с. 96], возникающее в тех случаях, когда происходит варьирование сложного топонима и топонима-словосочетания, имеющих одинаковый лексический состав. В 2023 г. в ГКГН было нормализовано большое количество таких топонимов (*Новая Стройка / Новостройка* → *Новостройка*, *Русское Игнашкино / Русскоигнашкино* → *Русскоигнашкино*, *Нижнечеляево / Нижнее Челябино* → *Нижнее Челябино* и др.).

По поводу лексического варьирования в топонимии высказываются противоположные мнения. Например, Ю.А. Карпенко признает вариантами лишь те формы, которые порождаются одной исходной, в связи с чем «разные названия одного объекта, не имеющие единого лексического источника, не могут быть отнесены к категории топонимических вариантов» [Карпенко, 1965, с. 20]. Такого же мнения придерживается И.А. Воробьева, называя разнокоренные названия одного и того же объекта топонимическими синонимами [Воробьева, 1973, с. 203]. А.В. Суперанская же варианты топонимов, не имеющие корневой общности, признает лексическими на основании общественного знания их объектно-номинативной соотнесенности, а

также взаимной соотнесенности вариантов [Суперанская, 1969, с. 188]. При исследовании нормализационных процессов все же возникает необходимость выделять лексические варианты, не обладающие корневой общностью (*Алимпашаюрт / Тюп-кутан* → *Алимпашаюрт*, *Эминхюр / Аламише* → *Эминхюр*, *Пролетарское / 3-е отделение совхоза* → *Пролетарское* и др.).

К синтаксическим вариантам в топонимии чаще всего относят топонимы-словосочетания, различающиеся синтаксическими отношениями между компонентами названия. В нашем материале преимущественно встречаются случаи нормализации порядка слов в топонимах-словосочетаниях (*Большие Вязовицы / Вязовицы Большие* → *Большие Вязовицы*, *Подстанция Колюпановская / Колюпановская подстанция* → *Подстанция Колюпановская*, *Григорьевка-Первая / Первая Григорьевка* → *Первая Григорьевка* и др.). К синтаксическому варьированию А.В. Суперанская относит и названия с дополнительными определениями и без них [Суперанская, 1969, с. 197]. Г.В. Глинских же такие варианты называет лексико-синтаксическими [Глинских, 1980, с. 26]. Формально их выделение основано на присутствии среди вариантов с корневой общностью топонима-словосочетания. С точки зрения словообразования такие варианты могут возникнуть либо путем образования ИС-словосочетаний, либо эллипсисом синтаксических конструкций [Подольская, 1990, с. 40]. Примеров нормализации таких лексико-синтаксических вариантов выявлено намного больше (*Алепинец / Малый Алепинец* → *Малый Алепинец*, *Санаторий Армхи / Армхи* → *Армхи*, *центральной усадьбы маралсовхоза / Маралсовхоз* → *Маралсовхоз* и др.).

Согласно законодательству в сфере наименований географических объектов нормализация топонимов должна осуществляться в соответствии с правилами русской орфографии и орфографии других языков народов Российской Федерации и в соответствии с традициями их употребления на указанных языках [ФЗ-152]. Таким образом, нормализация топонимов, испытывающих орфографическое варьирование, должна опираться на правила орфографии, а в остальных случаях главным принципом является принцип опоры на традиции употребления топонимов.

Беглый анализ результатов нормализации орфографических вариантов топонимов свидетельствует о субъективных и объективных факторах, препятствующих последовательному применению действующих правил орфографии при нормализации вариативных топонимов. Например, нормализация топонима *Надеждинка / Надежденка* → *Надежденка* (Оренбургская обл., Сорочинский г.о.) нарушает как правила орфографии (безударные гласные в суффиксах существительных), так и традиции употребления топонима: *Надеждинка* [АКОО, 1989; АД Орен, 1960, с. 120], *Надеждина* [АОК, 1869]. Вариант же *Надежденка* закреплен в региональном законе «Об утверждении перечня муниципальных образований Оренбургской области и населенных пунктов, входящих в их состав», принятом в 2008 г. В данном случае орфографически неточное написание, закрепленное в нормативно-правовых актах, послужило основой для нормализации топонима. Случай с нормализацией топонима *Гусиное / Гусинное* → *Гусинное* (Курганская

обл., Половинский р-н) также основан на ошибочном написании *Гусинное*, закрепленном в региональном законе «Об административно-территориальном устройстве Курганской области». На всех известных картах и в справочниках прежних лет закреплено корректное написание *Гусиное* [АТД Кург, 1958, с. 43; АТД Кург, 1966, с. 47]. Носящие субъективный характер орфографически ошибочные написания топонимов в региональных нормативно-правовых актах часто становятся основой для нормализации и дальнейшего закрепления ошибочных написаний в ГКГН и в других официальных ресурсах.

К объективным факторам можно отнести системные связи в региональной топонимии и традиции употребления топонимов, которые если и не препятствуют, то вызывают сомнения в применении действующих правил орфографии к написанию топонимов. Например, нормализация названия хутора *Малёванный / Малёваный* → *Малёванный* (Краснодарский край) основана как на его написании в региональных нормативно-правовых актах, так и на правилах орфографии (прил. *малёванный* [РОС, 2013, с. 328]). Хутор стоит на реке *Малёвана*, вдоль которой также расположены хутора *Казаче-Малёваный* и *Иногородне-Малёваный*. Изменение написания одного топонима на фоне других выглядит неубедительно и не избавит их от варьирования в будущем. В прошлом уже наблюдались попытки системного написания этих топонимов на картах. Так, на генштабовской карте 1989 г. находим хутора *Малёваный*, *Казаче-Малёваный*, *Иногородне-Малёваный* [L-37-XVI], а на карте РККА 1941 г. – *Малёванный*, *Казаче-Малёванный*, *Иногородне-Малёванный* [РККА 1941]. Топоним, вероятно, происходит от фамилии *Малёваный / Малёванный*, и этот факт может накладывать определенные ограничения на применение правил орфографии нарицательной лексики к именам собственным. Сильным фактором, противодействующим применению правил орфографии, является традиция употребления топонима. Нормализация топонима *Большежирово / Больше-Жирово* → *Больше-Жирово* осуществлена вопреки действующим правилам орфографии. Если на картах и в официальных справочниках второй половины XX в. употребляется написание *Большежирово* [АТД, Том 1974, с. 13; О-45-XXVII], то в действующем законе «Об административно-территориальном устройстве Томской области» кодифицировано дефисное написание *Больше-Жирово*, как и в более ранних источниках – *Больше-Жирова* [КТГ, 1921; СНМ, Том 1893, с. 6]. В данном случае под традицией употребления топонима понимается его историческое написание. В настоящее время в региональной топонимии возвращены прежние дефисные написания топонимам (*Мало-Жирово*, *Больше-Дорохово*, *Ново-Кусково* и др.), которые после принятия правил орфографии 1956 г. стали писаться слитно.

Нормализация других типов вариативных топонимов осуществляется в соответствии с традициями употребления топонимов. При этом под традициями употребления понимаются как исторические написания, так и современный узус.

Список литературы

- L-37-XVI – Карты генштаба – архив топографических карт [Электронный ресурс] // URL: <https://satmaps.info/map.php?s=200k&map=l-37-22> (дата обращения: 09.006.2024).
- O-45-XXVII – Карты генштаба – архив топографических карт [Электронный ресурс] // URL: <https://satmaps.info/map.php?s=200k&map=o-45-27> (дата обращения: 09.006.2024).
- АКОО 1989 – Административная карта Оренбургской области 1989 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.etomesto.ru/map-orenburg_administrativnaya-1989/ (дата обращения: 09.006.2024).
- АОК 1869 – Атлас Оренбургского края 1869 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_orenburgskogo-kraja/ (дата обращения: 09.006.2024).
- АТД Кург 1958 – Курганская область: Адм.-террит. деление на апрель 1958 года. – Курган: Красный Курган, 1958. – 289 с.
- АТД Кург 1966 – Курганская область: Адм.-террит. деление. – Курган: Южно-Уральское кн. изд-во, 1966. – 235 с.
- АТД Орен 1960 – Оренбургская область: Админ.-террит. деление по сост. на 1 сентября 1960 г. – Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 1960. – 335 с.
- АТД Том 1974 – Томская область. Адм.-террит. деление на 1 апреля 1974 г. – Томск: Томская обл. тип. Уприздата, 1974. – 94 с.
- Воробьева И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. – 247 с.
- Глинских Г.В. Лингвистические критерии при уточнении названий населенных пунктов // Вопросы ономастики. Вып. 14: Собственные имена в системе языка. – Свердловск: УрГУ, 1980. – С. 14–28.
- Карпенко Ю.А. Проблема вариантов в топонимике // Всесоюзная конференция по топонимике Советского Союза. – Ленинград, 1965. – С. 17–20.
- КТГ 1921 – Карта Томской губернии, десятиверстка 1921 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_10verst/ (дата обращения: 09.006.2024).
- Маршева Л.И. Структурные и номинационные типы в диалектной топонимии Липецкой области: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2008. – 47 с.
- Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 40–53.
- РККА 1941 – Карта РККА юга России 1941 г. Двухкилометровка [Электронный ресурс] // URL: http://www.etomesto.ru/map-rkka_ug/ (дата обращения: 09.006.2024).
- РОС 2013 – Русский орфографический словарь: около 200 000 слов. Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 896 с.
- Рубцова З.В. Типы варьирования в белорусской и русской топонимии (к вопросу о поисках нормы) // Зоя Васильевна Рубцова – топонимист, славист / А.В. Суперанская. – М. – Калуга: Изд-во «Эйдос», 2011. – С. 95–110.
- СНМ Том 1893 – Список населенных мест Томской губернии за 1893 год. – Томск: Тип. Губ. правл., 1893. – 381 с.
- Суперанская А.В. Структура имени собственного: (фонология и морфология). – М.: Наука, 1969. – 207 с.
- ФЗ-152 – О наименованиях географических объектов: Федеральный закон Российской Федерации от 18.12.1997 г. № 152-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/9054747> (дата обращения: 09.006.2024).

О ТИПАХ СВЯЗИ В ТОПОНИМАХ-СОЧЕТАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ОЙКОНИМОВ ЮГА РОССИИ)

Н.А. Кичикова

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

(Элиста, Россия)

В статье рассмотрены основные структурные модели топонимов-сочетаний, определены типы синтаксической связи между компонентами в составных топонимах и выявлены их особенности. Анализ грамматической природы топонимов показал, что сочетания компонентов в наименованиях населенных пунктов могут быть семантически обусловленными и семантически не обусловленными.

***Ключевые слова:** синтаксические связи; синтаксические отношения; согласование; управление; топоним; ойконим; топонимическое пространство*

Имена собственные, в частности наименования географических объектов, являясь частью лексической системы языка, вступают, как и любая лексическая единица, в синтагматические и парадигматические отношения. В данном аспекте нельзя не обратить внимания на различные виды связи, оказывающие влияние на топонимическую систему, которые будут иметь некий специфический характер в отличие от других уровней системы. Это обстоятельство обращает внимание на связи и отношения, которые наблюдаются между компонентами в составных топонимах, характерных для русской топонимии.

Материалом исследования послужили составные топонимы, извлеченные методом сплошной выборки из Словаря наименований населенных пунктов Юга России [Кичикова, Бурыкин, 2016]. Рассмотрено более 200 топонимов-сочетаний, компоненты которых соединены подчинительной и сочинительной связью.

Изучением топонимических структур, их объема и специфики занимались такие исследователи, как М.Т. Муминов, Ткачева Л.Б., Цветкова Е.В., Картавая Ю.К. [Муминов, 1970; Ткачева, 1987; Цветкова, 2012; Картавая, 2017]. Ученые сходятся во мнении, что в основу структурного анализа могут быть положены два признака: количество компонентов и способ образования топонима.

Необходимо отметить, что составные топонимы в топонимическом пространстве Юга России по частотности занимают третье место, на втором – сложные, образованные путем сложения корней или основ, и преобладают простые топонимы. А.П. Кожин утверждал, что составным топонимам, «присуще смысловое и структурное грамматическое единство, приравнивающее словосочетание к слову: оно является одним членом предложения и функционирует в речи в качестве составного наименования» [Кожин, 1969]. Подобные топонимические единицы такие ученые, как В.А. Никонов, А.В. Суперанская, называли топонимами-словосочетаниями, исследователи В. Д. Бондалетов, Е.А. Черепанова – составными топонимами, В.И. Тагунова – номинативными словосочетаниями.

В топонимии Юга России нами выделено несколько структурных моделей таких топонимов: двух-, трех-, четырех- и пятикомпонентные. Самой многочисленной является модель, включающая два компонента и построенная на основе подчинительной связи – согласования и управления. Данное

обстоятельство легко объясняется тем, что эти виды связи играют большую роль в русской языковой системе, поскольку посредством них реализуется способность слова выражать различные отношения в сочетании с другим словом.

Как показывают наблюдения над грамматической природой составных топонимов, сочетания компонентов в наименованиях населенных пунктов следует разделить на две группы: семантически обусловленные и семантически не обусловленные.

Так, в топонимии Юга России самой распространенной является модель «имя прилагательное + имя существительное», являющаяся традиционной для славянской топонимии, следовательно, и для топонимической системы России. Значительная часть топонимов (ойконимов) центра и юга России построена по данной модели: объект и определяющее его определение. Однако часто сочетание представлено наименованиями, в которых на первый взгляд наблюдается наличие атрибутивных отношений между компонентами, но смысловая связь между определением и стержневым словом частично утрачена. Такие ойконимы называют «бинарными», когда определения в составных топонимах противопоставлены по какому-либо признаку, например: старый / новый (х. *Старая Балка* – х. *Новая Балка*), большой / малый (с. *Большая Орловка* – с. *Малая Орловка*), нижний / средний / верхний (пос. *Верхние Тубы*, пос. *Средние Тубы*, пос. *Нижние Тубы*), мокрый / сухой (с. *Сухая Буйвола*, х. *Мокрый Гашиун*).

Данные примеры топонимов демонстрируют соединение неравноправных единиц, при котором стержневое слово предопределяет грамматическую форму зависимого слова в определенном роде, числе и падеже. Таким образом, компоненты составного топонима, объединенные подчинительной связью, вступают в определенные синтаксические отношения, в нашем случае собственно синтаксические, так как не обусловлены лексическим значением зависимого компонента.

Таким образом, группа составных топонимов, представляющая собой бинарные оппозиции с добавочным компонентом, указывает на объект с дифференцирующим определением, которое не имеет прямой семантической связи со стержневым словом. Атрибутивный компонент может указывать на время появления населенного пункта, численность населения (многочисленное или малочисленное), расположение относительно другого географического объекта, характеристику относительно наличия или отсутствия воды. Подобные ойконимы вторичны в топонимической системе Юга России, так как образованы путем метонимического переноса. Так, сочетание компонентов в составе ойконима является одним смысловым целым, следовательно, подобные сочетания относят к несвободным устойчивым сочетаниям. Образование таких составных наименований демонстрирует языковые закономерности, происходящие при формировании топонимической системы.

В топонимиконе Юга присутствует небольшая часть составных топонимов, построенных по модели «прилагательное + несклоняемое существительное иноязычного происхождения», такие как с. *Верхнее Буу*, с.

Верхнее Лоо, с. Верхнее Учдере и др. Данные ойконимы следует отнести к первому типу подчинительной связи, выражающие собственно-синтаксические отношения, не обусловленные семантикой зависимого слова, так как стержневое слово имеет непрозрачную мотивировку. Перед нами пример неполного согласования: *с. Верхнее Буу, с. Верхнее Лоо, с. Верхнее Учдере*, так как стержневое слово согласуется с зависимым только в одной грамматической категории – числе.

В топонимической системе Юга обращают на себя внимание составные наименования населенных пунктов, построенных по модели «существительное + числительное». Компоненты наименований, главное и зависимое, согласуются в роде, числе и падеже: *с. Гунайка Первая, с. Гунайка Четвертая, х. Калиновка Вторая, х. Калиновка Первая*. В данных примерах порядковое числительное находится в постпозиции. Есть случаи, когда порядковое числительное в составном топониме стоит в препозиции: *х. Пятая Сотня, х. Пятый Объезд, пос. Вторая Пятилетка, Вторые Ульдючины*. И в первом, во втором случае числительные в составных топонимах выражают порядковый номер, выступая в функции определения и согласуясь в роде, числе и падеже. Известно, что для топонимии России характерно употребление числительных, количественных и порядковых, в составе составных топонимов. Как показывает собранный материал, порядковые числительные в составе топонимов употребляются чаще. При этом числовой показатель графически может быть выражен двумя способами: словом (*х. Гунайка Первая, х. Пятая Сотня, х. Пятый Объезд*) или цифрой (*пос. Гаевка 1, пос. Гаевка 2*). Очевидно, что в устной речи топонимы с числовым показателем, выраженным цифрой, будут употребляться в согласовании стержневого слова с зависимым так же, как и топонимы с числительным, выраженным словесно. В письменной речи топонимы с цифровым показателем могут употребляться вариативно: «существительное + порядковое числительное» или «существительное + количественное числительное». Вариативность употребления подобных топонимов вызывает сложности и потому требует подробного изучения. Также к основным проблемам изучения числительных в составе топонимов называют изменяемость числительных в зависимости от грамматических показателей стержневого слова.

В группу топонимов, построенной по модели «существительное + прилагательное» также отнесем наименования населенных пунктов, появившиеся в прошлом веке, в советское время: *х. Золотое Руно, пос. Золотой Колос, х. Красное Знамя, х. Красная Звезда, х. Красная Заря, пос. Красный Октябрь* и др. Такие наименования населенных пунктов активно стали появляться в начале XX века. Подобные топонимы, образованные от устойчивых сочетаний советской эпохи, мы отнесли к фразеологическим несвободным сочетаниям.

Таким образом, приведенные примеры составных топонимов указывают на происхождение их на основе устойчивых оборотов; компоненты в данных наименованиях лексически связаны и нечленимы, часть из которых являются фразеологизмами и, следовательно, будут рассматриваться за пределами

синтаксиса. Подобные топонимы легко узнаваемы благодаря прецедентности. Выражения, на основе которых построены топонимы, употребляются как образные выражения.

В топонимическом пространстве Юга России нельзя не выделить наименования населенных пунктов, в которых наблюдаются семантико-синтаксические отношения, обусловленные семантикой зависимого компонента. Рассмотрим примеры.

Ойконимы *Сухая Балка*, *Глубокая Балка* включают стержневой и зависимый компоненты. Главное слово в составном топониме выражено существительным женского рода в форме единственного числа. Согласно словарной статье, лексема *балка* означает «ложбину, образованную талыми и дождевыми водами, длинный овраг с пологими склонами, поросшими травой, курстарниками и деревьями» [Словарь русского языка 1985]. Лексема «сухой» означает географический объект «лишенный воды, влажности, не сырой» [там же]. Лексема «глубокий» означает географический объект «имеющий значительное протяжение сверху вниз, большую глубину» [там же].

В данных примерах ойконимов, образованных от наименования орографического объекта *Сухая балка* и *Глубокая балка* путем метонимического переноса, наблюдаются семантико-синтаксические отношения, когда определение в прямом значении характеризует особенности ландшафта.

Второе место по частотности употребления занимают наименования населенных пунктов, построенные на основе подчинительной связи управления. Модель ойконима «существительное + существительное»: *х. Знамя Коммунизма*, *пос. Волна Революции*, *пос. Заветы Ильича*, *пос. Маяк Октября*, *пос. Переправа Корсака*, *пос. Сады Придонья*, *х. День Урожая*, *х. Борец Труда*. В данных наименованиях стержневое слово, выраженное существительным, управляет зависимым компонентом в форме родительного падежа. Такой вид связи в синтаксисе, когда одно слово устанавливает связь с другим словом и предопределяет его форму и позицию в синтаксической структуре, называют управлением. В русском языке управление может быть различным по своей природе: глагольным, именным и адъективным. Собранный материал подтверждает, что в топонимии представлено именное управление: именная часть управляет зависимым в определенной форме, например: *х. Знамя Коммунизма* (род. п.), *пос. Волна Революции* (род. п.), *пос. Маяк Октября* (род. п.), *пос. Переправа Корсака* (род. п.). Следует отметить, что в составных топонимах Юга наблюдается слабое управление, отражающее объектно-определительные отношения (объект + определение): *Знамя Коммунизма* – Коммунистическое знамя, *Волна Революции* – Революционная волна и т.п. Это всегда прямой порядок слов: зависимое слово в постпозиции. Таким образом, рассмотрев топонимы, построенные по модели «существительное + существительное», мы пришли к выводу, что сочетания с управлением так же, как и сочетания с согласованием, передают определительные отношения, указывая на признак или принадлежность объекта.

Топонимы, построенные по модели «существительное + существительное», являются приметой советского времени. К данной группе можно отнести наименования населенных пунктов в честь политических деятелей, первых лиц государства, например имя вождя революции В.И. Ленина. Его именем называли села, города, внутригородские объекты (в каждом российском городе есть улица Ленина): *пос. Путь Ильича, пос. Заветы Ильича, х. Память Ильича, пос. Память Ленина* и др.

В топонимическом пространстве Юга России в небольшом количестве обнаружены составные трехкомпонентные ойконимы, построенные по следующим моделям: 1. «прилагательное + существительное + существительное» (*пос. Калачевский Дом Отдыха; пос. Учебное Хозяйство Кубань*); 2. «прилагательное + существительное + числительное» (*пос. Кирпичного Завода №1*); 3. «существительное + существительное + существительное» (*х. Коммуна имени Ленина; пос. Конезавод имени Буденного*); 4. «прилагательное + существительное + прилагательное» (*пос. Учебное Хозяйство Краснодарское*), 5. «числительное + существительное + существительное» (*пос. 25 лет Военконезавода*).

В составных топонимах наблюдаются следующие типы подчинительной связи: согласование + управление, управление + управление, согласование + аппозитивная связь. Так, в составных наименованиях между компонентами присутствует сложная связь – наличие одного стержневого слова, например: *пос. Калачевский Дом Отдыха*; комбинированная – наличие двух стержневых слов, например: *х. Коммуна имени Ленина, пос. Конезавод имени Буденного, пос. 25 лет Военконезавода*. В сложных прилагательных присутствует одно стержневое слово, которое имеет 2 и более зависимых слов.

Пятикомпонентный топоним, построенный по модели «числительное + существительное + существительное + прилагательное + существительное» – *3 Ферма Госплемзавода Парижская Коммуна*, представляет комбинированное словосочетание, так как построен на основе связей нескольких стержневых слов. Так, топоним можно членить на 3 двучленных сочетания: *Парижская Коммуна, Ферма Госплемзавода, 3 Ферма*.

В топонимической системе Юга России обнаружен единственный ойконим, построенный на основе сочинительной связи: *пос. Серп и Молот* (Волгоградская обл.). Компоненты ойконима *Серп и Молот*, объединенные закрытой сочинительной связью, находятся в перечислительных отношениях, образуя смысловое единство. Подобные сочетания не характерны для топонимии России и встречаются крайне редко. Топоним позднего происхождения – появился в советское время. Выражение является фразеологическим сочетанием и олицетворяет единство рабочих и крестьян. В советское время и по сей день является узнаваемой эмблемой социалистического строя.

Таким образом, следует заметить, что в топонимии Юга России (территории Астраханской, Волгоградской, Ростовской областей, Республики Калмыкия, Ставропольского и Краснодарского краев) в преобладающем количестве присутствуют наименования населенных пунктов, построенных по

модели «прилагательное + существительное», с подчинительной связью – согласование; в меньшем количестве – наименования, построенные на основе управления. Нами выделено два типа сочетаний: выражающие собственно-синтаксические отношения, не обусловленные семантикой зависимого слова (с. *Большая Курсановка, с. Малые Салы, с. Новая Иванцовка*); 2. выражающие семантико-синтаксические отношения, обусловленные семантикой зависимого компонента, характеризующего признак объекта по рельефу, наличию растительности, времени появления, цвету и природным условиям (с. *Глубокая Балка, с. Голые Бугры, с. Древние Курганы, с. Зимняя Ставка* и др.).

Список литературы

- Картавая Ю.К. Структурный анализ топонимии Крыма // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – С. 88–93.
- Кичикова Н.А., Бурыкин А.А. Словарь наименований населенных пунктов Юга России. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2016. – 168 с.
- Кожин А.П. Составные наименования в русском языке // Мысли о современном языке. – М., 1969. – С. 31–36.
- Муминов М.Т. Структурно-словообразовательные и семантические типы татарской микропонимии юго-западной части Тюменской области // Вопросы топониматики. Свердловск. – 1970. – Вып. 4. – С. 78–83.
- Словарь русского языка: В 4-х т./АН СССР, С48 Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. Т. I. А – Й. 1985. – 696 с.
- Ткачева Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1987. – 199 с.
- Цветкова Е.В. К вопросу о структурно-словообразовательной характеристике топонимов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2012. – №4. — С. 106–109.

МЕМОРАТИВЫ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ФРГ

Е.В. Кургузова

*Военная академия войсковой противовоздушной обороны
(Смоленск, Россия)*

В статье рассматриваются мемориальные названия военных объектов ВС ФРГ, отсылающие к памяти личностей, значимых для традиции бундесвера. Такими объектами в Германии являются названия военных городков. В связи с критическим переосмыслением исторического наследия в вооруженных силах ФРГ инициирован процесс перепроверки и переименования названий военных городков: объекты, названные в честь офицеров вермахта и рейхсвера, получают оттопонимные названия или имена погибших при исполнении своих обязанностей немецких военнослужащих. Антропонимы, присвоенные военным объектам бундесвера, предлагается объединить в три группы: имена военнослужащих, проявивших воинскую доблесть, имена представителей Движения сопротивления и имена ученых и деятелей культуры.

Ключевые слова: *имя собственное, топоним; антропоним; меморатив; вооруженные силы ФРГ; традиция*

Человек издавна использует способность собственных имен хранить, накапливать и передавать историческую память для увековечивания личностей, жизнь и деятельность которых могут послужить назиданием для будущих поколений. Для названий, данных в память о человеке, событии, месте, организации в ономастике был введен термин «меморативные урбанонимы» (меморатив, урбаноним-посвящение) [Подольская, 1988, с. 119].

Задача настоящей статьи состоит в рассмотрении названий военных объектов вооруженных сил ФРГ мемориального характера. Такими названиями, в первую очередь, являются именованья военных городков (ВГ).

Актуальность выбранной темы обусловлена безэквивалентностью рассматриваемой категории имен собственных (ИС) в русском языке, которая объясняется отсутствием в ВС РФ традиции именовать военные части или гарнизоны. Кроме того, присвоение названий военным объектам в бундесвере является частью его исторической традиции и компонентом военно-патриотического воспитания германских военнослужащих, поэтому анализ таких названий позволяет лучше понять мировоззрение и картину мира личного состава бундесвера – одного из важнейших членов НАТО.

Ономастическое пространство военной сферы имеет комплексный характер в силу сложности организации самого военного социума. Поэтому в данном пространстве можно выделить:

военные антропонимы как именованья индивидов, принадлежащих к вооруженным силам и занимающих в них определенную позицию;

военные политонимы – обозначения специфических общественных институтов, обеспечивающих функционирование вооруженных сил государства, самих вооруженных сил и их частей;

военные эргонимы – названия предприятий и учебных заведений, обеспечивающих военную сферу;

военные хрононимы – названия военных событий;

военные топонимы – названия военных объектов, то есть разного рода сооружений военного назначения, к которым причисляют пункты управления, узлы связи, гарнизоны, склады и прочее.

В данном ряду ИС мемориальная функция свойственна в первую очередь военным топонимам, в частности, названиям военных городков.

Названия военных городков бундесвера представляют собой сложные слова или раздельно оформленные словосочетания с обязательным компонентом «Kaserne» в качестве основного слова [Кургузова, 2023].

Заметим, что немецкое слово «Kaserne» через польское посредство пришло в русский язык и оформилось в нем как «казарма» (Kasarne < итал. casarna, сращения casa «дом» и arma «войско, оружие») [Kaserne]. Однако если в русскоязычной военной терминологии казарма – «специально построенное или переоборудованное здание со спальными, бытовыми, служебными и учебными помещениями, предназначенное для размещения личного состава воинских подразделений» [Военный энциклопедический словарь], то в немецком языке Kaserne – это здание или комплекс зданий для длительного размещения воинских частей (Gebäude, Gebäudeanlage für die dauernde Unterkunft der Truppen) [Kaserne]. Поэтому русскоязычным эквивалентом к данному термину является, скорее, не «казарма», а «воинская часть», «военный городок», «гарнизон».

В качестве определяющего компонента к слову Kaserne могут выступать как имена нарицательные, так и имена собственные.

Большая часть названий военных городков имеет в качестве определяющего компонента имя собственное. Как правило, это имя человека (антропоним) или географическое название (топоним). Нами выявлено несколько случаев, где в роли определяющего компонента выступают мифоним (*Nibelungenkaserne*), этноним (*Frankenkaserne*), агионим (*Gereon-Kaserne*)

Именованье казарм в честь выдающихся личностей является частью традиции бундесвера, изложенной в соответствующем документе – «Указе о традициях» под названием „Die Tradition der Bundeswehr. Richtlinien zum Traditionsverständnis und zur Traditionspflege“ – «Директивы к пониманию и культивированию традиций в бундесвере» [Die Tradition der Bundeswehr]. Ключевая идея данного указа – именованье военных объектов должно служить самоидентификации военнослужащих и воспитание их в духе демократических ценностей.

До 2018 года официально признанными источниками традиции бундесвера являлись три исторических периода:

- прусские военные реформы 1808 – 1813 гг.;
- движение военного Сопротивления режиму Гитлера, особенно события 20.07.1944 г.;
- традиции самого бундесвера с момента его основания.

Примером названий, увековечивающих память деятелей прусской военной реформы, могут служить названия *Scharnhorst-Kaserne* – ВГ в честь прусского генерала и военного реформатора Герхарда Шарнхорста (1755–1813); *Clausewitz-Kaserne* – в честь военного деятеля и теоретика Карла фон Клаузевица (1780-1831) и др.

К деятелям военного движения Сопротивления национал-социализму относят, в первую очередь, участников неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. Таковыми являются, например, полковник вермахта Клаус Филипп Мария Шенк граф фон Штауффенберг, в честь которого назван военный городок *Graf-von-Stauffenberg-Kaserne*, генерал-полковник Людвиг Август Теодор Бек (*Generaloberst-Beck-Kaserne*), генерал-майор Хеннинг Герман Роберт Карл фон Тресков (*Henning-von-Tresckow-Kaserne*) и др. Кроме того, ряд названий военных городков мотивирован именами политического и гражданского Сопротивления. Это Юлиус Лебер, майор Карл Плагге и др.

Необходимо отметить, что довольно долгое время в списках военных городков ВС ФРГ присутствовали имена героев вермахта. Так, например, в баварском городе Фюссен находился ВГ в честь генерал-полковника Эдуарда Дитля, в общине Ленсхайде – ВГ имени летчика-аса Люфтваффе Вернера Мельдеса, а имя генерал-фельдмаршала Роммеля до сих пор носят два крупных гарнизона. Однако дискуссии в СМИ и обнародование новых исторических данных привели к тому, что в ВС ФРГ был инициирован процесс пересмотра старых названий и замены их на те, которые отражают современные демократические ценности и в конечном счете – к переработке самого Указа о традициях, новая версия которого была обнародована в 2018 году. Заметим, что ее подписание сопровождалось воинской церемонией торжественного переименования военного городка, носившего имя

кайзеровского генерала Отто фон Эммиха в военный городок имени хауптфельдфебеля Тобиаса Лангенштайна, погибшего в 2011 г. в результате теракта под Мазари-Шарифом в Афганистане.

Основная идея, отраженная в новом указе о традициях – название военного объекта должно отождествляться с идеями демократии, свободы и правового государства, а также укреплять самоидентификацию военнослужащих. Поэтому образцами для подражания не могут считаться командующие рейхсвера – вооруженных сил Германии периода 1771–1918 годов, вермахта (1933-1945) и Национальной народной армии ГДР. Рейхсвер был орудием классового, династического государства, Вермахт – инструментом расовой идеологии нацизма. Национальная народная армии ГДР была «социалистической классово-партийной армией», действовавшей в интересах авторитарной власти [Die Tradition der Bundeswehr: 4].

Новый указ подвергает критической оценке политические и государственные взгляды реформаторов прусской армии XVIII в., а также делает попытку критически осмыслить политическую подоплёку движения военного Сопротивления. Во-первых, из исторических исследований известно, что представители военного и гражданского Сопротивления, как правило, вовсе не придерживались республиканских и демократических убеждений, а некоторые из них имели реакционные и реставрационные взгляды. Во-вторых, подвергается сомнению, насколько тогдашние события и действия могут являться образцом для современных военнослужащих. Несомненно, гражданское мужество, сопротивление противоправным деяниям и массовому уничтожению людей относятся к системе ценностей бундсвера, однако опыт действий в тоталитарном режиме лишь условно может быть использован в демократическом обществе [Die Tradition der Bundeswehr].

В ходе анализа документов, подготовленных Научными службами бундестага [Im Zeitraum ...; Umbenennungen], нами было установлено, что в период с 1995 по 2022 годы в ФРГ было переименовано 30 военных объектов. 25 из них носили имена офицеров рейхсвера и вермахта, проявивших воинскую доблесть и/или полководческий талант в Первой и Второй мировых войнах, и пять были названы по месту своего расположения. В ходе переименования данным объектам были присвоены имена военнослужащих разных исторических периодов (11), названия географических объектов (14), династическое имя (Штауфены – династия германских королей и императоров Священной Римской империи), агнионим (Геренон – святой покровитель г. Кёльна).

Пять названий с географической отнесенностью в результате переименования были заменены на имена героев военного и гражданского сопротивления (4, причем имя фельдфебеля Шмида было присвоено сразу двум ВГ – в Рендсбурге (законсервирован в 2010 г.) и в Гарце), и имя военнослужащего бундсвера, погибшего в Афганистане в составе миротворческих сил.

Следует указать, что процедура именования и переименования ВГ является сложной. Инициатива по выбору или смене имени должна исходить от

самых военных. Далее имя согласуется с начальником ВГ, со всеми учреждениями, которые находятся на территории данного объекта, затем с административным округом, на территории которого размещается ВГ, и затем предложение подается на рассмотрение в министерство обороны.

Кроме того, при выборе имени для военного городка учитывается и связь личности с регионом и видом военной службы размещенных на данной территории военнослужащих. Например, одним из ВГ ВС ФРГ является ВГ имени графа Цеппелина – «Граф-Цеппелин-Казерне», построенный в городе Кальв (Баден-Вюртемберг) для 25-й воздушно-десантной бригады в 1961 году. Можно предположить, что имя изобретателя дирижаблей было присвоено данному ВГ неслучайно. Фердинанд Цеппелин (1838 – 1917) имел непосредственное отношение к военному делу, поскольку воевал в прусской армии во время прусско-австрийской и франко-прусской войн, где отличился в разведке. Как пионер воздухоплавания он близок в ассоциативном плане воздушно-десантным войскам. И не меньшую роль играет связь имени рассматриваемой личности с регионом, в котором находится ВГ. Мы выяснили, что граф Цеппелин учился в Людвигсбурге и Тюбингене – городах, расположенных на территории современной федеральной земли Баден-Вюртемберг, – по соседству с городом Кальв.

Отдельную группу представляют названия ВГ, мотивированные именами ученых и деятелей культуры и искусства. Так, в федеральной земле Мекленбург-Передняя Померания находится военный городок имени Эрнста Морица Арндта, немецкого поэта, участника Франкфуртского национального собрания; в г. Ахен – военный городок имени Теодора Кёрнера, автора патриотических стихов и песен времен Наполеоновских войн. В общине Файтсхёххайм (Veitshöchheim) в районе Вюрцбурга располагается военный городок имени выдающегося архитектора эпохи барокко Бальтазара Ноймана, который создал в Вюрцбурге несколько памятников архитектуры. Помимо того, есть военные городки, названные в честь пионера воздухоплавания Отто Лилиенталя, средневекового географа Меркатора, выдающегося физика Генриха Герца, основателя хирургии мозга Эрнста фон Бергмана и др.

Таким образом, антропонимы, присвоенные военным объектам бундесвера, можно объединить в три группы: имена военнослужащих, проявивших воинскую доблесть в разные эпохи, имена борцов за демократические идеалы, в том числе героев Движения Сопротивления и имена ученых и деятелей культуры и искусства. Границы между данными группами являются подвижными: ряд военнослужащих вермахта выступали против преступного режима Гитлера, а некоторые поэты и изобретатели участвовали в военных событиях.

Итак, названия военных городков бундесвера представляют собой разновидность военных топонимов, образованных на основе термина Kaserne и тесно связанных с другими разрядами собственных имен. Особое место в данном массиве занимают названия с антропонимическим компонентом – топонимы-меморативы. Именно антропонимы, отсылающие к личности-образцу, являются ориентирами при идеологическом воспитании

военнослужащих и способствуют формированию осознания принадлежности к вооруженным силам данной страны.

В свою очередь, изучение мотивов присвоения или изменения названий является довольно объективным методом изучения изменения мировоззрения представителей конкретной профессиональной и – шире – национальной культуры и позволяет получить важные сведения для ономастики, лингвокультурологии и социолингвистики, а сами имена собственные представляют собой в исторической перспективе ценный материал, свидетельствующий об идеалах и ценностях конкретного социума в конкретный исторический период.

Список литературы

Die Tradition der Bundeswehr. Richtlinien zum Traditionsverständnis und zur Traditionspflege // Bundesministerium der Verteidigung. 28.03.2018. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/23234/6a93123be919584d48e16c45a5d52c10/20180328-die-tradition-der-bundeswehr-data.pdf> (Abrufdatum – 9.09.2023).

Im Zeitraum 2020 – 2023 diskutierte, entschiedene und/oder vollzogene Umbenennungen von Liegenschaften der Bundeswehr: Kurzinformation. Sachstand WD 2 - 3000 - 030/23 (Ergänzung zum Sachstand WD 2 - 3000 - 059/20). Deutscher Bundestag, 2023. 4 S.

Kaserne // Wikipedia. Die freie Enzyklopädie. URL: <http://www.duden.de> (Abrufdatum – 2.09.2023).

Umbenennung von Kasernen und Schiffen der Bundeswehr seit 1990. Wissenschaftliche Dienste. Sachstand WD 2 - 3000 - 059/20. Deutscher Bundestag, 2020. 10 S.

Военный энциклопедический словарь // Министерство обороны Российской Федерации. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=5845@morfDictionary> (дата обращения 2.09.2023).

Кургузова Е. В. Структурно-семантические характеристики названий военных объектов (на материале названий казарм Вооружённых сил ФРГ) // Социальные и гуманитарные знания. – 2023. – Т. 9. № 2. – С. 220–231.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

ИСПАНОЯЗЫЧНЫЕ ЗООТОПОНИМЫ КАК ЧАСТЬ ГЕОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

И.А. Мартыненко

*Московский государственный юридический университет имени О.Е.
Кутафина, Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы
(Москва, Россия)*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00702 «Языковые параметры национальной идентичности: латиноамериканский текст» [<https://rscf.ru/project/24-18-00702/?ysclid=lxgb79u9cp246491389>]

В статье анализируются испаноязычные зоотопонимы различного происхождения и местоположения. Доказано, что геоимена данной семантической категории присутствуют в рамках всех ареалов распространения испаноязычной топонимической лексики. Приводятся многочисленные примеры. Делаются выводы о различиях в условиях функционирования зоотопонимов и объединяющем их качестве маркера национальной идентичности, характерном для данных языковых единиц во всем мире.

Ключевые слова: *испаноязычный; зооним; топоним; геолингвистическая система; лексема.*

Испаноязычный топонимический пласт в настоящее время именуется множеством объектов по всему земному шару. Вследствие определенных исторических событий, странами-хранителями культуры *Hispanidad* и основными регионами концентрации испаноязычных топонимических единиц являются, главным образом, Испания, страны Латинской Америки и США. Однако ввиду языкового благозвучия испанские геоимена имеются в городской номенклатуре почти каждого государства мира.

Гетерогенные по своему составу и находящиеся в разных регионах мира испаноязычные топонимические единицы образуют единую геолингвистическую систему, неоднородную по субстратно-адстратно-суперстартным параметрам, но объединенную испаноязычным лингвокультурным кодом [Мартыненко, 2023]. Универсальными лексико-семантическими характеристиками испаноязычных топонимов мира являются отраженные в них значения рельефа, флоры, фауны, местоположения объекта, деятельности человека в целом и отдельных личностей в частности.

Систематизировав на единых теоретических основаниях испаноязычные топонимы Аргентины, Перу, Венесуэлы, Панамы, Парагвая, Ямайки, Западной Сахары, Экваториальной Гвинеи, Фолклендских, Марианских, Багамских и Филиппинских островов и содержащуюся в них историко-культурную информацию, мы разработали единую типологию испаноязычных топонимов в различных частях света и представили их систематизацию по степени связи с мотивирующими их аутентичными испанскими лексемами, включая зоонимы.

При составлении картотеки для настоящего исследования были использованы топонимические словари, современные справочники, карты, атласы, путеводители, интернет-ресурсы.

В целом рассмотрение подобных языковых единиц показывает, что они отвечают, в частности, одному из отличительных признаков топонимической лексики, выделяемых классиком отечественной ономастики А.В. Суперанской: повешенной связью имени с культурно-историческим фоном, на котором оно возникло [Суперанская, 1985, с. 164] и являются частью геолингвистической системы.

Зоотопонимы **Испании** рассматривает в своей диссертационной работе Г.С. Сударь [Сударь, 2004, с. 35]. Автор подчеркивает типичность присутствия зоонимов в оротопонимии страны ввиду сходства с каким-либо образом: гора *Chinchilla del Monte* (исп. «шиншилла»), перевал *Pájaros* (исп. «птицы»), горы *Gata* (исп. «кошка»), *Cabeza del Buey* (исп. «голова буйвола»). Дополним список примеров названиями испанских гор *Cabeza de la Yegua* (исп. «голова кобылы»), *Monte Toro* (исп. «гора быка»). Из приведенных иллюстраций напрашивается вывод о доминировании образов лошади и быка в испанской зоотопонимии, однако подобное заключение стало бы преждевременным. Так, испанский исследователь Х.Х. Гарсия Санчес посвящает большой раздел зоотопонимии в своей книге «Топонимический атлас Испании» и перечисляет географические наименования, семантически раскрывающие образы и других млекопитающих (диких и одомашненных), птиц, рыб, рептилий и насекомых

[García Sánchez, 2007, с. 185–200]. Таким образом, можно констатировать отображение всего богатейшего разнообразия фауны страны в ее топонимии.

В данном контексте мы выяснили, что большинство испаноязычных зоотопонимов **США** образовалось в результате случайных встреч с животными, т. е. это названия, данные по происшествию (*'incident names'* в терминологии американских топонимистов) [Stewart, 1954, с. 4]. Например, что касается долины *La Canada de los Osos*, то солдаты экспедиции Гаспара Портола, предпринявшие первое сухопутное путешествие на территорию современной Калифорнии, в 1769 году присвоили этому месту название «Долина медведей», так как ранее медведь искалечил здесь двух мулов [Stewart, 1970, с. 158]. Гибридное испано-английское название *Coyote Wells* возникло в 1857 г., когда Д. Мейсон увидел в этом месте койота, раскапывающего песок в поисках воды [Gudde, 1998, с. 95]. Многие геоимена, тем не менее, отражают позитивный признак, говорят о наличии большого числа животных определенного вида в данном районе. При создании подобных названий разница заключалась в масштабе сравнения. Обилие дичи, животных служило характерным различительным признаком не для местных жителей, а для пришельцев, переселенцев, которые обычно проводили сравнение с уже известными им местами [Леонович, 2004, с. 161–162].

Названия других животных, птиц, насекомых (*conejo* «кролик», *gato* «кот», *tejón* «барсук», *pájaro* «птица», *gallina* «курица», *águila* «орел» и др.) нашли свое отражение в таких геономинациях США, как *Tejon Pass*, *Antelope*, *Caballo*, *Chinchilla*, *Las Nutrias*, *Leona*, *Los Gatos*, *Los Lobos*, *Los Osos*, *Mariposa*, *Pajaro*, *Pavo* и др.

В аспекте лингвопрагматики зооним как компонент нового наименования, обладая определенной положительной узуальной оценочностью, накладывает отпечаток на весь топоним, способствуя созданию эмотивно-оценочного отношения к именуемому объекту [Мартыненко, 2015, с. 134], что демонстрируют некоторые испаноязычные топонимические единицы Канады: *Lobo* (исп. «волк»), *Mariposa* (исп. «бабочка»), *Zorra* (исп. «лиса»), *Oso* (исп. «медведь») и др.

Приведем в этом контексте некоторые примеры единиц, часто гибридных, образующих зоотопонимы на **Филиппинских островах**: *Caballo Island* «остров лошадей» (исп.+англ.), *Carabao Island* «остров буйволов» (исп.+англ.), *Lake Venado* «оленье озеро» (исп.+англ.) и др.

Своеобразную форму данный аспект принимает на **Ямайке**. Считается, например, что название ранчо *Liguanea* – это испанизированная форма слова *iguana* / *игуана*, что в переводе с языка араваков означает «ящерица». Изображение ящерицы было символом Лигуанеа на протяжении более ста лет, и не случайно: в этой области игуаны водились в изобилии. *Liguanea* претерпела несколько трансформаций в написании и произношении. Задokumentированы трудности адаптации названия ранними английскими поселенцами: на первой английской карте написано *Legonee*. Зафиксированы и другие промежуточные формы: *Lygonee*, *Ligonia*, *Liguania*, *Ligonea*, *Liguany* и *Liguanea* [Randel, 1960: 27]. Гибридное наименование пруда *Alligator Pond*

содержит компонент *Alligator*, восходящий к испанскому *el lagarto* (исп. «ящер»).

Среди топонимов с испанским компонентом на **Багамских островах** выделяются и зоотопонимы. К ним мы можем отнести населенный пункт *Pelican Point*, бухту *Pelican Creek*, остров *Lobos Cay*, маяк *Lobos Cay Light*, остров *Barracuda Island*, *Bitter Guana Cay*. Таким образом, в качестве зоологического компонента здесь используются обозначения пеликана, волка, барракуды (рыбы).

Если перенестись в Южную Америку, то можно увидеть, что флора и фауна, например, **Панамы** отображена в испаноязычной топонимии более широко, чем в Уругвае или Парагвае. Зоотопонимия представлена в виде единиц *Vocas del Toro* (район, порт), *Archipiélago de Vocas del Toro* (острова), *Punta de Gallina* (мыс), *Los Pollos* (город), *Isla Tigre* (город), *Llano de Tigre* (город), *Filo del Tigre* (гора), *Isla Iguana* (остров), *El Gato* (городок), *Cabra Número Uno* (город), *Alto El Sapo* (городок), *Vacamonte* (город), *La Zorra* (городок), *Isla Tres Perros* (остров), *Cerro Los Pajaritos* (гора), *Corregimiento Leones*, *Corregimiento La Yeguada*, *La Yeguada* (город), *Cerro Gallinazo* (гора), *Boquerón* (город), *Río Ostión* (деревня), *Perico* (деревня), *El Comején* (город), *Los Palomos* (город), *La Lora* (город), *Río Bagre* (город), *Filos de La Ballena* (горы), *El Gavilán* (город) и др. Реконструкция мотивации показывает, что наиболее частотными анимализмами в топонимии Панамы оказываются тигр, лев, цапля, собака, курица, цыпленок, голубь, попугай.

Испаноязычная зоотопонимия **Аргентины** представлена как традиционными для данной группы наименованиями (*El Oso*, *El Toro*, *El Gato*), так и именами, отражающими особенности местной фауны, как, например, название горы *Cerro Vizcacha* и реки *Arroyo La Vizcacha* (исп. *vizcacha* «вискача» – вид американского зайца) или г. *El Pingo* (*pingo* – Арг. исп. «скакун» [Большой испанско-русский словарь «Латинская Америка», с. 595]). К другим единицам этой группы относятся *Venado Tuerto*, *Tigre*, *Partido de Tigre*, *Tortuguitas*, *Partido de Tordillo*, *Partido de Lobos*, *Laguna de Lobos*, *Partido de Lobería*, *Quebrado la Zorra*, *Aguada de la Zorra*, *Islote Pájaro*, *Paraje Pájaro Blanco*, *Barreal del Pájaro Muerto*, *Paso de Oso*, *Laguna del Oso*, *Bahía Oso Marino*, *Bahía Oso Marino*, *Cerro de la Liebre*, *Loma la Libre Colgada*, *Las Perdices*, *Los Cisnes*, *Los Cóndores y Los Zorros*, *Las Garzas*, *Las Moscas*, *Las Mulitas*, *Mulas Grandes*, *Los Quirquinchos*, *Gato Colorado*, *Caimancito*, *Papaguayos*, *Isla Las Arañas* и др. По нашим наблюдениям, в наибольшем почете среди исходных зоонимов находятся тигры и мулы (особи женского пола). Так, нами выявлено 88 геономинаций с формантом *Tigre* и 22 геономинации с формантом *Mula*, среди которых и макротопонимы – горы, реки, крупные и мелкие населенные пункты, источники (родники), и микротопонимы – названия ранчо и домов. Наличие такого количества дублетов с элементом *Mula* мы связываем с деятельностью аргентинских гаучо, занимавшихся выпасом рогатого скота и сельским хозяйством.

К зоотопонимам **Венесуэлы** можно отнести такие именованья, как *Laguna Tigre* (исп. «лагуна тигра»), *Pico El Toro* (исп. «вершина быка»), *Pico El*

Leon (исп. «пик льва»), *Isla Aves* (исп. «птичий остров»), *Isla La Tortuga* (исп. «остров черепах»), *Isla Los Venados* (исп. «остров оленей»), *Islas Papagayos* (исп. «острова попугаев») и др. Животный мир Венесуэлы богат, вместе с тем на основе примеров из нашей картотеки мы констатируем отсутствие ссылок на экзотическую фауну в испаноязычной топонимии этой страны.

Несмотря на богатство флоры и фауны региона, единицы, представляющие животный и растительный мир не нашли внушительного по численности отражения в испаноязычной топонимии **Парагвая**. Однако нам удалось найти единицы, апеллирующие к фауне. Ойконимия страны больше отображает растительный мир, в то время как ороним *Cerro Leon*, лимнонимы *Laguna Lobo*, *Laguna Tigre*, *Laguna Buey*, инсулоним *Isla del Gato* имеют зоонимическое происхождение.

Характерной чертой для испаноязычной зоотопонимии **Перу** является ее воплощение, главным образом, в инсулонимах: *Isla Erizo* (исп. «остров ежа»), *Isla Tortuga* (исп. «остров черепахи»), *Isla La Leona* (исп. «остров львицы»), *Isla de La Culebra* (исп. «остров ужа») и др. Тем не менее, зоонимы присутствуют и в других топонимических классах страны: *Río Tigre* (исп. «река тигра»), *Voca Tigre* (исп. «устье тигра»), *Laguna Toro Bravo* (исп. «лагуна смелого быка») и др.

На африканском континенте испаноязычные топонимы присутствуют, в основном, в Экваториальной Гвинее и Западной Сахаре, при этом в **Экваториальной Гвинее** испаноязычные зоотопонимы, по нашим оценкам, не отображают всего необычайно богатого мира фауны страны. Применительно к данному аспекту нами обнаружены следующие наименования: река *Río Loro* (исп. «река попугаев»), ручей *Arroyo Lobo* (исп. «волчий ручей»), ручей *Arroyo Vaca* (исп. «коровий ручей»), река *Río Tiburones* (исп. «акуля река»), река *Río Lobo* (исп. «волчья река»), мыс *Punta Mosquitos* (исп. «комариный мыс»), ферма *Ratón* (исп. «крыса»), холмы *Cerros de los Loros* (исп. «холмы попугаев»), остров *Isla Tortuga* (исп. «черепаший остров»), район столицы государства *Caracolas* (исп. «большие морские раковины»), оронимической аллюзией является и название фермы *Montes de Oca* (исп. «гусиные горы»).

А вот в Западной Сахаре присутствие зоонима на карте сопряжено с особенностями местной топонимии в целом: употребление лексемы *Bajo* не как прилагательного «низкий», «нижний», а как существительного в значении «мелководье», «коса» можно отследить на примере зоотопонима *Bajo El Tortugo*.

Из 15 названий **Марианских островов** 4 и сегодня демонстрируют испанское языковое происхождение. При этом название острова *Farallón de Pájaros* (исп. «птичий утес») примечательно для нас в рассматриваемом контексте. Этот остров вулканического происхождения необитаем, однако он был признан организацией BirdLife International важной орнитологической территорией, поскольку на нем обитают популяции таких птиц, как микронезийский мегапод и сажистая крачка.

Таким образом, можно заключить, что прозрачность семантики в целом дает возможность проследить сам процесс возникновения и становления

испаноязычных зоотопонимов, их мотивацию, то есть социопсихологические и лингвопрагматические закономерности процесса номинации.

Анализ семантического поля географических терминов, содержащих в своем составе зоонимы, показывает, что такие единицы могут являться маркерами национальной идентичности каждого из народов, проживающих в тех странах, где они могут быть обнаружены.

Фактический материал, представленный в данном исследовании, может быть полезными для специалистов различных отраслей знаний для сравнения различных топонимических систем, установления топонимических универсалий и дальнейшего развития теории топонимистики.

Список литературы

- García Sánchez J. J. Atlas toponímico de España. – Madrid: ARCO / LIBROS, S.L., 2007. – 407 p.
- Gudde E.G. California Place Names. The Origin and Etymology of Current Geographical Names. Fourth edition, revised and enlarged by W. Bright. – University of California Press, 1998. – 495 p.
- Randel W. Survival of Pre-English Place Names in Jamaica // Names. – 1960. – Vol. 8. – P. 24–29.
- Stewart G.R. A Classification of Place Names // Names. – 1954. – Vol. 2. – N 1. – Pp. 1–13.
- Stewart G.R. American place-names: a concise and selective dictionary for the continental United States of America. – New York: Oxford University Press, 1970. – 592 p.
- Большой испанско-русский словарь «Латинская Америка». – М.: Инфра-М, 2011. – 726 с.
- Леонович О. А. Топонимы США: учебное пособие. – М.: Высшая школа. – 2004. – 246 с.
- Мартыненко И. А. Испаноязычные топонимы США: лингвопрагматический анализ: дис. ... канд. филол. наук. – М.: РУДН, 2015. – 230 с.
- Мартыненко И.А. Испаноязычная топонимия мира как геолингвистическая система/ Дисс... д. филол. н. – М.: РУДН, 2023. – 428 с.
- Сударь Г.С. Топонимия Испании как объект лингвокультурологического исследования / Дисс. к. филол. н. – М.: МГУ, 2004. – 212 с.
- Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1985. – 175 с.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТОПОНИМОВ КАРЕЛИИ

З.И. Минеева

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Россия

Рассматриваются морфологические особенности некоторых наиболее употребительных топонимов Республики Карелия, имеющих финно-угорское происхождение. Освоенные фонетически, топонимы Сортавала и другие по-разному употребляются в речи разных групп населения республики. Используются словари и две группы материалов СМИ: издаваемые в столице Карелии (Петрозаводске) и региональные, издаваемые в Сортавале и Лахденпохья.

Ключевые слова: *топоним; морфология; форма слова; словоизменение; морфологическое освоение.*

Названия населенных пунктов Республики Карелия имеют свою специфику, топонимы тесно связаны с их историей, происхождением, употреблением разными группами носителей языка.

В 50 километрах от российско-финляндской границы располагается город *Сортавала*. Топоним *Сортавала* не исконный: название города финского происхождения, именно так он называется по-фински, с ударением на первом слоге: *Sortavala*, шведское название *Sordovala*. В XVI веке в русских документах упоминается поселок *Сердоболь*. Другие населенные пункты

Карелии за историю своего существования также назывались по-русски, по-фински, по-карельски, по-вепсски.

Поселок *Куркиёки*, название которого, как считает специалист по финно-угроведению И.И. Муллонен, имеет карельские корни, в шведских документах встречается топоним *Кроноборг*, а в русской летописи 1396 года – его исконно русское название *Кирьяж*.

Такая сложная история поселений и их названий не могла не отразиться на современном облике топонимов и их функционировании.

В СМИ была размещена информация о том, что глава РК А. Парфенчиков выступил с предложением вернуть Сортавале русское название Сердоболь, а поселку Куркиёки – Кирьяж, однако жители Карелии воспротивились переименованию, и вопрос о смене топонимов был закрыт [В России..., 2023].

Более того, названия *Сортавала* и *Куркиёки* их жители предложили не склонять и употреблять как неизменяемые имена существительные. В интернет-обсуждении вопроса высказывалась мысль о том, что «вольное» обращение с названиями населенных пунктов «разжигает рознь» между жителями Карелии. Названия эти за пределами республики малоизвестны, однако за последнее время в связи с развитием внутреннего туризма и популярности карельских достопримечательностей топоним *Сортавала* обрел относительно высокую частотность.

Название *Сортавала* за долгое время употребления русским населением обрусело, прошло процесс графической, фонетической, грамматической (морфологической) адаптации [Пять вопросов..., 2016], или, по терминологии Т.Б. Радбиля, апроприации. В настоящее время топоним имеет все падежные формы единственного числа: Сортавала, Сортавалы, Сортавале, Сортавалу, Сортавалой, о Сортавале. Как правило, так говорят жители столицы Карелии Петрозаводска, произносят журналисты республиканской Телерадиокомпании Карелии «ТТРК», пишут официальные лица, корреспонденты в печатных и онлайн-изданиях.

Проведенный нами социолингвистический опрос, который включал анкетирование и интервьюирование студентов и преподавателей Петрозаводского государственного университета, показал отсутствие единства в употреблении данного топонима разными группами респондентов. Сортавальцы по рождению, приехавшие учиться в Петрозаводск, считают непривычным употребление склоняемого топонима, также некоторые петрозаводчане вспоминают, как в школе их учили, что *Сортавала* не склоняется.

Информация о городе в географических словарях не может предоставить сведений об употреблении топонима, поскольку содержит начальную форму слова:

Сортавала – город в Карелии, в 287 км к З. от Петрозаводска, на берегу зал. Ляппярви Ладожского оз. (пристань). 20 тыс. жителей (2003). Известен с XII в. С 1617 г. в составе Швеции; центр Сердобольско-Никольского погоста; с 1721 г. в составе России. С 1632 г. – г. Сортавала, в 1721–1918 гг. – *Сердоболь*; в 1918-40 гг. в составе Финляндии. Меб.-лыжный комбинат, швейная ф-ка,

рыбокомбинат, пивзавод. Рускеальский мраморно-известковый завод (мрамор добывался с XVIII в., использовался при отделке соборов и дворцов в Петербурге), Вяртсильский металлург. завод. На о-вах добывался красный сердобольский гранит (атланты Эрмитажа в Санкт-Петербурге). Картинная галерея. Климатический курорт. Санатории. Радоновые воды из скважин (в 18 км от С.). Близ города – дома отдыха [Словарь современных географических названий].

1. Топоним в региональных источниках.

Данные об употреблении топонима *Сортавала* содержатся в медиатекстах, прежде всего в региональных источниках: еженедельной общественно-политической газете «Вести Приладожья» [Вести Приладожья 2024] и «социально значимом» периодическом печатном издании «Ладога – Сортавала» [Ладога – Сортавала 2024]. Как показал анализ текстов данных печатных изданий за апрель 2024 года, топоним *Сортавала* употребляется а) в начальной форме в качестве приложения в сочетании со склоняемым гиперонимом *город*; б) изолированно, вне словосочетаний, в начальной форме; в) причем один и тот же текст может сочетать изолированное употребление топонима в начальной форме и в составе словосочетания.

а) Употребление топонима в сочетании с существительным *город*: *город Сортавала* и *г. Сортавала*:

Задача была не из легких, но дети достойно справились и с честью представили ансамбль «Пеппи», город Сортавала и республику Карелия (Вести Приладожья – Сортавала», № 13 (363), 03.04.2024, с. 2);

Официально тема слушаний звучала так: «О преобразовании всех поселений, входящих в состав Сортавальского муниципального района Республики Карелия, путем их объединения с наделением вновь образованного муниципального образования статусом муниципального округа с административным центром в городе Сортавала» (Ладога – Сортавала, № 13, с. 1);

Так 31 марта 2024 года житель Ленинградской области, находясь на отдыхе в г. Сортавала, вышел на лед в проливе Ворсунсалми для катания на лыжах (Ладога – Сортавала, № 13, с. 1);

Прокуратурой города Сортавала совместно с сотрудниками ОГИБДД ОМВД России по Сортавальскому району проведено обследование состояния автомобильных дорог на территории района (Вести Приладожья - Приладожье, № 13, с. 7).

В тексте постановления главы Сортавальского городского поселения от 25.03.2024 дважды употребляется сочетание генитива гиперонима с номинативом топонима:

Определить ответственным за организацию проведения публичных слушаний руководителя муниципального учреждения «Архитектура и градостроительство города Сортавала» Подсухову Светлану Борисовну (Вести Приладожья – Официально, № 13, с. 12).

На странице объявлений и рекламы зафиксировано употребление топонима в номинативе в сочетании с гиперонимом в косвенных падежах:

5 апреля – 100 лет со дня образования Службы в **городе Сортавала**; *Поздравляем сотрудников и ветеранов пограничной службы г. Сортавала со 100-летием со дня образования Службы в городе Сортавала* (В.И. Толкач, заместитель председателя Лахденпохского районного Совета ветеранов); *Всероссийский конкурс-фестиваль по народному танцу и народному песенному исполнительству «Морошка» вновь прошел в городе Сортавала*; *Плюсом является и само место проведения – мероприятие проходит в концертном зале Социально-культурного молодежного центра города Сортавала*; *В этом году в конкурсной программе принимали участие танцевальные ансамбли и студии: «Каденс» из Светогорска, «Весна» из Ставрополя, «Калинка» из Санкт-Петербурга, «Вдохновение» из Питкяранты, «Домаз» из Кондопоги, «Aurinko» из Сортавала* (Василий Чалых) (Вести Приладожья – Реклама +, № 13, с. 15).

б) Изолированное употребление несклоняемого топонима в форме Винительного падежа (наряду с другим несклоняемым топонимом в Предложном падеже с предлогом *в*):

Свой отсортированный пластик приходилось возить в Сортавала или Приозерск; Наша семья даже в Сортавала пластик возит. Там стоит контейнер. В Лахденпохья они тоже нужны (Вести Приладожья – Лахденпохья, № 13, 03.04.2024, с. 3).

Изолированное употребление топонима в начальной форме

Пассажирские перевозки Сортавала – Петрозаводск (Реклама // Ладога – Сортавала, № 13, с. 1).

в) На одной странице издания используется топоним в именительном падеже в сочетании с гиперонимом *город* в генитиве и изолированный неизменяемый топоним в Предложном падеже в сочетании с предлогом *в*:

В кадровом центре Сортавальского района состоялось открытие женского клуба «Код успеха». Прибывшим была предложена экскурсия по историческому центру города Сортавала; В Сортавала состоялась траурная церемония прощания с участником СВО, погибшим при исполнении долга (Вести Приладожья – Сортавала, № 13, 03.04.2024, с. 4).

2. Топоним в республиканских источниках.

В республиканских изданиях, в новостных материалах г. Петрозаводска название города **Сортавала** последовательно склоняется, что соответствует литературной норме: *в Сортавале, из Сортавалы, в Сортавалу*.

Памятник крестителю карелов установили в Сортавале /заголовок/; *Памятник князю Ярославу Всеволодовичу, которого считают крестителем карелов, установили в Сортавале* (Петрозаводск говорит, 09.07.2024). Регулярно в прогнозах погоды на ГТРК Карелия сообщения о температуре воздуха в городе содержат топоним в косвенном падеже: *в Сортавале*.

Тренд на неизменяемость выбранного для анализа топонима поддерживается традицией употребления неизменяемых форм других финно-угорских по происхождению названий:

На состоявшемся в поселке Хийтола сходе 160 человек проголосовали против разведения во внутреннем поселковом озере форели и открытия рыбного хозяйства; Для первоклашек поселка Ихала в библиотеке провели

праздник «Посвящение в читатели» (Вести Приладожья – Лахденпохья, № 13, с. 5).

В то же время топоним *Петрозаводск* и в сочетании со словом *город* употребляется в косвенных падежах:

В результате проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками УФСБ России по Республике Карелия данное лицо задержано, при нем изъято около 800 граммов синтетического наркотического средства, которое мужчина планировал доставить на территорию города Петрозаводска с целью последующего сбыта в расфасованном виде через тайники (Вести Приладожья – Приладожье, № 13, с. 7).

Таким образом, на основании анализа данных СМИ, содержащих топонимы Карелии, можно сделать вывод об отсутствии единообразия в употреблении топонима *Сортавала*, как и других, имеющих финно-угорское происхождение. Неоднородность заключается в фактическом наличии общей и региональной грамматической нормы: общая норма современного литературного языка заключается в словоизменении названия города и употреблении форм *Сортавалы*, *в Сортавале*, *из Сортавалы* ит.п., региональная традиция тяготеет к сохранению и усилению черт аналитизма при включении топонима в текст, в результате чего используются словосочетания *город Сортавала*, *в городе Сортавала*, *поехать в Сортавала*, *автобус из Сортавала* и др. Наблюдается общий тренд на дальнейшее грамматическое освоение иноязычного топонима в русском языке при достаточно устойчивой вариативности в речи жителей города.

Список литературы

В России захотели переименовать Сортавалу и Куркиёки – и случилось что-то страшное // Пта-Sanomat 06.09.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230906/kareliya-265508013.html>

Пять вопросов о склонении названий городов // Столица на Онего, 28.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: onogo.ru

Словарь современных географических названий [Электронный ресурс]. URL: <https://1657.slovaronline.com/articles/%D0%A1-%D0%A1%D0%9E/page-1>

ЦВЕТ КАК ТОПООСНОВА В ЗОНАХ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

С.А. Мызников

*Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)*

В статье представлен анализ ряда топонимических единиц, в основе которых лежат цветообозначения. Исследование построено на анализе обших работ по ономастике, а также на полевых и лексикографических данных, собранных на территории Северо-Запада и Поволжья. Используются материалы русских говоров, финно-угорских и тюркских языков. Отмечается значительное число онимов с топоосновой «черный», в то время как белый цвет дает самую богатую семантико-символическую парадигму. В заключении отмечается, что обший подход к наименованиям, которые рассматриваются как единицы, в основе которых лежит цветообозначение, не должен подменяться тщательным анализом конкретного онима.

Ключевые слова: цветообозначение; цвет; диалектный; финно-угорский; тюркский; гидроним; ойконим

Данная работа представляет собой попытку подхода к некоторым общим для языковых ареалов Северо-Запада и Поволжья топонимическим материалам, которые фиксируются в контактных диалектных зонах. Она базируется на материалах, которые собирались в ходе диалектологических экспедиций на территориях этих регионов России, также использовались сведения, извлеченные из лексикографических и других источников.

Изучение цветообозначений в языке представлено значительным числом работ по разным языкам. Имеются исследования, в которых рассматривается лексика цветообозначений в историческом развитии, соотносительно с фактами других славянских языков и в сопоставлении с современным русским литературным языком и данными русских народных говоров [Бахилина, 1975]. Цвет как мотивационная основа часто фиксируется в тюркской топонимии, например, имеются многочисленные примеры его использования в башкирской, тувинской топонимии, см. [ЦВБТ; Сувандии, 2019].

Когда речь идет о возможности статистической дифференциации различных топооснов, авторы книги, посвященной теории и методике ономастических исследований отмечают, что при поиске мотивации топоосновы для гидронимов свыше 20% единиц объясняются конфигурацией объекта, 9% связаны с фауной, по 5% — с физическим состоянием воды с флорой, по 4% — с цветом, с качеством воды и с местонахождением объекта, по 3% — с обозначением величины объекта и с духовной культурой и верованиями [Теория и методика, 2007, с. 21]. Констатируется, что большую группу топооснов образуют определения, характеризующие свойства объектов, причем они фиксируют отличительный дифференцирующий признак, выделяющий объект из серии однотипных. Хотя довольно часто в этой связи фигурирует величина, форма, но присутствует и цвет, как признак, лежащий в основе построения ономастической единицы.

Отмечается, что в имеются сложности выявления верифицированных слагаемых таких топонимов в структуре определенного семантического поля, они могут быть обнаружены только в результате специальных исследовательских процедур (так, в рамках апеллятивного поля 'цвет' идеограммы 'красный', 'оранжевый', 'бежевый' и 'охряный' вполне равноправны друг относительно друга; разная «ценность» этих смыслов и соответствующих слов не лежит на поверхности) [Березович, 2001, с. 9].

При дифференциации топооснов на обязательные и необязательные или факультативные А.В. Суперанская пытается связать некоторые цвета со сторонами света: черный — с севером или западом, белый — с югом или востоком [Суперанская, 2007, с. 62]. Р.А. Агеева сходным образом рассматривает, что в Евразии север может иметь номинации, в основе которых лежит черный цвет, запад — белый, юг — красный, для востока может использоваться желтый или синий цвет [Агеева, 2002, с. 182–183]. У тюрков, как отмечает А.Н. Кононов, красный обозначал юг, черный — север, голубой — восток, белый — запад [Кононов, 1978, с. 160].

Кроме того, в составе славянских по происхождению названий рек европейской части нашей страны, по сведениям А.В. Суперанской, черным и белым цветом маркируются правые и левые притоки, причем многие черные реки впадают в моря и озера, а белые — нет [Суперанская, 1970, с. 126].

Т.И. Вендина, отмечала, что «именно белый цвет дает самую богатую семантико-символическую парадигму» [Вендина, 1999, с. 108].

На субстратной финно-угорской почве **белый**, реализуясь через рефлекс фин. *valkea*, ижор., карел. *valkie*, люд. *valged*, вепс. *vauged*, эст. *valge* 'белый' [SSA, 3, с. 399–400] в составе различных топонимов, играет важную роль в севернорусской топонимической системе: **Валга** 'река', **Валгапахта** (**Валдапахта**) 'болото', **Валгас** 'ручей', **Валгозеро**, **Валгушки**, **Валдушки** 'поле' [Матвеев, 2004, с. 33].

Вполне вероятно, что наименования **Ошега**, **Ошага**, **Ошуга**, **Ошеньга**, **Ошинга**, **Ошиньга** 'река', зафиксированные на Каргополье и на Мезени могут сопоставляться марийским *ош(о)* 'белый', 'светлый' [СМЯ, 4, с. 361], хотя А.К. Матвеев не исключает возможность саамских источников и коми *ош* 'медведь' [Матвеев, 2004, с. 114].

Можно привести примеры из других регионов, где белый цвет также используется для обозначения гидронимов. Так, например, калмыки называли белыми те реки и озёра, которые имели пресную (не солёную) чистую, прозрачную и проточную воду; такую воду очень любила скотина. Поэтому река Чаган — это река с пресной, чистой и прозрачной водой [Моисеев 2013: 326], ср. калмыцк. *цаган* 'белый' (РКС: 36). И. Черкасов, который изучал жизнь и быт калмыков, отмечал: «Калмыки вообще различают озёра по качеству вод: озеро с пресной водой называют *цаган* (белое), а с солёной — *кёкё*» [Черкасов 1859].

Значимым в топонимии является также черный цвет, причем как на материале русского языка, так и финно-угорских и тюркских языков.

А.К. Матвеев, анализируя этимологию дифференцирующих прибалтийско-финских основ русских топонимов выделяет черный, как важный элемент в субстратной системе онимов, при топоосновах **муст-**, **музд-**: Мустимская Рада 'болото', **Мустова** 'река', **Мустовица**, **Мустовка** 'река', **Мустозеро**, **Мустюга** 'река', **Муздальемское** 'озеро' [Матвеев, 2004, с. 52]; при этимологически исходных прибалтийско-финских данных: фин., ижор., карел. *musta*, люд. *must(e)*, вепс., эст. *must* 'черный' [SSA, 2, с. 183].

Черный цвет, как составная часть топонимов и в настоящее время весьма частотен на прибалтийско-финской почве, ср. соответствующие вепсские гидронимы с топоосновой *must-* (чёрный): **Mustoja** 'ручей', **Mustjär'v** 'озеро', **Mustjogi** 'река', **Mustkar** 'Черная кара – залив в реке'. Причем, довольно часто топооснова **must-** представлена уже на русской почве гибридами, где первая часть онима является заимствованной единицей, а детерминант русским переводом: **Мустболото**, **Мустое** 'ручей', **Мустовский** 'ручей', **Мустое** 'озеро', **Мустозерко**, **Мустручей**. Причем имеются случаи, когда детерминант *jär'v* 'озеро', представленный в топониме на вепсской почве редуплицируется русским переводом: **Мусть-ярвь-озеро**.

В редких случаях на русской почве фиксируется ойконим с данной топоосновой, явно связанный первоначально с гидронимом: деревня **Мустинич** на Черном ручье, см. [Муллонен, 1988].

В Приладожье и Обонежье на русской почве также представлен различные онимы с компонентом «черный» в составных наименованиях, например, в сочетаниях, обозначающих названия местности, а также озер, рек, ручьев и т.п.: **Чёрная ви'да** Прионеж. (Ялгуба) [ПЛГО], **Чёрная корба** 'дремучий лес и озеро', **Чёрный корь** 'темный дремучий лес' Волх. (Верховина) [ПЛГО], **Чёрный острова'к** 'название пахотного поля' Пудож. (Чуяла) [ПЛГО], **Чёрная ла'мбина** 'озеро', **Чёрное** озеро. Тихв. (Пильдеж Гора). *Ате'ц вот там на Чёрном о'зере налови'л, нары'л.* Всеволож. (Морье). *В Чёрном озере (Думино) и Долгом озере (дд. Ожегово, Херново, Наволок, Курмино) и вовсе ловили немного рыбы.* Каргоп. (Лёкшмозеро) [ПЛГО]. Ср. также фиксацию как апеллятива единицы **черня'** 'топь, трясина' Медвежьегор. (Сенная Губа) [ПЛГО].

В регионах с тюркским воздействием также фиксируются гибридные образования: **Чернобулак** 'река, приток Елань-Кадады' (Камешкирский р-н Пензенская обл.), при татар. булак 'родник, источник' [Полубояров, 2010, с. 202], при наличии на этой же территории гидронимов с тюркскими: **Карабулак** [Полубояров, 2010, с. 94], при тюрк. *qara, kara* 'черный' [СГТЯЛ, с. 592], тюркск. *bulaq* 'источник, канал, арык' [Мурзаев, 1983, с. 100].

Кроме того, имеются севернорусские субстратные данные, где топооснова представлена единицей *шим* 'черный': **Шимваж** 'Черный исток' [Матвеев, 2001, с. 282], она соотносится с марийскими данными, ср. марийские онимы с тождественной топоосновой: **Шимвуй** 'деревня', **Шимйәр** 'озеро' [Васикова, 2003, с. 319].

Причем фиксируются, вероятно, трансформационные субстратные варианты, которые также связаны со сходными финно-угорскими данными: **Семеньга** 'река', при коми *сім* 'ржавый, «буровато-черный, темный», марийск. *шим, шем, шеме* 'черный, эрзянск. *чемень*, мокшан. *шамонь* 'ржавчина', мансийск. *sēmel, šemel* 'черный', хантыйск. *samy, sami* 'ржавчина' [Матвеев, 2007, с. 136].

И.И. Муллонен отмечает крайне важный факт повсеместного распространения вепсских гидронимах антонимической пары: *must* 'черный' - *vouged* 'белый' [Муллонен, 1988, с. 93].

Такую же пару А.К. Матвеев видит следующих данных, варианты названия реки: **Целега, Целюга, Челюга**, при том что эта река образована двумя текущими параллельно истоками, левый в настоящее время именуется **Целюга**, правый – ручей **Черный**. При возможных саамских первоисточниках, ср. саам. сев. *čielgâs*, Инари *čielgas*, Колтта *čïdłgg*, Кильдин *čīlig*, тер. *čilig*, 'светлый, прозрачный, чистый' [Lehtiranta, 1989, с. 24–25], при фин. *selkeä*, ижор. *selkiä*, карел. *selkie*, люд. *šelged*, вепс. *sel' ged*, эст. *selge* 'светлый, чистый, прозрачный' [SSAP, 3, с. 167; Матвеев, 2007, с. 154]

Следует отметить, что сходная дихотомия черный – белый отмечается во многих регионах России. Например, микропонимическая парадигма с

компонентом **белый** в костромской топонимической системе часто находится в отношениях сравнительности с парадигмой **чёрный**: Судисльский р-н: Чёрная река – Белая река; Кадыйский р-н: Чёрный овраг – Белый овраг; Островский р-н: д. Чёрная – д. Белая и т.д. [Цветкова, 2012, с. 265].

Подобным образом в башкирском языке, *ак* 'белый' и *кара* 'черный' в гидронимии имеют денотативные значения, характеризующие водоемы с точки зрения пригодности или непригодности воды из них для питья, заболоченности, наличия протоков, условий протекания, а в оронимии обозначают заснеженность или бесснежность, наличие леса или его отсутствие [ЦВБТ, с. 151].

Таким образом, можно подтвердить выводы Р.А. Агеевой, которая на результатах исследования значительных данных констатировала, что «лексемы белый и черный встречаются в огромном количестве в географических названиях, причем лексема *черный* занимает одно из самых первых мест по частотности в гидронимах» [Агеева, 2004, с. 51].

Красный цвет представлен по нашим данным в незначительном числе фиксаций в гидронимии, оронимии и несколько больше в ойконимии: **Красные Лоды**, **Краснолода** 'каменистая отмель' [Матвеев 2001: 219], **Красная Щелья** [Матвеев 2004: 30], **Кра'сненский ручей** Кириш. (Мотохово) [ПЛГО], **Кра'сненькое** 'ягодное место в лесу' Волх. (Сясьские Рядки) [ПЛГО], **Кра'сно** 'сенокосный луг' Кириш. (Мотохово) [ПЛГО].

Синий цвет по данным А.К. Матвеева не имеет вполне верифицированных данных субстратного происхождения, как, например, **Синега**, **Синюга** 'река', при наличии сходных прибалтийско-финских данных, ср. фин. *sininen*, ижор. *sinnīn*, карел. *sinine*, *sini*, люд. *šiniñe*, вепс. *siñiñe*, водск. *sinin*, эст. *sinine*, эрз. *señ*, *säñ*, мокш. *señ*, *señät* 'синий; синий цвет' [SSA, 3, с. 183]. Причем весьма интересно, что на территории, которая традиционно рассматривается как зона мерянского субстратного воздействия фиксация таких названий, как **Синий Камень**, рассматриваемых через призму религиозно-мифологических представлений финно-угров [Матвеев, 1998, с. 97–139]. Причем, ранее считающееся уникальным для севернорусских говоров наименование **Синий Камень** [Матвеев, 2007, с. 139], зафиксировано также на Смоленщине: пустошь **Синий Камень**. Отмечается, что на данной пустоши был очень приметный камень, синий или синеватый по цвету, что и нашло отражение в имени собственном [Картавенко, 2020, с. 49].

Следует отметить, частотность и доминирование какого-либо цвета в топонимии зависит в целом от структуры цветообозначений в конкретном языке.

Так, например, в марийском языке предлагается диалектные варианты цветообозначений сгруппировать вокруг основного тона, поскольку между собой они часто являются синонимами.

Йошкарге 'красный' с синонимами; **Канде** 'синий'; **Нарынче** 'желтый'; **Курен** 'коричневый'; **Сур** 'серый'; **Ошо** 'белый': *пелчан*, *шара*, *пальтка*, *шапалге*, *шиялге*, *сото*, *волгыдо*, *лумалге*; **Шеме** 'чёрный': *корак*, *шоптыр* [Артюшкина, Иванов, с. 21–22]. При наличии в словаре лексемы,

обозначающей зеленый цвет, как основной тон она не фигурирует, поскольку марийск. *ужарге* 'зелёный' фиксируется преимущественно в луговом диалекте [Артюшкина, Иванов, с. 88].

Сходный результат был подучен при анализе результатов цветообозначений в коми-пермяцком языке, где выделили 6 основных тонов:

Гörd 'красный', **чочком** 'белый', **лöz** 'синий', **сьöd** 'черный', **веж** 'желтый', причем зеленый цвет, отсутствовавший в языке в предыдущие исторические периоды, появился как заимствование из русского языка - **зелёной** 'зеленый' [Рябина, 2016– 41].

Отмечается, что на русской почве в настоящее время становится более частотным в составе ойконимов зеленый цвет, однако он реализуется обычно в составе новых онимов, ср., например, данные по Смоленской области: д. Зеленая, д. Зеленая Горка, д. Зеленая Поляна, д., пос. Зеленая Роща, пос. Зеленино, д. Зеленое, д. Зеленка, пос. Зеленовка, пос. Зеленый, д. Зеленый Выселок, д., пос. Зеленый Луг, пос. Зеленый Ручей [Картавенко, 2020, с. 50].

Таким образом, следует отметить, что общий подход к наименованиям, которые рассматриваются как единицы, в основе которых лежит цветообозначение, не должен подменяться тщательным анализом конкретного онима. Как писал В.А. Никонов: «Много бед принесли топонимистам цветовые названия. Их принимали за названия по цвету объекта. В некоторых случаях это верно... Но очень часто основа топонима, принятая за цветовую, обозначала не цвет, а совсем другой, производный признак» [Никонов: 56].

Список литературы

- Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 200. Helsinki, 1989.
- SSAP – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1-3. Helsinki, 1992- 2000.
- Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / Отв. ред. Н. И. Толстой. – Изд. 2-е, испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. – М.: Наука, 1985. – 144 с.
- Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. – М.: Армада-пресс, 2002. – 320 с.
- Артюшкина З.С., Иванов З.С. Словарь цветообозначающих слов современного марийского языка. – Szombathely, 2008. – 112 с.
- Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
- Березович Е.Л. К построению комплексной модели топонимической // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С. 5–13.
- Васикова Л.П. Горномарийско-русский словарь географических названий. – Йошкар-Ола, 2003. – 349 с.
- Вендина Т.И. Языковое многоголосье русской культуры (символика цвета) // Аспекты лингвистических исследований. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2003. – С. 187–210.
- Вендина Т.И. Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах. – 1999. – № 1998. – С. 277–304.
- Гатауллин Р.Г., Фатыхова Л.А. «Цветные» топонимы и их особенности // Вестник Башкирского университета. – 2018. – Т. 23. – №1. – С. 211–220.
- Картавенко В.С. Цветовые номинации и их особенности в топонимической лексике // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. – Витебск, 2020. – № 8. – С.45–51.

- Кононов А.Н. О семантике слов кара и ак в тюркской географической терминологии // Изв. Отделения обществ. наук АН Таджикской ССР. – 1954. – Вып. 5. – С. 83–85.
- Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975 / Отв. ред. А. Н. Кононов. – М.: Наука, 1978. – С. 159–179.
- Матвеев А.К. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ. – 1998. – № 5. С. 97–139.
- Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. – Екатеринбург, 2001. – Ч. I. 346 с.
- Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. – Екатеринбург, 2004. – Ч. II. 369 с.
- Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. – Екатеринбург, 2007. – Ч. III. 300 с.
- Моисеев Б.А. Местные названия Оренбургской области. Историко-топонимические очерки. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. – 380 с.
- Молчанова О.Т. Серые, синие, красные, промежуточные цвета в ономастиконе некоторых тюркских народов // Ареальные исследования по башкирской диалектологии и ономастике Башкирии. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. – С. 89–103.
- Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. – СПб: Наука, 1994. – 154 с.
- Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1983. – 653 с.
- Никонов В.А. Введение в топонимику. – Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2011. – 184 с.
- ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
- Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. – М.: ФОН, 2010. – 224 с.
- PKC* – Русско-калмыцкий словарь. / Ред. И. К. Илишкин. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 803 с.
- Рябина Е.С. Основные цветообозначения в современном удмуртском языке // *Linguistica Uralica*. – 2011. – № 47 (3). – С. 197–221.
- Рябина Е.С. Основные цветообозначения в коми языке // Динамика структур финно-угорских языков. – Сыктывкар, 2011. – с.С. 238–250.
- Рябина Е.С. Основные цветообозначения в коми-пермяцком языке // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2016. – Т.10 №1. – С. 41–58.
- Рябина Е.С. Основные цветообозначения в пермских языках: Монография. – Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. – 261 с.
- СГТЯЛ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика/ 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
- Сувандии Н.Д. Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. – 2019. – № 4. – С. 195–206.
- Суперанская А.В. Имя через века и страны. – М.: ЛКИ, 2007. – 192 с.
- Суперанская А.В. Терминологичны ли цветовые названия рек // Местные географические термины. – М.: Мысль, 1970. – С. 120–127.
- Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А. П. Непокупный. – Изд.2-е. М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
- ЦВБТ – Хисамитдинова Ф.Г., Муратова Р.Т., Ягафарова Г.Н., Валиева М.Р. Цветообозначения в башкирской топонимии // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 140–159.
- Цветкова Е.В. Белый цвет в костромской топонимии // Вестн. Костр. гос. ун-та. – 2012. – № 1. – С. 264–267.
- Цветкова Е.В. Слово черный в костромской топонимии // Русская речь. – 2014. – № 4. – С. 103–108.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ТОПОНИМОВ (ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ)

Т.М. Никаева

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Якутск, Россия)*

В статье описываются проблемы систематизации топонимического материала, возникшие при создании словаря ойконимов и хоронимов Республики Саха (Якутия). Предлагаются основные пути их решения. Раскрываются структура и содержание словарных статей. Определяются перспективы, которые открывает дальнейшая работа со словарем.

Ключевые слова: топонимы; ойконимы; хоронимы; словарь топонимов; Республика Саха (Якутия)

Топонимическая система любого региона – это ключ к пониманию многих научных фактов. Комплексное изучение топонимикона Республики Саха (Якутия) позволит выявить следы межязыковых, межкультурных контактов, места прибывания аборигенных народов, получить сведения о географическом рельефе местностей (даже когда-то существовавшем и ныне изменившемся), узнать о разнообразии животного, растительного мира, природных ресурсов, о специфике верований, о смене политических систем и этапах промышленного освоения региона. Бесценным источником такой информации являются – памятники прошлого и настоящего – топонимы. Для того чтобы на основе топонимического материала проанализировать все эти научные факты, необходимо иметь базу данных, большой региональный словарь всех топонимов Якутии. Такого словаря на русском языке в Республике Саха (Якутия), где давалась бы информация о происхождении всех топонимов (их этимологии, языке-источнике), лексическом значении, расположении, до сих пор, к сожалению, нет. Одним из шагов к созданию такого большого лексикографического труда стал «Словарь топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты, наслеги, улусы, районы», опубликованный в 2024 году. Об опыте его составления пойдет речь в данной статье.

Топонимы являются очень сложным объектом для изучения. Особенно это касается многоязычных регионов с многослойными топонимическими образованиями, где первая фиксация географических названий велась не на языке-источнике. И, соответственно, составление региональных топонимических словарей – это чрезвычайно непростая задача.

Топонимы составляют большой и активный пласт лексики в языковой системе каждого языка, они используются не только в регионе распространения, но и за его пределами.

В последнее время особенно заметен интерес к топонимике, стремительно растет количество региональных топонимических исследований. Создаются виртуальные каталоги топонимов, онлайн-карты, геоинформационные ресурсы, публикуются региональные словари

топонимические словари Калмыкии, Татарстана, Чувашской Республики, Чечни, Приморского края, Амурской области, Околобайкалья, Якутии.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова создал электронный «Каталог топонимов Республики Татарстана [Каталог топонимов...].

В конце 2023 года была опубликована информация об успехах карельских топонимистов. Ими создана онлайн-карта топонимов Карелии и соседних регионов. Открытый геоинформационный ресурс представит сведения о более 50 тысячах наименований населённых пунктов и природных объектов.

Достаточно широко сведения о топонимических системах разных регионов представлены на сайте <http://www.toponimika.ru/>, где имеются в свободном доступе для скачивания словари, справочники и другие издания о топонимах различных регионов РФ и зарубежных стран.

За последние несколько лет увеличилось количество зарегистрированных Баз данных с информацией о топонимах Республики Саха (Якутия): База данных «Топонимия Республики Саха» [Багдарыын Н.С.У., 2022]; Словарь топонимов с компонентом-зоонимом Республики Саха (Якутия) [Самсонова]; База данных ойконимов Республики Саха (Якутия): варианты написания населённых пунктов [Старостина]; База данных топонимов Жиганского улуса [Меркель] и др.

Большинство из перечисленных исследований направлены на систематизацию, параметризацию и дополнение накопленного топонимического материала республики.

В научном обиходе имеются исследования топонимики Якутии, но словаря ойконимов и хоронимов Республики Саха (Якутия) на русском языке, в котором были бы представлены в систематизированном и обобщённом виде все официальные названия населённых пунктов, наслегов и улусов до недавнего времени подготовлено не было.

Результаты многолетней работы коллектива кафедры русского языка по сбору и систематизации сведений о топонимах Республики Саха (Якутия) были представлены в следующих лексикографических работах. В первом Словаре топонимов Республики Саха (Якутия): населённые пункты (2022), и втором – исправленном и дополненном, где также были описаны наслеги, районы и улусы [Словарь топонимов, 2024]. Проект по созданию второго словаря был выполнен в рамках Государственной программы по сохранению и развитию государственных и официальных языков Республики Саха (Якутия).

Ойконимы занимают особое место в системе географических названий и играют важнейшую социальную роль. А. В. Суперанская писала: «Названия населённых мест объединяются в справочники различного назначения (почтовые, железнодорожные, административные и др.), в которых фиксируется официально утверждённая форма географических названий. Она же пишется у людей в паспортах, при этом не только в графе „Прописка“, но и в графе „Место рождения“» [Суперанская, 1985, с. 65].

Этим обусловлена актуальность работы по созданию словаря, который выполняет нормативно-регистрирующую функцию и, кроме всего прочего,

позволяет зафиксировать топонимическую систему в данный исторический период. Новизна словаря определяется охватом ойконимического материала: были охарактеризованы наименования 694 населенных пунктов, 338 наслегов и 34 улусов (районов). Всего было подготовлено 977 словарных статей. Кроме лингвистических вопросов, связанных с установления языка-источника, произношения, лексического значения топонима, в некоторых статьях приводились культурологические и исторические факты, связанные с именованим географического объекта.

О проблемах сбора и систематизации топонимического материала при составлении словарной статьи.

Заголовочное слово. Им было выбрано официальное современное русскоязычное наименование, к которому в скобках прилагалось название на якутском языке, их орфографическое и графическое оформление (особенно при наличии вариантов) было определено в соответствии с требованием нормализации наименований географических объектов Федерального закона РФ. Авторы в процессе сбора информации столкнулись с большим количеством вариантов написаний. В официальных государственных справочниках, словарях и федеральном каталоге географических названий имеются разночтения в написании названий населенных пунктов. В словарных статьях было решено указать все официальные варианты фиксации топонима.

Повторяющиеся названия. Второй момент, с которым столкнулись составители словаря. В республике многие географические наименования дублируются, например ойконим Арылах, Томтор, Тумул встречаются 6 раз. Было нецелесообразно составлять для каждого из них материал с однотипной характеристикой, в данном словаре было предложено фиксировать повторяющиеся наименования населенных пунктов в одной словарной статье с указанием месторасположения каждого.

Постановка ударения. Заголовочное слово на русском языке в новом словаре сопровождается нормативно-акцентологической пометой – указывается ударение. В словах, где имеется ударная ё, по традиции знак ударения не ставится. Но в тех топонимах (преимущественно якутских по происхождению), где есть несколько букв ё и одна из них является ударной, знак ударения ставится, например: *Бёрёлёхский наслэг*, *Кётёрдэх*. При постановке ударения использовались данные Якутско-русского словаря под редакцией П. А. Слепцова [Якутско-русский словарь, 1972, с. 553–568], а также произношение уточнялось у жителей населенных пунктов.

Установление языка-источника. Одна из самых больших проблем в топонимике Якутии, и она решалась при составлении словарных статей, связана с установлением языка-источника географического названия, отображением информации о происхождении слова и переводе ойконима на русский язык. Этимология многих наименования населенных пунктов Республики Саха (Якутия) по-прежнему остается спорной, у значительной части географических названий достоверный язык-источник не определяется. Это связано с тем, что первая письменная фиксация многих топонимов осуществлялась на русском

языке, и под влиянием интерференции исконные онимы были сильно изменены.

Багдарыын Сюлбэ, основатель ономастических исследований Республики Саха (Якутия), писал о том, что в топонимике Якутии можно выделить следующие языковые пласты: самодийский, юкагирский, тунгусо-маньчжурский, тюркский, монгольский и русский [Багдарыын Сюлбэ, 2004]. Поэтому для создания региональных словарей требуется объединение усилий ученых разных областей знаний.

Происхождение и значение топонимов. Они у многих географических названий Якутии остаются спорными, поэтому в словаре было решено приводить различные этимологические версии. В словаре также представлено максимально возможное количество вариантов объяснения значений топонимов. Например, ойконим Вилюйск, образованный от гидронима Вилюй имеет 7 вариантов происхождения и значения, например от эвенк. *бэлу* 'гладкий, чистый (о льде)'; от коряк. *вил* 'квашеная рыба, плата, цена'; эвен. *булэ* 'болото, тина, болотистый' и др. [Словарь топонимов, 2024, с. 80–81].

Топонимические легенды. О значении и происхождении некоторых названий населенных пунктов свидетельствуют комментарии местных жителей. В этом случае словарную статью сопровождают сведения об информаторе в квадратных скобках: фамилия, инициалы имени и отчества, год рождения, местожительство или место рождения. В словаре приводятся топонимические легенды. Они позволяют уточнять значение топонимов и раскрывают историю их появления. Вот, например, село Кочегарово. Казалось бы, название произошло от наименования профессии *кочегар*. Но в ходе сбора материала были получены ценные сведения от историка-краеведа В. А. Кулагина. Он сообщил, что почтовая станция Кочегарская на Иркутско-Якутском почтовом тракте была основана как промежуточная между станциями Дельгейская и Неленская. Жители этой станции, еще до образования села, проводили раскорчевку земель для покосов путем пожогов, после которых на берегу реки долгое время стояли обгоревшие, черные стволы могучих елей, похожие на людей. Эти обугленные стволы деревьев называли кочегарами. Это дало повод дельгейским жителям на вопрос: «Где находятся твои покосы?» отвечать: «Там, где кочегары на берегу стоят». Так и появилось название Кочегарово [Словарь топонимов, 2024, с. 131–132].

В конце статьи для обозначения местонахождения приводится административно-территориальная характеристика географического объекта. В новом словаре представлена информация о некоторых упраздненных, опустевших населенных пунктах. Поскольку люди, проживавшие в исчезнувших селах, поселках, также интересовались историей происхождения названий их некогда родных мест. В этом случае в завершении статьи давалась ссылка на Постановление правительства об упразднении административно-территориальной единицы.

Перспективы, которые открывает дальнейшая работа со словарем.

Во-первых, это продолжение сбора и уточнение сведений о топонимах. Авторы словаря опускают, что имеются и другие версии происхождения названий.

Во-вторых, работа над нормализацией топонимов. Выработка принципов закрепления написания и произношения названий географических объектов с учетом их региональных особенностей как на русском, так и на якутском языках.

В-третьих, взгляд на топонимику с позиции других научных направлений. Топонимы сохранили в себе значения, составляющие уникальный культурный код, транслируемый из поколения в поколение. Собранные сведения в словаре, могут лечь в основу лингвокультурологических, когнитивных, психолингвистических исследований.

В-четвертых, проведение на топонимическом материале исторических, социальных исследований. Поскольку значения, стоящие за каждым географическим названием, сосредотачивают в себе наиболее существенные элементы опыта жителей определенных мест, этнокультурные и историко-социальные условия их существования.

Это только некоторые возможности для новых исследований, которые можно осуществлять на базе материалов словаря. Информацию для своих работ в словаре найдут географы, историки, фольклористы, этнографы и многие другие исследователи.

Словарь, как полагают авторы книги, даст импульс развитию топонимики региона, обратит внимание на проблемные стороны современной топонимической системы.

Список литературы

Багдарыын Сюлбэ М.С. Топонимика Якутии: Крат. науч.-попул. очерк. / Багдарыын Сюлбэ; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманит. исслед. Изд. 2-е, испр. и доп. – Якутск: Бичик, 2004. – 192 с.

Каталог топонимов Республики Татарстан [Электронный ресурс]. – URL // <https://toponym.antat.ru/> (дата обращения: 5.04.2024).

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021620513 Российская Федерация. Топонимия Республики Саха : № 2021620116 : заявл. 22.01.2021 : опубл. 17.03.2021 / Н. С. у. Багдарыын.

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021623014 Российская Федерация. База данных топонимов Жиганского улуса (v.1.0) : № 2021622823 : заявл. 05.12.2021 : опубл. 17.12.2021 / Е. В. Меркель, Л. А. Яковлева, Ю. В. Марандич, В. С. Шишаева ; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова".

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024620366 Российская Федерация. «Словарь топонимов с компонентом-зоонимом Республики Саха (Якутия)» : № 2023624970 : заявл. 19.12.2023 : опубл. 23.01.2024 / М. В. Самсонова, В. Г. Ноговицына ; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

Словарь топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты, наслеги, улусы, районы / Никаева Т.М., Старостина А.С., Тарабукина М.В. [и др.]; автор проекта и главный редактор Никаева Т.М.; Министерство науки и высшего образования РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. – Якутск: Алаас, 2024. – 448 с

Суперанская А. В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1985. – 182 с.

Якутско-русский словарь: 25300 слов / Под ред. П. А. Слепцова; АН СССР; Якут. филиал Сиб. Отделения; Ин-т яз., литературы и истории. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – 606 с.

РОЛЬ ПСЕВДСОГЛАСОВАНИЯ ТОПОНИМОВ ПРИ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

О.В. Петешова

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(Калининград, Россия)*

В статье рассматриваются ключевые разновидности псевдосогласования исходных восточно-пруссских и новых русскоязычных топонимов на территории Калининградской области, которое основывается на неверно понимаемых свойствах исходных географических названий. В роли подобных разновидностей выступают псевдоперевод, псевдоассоциативное название и ложная идеологическая антонимия.

Ключевые слова: топоним; переименование; псевдосогласование; псевдоперевод; ассоциативное название; идеологическая антонимия

Практически сразу после включения территорий бывшей Северо-Восточной Пруссии в состав Советского Союза во вновь образованной Калининградской области были проведены массовые переименования населенных пунктов и природных объектов, которые подверглись достаточно жесткой критике со стороны ученых и общественных деятелей как в Европе, так и в России более позднего времени. Главные обвинения в адрес советского руководства как инициатора кампании по переименованиям связаны с идеологической направленностью реноминаций и искажением культурно-исторического наследия региона за счет абсолютно хаотичного подбора новых топонимов.

Вместе с тем, наши исследования последних лет показали, что в регионе имела место определенная доля согласованных переименований, то есть переименований, учитывающих форму или семантику исходных восточно-пруссских географических названий. Согласованными мы считаем 11% от всех 2497 актов переименования калининградских населенных пунктов и 34% от всех 1214 актов переименования природных объектов области. При этом основными способами согласования топонимов являются перевод (223 случая), одинаковая тематическая соотнесенность номинаций (173 случая), переосмысление (114 случаев), идеологическая антонимия (84 случая), ассоциативное название (43 случая), заимствование (28 случаев), метонимическая соотнесенность (19 случаев) и семантическая антонимия (7 случаев).

Внутри многих из данного ряда способов согласования нами были зафиксированы примеры так называемых «псевдосогласований», базирующихся на ложной трактовке исходных лексических единиц инициаторами кампании по переименованию. Последние, как известно из исторических источников [Маслов, 2016, с. 106], почти не привлекали к своей работе лингвистов-специалистов в области немецкого и балтийских языков, из

лексических элементов которых складывались топонимы, фигурирующие на картах Северо-Восточной Пруссии, а потому никто не мог указать советскому руководству на его возможные интерпретационные ошибки.

В итоге псевдосогласованными оказались 5 названий населенных пунктов и 26 названий природных объектов (среди которых – 17 гидронимов, 4 оронима, 3 дримонима и 2 наименования урочищ Калининградской области), то есть всего 4,5 % от всех 691 географических объектов, при переименовании которых учитывались исходные топонимы. Все эти реноминации можно разделить на три неравновеликие группы:

- Случаи псевдоперевода (24 примера);
- Случаи использования псевдоассоциативных названий (5 примеров);
- Случаи предпочтения ложной идеологической антонимии (2 примера).

Рассмотрим все три названных способа псевдосогласования в отдельности. Что касается **псевдоперевода**, то по его языковой основе мы, в свою очередь, выделяем шесть разновидностей реализации этого способа согласования:

1. Псевдоперевод, основанный на ошибочной трактовке исходных лексем немецкого происхождения (8 примеров). Так, вместо гидронима *Beerenbruch-Graben* на региональных картах появилось обозначение *канавы Медвежья* в связи с определенной созвучностью компонента *Beeren* ‘ягоды’ с немецким словом *Vären* ‘медведи’.

Однако большинство псевдосогласований этой разновидности базируется на ложной интерпретации оттопонимных названий как названий, образованных от формально напоминающих их апеллятивов. Например, дримоним *Kindscher Wald*, которому соответствует новый дримоним *лес Детский*, на самом деле образован не от существительного *Kind* ‘ребенок’, а от ойконима *Kindschen*. Аналогичным образом дримоним *Sommerauer Wald* (от ойконима *Sommerau*) был заменен на *лес Летний* (в качестве переводческого эквивалента для существительного *Sommer* ‘лето’);

2. Псевдоперевод, основанный на ложной трактовке исходных лексем балтийского, то есть древнепрусского или литовского происхождения, как немецких по причине их созвучия (5 примеров). В качестве иллюстрации можно привести два акта переименования местных водоемов:

- *Stirtup-Bach* (от литовского *stirt* ‘остолбенеть’ и *upe* ‘река’, но формально напоминает немецкое слово *Stier* ‘бык’) → *ручей Быков*;

- *Smalupp* (от прусского *smaleninkai* ‘смолокурение’) → *река Узкая*, что объясняется сходством первого компонента исходного гидронима с немецким прилагательным *schmal* ‘узкий’;

3. Псевдоперевод как перевод балтийских или иных по происхождению названий, которые, как показал этимологический анализ [ЕВВФ], ранее были переосмыслены местными носителями немецкого языка и формально уже совершенно не отличались от немецкоязычных топонимов (5 примеров). В частности, считается, что гидроним *die Liebe*, неотличимый от немецкого апеллятива со значением ‘любовь’, в действительности происходит от индоевропейского элемента *lei* ‘течь’. Тем не менее, ему после переименования

соответствует русскоязычный гидроним *река Любимая*. В сходном ключе произошло переосмысление гидронима *die Schnecke*, который справедливо был переведен инициаторами переименования как *река Улитка*, но по лингвистическим данным восходит к балтийскому названию водного растения *snekas*;

4. Псевдоперевод названий с этимологически неясными основами, напоминающими современные немецкие слова (3 примера). Так, поселок *Kischen* сегодня называется *пос. Вишняки* по причине формальной близости его названия к немецкому *Kirschen* ‘вишни’, а *канавы Kyratgraben* – *канавой Короткой*, поскольку первый компонент этой номинации более или менее близок к немецкому прилагательному *kurz* ‘короткий’;

5. Псевдоперевод, основанный на однозначно намеренной игре слов со стороны инициаторов переименования. Например, поселение *Birkenfelde* (от немецкого ‘березовое поле’) получило новое название *Березино*, однако даже в архивном документе, содержащем краткие обоснования по поводу мотивов конкретных переименований [МОПНП], имеется указание на происхождение советского ойконима от названия прежнего местожительства людей, прибывших в Калининградскую область для заселения этой деревни. Похожим путем немецкий поселок *Grünthal* (‘зеленая долина’) переименовали как *пос. Зеленцово*, мотивируя новый ойконим фамилией советского военнослужащего;

6. Однократный псевдоперевод, основанный на ошибке составителей советского перечня географических объектов, подлежащих переименованию, при передаче графического облика исходного гидронима *Seebruch-Graben* как *Зибрун-грабен* буквами кириллического алфавита [РО]. В итоге исходная лексема приобретает фонетическое сходство с немецким числительным *sieben* ‘семь’ и переименовывается как *канавы Семерка*.

Вторым по частотности способом псевдосогласования восточно-прусских и калининградских топонимов является **псевдоассоциативное название**. Если собственно ассоциативное название предполагает выбор топонима, семантика которого связана с основным переводческим эквивалентом исходной единицы в русском языке по ассоциативному принципу, то псевдоассоциативное название предусматривает поиск ассоциаций с ошибочно подобранным переводческим эквивалентом. Как правило, речь при этом идет о первичном псевдопереводке топонимов-балтицизмов, например, в акте переименования *Mauer-Graben* → *река Каменка*, где исходный гидроним, на самом деле образованный от прусского *taurai* ‘ряска’, был задолго до советских переименований переосмыслен носителями немецкого языка, в результате чего его буквальным переводом становится словосочетание ‘стенная канава’. Естественно, что основным материалом для построения стен в сознании носителей русского языка служит камень.

Вторым показательным примером псевдоассоциативного названия служит переименование гидронима *Alte Klaar*, второй компонент которого имеет неясную основу, формально напоминающую современное немецкое прилагательное *klar* ‘ясный, прозрачный’. На основании логичных ассоциаций

с русским прилагательным «светлый» советским руководством было подобрано новое топонимическое соответствие *канал Светлый*.

Третий способ псевдосогласования, отмеченный в материале нашего исследования, мы назвали **ложной идеологической антонимией**. Классическая идеологическая антонимия, на наш взгляд, основана на выборе в качестве нового топонима некой единицы, обладающей ярко выраженной идеологической окраской в советской культуре, при условии, что исходный топоним однозначно имел идеологическую окраску с позиций немецкой культуры. Вместе с тем, советское руководство по ошибке сочло идеологически нагруженными два восточно-прусских географических названия:

- Поселок *Germau* был переименован как *пос. Русское* в силу созвучия его названия с названием страны Германии, хотя этимологический анализ демонстрирует факт образования исходной номинации от балтицизма *germe* со значением ‘девственный лес’;

- Название урочища *Hegewald* при составлении списков немецких природных объектов было ошибочно затранскрибировано как Гегельвальд, из-за чего возникла ложная отсылка к фамилии известного немецкого философа (буквальный перевод - ‘лес Гегеля’). В противовес такому псевдомемориальному топониму инициаторы советской кампании по переименованиям использовали топоним *урочище Вражий Лес*, закрепляя в номинации негативную оценку природного объекта, связавшегося в сознании переселенцев с фашистской идеологией.

Таким образом, мы видим, что псевдосогласования сыграли при калининградских переименованиях относительно заметную роль. Их реализация отражает попытки советского руководства в некоторой степени учитывать семантику исходных топонимических единиц при принятии решений, касающихся составления новых региональных карт.

Список литературы

EBBF – Endungen und Besonderheiten baltischer Familiennamen [Электронный ресурс] // URL: https://genwiki.genealogy.net/Endungen_und_Besonderheiten_baltischer_Familiennamen (дата обращения: 03.02.2024).

Маслов В.Н. Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населенных пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза. – 2016. – № 3. – С. 100–107.

МОПНП – Материалы о переименовании населенных пунктов Калининградской области // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 1.

РО - Решение Облисполкома № 560 от 31.12.1947 г. // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 23.

ОЙКОНИМЫ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ): К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И УСТАНОВЛЕНИЯ ЯЗЫКА-ИСТОЧНИКА

Н.Ю. Печетова

СВФУ им. М.К. Аммосова

(Якутск, Россия)

Предпринята попытка описать современный ойконимический пласт топонимической системы Республики Саха (Якутия) с точки зрения происхождения и языка-источника названий населенных пунктов. Установлено, что по происхождению основные группы ойконимикона составляют наименования якутского и русского языков-источников, имеются гибридные названия (русско-якутские, эвенкийско-якутские), кроме них, выявлены эвенские, эвенкийские и юкагирские, а также тюркские и монгольские названия. Имеются также ойконимы, в основе появления которых лежат события, связанные с советской эпохой. Отдельный список составляют ойконимы, происхождение которых не установлено.

Ключевые слова: топонимы; ойконимы; происхождение ойконимов; язык-источник; Республика Саха (Якутия)

Топонимы можно назвать важнейшим источником сведений об истории материальной и духовной культуры любого народа. Они могут рассказать об особенностях территории, которую называют, рельефе местности, природных ресурсах, животном и растительном мире, истории ее заселения, связях с соседними племенами, хозяйственной деятельности, быте, верованиях народов и многом другом.

Среди огромного количества топонимов названия населенных мест (ойконимы) являются наиболее значимыми, они фиксируют в документах официально утвержденные формы географических названий – сведения о месте рождения, учебы, постоянного или временного проживания – и сопровождают человека всю его жизнь.

Современный ойконимикон Республики Саха (Якутия) представляет собой достаточно разнородную и разноязыкую систему, изучение которой обусловлено общим интересом исследователей к топонимике и в целом ономастике русского языка, а также тем, что в республике назрела насущная необходимость, во-первых, в инвентаризации наименований географических объектов региона, во-вторых, в решении проблем, связанных с отсутствием единообразия в оформлении топонимов и поиском оптимальных способов транслитерации иноязычных наименований на русский язык.

Целью работы является попытка описать ойконимы Республики Саха (Якутия) с точки зрения их происхождения и языка-источника. Материалом послужили сведения о 562 ойконимах, выявленных методом сплошной выборки из материалов «Словаря топонимов Республики Саха (Якутия: населенные пункты, наслеги, улусы, районы) [Словарь топонимов, 2024]. Здесь стоит отметить, что, несмотря на огромную территорию (Якутия – крупнейший субъект Российской Федерации [Самойлова, 2017], занимает 3 083 523 км²), в силу географических, климатических и иных факторов она является малонаселенным регионом с низкой плотностью населения и, соответственно, с небольшим числом населенных пунктов. По официальным данным, на начало 2020 года на территории Республики Саха (Якутия) расположено 54 городских населенных пункта (в том числе 13 городов),

41 поселок городского типа, 582 сельских населенных пункта (села) [Административно-территориальное деление].

Названия населенных пунктов прежде всего можно охарактеризовать с точки зрения их языковой принадлежности. Наиболее представительной в этом смысле является группа якутских по происхождению слов: Даркылах, Кыллах, Тит-Ары, Улахан-Ан и др., всего их насчитывается более 300. У многих из них значение связано с местонахождением населенного пункта. В «Словаре топонимов Республики Саха (Якутия)» приводятся толкования географических пунктов: «Алы (як. Алыы), образовано от як. *алыы* ‘узкая длинная долина, поросшая кустарником’» [Словарь 2024: 5], «Тит-Ары (як. Тиит Арыы), в переводе с якутского означает ‘лиственничный остров’» [Словарь, 2017, с. 271], «Улахан-Ан (як. Улахан Аан), образовано от як. *улахан* ‘крупный, большой’, як. *аан* ‘дверь, ворота’. Как географический термин означает вход в какую-либо местность или выход из нее» [Словарь, 2017, с. 291].

Достаточно большим является пласт русскоязычных наименований: Антоновка, Березовка, Владимировка, Еланка, Покровск, Светлый и др. (119 ойконимов, имеющих русскую топооснову, к ним примыкают 13 географических названий, при образовании которых были использованы русские словообразовательные элементы). Данные ойконимы являются типичными для топонимической системы русского языка. Более подробно о русскоязычных ойконимах Якутии написано в работе [Печетова, 2023, с. 78–88].

В топонимическую систему Якутии входят также названия, которые ведут свое происхождение из языков малочисленных народов Севера (эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей), проживающих на территории Якутии. К эвенкийским относятся 72 ойконима: Кюлекянь, Кюкей, Тэгэн, Тяня, Тукукта и др., к эвенским – 10: Акана, Делянكير, Куберганя и др., к юкагирским – 6: Аллага, Батагай, Марха, Тулагино и др., к чукотским относится, например, говорящее само за себя название Чукочьа.

Отметим такое интересное явление в ойконимиконе Якутии, как соединение в одном ойкониме топооснов одновременно двух языков. Например, русского и якутского: Абага центральная, Большой Нимныр, Берег-Юрдя, Василий Аласа, Кысыл-Деревня, эвенкийского и якутского: Кыстык-Кугда, Куду-Кюэль и др. Кроме того, существуют названия, полученные путем калькирования с якутского на русский язык, так были переименованы ойконимы Солянка от як. Тустах, Белая гора от як. Үрүң Хайа. Есть и пример освоения якутским языком русского слова – в составе названия села Огородтах русская топооснова *огород* и якутский суффикс *-тах*, который используется в значении обладания предметом, названным производящей основой.

Сохраняются на территории Республики Саха (Якутия) ойконимы, являющиеся примерами словотворчества советского периода: Алмазный, Дорожный, Заря, Депутатский, Мирный, Ленинский, Полярный, Солнечный и др.

Среди ойконимов был выявлены географические названия монгольского, тюрского, древнетюрского, тунгусо-маньчжурского происхождения. К таким

можно отнести: Алтанцы, Боронук, Май (тюрск.), Агдары, Борогонцы, Илбенге (монг.), Кобяй, Куокуну (тунг.-манчж.) и др.

Отдельную группу составляют ойконимы, происхождение и языковую принадлежность которых установить не удалось: Аппаны, Едей, Горла, Кячи, Натора и др.

Определение точного происхождения слова, нахождение языка-источника является одной из главных проблем при изучении топонимической системы Республики Саха (Якутия) в силу многоязычия и многослойности топонимических образований на ее территории. Первая письменная фиксация многих топонимов осуществлялась на русском языке, и под влиянием интерференции исконные онимы были сильно изменены. Также важно отметить, что эвенские, эвенкийские и юкагирские топонимы в дорусский период подверглись влиянию якутского языка.

Этимология многих наименований населенных пунктов по-прежнему остается спорной. Как отмечал основатель ономастических исследований в Республике Саха (Якутия) Багдарыын Сюлбэ, на территории республики шесть языковых пластов: «самодийский, юкагирский, тунгусо-маньчжурский, тюркский, монгольский и русский» [Багдарыын Сюлбэ 2004]. Для определения значения и происхождения географических наименований требуются знания этих языков, их истории и диалектных вариантов изучаемых слов. Многие из топонимов эвенского, эвенкийского, юкагирского происхождения с каждым годом все труднее интерпретировать, поскольку уменьшается число носителей этих языков. Кроме того, у многих сел и поселков имеются неофициальные (вторые) названия, которые местные жители используют чаще, чем зафиксированные в официальных справочниках и отмеченные на географических картах, и исследователю это необходимо учитывать.

Работа над описанием ойконимов Республики Саха (Якутия) будет продолжена. Следует провести более детальную инвентаризацию названий, в том числе монгольского, тюрского, древнетюрского, тунгусо-маньчжурского происхождения, рассмотреть способы образования ойконимов, описать важные для представления полной картины современного ойконимикона лексико-семантические группы (ойконимы, связанные с советской эпохой, антропотопонимы, гидротопонимы, зоотопонимы, оротопонимы и др.).

Список литературы

[Административно-территориальное деление. Официальный информационный портал Республики Саха \(Якутия\)](https://www.sakha.gov.ru/administrativno-territorialnoe-delenie) [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.sakha.gov.ru/administrativno-territorialnoe-delenie> (дата обращения: 19 марта 2020. Архивировано из [оригинала](#) 11 мая 2020 года).

Багдарыын Сюлбэ. Топонимика Якутии: крат. науч.-поп. очерк [отв. ред. П.А. Слепцов; Акад. Наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.]. Изд. 2-е, испр. и доп. – Якутск: Бичик, 2004. – 190 с.

Печетова Н.Ю., Никаева Т.М. Структурно-словообразовательные модели русскоязычных ойконимов Республики Саха (Якутия) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – №2(43). – 2023. – С. 78–88.

Самойлова Г. С., Горячко М. Д. и др. [Якутия](#) / отв. ред. С. Л. Кравец. — [Большая Российская Энциклопедия](#) (в 30 т.). – Москва: Научное издательство «[Большая российская энциклопедия](#)», 2017. – Т. 35. Шервуд–Яя. – С. 673–683. – 798 с.

Самсонов Н.Г. Наши имена. – Якутск: Як. книжн. изд-во, 1989. – 143 с.

Словарь топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты, наслеги, улусы, районы / Никаева Т. М., Старостина А. С., Тарабукина М. В. [и др.]; автор проекта и главный редактор Никаева Т.М.; Министерство науки и высшего образования РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. – Якутск : Алаас, 2024. – 448 с.

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСЧЕЗНУВШИХ ТОПОНИМОВ

С. А. Попов

*Воронежский государственный университет
(Воронеж, Россия)*

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01737 «Топонимический мартиролог Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект», <https://rscf.ru/project/23-28-01737/>

В статье рассматривается роль региональных средств массовой коммуникации, чьи материалы о местных исчезнувших наименованиях географических объектов служат полноценным источником составляемого в настоящее время автором «Топонимического мартиролога Российской Федерации».

Ключевые слова: *топонимика; топонимия; топонимический мартиролог; лингвокраеведение; журналистика; средства массовой коммуникации*

В Российской Федерации за последние десятилетия из официальных документов и активного употребления по разным причинам исчезли десятки тысяч наименований населенных пунктов (ойконимов). Для их обозначения нами был введен в научный оборот термин «топонимический мартиролог» (от греч. *μάρτυρολόγιον*, *μάρτυς* – свидетель, мученик и *λόγος* – слово, сказание; лат. *martyrologium* – перечень жертв преследований или гонений; в более широком смысле этим словом обозначают перечень умерших или погибших людей; таким образом, *топонимический мартиролог* – перечень исчезнувших наименований географических объектов (топонимов) [Попов, 2022а, с. 108].

Большую помощь ученым в исследовании исчезнувших топонимов оказывают региональные средства массовой коммуникации (СМК), особенно районного уровня, например, районные газеты. Их авторитет в среде жителей достаточно высок, поскольку чем локальнее СМК, тем ближе они к местному населению, тем больше оно доверяет печатному слову. По мнению В. В. Тулупова, «именно благодаря, например, местной прессе в стране сохраняется единое информационное пространство, к тому же в лучших своих образцах она выполняет социальную функцию (вот почему от районной газеты не следует требовать рентабельности или прибыльности, особенно в сегодняшних экономических условиях). Отсюда – высокая востребованность публикуемой местной информации (публицистической, официальной, статистической, деловой, научно-технической, научно-популярной, рекламно-справочной), отсюда – мощный организаторский ресурс, которым обладают местные редакции (вовлечение населения в самоуправление; проведение гражданских акций; взаимодействие населения с местной властью и др.)» [Тулупов, 2013, с. 81].

Поэтому не случайно в региональных СМК чаще, чем в федеральных публикуется лингвокраеведческая информация, в том числе уникальные

материалы о существующих и исчезнувших населенных пунктах, включающие повествование об их истории и названии.

Как мы отмечали ранее, «Особенное место в лингвокраеведческих публикациях «районок» занимают материалы об исчезнувших населённых пунктах. Районные СМИ играют важную роль в сохранении памяти об исчезнувших поселениях, вместе с которыми ушли и их названия. Информация об этих хуторах, деревнях, посёлках, сёлах через страницы «районок» передается последующим поколениям земляков зачастую во многом благодаря энтузиазму местных краеведов, школьных учителей, журналистов» [Попов, 2022б, с. 129].

В большинстве районных газет Воронежской области регулярно или периодически выходят тематические рубрики и целые полосы и развороты, посвященные местной истории, языковым явлениям, выдающимся землякам, в честь которых названы улицы, площади, парки, скверы, и даже целые населенные пункты.

В конце XX – XXI века в газете «Калачеевские зори» Калачеевского муниципального района местный краевед, ветеран педагогического труда, почетный житель района, уроженец исчезнувшего хутора Арнаутов И. А. Письменный (1932-2013) опубликовал цикл материалов о нескольких десятках исчезнувших местных хуторов. В 2002 – 2005 гг. при поддержке администрации района он организовал акцию «Живые истоки» по увековечению памяти исчезнувших хуторов. В 2003 году при его активнейшем участии в центре г. Калача открыт музей под открытым небом, на территории которого установлен памятник 44 хуторам, на местах расположения которых в настоящее время установлены памятные знаки.

При финансовой помощи предпринимателя Николая Бондарева И.А. Письменный на месте бывшего родного хутора установил памятный знак следующего содержания: «Хутор Арнаутов. Возник в 1751 году. Не стало в 1981 году. Дворов в 1940 году – 66, население – 362 человека. Колхоз «Красная гвардия». Погибло в Великую Отечественную войну – 34 человека. Здесь жили семьями: Величко (6 дворов), Деркачевы (12 дворов), Письменные (3 двора). 30 мая 1999 года».

Активная просветительская деятельность И.А. Письменного на страницах районной газеты «Калачеевские зори» привела к зарождению в Воронежской области коммеморативных топонимических практик – на месте исчезнувших хуторов, поселков и деревень начали устанавливаться памятные знаки.

Один из ведущих журналистов газеты «Аннинские вести» Аннинского муниципального района Сергей Афанасьев много лет увлечён историей родного края, в 2019 году победил в культурно-просветительской акции «Воронежский краеведческий диктант». Он также является одним из авторов идеи герба и флага Аннинского района, на страницах газеты регулярно публикует собственные краеведческие изыскания, пишет и о местных исследователях «старины глубокой». Краеведческие публикации С.И. Афанасьева посвящены известным землякам, забытым событиям,

юбилейным датам местной истории, антропонимии и топонимии, хорошо проиллюстрированы собственными фотографиями.

Ряд газетных публикаций, подготовленных С.И. Афанасьевым, послужили хорошей базой для «Топонимического мартиролога Российской Федерации», который наполняется нами в рамках выполнения гранта Российского научного фонда. В указанном мартирологе предполагается приложение по исчезнувшим названиям улиц, переулков, площадей, скверов, парков и других внутригородских объектов (урбанонимам). Такого рода информация не всегда бывает отражена в сохранившихся официальных документах, особенно если такие переименования происходили более ста лет назад, а в лингвострановедческих газетных публикациях она имеется.

Студентка (в настоящее время – аспирант. – С.П.) филологического факультета Воронежского государственного университета Дарья Гальцова, одна из героинь публикаций С.И. Афанасьева, рассказала землякам, откуда взялись названия улиц села Старый Курлак, основанного в начале XVIII века. Аннинские читатели узнали, что такое микротопонимия, как раньше назывались современные улицы села (*ул. Кирова – Барановка*: «Со времён помещиков Станкевичей в селе разводили много овец и баранов. Многих улиц тогда ещё не было, и скот пасли на лугах недалеко от небольшого озера. Животных приводили к нему на водопой. Здесь же их и купали», *ул. Советская – Барская*: «На ней жили богатые купцы Синичкины – владельцы кирпичного завода; жили на этой улице и другие зажиточные односельчане», после пожара в центре Барской улицы эту часть стали называть Погорельщиной; *ул. Краснознамённая – Свисты*: «Два ряда домов Краснознамённой улицы расположены далеко друг от друга. Между ними часто свистел ветер» и др.), особые народные дореволюционные названия улиц, которые не найти в географических словарях, они редко встречаются в письменных документах, зато их помнят и знают местные жители (*Малашкина слобода, Сорокинская слобода, Гурякова слобода, Гудовка, Романовка*) [Афанасьев, 2020, с. 5].

Ещё один журналист «Аннинских вестей» – обозреватель Ирина Аверьянова ведёт полюбившуюся многим аннинцам рубрику «Путеводитель по району», в которой на газетном развороте публикует хорошо иллюстрированные материалы про все сельские поселения Аннинского муниципального района. Читатели узнают об истории всего сельского поселения и его административного центра, о храмах, музеях, памятниках и других достопримечательностях, об интересных людях.

Например, при рассказе о Пугачёвском сельском поселении автор умело использовала исторические сведения из проверенных научных источников, информацию о современном состоянии поселения, привела интересные топонимические сведения: «В XVIII веке на месте расположения совхоза были нераспаханные земли, и только кое-где стояли отдельные домики пастухов, пасших скот, принадлежащий князю Васильчикову и графу Орлову. В 1900 году князь Васильчиков продает участки земли купцу Борису, который жил тогда в Анне, дельцу Терехову и арендатору Рогову. На тех местах, где стояли домики пастухов, появляются хутора, которые получают названия по фамилиям

новых владельцев. Борисов, Терехов и Рогов стали на этих землях выращивать свёклу, которая поставлялась на Садовский сахарный завод. В 1910 году помещик Бабкин покупает сахарный завод и земли у немецких колонистов, а также земли Рогова, Терехова и Борисова. Бабкин владел землями до октября 1917 года. В 1928 году совхоз получает новое название – «Пугачёвский», в честь героя Гражданской войны, красного командира Пугачёва. В 1934 году совхоз посетил член правительства Анастас Микоян. До 1957 года его имя носил посёлок Первомайский. По указанию Микояна в Центральном отделении совхоза построили школу, детский сад, почту, магазин, клуб» [Аверьянова, 2022, с. 6].

В газете «Заря» Таловского муниципального района в 2019 году появилась рубрика «Исчезнувшие с карты», в которой журналисты стали рассказывать о существовавших ранее поселках, публиковать воспоминания их бывших жителей, иллюстрируя фотоматериалами. В данной газете были опубликованы материалы про исчезнувшие поселки Добрый баптист, Корольский, Нижний Колпак и многие другие.

В газете «Родное Придонье» Петропавловского муниципального района по инициативе главного редактора Л. Н. Поповой в январе 2020 года была открыта рубрика «Здесь был хутор», в которой стали публиковать материалы о забытых и заброшенных хуторах района. «Почти полвека назад исчез с лица земли хутор Мандровка, который находился в 18 километрах от Петропавловки. Сегодня на его месте только памятный камень, памятник с именами мандровцев, погибших в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны, и кладбище, более чем наполовину заросшее клёнами да дикой порослью. <...> Старожилы утверждали, что название хутору дал крестьянин по фамилии Мандровский, который перебрался в это место вместе с семьей из села Журавка современного Богучарского района. Было это в 1865 году» [Попова, 2020, с. 8].

Подобных примеров из районных газет Воронежской области и других регионов России можно привести великое множество, что еще раз подтверждает заинтересованность как самих журналистов, так и их читателей в топонимических исследованиях родного края.

Таким образом, региональная пресса играет важную роль в изучении исчезнувших наименований географических объектов нашей страны и служит серьезной исследовательской базой для подготовки «Топонимического мартиролога Российской Федерации».

Список литературы

Аверьянова И. Избушка на курьих ножках, школа бильярда и новый парк: Что интересного можно увидеть в Пугачёвском поселении Аннинского района // Аннинские вести. – 2022. – 28 октября. – С. 6-7.

Афанасьев С. Откуда взялись названия улиц села Старый Курлак: Географию своей малой родины исследовала студентка Дарья Гальцова // Аннинские вести. – Анна, 2020. – 22 сентября. – С. 5.

Попов С. А. (а) Топонимический мартиролог региона как часть национального культурного пространства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. – 2022. – № 3 (11). – С. 104–119. DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-104-119.

Попов С. А. (б) О роли лингвокраеведения в профессиональной деятельности журналистов региональных СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 4 (47). – С. 126-131. DOI 10.36622/AQMPJ.2022.43.86.019.

Попова Л. В Мандровке – полувековая тишина: 46 лет назад исчез с лица земли хутор с необычным названием // Родное Придонье. – Петропавловка, 2020. – 24 января (№ 3). – С. 8-9.

Тулупов В. В. Региональная журналистика: сегодня и завтра // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 2 (4). – С. 78–92.

СЛОВО *ГАРЬ* В КОСТРОМСКОЙ МИКРОТОПОНИМИИ

Цветкова Е. В.

*Костромской государственный университет
(Кострома, Россия)*

*В статье рассматриваются микротопонимы костромского края, образованные на основе слова *гарь* и однокоренных слов. Обращается внимание на семантику данной лексики, апеллятивной и онимической, отражающей народное восприятие окружающего мира, на её функционирование в живой народной речи.*

Ключевые слова: *говоры костромского края; местная географическая терминология; слово *гарь*; топонимия; микротопонимия; костромская микротопонимия*

Слово *гарь*, имеющее прозрачное происхождение: восходящее к праславянскому **garь* – производному от глагола **goreti* ‘гореть’, соотносимого с **garati* ‘гореть, пылать’ [ЭССЯ, 6, с. 102], отличается широтой распространения, многочисленностью и разнообразием значений в русских народных говорах, информация о которых представлена в лексикографических и лингвогеографических трудах, в работах исследователей [ЛАРНГ, 1, с. 120–125, 400–408; СРНГ, 6, с. 148–149; Толстой, 2012, с. 199–201 и мн. др.]. Так, лингвогеографический анализ лексических карт первого тома «Растительный мир» Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) «Горелый, выгоревший лес», «Лес, выросший на пожарище», «Выгоревшее или выжженное место в лесу» свидетельствует, например, о наибольшем распространении именно этого слова, анализ семантической карты «Употребляется ли и в каких значениях слово *гарь*?» показывает, что данное слово обозначает разные места, явления природы, продукты горения, органические соединения, особенно частотным является локативное значение, с преобладанием значения ‘выгоревшее, выжженное место’, во многом совпадающего по распространению с также частотным значением ‘горелый, выгоревший лес’. Подтверждение важности локативного значения, с появлением которого связано расширение семантики (см. об этом [Красовская, 2020, с. 45]), находим и в других источниках по имеющимся в них сведениям о значениях данного слова и соответствующих ему однокоренных слов, по иллюстрациям к ним. Неслучайным поэтому, без сомнения, можно считать и возникновение значительного количества топонимов на основе такой лексики, представляющей собой местные географические термины.

В говорах Костромской области слово *гарь* распространено повсеместно, известно во многих значениях, зафиксированных в говорах других территорий. Оно встречается, по имеющимся у нас данным (картотека Костромского областного словаря, наши личные материалы) в значениях ‘выгоревшее или

выжженное место в лесу' (*Девчонки, говорю вам, сгорит чо в лесу, гарь зовут* – Спас Нерехт.), 'место после пожарища' (*Одна гарь осталась от пожарища* – Нельша Нейск.), 'выжженное в лесу место, предназначенное для посева', 'очищенное от леса место, которое использовали под поля и сенокосные угодья', 'место, очищенное от деревьев и кустарников', 'выжженное место, которое использовали под строительство и др.' (*Выжигали место в лесу, чтоб потом поле было, на котором сажали* – Екатеринбург Кады́ск.; *Гари-то – под покос в лесу места раньше чистили* – Буртасово Судисл.), 'участок из-под выгоревшего леса' (*Мы переезжали когда, видали, скоко гари-то было. Кругом черно* – Верёвкино Судисл.; *Гарь – участок из-под выгоревшего леса. Может распахиваться или служить пастбищем для скота* – Шастово Антроп.), 'заросший выгоревший участок' (*Гарь – когда-то выгоревший участок, заросший осиной и кустарником* – Буртасово Судисл.), 'горелый, выгоревший лес' (*Нечего туда ходить, на гарь-то, одни головяшки и увидишь* – Раслово Судисл.), 'лес, выросший на выгоревшем месте' (*На месте пожара если лес растёт, то это гарь будет* – Здемирово Красн.; *Гарь хороша выросла, высокая, здоровая* – Галич Галич.; *После пожара вон какая гарь выросла* – Полдневица Поназ.), 'заболоченное место, поросшее лесом' (*Гарь – это место такое болотистое, и запах оттуда, кустарник растёт* – Щапово Костр.), 'дымка, мгла от зноя или пожара', 'дым от пожара', 'запах дыма', 'сажа', 'угарный газ' и т. п. (см. также [Ганцовская, 2015, с. 70–71]). Такие же и подобного рода значения имеют и другие лексические единицы с *-гор-/гар-*: *вы́гарь, по́гарь, вы́гарок, га́рник, горéлина, погорéлье, горéльник, погорéльник, гарьё, га́рево, гарьба́, гари́ще, пога́рище, погорéлище* и т. п. (*Выжженное под пашни место называли гарьба* – Вохма Вохом.; *Место-то если горело в лесу, то это гарево или гарь* – Здемирово Красн.; *Была такая дубрава, а теперь погорелье* – Вёшка Кады́ск.; *Теперь в этом погорельнике долго ягоды не вырастут* – Текун Кады́ск.; *На гарнике-то нынче малина хорошая* – Островское Остров.; *На гарище-то новые берёзки выросли* – Носково Пыщуг.; *Баской гарник в Петровцах-то вырос* – Носково Пыщуг.).

Слово *гарь* послужило основой для образования топонимов, в основном микротопонимов, являющихся названиями объектов, которые по своей семантической характеристике соответствуют перечисленным выше апеллятивным названиям. До сих пор сохранились микротопонимы, свидетельствующие о подсечно-огневом способе земледелия, что подтверждается и рассказами старожилов, например: лесок *Аркашкина гарь* (*Участок леса был выжжен для поля крестьянином Аркашкой. Постепенно это место опять заросло лесом* – Леонтьево Мантур.), лесок *Пашкина гарь* (*Лес был выжжен для поля крестьянином Пашкой. Затем постепенно поле снова заросло лесом* – Маслово Мантур.), известные теперь как ягодные и грибные места (*Ребята все ходят на Аркашкину гарь за ягодами* – Леонтьево Мантур.; *На Пашкиной гари много грибов* – Маслово Мантур.). Они сосуществуют с микротопонимами, образованными от иных земледельческих терминов (*паль, огнище* и др.), имеющих в говорах и других регионах, в том

числе и нашедших отражение в микротопонимии [Толстой, 2012, с. 197–201; Климкова, 2008, с. 160–167; Варникова, 1995; Зверева, 2017 и мн. др.].

Слово **гарь** в костромской топонимии чаще встречается в названиях лесов и мест их бывшего расположения, мест в лесах: место выгоревшего леса **Гарь** (*Место это находится между Антушево и Кишкино, где выгорел лес – Антушево Остров.; На гари молодой лес растёт – Чухлома Чухлом.; Место такое Гарь-то есть – Дорогиня Макар.; Бор-то за Гарью находится / На Гарь по кипрей ходила – Михали Нейск.*), лес **Оси́новая гарь** (Луптюг Октябрь.), участок леса **Мака́ровская гарь** (Нейск.), место в лесу **Курья́новская гарь** (*Давно во времена пожара лесного выгорело много деревьев, травы – Чертово Чухлом.*), место **Крусáновские га́ри** (*Крусáновские га́ри – место, где выгорел когда-то лес, за деревней Крусаново – Георгий Чухлом.*). Получили такие наименования также поля, сенокосные участки, пастбища, выгоны, например: поля **Гарь, Га́ри** (*Гарь – большое поле около деревни Комарово – Легитово Антроп.; Гари – поле, где был выжженный лес – Заборье Остров.*), покос **Га́ри** (*Здесь был сильный лесной пожар, вот и назвали / Вчера косили в Гарях – Буйск.*), выгоны, пастбища **Га́ри** (*На Гари скот гоняли. Они находятся около реки Мезы – Грудки Судисл.; Скотину погнали на Гари – Луптюг Октябрь.*). Данная микротопонимия отражает основные особенности апеллятивной лексики, местной географической терминологии, которой она обязана своим появлением, полностью соответствует ей в своём распространении. Составные микротопонимы содержат обычно определение, образованное от антропонима или топонима (комонима) с суффиксом принадлежности или отражающее какую-либо характеристику объекта (например, по растительности). Некоторые микротопонимы содержат определение – производное от слова **гарь**, например: **Га́ревая дорога** (*По Гаревой дороге за малиной ходила – Маручата Вохом.*).

Часто выгоревший лес, выгоревшее место в лесу становятся ягодными и грибными местами (*На гари-то много малины и других ягод растёт – Шулёво Мантур.; На гари был хороший ягодник – Курдюм Кадыйск.; Строчки по гари хорошо растут – Анфимово Чухлом.*), которые называются так же, как места их расположения (происходит перенос названия) или получают свои новые собственные наименования, например: часть леса **Га́ри** (*Гари – часть леса около села Колгора. Молчановцы за грибами обычно на Гари ходят – Сандогора Костр.*), лесной участок **Фи́лина гарь** (*Филина гарь – участок леса, на котором было много грибов, находится на реке Тожега – Коммунар Нейск.*).

Зафиксирована в микротопонимии костромского края и другая лексика с корнем **-гор-/гар-**, демонстрирующая словообразовательное разнообразие. Чаще это тоже названия лесов и мест в лесах: леса **Га́рник** (Межев.), **Горéльник** (Шарьин.), **Вы́гарье** (*Лес Выгарье – выгоревший лес – Разгоняй Солиг.*), **Ро́згары** (*В Борисове – лес Розгары. Там хорошо росли грузди – Екатеринкино Кадыйск.*), **Горéлки** (*Горелки – лес, который, когда стоит долго жаркая погода, загорается от того, что рядом находятся торфяники и болота – Бабаево Нерехт.*), **Горéли** (*Горели – лес около деревни Корково и реки Пызмас / Наши Горели славились лосями – Павино Павин.*), **Га́рино** (*Гарино – около деревни Коровица. Там горел лес – Гусево Мантур.; Пошли на Гарино за*

грибами – Коровица Мантур.), места в лесах *Погорельщина* (Выгорела часть леса там – Ямково Костр.), *Погарки* (Погарки – выжженные места в лесу рядом с воинскими частями / Они заблудились, а когда на Погарки набрали, сразу поняли, где вышли – Медениково Костр.), *Погорелка* (Это место в лесу осталось после пожара. На Погорелку за малиной ходим – Парфеньево Парфен.; Погорелка – ягодное место – Текун Кадыйск.; Место, где когда-то выгорел лес, называли Погорелка – Чернышево Кадыйск.), *Самогары* (Самогары – болотистое место в лесу, где в прошлом очень часто случались самовозгорания – Юрово Макар.). Имеются также подобного рода названия полей, покосов, например: поле *Погорелки* (Погорелки – поле в двух километрах от Столпино, вниз по Волге в сторону Юрьевца. Раньше здесь был лес, который выгорел. Сейчас сделали лесопосадку – Столпино Кадыйск.; покос *Горили* (Горили – покос, урочища (сенокосные угодья), которые расположены близко с Носково. Названы потому, что там когда-то выжгли лес. Земля-то на Горилых-то чернуца – Носково Пыщуг.). Реже встречаются микропонимы, называющие иные места, но по своему происхождению связанные с представленными выше, например: болотистая местность *Выгарь* (Выгарь – болотистая местность это – Полянки Сусан.), место в болоте *Горельник* (Судисл.). Данные микропонимы являются в основном односоставными названиями, образованными путём прямого перехода в них апеллятивов, при этом сохраняющими тесную связь с ними, близость к ним.

Во многом подобны микропонимам многочисленные в костромской топонимической системе комонимы, образованные на основе рассматриваемой лексики (названия выжженных участков переходили по смежности на возникшие на их месте или рядом с ними селения): *п. Гарь* (Нейск.), *д. Гарь* (Антроп., Солиг.), *п. Гари* (Кострома), *д. Погарь* (Солиг.), *д. Огарь* (Парфен.), *д. Выгорки* (Макар.), *д. Погорелово* (Нейск., Солиг., Чухлом., Судисл.), *д. Погорелка* (Вохом., Парфен., Костр., Нейск.), *д. Погорелки* (Буйск., Кадыйск.), *д. Погарново* (Солиг.), *д. Гарева*, *д. Гаревица* (Кологр.), *д. Горелец* (Макар., Парф.). Имеются и подобного рода гидронимы, например: речки *Погорелка* (Буйск., Кадыйск.), *Погорелица* (Кадыйск.) и т. п. Часть названных селений относится к числу исчезнувших. Некоторые из комонимов послужили основой для создания названий других объектов (микропонимов), имеющих отношение к селениям (обычно находящихся рядом с ними), образуя топонимические гнезда, что позволяет им сохраниться в народной памяти на более длительный срок, например: *д. Погорелово* → заболоченное место рядом с ней *Погореловская болотина* (Судисл.); *д. Погорелка* → холм возле неё *Погореловская гора* (Нейск.); *д. Гаренки* → *Гаренская мельница*, полосы в полях *Гареничи полосы* (Вохом.); *д. Погарново* → *Погарновская дорога* (Солиг.). Оттопонимическая (откомонимическая), определяющая, часть таких микропонимов образована чаще с суффиксом принадлежности *-ск-*.

Особенно много названий, по большей части составных, со словом *горелый*: *Горелый, Горелая, Горелое, Горелые, На Горелых, Горелый лес, Горелый бор, Погорелый бор, Горелая сосна, Горелая полянка, Горелое болото, Горелый луг, Горелое поле, Горелое озеро, Горелый мост* и т. п. Чаще

это названия лесов, мест в лесах, болот. Нередко наблюдается перенос названия с одного объекта на другой.

Материалы исследования показывают, что в микропонимии и собственно топонимии слово *гарь* является одним из самых распространённых терминов подсечного земледелия. Многочисленные названия свидетельствуют и о других причинах возникновения гарей. Микропонимы отражают особенности именуемых ими объектов, происходящие с ними изменения, их использование, отношение к ним. Сопоставление микропонимов с апеллятивами помогает увидеть, каким образом происходило их возникновение, определить взаимосвязь этой имеющей много общего лексики. Интересные наблюдения можно сделать при рассмотрении функционирования местных географических терминов и микропонимов в народной речи.

Список литературы

Варникова Е. Н. Отражение терминов подсечно-огневого земледелия в микропонимии Среднего Посухонья // Вопросы региональной лексикологии и ономастики: межвуз. сб. ст., посвящ. 70-летию проф. Ю. И. Чайкиной. – Вологда, 1995. – С. 24–30.

Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – 512 с.

Зверева Ю. В. Народные термины земледелия в русских говорах и микропонимии пермского края // Филологические заметки Пермского государственного национального исследовательского университета. – 2017. – Т. 1. – № 15. – С. 90–100.

Климкова Л. А. Нижегородская микропонимия: разноаспектный анализ: монография / Л. А. Климкова; МПГУ. – Арзамас: АГПИ, 2008. – 261 с.

Красовская Н. А. Расширение семантики слов, относящихся к тематической группе «Растительный мир» (на материалах «Лексического атласа русских народных говоров») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2020. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 41–48.

Лексический атлас русских народных говоров (ЛЯРНГ): Т 1. Растительный мир. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 736 с.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т.1–52. – М., Л./СПб., 1965–2021.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды / отв. ред. С. Б. Бернштейн. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012. – 360 с.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), А. Ф. Журавлева (вып. 32–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41–42). – Вып. 1–42. – М., 1974–2021.

Список сокращений в названиях районов Костромской области

Антроп. – Антроповский.
Буйск. – Буйский.
Вохом. – Вохомский.
Галич. – Галичский.
Кадыйск. – Кадыйский.
Кологр. – Кологривский.
Костр. – Костромской.
Красн. – Красносельский.
Макар. – Макарьевский.
Мантур. – Мантуровский.
Межев. – Межевской.
Нейск. – Нейский.
Нерехт. – Нерехтский.
Октябр. – Октябрьский.

Остров. – Островский.
Павин. – Павинский.
Парфен. – Парфеньевский.
Поназ. – Поназыревский.
Пыщуг. – Пыщугский.
Солиг. – Солигаличский.
Судисл. – Судиславский.
Сусан. – Сусанинский.
Чухлом. – Чухломский.
Шарьин. – Шарьинский

ТОПОНИМ КАРАУЛ НА ТЕРРИТОРИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ И ЛЕКСЕМА КАРАУЛ В ЛИТЕРАТУРНОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.С. Щербак

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
(Тамбов, Россия)*

В статье рассматриваются пути адаптации и развитие значений заимствованного русским языком слова караул, которое закрепилось в основе тамбовского топонима Караул в результате метонимического переноса; выявляются причины, по которым слово караул в заимствованном значении больше не развивается. В современном русском литературном языке слово караул становится родоначальником общерусских слов, развивая богатую словообразовательную парадигму.

Ключевые слова: *Тамбовский край; тюркские топонимы; караул; Караул*

Топонимические форманты иноязычного происхождения не входят ни в русский деривационный инвентарь, ни тем более в диалектную систему: исключение составляют лишь те случаи, когда топоформант соотносится с диалектной лексемой – типа слов *конда*, *сельга* в севернорусских говорах, которые часто встречаются в составе субстратных топонимов финно-угорского происхождения и сосуществуют в ономастическом пространстве наряду с топонимами, имеющими форманты *озеро*, *ручей* и т.п., или типа слов *ерик*, *лиман* в южнорусских говорах – тех слов, которые входят в составные топонимы. Речь идет о том, что топонимические форманты остаются историко-лингвистическими конструктами.

Появление тюркских топонимов на территории Тамбовского края связано с расселением тюркоязычных племен и народов в эпоху Средневековья. Тюркские народы, согласно распространенной точке зрения, в древности обитали в регионе Алтая, откуда они мигрировали в западном и юго-западном направлении, заселяя Сибирь, Урал, Среднюю Азию (Туркестан), Поволжье, Кавказ, Крым.

Гордова Ю.Ю. отмечает, что тамбовские названия населенных пунктов и названия водных объектов могут допускать тюркскую интерпретацию при общеизвестном русском или финноугорском толковании. «Всего названий, соотносимых с тюркскими языками, в Тамбовской области обнаруживается около сотни» [Гордова, 2023: 74]. В это число входят наименования поселений (преобладающее большинство), названные по гидронимам и антропонимам, восходящим к тюркской нарицательной лексике. Ученые отмечают: «На территории Тамбовской области изначально были остаточны сильны угрофинский, тюркский и иранский пласты» [Дмитриева, Щербак, 2002, с. 3].

Жизнедеятельность человека во многом зависела от водоема, поэтому самый распространенный принцип называния водоемов состоял в том, что в основе их номинации лежали определенные признаки, например:

- место, по которому течет река: КАшма (*каш* – тюрк. «край, опушка леса»); ТарАкса (*тара* – тюрк. «пойменный лес»),

- по богатству или характеру улова рыбы: БалыклЕй (*балык* тюрк. «рыба»; *лей* «река»); АЛАбушка (*алабуга* тюрк. «окунь»),

- по растительности в пойме либо по берегам реки: ЧамлЫк (*чамла* тюрк. «сосна»).

- по характеру русла и течения: Ира (в Средней Азии в начале средних веков путешественники выделили глагольную основу *ир* «извилистое русло», «лить, наливать, плавить, таять»),

- цвет воды: БАРСУЧКА (*борсук*, тюрк. «серый»);

- величина: БитЮг (тюрк. «рослый, крепкий»);

- источник питания: КарАй (*кара* тюрк. «река, питающаяся подземными водами»); ср.: на территории Тамбовской области отмечен населенный пункт *Карай-Пуцино* (Инжавинский р-н), река *Сухой Карай* (Мучкапский р-н), *Мокрый Карай* (Инжавинский р-н) [Дмитриева, Щербак, 2001, с. 26].

Сфера преимущественного распространения тюркских топонимов – юго-восточные районы (Инжавинский, Уметский, Кирсановский р-ны) [Зимин 1962].

Обратимся к названию старинного села *Караул* в Инжавинском р-не Тамбовской области. Словарь М. Фасмера отмечает, что слово «караул» заимствовано из чагатайского (староузбекского), татарского, казахского *karaul*, [Фасмер, II, с. 194]. Ю.Ю. Гордова считает, что слово *караул* – «кыпч. *qarayu(l) ‘наблюдатели, наблюдательный пост’ > тат. qarawu. а -ва кыпч. *qarayu(l) ‘наблюдатели, наблюдательный пост’ > тат. Qarawu» [Гордова, 2023, с. 75].

Село было основано I-ой половине XVIII веке крепостными крестьянами вблизи удобного брода через реку Ворона и являлось наблюдательным пунктом в случае набегов кочевников (крымских, нагайских татар). Иными словами, это был пост, который служил для охраны южных границ Русского государства и для предотвращения внезапного нападения.

В основе образования топонима *Караул* лежит метонимический перенос, основанный на смежности, на связи между двумя объектами в реальной действительности: поселение – застава, пост (*караул* – казахское *қарауыл*, киргизское *кароол*, чагатайское *карагул*, – смотрящий/наблюдающий, тот, кто смотрит, наблюдает, охраняет). В результате метонимического переноса слово *караул* в этом значении в русском языке больше не развивается, т.е. обретя своё место в системе русского языка, слово *караул* более не способно семантически развиваться по следующим причинам.

1) слово *караул* стало употребляться в функции междометия: «*Караул!*» (просьба о помощи в случае опасности);

2) слово *караул* стало входить в состав фразеологических оборотов типа «*Хоть караул кричи*», «*Быть в карауле*», «*Стоять на карауле*», «*Взять под*

караул», «*Кричать караул*», «*Взять на караул*»; «*Взять (или посадить) под караул*», «*Сменить караулы*».

3) слово *караул* легло в основу образования фамилии *Караулов*, которая образована от прозвища *Караул*.

4) в русских говорах (костромских, вологодских) прилагательное *караульный* употребляется в значении «сторож, церковный сторож» [Комлева 2004].

Таким образом, заимствованное слово *караул*, с одной стороны, закрепляется в одном из своих значений в топониме-ориентире *Караул*, с другой стороны, становится фактом литературного языка.

В Толковом словаре русского языка у слова *караул* отмечено три значения: 1. Военское подразделение, несущее охрану кого-чего-н. 2. Охрана, обязанности по такой охране. 3. Междометие [Ожегов, Шведова, 2014, с. 247].

В русском языке это слово развивает богатую словообразовательную парадигму (*караулить* – *караулиться* – *караульня* – *караулень* – *караулка* – *караульный* – *караульщик* – *караульщица*, что отмечено в Словаре В.И. Даля). Слово *караул* становится родоначальником общерусских слов, поскольку образование перечисленных выше слов происходит по словообразовательным моделям русского языка.

Итак, иноязычные топонимы субстратного происхождения или топонимы интерстратного происхождения, например, тюркские топонимы, широко распространенные по всей территории к югу от Москвы, вообще не имеют таких морфологических элементов, которые входили бы в словообразовательную систему русского языка или в диалектную словообразовательную систему.

Список литературы

Гордова Ю.Ю., Мудрак О.А. Тюркская топонимия в Тамбовской области // Российская тюркология. – 2023. – Т. 1. – № 2. – С. 71–82.

Дмитриева Л.И., Щербак А.С. Ономастика Тамбовской области. Опыт энциклопедии: в Чч. I-II. Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та. – 2001. – 113 с.

Дмитриева Л.И., Щербак А.С. Топонимы Тамбовской области: культурно-социальный аспект – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та. – 2002. – 53 с.

Комлева Н.В. Антропонимия города Вологды и Вологодского уезда XVI-XVII вв. как источник изучения локальной языковой картины мира // История русского слова. – Вологда, 2004. – Вып. 2. – С. 116–131. [Электронный ресурс] // URL: https://www.booksite.ru/ancient/mode/population_02.htm (дата обращения 06.06. 2024).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка – М.: А ТЕМП, 2013. – 874 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Тт. I-IV. Т. III. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.

ОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА И РЕГИОНА

ОБ ЭРГОНИМНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ ТИПА *У ТАТЬЯНЫ*: УЗУС, ВАРИАТИВНОСТЬ, ОНОМАСТИЧЕСКИЙ СТАТУС

М. В. Ахметова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
(Москва, Россия)*

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

В статье рассматриваются эргонимы, построенные по модели $У N$ (преимущественно в «гостевом» значении). Выявляется происхождение этой модели из западно- и восточноевропейских ономастической традиций. Анализируется использование в узусе таких названий, как официальных, так и неофициальных; особое внимание уделяется их варьированию в речи и взаимосвязи с глагольными конструкциями типа «ходить к N », «обедать/покупать у N »; ставится вопрос об их ономастическом статусе.

Ключевые слова: *микроурбанонимы; эргонимы; неофициальная ономастика; предложно-падежные конструкции*

Материал статьи – эргонимные конструкции, построенные по модели $У N$ (gen.), где N – обозначение объекта, отношение к которому выстраивается в рамках соответствующей номинации, чаще всего реального или символического владельца именуемого заведения. Подобные названия широко распространяются в отечественной коммерческой эргонимии с 1990-х годов (хотя в неофициальном микроурбанимике были известны и ранее) для обозначения предприятий сферы обслуживания, связанных с общественным питанием, а также магазинов (например, российская сеть магазинов «У Пальча»), мастерских (например, велоремонтная «Мастерская у Антонио», Москва), гостиниц (например, «У капитана», Москва).

Несмотря на то что исследователи зачастую трактуют такую модель как отсылающую к дореволюционной ономастической традиции [Крюкова, 2007; Врублевская, 2017, с. 189], обращение к досоветскому материалу не показывает распространенности подобных названий. Если в таких эргонимах (и на вывесках) присутствовало имя владельца, оно было представлено либо в именительном падеже (например, «*Давид Егорович Думлер Н[аследни]ки*»), либо в конструкциях [*Название объекта*] N (gen.) (без предлога *у!*) или [*Название объекта*] N (gen./nom.) (например, «*Номера Ефимова*», «*Московский магазин Саниных*»; «*Торговый дом “М. Л. Боberman с С-ми”*») [Романова 1997; Мизь, Елисеева, 2006, с. 9–10]. Единственный тип источников дореволюционной эпохи, где обнаруживается модель $У N$, – это выходные данные на печатной продукции первой половины XIX в. (например, с фамилиями концессионеров московской Университетской типографии: «У Люби, Гария и Попова»), калькирующие аналогичные описания на европейских языках (лат. *Apud N*, нем. *Bei N*, фр. *Chez N*), но ономастический статус таких конструкций является отдельным вопросом.

Наряду с этим мы можем с уверенностью говорить о бытовании в узусе XIX – начала XX в. глагольных предложно-падежных речевых конструкций с

именем владельца заведения, метонимически заменяющим обозначение объекта, хозяином которого тот является, ср., например, пушкинское *На досуге отобедай / У Пожарского в Торжке* («Из письма к Соболевскому», 1826; имеется в виду гостиница Пожарских) и многочисленные примеры из «Москвы и москвичей» Гиляровского (например, о трактире, который с начала XX в. имел вывеску «Ресторан Тестова»: *Старые москвичи-гурманы перестали ходить к Тестову*; у помещиков и купцов была традиция *пообедать с детьми у Тестова* [Гиляровский, 1981, с. 120, 228]. По-видимому, подобные речевые конструкции действительно содержат в себе ономастический потенциал. Ср. наблюдение П. С. Юстовой по поводу современных чешских эргонимов типа «*U Kopeckých*» («У Копецких») или «*U tři korunek*» («У трех корон»): автор видит здесь корни в исторической ситуации, как европейской, так и российской, когда потребители «посещали не просто какой-то ресторан, а принято было ходить к его хозяину или же ресторан связывался в сознании с каким-либо определённым местом», и в примечании приводит примеры из русских дореволюционных источников, где посетители ресторанов ходили «к Вольфу», обедали «у Борреля» и т. д. [Юстова, 2009, с. 166–167].

При этом в западно- и восточноевропейской эргонимии названия типа *У N* были и остаются широко распространёнными. Так, в немецком языке «гостевые» онимы с *zum* (предлог *zu* в сочетании с элементом артикля *dem*) были известны уже в Средние века: например, варианты названия трактира «*Zum roten Beren/Bären*» («У красного медведя») фиксируются с конца XIV в. [Nauwerck, Nauwerck, 2018, с. 37]. Жители России, а затем и СССР узнавали такие названия из переводной литературы и из прочих источников, где передавались иностранные реалии. В частности, в XX в. были хорошо известны чешские и словацкие «гостевые» названия, построенные по модели *У N* (здесь предлог *u* совпадает с русским *у*) – благодаря публицистике советских авторов, посещавших социалистическую Чехословакию, а прежде всего, вероятно, благодаря одному из «культовых» для советского читателя литературных произведений – незаконченному роману Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны», текст которого буквально пестрит подобными названиями, например, в классическом переводе П. Г. Богатырева: «*У чаши*», «*У Брейшки*» («*У Брейшков*»), «*У золотого венка*» и т. д. (цит. по НКРЯ).

При включении рассматриваемых названий в речь обращает на себя внимание своеобразная синтаксическая особенность, наиболее очевидная в письменных текстах, требующих особого оформления эргонимных номинаций в соответствии с орфографическими и пунктуационными конвенциями. С одной стороны, при совпадении управления внутри номинативной конструкции с таковым в случае, когда последняя является зависимым элементом другой предложно-падежной конструкции, происходит слияние; если же управление и предлог другой конструкции отличаются от таковых в номинации, предлог «внешней» конструкции зачастую редуцируется, а предлог «внутренней» может меняться: это позволяет избежать неудобных форм типа *у «У N»*, *в «У N»* и т. д. Ср. в упомянутом классическом переводе романа Гашека: *С шести*

вечера я всегда «У чаши» на Бошите (цит. по НКРЯ), при этом подобное графическое оформление может встречаться и в ненормированных текстах (ср. комментарий 2022 г. на сервисе «Яндекс Карты» пользователя интернета из Ростова-на-Дону по поводу магазина «У Палыча»: *...если бы я их (торты. – М. А.) купил «У Палыча» <...> беда была бы...* С другой стороны, в соответствии с управлением может варьировать сам оним как предложно-падежная конструкция: ср. в переводе Гашека о трактире «У чаши»: *окольным путем пробрался «К чаше»* (цит. по НКРЯ; ср. оригинальные формы *и Kalicha, ke Kalichu* (без кавычек). Подобные случаи обнаруживаются и в собственно русскоязычных текстах (например, по поводу названия кафе «Машенька»: *А как удобнее говорить: купил «У Машеньки» <...> или в «Машеньке»...?* [Букчина, Золотова, 1968, с. 54] – таким образом, предложно-падежная конструкция становится вариантом эргонима, представляющего собой антропоним в именительном падеже.

Подобное слияние представляется синтаксически более уместным, если воспринимать *N* в составе предложно-падежной конструкции как вариант названия *У N* (и тогда бы в переводе Гашека вместо *я всегда «У чаши»* писалось бы *я всегда у «Чаши»*). Наряду с этим можно говорить либо о расподоблении формы *У N* через использование глагольных конструкций типа «ходить к *N*», либо о том, что форма *У N* из таких конструкций выводится носителями языка путем языковой рефлексии. Приведу два примера из моих полевых материалов, записанных в 2017 г. в Старой Руссе Новгородской области (графическое оформление везде унифицировано): 1) *Этот магазин знаю. Его так и называли – у Павла. Потому что там Павел работал <...>, у меня и свекровь всегда говорила, что «пойдём к Павлу, возьмём, купим»* (жен., 1945 г. р.); 2) *А у Павла – это был <...> мясной магазин, и там работал Павел. <...> Просто он был мясником и продавал там, он один там всю жизнь работал. Спрашивали: «Где купил мясо?» – «Да у Павла». <...> Я в детстве ходила, мама посылала: «Сходи в магазин у Павла. У Павла [поправляется:] – сходи к Павлу в магазин и купи то-то, то-то* (жен., 1959 г. р.). В первом примере формулировка названия магазина воспроизводится в интервью, будучи спровоцирована вопросом собирателя (при этом конструкция *у N* (gen.) фактически подтверждается словоупотреблением «ходить к *N* (dat.)»). Второй пример представляет собой фрагмент из интервью с краеведом, зафиксировавшим неофициальное название магазина «У Павла» в своих материалах. Примечательно, что респондентка, передавая речь своей матери, поначалу использует формулировку, однозначно указывающую на закрепленное собственное имя (как будто мать отправляла ее «в магазин “У Павла”»), но затем, видимо ощущая неловкость такой формулировки, оговаривает, что все-таки ее посылали «к Павлу в магазин». Номинации объекта здесь графически намеренно оформлены иначе, чем в приведенных в предыдущем абзаце трех текстах – литературном, академическом и ненормированном сетевом, но их функциональная идентичность очевидна.

Может быть, речь идет о том, что в одном случае мы имеем дело с официальными названиями, по крайней мере гипотетически документально

оформленными и закрепленными соответствующими вывесками, а в другом – с названиями неофициальными? Но и последние могут оформляться аналогичным образом в рамках глагольных конструкций с совмещением управления, например, в псковском субстандартном словаре приводится полевая запись 2004 г. с игровым переосмыслением названия «Дом услуги» как «У слуги»: *Мы «У слуги» купили <...> пылесос...»* [Никитина, Рогалева, 2006, с. 253] (здесь конструкция *У N* представлена в виде собственного имени, но, учитывая, что заголовок статьи – «Слуга», – почему не «у “Слуги” купили»?). В смоленском краеведческом топонимическом словаре формы типа *У N* приводятся как инвариантные, даже если материал таких форм не подтверждает. Например, в статье «У Даниловны» (о «забегаловке») читаем: *«Ну что, к Даниловне», – лаконичное организационно-досуговое предложение, отражающее заслуженно уважительное отношение к Нине Даниловне Котовой, которая более 20 лет приветливо встречает и качественно обслуживает свою не всегда безупречную клиентуру* [Бутеев и др., 2014, с. 280].

Исходя из этого, можно сделать два предположения.

1. Предложно-падежные номинативные единицы типа *У N* в живой речи варьируют, меняя предлог и управление. В основе такой вариативности лежит эллиптическое слияние предложно-падежных конструкций (ср.: «купил у N / “У N”») вместо «купил в [магазине] “У N”»).

2. «Именные» эргонимы и особенно глагольные конструкции типа «ходить к N», «покупать у N», «обедать у N» потенциально могут эволюционировать в форму *У N*. Это особенно очевидно на материале неофициального ономастикона: номинативные обозначения зачастую функционируют в речи стихийно, не как собственные имена, а как «характеризующие именованья», которые могут стать собственными именами в результате некой социальной потребности [Рут, 2003, с. 121–122]. В случае с рассмотренным материалом собственные имена будто бы возникают в результате сознательной рефлексии как носителей языка, так и зачастую исследователей, опирающихся на существование прецедентной модели, с одной стороны, существующей в современной урбанонимии, а с другой – известной из литературных текстов.

Список литературы

Nauwerck A., Nauwerck G. Wirtshausnamen: Verteilung, Herkunft und Entwicklung im schwäbisch-alemannischen Sprachraum. – Teil 2: Herkunft und Entwicklung. – Norderstedt: Books on Demand, 2018. – 151 S.

Букчина Б.З., Золотова Г.А. Слово на вывеске // Русская речь. – 1968. – № 3. – С. 49–57.

Бутеев Д.В., Сергеев В.Ю., Сибиченков А.Г. Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска. – Смоленск: Маджента, 2014. – 163 с.

Врублевская О.В. Языковая мода в русской ономастике: Монография. – Волгоград: Издательство ВГСПУ «Перемена», 2017. – 328 с.

Гиляровский В.А. Москва и москвичи. – М.: Художественная литература, 1981. – 383 с.

Гостиницы и рестораны старого Владивостока (страницы истории): учеб. изд. / Авт.-сост. Н. Г. Мизь, Т. И. Елисеева. – 2-е изд., испр. и доп. – Владивосток: Издательство ТГЭУ, 2006. – 49 [1] с.

Крюкова И. В. Названия российских деловых объектов с точки зрения языковой моды // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 1. – С. 120–131.

Никитина Т.Г., Рогалева Е.И. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). – М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2006. – 384 с.

Романова Т. . К вопросу о типологии названий торговых предприятий губернского города // Ономастика Поволжья: Материалы Седьмой конф. по ономастике Поволжья / [Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. И Супрун]. – М.: [б. и.], 1997. – С. 181–196.

Рут М.Э. Номинация, наречение и имя собственное // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 3 / Под ред. М.Э. Рут. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. – С. 120–124.

Юстова П.С. Особенности чешских названий предприятий общественного питания (на примере эргоурбонимов г. Трутнова Чешской Республики) // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 38: Сб. науч. ст., посвящ. памяти ... Александры Г[р]игорьевны Широковой / Ред кол.: В.В. Красных, А.И. Изотов, В.Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. С. – 161–172.

Сокращения

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 3.06.2024).

НАЗВАНИЯ ДЕТСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Ю.А. Васильева

*Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева
(Астрахань, Россия)*

В статье рассмотрены структурно-семантические особенности названий детских образовательных центров города Астрахани. На примере эргонимов данного типа можно наблюдать, как формируется городской ономастикон, как в рассматриваемой группе онимов реализуется креативный потенциал русского языка. Большинство выделенных эргонимов содержат знаки адресации, коррелирующие с физиологическими и психологическими особенностями детей разных возрастных групп: наименования детей, прецедентные имена, диминутивы.

Ключевые слова: эргонимы; ономастикон; лингвокультурное сообщество; прецедентные имена

Одной из важнейших проблем современной ономастики является описание русского ономастического пространства, в том числе его эргонимической и урбонимической подсистем. Б.Я. Шарифуллин включает в число компонентов языкового пространства города тексты городской среды (рекламу, вывески предприятий, письменные объявления и пр.); литературные формы речи, обиходную речь («городское просторечие»), регионально окрашенную речь, различные типы жаргонов. Ономастическое пространство рассматривается исследователем как существенная составляющая городского семиотического образа, формируемого в языковом сознании горожан и туристов [Шарифуллин, 2007, с. 45].

Объектом нашего исследования стали названия детских центров образовательно-досуговой направленности, являющихся учреждениями дополнительного образования детей школьного и дошкольного возраста. Объем

выборки составил 70 наименований. По структуре исследуемые эргонимы делятся на одночленные и двучленные (по 35 единиц) наименования.

Онимы исследуемой группы выделяются в региональном ономастическом пространстве по принципу адресности, то есть учета социальных, возрастных, культурных, психических особенностей целевой аудитории. Как правило, тот или иной детский образовательный центр выбирают родители, реже – бабушки и дедушки, играющие значимую роль в воспитании внуков. В процессе выбора названия для детских центров номинаторы исходят из принципа ассоциативности.

В прагматическом аспекте целесообразно оценить уместность, пригодность использования той или иной лексемы, словосочетания или реплики в качестве названий образовательного центра. Рассматривая эргонимы с точки зрения аттрактивности как социолингвистического показателя привлекательности, мы выделили лексико-тематические группы названий детских образовательных центров.

Наименования детей (20 единиц). Ряд эргонимов этой группы информирует об адресате объекта и представлен лексемами, репрезентирующими устойчивые положительные характеристики детей, высокую оценку их умственных возможностей и эрудиции. В сознании адресатов такие номинации связываются с представлением о высоком качестве оказываемых в образовательном центре услуг: *Талантливые крошки, Умнички, Супер детки, Эрудит, Смешлёныш, Умнички, Ваш гений, МультиЗнайка, Альфа Кидс, Альфа Дети, Скородум, Умник и Умница, Отличник, Разумейка, Little Boss*. Одно из таких названий подверглось графической трансформации, и включение в его состав небуквенного элемента указывает на локализацию объекта и отражает региональную идентичность: *Умняшки.30* (число «30» – автомобильный код Астраханской области). Четыре эргонима представляют собой обобщенные наименования детей по поведенческим признакам: *Почемучка, Детвора, Непоседы, Невинные, Литл пипл* (от англ. *little people* – *маленькие люди*).

Прецедентные феномены (11 единиц). Эргонимы этой группы представляют собой «своеобразные знаки, хорошо знакомые представителям одного лингвокультурного сообщества, при употреблении в речи актуализирующие знания, сопряженные с прошлым культурным опытом этого сообщества» [Волкова, Макаренко, 2021, с. 87]. Восемь названий содержат отсылки к литературным произведениям и мультфильмам: *Бэмби, Жар-птичка, Синяя птица, Алые паруса, Цветик-Семицветик, Умка, Цветное молоко³, Лютики Цветочки⁴*. В этой группе эргонимов особо выделим номинации, созданные путем трансонимизации мифозоонимов, – наименования объектов, образованные от кличек животных, известных детям по мультипликационным фильмам и литературным произведениям: *Бэмби, Синяя птица, Умка*. Отметим и случаи трансонимизации идеонимов (названий сказок,

³ советский мультфильм (1979) по мотивам одноименного стихотворения Владимира Орлова

⁴ Песня из к/ф «Женитьба Бальзаминова»

литературных произведений) и фильмонимов (названия кино- и мультипликационных фильмов): *Алые паруса, Цветик-Семицветик, Цветное молоко*.

Три эргонима представляют собой эпонимические имена, мотивированы именами учёных: *Архимед, Галилео, Пифагорка*. В основном прецедентные единицы используются в качестве названий образовательных центров в неизменном виде для однозначности восприятия эргонима со стороны потенциальных клиентов, узнаваемости и возникновения определенных ассоциаций. Трансформации, не повлиявшей, однако, на узнаваемость, подверглись только прецедентные имена *Пифагор* (трансонимизация антропонима сопровождается суффиксацией) и *Жар-птица* (замена одного лексического компонента). Подобные модификации подразумевают появление вариантов семантического образа и функционального смысла. В данном случае мы наблюдаем отнесенность объектов номинации к детской возрастной категории. Отметим, что ассоциации с детским возрастом возникают и при использовании в качестве названий имен диминутивов; в астраханском эргонимиконе это имена существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Тигруля, Антошка, Букварёнок, Лингвистёнок*.

Обозначения места, или отоъектные эргонимы (9 единиц): *Vambini Garden, Киндервилль клуб, Академия малышей, Академия успеха, Дошкольная академия, Просто-школа, Город детства, Город знаний, Мир детства*. Такие номинации включают название типа объекта (по назначению) и какой-либо идентифицирующий признак, указывающий на адресата или сферу деятельности. Представленные номинативные единицы не всегда точно информируют адресата о типе объекта, что позволяет использовать их для номинации многих из них. В эргонимах этой группы лексемы подверглись метафорической онимизации. Метафоризируется понятие, обозначенное словесным комплексом с таким компонентом (*Город детства* и др.).

Эргонимы, связанные с концептом «Успех» (9 единиц): *Шаг вперёд, Первый шаг, Ступеньки, Личная стратегия, Развитие, Динамика, Точка роста, Новый уровень, Яркие люди*.

Эргонимы, связанные с концептом «Ум» (9 единиц): *Дерево знаний, Знай-ка, IQ007, IQ160, Perfect.Um, Аттестатус*

Эргонимы-реплики (5 единиц), появившиеся в результате лексикализации коммуникативных структур. Стилистические черты разговорной речи придают таким названиям эмоционально-экспрессивную окраску: *Скоро в школу, Учёба в радость, Я расту, Хочу в школу, Эврика*. Последний эргоним является прецедентной фразой: *Эврика!* – легендарное восклицание Архимеда, ставшее общеупотребительным для выражения радости в случае разрешения трудной задачи. Эти названия включают глаголы в форме 1-го лица единственного как обозначения действий, состояний, отношений ребенка к школьному образованию. Подобные номинации можно характеризовать как единицы разговорного диалогического синтаксиса. Они являются продуктом «коллоквиализации публичных сфер общения (насыщения

их разговорными элементами)» [Вепрева, 2019, с. 925], повышения коммуникативной значимости устных форм публичной речи.

Единицы нейтральной номинации (6 единиц) не идентифицируют объект, и креативность субъекта в них незначительна: *Аксиома, Азбука, Сказка, Запятая, Сова, Смарткидс*.

Эргонимы, совпадающие с названиями детских игр (2 единицы): *Ладушки, Классики*.

Эргонимы *Абвгдейка* и *Абвгдэя* образованы в результате трансонимизации от названия популярной детской образовательной телевизионной программы для дошкольников и младших школьников. Отметим также одно отантропонимное название (*Алиса*).

Для наименования образовательных центров используются не только общеупотребительные слова, но и неологизмы (в основном суффиксальные), появляющиеся в процессе речетворчества номинаторов. При этом используются известные корневые морфемы и словообразовательные модели:

– *Полиглотики*: от слова *полиглот* + суффикс *-ик-* с диминутивным значением;

– *Лингвистёнок*: от лексемы *лингвист* + суффикс *-ёнок-* ‘лицо, характеризующееся детскостью, невзрослостью’ [ТССЕ]; ср. ребёнок (основное направление деятельности образовательного центра – изучение иностранных языков);

– *Букварёнок*: от лексемы *букварь* + суффикс *-ёнок-* (аналогично с предыдущим примером);

– *Антошка*: от имени Антон + суффикс *-к-* с диминутивным значением;

– *Тигруля*: от слова тигр + суффикс *-ул-* с диминутивным значением;

Мы зафиксировали только один эргоним, образованный с помощью префиксации (иноязычный префикс *супер-*): *Супер детки*. В этой номинации мы наблюдаем отступление от орфографических правил, закрепляющих слитное написание приставки *супер-* с именами существительными.

Как видно из приведенных примеров, в названиях детских образовательных центров номинатор демонстрирует свою креативность, выбирает игровую модальность, говорит с адресатом на его языке. Свойства называемых объектов указывают на адресата или сферу его деятельности.

Список литературы

Вепрева И. Т. Современный эргонимикон: в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. – 2019. – № 16 (4). – С. 168–179.

Волкова Р. А., Макаренко Е. Д. Роль прецедентного феномена в создании эргонимических номинаций (на примере названий предприятий общественного питания г. Краснодара) // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2021. – № 5 (158). – С. 86–90.

Шарифуллин Б. Я. Языковое пространство, языковой быт и коммуникативная среда города // Язык города. – Бийск: Бийский педагогический гос. ун-т, 2007. – С. 45–51.

ИМЕНА ВЕЛИКИХ МЕДИКОВ В ГОДОНИМИИ

Е.В. Веденеева

Саратовский государственный медицинский университет

им. В.И. Разумовского

(Саратов, Россия)

Статья посвящена проблеме изучения медицинских годонимов, т.е. годонимов-антропонимов по фамилиям известных деятелей медицины с позиции меморативной функции.

Ключевые слова: *ономастика; годонимы; антропонимы; трансонимизация; урбанонимия; меморативная функция годонима; деятели медицины*

Как известно, годоним – это вид урбанонима, наименование любого линейного географического объекта в городе: улицы, переулка, шоссе, проспекта, бульвара, проезда, набережной, съезда, тупика. Н.В. Подольская указывает, что годонимия – «одна из самых старых и самых заметных частей городского ономастикона, которая у всех на виду и у всех на устах» [Подольская, 1988, с. 46]. Годонимы представляют собой систему, которая обладает общностью в структурном, семантическом, культурном, историческом и других аспектах. Как утверждает Л.В. Егорова, годонимы существуют уже сами по себе, без привязки к конкретному населенному пункту [Егорова, 2018, с. 226]. Годонимическая система любого города складывается и развивается в течение длительного времени.

У годонимов необыкновенно сильна меморативная функция. Меморативный принцип закрепляет за улицей фамилию известной личности и увековечивает её в наименовании городского объекта. Заслуживает особого внимания утверждение Р.В. Разумова о том, что «наиболее устойчивыми в городском пространстве являются ономастические стереотипы, определяющие развитие собственно урбанонимов – названий улиц, переулков, площадей... проявляются как при создании собственно онимической части названия так и при выборе географического термина или грамматической формы названия. Одним из стереотипов городского онимического пространства является представление о том, что единственным способом увековечивания памяти известного человека является создание названия городского объекта» [Разумов, 2009, с. 146]. В то же время, ежедневно читая названия улиц, проспектов, переулков, люди мало задумываются, какая экстралингвистическая информация об объекте зашифрована в них. Зачастую прохожие имеют весьма поверхностное представление о человеке, в честь которого названа улица, даже если на ней живут. Не вызывает сомнения утверждение исследователя Е.О. Орловой, что «антропонимы наряду с другими урбанонимами несут не просто мемориальное предназначение, но и способствуют созданию аксиологического пространства исторической памяти сообщества; важна память не только о человеке, но и о ценности, ради которой он жил» [Орлова, 2023, с. 192]. Значит, целью номинаторов является прежде всего сохранение коллективной памяти о самоотверженном труде врачей на благо общества, о чем нельзя забывать так же, как об исторических вехах своей страны.

Меморативные номинации принято классифицировать по тематическому принципу. В данной работе мы рассмотрим годонимы, получившие имена в честь деятелей медицины, т.е. являющиеся результатом трансонимизации антропонимов. Стоит отметить, что, в отличие от годонимов, отталкивающихся от фамилий политиков, военачальников, наименований политических и исторических событий, медицинские годонимы изучены еще недостаточно, хотя среди них, как показал наш материал, встречаются и чрезвычайно частотные. По утверждению Т.В. Шмелевой, у годонима есть три задачи: 1) дифференцирующая – отличать свой объект от других; 2) семантическая – сообщать о нём что-то; 3) семиотическая – фиксировать некоторые социально значимые смыслы. [Шмелева, с. 72]. Согласимся с данным утверждением, поскольку медицинские годонимы сообщают нам о людях, чей вклад в развитие медицины бесценен.

Мы рассмотрели годонимы, образованные от фамилий следующих прославленных врачей: Н.И. Пирогов, Н.В. Склифософский, И.П. Павлов, С.П. Боткин, И.И. Мечников, И.М. Сеченов, С.Р. Миротворцев, А.П. Чехов, Ф.П. Гааз, З.В. Ермольева, В.М. Бехтерев, Г.А. Илизаров, В.А. Хавкин, Г.А. Захарьин, С.С.Юдин, А.В. Вишневский. Огромный научный вклад в развитие мировой медицины этих выдающихся специалистов и признательность потомков нашли отражение в наименовании улиц разных городов как России, так и стран СНГ. Очевидно, что российских медицинских годонимов намного больше, чем годонимов в других странах СНГ. Статистические данные были получены с помощью открытых Интернет-источников, в частности, с сайта geodzen.com и сервиса Яндекс-карты. Рассмотрено 624 годонима и биографии 16 врачей.

Самыми популярными в годонимии оказались следующие деятели медицины:

И.М. Сеченов (годонимы в 37 городах РФ, а также 6 в Казахстане, 9 на Украине, по 1 улице в Беларуси и Киргизии – всего 51 единица);

И.И. Мечников (31 годоним; географический охват: в России – от Калининграда до Томска, а также в Белоруссии, Молдавии, на Украине);

С.П. Боткин (годонимы в 20 городах РФ, в Киеве, Львове, Алматы; в Ташкенте есть и улица, и переулок, и 4-ый тупик им. Боткина – всего 26 единиц);

В.М. Бехтерев (всего 26 годонимов, из них 21 в РФ, другие в Беларуси, Казахстане, на Украине).

Можно предположить, что популярность годонимов в честь именитых ученых-врачей связана с их масштабным вкладом в науку и с известностью у широких масс населения.

Немногочисленные случаи применения фамилии ученого в годонимии отражают, как правило, факты его биографии, появляясь в тех населенных пунктах, где эти врачи родились и выросли или работали. Так, *улица Склифософского* находится в Донецке (известно, что Н.В. Склифософский родился в Херсонской губернии Российской империи). Кроме того, всем известен Институт скорой помощи имени Склифософского в Москве, это

пример медицинского эргонима. Создатель первой вакцины против чумы и холеры В.А.Хавкин родился в Одессе, теперь улица его имени есть на территории Украины в Бердянске, это соседний населенный пункт. Именем русский терапевта, сторонника и популяризатора здорового образа жизни, курортологии, бальнеологии, климатотерапии Г.А.Захарьина, который родился в Пензе, но большую часть жизни проработал в Москве, названа одна из улиц столицы, а также Противотуберкулезная клиническая больница № 3, построенная на его средства, и ГБУЗ «Клиническая больница № 6 имени Г.А. Захарьина». Советский хирург, академик СССР Юдин С.С. увековечен в названии улицы в г. Междуреченск Кемеровской области. Известно, что ученый несправедливо пострадал за убеждения и отбывал срок в колонии в Пермском крае, а Кемеровская область для широкого обывателя – это соседний регион.

А.В.Вишневский, хирург, создатель знаменитой мази Вишневского, основатель врачебной династии, учился в Императорском Казанском медицинском университете. Теперь одна из улиц Казани заслуженно носит его имя.

Один из наиболее признанных русских врачей, основоположник полевой хирургии, Н.И. Пирогов в 1847 г. оперировал на Кавказе. Сегодня в г. Пятигорск есть улица его имени. А умер ученый в Виннице, это территория Украины, там тоже есть и улица, и музей в его честь. Кроме этого, годонимы – *улица* и *переулок Пирогова* – есть в Санкт-Петербурге и Самаре.

Профессор-эпидемиолог З.В. Ермольева, создатель пенициллина, родилась в Волгоградской области (сегодня это г. Фролово), училась в Москве, провела полгода в осажденном Сталинграде, предотвращая эпидемию холеры. «Мадам Пенициллин», как ее называли в научных кругах, увековечена в годонимах в Москве, в родном Фролово и г. Михайловск (Ставропольский край), потому что там будущий врач училась на медицинском факультете Донского университета.

«Святой доктор» Ф.П. Гааз родился в Германии, но всю жизнь прожил в России. В честь Гааза названа улица на родине, в Бад-Мюнстерайфеле. Он открыл источники целебной воды в Ессентуках и Железноводске. В этих городах есть улицы в его честь. В 2017 г. мэром Москвы было подписано постановление о присвоении безымянному проезду на территории Тропарёво-Никулино имени Фёдора Гааза. Проезд стал *улицей Доктора Гааза*. «*Улица Доктора Гааза* — первая в Москве, которая не просто названа в честь известного врача, но в названии которой прямо использовано слово «доктор» [Дронов, 2020, с. 24].

Изобретатель известного аппарата Г.А. Илизаров увековечен в названиях улиц в Москве, Махачкале, Кургане и в г. Гусар в Азербайджане, где жил в детстве.

Отдельно стоит сказать об А.П. Чехове. Он прославился как писатель, но не стоит забывать о его первой профессии – врач. Его имя настолько часто встречается в годонимах России и стран СНГ, что по количеству употреблений занимает первое место. Данный годоним представляют 382 улицы, 54

переулка, 11 проездов, 2 тупика, 2 проспекта, 1 аллея – всего 452 единицы. Приведен перечень стран, в которых имеется улица Чехова: Азербайджан (1), Армения (1), Белоруссия (10), Грузия (3), Казахстан (15), Киргизия (3), Молдавия (4), Россия (328), Таджикистан (2), Туркмения (1), Узбекистан (3), Украина (37).

Рассмотрим мотивы появления годонимов в неродном для ученого городе.

К примеру, *улица Миротворцева* в Саратове. С.Р. Миротворцев был русским и советским хирургом, он родился на Дону, сегодня это г. Серафимович, там одна из улиц также носит название *улица Миротворцева*. В Саратове, где он трудился много лет, его именем названа 3-я городская клиническая больница Саратовского государственного медицинского университета. На территории этой больницы установлен памятник Миротворцеву, а близлежащая улица тоже носит его имя.

Крупнейший физиолог И.И. Павлов дал название 12 улицам в РФ, еще по 1 в Белоруссии и на Украине. Родился в Рязани. Учился, совершал научные открытия, окончил жизнь в Санкт-Петербурге. Разумеется, на родине, в г. Рязани, есть годоним в его честь, в Санкт-Петербурге их два. Да и не только годоним. Его именем названы Институт физиологии РАН, медицинские институты (например, в родной Рязани), станции метро, больницы, санатории, самолет, премия по физиологии, даже астероид. Примечательно другое. Практически во всех указанных населенных пунктах этот годоним звучит как *Улица Академика Павлова*, равно как и во всех прочих онимах (например, *пароход Академик Павлов*), т.е. специально подчеркивается научное звание ученого, настолько не оценим его вклад в физиологию. Другие ученые-медики, не менее крупные, в годонимах обозначены фамилией и инициалами.

Главным мотивом для номинации, безусловно, следует считать биографический. Нельзя не учитывать и масштаб личности врача. К примеру, имя Чехова известно любому образованному человеку не только в России, но и за ее пределами, поэтому неудивительно, что множество улиц названо в его честь. Однако можно сделать предположение, что в процессе номинации годонимов Чехов-врач всё же проигрывает Чехову-писателю. В целом медицинские годонимы, образованные от фамилий даже крупных ученых, хирургов, микробиологов, уступают по численности годонимам, увековечивающим память писателей, военачальников, политиков. Хотя даже далекие от медицины люди слышали о Пирогове, Сеченове, Боткине, но это, скорее, случаи, выбивающиеся из тенденции, и имена деятелей медицины всё же менее известны широким слоям населения.

Проанализировав материал, мы пришли к выводу, что традиция номинации городских улиц в честь известных медиков имеет цель прежде всего поддержать меморативную функцию. Многочисленные рассмотренные годонимы позволяют проследить биографический принцип подобной номинации, что в свою очередь влияет на процессы консолидации общества и развитие патриотизма.

Список литературы

Дронов И.А. [Улица доктора Гааза](#) // Церковь и медицина. — 2020. — № 1 (19). — С. 24—31.

Егорова Л.В. К вопросу изучения годонимов в современной парадигме лингвистических исследований // Вестник Чувашского университета. — 2018. — № 2. — С. 224—233.

Орлова Е.О. Годонимы и памятники в честь героев Великой Отечественной войны: действие/бездействие исторической памяти // Ономастика Поволжья: материалы XXI Международной научной конференции. Рязань, 2023. С 191-195.

Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии/ Н. В. Подольская. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Наука, 1988. — 192 с.

Разумов Р.В. Ономастические стереотипы современного городского пространства / Р.В. Разумов // Язык — текст — дискурс: традиции и новаторство. Ч. 2: Материалы международной научной конференции / Самар. гос. ун-т, отв. ред. Н.А. Илюхина.— Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2009 — С. 145– 150.

Шмелева Т.В. Советское наследие в новгородской годонимии [Электронный ресурс]/ Т.В. Шмелева // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы: Материалы научной интернет-конференции. <https://cyberleninka.ru/article/n/tayna-i-simvolika-kitayskogo-blagopozhelatelnogorisunka> (дата обращения 16.09.2019).

geodzen.com [Электронный ресурс] // URL: <https://geodzen.com/?ysclid=lxokeg9z60590104651>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ УРБАНОНИМИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТОВ

М.В. Голомидова

*Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)*

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 23-28-01523

Статья посвящена обзору состояния современной урбанонимики как одного из направлений топонимической науки. Оценивается проблемно-тематическое содержание исследований по городской топонимии. Раскрывается понятие «урбанонимического ландшафта» и намечаются перспективные вопросы изучения урбанонимических ландшафтов разных городов и регионов.

Ключевые слова: городские топонимы; урбанонимы; официальные урбанонимы; неофициальные урбанонимы; урбанонимический ландшафт

Современная топонимика объединяет широкое поле проблемно-тематических направлений. Одним из них является топонимика города, или урбанонимика. В настоящее время она переживает поистине бурное развитие. Факторы, обусловившие рост урбанонимических изысканий, имеют свойства как внутренних научных, так и внешних причин. С одной стороны, нельзя не отметить накопление научных знаний и закономерные количественно-качественные преобразования в самой научной области. Начавшееся в 60-70-е годы формирование урбанонимики продолжилось в ее поступательной динамике и наращивании значительно свода научной информации в диссертациях, в разноформатных изданиях об урбанонимах отдельных городов и регионов, в лексикографических и справочных описаниях городских топонимов, в методических рекомендациях для топонимических практик.

С другой стороны, во второй половине XX века мощно заявил о себе интерес к городской культуре и ее социокультурным явлениям у разных гуманитарных наук. Поэтому не только ономастика, но и семиотика, культурология, гуманитарная география, социология, антропологическая философия обратились к городской топонимии, оценив ее потенциал для решения задач своих исследований. Полученные в итоге научные интерпретации и теоретические идеи не могли не оказать влияния на собственно лингвистическую топонимику. Таким образом, то обстоятельство, что городская топонимия оказалась на пересечении многих научных интересов, стимулировало дальнейшее развитие методологии ее изысканий.

Сегодня научное знание о городских топографических именах развивается, двигаясь одновременно в двух треках. Это и собственно лингвистическое изучение языковых фактов в русле исторического и системно-структурного подходов, и разработка социолингвистического, лингвокультурологического, лингвокогнитивного аспектов образования и функционирования урбанонимии.

К первому своду отнесем, в частности, ряд серьезных монографических изысканий, в том числе диссертации А.Г. Широкова о диахроническом изучении русской урбанонимии [Широков, 2002], Н.Ю. Забелина о структурно-семантических типах московской топонимии [Забелин, 2007], А.М. Мезенко об урбанонимии Белоруссии [Мезенко, 1991], И. Б. Горлановой о структуре, семантике и функционировании топонимии города Костромы в синхронно-диахронном аспекте [Горланова, 2006]; Л.В. Егоровой о годонимиконах Чувашии и Марий Эл [Егорова 2018]; Р.В. Разумова о системах урбанонимов в русских провинциальных городах [Разумов, 2003].

Ко второму своду – большое количество исследований, выполненных в следовании установкам антропоцентрического языкознания и осмысляющих разные стороны связей человека и пространства. Так, в русле когнитивной лингвистики оцениваются особенности воплощения в урбанонимах различной социальной информации (см. диссертацию А.Ю. Асанова о когнитивном изучении урбанонимии города Тамбова [Асанов, 2014], работы А.С. Щербак [Щербак, 2018]

Значительное внимание уделяется лингвокультурологическому аспекту образования и функционирования урбанонимов. В таком направлении выполнены диссертационные работы А.С. Гальцовой о лингвокультурологическом потенциале петербургской топонимии [Гальцова, 2010], Ю.Г. Пушкаревой о лингвокультурологическом потенциале урбанонимии Улан-Удэ [Пушкарева, 2013], Л.Н. Рабадановой об историко-культурных особенностях городской топонимии Махачкалы [Рабаданова, 2012], Е.А. Сизовой о лингвокультурологической специфике урбанонимов Москвы, Лондона, Парижа [Сизова, 2004].

В настоящее время наблюдается интерес к развитию социолингвистического направления урбанонимики. В частности, осваиваются общие вопросы социального изучения ономастического пространства города – см. Олейникова С.Д. [Олейникова, 2007], проблемы формирования и развития

неофициальной городской топонимии – работы М.В. Ахметовой [Ахметова, 2010], Т.В. Голиковой [Голикова, 2014], Е.Н. Клименко, М.Э. Рут [Клименко, Рут, 2018], Л.А. Климковой [Климкова, 2008], И.А. Королевой [Королева, 2022], Н.А. Николиной [Николина, 2008], О.В. Шариповой [Шарипова, 2012] и других исследователей.

В русле социолингвистической проблематики обсуждаются проблемы муниципальной топонимической политики и топонимических практик по наименованию и переименованию городских топографических объектов. Понятию «муниципальная топонимическая политика» и системному описанию этой деятельности уделяет специальное внимание М.В. Голомидова [Голомидова, 2018]. Особенности языковой ситуации и применению официальных языков в урбанонимах, функционирующих на территории национальных республик, посвящены исследования Г.Х. Исмагиловой [Исмагилова, 2011], Л.Н. Рабадановой [Рабаданова, 2012].

Особый тематический тренд сформировался благодаря междисциплинарным работам, посвященным связи городской топонимии с феноменом социальной и территориальной идентичности. См.: публикации М.В. Голомидовой, А.В. Дмитриевой [Голомидова, Дмитриева, 2023], Л.С. Жирновой [Жирнова, 2014], О.А. Полюшкевич [Полюшкевич, 2017], Р.В. Разумова, С.О. Горяева [Разумов, Горяев, 2020], В.Х. Тхакахова [Тхакахов, 2018, 2019].

Таким образом, российская урбанонимика демонстрирует большой диапазон научных интересов, а ее изыскания позволяют получить информацию, которая обогащает не только лингвистику, но и более широкий круг гуманитарных дисциплин.

Новый перспективный ракурс, как нам представляется, открывается в урбанонимике в связи с «ландшафтным» направлением в гуманитарных науках, в том числе и в лингвистическом «ландшафтоведении». Толчок к осмыслению понятия «топонимический ландшафт» был рожден интересом к знаково-символическим качествам ландшафта со стороны культурной географии (или гуманитарной географии). Культурная география заимствовала у семиотики концепцию города-текста и стала развивать теоретическую модель «место как палимсест» (напластование). Модель уже с конца XX в. применяется при разноплановой интерпретации культурных ландшафтов для изучения пространственно-географических социальных представлений. Сначала она апробировалась в западной науке, а затем и в российской [Басик, 2018].

В собственно лингвистических «ландшафтоведческих» работах понятие «топонимический ландшафт», как правило, сближается с понятием «лингвистический ландшафт» и обычно используется для описания языковых фактов из языков, которые контактировала в прошлом либо контактируют и по сей день на определенных территориях.

Попытки осмысления урбанонимии в концепции ландшафта нашли отражение в работах по отдельным городам, например, у А.В. Жидченко – в отношении одного из районов Омска [Жидченко, 2012], В.С. Картавенко – в отношении Смоленска [Картавенко, 2019]. Однако, хотя авторы и применяют

термин «топонимический ландшафт» в общем взгляде на описываемые топонимы, содержание понятия не подвергается специальному объяснению либо конкретизации.

На наш взгляд, понятие урбанонимического ландшафта имеет большие исследовательские перспективы, поскольку позволяет углубить системное социокультурное «измерение» топонимического материала. Теоретическое обоснование понятия «урбанонимический ландшафт» может исходить из концепции комплексного восприятия семантики пространства, репрезентированного в вербальных и невербальных знаках (урбанонимах и сопутствующих невербальных знаках), а также из представлений о неоднородности городской культуры, отраженной в урбанонимах. Это дает возможность рассматривать семантические единства, образованные официальными и неофициальными городскими топонимами, а также, учитывая влияние урбанонимов на невербальное семиотическое обустройство локаций, расширять границы привлекаемого материала и выходить на уровень интерпретации полисемиотических произведений в городском «тексте».

Обобщая ключевые дефиниции, мы можем вывести рабочее определение урбанонимического ландшафта как совокупности собственных имен городских объектов официального и неофициального статуса, сложившихся в рамках одного населенного пункта, вовлеченных в единую систему семиотических связей и отражающих культурный ландшафт территории.

В спектр актуальных вопросов изучения урбанонимических ландшафтов, как нам видится, входят три круга задач собственно теоретического, методического и прикладного характера. К первым относится проработка дефиниций урбанонимического ландшафта как ономастической категории, ко вторым – разработка методов сравнительного изучения урбанонимических ландшафтов разных городов и создание методик исследования полисемиотических комплексов, организованных урбанонимами; к третьим – вопросы развития и выравнивания урбанонимических ландшафтов в контексте современных потребностей городской культуры и городской коммуникации.

Список литературы

Асанов А. Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01.– Тамбов: ТГУ, 2014. – 185 с.

Ахметова М.В. Заметки о неофициальной русской урбанонимике // Вопросы ономастики. – 2010. – № 2 (9). – С. 53–68.

Басик С. Н. Имя и место: топонимический палимпсест в геокультурном пространстве // Современные проблемы территориального развития. 2018. – № 3. – С. 1–15. [Электронный журнал]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-i-mesto-toponimicheskij-palimpsest-v-geokulturnom-prostranstve> (Дата обращения: 05.05.2024).

Гальцова А.С. Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии: автореф. дис. ...канд.филол.наук: 10.02.01. – СПб. Санкт-Петербургский государственный горный институт им. Г.В. Плеханова: 2011. – 23 с.

Голикова Т.А. Официальные vs. неофициальные топонимы Москвы: модели трансформации // Научный диалог. – 2014. – № 9 (33). – С. 24–36.

Голомидова М. В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15. – №. 3. – С. 36–61.

Голомидова М.В., Дмитриева А.В. Отражение территориальной идентичности в топонимическом ландшафте малых городов Урала // Вопросы ономастики. – 2023. – Т. 20. – № 2. – С. 144–173.

Горланова И. Б. Топонимия города Костромы (структура, семантика и функционирование в синхронно-диахронном аспекте): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ярославль, 2006. – 296 с.

Егорова Л.В. Опыт сопоставительного исследования топонимикона двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл): дисс...канд.филол.наук: 10.02.20. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2018. – 184 с.

Жидченко А. В. Топонимический ландшафт нового района советского города как элемент курса на построение коммунизма (по материалам об омском Городке Нефтяников) // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. – 2012. – Т. 12.: Сер. История. Международные отношения. – Вып. 4. – С. 54–58.

Жирнова Л. С. Особенности пространственной идентичности в г. Выборг (на основе анализа названий улиц и предприятий общепита) // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 5. – № 4 (16–17). – С. 93–96.

Забелин Н. Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2007. – 23 с.

Забелин Н. Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2007. – 202с.

Ибрагимова Г. Х. Лексико-семантические особенности урбанонимов в сравнительно-сопоставительном плане: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Худжанд, 2007. – 137 с.

Картавенко В. С. Урбанонимический ландшафт: официальные, полуофициальные и неофициальные названия // Ономастика Поволжья. Материалы XVII Международной научной конференции. Великий Новгород (17-20 сентября 2019). Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого: Издательство ООО ТПК «Печатный двор», 2019. С. 390–394.

Клименко Е.Н., Рут М.Э. Неофициальные урбанонимы Екатеринбурга в социолингвистическом аспекте // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15. – №2. – С. 210–222.

Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01.– М., 2008. – 65 с.

Королёва И.А. Неофициальные топонимы в языке современного города и их изучение [Электронный ресурс] // Социолингвистика. – 2022. – № 3 (11). – С. 86–94.

Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии : дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.02. – Белорус. Гос. ун-т. им. В.И. Ленина. Минск, 1991.– 439 с.

Николина Н.А. Неофициальные урбанонимы в современной русской речи // Язык современного города: Восьмые Шмелевские чтения. Москва: ИРЯ РАН, 2008. С. 125–128.

Олейникова С. Д. Ономастическое пространство г. Моршанска: социальный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2007. – 258 с.

Полюшкевич О.А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. – 2017. – №11. – С. 80–94.

Пушкарёва Ю. Г. Урбанонимия города Улан-Удэ: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Улан-Удэ, 2013. – 225 с.

Рабданова Л.Н. Урбанонимы Махачкалы (историко-культурологический, структурно-семантический и сопоставительный аспекты): автореф.дис. ...канд.филол.наук: 10.02.20. –Москва, 2012. – 23 с.

Рабданова Л.Н. Урбанонимы Махачкалы (историко-культурологический, структурно-семантический и сопоставительный аспекты): автореф.дис. ...канд.филол.наук: 10.02.20. – Москва, 2012. – 23 с.

Разумов Р. В., Горяев С. О. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние // Вопросы ономастики. – 2020. – Т.17 (2). – С.201–219.

Разумов, Р. В. Система урбанонимов русского провинциального города конца ХУШ–ХХ вв. (на примере Костромы, Рыбинска и Ярославля: дис. ... канд. филол.наук: 10.02.01. – Ярославль, 2003. – 293с.

Сизова Е. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Пятигорск, 2004. – 199 с.

Тхакахов В.Х. Идентичность и память в урбанонимах Магаса // Общество. Среда. Развитие. – 2018. – № 3 (48). – С. 62–67.

Тхакахов В. Х. Идентичность и память в урбанонимах Владикавказа // Дискурс. – 2019. – Т. 5. – № 6. – С. 108–119.

Шарипова О.В. Неофициальные топонимы как подсистема языка города // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4 – Т. I (Гуманитарные науки). – С.203–206.

Широков А. Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: Апеллятивно-онимические комплексы : дис. ... канд. филол. наук: XX – Волгоград, 2002. – 185 с.

Щербак А.С. Универсальное свойство урбанонимической категории // Нефилология. – 2018. – Т. 4. – №13. – С. 5–11.

«ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ» В УРБАНОНИМИИ ГОРОДОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

С.О. Горяев

*Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта 23-28-01523 «Топонимический ландшафт города в аспекте отражения региональной и локальной идентичности (на языковом материале городов Уральского федерального округа)», <https://rscf.ru/project/23-28-01523/>

В исследовании рассматриваются городские топонимы, или урбанонимы, мотивированные отсылкой к названиям иных городов и поселений. Отойконимические урбанонимы возникают исторически как названия транспортных путей, связывающих населенные пункты между собой. В настоящее же время они чаще всего являются частным воплощением условно-символической географической макро модели, в рамках которой городские топонимы отражают связь города с домашним и близлежащими регионами, всей страной, и миром в целом. На примере Екатеринбурга показывается, как в городском урбанонимиконе отражается пространство ближайшего круга, через названия по городам и поселениям Среднего Урала, круга сопредельных регионов, в основном, в границах Уральского федерального округа (УрФО), круга общероссийского уровня, и, как памятник эпохи, круга стран, входивших в состав Советского Союза. Для сопоставления рассматриваются данные топонимии северных городов УрФО – Сургута, Урая, Ханты-Мансийска и Салехарда. В этих городах отойконимические урбанонимы оказываются сравнительно редкими, но в целом модель также находит свою представленность.

Ключевые слова: урбаноним; урбанонимический ландшафт; территориальная идентичность; внутренняя форма топонима; мотивация; условно-символическая номинация; Уральский федеральный округ

В настоящей публикации мы предлагаем обратиться к одной из частотных моделей наименования улиц, переулков и иных линейных объектов городского пространства – номинации по иному населенному пункту, то есть не по тому поселению, в котором расположена улица. Речь пойдет об

официальных урбанонимах, зафиксированных в документах и обладающих адресной функцией. Материалом служит урбанонимия Екатеринбурга в сопоставлении с другими городами Уральского федерального округа – Салехарда, Сургута, Ханты-Мансийска и Урая.

Появление «ойконимически мотивированных» урбанонимов возможно как реализация двух противоположных по интенции мотива появления подобных урбанонимов. Первый проявляется как реализация дескриптивной мотивировки – улица «сохраняет» и получает в качестве официального название дороги, ведущей из города в другой населенный пункт. Второй мотив проявляется как реализация условно-символической мотивировки, и является частным случаем одной из пяти семантических макромоделей – условно-символической географической: «Возникая первоначально как названия дорог и направлений, такие урбанонимы перестают быть пространственными ориентирами и символически вписывают город в пространство региона, страны, мира» [Городская топонимия..., 2023, с. 29–30]. Этот путь оказывается гораздо более продуктивным, поскольку круг поселений с которыми определен город связан «физически», транспортными путями, естественно, является ограниченным, тогда как символическая связь никаких ограничений не предполагает.

Как отмечает Р. В. Разумов, подобные названия характерны, прежде всего, для столиц: «Впервые идея использовать имена собственные для этой цели родилась еще до революции в Санкт-Петербурге. Наличие в городе большого количества однотипных названий вынудила власти искать способы устранения одноименности. Результатом этой работы стало возникновение идеи присваивать объектам урбанонимы, образованные от названий населенных пунктов страны... В советское время традиция увековечивать на карте столицы населенные пункты страны была перенесена в Москву, где также стали создаваться ансамбли названий» [Разумов, 2022, с. 164]. Впрочем, этот подход работает «в обе стороны», и на карте России *улица Московская*, в честь столицы государства, есть более чем в полусотне городов, да и сама традиция отражать в городской топонимии названия иных населенных пунктов является достаточно распространенной.

Рассмотрим на конкретном примере особенности бытования и появления ойконимически мотивированных урбанонимов на материале Екатеринбурга. При этом мы «отсеиваем» мотивировочные отсылки «первого» типа, несколько названий с дескриптивной мотивировкой, тем более, что в Екатеринбурге подобные названия обычно вынесены за пределы городского пространства, так например, магистраль *Московский тракт* на въезде в город получает официальное название *улица Металлургов*. Остановимся подробнее на названиях-посвящениях, в которых отражается как заселенное пространство региона, так и более обширная территория России и сопредельных стран.

К отойконимическим названиям-посвящениям можно отнести не менее 187 екатеринбургских годонимов, что составляет довольно значительную часть официальной городской топонимии – более 12%. При этом такие названия отмечают своего рода расходящиеся круги «екатеринбургоцентричного»

пространства, начиная от ближней периферии, включая спорадические названия в честь поселков, вошедших в XX веке в черту города, до весьма отдаленных.

Ближний круг отражен в названиях в честь городов и поселков Свердловской области, представленных 81 урбанонимом: улицы *Артинская, Баранчинская, Бархотская, Белоярская, Березовская, Билимбаевская, Бисертская, Гагарская, Дружининская, Илимская, Ирбитская, Качканарская, Кировградская, Клевакинская, Козловская, Колчеданская, Коуровская, Красноуральская, Красноуфимская, Кунарская, Кушвинская, Кытлымская, Лобвинская, Логиновская, Лялинская, Малоистокская, Манчажская, Марамзинская, Мраморская, Мурзинская, Надеждинская, Новоистокская, Новокольцовская, Оброшинская, Обуховская, Решетская, Сажинская, Салдинская, Сосьвинская, Среднеуральская, Сухоложская, Сылвинская, Таборинская, Таватуйская, Тагильская, Уктусская, Уткинская, Хромцовская, Черноярская, Шувакишская*; переулки *Арамилский, Асбестовский, Аятский, Багарякский, Балтымский, Висимский, Волчанский, Гаевский, Гаринский, Еловский, Измоденовский, Калиновский, Кашинский, Колюткинский, Крутихинский, Крылатский, Кузинский, Курьинский, Монетный, Мугайский, Невьянский, Палкинский, Рудянский, Саранинский, Северский, Сухановский, Сысертский, Тугулымский, Черноусовский, Шалинский, Шамарский*.

Круг ойконимов Уральского федерального округа, естественно, представлен в урбанонимии Екатеринбурга менее широко, чем названия, посвященные домашнему региону, это 19 названий: улицы *Далматовская, Курганская, Миасская, Симская, Синарская, Тобольская, Троицкая, Тюменская, Уфалейская*; переулки *Еланский, Златоустовский, Ишимский, Карабашский, Каслинский, Катайский, Кыштымский, Челябинский, Шадринский, Шумихинский*. При этом шире всего в посвящениях представлена Челябинская область. Однако современное деление на федеральные округа является достаточно поздней административной инновацией. К кругу соседних регионов следует, несомненно, отнести Пермский край, поскольку в свое время Екатеринбург входил в Пермскую губернию, а в двадцатых годах XX века в течение десятилетия Пермская, Екатеринбургская, Челябинская и Тюменская губернии были объединены в Уральскую область. Соответственно к этому же кругу следует присоединить и 12 «пермских названий: улицы *Вижайская, Губахинская, Краснокамская, Медногорская, Пермская, Соликамская, Усольская, Чердынская*; переулки *Кунгурский, Добрянский, Левшинский, Теплогорский*.

Круг общероссийского уровня представлен названиями, отсылающими к самым разнообразным регионам России, без ярко выраженного выделения какого-либо одного региона. Кроме чистых названий-посвящений, несколько урбанонимов возможно, отсылают к городам, имеющим определенную историческую связь с Екатеринбургом – по названиям поселений, предприятия которых были эвакуированы на Средний Урал во время войны. Общероссийский круг, с учетом новейшего регионального состава РФ представлен 57 названиями: улицы *Армавирская, Астраханская, Ачинская,*

Бобруйская, Верхоянская, Владивостокская, Волгоградская, Вологодская, Вятская, Гурзуфская, Донбасская, Иркутская, Казанская, Каширская, Кизеловская, Климовская, Костромская, Краснодарская, Кронштадтская, Ленинградская, Луганская, Майкопская, Московская, Новосибирские (первая и вторая), Норильская, Омская, Орловская, Пензенская, Ржевская, Севастопольская, Симферопольская, Смоленская, Сорочинская, Суходольская, Тихорецкая, Ульяновская, Уфимская, Чистопольская, Читинская, Шатурская, Ярославская; переулки Белорецкий, Воронежский, Камышинский, Коломенский, Рыбинский, Рязанский, Серпуховский, Симбирский, Сухумский, Сызранский, Тверской, Тихвинский, Херсонский, Хибиногорский, Ялтинский.

Круг зарубежных ойконимов состоит из 19 названий, отсылающих, в основном, к городам бывших советских республик, с включением одной номинации, относящегося к государству из существовавшей в свое время группы «стран народной демократии»: улицы *Варшавская, Ереванская, Кишиневская, Конотопская, Павлодарская, Петропавловская, Полтавская, Самаркандская, Ташкентская, Ферганская, Харьковская, Черкасская; переулки Алма-Атинский, Ашхабадский, Батумский, Рижский, Таллинский, Черниговский; бульвар Тбилисский.*

Таким образом, отойконимическая номинация оказывается достаточно продуктивной в городском пространстве Екатеринбурга. Отметим, также, что чем шире географически круг мотивирующих ойконимов, тем сильнее проявляется символическая нагруженность названий. Урбанонимы, мотивированные местными населенными пунктами, иногда сохраняют хотя бы отдаленный намек на дескриптивность, например, могут отражать примерное направление на упоминаемый объект, тогда как в более широких кругах это не очевидно. Ряд упоминаемых урбанонимов образует своего рода микросистемы, но принципиально объединенные общим принципом мотивировки, а не географическим положением упоминаемых городов. Например, пер. *Алма-Атинский* действительно расположен в южной части города, но связан такими линейными объектами как пер. *Мордвинский* и пер. *Онежский*, а ул. *Ереванская*, наоборот, расположена в северной части города, рядом с ул. *Армавирская, Конотопская* и *Тагильская* по названиям городов, относящихся к разным регионам и даже государствам.

В целом урбанонимия Екатеринбурга отражает его включенность в российское и бывшее «советское» пространство, а также статус, «столичный» по отношению к Среднему Уралу и, в последнее время, центральный по отношению к Уральскому федеральному округу. Однако одна из территорий в рамках последнего – Тюменская область – исторически и географически относится уже не к Уралу, а к Сибири. Кроме того, в ее составе находятся отдельные субъекты РФ Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО) и Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) имеющие свою национальную историческую и культурную специфику. Мы обратились к городской топонимии четырех городов – в городах Сургут, Урай и Ханты-Мансийск (ХМАО) и Салехард (ЯНАО).

Если рассмотреть только отойконимические названия, оказывается, что доля таковых в этих северных городах существенно меньше, чем в Екатеринбурге. По сути, таковые названия оказываются спорадическими. В Сургуте представлены улицы *Белоярская* (по названию города в ХМАО), *Тюменская* (по столице субъекта РФ), *Московская* и *Ленинградская*. В Ханты-Мансийске это улицы *Барабинская*, *Березовская* (по поселку Березово), *Назымская*, *Сургутская*, *Уренгойская*. Данные по Ураю показывают только два отойконимических названия – улицы *Тюменская* и *Шаимская* (по селу Шаим). В Сургуте же только один урбаноним, улица *Игарская*, воплощает отойконимическое посвящение. В принципе, отойконимическими являются также названия улицы *Обдорская* в Салехарде, названная по историческому названию этого города – Обдорск, и улицы *Самаровская* и, возможно *ул. Ямская* в Ханты-Мансийске, от исторических названий поселения Самарово и почтовой станции Самаров Ям. Однако в настоящей публикации мотив исторической памяти как основу для урбанонимической номинации мы не затрагиваем.

Однако указанные северные города воплощают условно-символическую географическую макро модель не с опорой на ойконимы, но через обращение к другим географическим названиям, чаще – к хоронимам, см. например, улица *Сибирская* (Сургут), улица *Крымская* (Урай), улица *Уральская* (Ханты-Мансийск, улица *Ямальская* (Салехард). В целом, за исключением Урая, в урбанонимии которого она закрывает чуть более 2%, в прочих городах ее распространенность более или менее коррелирует с указанными выше данными по Екатеринбургу: в Сургуте и Ханты-Мансийске приблизительно по 16%, а в Салехарде – 12%.

Рискнем предположить, что хотя отойконимическая модель достаточно распространена в русской урбанонимической номинации, ее воплощение в конкретном городе зависит от ряда факторов. Это может быть размер города, общая урбанонимическая освоенность городского пространства, расположение города и «обжитость» территории вокруг. Таким образом, в урбанонимии конкретного населенного пункта она может быть массовой или спорадической. Но в целом она является одной из урбанонимических универсалий и дальнейшее ее изучение.

Список литературы

Городская топонимия: современная политика и практика именования: монография / М. В. Голомидова, Р. В. Разумов, А. В. Дмитриева и др.; под ред. М. В. Голомидовой, С. О. Горяева. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. – 216 с.

Разумов Р. В. Русская урбанонимия: Полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования: монография / под науч. ред. В. И. Супруна. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. – 387 с.

К ВОПРОСУ О КОММЕМОРАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ В ГОДОНИМИИ ГОРЛОВКИ

А. В. Дзис

Донецкий государственный педагогический университет

(Горловка, ДНР, Россия)

Работа посвящена анализу наименований линейных адресных объектов с позиции коммеморации. Объектом исследования является тематическая группа годонимов современной Горловки, восходящая к именам известных деятелей культуры, науки и искусства, а также к именам космонавтов, спортсменов, изобретателей и врачей, предмет исследования – годонимы в качестве коммеморативных символов.

Ключевые слова: память; коммеморация; меморатив; годоним; увековечивание; линейный адресный объект; Горловка

В онимных единицах языка зафиксированы важные лингвокраеведческие факты, исследование которых проводится в области региональной ономастики для сохранения и передачи последующим поколениям культурной информации о традициях и обычаях региона. **Актуальность** данной работы обусловлена тем, что изучение годонимии сквозь призму различных аспектов является важной задачей отечественного языкознания. **Цель** работы – описание и анализ наименований линейных адресных объектов, восходящих к именам известных деятелей в сфере науки, культуры и искусства, а также к именам космонавтов, спортсменов, изобретателей и врачей, г. Горловки с позиции коммеморации.

Стоит отметить, что в ономастике для называния группы онимов, фиксирующей культурные факты, используется термин *мемориальные имена-собственные*, или *меморативы* – (от лат. *memorialis*) ‘имя, данное в память о ком-либо или о чём-либо’ [Подольская, 1978, с. 124]. Мемориальные имена собственные в качестве объекта исследования на материале годонимии рассмотрены Т. В. Шмелёвой в работе «Советские имена улиц в современном городе» [Шмелёва, 2009, с. 196]. В настоящее время представителями различных отраслей науки используется термин *коммеморация* (от франц. *commemoration* ‘памятование’) – ‘совокупность публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение (повторение) в актуальной культуре значимых для группы, символически выраженных селективных представлений о прошлом’ [Шуб, 2023, с. 16]. Под *коммеморацией* также понимают особую практику памяти, объединённую единым дискурсивным пространством и способствующую ‘выявлению сложных взаимосвязей языка и внеязыковой действительности’ [Карданова-Бирюкова, 2011, с. 409]. Т. В. Шмелёва и С. А. Попов считают коммеморацию практикой увековечивания, где увековечивание – начальный акт коммеморации [Шмелёва, 2016, с. 123–124]. Феномен коммеморации в современном языкознании рассматривается разносторонне, о чём свидетельствуют многочисленные работы исследователей. Изучением данного вопроса занимаются М. В. Голомидова, Т. Н. Иванова, С. А. Попов, Е. В. Романовская, Л. П. Репина, О. П. Соколова, Т. В. Шмелёва, Л. М. Шуб и др.

Важно отметить, что **объектом** коммеморации выступают люди (отдельно взятая личность, группа людей) [Шмелёва, 2016, с. 124] или значимые даты, поэтому *акт коммеморации* представляется в качестве средства стимуляции *коллективной памяти* – особого вида человеческой памяти, аккумулирующей информацию в пространстве и времени.

Изучение коммеморативных практик в лингвистике основано на анализе языковых знаков, фиксирующих важную историческую информацию. Для названия такой единицы М. Л. Шуб предлагает использовать термин *коммеморативный символ* – «условный знак, выражающий представление о прошлом» [Шуб, 2018, с. 162]. В свою очередь, разделяя взгляды М. Л. Шуб, Л. В. Ландина придерживается мнения о том, что коммеморативный символ является результатом, «ценностным историческим «шлейфом»», сопровождающим ту культурную информацию, в основе которой лежит объект или субъект наименования [Ландина, 2023, с. 19].

Феномен коммеморации необходимо рассматривать также на топонимическом материале (на материале годонимов в том числе). Данные единицы содержат информацию лингвокультурологического характера (имена и фамилии важных для истории людей, исторические события и даты). Так, для сохранения культурной информации о городе, регионе и стране в названиях линейных адресных объектов зафиксированы данные об именах и фамилиях известных деятелей науки, культуры и искусства, а также космонавтов, спортсменов, изобретателей и врачей. Так, в нашей картотеке зафиксировано 19 единиц, содержащих лексему *академик* в качестве указания на 'звание учёного, скульптора, художника и т.п., избранного в соответствующую академию' (Академию наук) [МАС, 1985, с. 28]. Например, ул. *Академика Бардина* названа именем инженера Ивана Павловича Бардина, который был удостоен звания академика за технические разработки и внедрение новых принципов в строительные технологии без учёта опубликованных научных трудов; ул. *Академика Белецкого* и ул. *Белецкого* носят имя известного литературоведа, академика АН СССР, обладателя двух Орденов Трудового Красного Знамени Александра Ивановича Белецкого; ул. *Академика Белянкина* именована в честь Народного архитектора СССР, педагога, обладателя премий Совета Министров СССР Геннадия Ивановича Белянкина. К примерам годонимов с лексемой *академик* также относятся ул. *Академика Бардина*, ул. *Академика Веденеева*, ул. *Академика Вильямса*, ул. *Академика Каменского*, ул. *Академика Лысенко* и др.

С точки зрения коммеморации важной задачей является увековечивание памяти писателей и поэтов, поэтому в годонимии г. Горловки зафиксированы такие наименования, а именно ул. *Александра Блока*, названная в честь известного представителя Серебряного века русской литературы Александра Александровича Блока; ул. *Беспощадного* и ул. *Чёрного-Диденко* (ранее ул. *Ботаническая*) именованы в честь писателей-горловчан Павла Григорьевича Беспощадного и Юрия Лукича Чёрного-Диденко; годоним ул. *Жуковского* назван именем поэта, основоположника русского романтизма Василия Андреевича Жуковского; ул. *Карамзина* носит имя писателя-септантиста и историка Николая Михайловича Карамзина. Имена писателей и поэтов в годонимии увековечены в следующих примерах: ул. *Андерсена*, ул. *Анри Барбюса*, ул. *Бернарда Шоу*, ул. *Брюсова*, ул. *Гайдара*, ул. *Гоголя*, ул. *Гончарова*, ул. *Горького* и др.

В годонимии современной Горловки зафиксированы наименования линейных адресных объектов, восходящие к именам космонавтов. Например, ул. *Гагарина*, названная в честь советского космонавта Юрия Алексеевича Гагарина; ул. *Пацаева*, именованная в честь известного советского лётчика-космонавта, инженера Виктора Ивановича Пацаева; ул. *Комарова Космонавта* носит имя Владимира Михайловича Комарова – советского лётчика-космонавта, первого на Земле человека, дважды побывавшего в космосе.

С позиции коммеморации можно также рассматривать годонимы Горловки, названные в честь известных спортсменов. Так, ул. *Гомельская* названа в честь Александра Яковлевича Гомельского – Заслуженного тренера СССР по баскетболу, а ул. *Слуцкого*, в свою очередь, – в честь Леонида Викторовича Слуцкого – российского футбольного тренера, награждённого званием Народного тренера России.

В ономастическом пространстве г. Горловки зафиксированы также названия линейных адресных объектов, восходящих к именам врачей и работников медицинской сферы. Например, ул. *Боткина* названа в честь Сергея Петровича Боткина – врача-терапевта, профессора Императорской Медико-хирургической академии; ул. *Короткова* носит имя Николая Сергеевича Короткова – российского хирурга, предложившего звуковой метод измерения артериального давления, который получил название «метод Короткова».

Стоит отметить, что рассмотренные нами примеры наименований линейных адресных объектов встречаются в годонимии большого количества современных городов Российской Федерации. Данная специфика наименований внутригородских объектов – это, по мнению Л. В. Голомидовой, часть государственной политики, которая направлена на сохранение культурного опыта и национальной идентичности народа.

Итак, годонимию г. Горловки необходимо изучать сквозь призму коммеморации по причине того, что в данных языковых знаках содержатся важные факты об истории и культуре, традициях и обычаях города и региона в целом. Перспективой работы считаем изучение феномена коммеморации на материале тематической группы годонимов г. Горловки, восходящих к реалиям Великой Отечественной войны.

Список литературы

Карданова-Бирюкова К. С. Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 604–610.

Ландина Л. В. Коммеморация как объект междисциплинарного знания // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусства. – 2023. – № 1 (47). – С. 17–25.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1985. – Т. 1. – 736 с.

Шмелёва Т. В. Мемориализация как культурная практика и ономастикон Великого Новгорода // Новгородика-2015. От «Правды Русской» к российскому конституционализму:

материалы V Международной научной конференции, Великий Новгород, 24–25 сентября 2015 года. – Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Я. Мудрого, 2016. – С. 123–130.

Шмелёва Т. В. Советские имена улиц в современном городе В 2 т. – Т. 2: моногр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2009. – 396 с.

Шуб М. Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // Обсерватория культуры. – 2018. – № 15 (2). – С. 161–169.

УРБАНОНИМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА ТОРЖКА: НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ТОПОНИМЫ

В.В. Заонегина

Колледж Росрезерва

(Торжок, Россия)

В статье анализируется топонимическое пространство малого русского города Торжка в разрезе возникновения и функционирования неофициальных топонимов. Данный тип урбанонимов рассматривается через призму семантических способов номинации и структурных способов образования. Выявлена специфика неофициальных топонимов как неотъемлемых лексических единиц в разговорной речи горожан.

Ключевые слова: *топонимическое пространство; неофициальный топоним; семантический способ номинации; структурный способ образования*

Неофициальные топонимы являются актуальным предметом изучения лингвистов, поскольку отражают живую жизнь языка. Некоторые современные ономотологи называют неофициальные топонимы *локализмами, регионализмами, региолектами, узуальными номинациями, неофициальными регионализмами, топонимами-прозвищами, урбонимами, окказионализмами* и т.п. [Шарипова, 2012, с. 203]. В рамках настоящего исследования используется нейтральный термин «*неофициальный топоним*».

Топонимическое пространство (ТП) города Торжка представлено широким спектром неофициальных топонимов. В настоящее время в языке города функционируют 96 такого рода топонимов. Источником неофициальных топонимов послужила устная речь новоторов (использовались метод опроса и метод непосредственного наблюдения за живой речью). Следует отметить, что в силу специфики функционирования неофициальных топонимов выводы, касающиеся этой зоны ТП, относятся, в основном, к современному периоду. Однако есть неофициальные наименования дореволюционного и советского периодов, зафиксированные в краеведческих источниках, что дает возможность анализировать данные топонимы в исторической перспективе.

Как отмечает М.В. Мальцева, неофициальные названия получают не все официальные топонимы, а только те, которые имеют яркие внешние особенности или играют большую роль в жизни горожан. Неофициальным урбанонимам свойственна краткость, экспрессивность, оценочность, которые являются признаками разговорной речи. Вместе с тем в совокупности с официальными урбанонимами они образуют единое культурное пространство города [Мальцева, 2015, с. 72].

Рассмотрим неофициальные топонимы с точки зрения семантических и структурных способов номинации и образования.

1. Семантический способ номинации по связи объекта с человеком.

Одним из продуктивных способов номинации является способ по связи объекта с человеком: *Ильинка – Ильинская площадь, Белинка – ул. Белинского, Луначарка – ул. Луначарского, Калинка – Калининское шоссе, Кировский садик – сквер Кировский сад*. Данный способ номинации представлен 20 наименованиями (21% от общего количества неофициальных топонимов). Подобные названия городских объектов не только эпонимические, но и обозначают профессию (*Авиационка, Гончарка*) и определенную общность людей (*Гражданка, Красноармейка, Пролетарка*).

2. Семантический способ номинации по присущим объекту свойствам и качествам.

В торжокской неофициальной топонимии нашел отражение способ номинации по присущим объекту свойствам и качествам: *Поганый ручей – ручей Здоровец, Жабкино – улица Маяковского* на окраине города – болотистая местность; первый многоэтажный дом, построенный в 1930-е годы – *Вашигтон*; отдаленный район на берегу Тверцы – *Шанхай*; многоподъездный дом – *Китайская стена*. Данный способ номинации представлен 28 наименованиями (29% от общего количества неофициальных топонимов). Названия, образованные данным способом, отражают как внешние характеристики объекта, так и время существования (*Новая Голландия, Старый мост*) и натуралистические характеристики (*Аллея, Елочки, Масляное болото*).

3. Семантический способ номинации по связи объекта с другими значимыми объектами.

В группу неофициальных топонимов, образованных с помощью способа номинации по связи объекта с другими значимыми объектами, входят оттопонимические наименования (*Кувшинка, Ленинградка*) и топонимы, указывающие на близлежащие неприродные объекты (например, *Вокзалка – Привокзальная площадь, Стадионка, Почтовка*). Всего обнаружено 21 наименование (22% от общего количества неофициальных топонимов).

4. Семантический способ номинации по связи объекта со словом-классификатором.

Большое число неофициальных топонимов Торжка (27 наименований – 28% от общего количества неофициальных топонимов) представляют собой неофициальные наименования важных городских объектов – больницы (*Больничка*), суда (*Нарсуд*), промышленных предприятий (*Марс, Машизавод, Машинка, Ремзавод и др.*) и учебных заведений (*Педуха, Политика, Двадцарик и др.*). По сути, данные наименования представляют собой онимизированные слова-классификаторы, выраженные в неофициальных, разговорных вариантах.

Установлено, что неофициальная топонимия представляет собой результат естественно протекающей номинации. Отмечен ряд особенностей у современных неофициальных наименований:

1. Избирательный характер номинации, при котором собственные наименования получают только наиболее топографически значимые объекты.

2. Объективная существенность мотивировочного признака наименования для всего языкового коллектива.

3. Словообразовательные средства номинации, которые в целом характерны для разговорной русской речи: *Ильинка, Белинка*.

4. Ярко выраженная коннотация наименований, отражающая отношение носителей урбанонимикона к номинируемому объекту: *Поганый ручей, Жабкино*.

Рассмотрим структурные способы образования неофициальных топонимов:

1. Топонимический эллипсис (эллиптизация): всего 13 наименований (14% от общего количества неофициальных топонимов).

«Имя – эллипсис, – пишет Н.В. Подольская, – форма собственного имени, образованная в результате опущения одного из слов или одной основы, входящих в дву- или многословное или дву-, многоосновное имя» [Подольская, 1988, с. 165]. Как отмечает Л.А. Киселева, «номинации, состоящие из двух элементов – апеллятива-термина и онима, обычно эллиптизируются, остается только оним. Этой процедуре подвергается абсолютное большинство отгдонимических наименований – «термины» улица, переулок, проспект опускаются, остается только название улицы» [Киселева, 2003, с. 150].

В Торжке таким путем образовались следующие топонимы: *сквер Кировский сад – Кировский; ул. Дальняя Троица – Троица*. Разговорная речь избегает многословности, стремится к краткости, потому длинные официальные названия сокращаются, возникают более удобные и компактные имена.

2. Универбация – всего 40 наименований (42% от общего количества неофициальных топонимов).

В этом случае основой производного онима является только один член словосочетания. Таким образом, по форме производное слово соотносительно с одним словом, а по семантике – с целым словосочетанием. По такому принципу образованы топонимы: *Ильинка – Ильинская пл.; Белинка – ул. Белинского; Луначарка – ул. Луначарского; Калининка – Калининское шоссе; Парижка – бывшая пл. Парижской Коммуны; Пролетарка – ул. Пролетарская; Газик – та часть города, где расположен газопровод; Щеголиха – ул. Щеголихинская*. Наибольшей активностью обладают в этом случае суффиксы *-к-, -ик-*.

Развернутые официальные названия учебных заведений также подвергаются упрощению: Торжокский политехнический колледж – *Политех* или *Политика*, Торжокский педагогический колледж – *Педуха* или *Педучилище*, Торжокский индустриальный техникум – *Индрия*, ПТУ №20 – *Двадцарик*.

3. Метафорический перенос, основанный на внешнем сходстве именуемого объекта – всего 27 наименований (28% от общего количества неофициальных топонимов).

Неофициальные топонимы образуются на базе хорошо известных географических названий, которые употребляются в переносном смысле: первый многоэтажный дом, построенный в тридцатые годы – *Вашингтон*; отдаленный район на берегу Тверцы – *Шанхай*; многоподъездный дом – *Китайская стена*, и др.

4. Метонимия – всего 16 наименований (16% от общего количества неофициальных топонимов) – предполагает перенос с имени одного класса объектов или единичного объекта на другой класс, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию.

Например, магазин *Сельхозник* – «Ленинградский» (в советское время магазин реализовывал сельскохозяйственную продукцию); *Французский дом* – дом №4 по ул. Мира (дом строили французы); *Буйняк* – ул. Энгельса (в дореволюционный период здесь находился хутор Бунякова); *Бульвар* – ул. Красная гора (место отдыха горожан с дореволюционного периода); *Салотопка* – Тверецкая наб (в дореволюционный период здесь располагалось салотопное производство) [Лопатина, 2002].

Таким образом, наиболее продуктивными структурными способами образования неофициальных топонимов являются универбация и метафорический перенос, что подтверждает тенденцию упрощения, сокращения названий в разговорной речи и стремление горожан дать более «подходящее», на их взгляд, (и, вместе с тем, эмоционально окрашенное) название значимым объектам.

Неофициальная топонимия обладает большой хронологической устойчивостью и, будучи не закреплённой в официальных документах, касающихся градостроительства и благоустройства, сохраняется в устной речи и памяти новаторов нескольких поколений. Данный тип урбанонимов имеет большой потенциал для дальнейших исследований.

Список литературы

Киселева Л.А. Вариативные наименования остановок городского общественного транспорта (на материале Красноярска) // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск, 2003. – С. 150 – 155.

Лопатина Н.А. История города Торжка в названиях улиц. – Тверь: Лилия принт, 2002. – 94 с.

Мальцева М. В. Городской ономастикон Сыктывкара // Научный диалог. – 2015. – № 6 (42). – С. 72–87.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – Москва: Наука, 1988. – 200 с.

Шарипова О.А. Неофициальные топонимы как подсистема языка города // Ярославский педагогический вестник: Т. I (Гуманитарные науки). – 2012. – № 4. – С. 203–206.

«ЧУЖОЕ» В «СВОЕМ» ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИНОКУЛЬТУРНЫЕ НОМИНАЦИИ АСТРАХАНСКИХ УЛИЦ

М.Л. Лаптева

*Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
(Астрахань, Россия)*

В статье приведены результаты анализа годонимического пространства города Астрахани, связанного с инокультурными реалиями и иностранными деятелями. Представлена типология годонимов, мотивированных образами «чуждой» культуры.

Ключевые слова: *свое/чужое; годоним; инокультурная номинация.*

Проблема наименования объектов и предметов является исключительно лексикологической, во многом объясняющей механизмы познания человеком окружающей действительности и через процессы номинации делающего ее

частью многомерного языкового пространства. В современных лингвистических исследованиях особое внимание уделяется вопросам региональной ономастики, в частности городского онимического пространства [Барашков, 1996; Бочкарева, 2015; Клименко, 2011; Никитина, 2019 и др.].

В центре настоящего исследования находится такой вид урбанонимов, как годонимы, представляющие собой названия улиц города Астрахани. Из всего годонимического поля нами выбирались только инокультурные номинации, в которых отражается связь с «другой» страной, ее культурой или каким-либо объектом. Данный аспект изучения онимических знаков позволяет рассмотреть, какие образы «чужой» культуры подвергаются языковой рефлексии и отражаются в «своем» ономастиконе.

Цель исследования – выявить, что из «чужого» культурного пространства стало основой для наименования улиц, образующих современный город Астрахань.

Уточним, что Астрахань – административный центр Астраханской области, Прикаспийского региона, входящего в так называемую «Каспийскую пятерку», наряду с Казахстаном, Азербайджаном, Туркменистаном и Исламской Республикой Иран. Это исторически многонациональный регион, на территории которого проживает свыше ста национальностей, народов и народностей.

Источником проведенного исследования послужил Полный справочник по истории имен улиц города Астрахани (<http://astinform.ru/polnyiy-spravochnik-po-istorii-imyon-ulits-goroda-astrahani.html>).

В результате анализа собранного годонимического материала нами были выделены следующие группы годонимов:

1. Названия улиц, отражающие факт **зарубежной истории**. Таких улиц в городе всего две – *улица Парижской коммуны* и *улица Якобинская*. Оба годонима имеют идеологический характер и сохранили свое название до настоящего времени, по всей видимости, по традиции.

2. **Отхоронимические годонимы** (всего 9 единиц): *Аджарская, Азербайджанская, Албанская, Белорусская, Грузинская, Латвийская, Монгольская, Туркменская, Эстонская*.

Обратим внимание, что в основе перечисленных номинаций – преимущественно названия бывших советских республик. Все улицы получили свое наименование в советское время, часть – в довоенный период (решением Президиума горсовета в 1938 году): *Белорусская, Грузинская, Монгольская, Эстонская*. Часть улиц была переименована позже: *Азербайджанская, Латвийская* и *Туркменская* – в 1957 году; *Албанская* – в 1961 году. Большинство названий не является первоначальным. Например, *Белорусская* – третье название улицы, которая сначала именовалась *Садовой*, а затем улицей *Льва Толстого*; бывшая *Белорусская* – сейчас называется *Туркменской*, улица *Грузинская* ранее носила название *Гнедича*, а исходное – *Поперечная Епанчинская* (с 1837 года); *Латвийская* улица до 1957 года именовалась *Первомайской* и т.п. Сложно в настоящее время установить мотивировочный компонент процесса как первичной, так и вторичной номинации

перечисленных улиц. Скорее всего, данные «инокультурные» названия – реализация советской идеологии дружбы народов, особенно если речь идет о бывших социалистических республиках.

Соответствующим принципам толерантности выглядит переименование улицы *1-й Нацменской* в 1938 году в *Монгольской* улицу. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова находим: *нацмен* (неол.) – ‘лицо, принадлежащее к какому-нибудь национальному меньшинству (составлено из сокращения слов национальный и меньшинство)’. Отметим, что улица Нацменская (производное именно от этого субстантива) появилась на территории 17-ого аула, где проживало этнически нерусское население. Ленинский район, в составе которого находится современная улица Монгольская, был образован только в 1946 году.

Исключением являются улица Эстонская, а также Аджарская, которая фиксируется на карте в Ленинском районе г. Астрахани в 2001 году (Постановление мэра г. Астрахани от 06.07.2001 г. № 1931-м). Она получила свое название в честь Аджарской Автономной Республики (1990 г.), являющейся административным регионом Грузии.

3. Отастионимические топонимы (всего 14 единиц): *Алма-Атинская, Бакинская, Будапештская, Бухарестская, Варшавская, Вильнюсская, Гаванская, Гудаутский пер., Пражская, Рижская, Сухумская, Ташкентская, Тбилисская, Туркестанская.*

Из них: 6 улиц представляют собой дериваты от названий столиц бывших советских республик (*Алма-Атинская, Бакинская, Вильнюсская, Рижская, Ташкентская* и *Тбилисская*); 4 улицы – дериваты от названий европейских столиц (*Будапештская, Бухарестская, Варшавская, Пражская*); 1 улица – дериват от столицы Кубы (*Гаванская*), остальные (в том числе переулок *Гудаутский*) – дериваты от названий крупных зарубежных городов.

Единственной большой и располагающейся в центральной части города улицей является *улица Бакинская* (Постановление Пленума Астраханского Горсовета от 30 декабря 1920 г.). В настоящее время на ней располагается средняя общеобразовательная школа № 11 имени Г. Алиева и Азербайджанский деловой центр, соответствующие названию улицы, отражающему культурную и экономическую связь Астрахани, «столицы России на Каспии», и азербайджанской столицы, соединенных морским путем.

4. Самую многочисленную группу составляют отантропонимические топонимы (всего 31 единица):

В этой объемной группе наименований нами выделяется несколько подгрупп:

А) названия улиц в честь иностранных политических деятелей

Так, ряд улиц города назван именами немецких по происхождению идеологов марксизма-ленинизма: *улица К. Маркса, переулок Ф. Энгельса, улицы К. Либкнехта, Р. Люксембург* (в настоящее время – Никольская), *К. Цеткин*.

В центре города Астрахани располагается улица Розы Люксембург (в народе – «Розочка»). Имя немецкой революционерки она носила с 1920 по 2007 год, когда ей было возвращено историческое название – Никольская.

Улица появилась в XIX веке, она ведет от Кремля (со стороны Никольских ворот и Никольской надвратной церкви) до набережной реки Волги. На этой улице, являющейся «визитной карточкой» города, располагаются 14 объектов культурного наследия (бывшее отделение Русского торгово-промышленного банка, бывший доходный дом армянского купца Агамжанова и др.), поэтому возвращение Никольской улице названия, отражающего историю города, было закономерно.

Часть улиц носит имена деятелей революционного движения, социалистов, коммунистов:

– *улица Азизбекова*, деятеля революционного движения в Азербайджане, одного из 26 бакинских комиссаров;

– *улица Бабефа*, создавшего первую в истории коммунистическую революционную партию, французского революционного коммуниста-утописта;

– *улица Ботвина*, польского коммуниста, деятеля польского рабочего движения;

– *улица Вильгельма Пика*, немецкого коммуниста, одного из основателей германской компартии, первого и единственного президента ГДР;

– *улица Дантона*, французского революционера, видного политического деятеля и трибуна, одного из основателей Первой французской республики;

– *улица Димитрова*, болгарского государственного и политического деятеля;

– *улица Жана Жореса*, деятеля французского и международного социалистического движения, борца против колониализма, милитаризма и войны;

– *улица Сун Ят-Сена*, китайского революционера и политического деятеля, первого Президента Китайской Республики, одного из наиболее почитаемых в Китае политических деятелей;

– *улица Хосе Диаса*, испанского профсоюзного деятеля, генерального секретаря Коммунистической партии Испании в 1932–1942 годах.

Находим на карте города Астрахани, как и других городов (например, Саратова), улицу Сакко и Ванцетти, двух итальянского происхождения анархистов, борцов за права рабочих, которые в 20-х годах прошлого века были ошибочно осуждены в Америке за убийство и приговорены к смертной казни. Дело получило широкий общественный резонанс, и в СССР не только улицы, но и московская фабрика пишущих принадлежностей, выпускающая в советское время известные каждому школьнику карандаши, была названа именем Сакко и Ванцетти.

Б) названия улиц в честь иностранных ученых: *улицы Дарвина, Джамбула, Флеминга, Сен-Симона*.

В) названия улиц в честь зарубежных композиторов: *улицы Баха, Бетховена, Вагнера, Джузеппе Верди, Курмангазы*.

Г) названия улиц в честь зарубежных писателей: *переулок Джамбула, улицы Абая, Бальзака, Анри Барбюса, Джона Рида, Мусы Джалиля, Шекспира*.

Обратим внимание, что среди астраханских годонимов есть не только номинации, связанные с именами европейских композиторов и писателей, но и

номинации, запечатлевшие имена ярких представителей казахского народа (уточним, что казахи являются вторым по численности народом в Астраханской области). Так, улица Абая решением исполнительного комитета № 317 от 23.07.1986 года получила название в честь Абая Кунанбаева (1845-1905 гг.) – казахского поэта, основоположника казахской письменной литературы, реформатора казахской культуры, сближающего ее с русской и европейской.

Переулок Джамбула, расположенный в Трусовском районе города Астрахани, в 1975 году получил название в честь казахского советского поэта-акына, лауреата Сталинской премии Джамбула Джабаева.

Пожалуй, одной из наиболее значимых фигур для астраханских казахов считается выдающийся казахский композитор Курмангазы Сагырбаев. Память о нем увековечена в Астрахани не только в названии одной из улиц Советского района, но и в памятнике, который был открыт к 450-летию Астрахани в 2008 году в центральной части города.

Одной из старейших астраханских улиц является улица Мусы Джалиля, названная в 1959 году по имени известного татарского поэта, внесшего значительный вклад в развитие татарской литературы. М. Джалиль принимал участие в Великой Отечественной войне, посмертно ему было присуждено звание Героя Советского Союза. В отличие от названных выше улиц, улица Мусы Джалиля находится в центре города, и в этом сыграло роль, как нам представляется, сразу несколько факторов: и расположение улицы на месте, которое когда-то называлось Татарским, и звание героя, данное М. Джалилю, и его вклад в национальную литературу, и связь с самим городом, где ему представилось побывать еще в 1933 году.

Для того чтобы понять, выполняют ли «инокультурные» отантропонимические астраханские топонимы в настоящее время одну из основных функций такого рода топонимов – мемориальную, нами был проведен лингвокультурологический эксперимент. В качестве респондентов выступили студенты факультета филологии и журналистики Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева, которые в течение длительного времени проживают в городе Астрахани и окончили в нем школу. Общее количество опрошенных составило 53 человека. Студентам был предложен список из 29 выявленных нами и расположенных в алфавитном порядке отантропонимических топонимов (*улица Азизбекова, Бабефа, Вильгельма Пика* и т.д.) и следующие вопросы:

1. Отметьте известные вам астраханские улицы (знаете, где находится, слышали о таком названии, бывали на этой улице и пр.).

2. Знаете ли вы, кем был человек, в честь которого названа улица? Если да, то напишите.

3. Отметьте улицы, которые названы в честь людей, каким-то образом связанных с городом Астраханью. Если знаете, в чем заключается связь, укажите.

Большинство участников эксперимента назвали как известные им все крупные улицы города Астрахани, располагающиеся в центральных районах

города, хотя точный ответ о личности человека, в честь которого названа улица, давался далеко не всегда. Так, среди знакомых улиц были отмечены улицы А. Барбюса, Дж. Рида, М. Джалиля, К. Маркса и некот. др., однако писателей и коммунистов француза А. Барбюса и американца Дж. Рида никто не вспомнил. Абсолютно неизвестны респондентам улицы Азизбекова, Дантона, К. Либкнехта, Сакко и Ванцетти и Хосе Диаса, не имеют представления опрошенные и о том, кем были эти люди.

Лучше всего респонденты идентифицировали писателей и композиторов, за исключением, пожалуй, Дж. Верди и Р. Вагнера. Фамилию последнего, известного немецкого композитора, вообще перепутали с названием частной военной компании, созданной Е. Пригожиным (отмечено в 2 опросных листах).

Следует, однако, заметить, что улицы, получившие название в честь ярких представителей татарской и казахской культур (Джамбула, Абая, Тукая, М. Джалиля, Курмангазы), хорошо известны опрошенным астраханцам, так же как и имена самих деятелей культуры (не менее 85% положительных ответов). 30% респондентов верно указали, что татарский поэт Муса Джалиль был в Астрахани, а казахский композитор Курмангазы – жил в Астраханской области.

Эксперимент показал, что мемориальную функцию «чужие» номинации городских улиц выполняют частично. Не все инокультурные имена являются значимыми для сознания современных носителей языка, поэтому отдельные годонимические наименования следует считать немотивированными с позиции реципиентов.

В целом рассмотренные нами годонимы выступают частью городского ономастикона, отражающего связь русской культуры с другими, инокультурными пространствами: историческим (улицы, отсылающие к фактам зарубежной истории), географическим (улицы, получившие названия, созвучные с названиями зарубежных стран, столиц и других городов) и антропонимическим (улицы, которые носят имена известных исторических личностей). Сам акт называния улицы в честь того или иного человека, далеко не всегда напрямую связанного фактом биографии или творчества с Астраханью, в настоящее время воспринимается или как идеологический (например, в случае с многочисленными улицами, носящими имена революционеров и пр.), или произвольный (как в случае с маленькими, ничем не примечательными улицами в отдаленных районах города, носящими громкие «столичные» названия типа *Гаванская*).

Список литературы

Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. – Самара: СамГУ, 1996. – 192 с.

Бочкарева А.С. Топонимика Кубани в системе историко-культурного наследия Великой Отечественной войны // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 109 (05). – URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/72.pdf> (дата обращения: 04.04.2024).

Клименко Е.М. Неофициальная ономастика современного города (на примере г. Екатеринбург) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2011. – № 6 (101). – С. 5–12.

Никитина Т.Г. Городское онимическое пространство: диалог номинатора и интерпретатора // Коммуникативные исследования. – 2019. – С. 137–151.

ЭККЛЕЗИОНИМИКОН ГОРОДА ВИТЕБСКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

О.А. Лукина

*Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский
университет*

(Витебск, Республика Беларусь)

В статье рассмотрены наименования культовых сооружений города Витебска (Республика Беларусь) в синхроническом и диахроническом аспектах. Дана историческая справка религиозной жизни города, нашедшей отражение в его экклезионимиконе. Выявлены структурно-семантические особенности витебских православных, старообрядческих, католических, протестантских религиозных объектов, а также синагог.

Ключевые слова: *экклезионимы; экклезионимикон; религия; Витебск*

Названия культовых сооружений – экклезионимы – привлекают внимание большого количества ученых: историков, археологов, религиоведов и, конечно, ономотологов, так как содержат уникальный в своем роде исследовательский материал.

Современный Витебск (Республика Беларусь) – многоконфессиональный город, в котором на протяжении столетий мирно уживались представители различных религий и национальностей. Поэтому изучение экклезионимикона Витебска позволяет дать срез культурно-религиозной жизни города на протяжении тысячелетней истории.

На сегодняшний день в городе зарегистрировано 86 религиозных общин, представляющих 17 различных конфессий: Белорусская Православная Церковь – 48 общин, Старообрядцы – 2, Римско-Католическая церковь – 6, Греко-Католическая церковь (Униаты) – 2, Лютеранская Церковь – 6, Евангельские Христиане Баптисты – 3, Новоапостольская Церковь – 1, Христиане Веры Евангельской – 5, Христиане полного Евангелия – 2, Адвентисты седьмого дня – 4, Свидетели Иеговы – 1, Иудаизм – 1, Прогрессивный Иудаизм – 1, Бахаи – 1, Кришнаиты – 1, Мормоны – 1, Армянская церковь – 1 [Религия, 2024, с. 1].

Более половины культовых сооружений города относится к православию, которое имеет на Витебщине давние традиции. На протяжении долгих веков Витебск являлся исключительно православным городом. Первая церковь (*церковь архангела Михаила*), как считает археолог Л. Колединский, появилась здесь на рубеже XI–XII веков. В XII–XIII столетиях в Витебске известны также *церковь Параскевы Пятницы* и *церковь Благовещения* (последняя сохранилась до нашего времени). Литовская летопись свидетельствует, что «...князь Ольгерд охристился в русскую веру» и в угоду своей супруге «построил две каменные церкви в греческом стиле: одну в Нижнем замке, а другую – за ручьем или Замковым рвом (*церковь Святого Духа*)» [Сапунов, 1883, с. 598]. Есть свидетельства, что первоначально православные экклезионимы строились, как правило, по номинативно-смешанному (*Святая София*) и номинативно-описательному (*Великий Иоанн Предтеча у Остров*) типам. С течением времени такие модели начали устаревать. Это привело сначала к появлению номенклатурного термина в экклезионимной модели, а вслед за этим и формы

родительного падежа имени существительного, характеризующейся большей точностью при выражении принадлежности.

Первые попытки проникновения католицизма на Витебщину были сделаны во время правления Ягайло. Активное же продвижение католической религии в Витебске началось с 1640 года, когда в городе был открыт иезуитский коллегиум. Поэтому в XIV, в XV и в первой половине XVI вв. в Витебске господствующим было православие. Его позиции здесь во все времена были значительно сильнее, чем на других территориях Великого Княжества Литовского: с конца XIV (когда католицизм был объявлен государственной религией ВКЛ) и до конца XVI столетия в городе было построено 14 православных храмов. Однако власти и горожане с пониманием и уважением относились к другим религиозным взглядам и течениям.

Первые протестанты в Витебске появились в XVI веке. Некоторые представители шляхты и мещан пригласили из Польши кальвинистских священников, построили в Нижнем замке «Збор» (Кирху), дом для пастора, училище и богадельню. Однако все эти здания во время войны Яна-Казимира с Россией были разобраны и использованы для укрепления Верхнего замка. Волна реформации так же быстро затихла, как и возникла.

В октябре 1596 года в Бресте была объявлена церковная уния, предполагавшая объединить православную и католическую церкви. Униатство получило государственную поддержку в виде декретов Сигизмунда III, православные проповеди запрещались, церкви и монастыри закрывались или передавались униатам.

Положение православных в Витебске улучшилось после 1632 года, когда при короле Владиславе IV сеймом были приняты «Статьи для успокоения народа русского». В городе восстанавливались православные церкви, строились новые монастыри.

В 1633 году князь Лев-Самуил Огинский начал восстановление православного Маркова прихода. Были построены монастырские кельи и деревянная церковь, а в 1636 году Марков монастырь наделили двумя имениями. Сын князя Огинского Симон-Кароль в 1687 году подтвердил все дарственные документы отца, а также построил новые монастырские кельи и соборный храм Святой Троицы, который действует и поныне.

С 1640 г. по 1772 г. в Витебске католиками были построены комплекс иезуитского коллегиума с монастырем и костелом, бернардинский костел и монастырь Святого Антония, базилианский собор на Успенской горе, фарный костел доминиканцев, монастыри тринитариев и мариовиток [Русецкий, 2000, с. 7].

Со второй половины XVIII века, после того как Витебск вошел в состав Российской Империи, православие вновь получило привилегированное положение, а количество церквей существенно увеличилось. Но в годы Великой Отечественной войны многие храмы были разрушены, а в советские годы оставшиеся перестроены в жилые дома, музеи, клубы. На протяжении долгого времени единственной уцелевшей и действующей православной

церковью была Свято-Казанская (памятник архитектуры XVIII века, находится в составе Свято-Маркова мужского монастыря).

Среди возрожденных в последние десятилетия православных святынь Витебска выделяют Благовещенскую церковь, Свято-Покровский и Свято-Успенский кафедральные соборы, Воскресенскую церковь, которые поспособствовали возвращению прежнего архитектурного облика древнего города.

Благовещенская церковь является одним из самых древних храмов Витебска. Она была построена в XII веке и стала первым каменным храмом города. Является памятником древнерусской архитектуры.

Воскресенская (Рыночная) церковь была построена в начале XVII века (в 1617–1618 гг.) и размещалась в западной части Рыночной площади (отсюда второе название).

Свято-Покровский кафедральный собор был построен в 1806–1821 гг. монахами-тринитариями (членами католического ордена Святой Троицы). В 1858 г. он был превращен в православную церковь.

Свято-Успенский кафедральный собор – православный храм в центре города на Успенской горе. Восстановлен в 2001–2011 годах по образцу Успенского собора XVIII века, располагавшегося на этом месте до уничтожения в 1936 (или 1934) году.

Храм Успения Пресвятой Богородицы основан и освящен в 1852 году. В годы советской власти использовался под хозяйственные нужды. В 1997 году зданию вновь возвращен статус церкви.

Казанская церковь – храм православного Свято-Троицкого Маркова мужского монастыря. Построена в 1760 (1775, 1780) году. Единственный храм монастыря, уцелевший после периода Советской власти.

Свято-Евфросиниевская церковь была возведена в 1998 году. Храм перестроен из жилого здания, строился на пожертвования прихожан. Регулярные богослужения проводятся с 2007 года. Церковь состоит из двух ярусов. На нижнем ярусе – церковь в честь святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии (*храм Святой равноапостольной Нины*). А на втором – *храм Святой преподобной Евфросинии Полоцкой*.

В Витебске на сегодняшний день действуют также следующие православные культовые сооружения:

*православный храм святителя Тихона Задонского,
храм святителя Василия Великого,
храм Святой мученицы Татианы,
храм в честь Святого преподобного Серафима Саровского,
православный храм иконы Божией Матери «Целительница»,
храм Святого Благоверного князя Александра Невского,
храм в честь 2000-летия Рождества Христова,
храм Святого апостола Андрея Первозванного,
храм Георгия Победоносца,
храм Святого преподобного мученика Афанасия Брестского,*

православный храм преподобного Антония Римлянина, новгородского чудотворца,

православный храм Преображения Господня,

храм Святой Параскевы Пятницы,

храм архиепископа Фаддея,

православный храм Святого мученика Лонгина-сотника,

храм Святого великомученика Димитрия Солунского,

храм Святого благоверного великого князя Димитрия Донского,

храм блаженной Матроны Московской,

храм Святого преподобного Силуана Афонского,

храм архангела Гавриила (домовой храм),

храм Святого апостола Луки,

храм Святого пророка Илии (воинская часть),

храм Жировицкой иконы Божией Матери (домовой храм),

храм святой великомученицы княгини Елисаветы (домовой храм),

храм Всех святых,

Свято-Духов женский монастырь,

монастырь во имя Святой Живоначальной Троицы Марков Витебский (мужской) [Церкви, соборы, храмы, синагоги, 2024, с. 1].

Второй по количеству прихожан в Витебске является Римско-Католическая Церковь, на данный момент проходят службы в 5 костелах:

костел Святой Варвары,

костел Святого Духа,

костел Иисуса Милосердного,

костел Святого Антония Падуанского,

костел Святого Игнатия Лойолы.

Наименования на католических религиозных объектах даны на белорусском языке.

Старейший католический храм – *костел Святой Варвары* – был построен в 1785 году рядом с витебским католическим кладбищем. Сначала исполнял роль кладбищенского храма, затем стал приходским.

В городе две греко-католические (униатские) общины. Униаты в Беларуси появились после Брестской церковной унии 1596 г. В XVIII веке большая часть жителей Беларуси исповедовала униатство. После собора 1839 года все униаты Беларуси стали вновь православными. В настоящее время униатская церковь вновь возродилась, но не имеет большого числа прихожан.

Греко-католическая (униатская) церковь Воскресения Христова перестроена из жилого дома в 2000-е годы.

Традиционной для Витебска является и старообрядческая религия. На сегодняшний день в городе имеется две древлеправославные общины, располагающие собственными культовыми зданиями (одно из них на завершающей стадии строительства). *Храм Успения Пресвятой Богородицы* Витебской поморской староверческой общины построен в 1930-е годы. *Храм святителя Николы Чудотворца* Русской Древлеправославной Церкви в настоящее время строится.

Широкое распространение в городе получили и протестантские течения. В настоящий момент в городе зарегистрирована 21 протестантская община, действуют около 10 культовых зданий, включая памятник архитектуры XVIII века по ул. Чайковского:

*евангельская церковь «Добрая весть»,
церковь христиан-баптистов «Надежда»,
евангельская церковь (церковь христиан веры евангельской) «Новая жизнь»,
церковь евангельских христиан-баптистов «Дом Евангелия»,
евангельская церковь «Возрождение»,
церковь христиан веры евангельской «Воскресение»,
лютеранская церковь,
новоапостольская церковь,
церковь адвентистов седьмого дня.*

Витебск – город с большой еврейской историей. В XIX веке в городе имелось множество синагог и иных культовых зданий еврейского населения. В начале XX века в Витебске действовали 74 синагоги. В настоящее время в городе две иудейские общины и две синагоги: *синагога «Шатер Давида» и Большая Любавичская синагога «Бейт Менахем»* (восстановлена в 2023 г.).

Анализ приведенного экклезионимного материала свидетельствует о том, что в пределах языковой системы структура экклезионима состоит минимум из двух компонентов: номенклатурного и проприального. Номенклатурный компонент включает от одного до четырех слов: *храм, костел, синагога, православный храм, церковь христиан-баптистов, церковь христиан веры евангельской*. Поликомпонентность номенклатурных терминов в протестантских наименованиях объясняется попыткой выделить на языковом уровне данные культовые здания из ряда других христианских. В составе экклезионима номенклатурный компонент занимает как препозитивное, так и постпозитивное положение по отношению к проприальной части. Препозитивная позиция номенклатурного термина находит отражение в официальных наименованиях, постпозитивная – в полуофициальных и неофициальных названиях (туристические сборники и разговорно-речевая практика). Проприальный компонент включает как онимы, так и онимизированную апеллятивную лексику. Отличительная особенность экклезионимов – вариативность их оформления. Например, на одном религиозном объекте находим 3 экклезионимных варианта: *православный храм Благовещения Пресвятой Богородицы – Дабравешчанская царква* (на белорусском языке) – *Свято-Благовещенский храм*.

Семантически православные, старообрядческие, католические, греко-католические экклезионимы разделены на 3 тематические группы: 1) названия в честь святых (*храм Святой мученицы Татианы, костел Святого Антония Падуанского*); 2) названия в честь праздников (*Свято-Покровский кафедральный собор, греко-католическая (униатская) церковь Воскресения Христова*); 3) названия в честь икон (*православный храм иконы Божией Матери «Целительница», Казанская церковь*). В основе классификации

протестантских экклезионимов лежит понятие ключевого слова, то есть слова или компонента проприальной части, выделяемых на основе частоты их употребления и отражающих основные понятия протестантского вероучения: надежда, возрождение, воскресение (*церковь христиан-баптистов «Надежда», церковь христиан веры евангельской «Воскресение»*).

Таким образом, исторический анализ экклезионимов города Витебска позволяет составить религиозно-конфессиональный портрет региона в разные периоды жизни населенного пункта, выявить особенности сакрализации пространства на протяжении большого отрезка времени.

Список литературы

Религия [Электронный ресурс] // URL: <https://vitebsk.gov.by/ru/religiya/> (дата обращения: 13.03.2024).

Русецкий, А. В. Конфессиональная жизнь Витебска в XIV–XVIII столетиях: (к постановке проблемы). *Вестник Витебского государственного университета имени П. М. Машерава*. – 2000. – № 3. – С. 3–10.

Сапунов А. Витебская старина. – Витебск, 1883. – С. 598.

Церкви, соборы, храмы, синагоги [Электронный ресурс] // URL: <https://gorodvitebsk.by/katalog/religiya> (дата обращения: 06.06. 2024).

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ В МИНСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ

Ю.И. Махнач

*Белорусский государственный медицинский университет
(Минск, Республика Беларусь)*

В данном исследовании представлены меморативы минского ономастикона, отражающие культурно-исторические реалии советского времени. Приводятся улицы, переулки, площади, проезды, которые были названы в память о видных государственных и политических деятелях советской эпохи, военачальниках, героях Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, представителях научной и культурной интеллигенции, внесших вклад в становление, развитие страны и в победу над фашизмом.

Ключевые слова: минский ономастикон; мемориальное имя; меморатив; наименование; линейный объект; СССР

Минский ономастикон насчитывает более 400 улиц и переулков, бульваров и проспектов, площадей и проездов, названных в честь известных личностей, среди которых поэты, писатели и драматурги; композиторы и музыканты; художники, архитекторы и скульпторы; ученые и академики; революционеры и государственные деятели; изобретатели и путешественники; герои Великой Отечественной войны. Но самую многочисленную группу составляют мемориальные имена, отражающие культурно-исторические реалии советского времени.

В составлении корпуса минского ономастикона используются данные Белорусской советской энциклопедии [Андреев, 1990, с. 10–348], Большой советской энциклопедии [Вавилов, 1951, с. 157–195], энциклопедического справочника наименований городских географических объектов [Андриевич, 2014, с. 12–234], Атласа туриста [Солдак, 2017, с. 132–135].

В 1922-ом году на карте мира появилось крупнейшее по площади государство – Союз Советских Социалистических Республик. Оно было вторым по экономической и военной мощи и третьим по численности населения. СССР занимал восточную половину Европы и северную треть Азии. Период существования СССР – с 1922 по 1991 гг. – целая эпоха. За этот период времени произошли события, которые нашли отражение и в минском ономастиконе.

1. Великая Октябрьская социалистическая революция. Она стала одним из главных факторов возникновения СССР. В группу входят наименования улиц и переулков, названные в память о людях, принявших участие в Октябрьской революции 1917 года.

Голубев Иосиф Петрович – (1873–1962) – революционный деятель, участник Октябрьской революции, во время которой организовал и возглавил красногвардейский отряд. Улица *Голубева*.

Ленин Владимир Ильич – (фамилия при рождении – Ульянов, 1870–1924) – российский революционер, крупный теоретик марксизма, советский политический и государственный деятель, создатель Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), главный организатор и руководитель Октябрьской революции 1917 года в России, создатель первого в мировой истории социалистического государства. Улица *Ленина*, станция метро *Площадь Ленина*, улица *Ульяновская*.

Свердлов Яков Михайлович – (1885–1919) – российский революционер, советский политический и государственный деятель. Профессиональный революционер-большевик, в общей сложности более 12 лет провёл в ссылках и тюрьмах. Член редакции газеты «Правда». Один из руководителей Октябрьской революции. Председатель ВЦИК (формальный глава РСФСР) (1917–1919). Улица *Свердлова*.

Слуцкая Вера Климентьевна – (настоящие имя и отчество Берта Калмановна, 1874–1917) – социал-демократ, большевик, участница революционного движения в России. Улица *Слуцкой*.

Цеткин Клара – (1857–1933) – немецкая политическая деятельница, участница немецкого и международного коммунистического движения, одна из основателей Коммунистической партии Германии, активистка борьбы за права женщин. Считается, что она является автором идеи Международного женского дня – 8 марта. Улица *Клары Цеткин*.

2. Гражданская война 1917–1922.

Бабушкин Иван Васильевич – (1873–1906) – деятель революционного движения (1905). Работал в газете «Искра». Работал в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» под руководством В.И. Ленина.

Улица *Бабушкина*.

Котовский Григорий Иванович – (1881–1925) – российский революционер, советский военный и политический деятель, герой Гражданской войны в России. Член Реввоенсовета СССР. Легендарный герой советского фольклора и художественной литературы. Улица и проезд *Котовского*.

Фрунзе Михаил Васильевич – (1885–1925) – революционер, советский государственный деятель, военачальник Красной армии во время Гражданской войны, военный теоретик. Улица *Фрунзе*.

Чапаев Василий Иванович – (1887–1919) – участник Первой мировой и Гражданской войн, начальник дивизии Красной армии. Был и остаётся одной из самых известных исторических личностей эпохи Гражданской войны в России. Улица *Чапаева*.

Щорс Николай Александрович – (1895–1919) – офицер военного времени Русской императорской армии, затем – командир украинских красногвардейских повстанческих формирований, начальник дивизии Красной Армии времен Гражданской войны в России, член РКП(б) с осени 1918 года. Улица *Щорса*.

3. Партийные, политические и государственные деятели СССР и БССР.

Бровиков Владимир Игнатьевич – (1931–1992) – государственный и партийный деятель БССР, журналист, дипломат. Председатель Совета Министров БССР (1983 – 1986 гг.). Улица *Бровикова*.

Варвашеня Иван Денисович – (1904–1957) – партийный и государственный деятель БССР, один из организаторов и руководителей коммунистического подполья, а также партизанского движения на территории Минской области в годы Великой Отечественной войны. Улица *Варвашени*.

Орджоникидзе Григорий Константинович – (1886–1937) – грузинский революционер (большевик), из дворян; один из крупнейших руководителей ВКП(б) и Советского государства. Улица *Орджоникидзе*.

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич – (1902–1984) – советский партийный и государственный деятель. Глава правительства Белорусской ССР (1944 – 1948). Улица *Пономаренко*.

Семашко Николай Александрович – (1874–1949) – советский партийный и государственный деятель, врач, один из организаторов системы здравоохранения в СССР (часто называемой моделью или системой Семашко). Улица *Семашко*.

Славинский Адам Семёнович – (настоящая фамилия Кочаровский, 1885–1937) – участник революционного движения в Польше, России и Беларуси, партийный и государственный деятель БССР. Улица *Славинского*.

Филимонов Дмитрий Фомич – (1903–1978) – советский партийный и государственный деятель, секретарь и член ЦК КП, депутат Верховного Совета БССР и СССР. Улица *Филимонова*.

Червяков Александр Григорьевич – (1892–1937) – советский белорусский партийный и государственный деятель. 1 января 1919 года Червяков вместе с другими членами Временного революционного рабоче-крестьянского белорусского правительства подписал Манифест о провозглашении Белорусской ССР. Улица *Червякова*.

4. СССР и Великая Отечественная война (1941–1945).

Антоненко Алексей Касьянович – (1911–1941) – советский летчик-истребитель, Герой Советского Союза. Улица *Антоненко*.

Антонов Алексей Иннокентьевич – (1896–1962) – советский военачальник, генерал армии (1943). Прославился как талантливый штабной офицер. Участвовал в разработке практически всех значимых операций советских войск в Великой Отечественной войне с декабря 1942 года. *Улица Генерала Антонова.*

Барамзина Татьяна Николаевна – (1919–1944) – участница освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну, Герой Советского Союза (1945). *Улица Барамзиной.*

Бельский Иосиф Александрович – (1903–1966) партийный и государственный деятель Беларуси, один из участников и руководителей антифашистского подполья и партизанского движения в Великую Отечественную войну, Герой Советского Союза (1944). *Улица Бельского.*

Бирюзов Сергей Семёнович – (1904–1964) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1958). *Улица Бирюзова.*

Брагин Алексей Васильевич – (1923–1980) – летчик-штурмовик, майор Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1946). *Улица и переулки Брагина.*

Веснин Николай Дмитриевич – (1922–1944) – участник Великой Отечественной войны, сержант. Герой Советского Союза (1944). Погиб в двадцать два года. *Проезд Веснина.*

Герасименко Назар Евстратович – (1903–1942) – один из организаторов и руководителей Минского антифашистского подполья в годы ВОВ. Жена Татьяна и 12-летняя дочь также участвовали в подпольной работе. *Улица Герасименко.* На территории школы № 25 – бюст *Люси Герасименко.*

Лосик Олег Александрович – (1915–2012) – советский и российский военачальник, Герой Советского Союза (1944), маршал бронетанковых войск (1975). В рядах советских и российских танковых войск с 1935 по 1992 год. Участник советско-финской (1939–1940) и Великой Отечественной войн. Автор большого количества работ по теории и практике танковых войск. *Улица Маршала Лосика.*

В память о защитниках Советского Союза от немецко-фашистских захватчиков, были названы линейные объекты Минска: улицы, переулки, проезды.

5. Научная и культурная жизнь СССР также отражены в Минском ономастиконе.

5.1. Литература.

Бачило Алесь – (1918–1983) – белорусский поэт, драматург. Заслуженный деятель культуры БССР (1967). *Улица Алеся Бачило.*

Дубовка Владимир Николаевич – (1900–1976) – белорусский советский поэт, прозаик, языковед, переводчик, литературный критик. Лауреат Литературной премии имени Я. Купалы (1962). Член Союза писателей СССР (1958). *Улица Дубовки.*

Кулешов Аркадий Александрович – (1914–1978) – белорусский советский поэт и переводчик, сценарист. Народный поэт БССР (1968). Член ВКП(б) с 1941 года. Член СП СССР (1934). Улица *Кулешова*.

Мавр Янка – (настоящее имя – Иван Михайлович Фёдоров, 1883–1971) – белорусский советский писатель, переводчик и драматург. Один из основателей белорусской детской литературы, основоположник приключенческого и научно-познавательного жанров в белорусской литературе, создатель первой белорусской научно-фантастической повести. Автор книг для детей, пьес, переводов. Улица *Янки Мавра*.

5.2 Кино и театр.

Голубок Владислав Иосифович – (1882–1937) – белорусский актер, режиссер, театральный деятель, драматург. Первый народный артист БССР (1928). Один из основателей белорусского национального театра. В Минске открыта «Гостиная Владислава Голубка» – филиал Государственного музея истории театральной и музыкальной культуры РБ. Улица *Владислава Голубка*.

Корш-Саблин Владимир Владимирович – (1900–1974) – советский, белорусский кинорежиссер, актер кино. Народный артист СССР (1969). Лауреат Сталинской премии (1950). Один из основоположников белорусского кино. Улица *Корш-Саблина*.

Крылович Владимир Николаевич – (1895–1937) – белорусский советский актер театра и кино, педагог. Один из основателей белорусского театрального искусства. Заслуженный артист Белорусской ССР (1931). Улица *Крыловича*.

5.3 Музыка.

Аладовы – *Аладов Николай Ильич* (1890–1972) – белорусский композитор, педагог. Народный артист Беларуси (1955). Один из основоположников симфонического, камерно-инструментального и камерно-вокального, хорового жанров белорусской музыки.

Аладова Елена Васильевна – (1907–1986) – белорусский искусствовед, заслуженный деятель искусств Беларуси (1966). Жена Н.И. Аладова. Улица *Аладовых*.

Жинович Иосиф Иосифович – (настоящая фамилия – Жидович; 1907–1974) – белорусский дирижер, композитор, цимбалист, педагог. Народный артист Беларуси (1955). Народный артист СССР (1968). Лауреат Государственной премии Беларуси (1968). Улица *Иосифа Жиновича*.

Семеняко Юрий Владимирович – (1925–1990) – белорусский советский композитор. Лауреат Государственной премии БССР (1972). Народный артист БССР (1974). Участник ВОВ. Улица *Юрия Семеняко*.

5.4 Наука.

Вавилов Сергей Иванович – (1891–1951) – русский физик, государственный и общественный деятель, академик Академии наук СССР (1932), президент Академии наук СССР (с 1945). Почетный академик Национальной академии наук Беларуси (1950). Улица и переулок *Вавилова*.

Высоцкий Михаил Степанович – (1928–2013) – белорусский ученый, конструктор в области машиностроения. Создал белорусскую школу конструирования и исследования грузовых автомобилей. Академик

Национальной академии наук Беларуси (1989), заслуженный деятель науки и техники Беларуси (1975), заслуженный работник промышленности СССР (1991). Улица *Академика Высоцкого*.

Гагарин Юрий Алексеевич – (1934–1968) – летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза (1961). Первый в истории человечества совершил полет в космическое пространство. Улица *Гагарина*. 12 апреля – дата полета Гагарина в космос – отмечается как День космонавтики.

Папанин Иван Дмитриевич – (1894–1986) – советский исследователь Арктики. Дважды Герой Советского Союза (1937, 1940). Доктор географических наук (1938). Почетный член Географического общества СССР. Контр-адмирал (1943). Улица *Папанина*.

Тарашкевич Бронислав Адамович – (1892–1938) – общественный и политический деятель Беларуси, языковед, переводчик, литературовед. Академик Национальной академии наук БССР (1928). Создатель первой грамматики белорусского языка. Улица *Бронислава Тарашкевича*.

Филатов Владимир Петрович – (1875–1956) – советский ученый, офтальмолог, хирург, изобретатель, поэт, художник, мемуарист, академик, действительный член Академии наук УССР (с 1939 года) и Академии медицинских наук СССР (с 1944 года), доктор медицины, профессор. Улица *Филатова*.

Туполев Андрей Николаевич – (1888–1972) – советский ученый и авиаконструктор, генерал-полковник-инженер (1968), доктор технических наук. Под руководством Туполева спроектировано свыше 100 типов самолетов. Академик АН СССР (1953). Улица *Туполева*.

В науке развивались различные направления: физика, машиностроение и самолетостроение, география, медицина, языкознание, активно осваивался космос.

В минском ономастиконе, отражающем культурно-исторические реалии советского времени, прослеживается хронология событий: Октябрьская революция 1917 года и Гражданская война 1917–1922 гг., период становления СССР, Великая Отечественная война и послевоенный период. Также находят свое отражение величайшие достижения того времени и память о героическом прошлом советского народа.

Список литературы

Белоруссия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: энциклопедия / Белорус. сов. энцикл.; [редкол.: А. Е. Андреев и др.]. – Минск: Белорус. сов. энцикл., 1990. – 679 с.

Большая советская энциклопедия / [редкол.: С. И. Вавилов и др.]. – М.: Советская энциклопедия, 1951. – Т. 7. – 643 с.

Их именами названы ... Улицы Минска: энцикл. справ. / редкол.: В.В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2014. – 488 с.

Минск: атлас туриста / [сост. Республиканским унитарным предприятием «Белкартография»; ред. Л.В. Солдак; фото Л.Г. Кирячок]. – Минск: Белкартография, 2017. – с. 132–135.

ИМЕНА НЕБЕСНЫХ СИЛ И СВЯТЫХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ХРИСТИАНСТВА В УРБАНОНИМИИ ПОГРАНИЧЬЯ

А.М. Мезенко

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
(Витебск, Беларусь)*

Статья посвящена исследованию белорусских и российских урбанонимов, восходящих к именам небесных сил и святых, в связи с проблемами ценностей христианства. Устанавливается общее и специфическое в названиях улиц белорусских поселений Витебской и Могилевской области и российских населенных пунктов Смоленской и Брянской областей. Подчеркивается, что внутрипоселенческие названия, связанные с именами небесных сил и святых, следует рассматривать как инструмент трансляции ценностей христианства, способствующих духовному становлению человека – очищению сердца, просвещению ума и обожению.

Ключевые слова: виконим; пограничье; религия; урбаноним; церковно-религиозная урбанонимия; ценности христианства; экклезионим

Религия, христианство – слова, хорошо известное каждому. Именно религия и религиозные верования, определяя во все времена общественную идеологию, влияли и продолжают влиять на все сферы социальной жизни – политику, образование, культуру, экономику. По силе и глубине воздействия на умы и чувства людей с этой формой мировоззрения не может сравниться никакая другая.

В последние десятилетия вопросы религии, превратившиеся в своеобразный критерий праведности и нравственной оценки поведения и действий людей, вновь оказались в центре внимания. Растет число научных исследований, посвященных анализу языковых единиц церковно-религиозного содержания.

Проблемы религии, и в частности христианства, интересуют не только теологов, философов, психологов, социологов, культурологов (А.К. Адамов, А.К. Байбурин, Р.Н. Белла, Н.Н. Бердяев, И. Гофман, Ю.А. Кимлев, А.И. Кравченко, А.Ф. Лосев, Б.Д. Парыгин, В.А. Ремизов, Э. Фромм, А.Н. Вагн и др.), но и лингвистов, в том числе ономастологов.

В центре их внимания оказались устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику [Булавина, 2003], религиозный дискурс, его ценности, жанры, стратегии [Бобырева, 2007], наименования православных культовых сооружений [Арина, 2008], православная лексика в целом и наименования культовых сооружений в частности [Бугаева, 2010], региональная экклезионимия [Борисевич, 2012], отэкклезионимные урбанонимы, соотносимые с категорией святости [Мезенко, 2011; Мезенко, 2012], и др.

Отэкклезионимная урбанонимия, включающая в свой состав названия улиц, переулков, площадей и др., образованных от наименований культовых объектов различных конфессий и составляющая существенную часть национального ономастикона, в восточнославянском языкознании до этого времени изучалась лишь эпизодически. Между тем **актуальность** подобного рода исследований в последнее время приобретает особую значимость, что

обусловлено возрастанием роли именно этой сферы духовной жизни современного общества.

Целью данной работы является установление особенностей экспликации ценностей христианства в системе названий внутригородских объектов, их духовно-нравственного потенциала.

Объектом данного исследования выступает соотношение ценностей христианства и урбанонимии. В качестве предмета изучения рассматриваются особенности экспликации ценностей христианства в системе названий внутригородских объектов, их духовно-нравственный потенциал.

Материалом для исследования послужили данные Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь, включающие полные списки названий улиц населенных пунктов страны на 2014–2022 гг., данные российских Интернет-источников [Названия улиц г. Брянска и Брянской области; Улицы Смоленска и Смоленской области].

Использованы дескриптивный, сравнительно-сопоставительный методы, элементы количественных подсчетов.

По данным нашего материала, в третьем десятилетии XXI в. своды внутригородских названий избранных для анализа населенных пунктов – белорусских Витебской и Могилевской, российских Смоленской и Брянской областей – характеризуются сходными количественными показателями. Так, урбанонимикон белорусского пограничья включает 1958 наименований линейных и планарных объектов, 31 из которых (или 1,6% от общего количества названий) составляют годонимы и агоронимы церковно-религиозного содержания, восходящие к именам небесных сил и святых. В своде названий внутригородских объектов российского пограничья, включающего 1748 урбанонимов, 25, или 1,4%, образованы от экклезионимов.

Сопоставление приведенных количественных показателей позволяет отметить незначительный перевес уровня «церковности» урбанонимикона белорусов: 1,6% против 1,4% у россиян.

В настоящее время, когда активизируются процессы информатизации, технологизации, заметно возрастают требования к ценностным основам общества. В таких условиях исследование урбанонимии, включающей в свой состав названия внутригородских линейных и территориальных объектов, образованные от наименований культовых объектов, способствует приобщению к христианским ценностям, ориентирует на анализ своих действий и соотношение их с ценностями.

К числу ценностей христианства, нашедших различную экспликацию в отэккезионимной урбанонимии, следует отнести такие ценности-категории, как Бог, Святая Церковь, вера, любовь, семья, совесть и др.

Исследование способа номинации культовой постройки, давшей название улице, позволило выделить несколько групп урбанонимов церковно-религиозного содержания, принятых у белорусов и россиян. Одну из наиболее многочисленных из них составили названия от имен небесных сил и святых. Стоит отметить, что в конце XIX – начале XX в. в Беларуси указанная группа

заметно превалировала над всеми остальными, в том числе и над группой названий, образованных от наименований церковных праздников.

В настоящее время данную группу составляют названия улиц, переулков, площадей и других внутригородских объектов, образованные от наименования церквей, восходящих к именам небесных сил и святых, характеризующихся своей гармонией, порядком и иерархией, включающей три степени, в каждой из которой три чина, соответственно всего девять духовных сущностей.

Во главе сонма святых Пресвятая Богородица, почитаемая церковью как «честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим» [III. Церковь и богослужение]. В Беларуси и России существует множество храмов, воздвигнутых в честь Богоматери, как правило, в честь событий, икон и праздников, связанных с Пресвятой Богородицей. Так, по данным О.А. Лукиной, в 2010-х гг. в Витебской и Могилевской областях существовало 45 православных культовых сооружений только в честь Богородичных праздников [Лукина, 2014]. Улицы же не всегда получают названия по этим храмам. На исследуемых белорусских территориях в настоящее время зафиксировано пять улиц, получивших свои названия от наименований таких евангельских событий и посвящённых им христианских праздников, как *Благовещение* Пресвятой Богородицы – возвешение архангелом Гавриилом Деве Марии о будущем рождении во плоти от неё Иисуса Христа (*Благовещенская ул.* – г.п. Глусск, г. Чериков); *Покров* Пресвятой Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии – чудесное явление Божьей Матери, которая распростерла над молящимися жителями Константинополя свое широкое белое покрывало – покров – для защиты от врагов (*Покровская ул.* – г. Полоцк, г. Витебск); *Успение* Пресвятой Богородицы – праздник, посвящённый воспоминанию кончины (успения) Божией Матери (*Успенская ул.* – г. Полоцк); на российских территориях четыре линейных объекта (*Богородичная ул.* – г. Смоленск, *Покровский пер.*, *Успенская ул.*, *Успенский пер.* – г. Брянск).

Перечисленные урбанонимы выступают мощным транслятором святости и совершенства, величайшим образцом которого была и остается Пресвятая Богородица.

Полученные в ходе исследования данные позволяют отметить как общее, так и специфическое в репрезентации «церковного» в урбанонимии белорусского и российского пограничья.

Прежде всего обращает на себя внимание заметная доля совпадения подгрупп названий, в основу которых легли имена определенных чинов сил небесных и святых (5 из 9) в двух исследуемых регионах. Так, и в белорусском, и в российском пограничье названия улицам даны по наименованию церквей, освященных во имя:

– *ветхозаветных пророков: Ильинская ул.*, существующая в Орше и Могилеве, получила название от наименования размещенной на ней церкви, освященной во имя библейского пророка IX в. до н. э., одного из самых почитаемых святых Ветхого Завета; *Ильинская ул.* и *Ильинский пер.* функционируют и в российском г. Брянске;

– *апостолов, равноапостольных и просветителей*: ул. *Евфросиньи Полоцкой* появилась в белорусских городах Полоцк и Пружаны в честь восточнославянской инокини и просветительницы периода Полоцкого княжества, в 1893 г. признанной святой; в российском Смоленске название ул. *Кирилла и Мефодия* восходит к именам святых православной и католической церквей, братьев-миссионеров из города Салоники, создателей старославянской азбуки и церковнославянского языка, проповедников христианства;

– *архиепископов и епископов*: ул. *Мелетия Смотрицкого* в г. Могилеве носит имя западнорусского духовного писателя Речи Посполитой, публициста, филолога, церковного и общественного деятеля Юго-Западной Руси и Великого княжества Литовского, архиепископа Полоцкого; в Брянске *Николаевская ул.* и *Никольский пер.* получили название от наименования церкви, освященной во имя Святого Николая Чудотворца, известного также как Николай Мирликийский Чудотворец, Николай Угодник, святитель Николай и даже Санта-Клаус и занимающего второе место после Божьей Матери по количеству посвященных ему икон и построенных в честь него православных и католических храмов;

– *митрополитов*: *Алексеевские улицы*, названные по наименованию находящихся на них церквей, освященных во имя святителя Алексия, митрополита Московского (XIV в.), в двенадцать лет постриженного в монахи и еще при жизни прославившегося как чудотворец, зафиксированы на территории и белорусского (д. Смольяны Витебской обл.; д. Большие Роги Жлобинского р-на Гомельской обл.), и российского (г. Вязьма) пограничья;

– *благовых князей*: ул. *Александра Невского* в белорусском г. Мстиславле восходит к имени князя Новгородского, великого князя Киевского, великого князя Владимирского, полководца, святого Русской православной церкви, получившему прозвище «Невский» по названию битвы и реки; в Смоленске урбанонимы *Борисоглебская ул.* и *Борисоглебский пер.* связаны с именами Святых благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба – первых русских святых, канонизированных как Русской, так и Константинопольской Церковью.

При этом урбанонимиконы белорусско-российского пограничья характеризуются асимметрией в презентации остальных четырех подгрупп. Так, анализ данных свидетельствует, что в разряде наименований улиц белорусского ареала оказались такие подгруппы, которые отсутствуют в российском пограничье.

К их числу относятся урбанонимы, восходящие к наименованиям:

– *бесплотных сил небесных*, наделенных божественной силой, – ангелов. В частности, в г. Полоцке одна из улиц (*Михайловская ул.*) названа в честь Архистратига Михаила, великого воина сил небесных;

– *архиереев*. Так, *Архиерейский Вал Конисского* (архиерей – в иерархии санов современной Церкви – духовное лицо, имеющее третью по значимости степень священства – епископскую) в г. Могилеве носит имя епископа Русской православной церкви, архиепископа Могилёвского, Мстиславского и Оршанского, философа, педагога, богослова и общественного деятеля Речи

Посполитой, а затем Российской империи, причисленного к лику местночтимых святых Белорусского экзархата Русской православной церкви в 1993 г.;

– *блаженных: ул. Ксении Блаженной* (д. Берники Вороновского р-на Витебской обл.) – виконим, образованный от названия храма Святой блаженной Ксении Петербургской.

С другой стороны, левосторонней асимметрией характеризуется репрезентация подгруппы урбанонимов, восходящих к именам *великомучеников и мучеников*: на территории пограничья только в российском Брянске зафиксированы *Пятницкая ул.* и *Пятницкий тупик*, носящие имя Святой великомученицы Параскевы – христианской подвижницы, жившей на рубеже II–III веков в городе Иконии – на территории современной Турции [Святая Пятница Параскева].

Таким образом, урбанонимия белорусско-российского пограничья характеризуется стремлением к преобладанию общих черт над специфическими в репрезентации ценностей христианства.

Несмотря на в целом низкий процент церковных названий улиц в исследуемом регионе (1,6% с белорусской стороны и 1,4% с российской), анализируемые урбанонимы, связанные с именами небесных сил и святых, являются своеобразным инструментом трансляции ценностей христианства, способствующих духовному становлению человека – очищению сердца, просвещению ума и обожению.

Список литературы

Святая Пятница Параскева [Электронный ресурс] // URL: https://yandex.by/search/?text=%D1%81%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%B0%D1%8F+%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0+%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B0&lr=154&clid=2349349-0&win=395&src=suggest_T (дата обращения: 21.03.2024).

III. Церковь и богослужение [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Parion_Alfeev/katehizis-kratkiy-putevoditel-po-pravoslavnoj-veri/4 (дата обращения: 21.03.2024).

Арина Е.П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01; Самар. гос. университет. – Самара, 2008. – 19 с.

Бобырева Е.В. Религиозный дискурс : ценности, жанры, стратегии : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19; Волгоградский гос. пед. университет. – Волгоград, 2007. – 42 с.

Борисевич О.А. Экклезионимия Беларуси: структурный, номинативный, лингвогеографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02; Бел. гос. университет. – Минск, 2012. – 24 с.

Бугаева И.В. Язык православной сферы современное состояние, тенденции развития : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01; Моск. пед. гум. университет. – М., 2010. – 48 с.

Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01; Воронеж. гос. университет. – Воронеж, 2003. – 24 с.

Лукина О.А. Экклезионимное пространство Беларуси : монография. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 110 с.

Мезенко А.М. Отэклезионимные урбанонимы, соотносимые с категорией святости // Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние : материалы междунар. метод. семинара, Смоленск, 1 декабря 2011 г. – Смоленск : СмолГУ, 2011. – Вып. 2. – С. 74–78.

Мезенко, А.М. Категория святости в топонимической номинации // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64). – № 1. – Часть 1. – С.359-363.

Названия улиц г. Брянска и Брянской области [Электронный ресурс] // URL: https://city-address.ru/region-32_bryansk/all-street/page-9/ (дата обращения: 03.03.2024).

Улицы Смоленска и Смоленской области [Электронный ресурс] // URL: <http://mapdata.ru/smolenskaya-oblast/smolensk/ulicy/> (дата обращения: 26.02.2024);

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ЭРГОУРБОНИМИИ Г. ЯЛТЫ

А. С. Мокренцова

*Херсонский государственный педагогический университет, Донецкий
государственный педагогический университет*

(Ялта, Россия)

Производится анализ понятий «эргоурбоним» и «лингвокультурная ситуация» в эргоурбонимии. Рассматриваются основные типы номинатем, формирующие представление о лингвокультурной ситуации в канве внутригородских названий г. Ялты. Объясняется детерминированность онимов, содержащих культурную информацию.

Ключевые слова: эргоурбонимия; лингвокультурная ситуация; внутригородские названия; ономастика; лингвокультурологический анализ

Социально-политические изменения в обществе неизбежно затрагивают язык, что наиболее ярко видно на лексическом уровне. Эргоурбонимы, как отмечает Р. И. Козлов, это «объект номинации, который представляет, с одной стороны, деловое предприятие (для названия которого используется эргоним), а с другой – объект городского пространства (именуемый урбонимом / урбанонимом)» [Козлов, 2001, с. 26]. Данные пласты онимов включают в себя социальный и культурный компоненты, являются отражением культурных и социально-политических процессов, происходящих в обществе, отображают закреплённые в сознании народа традиции и стереотипы. Иначе говоря, с одной стороны эргоурбонимное поле (совокупность внутригородских названий) динамично меняется под воздействием исторических, социальных, и культурных факторов, а с другой стороны – выполняет аккумуляционную функцию и отображает языковой опыт данного народа.

«Совокупность языковых и экстралингвистических факторов, влияющих на функционирование языка в конкретном обществе в определённый исторический период» в лингвистике называют лингвокультурной ситуацией [Караулов, 1987, с. 21]. Данное понятие ввёл Ю. Н. Караулов, указывая на то, что целесообразно рассматривать не «язык в языке», а язык во взаимосвязи с культурой и обществом, поскольку существуют языковые единицы, содержащие в себе культурную и социальную информацию. Соответственно, на базе тезиса, выдвинутого Ю. Н. Карауловым, можно сделать вывод, что лингвокультурная ситуация включает в себя два компонента:

1) лингвистический (состояние языка на данный момент: грамматический строй, лексические и фонетические особенности);

2) культурный (развитость данного общества, традиции и обычаи, закреплённые в данном обществе, религиозные, политические и экономические особенности, способы взаимодействия культуры с другими культурами).

В самом понятии, данном Ю. Н. Карауловым, отмечается взаимное влияние языка и лингвокультурной ситуации, которое обусловлено следующими факторами:

- язык является способом отображения языковой картины мира;
- язык чувствителен к социокультурным и политическим изменениям;
- культура способна влиять на языковые нормы (появление вариантов произношения, расширение допустимости употребления различных языковых средств в определённых языковых ситуациях);
- отражение и фиксация в языке взаимодействия различных культур.

Эргоурбонимы, по мнению О. В. Шаталовой, «несут информацию об исторических, идейно-политических и эстетических вкусах, традициях и устоях, а также фиксируют смену ценностных стереотипов общества, что приводит к лексической многослойности данной группы языковых знаков» [Герасименко, 2021, с. 28].

Эргоурбонимия Крыма в целом и Ялты в частности, отображает исторические и культурные процессы, а также содержит все оттенки многонациональности и поликультурности полуострова. Так, в эргоурбонимном пространстве Ялты функционируют тюркские названия: кафе «Sofram» (от турец. 'стол'), чайхона «Вачач» (от узбек. 'наблюдатель'), этно-кафе «Селям Алейкум» (от араб. 'мир вам'), кафе «Лаваш» (единица гастрономического дискурса Среднего Востока: «В Средней Азии и Закавказье: плоский, в виде большой лепёшки, пшеничный пресный хлеб» [Кузнецов]).

Как отмечает И. А. Герасименко, «Крым – это не только курортный, но и исторический регион со сложной тканью культурных означающих» [Герасименко, 2018, с. 255]. Свидетельством тому является широкий спектр номинаций, содержащий культурно-историческую информацию: отель «Таврида» (историческое название Крымского полуострова времён древности и Средних веков); база отдыха «Ялос» (историческое название Ялты), санаторий «Ай-Даниль» (от греч. 'Святой Даниил'), ресторан «Ай-Петри» (от греч. 'Святой Пётр'), а также ряд номинативов, содержащих культурную информацию и имеющих исторически-обоснованную детерминированность: «Белая Дача» (название Дома-Музея А. П. Чехова, где прошли последние годы жизни писателя), Ялтинский театр им. А. П. Чехова, кофейня «Пушкин», Дом-музей М. А. Волошина – являются символом богатого культурного наследия Ялты, а также элементом русской словесной культуры, зафиксированным в эргоурбонимном пространстве города.

Как указано ранее, на лингвокультурную ситуацию оказывает влияние ряд неязыковых факторов, в числе которых политический курс государства/региона, идеологическая концепция. Современная политическая реальность отражена и зафиксирована в ряде онимов: Номинатива «#СВОИ» (кофейня) примечательна отсылкой к известному высказыванию президента Российской Федерации, которое послужило стартом для создания особых

выборки в интернете: #СвоихНеБросаем; #свои. Воздушная акробатика «ВОЗДУХЪ», где в составе номинативной единицы, благодаря графическим средствам, можно выделить несколько культурно-маркированных частей. Так, графема «Z» выполняет смысловозначительную функцию и является актуальным символом новой реальности (обозначение вооружённых сил Российской Федерации на фронтовых линиях). Вслед за тем, часть имени «ДУХЪ» содержит элемент ретро-номинации.

В языке современной Ялты ретро-номинации представлены рядом внутригородских наименований: ресторан-пивоварня «ФабрикантЪ», магазин «ПродторгЪ», кафе «Городской Садъ», ресторан «Гутманъ» и т. д. В данных случаях графема **Ъ** является напоминанием об ушедшей эпохе и в то же время, как отмечает В. Г. Костомаров, «проявлением моды на книжность» [Костомаров 1999: 280]. Очевидно ретро-номинация, содержит культурную информацию, поскольку использованный графический приём распространён и на материковой части страны, он является аллюзией на историческое прошлое государства и в то же время вызван языковой модой.

Появление в ономастическом пространстве города единиц иной лингвокультуры всегда сопровождается закреплением новых номинатом, например, псевдоитальянские имена: пиццерия «PIZZA PESTOrini», бутик «VIVA ITALIA», пиццерия «Cargi» (от названия острова в Неаполитанском заливе), бутик женской одежды «Giordano», ресторан-кафе «Венеция» и т. д. Как видим, часто они восходят к топониму или имени собственному, которое призвано создать определённый уровень престижности и внести в эргоурбонимное пространство города колорит итальянской культуры.

Ономастическое пространство Ялты также представлено рядом наименований восходящих к старославянской и древнерусской лексике: *дом*, *лавка*, *дворик* и др.: «Яство» (семейный ресторан), «Дом торговли» (торговый центр), «Уют Дом» (строительная компания), «Ялтинский дворик» (кафе), «Мясная лавка», «Чайный дом» (чайный магазин). Так, слово *яство* восходит к старославянскому языку и образовано от *ěditi* (есть) и суффикса *-тва* [Цыганенко, 1989, с. 510]. Слово *лавка* восходит к древнерусскому слову *лавица* с первоначальным значением 'скамья', позднее слово приобрело значение 'торговое помещение' [Черных, 1999, с. 462]. Слово *дом* восходит к древнерусскому языку, и первоначально имело значение 'жилище' [Черных, 1999, с. 262]. Слово *дворик* также восходит к древнерусскому языку, и первоначально имело значение 'жилище, двор' [Черных, 1999, с. 233]. Позже у слова появилось значение 'рыночная площадь' [Цыганенко, 1989, с. 510].

За последний год ландшафт внутригородских названий г. Ялты пополнился эргоурбонимами, которые оформлены кириллицей: «Давай завтракать» (кафе) – двукомпонентный эргоурбоним побудительного характера, «Лён» (магазин одежды), «Мир, дружба, котлета» (кафе), «Кальянный клуб» (кальянная), «Люляшка из барашка» (шашлычная), «Зёрна» (кофейня) и т. д. Причиной роста русскоязычных названий являются социокультурные изменения, происходящие в российском обществе и оказывающие влияние на языковую моду, и, как следствие, на внутригородские наименования, см.

[Федеральный закон, 2023], где указано, что в случае наличия русского эквивалента, использование иностранных слов и выражений не допускается. Редакции закона также регулируют нормативность использования русского государственного языка в соответствии с нормами русского литературного языка, зафиксированными в словарях и грамматиках. Несомненно, англоязычные названия занимают значительное место в канве городских наименований, однако мы можем сделать вывод, что названия на русском языке сегодня также стали престижней.

Итак, эргоурбонимия г. Ялты имеет неоднородный лингвокультурный характер благодаря богатой истории развития полуострова и полиэтнической населённости. Лингвокультурная ситуация в сфере внутригородских наименований подвержена изменениям, она отражает социокультурные, исторические и политические процессы: соответствует языковой моде. Несмотря на это, необходимо отметить рост русскоязычных названий, обусловленный построением новой языковой реальности и ростом престижа русского языка. Данная проблема требует дополнительного детального анализа, что и будет нами предпринято в дальнейшем.

Список литературы

Герасименко И. А. Дмитриева Ю. Л., Лешкова Н. В. Коммуникативные позиции русского языка в Донбассе: лингвокраеведческий и лингвоэкологический аспекты : коллективная монография. – Горловка: ГИИЯ, 2021. – 212 с.

Герасименко И. А. Эргонимное пространство современного Крыма // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24-26 мая 2018 г.) / Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Брянск : АБЕРС, 2018. – С. 254–258.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 264 с.

Козлов Р. И. Современные эргоурбонимы в городской топонимической системе (на примере г. Екатеринбург) // Известия Уральского государственного университета, 2001. – № 20. – С. 25–35.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи / Издание 3-е, испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.

Кузнецов С. А. Толковый словарь Кузнецова [Электронный ресурс] // URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 27.04. 2024).

Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”» [Электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028?index=3> (дата обращения: 22.04. 2024).

Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов / 2-е изд., перераб. и доп. – Киев: Рад. шк., 1989. – 511 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 Т. / 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 1 А. – Пантомима. – 624 с.

ЭККЛЕЗИОНИМЫ В ПРИДНЕСТРОВСКОЙ ОНОМАСТИКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

С. С. Полежаева

*Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
(Тирасполь, Молдова, Приднестровье)*

Рассматриваются приднестровские экклезионимы (названия городских и сельских культовых сооружений) в языковом и историко-культурном аспектах. Разработана семантико-структурная типология экклезионимов, описаны некоторые их

лингвокультурологические особенности. С опорой на исторические факты обосновывается мысль об особо почитаемых приднестровскими прихожанами православных Святых. Делается вывод о необходимости дальнейшего глубокого изучения приднестровских онимов с сакральной семантикой.

Ключевые слова: ономастика; экклезионим; урбаноним; виконим; православные святыни; Приднестровье.

История жизни народов юго-восточной части Европы привела в 90-е гг. XX в. к образованию Приднестровской Молдавской Республики (Приднестровья) – не признанного юридически, но существующего фактически более тридцати лет государства. Оно многонационально, многокультурно и многоконфессионально, но особая роль отводится православию: «Около 90 процентов населения Приднестровья, вне зависимости от национальности, позиционируют себя как православные христиане» [Брусалинская, 2020, с. 127]. Большая часть их посещает места совершения религиозных обрядов.

На территории современного Приднестровья сохранились и реставрируются культовые сооружения прошлого, строятся новые. В рамках ономастических исследований интересно обращение к названиям этих артефактов – экклезионимам, их языковым особенностям. Изучение экклезионимов Приднестровья филологами в лингвокультурологическом направлении не получило еще должного научного описания. Известны работы, в которых лишь фрагментарно, на фоне глубокого научного историко-географического, историко-этнографического исследования [Константинов, Фоменко 2003], получают отражение и языковые вопросы.

Экклезионим – «собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря» [Подольская, 1988, с. 149]. В статье рассматриваются городские и сельские экклезионимы Приднестровья с целью представить их семантико-структурную типологию и описать некоторые историко-культурные особенности. Материал исследования – экклезионимы, отраженные на сайте Туристического портала Приднестровья, где в рубрике «Православные святыни» представлены 34 онима [Православные святыни].

Структура названия культового сооружения поликомпонентна, состоит из номенклатурного термина (индексатора) и проприальной части [Лукина, 2017].

1. Номенклатурные термины в названии места совершения обряда.

Из 34 объектов: *церковь* – 23 ед., *собор* – 2 ед., *кафедральный собор* – 2 ед., *монастырь* – 4 ед., *храм* – 2 ед., *часовня* – 1 ед.

В обыденной речи некоторые индексаторы заменяются наиболее употребительными «церковь» или «храм» (последний используется в данной статье), поскольку для простых верующих отличительные признаки приведенных слов зачастую являются содержательно неважными. Ср. номинации одного и того же культового сооружения: официальное название – *Церковь Успения Пресвятой Богородицы* (Рыбницкий р-н, с. Большой Молокиш); фрагмент репортажа из СМИ – *Праздничные мероприятия начались с утреннего торжественного богослужения в сельском храме Успения Пресвятой Богородицы* [Село].

В тематической группе «номенклатурные термины в названии мест совершения обряда», включающей ряд номинаций *храм – кафедральный собор – собор – монастырь – церковь – часовня*, доминирует лексема *храм* – здание, которое посвящено Богу и предназначено для молитв и проведения богослужений [Православие, 2007]. Другие лексемы (кроме лексем *монастырь*) содержат сему 'храм' как идентификатор, конкретизируемый в каждом номенклатурном термине дифференциальными семами, о чем свидетельствуют данные толковых словарей русского языка [Ожегов, 1997] и словарей-справочников по православию [Православие, 2007].

2. Приднестровские экклезионимы в ракурсе урбанонимии и виконимии. Анализируемые экклезионимы практически равны по количеству – они называют 16 сельских и 18 городских культовых сооружений. О каждом из них на указанном портале выложена краткая историческая информация.

Опишем экклезионимы в ономастической проекции.

Семантико-структурная типология экклезионимов.

1) Названия культовых сооружений в честь (во имя) Иисуса Христа и его ближайшего окружения (в детстве) – Святого Семейства.

Названия храмов, освященных именем Главного (для всех православных) Божества, представляют следующие онимы, называющие его, в родительном падеже: именем существительным *Иисус Христос*; именами прилагательными притяжательными *Христова, Господня* (г. Бендеры – *Церковь Нерукотворного Образа Иисуса Христа* и *Собор Преображения Господня*; г. Тирасполь – *Кафедральный собор Рождества Христова*; г. Григориополь – *Церковь Вознесения Господня*).

Согласно структурной типологии экклезионимов [Борисевич, 2011], указанные названия приднестровских храмов относятся к генитивно-субстантивно-адъективному (*Церковь Нерукотворного Образа Иисуса Христа*) и генитивно-адъективному (*Собор Преображения Господня* и др.) типам.

Приднестровские храмы, освященные именем Матери Иисуса Христа, в проприальной части номинационной цепи реализуют две формы имени: *Пресвятой Богородицы* и *Божией Матери* – и соответствуют генитивно-субстантивному типу экклезионимов. Ср: г. Тирасполь – *Храм Покрова Пресвятой Богородицы*; с. Малаешты – *Церковь Покрова Пресвятой Богородицы*; с. Чобручи – *Церковь Покрова Пресвятой Богородицы*; с. Воронково – *Церковь Успения Пресвятой Богородицы*; с. Большой Молокиш – *Церковь Успения Пресвятой Богородицы*; с. Вадатурково – *Церковь Рождества Божией Матери*. Наиболее значимыми для приднестровских прихожан являются памятные факты Покровов, Успения и Рождества, связанные с именем Матери Иисуса Христа.

К освящению другими именами Святого Семейства относятся только городские приднестровские храмы, в проприальной части номинации которых содержатся имена особо чтимых православной церковью Святых Иоакима и Анны, Иоанна Предтечи, ср.: г. Бендеры – *Церковь праведных Богоотцов Иоакима и Анны*; г. Рыбница – *Монастырь Иоанна Предтечи*.

2) Названия культовых сооружений, связанных с именами лиц, причисленных к лику Святых:

Городские культовые сооружения: г. Слободзея – *Церковь Святого Архангела Михаила*; г. Тирасполь – *Церковь Андрея Первозванного, Церковь Святителя Николая Чудотворца*; г. Бендеры – *Церковь Святого Благоверного князя Александра Невского, Женский монастырь Святых Апостолов Петра и Павла*; г. Днестровск – *Церковь Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия*; г. Рыбница – *Собор Архангела Михаила, Монастырь Иоанна Предтечи*.

Сельские культовые сооружения: с. Парканы – *Церковь Святого Архангела Михаила*; с. Строенцы – *Церковь Святого Архангела Михаила*; с. Хрустовая – *Церковь Архангела Михаила*; с. Суклея – *Церковь Святого великомученика Димитрия Солунского*; с. Ташлык – *Церковь Георгия Победоносца*; с. Зозуляны – *Церковь Святой прп. Параскевы Сербской*; с. Валя-Адынкэ – *Церковь Святой прп. Параскевы Сербской*.

В аспекте «городские / сельские» экклезионимы пересечение наблюдается только по линии онима «Святой Архангел Михаил». Это особо почитаемый приднестровскими прихожанами православный Святой.

3) Названия культовых сооружений, связанных с главными церковными праздниками (с. Рашков – *Церковь Святой Троицы*).

4) Названия культовых сооружений, связанных с иконами (г. Григориополь – *Часовня иконы Божьей Матери «Троеручица»*, с. Карманово и с. Карагаш – *Церковь Казанской иконы Божьей Матери*). Все номинации икон содержат имя Божией Матери, среди них особо почитаемая приднестровскими прихожанами икона Казанской Божией Матери.

5) Названия культовых сооружений, связанных с человеком как социосубъектом (г. Тирасполь – *Храм во имя новомучеников и исповедников церкви русской*).

3. Историко-культурный аспект описания экклезионимов.

В экклезионимах большей частотностью характеризуются два имени – *Пресвятой Богородицы* (6 мест совершения обряда) и *Святого Архангела Михаила* (5 мест совершения обряда). Это обусловлено историческими фактами: храмы освящались во имя этих двух православных Святых со 2-ой пол. XVIII в., ср.: «К самым известным церквям того периода можно причислить: Успения Пресвятой Богородицы (1761, с. Маловатое), Михайловская (1768, с. Дороцкое), Михаила Архангела (1770, с. Магала), которые, к сожалению, не сохранились» [История]. Имена Святых Михаила и Николая также становятся ключевыми для освящения храмов предками современных жителей Приднестровья в к. XVIII в., ср.: «Возводятся церкви: Николаевская (1791, с. Парканы), Михайловская (1792, Слободзея), Николаевская (1792, с. Глиное) и др.» [Там же]. Одним их главных храмов исторического Тирасполя (наряду с *Церковью Покрова Пресвятой Богородицы*) стал *Николаевский собор* (г. Тирасполь, ок. 1804), взорванный в 1931 г. во время антирелигиозных репрессий. Сегодня здесь также имеется *Церковь Святителя Николая Чудотворца* (1998 г.).

Название культового сооружения всегда связано со знаменательными для населения историческими фактами. Любопытна история номинации в г. Дубоссары *Кафедрального Собора всех Святых* – современного названия храма, который в прошлом связан с днем почитания Святой преподобной Параскевы Сербской.

«Историко-хронологическое описание церквей епархии Херсонской и Таврической 1848 года» свидетельствует о том, что в г. Дубоссары имелось две церкви – *Соборная Успенская церковь* (1780 г.) и *Церковь Всех Святых* (1797 г.). О последней сказано, что она Греческая, «сия церковь названа такъ потому, что она построена однимъ Грекомъ, на сумму имъ собранную отъ доброхотнаго подаянiя» [Цит. по: Храм]. Во время антирелигиозных гонений в 30-е гг. XX в. Успенская церковь была разрушена, а Церковь Всех Святых – закрыта. Смена исторических вех (советская власть, румынская оккупация) привела к тому, что в 40-е гг. последний храм был открыт и переосвящен сановниками Румынской православной церкви в честь христианской Святой Параскевы Сербской. 50-е гг. ознаменовались новым витком ликвидации храмов, и богослужение в церкви Святой Параскевы было запрещено. И только в к. 90-х гг. храм стал действующим и вернул себе историческое имя уже *Кафедрального собора Всех Святых*. («Если церковь сгорала или разбиралась, то восстановленный обычно на прежнем месте храм сохранял свое прежнее именование» [Кустова 2016: 22]). Но традиционное почитание Параскевы Сербской прихожанами сохраняется и сегодня в виде храмового праздника г. Дубоссары.

Культовые сооружения во имя Святой преподобной Параскевы Сербской воздвигнуты и в приднестровских селах – Зозуляны (1845 г.) и Валя-Адынкэ (1847 г.). Историки находят интересные факты создания этих храмов, пытаются расшифровать старинные надписи и тайные графические знаки, но практически нет сведений о фактах, связанных с именованием храмов во имя Святой Параскевы Сербской. Думается, номинацию можно связать с историей создания храмов. Так, в с. Зозуляны на фрагментах древней кладки церкви-ротонды, круглой, как римская базилика, была обнаружена византийская роспись, как и в знаменитом храме Святой Софии, который расписывали болгарские мастера [Зозулянская церковь]. Снова – греческий след: это единственное в Приднестровье культовое сооружение редкого архитектурного направления ротондальных храмов, которых «во всем мире всего 17» [В селе]. Во время Великой Отечественной войны румынские оккупанты называли зозулянскую церковь «Великая пятница» («Параскева» в переводе с греческого – «пятница»). «В русском быту в старое время Святая Параскева так и именовалась: «Параскева-Пятница». Слово «пятница» чуть не превратилось в самостоятельное женское имя» [Параскева Сербская].

Как видим, приднестровские храмы отражают византийские каноны не только в архитектуре, но и традиционно в номинации, посвящении лицам, причисленным к лику Святых. Святая преподобная Параскева Сербская «считается покровительницей Молдавии, так как место нахождения ее мощей – город Яссы, был древней столицей исторической Молдавии» [Параскева Сербская], а сегодня этот город находится в Румынии. Так, в современном

приднестровском городе Дубоссары переплелись многие исторические и религиозные линии, отраженные в анализируемом экклезиониме.

Приведенная в статье лингвокультурологическая информация лишь отчасти характеризует экклезионимы Приднестровья и намечает пути дальнейших исследований этого ономастического пространства.

Список литературы

Борисевич О. А. Экклезионимы как разновидность урбанонимов в современной ономастической системе // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Том 24 (63). – №4. – Часть 1. – С. 420–424.

Брусалинская Г. С. Значение православия для укрепления духовно-нравственных основ государства и общества // Вестник Приднестровского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2020. – № 1 (64). – С. 126 – 129.

В селе Зозуляны восстанавливают Храм имени Параскевы Сербской [Электронный ресурс] // URL: <https://novostipmr.com/ru/news/12-09-18/v-sele-zozulyany-vosstanavlivayut-hram-imeni-paraskeyu-serbskoy> (дата обращения: 10.05. 2024).

Зозулянская церковь: тайны и загадки [Электронный ресурс] // URL: <http://rnovosti.info/novosti/2020/07/zozulyanskaya-tserkov-tajny-i-zagadki/> (дата обращения: 10.05. 2024).

История. Тираспольско-Дубоссарская епархия [Электронный ресурс] // URL: <https://www.diocese-tiras.org/page.php?id=1> (дата обращения: 30.04. 2024).

Константинов Е. В., Фоменко В. Г. Историко-географический очерк села Сукля (к 210-летию поселения) // Приднестровский исторический альманах. – 2003. – №3. – С. 130 – 136.

Кустова Е. В. К вопросу об именовании монастырских храмов в Вятском крае в конце XVI – XVII в. // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. – 2016. – Вып. 3 (70). – С. 21–34.

Лукина О. А. Становление восточнославянской экклезионимики // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Языкознание. – 2017. – № 2. – С. 97–101.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

Параскева Сербская [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B1%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F> (дата обращения: 10.05. 2024).

Подольская Н В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. / Отв. ред. А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

Православие. Словарь-справочник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: «ДАРЪ», 2007. – 960 с.

Православные святые [Электронный ресурс] // URL: <https://pridnestrovietyourism.com/city/pravoslavnye-svyatyni/> (дата обращения: 13.05. 2024).

Село Большой Молокиш Рыбницкого района отметило 280-летие [Электронный ресурс] // URL: <https://newdaynews.ru/pmr/137011.html> (дата обращения: 28.04. 2024).

Храм, подземелья и Дуб Суворова [Электронный ресурс] // URL: <https://history.gospmr.org/hram-podzemelya-i-dub-suvorova/> (дата обращения: 30.04. 2024).

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕМАТИКА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ГОДОНИМАХ СТОКГОЛЬМА

У.П. Природина

Военный университет имени князя Александра Невского
(Москва, Россия)

Статья представляет результаты исследования шведских городских топонимов, а именно годонимов, в мотивировочной семантике которых отражена религиозная составляющая эпохи Средневековья. Материалом для исследования послужили годонимы Стокгольма, имеющие в своем составе номенклатурные термины *gata* 'улица', *väg* 'дорога, маршрут'.

Ключевые слова: урбаноним; годоним; Стокгольм; эпоха Средневековья

В процессе исследования топонимического наследия Стокгольма было установлено, что номинация ряда урбанонимов обусловлена системой средневековых взглядов и ценностей. Некоторые особенности эпохи Средневековья, выраженные в развитии торговли и ремесленного производства, распространении профессиональных общностей, а также христианства и монашеских сообществ, отчетливо прослеживаются в номинации городских топонимов, что демонстрирует ее семантическое разнообразие.

К концу 2020 года шведскими ономатологами обозначены 5454 урбанонима (шв. *gatunamn*), к которым относятся площади, улицы, парки и другие общественные места в 117 районах Стокгольма [Stahre, Fogelström, et al. 2022: 11–12]. Рассмотрим ряд урбанонимов Стокгольма, образующих названия линейных объектов в городе, годонимы, содержащие номенклатурные термины *väg* (шв. 'дорога, маршрут'), *gata* (шв. 'улица') и репрезентирующие религиозную тематику эпохи Средневековья.

Отметим, что номенклатурный термин *väg* входит в состав 1980 урбанонимов, *gata* – 950 урбанонимов [Stahre, Fogelström et al., 2022, с. 31–32].

Улицы *Pilgrimsvägen* (Пилгримсвеген, *pilgrim* 'паломник'), *Främlingsvägen* (Фремлингсвеген, *främling* 'незнакомец, чужестранец'), *Vallfartsvägen* (Валльфартсвеген, *vallfart* 'паломничество'), *Härbärgesvägen* (Хербергесвеген, *härbärke* 'приют, ночлежка'), как следует из их названий, отражающих процессы топонимизации апеллятивов, связаны с паломничеством, путешествием верующих к святым местам.

Паломничество как вид путешествия мотивировано глубокими религиозными чувствами и имеет непосредственное отношение к признанным сакральным местам и событиям. Распространенная в Средние века форма благочестивого путешествия к центрам поклонения христианским святыням породила еще один вид путешествий – странствия с миссионерскими целями. «...Весь мир, кажется, снимается с насиженных мест и устремляется в путь: рыцарь и купец, ремесленник и проповедник, школяр и жонглер, почтенный клирик и не вызывающий доверия бродяга, и, конечно, пилигрим» [Арутюнян, 2010, с. 65].

Наряду с миссионерами и купцами путешествия совершали странствующие монахи, которые переходили из одного монастыря в другой. Их принимали везде и вместо платы за проживание просили, чтобы они молились за хозяев. Постепенно в Европе развился паломнический туризм, который в

основном совершался с целью замаливания грехов, поскольку, начиная с IX века, паломничество стало налагаться в виде публичной кары и средства к искуплению вины.

Первые монастыри на территории Швеции возникли примерно в начале XII века в регионе Гёталанд (*Götaland*), а затем и в регионе Свеаланд (*Svealand*). Преимущественно это были монастыри цистерцианского толка. И как один из результатов этого социокультурного процесса – появление в городском пространстве Стокгольма названий улиц, мотивированных экклезионимами. Например, улица *Nydalavägen* (Нюдалавеген) своему названию обязана монастырю Нюдала (*Nydala kloster*). Этот монастырь основали французские монахи-цистерцианцы в июне 1143 года. До наших дней из зданий сохранилась только церковь, а от монастырского комплекса остались одни руины.

В XIII веке в Швецию устремились нищенствующие монашеские ордена, в основном францисканцы («серые братья») и доминиканцы («черные братья»). Благодаря монахам в удаленной Швеции стали распространяться континентальная наука, культура и ремесла, основывались школы, университеты, строились больницы. Одним словом, монашеские ордена внесли неоценимый вклад в дальнейшее развитие Швеции.

Приведем еще примеры городских экклезиотопонимов. Во времена викингов не было налогов в том смысле этого слова, которое мы вкладываем в него сейчас. Доход в королевскую казну поступал от Упсальского удела. Речь идет о нескольких хуторах, считавшихся собственностью короны и называвшихся королевскими усадьбами (шв. *husabyar*) [Lagerqvist, 2004, с. 17]. Так, улица *Husabyvägen* (Хусабювеген) в провинции Вестергётланд (*Västergötland*) мотивирована наименованием церкви в Хусабю (*Husaby kyrka*). Она была построена в 1100 году на месте старой деревянной церкви и считается важнейшим из сохранившихся памятников Средневековья. Недалеко от церкви находится святой источник, который назывался источником святого Зигфрида (*S:t Sigfrids källa*). По преданию, именно в нем святой Зигфрид (*S:t Sigfrid*) крестил Олофа Шётконунга (*Olof Skötkonung*). Святой Зигфрид – епископ западной церкви, миссионерствовавший в Швеции на протяжении первой половины 1000 года. По сей день святой Зигфрид считается просветителем и небесным покровителем Швеции. Зафиксирована мотивация городского топонима *Sigfridsvägen* (Зигфридсвеген) наименованием церкви святого Зигфрида (*S:t Sigfrids kyrka*).

Для стокгольмской топонимической подсистемы характерны процессы трансонимизации антропонимов в урбанонимы, которые отражены в следующих названиях улиц.

Улица *Olof Skötkonungs Väg* (Олоф Шётконунгс Вег) названа в честь Олофа Шётконунга, короля Свейи и Готланда, правившего с 995 по 1022 гг. Он был первым христианским монархом, активно способствовавшим распространению христианства.

Улица *Stenkilsgatan* (Стенкильсгатан) своим названием обязана стурману Стенкилю (*Stenkil*), основателю династии Стенкилей, покровителю

христианских миссионеров, который в 1060 году был избран королем. После его смерти разразилась жестокая война между христианами и язычниками, королями Швеции стали его сыновья Хальстен и Инге Старший. После них в начале XII века династия Стенкилей прекратила свое существование, и на протяжении последующих ста лет престол попеременно переходил к кланам Сверкера и Эрика.

Улица *Sverkersgatan* (Сверкерсгатан) названа в честь Сверкера Старшего (*Sverker d.ä.*), шведского короля, основателя династии Сверкелей. Сверкер Старший активно распространял в стране христианство и способствовал тому, чтобы из Франции прислали цистерцианских монахов в его имение Альвастра (*Alvastra*), где был основан один из известных старейших и крупных шведских монастырей Альвастра (*Alvastra kloster*). Название монастыря выступило в качестве производящей основы в урбанониме *Alvastravägen* (Альвастравеген). Здания на улице *Alvastravägen* были построены еще в XII веке.

Улица *Rimbertsvägen* (Римбертсвеген) названа в честь агиографа, архиепископа Гамбург–Бременского Римберта (*Rimbert*), писавшего о поездках святого Ангария (*S:t Ansgar*) (801–865) в Швецию и Бирку в IX веке, предпринятых для проповеди христианства. Отметим, что летописи Римберта считаются одним из достоверных источников для изучения эпохи викингов.

Наименование еще одной из самых примечательных улиц Стокгольма *Eskilsvägen* (Эскильсвеген) также тесно связано с миссионерской деятельностью. Она названа в честь англосаксонского монаха, святого Эскиля (*S:t Eskil*), назначенного епископом епархии Туна (*Tuna*). Он прибыл в провинцию Сёдерманланд (*Södermanland*) для просветительской деятельности. После его смерти в память о нем была построена церковь, а сам святой стал считаться покровителем этих земель. По свидетельствам некоторых источников, название астионима Эскильстуна (*Eskilstuna*) также мотивировано агионимом *S:t Eskil*. В урбанонимиконе Стокгольма встречаем еще одно название улицы, восходящее к агионимам. Улица *Botvidsgatan* (Ботвидсгатан) названа в честь второго апостола провинции Седерманланд святого Ботвида (*S:t Botvid*). Около 1100 года он был миссионером в Швеции, но больше всего занимался просветительской деятельностью в родном крае Сёдертёрн (*Södertörn*).

Приведенные примеры демонстрируют, что городским топонимам Стокгольма, в мотивировочной семантике которых отражена религиозная жизнь эпохи Средневековья, свойственны естественные ономастические процессы такие, как онимизации апеллятива, трансонимизации онима. Трансонимизация онима обозначается на уровне разных разрядов, например: антропоним → годоним, агионим → годоним, эkkлезионим → годоним.

Перспективными направлениями дальнейших исследований номинации городских топонимов Стокгольма можно считать: 1) изучение моделей словообразования и мотивирующих основ урбанонимов с различными номенклатурными терминами; 2) рассмотрение других видов урбанонимов, названия которых подверглись влиянию эпохи Средневековья.

Список литературы

- Lagerqvist L.O. Svensk historia. – Värnamo: Fälth's Tryckeri, 2004. – 203 s.
Stahre N.-G., Fogelström P. A., Ferenius J., Lundqvist G. Stockholms gatunamn. – Stockholm: Stockholmia förlag, 2022. – 784 s.
Арутюнян Ю.И. Homo viator: образ паломника в контексте средневековой европейской традиции // Вестник СПбГУКИ. – 2010. – №. 1 (5). – С. 65–71.

СОВРЕМЕННЫЙ ГОДОНИМИКОН ЮГО-ЗАПАДНОЙ АНГЛИИ

М.М. Прищепина

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

(Витебск, Республика Беларусь)

В статье рассмотрены особенности номинирования внутригородских линейных объектов городов Юго-Западной Англии. Выявлены общие черты и отличительные особенности их годонимиконов. К общим чертам относятся преобладание семантических годонимов над семиотическими; отсутствие различий в составе семиотических годонимов в разных городах (доминирующей группой является меморативная номинация). Выявлены отличительные особенности годонимиконов по городам региона, обусловленные длительностью исторического периода города, развитием промышленности и культуры, функцией, выполняемой городом в настоящее время.

Ключевые слова: топоним; урбаноним; годоним; принципы номинации; Юго-Западная Англия.

Различные места, имеющими свои уникальные географические названия, в лингвистике обозначаются термином «топоним». В современной ономастике изучение топонимов представляет большой интерес, поскольку, городские названия продолжают изменять свою форму и значение с течением времени под влиянием различных факторов: исторических, общественных, социальных. В настоящее время языковой облик современного города обращает на себя внимание многих лингвистов-ономастов [Мезенко, 1991, с. 1; Леонович, 2002, с. 2; Голомидова, 2017, с. 3]. Ономастическое пространство города они представляют в виде языкового поля. Центр заполняется названиями внутригородских объектов, собственно урбанонимами. Периферическая часть представляет собой остальные типы собственных номинаций: эргонимы, эклезионимы, дромонимы и др. Годонимы, как и все урбанонимы, являются составной частью лингвистического портрета города [Уразметова, 2022, с. 4].

Цель статьи – определить мотивы и принципы названий внутригородских линейных объектов городов Юго-Западной Англии.

Языковой материал данной работы составили номинации годонимов 8 городов Юго-Запада Англии (Бристоль (Bristol), Борнмут (Bournemouth), Плимут (Plymouth), Суиндон (Swindon), Глостер (Gloucester), Торби (Torbay), Челтнем (Cheltenham), Эксетер (Exeter)). Источником материала исследования послужили списки названий улиц этих городов, полученные методом сплошной выборки из топонимических словарей, топографических карт и интернет-ресурсов, представленных в открытом доступе на официальном сайте Geographic.org/streefview. Методологический инструментарий настоящего исследования сформирован методами инвентаризации и систематизации ономастического материала, элементами качественно-количественного анализа,

сравнительным методом, методом семантического описания и структурного анализа, дескриптивным методом.

Основная масса урбанонимов в исследуемых городах представлена конструкциями, одним из составляющих элементов которых является обязательный географический номенклатурный термин. Географические термины английской урбанонимической системы многочисленны (29 типов). При количественном анализе 1788 наименований улиц 8 городов Юго-Западной Англии получены результаты частотности употребления: *Road* – 561 единица (31,6%), *Close* – 276 единиц (15,6%), *Street* – 271 единица (15,3%), *Lane* – 164 единицы (9,2%), *Drive* – 88 единиц (5,0%) и т.д. Среди крупных улиц наиболее употребляемые географические термины как *Road* и *Street*, а среди небольших – *Close* и *Lane*.

При анализе структурных типов английской топонимии выделены однословные, двухсловные и многословные наименования внутригородских объектов. Наличие в урбанонимической системе английских городов однословных наименований нетипично. Двухсловные наименования (84,2% от общего количества) включают в себя, наравне с географическим термином, имена существительные собственные – 61,3% и имена существительные нарицательные – 33,9%, а также имена прилагательные – 4,8%. Числительные в двухсловных наименованиях отсутствуют. Двухсловные наименования с именами существительными собственными представлены двумя группами: малочисленной группой с географическими названиями (11,3%) и более многочисленными – личными (50,0%). Среди личных двухсловных названий выделяют 5 номинационных групп. Распространенными являются номинации по фамилиям землевладельцев и домовладельцев – 32,3%, малочисленной номинацией является группа названий по именам религиозных деятелей – 9,7%. Двухсловные наименования с именами существительными нарицательными представлены большим количеством наименований фито-фаунистической направленности (31,9%); наименованиями, связанными с профессиями жителей города (24,3%); названиями, обусловленными географическими объектами (15,7%).

Многословные топонимы (15,1%) включают в свой состав географический термин и различные словосочетания, которые представляют собой: имена существительные собственные, имена существительные нарицательные, имена существительные + имена прилагательные, имена существительные + числительные.

Каждый английский город имеет свои особенности, отражающиеся в его урбанонимическом портрете. По продолжительности исторического развития все города Юго-Западной Англии разделены на 3 группы. Длительность периода исторического развития отражается в особенностях топонимикона городов региона. Для анализа была использована лексико-семантическая классификация, применяемая ранее для населенных пунктов этого региона [Прищепа, 2023, с. 5].

В корпусе топонимов анализируемых городов к семантической группе отнесено 1230 единиц, что составляет 68,8% от общего количества, к

семиотической – 558 единиц или 31,2%. Семантическими годонимами являются ориентирующие и характеризующие названия. Среди ориентирующих выделены внутренние (193 единицы, 31,9%) и доминирующие внешние (412 единиц, 68,1%) годонимы. В подгруппе семантических характеризующих годонимов выделяют мотивационные вектора: исторический (125 единиц, 20,0%), физико-географический (131 единица, 21,0%), фито- и фаунистический (216 единиц, 34,5%), характеризующий по свойствам улиц (153 единицы, 24,5%).

Семиотический принцип номинации (558 единиц, 31,2%) распространен в меньшей степени, чем семантический. Семиотические годонимы представлены демонстративными (33 единицы, 5,9%) и доминирующими меморативными (525 единиц, 94,1%) группами. Среди последних преобладает номинация по фамилиям землевладельцев и домовладельцев (195 единиц, 37,1%).

Второй номинационной классификацией была схема по выявлению культурно-языковых мотиваций, зафиксированных в годонимической системе. Анализ мотивационной базы годонимов выявил, что наиболее многочисленными являются топогонимы (35,5%) и антропогонимы (34,8%) и, далее по степени убывания продуктивности идут характеризующие годонимы (17,5%), фитогонимы (3,9%), годонимы, связанные с практической деятельностью человека (3,2%) и с названиями королевских и дворянских титулов (3,2%) и наименьшие по количеству группы – ландшафтные годонимы (1,3%) и зоогогонимы (0,6%).

Рассмотрены особенности номинирования внутригородских линейных объектов по каждому городу Юго-Западной Англии. Выявлены как общие черты, так и отличительные особенности годонимиконов. К общим чертам относятся преобладание семантических годонимов над семиотическими; отсутствие различий в составе семиотических годонимов в разных городах (доминирующей группой является меморативная номинация, присутствие демонстративных годонимов минимально).

Выявлены отличительные особенности годонимиконов по городам региона. При рассмотрении количество семантических ориентирующих годонимов и семантических характеризующих по городам видно преобладание семантических характеризующих годонимов (от 55,5% до 64,2%) в четырех «старых» городах, что говорит о преимущественном наименовании годонимов в ранние исторические периоды по характеризующим их признакам. Доминирование внешних ориентирующих годонимов в молодых городах связано с развитием промышленности и ориентации их на внешние более широкие экономические связи. А в более древних городах ориентация осуществлялась на внутри- или околородские объекты. В подгруппе семантических характеризующих годонимов в различных городах отмечаются индивидуальные различия по мотивационным векторам.

Среди семиотических меморативных годонимов Юго-Запада Англии группы мотивируемых названий распределяются следующим образом: фамилии землевладельцев и домовладельцев чаще всего встречаются (от 36,4% до 75,9%) в самых древних городах региона; фамилии государственных и

политических деятелей наиболее частотны (от 36,5% до 43,6%) в городах, имеющих длительный период исторического развития. Альтернативные номинации присутствуют в молодых городах, развитие которых охватывает около двухсот лет.

Таким образом, проведен качественный и количественный анализ урбанонимикон Юго-Запада Англии по номинационной классификационной схеме, выявляющей культурно-языковые мотивации, зафиксированные в годонимической системе. Количественный анализ показывает закономерности наименования улиц английских городов и характерные особенности их годонимической системы. Выявленные принципы наименования внутригородских линейных объектов характеризуют лингвистический и культурный ландшафт городов.

Список литературы

Голомидова М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 185–203.

Леонович О.А. В мире английских имен. – М.: Астрель, 2002. – 160 с.

Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии. – Минск: Университетское, 1991. – 167с.

Прищепа, М.М. Особенности именования внутригородских объектов Бристоля // На пути к гражданскому обществу. – Иваново: Ивановский филиал ЧОУ ВО «Институт управления». – 2023. – № 2 (50). – С. 21–27.

Уразметова, А.В. Топонимическая система Великобритании: первичная и вторичная номинация. – СПб.: Сциентиа, 2022. – 172 с.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ В УРБАНОНИМИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: УНИКАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ

Р.В. Разумов

*Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского
(Ярославль, Российская Федерация)*

Статья посвящена рассмотрению коллективных посвящений Российской Федерации. Автор анализирует особенности коллективных меморативов, их эволюцию, выявляет общефедеральные и региональные особенности данной группы городских названий. Материалом для исследования послужили данные о системах внутригородских названий населенных пунктов Центрального федерального округа Российской Федерации, а также сведения о времени возникновения названий, извлеченные из топонимических справочников, путеводителей и топонимических реестров различных городов страны.

Ключевые слова: топонимика; урбаноним; городское урбанонимическое пространство; название-посвящение; меморатив; коллективные посвящения

Одним из способов воздействия власти на формирование городского урбанонимического пространства является создание меморативов – мемориальных городских топонимов, под которыми понимается «имя, данное в память о человеке, событии, месте, реке, организации» [Подольская, 1988, с. 119]. Подобные названия стали появляться уже на дореволюционном этапе истории страны, когда власть впервые начала использовать городские топонимы в качестве средства увековечивания памяти об известных людях, подробнее см.: [Разумов, 2022, с. 239–242]. Следует отметить, что до 1917 года подобные названия не были частотными, все они относились к группе

персональных меморативов, т.е. увековечивали конкретного человека. Подлинное развитие данного типа урбанонимов началось в советский период истории страны, когда возникли новые типы урбанонимов-посвящений.

Настоящая статья продолжает цикл наших публикаций об особенностях меморативной номинации в Российской империи – Советском Союзе – Российской Федерации. В данной публикации мы рассмотрим коллективные меморативы, созданные в различных населенных пунктах страны. При проведении исследования мы использовали данные различных источников: материалы созданной нами электронной картотеки «Урбанонимия Центральной России», основанной на сведениях, извлеченных из информационных баз адресации объектов и почтовых индексов, из текстов справочников, путеводителей, реестров наименования внутригородских объектов и интернет-ресурсов по более чем 60 городам Российской Федерации. При упоминании урбанонимов в тексте статьи мы используем географический термин *улица* как универсальный для российской городской топонимии.

Тип коллективных посвящений появился в русской урбанонимии после революции 1917 года. Первые подобные названия были созданы в российских городах уже в ходе переименований 1918–1919 гг. Так, по нашим данным, в 1918 г. на картах населенных пунктов страны появились урбанонимы: *Пролетарская улица / площадь* (Воронеж, Калязин, Кострома, Курск, Москва, Рыбинск, Тула, Ульяновск, Ярославль), *Крестьянская улица / площадь* (Воронеж, Санкт-Петербург, Тверь, Ярославль), *улица / площадь Декабристов* (Санкт-Петербург, Ульяновск) *улица Большевиков* (Курск), *Депутатская улица* (Ярославль), *1-я и 2-я улицы Деревенской Бедноты* (Санкт-Петербург), *площадь Детей* (Воронеж), *улица Дружинников* (Москва), *площадь Жертв Революции* (Санкт-Петербург), *Комиссаровская улица* (Санкт-Петербург), *улица Коммунаров* (Тула), *переулок Павших Героев* (Ульяновск), *Рабочий проспект* (Самара), *улица Свободных граждан* (Курск), *спуск Трудящихся* (Ульяновск) и др. Как видим, большинство из них носило явный идеологический характер и было призвано увековечить новых героев страны.

Анализ собранных нами названий Центрального федерального округа позволил выделить 11 разновидностей коллективных меморативов:

- 1) меморативы в честь представителей различных профессий: *улица Авиаторов, улица Автомобилистов, улица Газовиков, улица Геологов, улица Горняков, Горняцкая улица, улица Домостроителей, улица Дорожников, улица Машинистов, улица Машиностроителей, улица Мелиораторов, улица Metallистов, улица Metallургов, улица Механизаторов, улица Монтажников, улица Приборостроителей, улица Связистов, улица Строителей, Студенческая улица, улица Текстильщиков, улица Текстилей, Учительская улица, улица Химиков, Шахтерская улица, улица Энергетиков;*
- 2) меморативы в честь представителей социальных групп: *улица Безбожников, Крестьянская улица, Пролетарская улица, Рабочая улица, Рабоче-Крестьянская улица;*
- 3) меморативы в честь представителей партий, общественных организаций, органов власти: *улица Большевиков, Большевикская улица, Депутатская*

улица, улица Коммунистов, улица Пионеров, Пионерская улица, улица Юных Пионеров;

- 4) меморативы в честь военных и участников военных конфликтов: *улица Воинов-Интернационалистов, Кавалерийская улица, Красноармейская улица, улица Красных Партизан, Молодогвардейская улица, улица Молодогвардейцев, Офицерская улица, улица Панфиловцев, улица Партизан, Партизанская улица, Солдатская улица, улица Танкистов;*
- 5) меморативы в честь представителей социально-возрастных групп: *улица Ветеранов, Детская улица, Молодежная улица, улица Юности;*
- 6) меморативы в честь представителей отдельных этносов: *Славянская улица, Татарская улица, Казачья / Казацкая улица и др.;*
- 7) меморативы в честь участников революции и революционного движения в разных странах: *улица Декабристов, улица Коммунаров;*
- 8) меморативы в честь покорителей космоса: *улица Космонавтов;*
- 9) меморативы в честь покорителей Севера: *улица Челюскинцев;*
- 10) меморативы в честь групп людей, активно участвующих в жизни страны: *Делегатская улица, улица Новаторов, улица Ударников, улица Энтузиастов;*
- 11) меморативы в честь людей, получивших жилье: *улица Новоселов.*

Перечисленные коллективные меморативы имеют разную степень распространенности в русской урбанонимии. Проследить частоту встречаемости городских топонимов, выделить общедеревенские и региональные названия можно с помощью коэффициента относительной распространенности урбанонимов (далее – КОРУ), выраженного отношением суммарной абсолютной частоты городов, в которых был создан оним, к суммарной абсолютной частоте количества населенных пунктов. Данный показатель рассчитан нами для названий Центрального федерального округа как наиболее типичного региона с точки зрения отражения существующих тенденций развития русской и советской урбанонимии. К ядру русской урбанонимии относятся названия, представленные более чем в половине населенных пунктов, т.е. имеющие показатели КОРУ выше 0,5. По нашим данным, подобную распространенность имеют 3 коллективных меморатива: *Пионерская улица* (КОРУ – 0,74), *Молодежная улица* (КОРУ – 0,73), *Пролетарская улица* (КОРУ – 0,62). Все остальные названия представлены в меньшем количестве населенных пунктов. В первую десятку наиболее распространенных коллективных меморативов также входят урбанонимы: *Рабочая улица* (КОРУ – 0,49), *улица Строителей* (КОРУ – 0,48), *улица Энергетиков* (КОРУ – 0,23), *улица Космонавтов* (КОРУ – 0,21), *улица Декабристов* (КОРУ – 0,17), *улица Энтузиастов* (КОРУ – 0,16), *Крестьянская улица* (КОРУ – 0,14). Места во второй десятке занимают следующие городские топонимы: *улица Новоселов* (КОРУ – 0,13), *улица Механизаторов* (КОРУ – 0,12), *Славянская улица* (КОРУ – 0,11), *Партизанская* (КОРУ – 0,11), *улица Текстильщиков* (КОРУ – 0,10), *улица Металлистов* (КОРУ – 0,09), *Студенческая улица* (КОРУ – 0,09), *улица Мелиораторов* (КОРУ – 0,09), *Депутатская улица* (КОРУ – 0,08), *улица Челюскинцев* (КОРУ – 0,08), *Детская улица* (КОРУ – 0,08) и *улица Коммунаров* (КОРУ – 0,07).

Безусловный интерес представляет анализ зависимости времени появления перечисленных коллективных меморативов с их частотностью и распространенностью. Все названия, занимающие первые 20 мест по показателю КОПУ мы распределили на группы в зависимости от периода их активного создания в российских городах. В 1920–1940-е гг. в русских городах часто присваивались названия *улица Декабристов, Депутатская улица, улица Коммунаров, Крестьянская улица, Пионерская улица, Пролетарская улица, Рабочая улица, улица Челюскинцев, улица Энтузиастов*. В 1950–1980-е гг. в населенных пунктах активно создавались урбанонимы *Детская улица, улица Космонавтов, улица Мелиораторов, улица Metallистов, улица Механизаторов, Молодежная улица, улица Новоселов, Партизанская улица, улица Строителей, Студенческая улица, улица Текстильщиков и улица Энергетиков*. Наконец, в постсоветский период истории страны широкое распространение получил всего один меморатив – *Славянская улица*. Сопоставление времени появления названия и степени его распространенности и частотности показывает, что наиболее частотными оказываются урбанонимы, появившиеся в 1920–1940-е гг., в то же время группа названий, созданных в 1950–2000-е гг., оказалась более распространенной по количеству членов, их показатели между собой отличаются не столь существенно.

Основную массу коллективных меморативов составляют уникальные урбанонимы, не повторяющиеся в других субъектах Российской Федерации. Данные названия непосредственно отражают особенности истории, культуры и экономики того региона, в котором они были созданы. Так, в Ярославской области к числу подобных урбанонимов относятся топонимы *улица Кораблестроителей* (Рыбинск), *Лоцманская улица* (Рыбинск), *Пилотская улица* (Рыбинск), *улица Пищевиков* (Рыбинск), *улица Стачечников* (Рыбинск) и *улица Сыроделов* (Пошехонье), в Костромской области – топонимы *улица Волгарей* (Кострома), *площадь Каблучников* (Нерехта), *улица / проезд Мичуринцев* (Кострома), *улица Сплавщиков* (Кострома), *улица Эскаваторщиков* (Кострома). Подобные названия участвуют в формировании территориальной идентичности [см.: Городская топонимика 2023].

Анализ времени появления коллективных меморативов в городах показывает, что существуют общефедеральные тенденции в создании тех или иных урбанонимов.

Урбаноним *Пионерская улица / переулок / проспект / площадь* – наиболее распространенный городской топоним в современной Российской Федерации – активно создавался в первой половине XX века, далее его частотность заметно снижается. Так, в 1920–1940-е гг. подобный оним появился в Орле (1924), Пензе (1924), Великих Луках (1925), Ижевске (1925), Краснодаре (1926), Рыбинске (1926), Иваново (1927 и 1945), Оренбурге (1928), Томске (1929), Санкт-Петербурге (1932), Калязине (1935 и 1939), Липецке (1937), Астрахани (1938), Череповце (1938), Рязани (1946). Во второй половине XX века он был создан в Нарьян-Маре (1954), Казани (1960), Волгограде (1962), Санкт-Петербурге (1962), Братске (1963), Челябинске (1968), Москве (1985).

Аналогичную картину мы наблюдаем и в случае с третьим по частотности среди коллективных меморативов урбанонимом *Пролетарская улица / переулок / проспект / площадь*, активное присвоение которого приходится также на первую половину XX века. В этот период городской топоним появился в Воронеже (1918), Калязине (1918), Великом Новгороде (1918), Туле (1918), Рыбинске (1918 и 1922), Рязани (1919), Красноярске (1921), Нижнем Новгороде (1923), Астрахани (1924), Оренбурге (1926), Иванове (1927), Кирове (1927), Томске (1927), Курске (1930), Элисте (1937), Кирове (1938), Великих Луках (1946). Во второй половине XX века его частотность среди новых урбанонимов заметно снижается. В этот период подобный топоним появился в Махачкале (1957) и Москве (1964).

Урбанонимы, активно создававшиеся во второй половине XX века, подтверждают наличие общефедеральных тенденций в создании коллективных меморативов. Наиболее показательным является урбаноним *Молодежная улица / площадь / проспект*, входящий в список 10 самых частотных названий Центрального федерального округа. Заметим, что это единственное название, появившееся в 1950–1980-е гг. и сумевшее войти в эту группу. В первой половине XX века подобные урбанонимы были единичными, они были созданы в Перми (1938), Санкт-Петербурге (1939), Калининграде (1946), Кемерово (1948), Владимире (1940-е гг.). Начиная с 1950-х гг. их частотность и распространенность резко возрастает. В этот период названия появились в Рыбинске (1950), Рязани (1953), Костроме (1955), Иванове (1958), Москве (1958), Барнауле (1959), Липецке (1959), Краснодаре (1960), Волгограде (1962), Пензе (1968), Владикавказе (1969), Твери (1970-е), Ижевске (1979), Торжке (1991). Продолжилось создание урбанонима и в постсоветскую эпоху: в этот период он зафиксирован в Краснодаре (1996), Астрахани (2001), Чите (2003), Кирове (2004), Лениногорске (2009).

Наличие общефедеральных тенденций в наименовании объектов подтверждается и временем появления определенных типов названий. Выше мы уже указывали на наличие среди коллективных меморативов группы названий, созданных в честь этносов и суперэтносов. Их активное создание начинается в постсоветскую эпоху, до этого периода они были единичными. Так, в 1990–2000-е гг. широкое распространение получает урбаноним *Славянская улица / бульвар / шоссе*, появление которого нами зафиксировано в Белгороде (1994), Волгограде (2016), Ижевске (1994), Кирове (1994), Краснодаре (2002), Курске (2016), Липецке (1993), Москве (1992), Туле (1992). В российских городах отмечены и другие меморативы в честь этносов: они появились в Красноярске (*Ястынская улица*, 1993, в честь племен, кочевавших в этих местах в XVII в. [Ансимова, 2013, с. 182]), Перми (*Чудская улица*, 2001; «названа в память о легендарном народе чудь, обитавшем на Севере России и Урала» [Улицы Перми, 2007, с. 145]), Уфе (*Булярская улица*, 2010, названа по башкирскому роду Буляр; *Гайнинская улица*, 2010, названа по башкирскому племени Гайна; *Тунгаурская улица*, 2010, названа по наименованию башкирского племени Тангаур) и ряде других городов.

Дальнейшее изучение специфики меморативов представляет несомненный интерес для ономастики и социолингвистики. Подобное исследование позволяет выявить ономастический вкус различных исторических периодов и регионов нашей страны, описать наиболее частотные модели названий, выявить общефедеральные и региональные тенденции в наименовании объектов.

Список литературы

- Ансимова И. М. Улицы Красноярска рассказывают... – Красноярск: ПИК «Офсет», 2013. – 276 с.
- Городская топонимия: современная политика и практика именования: монография / под ред. М. В. Голомидовой, С. О. Горяева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. – 216 с.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
- Разумов Р.В. Русская урбанонимия: полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования: монография. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. – 387 с.
- Улицы Перми. – Пермь: Ладонь, 2007. – 176 с.

ГОРОДСКИЕ УЛИЧНЫЕ НАЗВАНИЯ КАК ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ

А.П. Рассадин, В.Н. Ильин

*Институт истории и культуры Ульяновской области ОГАУК «Ленинский
мемориал»*

(Ульяновск, Россия)

В предлагаемой публикации объектом исследования является топонимическое пространство города Ульяновска в историческом и культурном контексте. К сожалению, сложившаяся практика номинации не всегда учитывает интересы горожан, превращая урбанонимы в односторонний монолог властных структур и исключая конструктивный диалог между городом и его жителями.

Ключевые слова: Симбирск; Ульяновск; урбанонимы; мотивировка; территориальная идентичность; турбулентность; избыточность

Современные уличные названия (урбанонимы), если рассматривать их в совокупности, представляют собой крайне сегментированную и разнородную речевую картину, распадающуюся на отдельные слова. С точки зрения культурологической семантики эти слова так или иначе отражают историю города в разные периоды его развития. Многочисленные трансформации названий нередко были обусловлены сменой общественного строя и соответствующей идеологической конъюнктурой (известна социо-поэтическая формула В. Маяковского «улица корчится безъязыкая»), субъективизмом властных структур, отвечающих за процессы номинации, а точнее отсутствием у общества внятного представления о том, как должна выглядеть топонимическая карта города в целом.

Новые названия не всегда имели содержательную мотивировку, бывали не связаны со смежными, не соотносились со сложившимися культурными традициями. В плане урбанистики подобная хаотичность, за исключением редких «островков» улиц, случайно не задетых цивилизацией и даже иногда мемориализованных, присуща архитектуре многих российских городов, теряющих в результате непродуманных застроек свое индивидуальное лицо. Эти «островки», в конечном счёте, и формируют не только территориальную

идентичность, но и при сохранении исторически сложившихся первичных названий, – идентичность языковую, когда урбанонимы становятся элементами органичного топонимического высказывания. Глубинная речевая стихия города словно прорывается сквозь позднейшие наслоения, и тогда *улица Горького* в Москве опять становится *Тверской*, а *проспект 25-го Октября* в Ленинграде (Санкт-Петербурге) снова *Невским проспектом*.

В сложном сцеплении названий (включая неофициальные, просторечные или сленговые) и архитектуры, гармонично вписанной в окружающий ландшафт, город старается уйти от монологичности высказывания, высказать своё топонимическое кредо, свое «я»; он стремится вступить в полноправный диалог с горожанами и надеется быть услышанным и защищённым от произвольных вмешательств. Что затрудняет этот диалог или даже делает его невозможным?

Разумеется, дать обстоятельный ответ на этот вопрос в краткой публикации невозможно. Проблема слишком серьезна и вряд ли будет решена однозначно даже усилиями многих исследователей. Опираясь на многолетний опыт изучения урбанонимов города Ульяновска, и приводя некоторые наиболее типичные примеры непоследовательности в номинации, мы хотим перевести этот вопрос, в том числе и в дискуссионную плоскость.

1. Турбулентность в образовании фамильных урбанонимов, со служебными морфемами (в форме прилагательных с суффиксом *-ск-* и существительными с окончаниями *-а*, *-я*, *-ая*, *-ой*, *-ий* и т.д.). Если подходить чисто статистически, то вплоть до 20-х гг. XX в. преимущество имели имена прилагательные, в советское и постсоветское время – имена существительные. В итоге на карте города сохранились всего два дореволюционных названия с антропонимической основой – *улица Карамзинская* (с 1900 г.) и *улица Пушкинская* (с 1900 г.). Последняя, впрочем, какое-то время (в 1950-х-60-х гг.) была преобразована в *переулок*, но не *Пушкинский*, а *Пушкина*.

Сейчас трудно судить, какую произносительную форму предпочитали горожане, однако сохранились свидетельства, в том числе документированные, параллельного бытования обоих вариантов *Будёновская* (*Будённого*), *Ворошиловская* (*Ворошилова*), *Калининская* (*Калинина*) и т.д. Процесс замещения традиционных фамильно-именных урбанонимов с суффиксом *-ск* существительными с окончаниями *-а*, *-ая*, *-ой*, *-ий*) в начале XX в. приобрёл, по сути, обвальный характер. Центральная *улица* города *Большая Саратовская*, переименованная в 1912 году к юбилею писателя в *Гончаровскую*, и короткое время, побыв *улицей Карла Маркса*, с 1 января 1941 года стала *улицей Гончарова*. Возможно, свою роль здесь сыграла новая идеология, в которой разрушение старого мира до его основания касалось всего, в том числе и названий, не только заменяемых другими, но и отвергавшей традиционные формы их написания и произношения.

Также должно быть принято во внимание и то, что привычная практика номинации входила в противоречие с большим количеством актуальных антропонимов собственных, часто иностранных. Интересную картину в этом смысле представляет масштабное переименование в 1918 году сразу 38 улиц,

где преобладают урбанонимы, соответствующие нормам русского языка, например, бывшая *Московская /Ленина* или бывшая *Смоленская /Рылеева*. По такому же образцу, в родительном падеже, и фамилии «новых кумиров» – бывшая *Дворцовая/Лассалья*, бывшая *Чебоксаровская/Бибеля* и т.д. Единичные попытки внести в этот список разнообразие не привели к успеху. *Улица Либкнехтская* (бывшая *Лисиная*) очень быстро трансформировалась в *улицу Либкнехта*, потеряв при этом не только суффикс *-ск-*, но и в устной речи звук *к* (*Либнехта*), а вполне удобное наименование *Плехановская* (бывшая *Тихвинская*), в русле общей тенденции, закрепилось как *Плеханова*.

Следует подчеркнуть, что более устойчивыми к трансформациям оказались суффиксальные урбанонимы, образованные от названий поселений, собственных имён природных объектов, этнических групп и т.д. Укоренение этих наименований мотивировано их незначительным идеологическим контекстом, а иногда и полным его отсутствием (например, *улица Камышинская* /город Камышин; *Волжская улица*; *Нижнетарская улица* и т.п.).

Иначе складывается ситуация с фамильно-именными наименованиями с суффиксом *-ск-*. Здесь возвращение более привычного старожилам речевого варианта практически игнорируется властью, а ведь именно она, в конечном счёте, диктует топонимическую политику. Вместе с тем, величие писателя автора «Обломова» никак не пострадает, если *улица Гончарова* станет опять *Гончаровской*, *Минаева – Минаевской* и т.д. Примером пренебрежительного отношения к подобной номинации является история с урбанонимом *улица Терешковой*. Горожане откликнулись на такое название анекдотом: «С автомата в отделение милиции звонит прохожий и говорит, что на Терешковой лежат два пьяных мужика и ругаются. Мол, надо приехать и забрать. Ответ дежурного – это не к нам, звоните Николаеву». Если бы *улицу* назвали *Терешковской*, то никаких бы двусмысленностей не возникло.

2. Однофамильность в названиях улиц как топонимическая небрежность.

При изучении истории городских улиц одной из нерешенных проблем является наличие одноимённых урбанонимов, возникших в разное время и в разных районах Ульяновска. Часто в архивных документах отсутствуют сведения о мотивации выбора того или иного названия. Либо отсутствуют сами документы. В основном, это касается 50-х – 60-х гг. прошлого века. Почему-то бывшие инициаторы забывали в своих решениях указывать не только имя и отчество, или хотя бы инициалы человека, но не удосуживались привести какие-либо личные данные: профессию, отношение к городу, в котором появляется улица с фамилией этого героя и т.п.

Так до сих пор непонятно, чью фамилию носит в Ульяновске *улица Глинки*: выдающегося русского композитора Михаила Ивановича Глинки или советского лётчика-истребителя, дважды Героя Советского Союза Дмитрия Борисовича Глинки? Ни тот, ни другой не имели отношения к Симбирску-Ульяновску. Носителей этой фамилии в России было много. В их числе малоизвестный уроженец Симбирска русский журналист и историк литературы

Александр Сергеевич Глинка (псевдоним Волжский). Кто из них? А может быть и не из них.

Не связаны были с городом великий русский поэт Алексей Васильевич Кольцов и крупнейший российский биолог Николай Константинович Кольцов. В честь кого из них названа улица и целых три переулка, приходится только гадать. Гадать приходится даже при, казалось бы, очевидных случаях.

Например, существуют в Ульяновске неподалеку друг от друга расположенные *улицы*, одна – *Минина*, другая – *Пожарского*. Фамилии, что называется на слуху. Но назван ли этот линейный объект в память известного князя-ополченца? В не всегда всеведущей сетевой Википедии упоминается 14 российских *улиц* и *переулков Пожарского*, но ульяновской улицы нет. Поименована она была так в 1951 году и нельзя исключить, что урбаноним «говорит» о совсем другом человеке: Иване Алексеевиче Пожарском, уроженце уездного города Ардатов Симбирской губернии, Герое Советского Союза, принимавшем участие в боях у озера Хасан. Во всяком случае, в той же Википедии в статье об И. А. Пожарском одноимённая улица в Ульяновске отнесена именно к нему, хотя без каких-либо доказательств. Появившаяся рядом почти десять лет спустя *улица Минина* явно была «привязана» к фамилии князя Пожарского, а не к фамилии героя советского времени. Но знали ли те, кто выбирали, по принципу смежности, такое топонимическое «сочетание», о существовании последнего или его фамилия забылась, стала не столь актуальной?

Путаница могла возникать и по причине кулуарности принимаемых властью решений. Так 18—19 марта 1965 года совершил космический полёт в качестве командира корабля «Восход-2» Павел Иванович Беляев. А в 1966 году *улица Садовая* стала *улицей Беляева*. Совершенно естественно, что горожане восприняли этот факт как знак уважения к космонавту, тем более что каждый полёт в космос в это время воспринимался как крупное государственное событие. Думается, что большинство горожан и сейчас продолжает так считать. Неточность сохранялась бы и дальше, если бы не ставшее известным, но отнюдь не афишируемым, решение горисполкома №1163/31 от 01.12.1966 г., в котором переименование связано с фамилией другого человека – прозаика и драматурга дореволюционного времени, уроженца Симбирска Юрия Дмитриевича Беляева.

Магистральной, в одном из крупных заволжских микрорайонов города, является *улица Жуковского*. Название существует с 1953 года (решение горисполкома №449/27 от 04.06.1953 г., без инициалов), и вряд ли связано с именем поэта Василия Андреевича Жуковского, в 1837 году посетившего с кратковременным визитом Симбирск. Хотя у большинства жителей, ещё не забывших школьную программу по литературе, ни с кем другим этот урбаноним не ассоциируется. Но после войны в СССР была актуальна другая фамилия. 23 апреля 1947 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР посёлок Стаханов под Москвой получил статус города и название Жуковский – в честь русского учёного, основоположника современной аэродинамики Николая Егоровича Жуковского.

Или ещё один характерный пример, когда вариативность толкования является головной болью ульяновских топонимистов – *улица Ефремова*. Исследователи до сих пор гадают, то ли здесь имелся ввиду крупный военачальник Герой Советского Союза Михаил Григорьевич Ефремов, который в 1937 году был командующим войсками Приволжского военного округа, был избран депутатом Верховного Совета СССР первого созыва (Совет Союза) от Куйбышевской области, в которую входил Ульяновск, то ли министр станкостроения СССР Александр Илларионович Ефремов. Логично было бы предположить, что имеется ввиду Александр Илларионович, так как застройка этой улицы начиналась в середине 50-х годов XX в. вместе со строительством Ульяновского завода тяжёлых и уникальных станков, деятельным участником которого и был министр.

Но совсем непонятно отсутствие в советские годы однозначных данных по улицам с фамилией Ульяновых. Только в одном переименовании 1940 года точно названо имя Ульянова-Ленина, а по остальным приходится выбирать между Владимиром Ульяновым и его отцом Ильёй Николаевичем.

3. Расхождения между официальной номинацией и речевой практикой.

В широком смысле, улицы не только заключают в себе топонимическую информацию, но являются важнейшим элементом городской инфраструктуры. С градостроительной точки зрения, уличное пространство отличается типологическим разнообразием. Так в Симбирске-Ульяновске, начиная с XVII в., помимо собственно улиц упоминаются аллея, бульвар, взвоз, дорога, набережная, переулочек, площадь, проезд, проспект, спуск, съезд, тракт, трасса, тупик, шоссе. Каждое из этих слов растолковывается в словарях русского языка и на первый взгляд не требует уточнений. Типы улиц являются органической частью любого урбанонима, конкретизируя топонимическую информацию.

Тем не менее, и здесь не обходится без путаницы. Так на дореволюционных планах Симбирска, имеющего в границах городской черты несколько водных объектов, отмечались, а также применялись официально и в повседневной жизни названия: *Набережная Чувича* (или *Набережная Чувичинского затона*), *Набережная пруда Маришки*, *Набережная реки Свяги*, *Набережная реки Симбирки*. Но в официальном «Реестре наименований улиц, переулков и площадей города Ульяновска», и как следствие на городских уличных аншлагах, закреплены словосочетания *улица Набережная реки Свяги*, *улица Набережная реки Симбирки*, *улица Набережная Университетская*. Режет слух и наименование *улица Московское шоссе*. И все же улица или набережная, улица или шоссе? Понятно, что любой объект с одной или двумя линиями домов или строений можно назвать улицей или переулком. Но в устной речи, да и на письме, никто из ульяновцев не называет их улицами, разве что при необходимости оформить какой-либо официальный документ.

Во многом не совпадают с определением словарей существующие переулочки и проезды. Помимо хаотичного расположения относительно друг

друга или улицы, давшей им своё название, они могут иметь и кольцевую форму, и длину, превышающую длину улицы – «родительницы».

Оторванным от речевых практик является и закрепление в официальной документации существительного *имя* в родительном падеже. Практически это слово мало употреблялось в повседневной жизни. Улицу или площадь горожане именовали по фамилии человека, но в постановлениях властных структур это прибавление присутствует с завидным постоянством: *имени Будённого, Варга Д. А., Вильямса, Воейкова А. И., Ворошилова, Гая, Кузнецова, Лермонтова, Марата, Маяковского, Мичурина, Некрасова, Полбина, Сергея Лазо, Энгельса* и т.д. Это помимо наименований, образованных от геортонимов: *имени 8 марта, 5 Декабря, 12 Декабря, 9 января, XIX партсъезда, 50-летия ВЛКСМ*. Уже в XXI веке в городе появились улицы *имени генерала Маргелова* и *имени авиаконструктора Ильюшина*. Даже в дореволюционном Симбирске в 1913 году, в связи с 300-летием царствующего Дома Романовых, бывшая *улица Мартыновская* была поименована *Романовской*, но никак не *улицей имени Романовых*.

4. Избыточность и недостаточная обоснованность номинации, связанной с номерной индексацией.

Естественно, что номерная индексация применялась и применяется в районах с достаточно большим количеством однотипных и одинаково расположенных улиц, переулков и проездов. За более чем 150-летнюю топонимическую историю города нами зафиксировано 473 названия, включающих основное – «материнское», с прибавлением цифры или числа. Из этого количества 335 названий приходится на переулки, 85 – на улицы, 51 – на проезды и 2 – на тупики.

В дореволюционном Симбирске имелось 16 номерных *переулков*: 5 – *Инвалидных (Старо-Инвалидных)*, 2 – *Иорданских*, 3 – *Курмышка (Курмышских)*, 2 – *Мингалёвских*, 2 – *Патронных*, 2 – *Шатальных*. А также 13 *улиц*: 4 – *Инвалидных (Старо-Инвалидных)*, 6 – (*линий*) *Куликовки*, 3 – *Садовых*.

В советские годы число номерных названий возросло в несколько раз, а к имевшимся типам – *улица, переулок, тупик* – добавился *проезд*. Не все из них сохранились. Сейчас в это трудно поверить, но в Ульяновске, например, когда-то существовали целых две *улицы* (первая и вторая) *Лаврентия Берии*, а популярность некоторых политических деятелей отразилась не только в названиях улиц, но и переулков: *четырёх переулков Будённого*, *четырёх – Карла Маркса*, *двух переулков Робеспьера* и т.д.

Отдельно можно было бы выделить так называемые казусные или внесистемные наименования: например, 1-й и 2-й *повороты Ленина*, просуществовавшие, правда, недолго. В 1966 году два ленинских *поворота* слились в один 1-й *Самарский переулок*. Значительное увеличение номерных названий было вызвано разрастанием города, появлением новых жилых и промышленных районов, а соответственно и линейных объектов. В результате появились *переулки: Сельдинские и Янтарные – по 5, Благодатные и Советские – по 4, Мелекесские, Народные и Светлые – по 3, Абрикосовые, Виноградные, Декоративные, Жасминные, Кедровые* и т.п. – по 2.

Все эти урбанонимы мало или совсем не соответствовали внешнему виду названных объектов. Больше логики присутствовало в названиях фамильных номерных переулков, названных по близлежащей улице. Рекордсменами здесь являются *Нариманов – 5 переулков, Ватутин, Воровский, Гладышев, Маяковский – по 4 переулка и Бутурлины – 4 улицы* и т.д. При строительстве в 1976-1980-х гг. промышленной зоны Ульяновского авиационно-промышленного комплекса возникли так называемые *проезды*, число которых достигло 50-ти. К настоящему времени некоторые *проезды* были переименованы и стали носить персональные фамилии – генералов Баданова и Маргелова, строителя Максимова и директора завода Аполлона Сыцова. Вопрос о персонализации проездов в нежилой зоне представляется нам спорным.

Конечно, когда в российских городах во второй половине XX в. стали образовываться специальные топонимические комиссии, произошли значительные сдвиги в направлении более упорядоченной и менее хаотичной номинации. Прежде всего, это можно отнести к областным центрам, в которых право голоса стали получать и специалисты: историки-краеведы, лингвисты, географы. Но не всегда и не везде, особенно когда речь идет о тысячах малых городов и поселений, в которых многие названия несут отпечаток формального отношения муниципальных структур к уличному пространству. Такое отношение (по словам известного героя А. Грибоедова, «подписано, так с плеч долой») превращает сложный процесс номинации в дорогу с односторонним движением, когда названия полностью или частично монополизируются властью, а сейчас уже и некоторыми наиболее влиятельными партиями и общественными организациями. Подобный подход способствует развитию в простых горожанах особого состояния, в психологии называемом отчуждением, когда человеку становится безразлично, на какой улице он живёт, почему или в честь кого она названа.

ФАКТОР ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В ФОРМУЛИРОВКЕ ЭРГОНИМОВ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАНИ

Д. А. Салимова

*Елабужский институт, Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Елабуга, Россия)*

В статье, основанной на материале 500 эргонимов (названия ресторанов и кафе) столицы билингвальной республики Татарстан, анализируются основные тенденции в формировании эргонимикона Казани, основными из которых являются лингвокреативность, оригинальность, что проявляется на нескольких уровнях языкового содержания. Подчеркивается, что в поликультурном городе новые наименования в первую очередь появляются благодаря отсылке на национальную идентичность, контаминации с включением элементов юмора, языковой игры и неожиданности.

Ключевые слова: *городской ономастикон; эргонимы; билингвальный регион; Казань; контаминация; лингвокреативность; мозаичность*

Имена городских объектов в качестве специфической топонимической макросистемы в XX веке в России были предметом изучения многих известных лингвистов: [Горбаневский, 1992], А. В. Суперанская [Суперанская, 1978], В.И.

Супрун [Супрун, 2000], О.Б. Сиротинина [Сиротинина, 1988], Н.В. Шимкевич [Шимкевич, 2002] и др. Исследования имен, называющих разные предприятия городского пространства, начались относительно недавно: в конце 60-х гг. прошлого века. В 1968 г. Л.М. Щетинин впервые обратил внимание на наименования гостиниц, детских учреждений, кинотеатров, кафе, ремонтных мастерских и т.д., на «отработанную тенденцию в присвоении подобного рода объектам звучных названий» [Щетинин, 1968, с. 7–8]. Несомненно, обогатили эту науку новыми векторами труды-исследования [Вермишова, 2017], [Голомидова, 2018, с. 2], [Емельянова, 2007], [Пучкова, 2019], [Разумов, 2020], [Романова, 2008], [Шмелева, 2014], [Яковлева, 2006] и др. Систематически и последовательно организуются конференции в России и за рубежом, такие как *International Congress of Onomastic Sciences*, *MLA International Symposium*, *Ономастика Поволжья* и др.

Современный русский литературный язык, особенно его лексическая система, в период межкультурной коммуникации интенсивно развивается, меняется и одновременно обогащается. Эргонимическая подсистема Казани четко фиксирует изменения жизни как социальной, так и торгово-экономической, проявляет себя при этом и как фиксатор динамики языка.

Методологической базой для статьи стали работы ведущих отечественных и зарубежных ономатологов, внесших значительный вклад в изучение Имени в самых разных аспектах и лингвистических парадигмах; непосредственно использованы нами методы наблюдения и описательный, которые реализовались в приемах собирания, систематизации, многоаспектной классификации, обобщения и интерпретации языкового материала с привлечением методики количественных подсчетов и психолингвистического эксперимента, обработки опросных данных; предпринята попытка вплести в описание эргонимов и лингвокультурологический анализ.

Нами проанализировано 500 примеров, извлеченных из справочного сайта «Лучшие рестораны и кафе Казани», также систематизированных как итог непосредственных наблюдений автора, так называемым «полевым методом»; из этого корпуса эргонимов примерно половина содержит элементы лингвокреативности. Структура, этимология, состав эргонимов исследуется ономатологами уже несколько десятилетий. Наша же работа в основном посвящена анализу проявления оригинальности и языковой креативности в формировании эргонимов городского пространства.

Нельзя идти против всеобщей тенденции к универсализации и глобализации, это фактор-аксиома, но, видимо, в противовес этому сохраняется в формулировках и тенденция обращения к национально-этническим, историческим корням. Столичные эргонимы состоят как из говорящих имен: *Катык* – ресторан, так и слов, очень далеких по значению от кухни: *Перекресток джаза*, *Рубаи* (поэтическое название), *Султанат*, *Биляр* (отсылка к татарским этноконцептам). Вполне объяснимо, что в современной Казани значительная часть эргонимов представлена татарскими лексемами: *Тюбетей*, *Чирэм*, *Катык*, *Кыстыбый*, *Азу*, *Туган авылым*, *Мархаба*, *Милли (Milli)*, *Алан аш*, *Тимерхан*. «*Чак-Чак & Эчпочмак*», *Токмач*, *Тэмле булсын*, *Кыстыбый*,

Kuman-Club; много примеров с включением компонента-названия этноса (татары): *Tatar by tubetey*, *Татарская усадьба*, *Татарочка Халяль кафе*, *AZU кафе татарской кухни*, *Дом татарской кулинарии*, *Настоящее Татарское Дешево*, *Ресторан татарской кухни*, *Кафе-музей «Татар»*. Среди таких «татарских имен» есть очень удачные наименования, например, кафе-быстро *Май*. «Май» – это название красивого весеннего месяца по-русски и название сливочного масла по-татарски, своеобразная попытка вызвать ассоциации двупланово: тепло, солнечно, весело и ... вкусно, питательно.

Казань, издавна считавшаяся мостом между Западом и Востоком, и в своей эргономике экстраполирует западно-восточный колорит такими своеобразными формами: *Чайхана Мархаба*, *Хан*, *Тимерхан*, *Древняя Бухара*, также *Агафредо*, *Пикассо*, *Петцольд*, *Карбон (Carbon)* и др.

Распространенное в последние годы явление – смешение график и языков – дает примеры удачной контаминации в эргонимиконе. Так, *BigZur*, торговый комплекс на Сибирском тракте; – пример подачи татарского слова (*БИК ЗУР* ‘очень большой’) латинской графикой, с одной стороны; с другой – отсылки к названию известной компании *AZUR GAMES* (международный издатель и разработчик мобильных игр).

Именно находчивостью в оформлении отличается название магазина-кафе *Икра-Раки*. Сложносоставное наименование содержит две лексемы, входящие в одну лексико-семантическую группу («Рыба, рыбное»); еще более интересной нам кажется фонетико-графическая составляющая: оба слова содержат одни и те буквы (*И, К, Р, А*), при этом первый и второй слоги второго компонента – это второй и первый слоги первого компонента, читаемые в обратном порядке. Этот прием использования однотипных и ярко звучащих фонем использован и в других наименованиях, особенно много названий, в составе которых общеизвестное слово, ставшее символом татарской культуры «чак-чак»: *Чак-чак и точка* (отсылка к бренду «Вкусно и точка»), в этих онимах два-три раза повторяется сочетание *ЧК*: *Чакчакочная* (по аналогии с *закусочная, булочная*), *чакчакная*. Среди исследуемых нами названий примеры с включением элемента «чак-чак» в Казани встречаем, возможно, слишком часто: *Музей Чак-чака*, *Дом Чак-чака*, при этом предлагается несколько вариантов: *ЧАК-ЧАК*, *ЧАК ЧАК*, *ЧАКЧАК*, что вряд ли следует оценивать как фактор позитивный. Психолингвистические эксперименты с нашими иностранными студентами (мы провели опрос среди 300 туркменских обучающихся) свидетельствуют, что чак-чак действительно является одним из символов Татарстана. На вопрос: «Приведите примеры, на Ваш взгляд, основных символов Татарстана?» 260 опрошенных ответили примерно так (в разной последовательности расположения слов): *эпечмак*, *Казань*, *Сююмбикэ*, *КФУ*, *чакчак*, *Кул Шариф*, то есть чрезмерную частотность *чак-чака* в эргонимической картине можно и оправдать. Своеобразной игрой «букв» отличаются также названия кафе с едой на вынос *Pita в ритме*, сети бургерных *The Тёлки*.

Фошная Chợ – ресторан вьетнамской кухни – следующий пример контаминации языков; образован эргоним от вьетнамского слова *фо* посредством присоединения русской морфемы *-ин-* (ср.: *тамошний*,

сегодняшний). *Фо ба. Фо га, фо ка. Сыроварня Чизерия* – эргоним представлен в двух графиках: *Cheeseria* (заметим, что наряду с европейским звучанием слово-корень *Чиз* многозначно, в таджикском языке означает ‘вещь’).

Стейк-кафе *ITLE* – пример смешения и график, и языков. В татарском это слово означает ‘мясной’, т.е. для названия взят первым компонентом татарский корень *ит* ‘мясо’, с присоединением татарского словообразовательного (адъективного типа) аффикса *-ле*, который представлен уже в латинской графике и означает, например, в французском языке ‘этот’, т.е. выполняет дейктическую функцию; ассоциация *мясо – именно это*). *Сушилар* – присоединение аффикса множественного числа *-лар* к несклоняемому в русском языке *суши*; к слову, суши имеет отношение и к китайскому, и японскому языку, в татарский язык слово пришло из русского; так, имя *сушилар* сохраняет в себе элементы всех четырех языков. Использование разных график иногда лишено какого-либо смысла; возможно, это простой коммерческий ход для привлечения внимания. Таковы названия: ресторан *MeD*, кафе *ШашилкоFF* и др.

Далеко не все эргонимы Казани можно назвать удачными и привлекательными. Ресторан, претендующий на характеристику «с татарской кухней» на берегу озера Кабан, назван «Печь», номинаторы не стали называть романтично звучащим и удобным для произнесения «Мич» (татарский перевод слова); «Артель», где предлагают современную татарскую кухню, имя не коррелируется ни с национальным колоритом (попытки найти в слове тюркский корень бездоказательны), ни с элементарным смысловым наполнением (артель – это общность людей, увлечённых одним делом).

На сайте *10 лучших ресторанов с татарской кухней* обнаруживаем: ровно половина названий состоят из татарских слов: *Татар, Тюбетей, Туган авылым, Чирэм/Чирем, Биляр*, одно поэтическое наименование персидского/арабского происхождения *Рубаи*, органично вошедшее в татарскую лексику, русское слово «Гусь» (любимое мясное блюдо и русских, и татар), три слова в латинской графике: *Medina Food, 1st Gallery Kithen, Igloobar*. Даже такой, относительно небольшой, срез позволяет представить общую панораму эргонимов Казани. В Казани, полилингвальном городе, вполне объяснимо доминируют русские и татарские имена, часто встречаем эргонимы-отсылки к другим языкам и культурам: ресторан *Нихао* (китайская кухня), *Tutto* (итальянская кухня); *Дадвани* (грузинская кухня); *Paloma Cantina* – мексиканское кафе. *Siri*, (донер и турецкий чай); *Черновар* – «уголок Чехии»; *Малабар* (индийская кухня).

Включение букв обеих график, хотя в целом и является своеобразным рекламным ходом, может привести к затруднениям для клиентов. Например, даже на сайте торговых точек есть оба варианта написания казанского предприятия: *Sorry Mama* и *Sorry Мама*; вполне приемлем вариант написания и по-русски, и по-английски, т.е. без смешения график.

Явлением нового порядка, назовем это многоплановостью с элементами алогизма, можно считать названия типа *Неморе* (вразрез названию как раз для ценителей морских продуктов), *Коко*, происхождение второго можно объяснить

многопланово: и «французскими» корнями, также и латинскими, португальскими, японскими элементами. Название ресторана *Утка в котелке* («котелок» – название мужского головного убора) тоже не лишено алогизма: утку представить в головном уборе или солдатском котелке (посуде) весьма непросто. Необычными, алогичными, возможно, поэтому привлекающими внимание считаем названия: *Бла-бла, Пан Кот, Руки вверх, Нефть* (это кофейня для ценителей кофе, найти хоть какую-то связь между кофе и нефтью непросто), *Приют холостяка, Ямь-яшел* (свежезеленый, логика связи между колоротивной лексемой и рестораном только в том, что зеленый – любимый цвет татар), *Хочу и буду, Аппетит, паб Что делать!?, кафе Пельменная философия, РокнРоллы, Помидорро, По Чесноку*, в вышеперечисленных эргонимах мы наблюдаем и элементы разговорной речи, и смешение языков, и отсылку на известное классическое произведение русской литературы, и названия музыкальных групп, и окказиональную сочетаемость слов (пельмени и философия), и оригинальную пунктуацию и т.д.

Характерное в последние годы для всей России резкое увеличение числа эргонимов г.Казани потребовало и изменения принципов их образования, углубления и расширения языковых ресурсов для таких имен: несомненно, своеобразной калейдоскопичности палитры имен. Интенсификация лингвокреативной тенденции в сфере городских имен-наименований позволяет ярко вырзить эргономеклатурное разнообразие по сравнению с другими типами имен [Салимова, 2023, с. 207]. Очевидна тенденция как к латинизации в графике, так и к «татаризации», что и есть гармония диалектики противоречий, проявляющейся во всех уровнях языкового функционирования; латинизация прослеживается графически и осложнена транслитерированием эргонимов.

Мы считаем, что налицо историко-культурная и филологическая подготовленность номинаторов, активно использующих такие формы, также придерживающихся принципов и языковой моды, и маркеров межкультурности, и многозначности, и языковой игры: эстетическое начало так же ценно, как и прагматическая направленность. Выявленные нами векторы в стратегии номинации объектов городского пространства, продукция которых ориентирована на клиентов-носителей разных языков, свидетельствуют: эргонимическая лексика представляет собой систему постоянно изменяющихся и исчезающих элементов, что вполне закономерно в период быстро меняющихся социально-экономических факторов, поэтому фиксация эргонимов определенного периода (в нашем случае – сегодняшнего) приобретает особую значимость.

Так, к самым ярким маркерам современных языковых тенденций следует отнести усиление категорий интенсивности и личностного начала, коллоквиализацию письменной речи, проявление свойств разговорности/демократичности, экспрессивизацию и контаминацию. Все это наиболее четко проявляется в общей палитре эргонимов, в силу своей функциональности, повседневности, обращающих на себя внимание абсолютного большинства носителей языка. Подводя итог, можно утверждать: в последние годы в современной урбанонимической картине преобладают

наименования, обладающие и региональной идентичностью, и оригинальностью, и полилингвальной архитектурой, что вполне соответствует тенденции, как точно это выразила в свое время В.Н.Телия, «смены культурно значимых ориентиров» [Телия, 1996, с. 222].

Список литературы

Вермишова П. И. Современные эргонимы как отражение унификации языкового пространства российских городов // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства. – Белгород: Эпицентр, 2017. – С. 103–107.

Голомидова М.В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы. DOI 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028 // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15. – № 3. С. 36–61.

Горбаневский М. В. Национальные образы в топонимии Москвы // Топонимика и международные отношения. – М.: МФГО, 1992. – С. 25–40.

Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 42 с.

Лучшие рестораны и кафе Казани <https://tomesto.ru/kazan/places/page>

Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Система современной русской урбанонимической терминологии/ Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 115–125.

Пучкова И.Н. Эргонимы в лингвистическом пространстве подмосковного города (на примере г. Электросталь) // Текст, контекст, интертекст. – М.: Книгодел, 2019. – С. 102–110.

Разумов Р.В. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние / Р. В. Разумов, С. О. Горяев // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 201–219.

Романова Т.П. Проблемы современной эргонимии // Вестник Самарского государственного университета. Серия «Филология». – 2008. – № 1. – С. 82-90.

Салимова Д.А. Лингвокреативные тенденции в оформлении современного эргонимикона: на материале наименований билингвальной Казани / Многоязычие в образовательном пространстве. – 2023. –Том 15. Вып. 2. – Ижевск: Изд-во УдГУ. – С. 203–208.

Сиротинина О.Б. Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С. 247-253.

Старикова Г.Н. Хоанг Тхи Хонг Чанг Трофонимы (ресторонимы) как особый тип эргонимов (на материале имен заведений общественного писания Москвы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. – № 47. – С. 72-87.

Суперанская А.В. Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – 206 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

Телия В.Н. *Русская фразеология*. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Шимкевич Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002. – 179 с.

Шмелева Т.В. Ономастикон российского города // LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 137 с. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/79842> (дата обращения: 15.04.2023).

Щетинин Л.М. Имена и названия. – Ростов на Дону: Изд-во Ростовского ун-та. 1968. – 215 с.

Яковлева Е.А. Ономастическое пространство как составная часть «языка города» и его основные единицы (на примере эргонимов г. Уфы / Е.А. Яковлева, А.М. Емельянова // Вестник Башкирского университета. – 2006. – № 3. – С. 90–93.

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ МИКРОТОПОНИМЫ В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Н.В. Свешникова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
(Саратов, Россия)*

Статья посвящена неофициальной микротопонимии современного Саратова. Рассматриваются характерные признаки неофициального ономастикона, специфика данного сегмента лексики в разных возрастных группах городского населения (молодежи и представителей старшей группы). Анализ проводится на материале двух временных срезов: 1999 и 2024 гг.

Ключевые слова: язык города; лексика; неофициальный ономастикон; микротопонимы

Лексика города как совокупность «номинативных единиц, связанных со спецификой городского устройства и быта», представляет собой сложное целое [Капанадзе, Красильникова, 1982, с. 282]. Её важной частью и весьма специфичной является неофициальная микротопонимия – наименования разного рода городских объектов, возникающие и бытующие в устной речи горожан в условиях непринужденного общения. Они образуют в топонимическом пространстве города вторую «систему координат», более ясную и местами более подробную для жителей, чем та, которая представлена официальными названиями. Это обусловлено двумя основными факторами.

Во-первых, часто номинируются объекты инфраструктуры города, не имеющие официального наименования, но актуальные для горожан. Это могут быть здания, скверы, аллеи, площади, микрорайоны, участки улиц, перекрестки и проч. Тем самым подобные неофициальные номинации заполняют «пустоты» в микротопонимике города. Так, например, в Саратове пересечение улиц Воскресенской и Веселой получило в речи горожан название *Штаны*; площадь перед цирком – *Одуванчик* (там находится фонтан в виде одуванчика); площадка для курящих рядом с административным корпусом госуниверситета – *Курилка центральная*; микрорайоны – *За парком*, *Новостройка*, *Конфетка* (рядом с кондитерской фабрикой), *Автозак* (у женской колонии), *Гречка* (рядом с гречневым заводом); подъем от 2-ой Дачной к лесу – *Трамплин* (раньше там был трамплин) и др.

Во-вторых, неофициальные микротопонимы часто оказываются более информативными, более точными в сравнении с официальными наименованиями, так как выделяют в обозначаемых объектах признаки, которые позволяют горожанам лучше ориентироваться в пространстве города, лучше понимать друг друга при общении. Данные признаки могут быть самыми разными: месторасположение объекта, его форма, цвет, архитектурные особенности сооружений, предназначение и т.д. Например: названия магазинов – *Маленький*, *Через дорогу*, *Угловой*, *Жёлтик* (из-за желтых вывесок), *Садовый / Цветочка* (цветочный магазин), *Куриный* (магазин «Рациональ», специализирующийся на продаже мясных полуфабрикатов), *Железка* (автомагазин); зданий – *Башня*, *Париж*, *Лабиринт*, *Разноцветный*, *Стекляшка*; мост через Волгу – *Чайка*; Парк Победы – *Журавли* (по

находящемуся там памятнику «Журавли»); киоск для продажи курицы-гриль – *Грильница* и т.д.

Однако следует заметить, что эта вторичная «система координат» в топонимическом пространстве города будет понятна жителям только этого города или какого-то отдельного его района / микрорайона, где она существует. Для «чужих» необходима расшифровка заложенной в неофициальных наименованиях информации. Эта особенность (ограниченная известность) – характерное свойство неофициальной микротопонимии.

Отличительными признаками рассматриваемых наименований являются также их вариативность и относительно быстрая сменяемость. Оба указанные свойства неофициальных топонимов обусловлены во многом тем, что данный круг номинативных единиц, как и вся лексика города, фиксируя «картину социальной жизни города», «оперативно» реагирует на перемены», происходящие в ней [Китайгородская, 2003, с. 127]. Так, открытие ресторанов, ранее работавших под брендом «Макдоналдс», вызвало появление новых неофициальных наименований для них в речи саратовцев: *ТЧК*, *Вкусная точка*, *Точка*, *Вкусноточка* («Вкусно – и точка»). Другой пример: переименование технического университета в СГТУ им. Ю.А. Гагарина послужило поводом для создания нового топонима (*Гагарка*), который сегодня используется наряду с прежними (*Политехнический* / *Политех*).

Неофициальную микротопонимию отличает еще одна особенность: большое число экспрессивных наименований. Их появление в одних случаях отражает желание номинаторов выразить свое отношение к тем или иным объектам городского пространства, в других – стремление к словотворчеству, языковой игре. Например: *Додошка* / *Донна* («Додо Пицца»), *Трофимыч* (Трофимовский мост), *Полтинник* (проспект им. 50-летия Октября), *Лос-Анджелес* (Новая набережная), *Кошан* (магазин «Ашан»), *Дунькина фабрика* (мебельная фабрика в Агафоновке), *Кровосос* (Центр переливания крови), *Ногтепильня* (салон красоты), *Шанхай* (частные дома в районе Сенного рынка) и др.

Говоря о специфике неофициального ономастикона, следует иметь в виду, что этот пласт лексики города неоднороден по своему составу: он включает в себя номинативные единицы, созданные и употребляемые в разных группах городского населения. В каждой из них для определенного временного периода складывается свой круг топонимов с присущими им свойствами. Отсюда есть основания полагать, что указанные выше признаки неофициальных наименований (вариативность, относительно быстрая сменяемость и экспрессивность) могут проявляться по-разному в речи представителей этих групп.

Проследим это на примере неофициальных наименований городских объектов Саратова, бытующих в двух возрастных группах – молодежи (18–20 лет) и лиц старшего поколения (50 лет и более). Для анализа были привлечены материалы, собранные от представителей этих групп в 2024 и 1999 годах.

Одна из особенностей, отличающих топонимическую лексику изучаемых групп, – бóльшая вариантность номинативных единиц у молодежи. В

молодежной среде значительно чаще городские объекты имеют по несколько неофициальных названий, нередко образующих целые цепочки. Например: *Вавиловский / Аграрный / Аграрка / Сельхоз / Мехня / Механизация / СХИ / Парнокопытный / Балетно-копытный* (аграрный университет им. Н.И. Вавилова; данный университет был образован в результате слияния нескольких вузов: Институт механизации сельского хозяйства, Зооветеринарный институт, Сельскохозяйственный институт), *Тиньк / Тинька / Тинёк / Тинёчек / Олег* (Тинькофф банк), *Медицинский / Мед / Медуха / Медяга* (медицинский университет), *Жирок / Жирик / Комбижир* (жиркомбинат), *Тепляк / Теплицы / Тепличка* (пос. Тепличный) и др.

В старшей группе число вариантов топонимов, номинирующих один и тот же объект, как правило, не превышает двух. Причем нередко они представлены наименованиями, созданными на базе официальных названий: *Кирова / Проспект* (проспект Кирова), *Экономический / Эконом* (бывший экономический институт), *Горьковская / Горького* (улица Горького), *МВД / Держинка* (военный институт войск Росгвардии, ранее училище МВД им. Держинского) и др. В целом основная часть неофициальных микротопонимов старшей группы это номинативные единицы, не имеющие вариантов: *Пугачевская* (ул. Пугачевская), *Пролетарка* (пос. Пролетарский), *Зоналка* (пос. Зональный), *Шарик* (шарикоподшипниковый завод), *Леруа* (магазин Леруа-Мерлен), *Торговый* (Торговый центр), *Табачка* (табачная фабрика), *Глебовраг* (Глебучев овраг) и др.

Сопоставление материала разных временных срезов выявило еще одно различие между топонимами изучаемых возрастных групп: обновление неофициальных наименований у молодежи происходит быстрее, чем у представителей старшей группы. Подвижность состава названий в обеих группах – процесс закономерный, во многих случаях обусловленный переменами в городской инфраструктуре: в частности, появлением новых магазинов, улиц, торговых центров и т.п., переименованием городских объектов или их исчезновением, изменениями, произошедшими в них, и проч. Например, из-за переименования военного института внутренних войск МВД России в Институт войск национальной гвардии РФ (СВКИ ВНГ РФ) у молодежи возникли новые микротопонимы – *Армейка / Совки / Военка*. Благоустройство сквера у цирка, называвшегося ранее в молодежной среде *Смоки* (это было излюбленное место для «перекура»), послужило причиной появления нового наименования – *Фонарики*. Открытие магазинов «Леруа Мерлен» и «Fix Price» стало поводом для создания топонимов *Леруа* и *Фикс* в старшей группе.

Однако быстрая сменяемость микротопонимов в речи молодежи обусловлена еще одним фактором – ярко выраженной людической направленностью коммуникации в молодежной среде. Стремление проявить оригинальность, реализовать творческое начало, а также желание оживить бытующую в этой среде лексику, ставшую привычной, «пресной», потерявшую выразительность, способствует созданию новых лексических единиц, в том числе и в сфере микротопонимии. Так, например, в последние

годы к классу неофициальных номинативных единиц, обозначающих административные районы Саратова, в молодежной речи прибавились наименования *Юб* (пос. Юбилейный, называемый уже *Юбик*), *Поливандия / Гарлем* (пос. Поливановка, называемый *Поливанией*), *Фрузя* (Фрунзенский район, называемый *Фрунза*), *Ленчик* (Ленинский район, называемый *Ленин, Ленинка*), *Хавчик / Завчик* (Заводской район, называемый уже *Зав / Завод*), *Солнце* (пос. Солнечный, называемый *Подсолнечный*), *Стекляшка* (пос. Техстекло, называемый *Стекло*), *Центровой* (Октябрьский район, называемый *Октябрь*) и т.д.

В то же время часть топонимов перестала использоваться, и их место заняли новые номинации. Например, ушли из употребления топонимы *Чунаева* (ул. Чапаева), *Черныш* (памятник Н.Г. Чернышевскому), *Бродвей / Брод* (проспект Кирова – пешеходная зона), *Бульвар* (Набережная Космонавтов), *Кремлевская* (ул. Дзержинского), *Вова / Вовик / Вовик каменный* (памятник Ленину), *Морозильник* (медвытрезвитель), *Шафран* (колледж радиозлектроники им. П.Н. Яблочкова) и др.

Обновление неофициального ономастикона старшей группы идет более медленными темпами. По нашим наблюдениям, основная масса неофициальных названий городских объектов, зафиксированных ранее, продолжает по-прежнему использоваться в речи представителей этой группы: *Ущелье* (Октябрьское ущелье), *Комбайн* (микрорайон, где был завод комбайнов), *Книжный* («Дом Книги»), *Белый дом* (здание правительства), *Пентагон* (дом на Предмостовой площади), *Полиграф* (полиграфический комбинат), *Глазная* (офтальмологический центр), *Три кита* (три рядом расположенных высотных здания), *НИИ* (ул. Шехурдина, где ранее был НИИ).

Более того, в топонимике этой группы сохраняется пласт наименований, бытовавших в конце XX века и продолжающих не только удерживаться в памяти людей старшего возраста, но и по-прежнему использоваться в их коммуникации. Многие из этих названий неизвестны молодежи. Так, магазин, находившийся рядом с трамплином, которого сегодня нет, представители старшей группы именуют, как и раньше, – *У трамплина*. Удерживается в речи название улицы *Цыганская*, переименованная еще в 1957 году в улицу Кутякова, и микрорайона *Пианинка*, прозванного так из-за находившейся здесь долгое время пианинной фабрики. Можно еще услышать номинацию *Курятник*, обозначавший уже не существующий с 80-х годов XX века кинотеатр «Красноармеец».

Пополнение неофициального ономастикона в этой среде происходит в основном за счет номинаций новых магазинов, торговых центров, предприятий и других объектов городского пространства. Например, открытие новых магазинов и торговых площадок в последние годы в Саратове повлекло за собой появление в разговорной речи лиц старшего возраста новых топонимов: *Базарчик / Пятачок* (рынок «На Навашина»), *Победа* (торговый центр «Победа Плаза»), *Зеленый* (гипермаркет «Sun Green»), *Триумф* (торгово-развлекательный центр «Триумф Молл»), *Пятерка* (магазин «Пятерочка»), *Тау* (торгово-развлекательный центр «ТАУ Галерея») и др.

Следует отметить, что в составе неофициальных микротопонимов обеих групп – и молодежной, и старшей – выделяется круг одних и тех же наименований, стабильно функционирующих в процессе коммуникации. Это названия общеизвестных объектов, актуальных для жителей Саратова, обозначающих, как правило, важные элементы инфраструктуры города: учебные учреждения, районы, поселки, рынки, улицы, площади и т.п. Все эти объекты, как правило, имеют официальные названия, которые в большинстве своем служат основой для создания неофициальных топонимов. Примером могут служить номинации *Сенной* (Сенной рынок), *Крытый* (Крытый рынок), *Проспект* (пр. Кирова), *Яблочкова* (колледж радиоэлектроники им. П.Н. Яблочкова), *Юридический* (юридическая академия – СГЮА), *Боголюбова* (художественное училище им. А. П. Боголюбова), *Разина* (ул. Степана Разина), *Дружба* (Дорога Дружбы), *50 лет* (проспект им. 50-летия Октября).

Неофициальный ономастикон молодежи отличает еще один признак – его ярко выраженная экспрессивность. Нацеленность на языковую игру, стремление уйти от обыденности, жажда самовыражения приводит к появлению большого количества ярких, нестандартных топонимов в речи молодежи. Например, в кругу современных названий городских объектов представлены *Хихикс* (ПИУ имени П.А. Столыпина РАНХиГС), *Рашка* (ул. Рахова), *Бибишка* (магазин «Би-Би»), *Гвоздь* (магазин «Гроздь»), *Хэппик* (торгово-развлекательный центр «Нарру Молл»), *Рыжий* (ТЦ «Оранжевый»), *Пожужжишь* (кафе «Жу-Жу»), *Шавушка* (закусочная), *Гастрик* (ресторан «Гастродвор») и др. Экспрессивные микротопонимы встречаются и в речи представителей старшей группы, но в гораздо меньшем объеме. То есть в целом экспрессивность в неофициальном ономастиконе этой группы выражена слабее, чем в молодежной среде. В качестве примера можно привести такие названия, как *Кишка* (многоподъездный дом), *Свечка* (высотное здание), *Подвальчик* (магазин в подвале дома), *Собачка* (сквер, где выгуливают часто собак), *Дублер* (ул. Шехурдина, идущая параллельно проспекту им. 50-летия Октября), *Пятачок* (сквер Авиастроителей).

Как видим, неофициальный ономастикон отражает социальную неоднородность городского коллектива. Изучение этого сегмента лексики, являющегося важным компонентом лингвистического городского пространства, позволит глубже понять «языковой код» города, выявить его своеобразие.

Список литературы

Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В.: Лексика города (к постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 282 – 294.

Китайгородская М.В. Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 568 с.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОНОМАСТИКА

ОНИМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ В «АРМЯНСКОМ ТЕКСТЕ» РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Н. В. Бубнова

Смоленский государственный университет,

*Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил
Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского
(Смоленск, Россия)*

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 22-18-00339, Электронный ресурс «Армянский текст русской поэзии»: репрезентация локального текста русской литературы

В статье описаны относящиеся к сфере религии имена собственные из корпуса «армянских текстов» русской поэзии, созданного в рамках реализации одноимённого исследовательского проекта. Нами проведена сплошная выборка имён в корпусе, выявлено 732 ономастические единицы, из которых «армянскую прикреплённость» имеют 279 онимов. Данные имена ранжированы по количеству употреблений в масштабах корпуса и классифицированы по разрядно-тематической принадлежности. К числу религионимов относятся 40 онимов, сформировавших тематические группы: «Боги, богини, божества, святые», «Монастыри», «Храмы», «Герои мифов и преданий», «Католикосы» (ономастическое наполнение групп представлено в тексте статьи). В заключении работы предложен вариант словарной статьи с заголовочной единицей Гегард разрабатываемого словаря имён собственных «армянского текста» русской поэзии.

Ключевые слова: армянский текст; имя собственное; оним; ономастическая единица; литературная ономастика; ономастическое пространство; электронный ресурс

Особое направление ономастологических исследований представляет собой литературная ономастика. В 2014 году была опубликована работа одного из корифеев современной литературной ономастики, руководителя Воронежской ономастической школы профессора Г.Ф. Ковалёва «Библиография ономастики русской литературы», в состав которой вошли работы ономастологов, опубликованные до 2010 года, см. подробнее [Ковалёв 2014]. За последнее десятилетие круг работ значительно расширился, при этом в центре внимания исследователей традиционно находится описание ономастического пространства конкретного произведения или совокупности текстов отдельных авторов; реже – группы авторов, например, поэтов Смоленской поэтической школы см. подробнее [Иванова 2009]. Перспективным направлением литературной ономастики представляется изучение имён собственных в масштабе локальных текстов.

В работе «Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста)» Ж.А. Баянбаева отмечает: «Локальный текст – научная категория, несущая в себе повышенный исследовательский потенциал. <...> Это корпус «текстов о месте», благодаря которым само «место» наделяется рядом дополнительных характеристик. Впоследствии некоторые из них становятся константами (например, «призрачный миражный Петербург»)» [Баянбаева, 2016, с. 77]. Благодаря работам В.Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» [Топоров, 2003] и А.П. Люсого «Московский текст: текстологическая концепция русской культуры» [Люсый, 2013] сформировался «столичный текст» русской культуры, а затем стали появляться работы,

описывающие «провинциальные тексты» (волжский, кавказский, крымский, сибирский и др.).

Объектом нашего исследования является «армянский текст» русской поэзии, работа выполняется в рамках реализации масштабного проекта (2022–2024 гг.) «Электронный ресурс "Армянский текст русской поэзии": репрезентация локального текста русской литературы» (руководитель – профессор В.И. Карасик). Особый интерес к Армении в русском обществе возник во время геноцида армян (1915–1917 гг.). Исследователи отмечают: «Русская поэзия «открывается навстречу армянскому горю» в тот страшный период <...>. В эти трагические годы и ближайшие к ним трудами В. Брюсова, С. Городецкого, Андрея Белого, О. Мандельштама, М. Шагинян, Вяч. Иванова начал складываться "армянский текст" в русской литературе» [Амирханян, Павлова, Романова, 2020, с. 6–7]. Максимально полный на текущий момент корпус "армянских текстов" русской поэзии представлен на официальном сайте проекта [Армянский текст русской поэзии, 2024].

Актуальность описания ономастического пространства «армянского» локального текста обусловлена рядом факторов: во-первых, одним из объективных критериев выделения локального текста как такового является наличие в нём имён собственных; во-вторых, в «армянском тексте» они встречаются уже на первых этапах его формирования; наконец, владение многоплановой историко-культурной информацией, заключённой в семантике имён, способствует более глубокому пониманию содержания «армянских текстов» носителями русской культуры.

Нами проведена сплошная выборка имён собственных во всех разделах корпуса «армянских текстов»: «Русская поэзия XIX века и Армения», «Русская поэзия начала XX века и Армения», «Стихи неизвестных русских поэтов о трагедии армян», «Русская советская поэзия и Армения» и «Стихи русских поэтов начала XXI века». Всего выявлено 732 ономастические единицы, из которых «армянскую прикреплённость» (непосредственное или опосредованное отношение к Армении) имеют 279 онимов (1588 употреблений). «Армянские» ономастические единицы ранжированы нами по индексу частотности (ИЧ), т. е. по количеству употреблений в масштабах всего корпуса текстов, и классифицированы по принадлежности к разряду и тематической группе. К числу наиболее частотных (ИЧ ≥ 10) относятся следующие «армянские имена» (в скобках для каждого онима указан ИЧ; после двоеточия – разряд, через точку с запятой – предмет номинации):

1. *Армения* (293) / *Айастан* (18) / *Гайастан* (7) / *Хайастан* (2): топоним; государство.

2. *Арарат* (142): топоним; гора.

3. *Ереван* (64) / *Эривань* (17) / *Еревум* (2): топоним; город.

4. *Севан* (65) / *Гокча* (1): топоним; озеро.

5. *Ван* (47): топоним; озеро.

6. *Сарьян Мартирос Сергеевич* (38): антропоним; художник.

7. *Арцах* (26) / *Нагорный Карабах* (3): топоним; область.

8. *Евфрат* (26) / *Ефрат* (2): топоним; река.
9. *Аракс* (24): топоним; река.
10. *Эчмиадзин* (20) / *Вагаршапат* (4): топоним; город.
11. *Гайк* (23) / *Хайк* (1): религионим; прародитель армянского народа.
12. *Арагац* (14) / *Алагез* (4) / *Алагяз* (1): топоним; горный массив.
13. *Гарни* (18): религионим; храм.
14. *Гарни* (17): топоним; село.
15. *Вардан* (15) / *Вартан* (1): антропоним; военачальник.
16. *Зангу* (11) / *Раздан* (5): топоним; река.
17. *Кавказ* (15): топоним; географическая область.
18. *Комитас* (15): антропоним; композитор, священнослужитель.
19. *Масис* (15): топоним; город.
20. *Наири* (7) / *Урарту* (6) / *Биайни* (2): топоним; государство.
21. *Саркис* (14): религионим; святой.
22. *Исаакян Аветик Саакович* (13): антропоним; поэт, публицист.
23. *Карабах* (13): топоним; регион.
24. *Востан* (12): топоним; село.
25. *Гегард* (10) / *Гегардаванк* (1): религионим; монастырь.
26. *Тигран (Тигран Великий)* (11): антропоним; царь.
27. *Ван* (10): топоним; город.
28. *Звартноц* (10): религионим; храм.
29. *Сипан* (10): топоним; гора.

Как видим, большинство наиболее частотных «армянских имён» относится к разряду топонимов. При огромном разнообразии классификаций имён собственных по разрядной принадлежности применительно к локальному тексту наиболее приемлемой считаем классификацию профессора И.А. Королёвой, которая, помимо центральных разрядов имён собственных (антропонимов и топонимов), выделяет только «ономастический фон – все другие онимы, дающие дополнительную, так называемую фоновую информацию о человеке и месте» [Королёва, 2014, с. 313]. Однако с учётом специфики анализируемого материала считаем необходимым дополнить данную классификацию разрядом религионимов, к которым мы относим онимы, связанные с религиозной или мифологической сферой. Необходимость выделения данного разряда обусловлена, во-первых, прогнозируемой многочисленностью онимов, имеющих отношение к религии, поскольку Армения – первая в мире страна, провозгласившая христианство государственной религией (традиционно это событие относят к 301 году и связывают с именем царя Трдата III). В работе «Армянская модель «христианской инкультурации»» Р.А. Мирумян отмечает: «Благодаря духовному подвигу глав Армянской церкви – католикосов, патриархов, а также интеллектуально-духовной элиты нации – мыслителей, философов, богословов, в IV–VI вв. была создана уникальная духовная программа спасения нации, которая «работала» на протяжении многих веков в условиях отсутствия национальной государственности, способствуя сохранению национальной самобытности и созданию богатейшей национальной духовной (христианской)

культуры» [Мирумьян, 2022, с. 5]. Во-вторых, представляется невозможным отнести к одному разряду (ономастический фон) имена собственные, называющие коньячные и винные бренды и т. п., и онимы, представляющие названия монастырей, храмов, имена святых и т. п.

В результате классификации онимов по разрядной принадлежности были получены следующие количественные данные: антропонимы – 102 (36%), топонимы – 97 (34%), религионимы – 40 (15%), ономастический фон – 40 (15%). В настоящей работе остановимся более подробно на описании «армянских имён», относящихся к разряду религионимов. Данные имена сформировали следующие тематические группы (общее количество тематических групп в масштабе всех разрядов – 27; в скобках для каждого онима указан ИЧ, для каждой группы – количество составляющих её онимов / их употреблений; группы расположены по убыванию количества неповторяющихся онимов):

1. **«Боги, богини, божества, святые» (13/45):** *Сурб Саркис* (14), *Ваагн* (5), *Мгер* (4) / *Михр* (1), *Анаит* (4), *Гаянэ* (3), *Шушаник* (3), *Ар* (2), *Рипсиме* (2), *Сандухт* (2), *Халди* (2), *Агурамазд* (1), *Астхик* (1), *Нана* (1).

2. **«Монастыри» (13/38):** *Гегард* (10) / *Гегардаванк* (1), *Вараг* / *Варагский монастырь* (7), *Гандзасар* (4), *Санаин* (3), *Амарас* (2), *Аракелоц* (2), *Сурб-Хач* (2), *Татев* (2), *Агарцин* (1), *Ахпат* (1), *Дадиванк* (1), *Кечарис* (1), *Хор Виран* (1).

3. **«Храмы» (10/45):** *Гарни* (18), *Звартноц* (10), *Рипсимэ* (8), *Кармравор* (3), *Айя-София* (1), *Ани* (1), *Церковь Святого Карапета* (1), *Церковь Сурб Аствацацин* (1), *Церковь Сурб Саркиса* (1), *Чёрный монастырь* (1).

4. **«Герои мифов и преданий» (5/30):** *Гайк* (23) / *Хайк* (1), *Давид Сасунский* (2) / *Давид-пастух* (1), *Аралезы* (1), *Арев* (1), *Ной* (1).

5. **«Католикосы» (3/9):** *Григорий* (4) / *Григорис* (1) / *Григорий Просветитель* (1), *Григор Пахлавуни* (2), *Иусик I* (1).

Представленные выше ономастические единицы формируют особую, значительную часть ономастического пространства «армянского текста» русской поэзии, с целью структурирования которого нами разрабатывается словарь имён собственных [см. подробнее Бубнова 2023]. В качестве примера приведём вариант словарной статьи с заголовочной единицей-религионимом:

ГЕГÁРД

ПС: Монастырский комплекс в Котайкской области Армении, расположен примерно в 40 км к юго-востоку от Еревана. Часть храмов монастырского комплекса полностью выдолблены внутри скал. На территории комплекса представлены многочисленные вырезанные на каменных стенах и отдельно стоящие хачкары – традиционные армянские каменные памятные стелы с крестами. Гегард является одним из наиболее часто посещаемых туристами мест в Армении, комплекс внесён ЮНЕСКО в список объектов Всемирного культурного наследия.

ЯС: *род.* Гегáрд|а, *м.* || *прил.* гегáрдск|ий. *Этим.* В переводе с армянского Гегард означает ‘копьё’ (более полное название – Гегардава́нк, что дословно – ‘монастырь копья’). Название комплекса происходит от копья Лонгина,

которым пронзили тело Иисуса Христа на Кресте и которое привёз в Армению апостол Фаддей в числе многих других реликвий, сейчас копьё выставлено в музее Эчмиадзина. Употребляется также старое название Айриванк, что означает 'пещерный монастырь'.

ДС: Климова Г.Д. «Гегард», Чичибабин Б. А. «Второй псалом Армении», Матусовский М.Д. «Строки из горячего тонаира», Ярковец А.Г. «Последние краски Сарьяна», Липкин С.И. «Армянский храм», Матусовский М.Д. «Лусинэ».

Как видим, структуру словарной статьи составляют три словарные зоны: предметных сведений (ПС), языковых сведений (ЯС) и дополнительных сведений (ДС). Предметная зона включает основные сведения о носителе имени и строится в соответствии с типом и статусом заголовочной единицы. Элементами языковой зоны являются акцентологическая, грамматическая и словообразовательная характеристики имени и сведения о его этимологии. В зоне дополнительных сведений приводятся ссылки на все тексты корпуса, в которых встречается анализируемая ономастическая единица. Объём и содержание словарных статей будут определяться индивидуальными свойствами конкретного описываемого онима.

В заключение отметим, что ономастическим пространством художественного текста традиционно принято называть совокупность всех имён собственных, которые функционируют в том или ином тексте. Если говорить о локальном тексте, то анализ «армянского текста» русской поэзии показал, что его ономастическое пространство – это не только и не столько совокупность всех имён собственных данного текста, сколько своего рода «ономастический портрет» армянского народа, существенные «штрихи» которого сформировали онимы, относящиеся к религиозной сфере.

Список литературы

Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В. Реконструкция «армянского текста» в русской поэзии XX века (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского государственного университета. – 2020. – № 2 (50). – С. 5–21.

Армянский текст русской поэзии [электронный ресурс]. URL: <https://localtext.linghub.ru/> (дата обращения: 31.05.2024).

Баянбаева Ж.А. Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2016. – № 2. – С. 77–84.

Бубнова Н.В. Модель макро- и микроструктуры словаря имён собственных электронного ресурса «армянский текст русской поэзии» // Известия Смоленского государственного университета. – 2023. – № 4 (64). – С. 54–63.

Иванова О.В. Имена собственные в лирике поэтов Смоленской поэтической школы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2009. – 23 с.

Ковалёв Г.Ф. Библиография ономастики русской литературы по 2010 год. – Воронеж: «Научная книга», 2014. – 346 с.

Королёва И.А. Ономастический фон лирики А.Т. Твардовского // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции / под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С. 313–316.

Люсый А.П. Московский текст: текстологическая концепция русской культуры / А.П. Люсый. – М.: Издательский дом «Вече», ООО «Русский импульс», 2013. – 320 с.

Мирумян Р.А. Армянская модель «христианской инкультурации» (к вопросу об истории принятия христианства в Армении) // Христианство на Ближнем Востоке. – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 5–24.

ХРЕМАТОНИМЫ И НАИМЕНОВАНИЯ ОРУЖИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ В РОМАНЕ Б.ВАСИЛЬЕВА «В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ»

А.А. Бурченкова

*Смоленский государственный медицинский университет Минздрава России
(Смоленск, Россия)*

В статье рассматриваются наименования оружия и военной техники в романе Бориса Васильева «В списках не значился». Данные онимы помогают отразить историческую обстановку начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., сражения за Брестскую крепость. В статье приводятся официальные и неофициальные наименования оружия и военной техники, встречающиеся в романе и актуальные для 1941 года, даются сведения о точном наименовании упоминаемого оружия, обращается внимание на модели хремотонимов, способы создания прозвищных наименований, стремление военных онимов к апеллятивации, делается вывод о фактической точности художественного произведения как об одной из главных особенностей авторского стиля Бориса Васильева.

Ключевые слова: *апеллятив; военная техника; война; ономастика; оружие; прозвище; хремотоним; художественное произведение*

Мир художественных произведений о войне Бориса Васильева изобилует онимами, отражающими историческую действительность. Ранее в статьях мы уже отмечали, что для Бориса Васильева характерно внимание к деталям, он является представителем так называемой «окопной правды», поэтому историческая достоверность и фактическая точность – черта его произведений. Поскольку события романа «В списках не значился» посвящены началу Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., текст насыщен военной лексикой: воинские звания; элементы военной формы; лексика, связанная с повседневной бытовой сферой военнослужащих; названия техники и оружия. В данной статье мы решили остановиться на наименованиях оружия и военной техники.

Ономасты относят названия отдельных единиц вооружения к классу хремотонимов (гр. χρήμα ‘вещь, предмет’ + *оним*). Так, Н.В. Подольская под термином хремотоним понимает «собственное имя предмета материальной культуры, в том числе название оружия, музыкального инструмента, ювелирного изделия, драгоценного камня, предмета утвари» [Подольская, 1988, с. 161]. К.В. Першина рассматривает названия единичных экземпляров оружия как подполе более широкого ономастического поля хремотонимов, куда также входят названия «драгоценных камней», «единичных экземпляров музыкальных инструментов», «предметов декоративно-прикладного искусства», «средств передвижения» [Першина, 2018, с. 17–18]. А.В. Суперанская под хремотонимом понимает «собственные имена отдельных неодушевленных предметов (оружия, посуды, драгоценностей, музыкальных инструментов)» [Суперанская, 1993, с. 190]. Ляпидовская М.Е. даже предлагает ввести специальный термин «оплоним» (от греч. ὄπλα ‘оружие’ + *оним*) для обозначения названий различных единиц техники и орудий, связанных с военной сферой человеческой деятельности [Ляпидовская, с. 190]. Мы будем

рассматривать термин хрематоним в традиционном понимании и использовать применительно к названиям оружия и военной техники в романе.

Особенность хрематонима-наименования оружия состоит в том, что это, с одной стороны, оним, так как он должен называть единичный объект, но в то же время называется серийная, т.е. не единичная продукция. Здесь уже оним в традиционном понимании находится на границе с апеллятивом, а апеллятив – «имя нарицательное в противоположность имени собственному» [Подольская, 1988, с. 38], любое слово любой части речи, не являющееся онимом. На наш взгляд, мы можем говорить о некоей апеллятивации этих единиц, но по сути, даже теряя полное наименование, лексическая единица продолжает выполнять ту же функцию: называет серийные предметы материальной культуры, выделяя их из числа других подобных по принципу принадлежности к определенному образцу, модели и т. д.

Помимо собственно хрематонимов в произведении Б.Васильева встречаются неофициальные наименования оружия и военной техники.

Традиционно, начиная со времен Советского Союза, боевая техника и оружие называются при помощи комбинации букв и цифр. «Буквенно-цифровой код содержит информацию о предприятии-изготовителе техники и оружия, порядковый номер образца, год (квартал, месяц) его выпуска, некоторые технические характеристики и т.д., например, 2Б17 – 122-мм реактивная система залпового огня; 2С19М1-«МСТА-С» – 152-мм самоходная гаубица; РШГ-2 – реактивная штурмовая граната и т.д. В военной сфере использование графических сокращений и аббревиатур способствует лаконичному выражению мысли, устранению излишней информации» [Крюкова, 2021, с. 306].

Такой способ номинации закреплён в документах, официальных источниках, поскольку представляет собой своего рода шифровку, понятную только посвященным, что позволяет сохранять секретность, необходимую для обороноспособности. В повседневной военной жизни такие наименования не употребляются, отбрасываются буквенно-цифровые обозначения, остаются только указания на вид, тип оружия и имя конструктора. Такими хрематонимами в романе являются *пистолет ТТ*, *станковый пулемет «Максим»*, *револьвер системы Нагана*, *ручной пулемет Дегтярева*.

Самым частотным в романе по употреблению является наименование *станковый пулемет «Максим»*. «Полное название оружия – *Пулемёт Мákсима образца 1910 года (Индекс ГРАУ – 56-П-421)* – вариант пулемёта Максим, широко использовавшийся российской и Красной армиями во время Первой и Второй мировых войн. Пулемёт Мákсима (англ. Maxim gun) – станковый пулемёт, разработанный британским оружейником американского происхождения Хайремом Стивенсом Максимом в 1883 году» [Музей]. Даже если не используется полное наименование данного оружия, мы понимаем, о чем идет речь, потому что на вооружении Советской Армии в то время находился именно пулемет «Максим».

В военной среде, характеризующейся экономичностью вербальных средств, закрепилось название «Максим» и даже прозвищное наименование

«Максимка», которое стало употребляться без кавычек для наименования всех образцов данного пулемета. В этом проявляется один из основных принципов номинации огнестрельного оружия России, а именно – «метонимический перенос, то есть перенос имени конструктора, изобретателя на название оружия» [Крюкова, 2021, с. 306]. Во всем мире известны «имена конструкторов, перешедших из группы имен собственных в группу нарицательных и ставших прецедентными: *Калашников (автомат Калашникова), Макаров (пистолет Макарова), Драгунов (снайперская винтовка Драгунова), Ярыгин (пистолет Ярыгина)*» [Крюкова, 2021, с. 306].

Кроме того, в романе используется еще одно прозвищное наименование данного пулемета – «*станкач*», образованное от прилагательного, входящего в состав хрематонима.

Ценность и важность данного пулемета, а также его популярность в том числе и в гражданской среде, подтверждается в романе восторженными словами Веры, сестры главного героя Николая Плужникова:

«Вера вертелась на кухне, но часто врывалась с очередным вопросом:

- А из пулемета ты стрелял?

- Стрелял.

- Из «максима»?

- Из «максима». И из других систем тоже.

- Вот здорово!.. – восхищенно ахала Вера» [Васильев, 2021, с. 25].

Таким образом, мы видим, что для живой речи характерны наименования, получившиеся в процессе метонимизации. Эти разговорные формы, сохраняя номинативную функцию и оставаясь по сути хрематонимами, демонстрируют тенденцию к апеллятивации, называя не единичный объект, а группу объектов, объединенных общим признаком, в данном случае – образцом оружия.

Уже на первых страницах романа упоминается «*увесистый ТТ*» [Васильев, 2021, с. 5], далее в произведении также подчеркивается его вес – *тяжелый*. Полное наименование – *Пистолет образца 1933 г. (ТТ, Тульский Токарева, индекс ГРАУ–56-А-132)* – самозарядный пистолет, разработанный в 1930 году советским конструктором Фёдором Васильевичем Токаревым. Первый самозарядный пистолет советской разработки, принятый на вооружение в СССР. *ТТ* – это неофициальное название, также получившееся в процессе метонимизации. Пистолетами *ТТ* вооружался командный состав танковых, авиационных войск, а также сотрудники органов НКВД. Его масса – 854 грамма (без патронов), 940 граммов (снаряженный), поэтому характеристики «*увесистый*», «*тяжелый*» оправданы [Пистолет *ТТ*].

«Вечером сам начальник училища поздравлял каждого с окончанием, вручал «Удостоверение личности командира РККА» и увесистый ТТ» [Васильев, 2021, с. 5].

Следующее наименование – *ручной пулемет Дегтярева* с прозвищем «*дегтярь*». «Полное название – *ДП (Дегтярёва пехотный, индекс ГАУ–56-Р-321)* – ручной пулемет калибра 7,62 мм, разработанный Василием Алексеевичем Дегтярёвым. К 1941 году он состоял на вооружении Красной Армии почти 15 лет, имея статус основного ручного пулемета пехотных частей. Это было

мощное оружие с прицельной дальностью 1,5 км и боевой скорострельностью до 150 выстрелов в минуту» [Техкульт].

В тексте только первый раз пулемет упоминается с полным названием, затем употребляется прозвищное наименование «дегтярь».

«Рядом резко застучал «дегтярь»: пограничники короткими очередями били по костелу, прикрывая товарищей» [Васильев, 2021, с. 76].

«Старший пограничник держал на плече «дегтярь», будто дубину: ствол еще не остыл, и пограничник все время перебирал по нему пальцами, словно играл на дудке» [Васильев, 2021, с. 80].

Следующее наименование из романа – *наган*, «револьвер системы Нагана образца 1895 года (7,62-мм револьвер Нагана обр. 1895 г., или 3-линейный револьвер образца 1895 года, индекс ГРАУ–56-Н-121). Семизарядный револьвер, разработанный и производившийся бельгийскими промышленниками братьями Эмилем (Émile) (1830–1902) и Леоном (Léon) (1833–1900) Наганами (Nagant) для Российской империи, состоявший на вооружении и выпускавшийся в ряде стран в конце XIX – середине XX века» [БРЭ]. В данной номинации мы также видим метонимический перенос и стремление к апеллятивации.

Что касается наименований военной техники, то в романе упоминается название «Юнкерс». Это прозвище немецкого боевого самолета *Junkers Ju. 87 Stuka* («Юнкерс-87», Ю-87, «ревун», «лаптёжник») (нем. *Stuka = Sturzkampf-flugzeug* – пикирующий бомбардировщик) – одномоторного двухместного пикирующего бомбардировщика и штурмовика Второй мировой войны, произведенного в авиастроительной компании Германии, созданной Хуго Юнкерсом в Дессау в первой четверти XX века.

На примере данного хрематонима *Junkers Ju. 87 Stuka* мы также видим, как имя собственное переходит «из группы имен собственных в группу нарицательных и становится прецедентным» [Крюкова, 2021, с. 306]. Так в СССР стали называть все бомбардировщики авиастроительной компании *Junkers* в русской транслитерации. Именно в таком виде мы и встречаем наименование в романе: «*Немцы отбомбились в последний раз, «юнкерсы» с ревом пронеслись в прощальном круге над горящими задымленными развалинами, и никто больше не бежал к костелу»* [Васильев, 2021, с. 89].

Противостоят «юнкерсам» в романе советские самолеты-истребители, за которыми закрепилось обиходное ласковое прозвище «ястребки». Для номинации боевых машин СССР характерно использование аббревиатурных названий на кириллице. Советские «ястребки» – это истребители Як-1. Полное наименование *Як-1* – советский одномоторный самолёт-истребитель Второй мировой войны. Первый боевой самолёт, разработанный заводом № 115 под управлением Александра Сергеевича Яковлева как опытный истребитель И-26. Производился с 1940 по 1944 годы. К 22 июня 1941 года было выпущено 425 самолётов. Данное прозвище дано от первой буквы официального наименования истребителя Як-1 и подчеркивает его быстроту и маневренность в бою, свойственную ястребам в полете, то есть в неофициальном наименовании – прозвище – отражаются зооморфные черты техники.

« – *Наверху?* – переспросил Плужников, лихорадочно соображая, как ответить. – *Держимся. Патронов достали. Да, утром наши «ястребки» прилетали. Девять штук! Три круга над нами сделали. Значит, знают про нас, знают! Может, разведку делали, прорыв готовят...*» [Васильев, 2021, с. 111].

Если говорить о фактической точности Б.Васильева, то стоит подчеркнуть, что в романе упоминаются только оружие и военная техника, состоявшие на вооружении советской и немецкой армии к июню 1941 года. Наименования используются в том же виде, в каком они существовали в военном и повседневно-бытовом общении к началу Великой Отечественной войны. Если в начале романа Борис Васильев предлагает читателям полное или усеченное наименование, то дальше используются неофициальные названия, полученные в результате метонимизации, и прозвища, характерные для военной среды и описываемого исторического периода.

Как мы видим, приведенные полные наименования, хремотонимы, образованы по модели *существительное+существительное*, первое из которых называет модель или тип оружия, а второе – фамилию конструктора, также добавляется прилагательное, характеризующее данную модель по какому-либо признаку: *ручной пулемет Дегтярева, станковый пулемет Максима*. Путем сочетания апеллятива, характеризующего модель оружия или вид военной техники, и буквенно-цифровой или буквенной аббревиации образованы названия *пистолет ТТ, самолет ЯК-1, бомбардировщик Ju-87*.

Военнослужащие часто дают оружию и военной технике неофициальные прозвища, которые можно отнести к профессиональному жаргону. Военная речь характеризуется экономичностью вербальных средств и их выразительностью. К прозвищным наименованиям в романе можно отнести следующие: «*станкач*», «*дегтярь*», «*ястребок*». Образованы данные прозвища от официальных названий оружия: от прилагательных – «*станкач*» (от *станковый*), от фамилии конструктора – «*дегтярь*» (от *Дегтярев*), от фамилии конструктора и по аналогии с зооморфными характеристиками – «*ястребок*».

Таким образом, мы видим, что наименования оружия и военной техники в романе «В списках не значился» служат для реализации одной из целей художественных произведений Бориса Васильева – соблюдения исторической достоверности. Они гармонично вплетаются в художественное пространство писателя, иллюстрируя военные события и подчеркивая профессиональный статус персонажей. В романе, как и в реальной военной среде, отражаются различные способы номинации: аббревиация, метонимия, прецедентная номинация, используются в основном неофициальные наименования – прозвища, которые даются оружию путем сокращения официальных наименований («*станкач*», «*дегтярь*») или по аналогии с внешними характеристиками («*ястребок*»).

Список литературы

Большая Российская энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: <https://bigenc.ru/c/revol-ver-nagana-obraztsa-1895-goda-738a4d> (дата обращения: 16.05. 2023).

Васильев Б. В списках не значился: роман. – Спб.:Азбука, 2021.– 288 с.

Крюкова Е.В. Семантические особенности наименования оружия и техники России и стран НАТО // Мир науки, культуры, образования. № 1 (86) 2021. С. 305-309

Ляпидовская М.Е. О некоторых особенностях номинации единиц военной техники и орудий [Электронный ресурс] // Russian Linguistic Bulletin (электронный журнал). – 2023. – № 1(37). DOI [10.18454/RULB.2023.37.43](https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.43).

Музей Карачаево-Черкесской Республики [Электронный ресурс] // URL: <https://museumkchr.ru/exhibits/230-pulemet-maksima.html> (дата обращения: 15.03.2024).

Першина К.В. Основы ономастики. Часть I: учебно-методическое пособие по спецкурсу «Основы ономастики» для студентов направления 45.03.01 «Филология» (профиль «Русский язык и литература») / К.В. Першина. – Донецк: ДонНУ, 2018. – 68 с.

Пикирующий бомбардировщик Ju-87 – один из символов блицкрига [Электронный ресурс] // URL: <https://topwar.ru/14328-pikiruyuschiy-bombardirovshik-ju-87-odin-iz-simvolov-blickriga.html> (дата обращения: 13.04.2024).

Пистолет ТТ: оружейная легенда Токарева [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/3359897> (дата обращения: 13.04.2024).

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии.– М.: Наука, 1988. – 198 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

Техкульт [Электронный ресурс] // URL: <https://www.techcult.ru/weapon/2387-strelkovie-oruzhie-vermahta> (дата обращения: 13.04.2024).

РОЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПОВЕСТИ В. И. ДАЛЯ «ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ ИГРИВЫЙ»

Гурьянова Л. Б.

*Пензенский государственный университет
(Пенза, Россия)*

Рассматривается роль имен собственных в повести «Павел Алексеевич Игривый» представителя «натуральной школы» В. И. Даля. Отмечается, что имена собственные образуют ономастическое пространство текста. Обращается внимание на то, какие разряды имен собственных использует автор в повести в соответствии с творческим методом и конкретными идейно-художественными задачами. Делается вывод о том, что имена собственные являются элементом стиля писателя, которые несут ярко выраженную смысловую нагрузку.

Ключевые слова: антропонимы; топонимы; ономастическое пространство текста; имя; отчество; фамилия; прозвище

Любое художественное произведение, кроме сюжета, обладает ярким выразительным языком. Основу большинства художественных текстов составляют имена собственные. По мнению М. В. Соколова, каждый из писателей употребляет собственные имена в соответствии со своим творческим методом и конкретными идейно-художественными задачами [Соколов, 2011, с. 182].

Цель статьи – проанализировать ономастическое пространство повести В. И. Даля «Павел Алексеевич Игривый». Это произведение одного из представителей «натуральной школы» было высоко оценено В. Г. Белинским [Белинский, 1948, с. 766–845] и И. С. Тургеневым [Тургенев, 1956, с. 99–104]. По мнению И. П. Видуэцкой, «особенности творческой индивидуальности Даля сделали его творчество тем мостиком, который непосредственно соединил физиологический очерк «натуральной школы» с демократическим очерком писателей-разночинцев 1860-х годов» [Видуэцкая, 2002, с. 206].

Приступая к анализу, обратим внимание на высказывание Ю. Н. Тынянова: «Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которое оно способно» [Тынянов, 1929, с. 27].

В название повести В. И. Даль выносит имя главного героя произведения, это соответствует традициям «натуральной школы».

Молодой дворянин Павел Алексеевич Игривый постигал науки в университете, но внезапная смерть отца и принадлежавшее теперь ему имение Алексеевка заставили его изменить привычный образ жизни. Не сразу можно понять, почему автор так обозначает героя, ведь Павел переводится с латинского как маленький [Петровский, 2005, с. 217], а Алексей в переводе с греческого означает защитник [Петровский, 2005, с. 45]. Толкование фамилии *Игривый* мы находим в «Толковом словаре живого великорусского языка»: «Игривый – охочий играть, шалить, резвиться; резвый, пылкий, скорый и разнообразный в движениях тела или ума» [Даль, 1994, с. 8]. Кажется, что жизнь персонажа, полная испытаний, совсем не соотносится с данной фамилией. Однако именно таким предстает перед нами главный герой в молодости. С. А. Фомичёв считает, что Павел Алексеевич «резвый, скорый и разнообразный» в своей мечтательной любви [Фомичёв, 2003, с. 71]. Но чем старше он становится, тем большую ответственность взваливает на свои плечи и превращается в настоящего защитника всех, кого встречает на своем пути.

На страницах повести мы можем встретить разное обращение к нему, только три раза персонаж представлен по имени, фамилии, отчеству (*Павел Алексеевич Игривый*), 70 раз его называют по имени-отчеству (*Павел Алексеевич*), свыше 120 раз только по фамилии (*Игривый*), 7 раз только по имени (*Павел*), 9 раз автор использует деминутив (*Павлуша*) и 6 раз, подчеркивая, что так его называют дети, писатель употребляет форму *дядя Пау*. Неважно, как его называют в повести, черты характера проявляются в его поступках.

Перед нами типичный представитель дворянского сословия, который робок до того времени, пока он не столкнется с несправедливостью. Так, он забирает к себе в усадьбу Анну Алексеевну Гонобобель, над которой издевались ее сын и зять, отправляет на лечение за границу Любашу, берет под опеку ее детей, так как они не нужны их отцу. Делает он это от души, не пытаясь объяснить свои поступки окружающим. Если необходимо, он без излишнего надрыва может поставить обидчика на место.

Полную противоположность ему составляет Любовь Ивановна Гонобобель, живущая с родителями в имении Подстойное. Несмотря на то, что они почти ровесники, все окружающие называют ее *Любашей*, такая форма употребляется в повести свыше 100 раз, всего 10 раз ее называют как взрослого человека по имени-отчеству *Любовью Ивановной* и один раз используется только имя *Любовь*. Вероятно, это не случайно, в повести она практически не показана как человек, ответственный за свои поступки. Чаще всего она изображена как ребенок, не ведающий, что творит.

Определенное значение в повести играют брат Любаши Карп Гонобобель и его друг ротмистр Семен Шилохвостов. Если в начале повести они кажутся храбрыми военными, то постепенно эти персонажи превращаются в мотов и кутил. В. Г. Белинский отмечал, что писатель достиг высокого мастерства в изображении этих героев [Белинский, 1948, с. 834]. Особенно удачной кажется фамилия Шилохвостов, связанная с прозвищем шилохвост – «непоседа, всюду сующийся» [Никонов, 1993, с. 163], именно таким изображен этот герой повести.

Автор, описывая жизнь П. А. Игривого, указывает на некоторых слуг, которые помогают своему помещику. По традиции их называют либо только по имени: *Иван (Ванька), Гаврюшка, Кирюшка, Филька*, либо только по отчеству: *Алексеевна, Тимофеевна*. У одного слуги имеется прозвище *Меледа*. Вот как автор объясняет его: «Меледой прозвали сказочника Гаврюшку, своего, доморощенного поварского помощника, который в четыре года не мог выучиться готовить простых щей с забелкой, отговариваясь тем, что все ночи напролет сказывает барину сказки и поэтому днем должен спать, вследствие чего-де и учиться некогда, да и проспал память» [Даль, 1983, с. 253]. У другого слуги есть прозвище *понукалка*, так как он должен не дать уснуть Меледе, чтобы не прервать сказку.

Пожалуй, особое место из всех слуг занимает в повести дворовая девка, которую величают то по имени и фамилии *Маша Суслонцева*, то по имени *Маша* или *Марьюшка*, то по имени-отчеству *Марья Кондратьевна*. Вероятно, так автор подчеркивает ее особую роль в воспитании детей Любаши.

Жизнь героев повести протекает в средней полосе России: среди топонимов иногда упоминаются астионимы *Кострома* и *Москва*, чаще действие происходит в имениях *Алексеевка* или *Подстойное*. Кажется, жизнь героев – тихая, размеренная – так и будет связана с этими привычными местами. Но когда Любаша заболевает, в повести начинают упоминаться заграничные курорты *Мариенбад* или *Теплиц (Богемия)*, где ее могут вылечить. Однажды героиня отправится туда, оставив своих детей на попечении доброго соседа, и уже больше не вернется назад.

Решившись навестить Любашу, Павел Алексеевич Игривый впервые совершит поездку за границу и найдет ее рядом с *Амальиной Горой*, в деревне *Аушовиц*, в доме лесничего *Кенигсварта*, рядом с развалинами *Фрауэнберг*. Но его любимая изменила не только свою жизнь, но и фамилию: узнав о смерти мужа, оставленного в России, *госпожа Шилохвостова* стала *госпожой Шильвакс*, так как вновь вышла замуж за ученого-датчанина, с которым познакомилась в Праге. И снова Павел Алексеевич Игривый не успевает сделать своей избраннице предложение. Покидая эти незнакомые места, главный герой повести прощается со своей мечтой о счастье навсегда.

Неслучайно М. В. Горбаневский писал: «имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. Они могут нести ярко выраженную смысловую нагрузку, и обладать скрытым ассоциативным фоном, и иметь особый звуковой облик, имена и названия

способны передавать местный колорит, отражать историческую эпоху, к которой относится действие художественного произведения, обладать социальной характеристикой» [Горбаневский, 1988, с. 4]. Все это с полным правом можно отнести к повести «Павел Алексеевич Игривый» В. И. Даля.

Нет ни одного имени собственного, которое оказалось бы случайным. Чаще всего антропонимы и топонимы дополняют сюжет и характеристику героев. Можно по-разному относиться к высказыванию В. Г. Белинского, что «Игривый – человек комически робкий и стыдливый» [Белинский, 1948, с. 834], к мнению И. С. Тургенева о том, что «г. Далю не всегда удаются его большие повести» [Тургенев, 1956, с. 101], однако нельзя не согласиться со словами М. Б. Лоскутниковой, что «в повести «Павел Алексеевич Игривый» есть целый ряд блистательных находок, предвосхитивших практику многих собратьев Даля по творческому цеху» [Лоскутникова, 2023, с. 61]. Нам кажется, что это связано, в том числе, с использованием имен собственных, которые в тексте выполняют не только номинативную, но и характеризующую функцию.

Список литературы

Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский, Виссарион Григорьевич (1811 – 1848). Собрание сочинений: В 3-х т. / В. Г. Белинский; Под общ. ред. Ф. М. Головенченко. – М.: Гослитиздат, 1948. – Т. 3. – С. 766–845.

Видуэцкая И. П. В. И. Даль и «натуральная школа» // В. И. Даль и Общество любителей российской словесности: Сборник / Отв. Ред. В. П. Нерознак; сост. Р. Н. Клейменова. – СПб.: «Златоуст», 2002. – С. 183–207.

Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. – М., 1988. – 87 с.

Даль В. И. Избранные произведения. – М.: Правда, 1983. – 448с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: ТЕРРА, 1994.

Лоскутникова М. Б. Владимир Иванович Даль и его повесть «Павел Алексеевич Игривый» // Забытые имена: Сборник научных статей. Вып. 3. – СПб.: Свое издательство, 2023. – 288 с.

Никонов В. А. Словарь русских фамилий. – М.: Школа-пресс, 1993. – 224 с.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. – М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2005. – 477 с.

Соколова М. В. Функционально-стилистическая нагрузка имени собственного в художественном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). Философия. Искусствоведение. Вып. 60. – С. 182–184.

Тургенев И. С. Повести, сказки и рассказы Казака Луганского // Тургенев, Иван Сергеевич. Собрание сочинений [Текст]: В 12 т. / [Вступ. статья С. М. Петрова, С. 7–72]. – М.: Гослитиздат, 1953 – 1958. – Т. 11. – С. 99–104.

Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. – Л.: Прибой, 1929. – 595 с.

Фомичев С. А. «Повесть В. И. Даля «Павел Алексеевич Игривый» (пушкинский подтекст)» // В. И. Даль – писатель и этнограф. Сборник научных трудов, посвященный 200-летию В. И. Даля. – Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей, 2003. – 196 с.

КАТОН КАК КОННОТАТИВНОЕ ИМЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ И БЫТОВОМ ЛОКУСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Ю.Г. Дорофеева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

(Саратов, Россия)

В российском дворянском обществе второй половины XVIII – первой трети XIX века античные модели поведения являются литературной и бытовой нормой. В статье рассматривается оним Катон как неотъемлемая часть мифориторической культуры данной эпохи. Особое внимание уделено трансформации коннотативного значения – от непреклонного тираноборца, умирающего за свободу, до прикрывающегося суровостью пролаза.

Ключевые слова: *античный ономоуимф; трансформация коннотативного имени; Катон Младший; «Записки» С.Н. Глинки; декабристы; К.Ф. Рылеев; поэма В.С. Филимонова «Обед»*

Коннотативное имя собственное – имя собственное (оним), выполняющее номинативную, идентифицирующую, коммуникативную, оценочную функции и содержащее дополнительные информативные и эмоциональные оттенки. Теория коннотативного имени собственного подробно разрабатывается в [Крюкова, 2020]. Значение коннотативного имени способно изменяться. В исторических антропонимах прецедентность сосуществует с интертекстуальностью, которая может формировать, изменять семантику онима. В различные исторические периоды имена ярких представителей предшествующих эпох реактуализируются в соответствии с запросами своего времени. Одним из таких коннотативных имен является имя римского политического деятеля Марка Порция Катона Младшего (95–46 гг. до н.э.).

В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарх характеризует Катона как горячо любящего справедливость, фигуру «прямолинейную, не знающую уступок ни по снисходительности, ни по личному расположению» [Плутарх, 1994, с. 226] За образ жизни, шедший вразрез с поведением современников, – пешие прогулки в жару и морозы с неприкрытой головой, темные одежды в противоположность модным ярким, отказ от заслуженных наград, кристальную честность при исполнении служебных обязанностей – Катон «прослыл чудаком» [Плутарх, 1994, с. 227] Абсолютно непреклонный, не способный на компромиссы, Катон назывался современниками «погибелью для дурных» [Саллюстий]. В противостоянии с Помпеем и Цезарем за Катонем закрепились репутация поборника республики и защитника свободы. Описывая путешествие Катона по Азии, Плутарх воспроизводит его слова, где собственное имя суровый римлянин использует как нарицательное: «Не одни Катоны будут к вам приезжать» [Плутарх, 1994, с. 230]. Скромность Катона воспринималась чужеземными властями как робость, ничтожность. Он укоряет их за негостеприимность, указывая, что другие гости не будут такими терпеливыми и непритязательными. Имя Катон выступает здесь символом скромности, неприхотливости и терпения.

С.С. Аверинцев считает, что Плутарх помещает в «Сравнительных жизнеописаниях» пару Фокион и Катон Младший, объединяя их по признаку излишней жестокости [Аверинцев, 1973, с. 186]. На эту мысль наводит и сравнительная характеристика, данная Цезарю и Катону Саллюстием. В первом подчеркивается снисходительность, мягкосердечие, милосердие, во втором – безупречность, строгость, твердость, суровость [Саллюстий]. Чрезмерная требовательность и непреклонность Катона, а затем и самоубийство становятся основой ономастической коннотации его имени.

В эпоху Просвещения античные персоналии воспринимаются как маркеры той или иной идеи, они картинны. М.Л. Гаспаров подчеркивает: «Греческая и римская древность для многих веков, от Плутарха до Робеспьера, была не процессом, а статической картиной моральных доблестей и пороков, в которой, между Фабрицием и Катонем Утическим не было никакого хронологического разрыва» [Гаспаров, 2012, с. 173]. Эту статичность, оформившуюся в поэтоним Катон, наблюдаем в русском литературном и бытовом локусе второй половины XVIII – первой трети XIX вв.

В «Разговоре с Анакреоном» М.В. Ломоносов изображает Катона угрюмым, ворчливым радетелем порядков республики. Для поэта имя римского республиканца неразрывно связано со смертью-самопожертвованием на благо родины. Идею смерти во избежание примирения с пороком вкладывает в имя Катона А.Н. Радищев. Крестецкий дворянин, наставляя уезжающих сыновей, завещает им «слово умирающего Катона»: «если, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения» – умри, «если во добродетели умрети можешь, умей умереть и в пороке» [Радищев, 1938, с. 295]. А.Н. Радищев, по мнению В.Г. Базанова, закладывает в русской литературе традицию прославления Катона. При этом оним римлянина становится синонимом стоически принятой смерти. Такова коннотация имени Катон в произведениях декабриста Ф.Н. Глинки. В рассказе «Сновидение» вступающий в зрелую пору юноша получает наставление от старца: «С неимоверною твердостью, если только нужно будет, умрешь ты как *Регул* или *Катон*» [Глинка, 1990, с. 269]. В «Рассуждении о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг» безобидный призыв к неустанному чтению возрождает образ умирающего политика: «великий, по духу, Катон читал в последние минуты жизни» [Глинка, 1990, с. 364]. Плутарх подробно описывает этот момент.

О популярности Катона в кругу русского дворянства свидетельствует тот факт, что князь Борис Голицын начинает писать книгу о его жизни («*Vie de Caton*»). Воспитывающиеся на античной литературе дворяне пытаются в повседневной жизни повторить поступки своих кумиров. Никита Муравьев на балу в шестилетнем возрасте долго не решается танцевать, полагая, что Аристид и Катон не танцевали [Лотман, 2008, с. 63]. С.Н. Глинка в «Записках» двух своих современников – кадета Гине и графа Ф.Е. Ангальта – называет Катонами из-за их поведения. Они моделируют и проживают ситуации катоновского типа. «Голос добродетелей древняго Рима, голос Цинциннатов и Катонов громко откликнулся в пылких и юных душах кадет» [Записки, 1895, с. 61]. Кадет Гине-Катон отправляется к заболевшему брату в мороз, на босу ногу,

пешком, а вернувшись с первыми признаками горячки, отказывается покидать дежурный пост. «Свирепствовали трескучие крещенские морозы <...> Саней не на что было нанять, но была душа, двигавшая и ноги, и сердце, и Гине отправился к брату пешком, в одних сапогах и даже без чулок. Можно было взять у кого-либо теплые сапоги или деньги? Но что такое просить? Одолжиться. Древний римлянин терпел, а не просил» [Записки, 1895, с. 61]. Очевидно стремление кадета прожить жизнь так, как проживал ее любимый герой: Гине-Катон, будучи стеснен материально, не имея элементарных предметов одежды, не намерен просить помощи у товарищей, ведь его образец, Катон Младший, «появлялся “в общественных местах босой и в тоге на голом теле”», «всегда ходил пешком, демонстративно воздерживаясь от передвижения верхом или в лектике, что могло быть расценено как проявление изнеженности» [Гвоздева, Никишин, 2019, с. 31]. Для кадета Гине-Катона римлянин неразрывно связан со стойкостью, терпением, любовью к брату. Время управления Сухопутным шляхетным корпусом графом Ф.Е. Ангальтом (1786–1794) считается «золотым веком» этого учебного заведения: он относился к воспитанникам с отеческой любовью и заботой; ориентировал их на высокие добродетели античных кумиров. С.Н. Глинка отмечает, что граф был чрезвычайно строг к себе и «по катонскому владычеству над собой» не использовал «даже носового платка» [Записки, 1895, с. 55]. Поведение графа становится поводом для надписи к его портрету: «Как нежный он отец / Кадет всегда любя, / Был Титом для других, / Катонем для себя» [Записки, 1895, с. 56].

Для декабристов Катон – образец борьбы с тиранией, вождь свободы. Оним тираноборца характерен для поэзии К.Ф. Рылеева («К временщику», «Гражданское мужество»). Он называет Катона врагом царей. После событий на Сенатской площади общественная и литературная ситуация меняются. С одной стороны, античные модели поведения и герои сохраняют свою образцовость для декабристов, с другой стороны, переосмысляются. Ассоциативный ряд «тюрьма – цепи (оковы) – правое дело» продолжает вспыхивать в сознании наказываемых. Здесь интересно сопоставить воспоминания С.Н. Глинки и последнее четверостишие К.Ф. Рылеева. С.Н. Глинка, оказавшись в карцере после ссоры с кадетом Безаком, хочет быть похожим на Катона: «Подвиг Катона, поразившего себя кинжалом, когда Юлий Цезарь сковал его цепями, кружился у меня в голове, я готов был раздробить ее о стену» [Записки, 1895, с. 103]. К.Ф. Рылеев, по легенде, в заключении царапает на тарелке свои последние стихи: «Тюрьма мне в честь, не в укоризну, / За дело правое я в ней, / И мне ль стыдиться сих цепей, / Коли ношу их за Отчизну» [Рылеев, 1971, с. 355]. Оба высказывания обобщает местонахождение говорящих (заключение), плутарховская модель поведения, за которой стоит имя Катона. После 1825 г. приходит осознание, что горячая увлеченность античными образцами диктовалась молодостью, «летами мечтательности и энтузиазма» [Базанов, 1964, с. 359], что древние историки идеализировали видных греков и римлян, чтобы пробудить в соотечественниках чувство

гражданского долга в период упадка государства, когда создавались исторические труды.

В поэме В.С. Филимонова «Обед» имя Катона упомянуто пять раз, при этом оно «расщепляется»: от самоубийцы до заглушившего свои едкие речи сытым обедом наблюдателя. Первое упоминание сниженное: «Ватель, смешной самоубийца, / На кухне был *второй Катон*» [Филимонов, 1837, с. 15]. Самоубийство Катона Младшего – акт образцового гражданского поведения, протест против диктатуры, самоотверженность, провозглашение свободы, личного достоинства – заглушивается. Автор подшучивает над такого рода геройством, употребляя эпитет «смешной». Высокая коннотация смерти за отечество снижается, так как ставится в один ряд с самоубийством из-за трусости: Ватель – повар французского принца, покончивший собой, «опасаясь, что не успеет подать к столу свежую рыбу» [Лёнюшкина, 1988, с. 400].

Второе упоминание в поэме также оказывается сниженным: «пролаз / Слывет Катонем за паштеты?» [Филимонов, 1837, с. 41]. Имя Катона в данном контексте несет семантику чрезмерной строгости, скупости, и проныры ловко прикрывают свою жадность катоновской умеренностью. Схожее коннотативное значение имени Катон – прикрывающая обман напущенная строгость – встречаем у Е. Баратынского в стихотворении «Г<неди>чу» («Враг суетных утех...»): «Катонем смотрит он, но тонкого льстеца / От нас не утаит под строгостью лица» [Баратынский, 2002, с. 11].

Последнее упоминание омонимфа в поэме «Обед» окружено отрицательным контекстом: «От жиру круглый здесь *Катон*, / Живущий в век Мафусаила, / Ехидной злобой не шипит, / Отравой желчною Зоила / Невинной жертвы не язвит» [Филимонов, 1837, с. 120]. Негативная коннотация появляется в оиме, возрождая одно из устоявшихся у современников мнений о римлянине. В.О. Никишин подчеркивает, что в Риме нарицательность имени Катона была двойкой: «в массовом сознании оно ассоциировалось не только с исключительно порядочным и бескорыстным человеком, но и с докучливым ментором и неисправимым резонером» [Никишин, 2008, с. 123]. В подтверждение В.О. Никишин цитирует Плутарха: «людей испорченных и разнузданных, но любителей важных и суровых слов в насмешку называли Катонами» [Плутарх, 1994, с. 234].

В.С. Филимонов сохраняет высокое образцовое наполнение имени Катона дважды – когда упоминает своих друзей, поэтов-современников: «Вот на дороге *красный дом*, / Куда с *былым* своим *Катонем*, / И с *Цицероном-гастрономом* / Порою, заезжал поэт», «Певец таинственный, глубокой.../ Катона твердости высокой» [Филимонов, 1837, с. 93–94, 117]. В примечаниях к поэме нет указаний, кого из современников подразумевает В.С. Филимонов. Под певцом Катона и Катонем может подразумеваться как один человек, так и разные личности. Поэма была опубликована в 1837 г., но описываемые эпизоды – светлые воспоминания ссыльного автора о жизни до 14 декабря.

В русском литературном пространстве после событий 1825 г. коннотативное значение имени Катон трансформируется, приобретает новые оттенки, чаще ироничные. Подобные метаморфозы происходят из-за угасания

мифориторической культуры – во второй половине XIX в. она «стала забываться, восприниматься как нечто искусственное» [Приказчикова, 2009, с. 110].

Коннотативное наполнение ономоифа Катон меняется с течением времени. Для современников Катон Младший – чудак. Для поздних античных авторов – излишне жестокий, непреклонный политик. Для русского литературного и бытового пространства конца XVIII – первой трети XIX в. имя Катона является обозначением жертвенной смерти во имя свободы. Это тираноборец. Его поведение – «парадигма дозволенного политического и философского самоубийства в момент гибели республики» [Каплун]. К середине XIX в. высокая политическая составляющая имени начинает стираться, заменяться иронически переосмысляющимися личными качествами политика. Трансформация семантики коннотативного имени обусловлена общественно-политической обстановкой, кругом чтения поколения, социально-культурным фоном. Критическое переосмысление достоверности созданного и переданного традицией образа приводит к изменению его восприятия и контекстуального употребления.

Список литературы

- Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
- Базанов В. Ученая республика. – М., Л.: Наука, 1964. – 464 с.
- Баратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 2. – Ч. 1. Стихотворения 1823–1834. – 440 с.
- Гаспаров М. Л. Историзм, массовая культура и наш завтрашний день // Гаспаров М. Л. Филология как нравственность: статьи, интервью, заметки. – М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 288 с.
- Гвоздева И. А., Никишин В. О. Катон Младший как человек и политик // Эпохи. Люди. Идеи. История, культура и творчество в персоналиях. – Нижний Новгород: Гладкова О.В., 2019. – С. 29–38.
- Глинка Ф. Н. Письма к другу. – М.: Современник, 1990. – 559 с.
- Записки Сергея Николаевича Глинки. – СПб.: Русская старина, 1895. – 380 с.
- Каплун В. «Жить Горацием или умереть Катонем»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII – первая треть XIX века) [Электронный ресурс] // URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/5/zhit-goracziem-ili-umeret-katonom-rossijskaya-tradicziya-grazhdanskogo-respublikanizma.html> (дата обращения: 04.03.2024).
- Крюкова И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода как инструмент социальной оценки / И.В. Крюкова, О.В. Врублевская, О.В. Кирпичева. – Волгоград: Перемена, 2020. – 199 с.
- Лёнюшкина Л. Г. Примечания // Филимонов В. С. «Я не в Аркадии – в Москве рожден...»: Поэмы, стихотворения, басни, переводы. М.: Моск. рабочий, 1988. – 415 с. С. 399–401.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. – СПб.: Искусство–СПБ, 2008 – 413 с.
- Никишин В. О. Катон Утический: хранитель устоев и нарушитель традиций // *Studia historica*. – 2008. – Вып. 8. – С. 123–138.
- Плутарх Сравнительные жизнеописания: В 2 т. – М.: Наука, 1994. Т. 2. – 674 с.
- Приказчикова Е. Е. Античность в литературном и бытовом сознании XVIII – 1-й трети XIX в. через призму мифориторической культуры эпохи // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 63. – № 1–2. С. 102–113.
- Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – Т. 1. 504 с.

Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1971. – 484 с.
Саллюстий О заговоре Катилины [Электронный ресурс] // URL:
<https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1365203748#54> (дата обращения 01.06.2024).
Филимонов В. Обед. – СПб., 1837. – 146 с.

ОНОМАСТИКА РОССИЙСКОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА (ПО РОМАНУ В. А. КАВЕРИНА «ДВА КАПИТАНА»)

Л.Дж. Кокова¹, Б.Дж. Кокова², М.М. Шериева³

*¹Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова*

*^{2,3}Северо-Кавказский государственный институт искусств
(Нальчик, Россия)*

Освоение северных земель – одна из самых сложных и героических страниц истории России. Сегодняшняя ономастика Севера – это онимы, появившиеся на карте отважным исследователям. Роман В. А. Каверина «Два капитана» основан на реальных событиях. Данное исследование посвящено онимам, связанным с этими событиями.

***Ключевые слова:** оним; апеллятив; антропоним; топоним; гидроним; фамилия; литературный герой*

*«...горько мне думать о всех делах,
которые я мог бы совершить, если бы мне не то,
что помогли, а хотя бы не мешали...*

*Одно утешение, что моими трудами открыты
и присоединены к России новые обширные земли...»*

В. Каверин «Два капитана»

Представленная работа является продолжением исследования по литературной ономастике в произведении В. Каверина «Два капитана».

Литературная или поэтическая ономастика – один из самых интересных и реже исследуемых разделов ономастики. «Изучению этого раздела ономастических исследований посвящены труды В. А. Никонова, М. В. Горбаневского, Ю. А. Карпенко, Э. Б. Магазаника и др. исследователей. Ономастическим анализом охвачены произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. А. Бунина, М. А. Булгакова и других классиков русской и советской литературы» [Кокова 2003: 7]. Топонимы, связанные с освоением северных земных и морских просторов связаны, главным образом, либо с именами их первооткрывателей, либо с народными географическими терминами и языками аборигенов этих земель.

Эта часть исследования посвящена онимам романа, связанным с российским освоением Севера, в частности, топонимам и гидронимам. Их пестрота и многообразие связаны с историко-культурными особенностями региона Крайнего Севера, его этническим многообразием. В статье представлены не только цитаты из романа «Два капитана» с подробным описанием географических объектов с их названиями, но и отрывки из дневников российских исследователей Севера.

Русскому Географическому обществу принадлежит значимая роль в изучении топонимики в целом и названий Севера в частности. «Между тем топонимические работы показывают, что наука накопила много интересного

именно в этой области, что обогатило историю, географию и языкознание» [Мурзаев, 1974, с. 81].

Прототипами капитана Татаринова в романе стали полярные исследователи Георгий Седов и Георгий Брусилов. В 1912 году исследовать Арктику отправились три экспедиции: лейтенанта Георгия Седова на судне «Святой Фока», геолога Владимира Русанова на боте «Геркулес» и лейтенанта Георгия Брусилова на шхуне «Святая Анна». Их роль в российской истории освоения северных земель сложно переоценить. Все три экспедиции были приурочены к 300-летию дома Романовых. Насколько тяжелыми и рискованными были эти попытки можно судить по дневникам Г. Седова: «Среда, 12 февраля... Холод стоял адский, при 35° ветер в 3 балла и метет снег. Это самый холодный день. Я еду больным в полном костюме, как чучело, и все таки прозяб, дорога отвратительная : масса ропаков, приходится проводить по одной нарте....собаки очень мерзнут и плохо везут... Прошли около 15 верст и остановились в 4 часа ночевать уже у Земли Рудольфа. Сегодня минимум -42 °. Сейчас дует балла на 4 Ost. Палатку изрядно треплет, мы же, как цыгане, сидим вокруг примуса» [Нагорный, 1950, с.183].

О роли России в освоении Севера капитан писал так: «Человеческий ум до того был поглощен этой задачей, что разрешение ее, несмотря на суровую могилу, которые путешественники по большей части там находили, сделалось сплошным национальным состязанием. В этом состязании участвовали почти все цивилизованные страны, и только не было русских, а между тем горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор. Амундсен желает во что бы то ни стало оставить за Норвегией честь открытия Северного полюса, а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг». [Каверин, 1984, с. 122].

Каверин писал: «В «Двух капитанах» я воспользовался неразборчивым факсимиле письма лейтенанта Брусилова к матери, и дотошный школьник не только добрался до источника, но и доказал, что два слова были прочитаны неверно. Истина деталей – сама по себе деталь в той общей картине достоверности, без которой не может существовать искусство. Два обстоятельства возлагаются на всякого, кто избирает литературную профессию: быть верным факту и трактовать его с добрым намерением», – писал Стивенсон» [Каверин, 1989, с. 19].

«Собирая материал для литературного произведения, он ежеминутно проводит аналогии между собой и своими героями. Думая о них, он волея-неволей думает о себе, представляя себя в тех обстоятельствах, в которых находятся его герои. Понимание собственной жизненной задачи помогает ему понять и объяснить эту задачу в жизни тех, о ком он пишет» [Каверин, 1989, с. 20].

В письмах и дневниках капитана Татаринова и штурмана Климова Кавериным представлена практически вся ономастика освоения Севера.

Первые названия, связанные с экспедицией, появляются на страницах романа вместе с письмами капитана Татаринова и штурмана Климова, которые

были выловлены Саней и Петькой из Песчинки: «Глубокоуважаемая Мария Васильевна!.. Надеюсь вскоре увидеться с Вами, не буду рассказывать Вам о нашем тяжелом путешествии на Землю Франца Иосифа по плывучим льдам. Невероятные бедствия и лишения приходилось терпеть. Скажу только, что из нашей группы я один благополучно (если не считать отмороженных ног) добрался до мыса Флора. «Св. Фока» экспедиции лейтенанта Седова подобрал меня и доставил в Архангельск... «Св. Мария» замерзла еще в Карском море и с октября 1913 года беспрестанно движется на север вместе с полярными льдами» [Каверин, 1984, с. 8].

«Франца Иосифа Земля – архипелаг в Северном Ледовитом океане (СССР); обнаружен в 1873г. австро-венгерской экспедицией и назван по имени императора Франца Иосифа. Другое название земля Фритьофа Нансена» [Никонов 1966: 447].

«Мыс Флора входит в состав архипелага Земля Франца Иосифа. В наши дни используется для высадки полярных экспедиций. Мыс назван, вероятно, в честь Флоры. «Она была богиней цветов, расцвета, весны и полевых плодов; в честь ее у сабинян был назван месяц, соответствующий апрелю или маю» [Брокгауз, Ефрон, 2006, с. 785].

«Архангельск. В XII веке в этой местности существовал монастырь Михаила Архангела. В 1584 году у высокого мыса Пур-Ниemi (из финноугор. языков: пуру ‘метель’, ниemi ‘наволлок, коса’ построен порт для торговли с Западной Европой. Возникший при нем поселок назван Ново-Холмогоры (по назв. с. Холмогоры на Сев. Двине) в 1613 г. переименованный в Архангельск». [Никонов, 1966, с. 33 – 34].

«Карское море – море Сев. Ледовитого океана, восточнее Новой Земли. Названо по р. Кара, впадающей в него на Югорском полуострове и оказавшейся ближе на пути русских поморов, назв. сначала относилось только к западной части этого моря. Море дало еще один отгидронимический оним «Карские ворота – пролив между островами Вайгач и Новая Земля» [Никонов, 1966, с. 181].

Название «Карское море» появилось в XVIII веке. Впервые оно так названо на карте Василия Селифонтова 1736 года, составленной по результатам работы [Двинско-Обского отряда Великой Северной экспедиции](#). Поначалу гидроним относился только к акватории близ Карской (ныне Байдарацкой) губы: часть моря близ устья Оби и Енисея называлась Мангазейским морем по русскому городу Мангазея, а вместе с другими морями, омывающими побережье Сибири – Северным или Тартарским (на иностранных картах). В частности, на карте [Эдварда Уэллса](#) море именуется Тартарским. Голландец [Николаас Витсен](#) именует море Ледяным, а француз [Жак де Кампредон](#) Ледовитым, что перекликается с ненецким словом. Название «Карское море» в его современных границах принято в 1935 году.

«Югорский шар. Пролив между островом Вайгач и материком, соединяющий Карское и Баренцево моря; ненецк. шар ‘пролив’; Югорской землей называли новгородцы в XI веке обширную территорию на С.В. по народу югра (угры). [Никонов, 1966, с. 488].

История пропавшей в северных льдах экспедиции никогда не оставляла героев романа. Автор умело ведет Саню Григорьева к раскрытию тайны гибели капитана Татаринова: «Он был великим путешественником, которого погубило непризнание, и его история выходит далеко за пределы личных дел и семейных отношений. Великий Северный путь открыт – вот его история. Сквозное плавание по Ледовитому океану в одну навигацию – вот его мысль...» [Каверин, 1984, с. 216].

«**Северная Земля** – архипелаг в Северном Ледовитом океане. Открыт в 1913 году рус. экспедицией Вилькицкого и названа «острова Николая II» по имени царя. Переименован в 1926 г. в С. З.» [Никонов, 1966, с. 374].

Следы экспедиции или разговоры о ней вплетены в сюжет романа, иногда неожиданно. Во время одного из вылетов в Заполярье Саня находит багор со шхуны «Святая Мария» и узнает его историю: «Очевидно, ненцы нашли его на Северной Земле, – продолжал я, волнуясь. – Или нет, конечно, не на Северной Земле, а где-нибудь на побережье...– Доктор, Таймыр! – заорал я таким голосом, что он снова посмотрел на меня с беспокойством. – Таймыр! Самое близкое к Северной Земле побережье!» [Каверин, 1984, с. 257].

«**Таймыр** – полуостров в Азии. Это же название носит озеро на полуострове, остров у его северного побережья. Название Таймыр предполагает таймура ‘обильный, богатый’» [Никонов, 1966, с. 405].

По мнению Е. М. Поспелова, «Таймыр...назван в 1843 г. первым научным исследователем этого края, русским естествоиспытателем А. Ф. Миддендорфом по реке Таймыре, которая была известна русским с начала XVIII в. Реку называли эвенкийцы, проникавшие сюда в XVI-XVII вв., у которых таймур или таймир означает ‘обильный, богатый’, что связывают с рыбными богатствами реки» [Поспелов, 1988, с. 184 – 185].

«**Северный Ледовитый океан** – один из океанов земного шара. Древнерус. Студеное море; в рукописях XIII века Дышущее море; англ. Arctic ocean; другие назв. Северное Полярное море, Северное Ледовитое море, Арктическое море и пр.» Название закреплено в 1935 г. [Никонов, 1966, с. 374].

Впервые название появилось на карте XVII века как Гиперборейский океан. «это название образовано из др.-греч. борей – мифический бог северного ветра. В иностранных источниках того времени для этого океана находим также названия Oceanus Septentrionalis ‘Северный океан’... На русских картах XVII-XVIII вв. употребляются названия Морской океан, Море океан Ледовитый, Ледовитое море, Ледовитый океан, Арктический океан» [Поспелов, 1988, с. 170]. Название Северный Ледовитый океан было предложено русским мореплавателем и ученым, адмиралом Ф. П. Литке, проводившим исследования в Арктике в 20-х годах XIX века.

«Северное море – часть Атлантического океана между о. Великобритания, Скандинавским полуостровом и материковым побережьем Европы. Названо голландцами в противоположность Зейдерзес (южное море). В некоторых странах употребляется другое название – «Немецкое море» [Никонов, 1966, с. 374].

«**Ямал** (Ялмал) – п-ов на Карском море в сев. части Тюменской обл. из ненецких слов я «земля», мал «конец», т.е. «конец земли» [Никонов, 1966, с. 374].

«**Шпицберген** – архипелаг в Северном Ледовитом океане. Известен русским поморам в XV веке с названием Грумант (из швед. Grönland ‘зеленая земля’ – тезка Гренландии. В 1596 году его повторно открыл голландец В. Баренц и назвал Ш. (spitz ‘острый конец’, bergen ‘горы’) за зубчатую форму гор. Скандинав. Свальбард ‘холодный край’ [Никонов, 1966, с. 480].

«**Баренцево море** – море Сев. Ледовитого океана на С. Европы. Назв. в память голланд. мореплавателя В. Баренца (1550-1597), который исследовал его, трижды пытаясь пройти Северным морским путем на восток, и погиб, затертый льдами у Новой Земли [Никонов, 1966, с. 44].

«**Новая Земля** – острова в Сев. Ледовитом океане, между Баренцевым и Карским морями. Названы, возможно, еще в XII в. рус. поморами – новгородами. За рубежом открытие Н. З. приписывают англ. Экспедиции 1553 г. Х. Уиллоуби, вопреки неоспоримым материальным и документальным памятникам; сама английская экспедиция сообщила об этих островах только под их рус. назв. У русск. поморов Н. З. носила назв. «Матка» [Никонов, 1966, с. 295].

«**Маточкин Шар** – пролив между Северным и Южным островами Новой Земли. У северорус. поморов диалект. шар ‘пролив’ заимствовано из языка коми (а не и рус. ‘шарить’, т.е. искать пути, как еще недавно «объясняли» это назв.). Вероятнее, основа матка – так поморы в старину называли Новую Землю» [Никонов, 1966, с. 260 – 261].

Прощальные документы и письма капитана – это гимн всем путешественникам, истинным патриотам своей родины, мечтавшим не о славе, а о могуществе России: «Надеюсь, что письмо дойдет до вас. Я пишу его в ту минуту, когда путешествие наше подходит к концу, и, к сожалению, заканчиваю его в одиночестве. Не думаю, чтоб кто-нибудь на свете мог справиться с тем, что пришлось перенести нам. Все мои товарищи погибли один за другим, а разведывательная партия, которую я послал в Гальчиху, не вернулась... не очень терзался бы, покидая сей мир, потому что чувствую, что нашей родине не придется нас стыдиться. У нас была большая неудача, но мы исправили ее, вернувшись к открытой нами земле и изучив ее, сколько в наших силах» [Каверин, 1984, с. 535 – 536].

«**Гольчиха** – река в Таймырском Догано-Ненецком районе Красноярского края».

«**Хатанга** – р. в сев. части Красноярского края. По мнению Э.М.Мурзаева, из нарицательного со знач. ‘река’ [Никонов 1966: 453].

«**Енисей** – р. в Сибири. Селькупск., хантыйск. или эвенк. иондесси ‘большая река’ русские приняли в XVI веке в тюркизованной форме» [Никонов, 1966, с. 136].

Топонимы и гидронимы Севера вплетены в канву романа настолько точно, что даже упоминание о каком-то из них характеризует героев. Официальное разоблачение Николая Антоновича Саней Григорьевым во время

доклада в Географическом обществе пример тому: «... в своих статьях он продолжал утверждать, что всегда был благодетелем капитана Татаринова и что даже самая мысль «пойти по стопам Норденшельда», как он пишет, принадлежала ему» [Каверин, 1984, с. 553].

«Русский Остров, название нескольких островов в морях Сев. Ледовитого и Тихого ок. Наиболее значительны: 1) в арх. **Норденшельда**, полярная станция; 2) в зал. Петра Великого Японского моря» [Геогр. энцикл. Словарь, 1983, с. 362].

Материалы, представленные в статье, являются лишь частью исследований по литературной ономастике и ономастике Севера. Выдающийся ученый-топонимист Э. М. Мурзаев в «Очерках топонимии» так высказался ономастических исследованиях любого региона: «В течении тысячелетий рождались географические названия, они возникают и на наших глазах. Мы свидетели этого нескончаемого процесса. Каждая историческая эпоха вызывает новые топонимы, присущие только ей» [Мурзаев, 1974, с. 92].

Одна из главных задач автора «Двух капитанов» – отдать дань памяти российским исследователям северных земель – решена блестяще и ономастика в романе помогла в решении этой задачи. Названия, которые не являются литературным вымыслом, а начертаны на карте России, умело вплетены в сюжет романа.

Рамки статьи не позволяют проанализировать все онимы, связанные с российским освоением Севера, описанные в романе «Два капитана». Исследование будет продолжено и его результаты опубликованы.

Список литературы

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: «Эксмо», 2006. – 960 с.

Географический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1983 – 528 с.

Каверин В. А. Два капитана. – М.: Детская литература, 1984. – 560 с.

Каверин В. А. Счастье таланта: Воспоминания и встречи, портреты и размышления. – М.: «Современник», 1989. – 316 с.

Кокова Л. Дж. Ономастические особенности ранних произведений А. Н. Рыбакова // Международный научно-практический журнал «Филологический аспект». – 2023. – № 11. – С. 7–16.

Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. – М.: «Мысль», 1974. – 383 с.

Нагорный С. Г. Георгий Седов. – М.: государственное издательство географической литературы, 1950. – 207 с.

Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. – М., 1966. – 509 с.

Поспелов Е. М. Школьный топонимический словарь. – М.: Просвещение, 1988 – 224 с.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЗООНИМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ В.И. БЕЛОВА)

Н.В. Комлева

Вологодский государственный университет

(Вологда, Россия)

Имена персонажей и клички животных в сюжете многих произведений В.И. Белова имеет концептуальное значение, выполняют ряд важнейших функций, в том числе функцию

символизации. Имена-символы поддерживают на уровне всего контекста творчества писателя ассоциативные связи, помогающие читателю понять идейный замысел – утверждение значимости духовных ценностей, созданных на протяжении столетий русской деревней, пробуждение национального самосознания.

Ключевые слова: имя в тексте; зооним; символическая функция: В.И. Белов

Имя собственное (поэтоним) всегда является ключевой лексической единицей в мире художественного текста, специфика его лексического значения, в отличие от значения имени собственного в языке, заключается в способности расширять свой объём в процессе развития сюжета, наполняться контекстуальными компонентами значения и одновременно накапливать в себе контекстуальные смыслы и проецировать их на всё произведение в целом. Некоторые поэтонимы, обладающие особенно ярким ассоциативным потенциалом, способны выполнять в тексте роль символов: они указывают не на свой денотат, но на стоящее за ними понятие, чаще абстрактное [Белозерова, 2008, с. 6].

Не только антропонимы, которые играют ключевую роль в создании образа персонажа, но и все другие разряды онимов, в том числе зоонимы, выполняют ряд важных функций в создании всего текста. Данное утверждение особенно применимо к прозе В.И. Белова. В.И. Белов нередко использует на страницах своих произведений зоонимы: это и имена главных героев, и имена второстепенных персонажей, упоминаемых в произведении один-два раза, и имена-символы, чьё появление в сюжете произведения имеет концептуальное значение.

Предметом нашего изучения является символическая функция некоторых зоонимов в произведениях В.И. Белова. Покажем её проявление на наиболее ярких примерах из его творчества.

Одними из главных героев-животных во всей прозе В. Белова являются лошади и кони, играющие в жизни и хозяйстве северного крестьянина огромную роль. Они были в полном смысле слова членами семьи, неутомимыми тружениками: *Жеребец по кличке Ундер надёжно кормил и поил, обувал и одевал всю семью. Это был красивый зверина гнедой масти* [Кануны, 2011, с. 202].

В трилогии «Час шестый» кличек лошадей встречается больше, чем кличек всех остальных животных: конь *Гнедко* (Пачиных), кобыла *Шибра* (Новожиловых), мерин *Карько* (Роговых), жеребец *Ундер* (Акиндина Судейкина), кобыла *Зацепка* (Мироновых), кобыла *Рязанка* (Савватая Климова), колхозный жеребец *Уркаган*, сын *Ундера*.

Роговский мерин *Карько* чаще всех остальных коней появляется в трилогии. У него, как у настоящего персонажа, причём даже не второстепенного, а центрального, представлены в тексте несколько компонентов номинативного ряда: *Карько – Карюшка – Кареван*. В описаниях этого коня автор особенно часто прибегает к приёму олицетворения: *Мерин Карько добродушно хрупал сенцо* [Кануны, 2011, с. 176]; *Наевшийся у остожья Карько издали глядел на работу. Вострил уши, недоумевая, почему так долго не нужен, отставлял от безделья то одну, то другую ногу* [Кануны, 2011, с.

184]; Застоявшийся **Карько** оглянулся. Племянник и дядя, **пристыженные** взглядом мерина, сели на дровни [Кануны, 2011, с. 187].

Одному из главных героев трилогии Павлу Рогову мерин как брат, равный: *В самом конце полосы **Павел** принагнул вправо плужную ручку, и плуг вышел из земли. Павел закинул его опять же вправо и шевельнул левой вожжиной. Мерина можно было и не учить. Он сам знал и куда заворачивать. Бегал **Карько** в крайнюю прошлогоднюю борозду и подождал, когда хозяин выпрямит плуг.*

– Эх! Давай, **брат**... [Год великого перелома, 2011, с. 283].

Одни из самых проникновенных, наполненных душевной болью страниц посвящены одинокому возвращению *Карька* домой, после того как его вынужден был оставить друг и хозяин (вызванный в район для судебного разбирательства по доносу).

В последнем романе трилогии с одноимённым названием «Час шестый» мерина уже нет, но о нём часто думают герои, кому был он так дорог. Серёжа Рогов вспоминает, как дедушко Никита вил леску из конского волоса, который дергали из Карькиного хвоста. Вспоминает о своём верном друге тайком вернувшийся в родную деревню и скрывающийся от людей беглый Павел: *Отдаленные звуки жилья едва долетали до четвертого поля. Словно после свадебного похмелья, перекликались там петухи, брякали колодезные ведра. Вот заржал чей-то конь – уж не **Карько** ли? <...> Чибисы тоскливо пищат, носятся прямо над головой, кидаются на него то слева, то справа. Что это? Четвертое поле... Пахали когда-то с Серегой... Погонялку парень искал, долго не мог найти. Куземкина Митьку выстегали, было будто вчера. **Карько**-то жив ли? Может, уже и нет мерина...* [Час шестый, 2011, с. 476].

Одни и те же персонажи-животные могут быть героями сразу нескольких произведений, как персонажи конь *Верный*, пёс *Валдай*, собака *Малька* в цикле для детей «Рассказы о всякой живности». Так обеспечивается когезия на уровне текста отдельно взятого цикла произведений автора. Но некоторые зоонимы, по нашим наблюдениям, вступают друг с другом в системные взаимодействия на макроуровне, то есть во всём творчестве писателя. Речь идёт не о сквозных персонажах, переходящих из одного произведения в другое, а о сопряжённости их судеб в художественном мире, об их символической роли.

Так, с персонажами-лошадьми и их кличками в трилогии соотносятся персонажи-лошади в рассказе «Скакал казак». Время, воссозданное в рассказе, продолжает хронологическую линию, проложенную трилогией: военные годы и первые послевоенные, когда все деревенские хозяйства преобразованы в колхозы и совхозы, люди (в основном это оставшиеся на селе женщины, дети и старики) голодают и изнурительно работают на обеспечение продовольствия армии, фронту, государству.

Ни у петуха, ни у козленка, ни у коровы нет имён. Все эти животные находятся в личных хозяйствах героинь, поэтому становятся неважными элементами для выполнения госплана. В конце рассказа бригадир *Степан Михайлович* старательно перечислил в своей амбарной книге: *На кобыле **Шалунье** поехала Смирнова, на **Рысаке** Нинка, Настасья на **Брошке**. Славко*

поехал на *Зорьке*. Толька *Шилов* на *Ломоносе*, *Аркашке* запрягли *Рыжуху* [Скакал казак, 2011, с. 418]. Лошади занимают в этом обозе не менее важное место, чем люди, они трудятся наравне с человеком, разделяют участь персонажей, и потому так важны их имена в художественном пространстве рассказа.

Рассказ «Кони» (1964 г.) описывает деревню ещё более позднего послевоенного времени, когда лошади уже выводятся из колхозов вследствие всеобщей механизации. Пастух *Иван Александрович Петров*, которого по имени никто в деревне Волосатихе, кроме председателя, не знал, знали только по прозвищу *Лабутя*, любил с одинаковой силой и своих односельчан, и своих лошадей. В начале рассказа идёт подробное описание каждой из десяти лошадей в хозяйстве, Лабутя знал повадки и привычки каждого животного. Но в одночасье весь мирок Лабути рухнул, не осталось ничего, что держало бы его в этом селе: рухнули и материальные основы его жизни (лошади больше не нужны колхозу), и духовные (сельский парень Серёга и не собирался жениться на миловидной учительнице, к которой ходил целый год). Лабуте приказано везти коней в город. Когда он ушёл от приёмщика и ждал шофёра Серёгу, сидя около базарной площади, мимо него провели его коней: *Вдруг он вскочил с магазинного рундука; через базарную площадь гуськом гнали коней. Впереди всех шла Веря, к ее хвосту был привязан Дьячок, за ним шла Аниса, потом Фока, Зоря, Евнух, Гуска, за Гуской – Зепрем, Замашка и позади всех, привязанная к хвосту Замашки, шла Малька. Пробарабанил губами высокий Евнух, Малька, повернув голову, узнала Лабутю, тихо заржала, и все кони остановились и тоже повернули головы к пастуху* [Кони, 2011, с. 361].

Как арестантов, как приговорённых к казни, уводили коней. Они ушли, а на следующий день после возвращения в деревню исчезнет и Лабутя, переночует и покинет село навсегда.

В первом романе трилогии «Кануны» есть ужасающая сцена кастрации жеребца-красавца *Ундера* (она дана глазами подростка Сергея Рогова, что тоже неслучайно, у него нет будущего), являющаяся своеобразной метафорой, которая поясняет конфликт произведения и авторскую позицию. Объяснение самой клички *Ундер* писатель даёт в примечаниях к первому роману трилогии «Кануны»: кличка является искажённым «унтер» (звание младшего командного состава из солдат в дореволюционной армии) [Кануны, 2011, с. 500].

Рамки данной статьи не позволяют нам привести все примеры, которые подтверждали бы проявление символической функции и самих по себе персонажей-коней, и некоторых их кличек в прозе В.И. Белова. Но и на основании вышеизложенного можно сделать выводы об основных приёмах символизации: аллюзия к персонажам русского фольклора (*Карько* и *Павел* неразлучны и понимают друг друга, как сказочный Иван-царевич и его верный конь или как Иванушка и его конёк Горбунок), поэтизация дореволюционного крестьянского лада, напоминание об извечной роли коня как верного помощника крестьянина, противопоставление прежней жизни северного крестьянина (гармоничной, проходившей в праведном труде на родной земле)

жизни новой, наступающей на село, разрушающей все основы, приводящей к хаосу и упадку.

Символично перекликаются и судьбы двух персонажей упомянутых произведений: Павел Рогов бежит из лагеря и не знает теперь, где найдёт пристанище – возвратиться в родное село он не может, да и не хочет, подозревая жену в измене. Лабутя покидает ставшее ему родным за долгие годы село, уходит в неизвестном направлении. Оба героя – и Павел, и Лабутя – опустошены внутренне, новая власть, новое время лишили их всего, что они считали ценным и незыблемым.

Вместе с Ундером «вылегчили» и самих крестьян, отняли волю, право на свободный труд, заставили подчиниться всеобщей идее.

В связи с «эзоповым языком зооморфного кода» [Звонарёва, 2017, с. 165] В.И. Белова необходимо обратить внимание на одного, довольно «экзотического» домашнего питомца.

В Шибанихе (трилогия «Час шестый») жила старуха-бобылка Таня: *У нее имелась над головой своя крыша, была своя печка и даже своя живая душа, животинка, как она называла курицу **Рябутку**. Эта **Рябутка** днем гуляла по полу, теперь же по случаю ночной поры сидела за печкой, в закутке, на деревянном штырьке* [Кануны, 2011, с. 109].

С этой домашней питомицей связан комический эпизод в романе «Кануны», когда Рябутка «отметила» спрятавшегося за печкой председателя, пришедшего к Тане за водкой. Местный поэт-частушечник Акиндин Судейкин вскоре напевал: *От такого случая \ Вышла неминучая, \ Это, граждане, не шутка, \ Напугалась Рябутка \ Взяла да и обо...лась \ На шибановскую власть* [Кануны, 2011, с. 193].

Рябутка – типичное название для рябых куриц. Но, безусловно, этот зооним в контексте трилогии и всего творчества писателя отсылает к смыслу сказки о курочке Рябе, но только не к варианту этой сказки для детей, а к первоначальному её варианту, связанному с древнейшим космогоническим мифом о создании всего сущего и зарождении Вселенной.

Почти в каждом таком мифе есть память о первом миропорядке, «Золотом веке», и в каждом таком мифе есть яйцо как символ космоса, противостоящего хаосу. В этом ключе в «Курочке Рябе» дед и баба – демиурги, решившие сотворить мир. В этом им помогает волшебная птица (Курочка Ряба), которая традиционно является символом мира и начала новой жизни. Яйцо роняет мышь, хтоническое существо, связанное с землёй, посланник нижнего мира, который воплощает в себе идею всего тёмного, что не даёт появиться справедливому золотому миру («золотому веку»).

Прецедентный текст о курочке Рябе находит в сюжетной канве трилогии В.И. Белова своё прочтение: старуха Таня, одинокая бобылка, дети погибли, продолжения роду нет. Курица Рябутка – её единственная подруга и питомица. И если в первом романе трилогии «Кануны» история с Микулёнком выглядит комедийной, то далее во втором романе от юмористических ноток не остаётся и следа – образ другой рябутки становится символом Апокалипсиса.

Странное поведение такой рябутки на подворье Роговых становится одним из предвестников надвигающейся беды. Автор приводит спутанные размышления Веры Роговой во время родовых схваток: *Господи, зря всех всполошила. Рано видать. Таню-то баушку зря приведут... Стыд. Маменька из-за курицы на Серезку взъелась. Сроду парнишка не колотила. Нонче еловым прутом... Господи, и чего спрашивать? Ревит маменька кажинную ночь. От тяти нет ни письма, ни грамотки, увезли неизвестно куда. Дома все из рук валится, того и гляди и за Павлом придут. А вчера запела еще и курица. Рехнулась **рябутка-то**, второй день поет и поет. А вить говорят, что когда курица в доме поет – к покойнику... Худо, когда курица петухом поет, хуже нельзя...* [Год великого перелома, 2011, с. 258]. Курица не унималась несколько дней.

Внук Серёжа спрашивает деда Никиту, почему курица поёт, а дед отвечает ему: *Да, вишь, петуху позавидовала. Вон, Зойка Сопронова, тоже вроде нашей **рябутки**. Остриглась как савдат, шапку носит мужичью* [Год великого перелома, 2011, с. 260].

В когда-то счастливом крестьянском мире всё перевернулось, лад разбился, как то самое золотое яйцо.

Задача деревенской прозы, да и всего творчества Василия Белова, – художественно выявить и утвердить огромную значимость ценностей, созданных на протяжении столетий русской деревней, пробудить национальное самосознание, восстановить угасающую духовную традицию.

Для обеспечения понимания смысла символов – героев и их имён – автор создает в тексте сеть ассоциаций, связанную с представлением о безвозвратно уходящей в прошлое северной деревне, её культурных и духовных традициях.

Список литературы

Белов В. И. Кони. – Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 1: Стихотворения и поэмы. Повести. Рассказы. – М.: РИЦ «Классика», 2011. – 608 с.

Белов В. И. Скакал казак. – Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 2: Повести и рассказы. – М.: РИЦ «Классика», 2011. – 600 с.

Белов В. И. Кануны. – Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 3: Повесть. Роман. – М.: РИЦ «Классика», 2011. – 512 с.

Белов В. И. Год великого перелома. – Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 4: Романы. – М.: РИЦ «Классика», 2011. – 616 с.

Белов В. И. Час шестый. – Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 4: Романы. – М.: РИЦ «Классика», 2011. – 616 с.

Белозерова Е.А. Функционирование имён собственных в художественном тексте и дискурсе (на материале современной британской литературы) Автореф. дисс. канд. филол. н. – М., 2008, [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dissercat.com/content/funktsionirovanie-imen-sobstvennykh-v-khudozhestvennom-tekste-i-diskurse-na-materiale-sovrem>. Дата обращения – 23.06.2024.

Звонарёва Л.У. Зооморфный код в прозе Василия Белова // Беловский сборник. – Вып. 3 / Союз писателей России; администрация г. Вологды; Вологодский гос. Университет. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. – С. 164–169.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д.И. РУБИНОЙ КАК АСПЕКТ ОНОМАСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ

Н.В. Ланге

*Смоленский государственный медицинский университет
(Смоленск, Россия)*

В статье анализируется и систематизируется изученный ранее (нами и другими исследователями) пласт антропонимической лексики в произведениях Д.И. Рубиной. Целью исследования является не только показать богатство художественных антропонимов в текстах писателя, но и выявить особенности ономастической лаборатории автора в использовании антропонимической лексики.

Ключевые слова: *Д.И. Рубина; художественный антропоним ономастический стиль; естественные и искусственные имена; ономастическое пространство; ономастический код; ономастическая лаборатория*

Насыщенность текстов произведений Д.И. Рубиной онимами объясняет интерес ономатологов к изучению творчества писателя. Помимо наших исследований (представленных более чем 20 опубликованными статьями), с ономастическим пространством произведений автора работают как отечественные учёные [Кормилаева, 2023; Расторгуева, 2023; Расторгуева, Савицкайте, Полевая, 2020; Кихней, Тулушева, 2021], так и зарубежные [Эльфийа Ваффа Хидир Мохаммед Али, 2018]. Исследованный только за последнее десятилетие материал требует анализа и систематизации. В данной статье поговорим об антропонимах.

Следует прежде всего отметить значительное количество антропонимов в каждом произведении писателя. Так, в романе «На солнечной стороне улицы» исследователи выделяют 177 антропонимов [Эльфийа Ваффа Хидир Мохаммед Али, 2018, с. 204]; в романе «Бабий ветер» насчитывается 128 антропонимов [Расторгуева 2023]; в первой части трилогии «Русская канарейка» найдено 198 антропонимов [Расторгуева, Савицкайте, Полевая, 2020, с. 80]. Мы нашли в романе «Маньяк Гуревич» 174 антропонима.

Значимость художественных антропонимов для писателя подтверждает факт их включения в названия произведений. Это могут быть личные имена главных героев (рассказы «Адам и Мирьям», «Дед и Лайма», «Любка», «Рената», эссе «А не здесь вы не можете не ходить?, или Как мы с Кларой ездили в Россию», «Ружьё для Евы»); фамилии (роман «Маньяк Гуревич», рассказ «Этот чудной Алтухов») или указание на фамилии (роман «Белая голубка Кордовы» (главный герой романа Захар Кордовин), рассказ «Двойная фамилия»); прозвища (трилогия «Русская канарейка» (Книга 2. Голос), роман «Маньяк Гуревич»); культурно-исторические имена, в том числе религиозные, сказочные и мифологические (трилогия «Наполеонов обоз», трилогия «Русская канарейка» (книга 3. Блудный сын), романы «Вот идёт Мессия», «Почерк Леонардо», Синдром Петрушки», очерки «Коксинель», «Белый осёл в ожидании Спасителя», рассказы «Волшебные сказки Шарля Перро», «Посох Деда Мороза», «Пресс-папье Чехова», «Орфей и Эвридика», «Пламя Эль Греко») (26 антропонимов).

Ещё один показатель важности для творческого метода писателя художественных антропонимов – наличие у одного персонажа множества имён. Например, *Леон Этингер (Лёвка)*, главный герой трилогии «Русская канарейка», тайный агент разведки и оперный певец, имеет множество искусственных имён (мы используем этот термин для разграничения имён, данных при рождении, и фактов намеренного словопроизводства [Ланге, 2016, с. 123]): помимо естественного имени, он использует псевдонимы *Ариадна Арнольдовна фон Шнеллер*, *Джавад Абу Зухайр*, *Абдулазиз абу Бодрос*, *Деметрос Папаконстантинеску*, *Лев Эткин*; другие персонажи называют его *мисс Марпл*, *Русская канарейка (Кенар руси)*, *Кенарь*, *Музыка*, *мон шер Тру-ля-ля*. В себе он чувствует две сущности, два основополагающих имени, отражающих его натуру: *Голос* и *Артист*. Но не просто так, конечно, писатель использует столько имён для наименования одного персонажа (всего 15 антропонимов). Всем антропонимам Д.И. Рубиной присущ ономастический код, «с помощью которого может быть <...> выявлена читателем знаковая для художественного текста комбинация смыслов, переданная через авторские онимы» [Скуридина, 2020, с. 321]. Множество имён говорит о любви героя к постоянному маскараду. Театр становится его образом жизни: «Это не притворство... Это моя профессия: музыка, голос... и, конечно, театр. Это моя природа» [Рубина, 2015, III, с. 244]. Имя *Русская канарейка* становится роковым. Герой повторяет судьбу певчей птицы, которой на востоке выкалывали глаза – он становится слепым, и из всех искусственных имён в конце остаётся только одно, *Голос*, которое указывает на окончательный выбор этого уникального, многостороннего человека – навсегда остаться с музыкой.

Другой пример такого кода – прозвище Семёна Марковича Гуревича – *Маньяк* (роман «Маньяк Гуревич»). В продолжение всего романа, суть которого рассказать о жизни, такой типичной, но вместе с тем уникальной, еврейского мальчика, родившегося в Ленинграде 60-х годов, ставшего врачом и эмигрировавшего, обыгрывается данное ему ещё в школьные годы прозвище. В сочетании с апеллятивным окружением в прозвище отражается новый смысл: Маньяк – это пусть и смешной, несуразный, но очень ответственный человек, настоящий врач, который в любой ситуации будет лечить и жалеть пациентов, который защитит свою семью, который не переступит через свои нравственные принципы ни при каких условиях. Исследователи Л.Г. Кихней и Е.С. Тулушева показывают также, как ономастический код «читается» в других произведениях писателя – трилогии «Наполеонов обоз» и романе «Белая голубка Кордовы» [Кихней, Тулушева, 2021].

Художественные антропонимы произведений Д.И. Рубиной часто указывают на связь поколений и связь различных национальностей. Такой симбиоз является основополагающей идеей писателя. Например, одно из искусственных имён Леона Этингера – *Лев Эткин*. Еврейская фамилия Эткин произошла от имени Этель (Эстер), и её можно объяснить как «сын Этель (Эстер)». Эстер была еврейской царицей, которая вместе с Мордехаем спасла еврейский народ от уничтожения в истории праздника Пурим. [Что значит фамилия Эткин. История, происхождение и значение фамилии Эткин]. Эстер –

один из вариантов естественного имени прабабки Леона, Эсфирь. Именем Эстер её именovala героически погибшая во время Великой отечественной войны подруга Леонор, в честь которой и назвали Леона. Другой пример взаимосвязи поколений – *Аристарх Семёнович Бугров*, герой трилогии «Наполеонов обоз». Он назван так в честь деда, который также носил имя в честь предка: в роду Бугров чередовались имена Аристарх и Семён. Однако его возлюбленная Надежда хочет разорвать эту связь – и даёт сыну Аристарха имя Алексей и отчество Петрович – в честь своих отца и деда.

Связь национальностей и культур проявляется в антропонимах через их семантическую связь с топонимами. Например, в естественном имени *Захар Кордовин* (главный герой романа «Белая голубка Кордовы») отражается связь имени с местом жительства его предков – *Кордовой*, что определяет в конечном счёте судьбу героя. Фамилия *Эттингер* указывает на взаимосвязь с местностью Эттинген (Бавария) [Ланге, 2016, с. 124], и поэтому естественное имя Леона называется «изысканно-европейским» [Рубина, 2015, II, с. 155]. *Гуревич* (Семён Маркович Гуревич – главный герой романа «Маньяк Гуревич») – одна из распространённых еврейских фамилий, образуется от фамилии Горовиц и происходит от немецкого названия города Горжовице в Богемии [Еврейские фамилии]. С помощью фамилии героя Рубина указывает на типичность судьбы персонажа.

Особенностью ономастической лаборатории Д.И. Рубиной является апеллятивно-онимное взаимодействие – «имя собственное предопределяет использование других текстовых единиц с определённой семантикой» [Скуридина, 2020, с. 322]. Например, имя матери Айи – главной героини трилогии «Русская канарейка» – *Гуля*. Гуля – женское персидское имя – ‘цветочная, подобная цветку’ [Значение имени Айгуль]. Однако у русскоговорящих, вероятно, оно ассоциируется с другим словом: гули – ‘голуби’; гуленька, гулечка – ‘голубь, голубок’ [Даль, 1880, с. 417]. Внешность Гули соответствует имени. Описание Гули всегда связано с чем-то неземным: «*Овал лица был <> нежно-дымчатый*» [Рубина, 2015, I, с. 300]; впервые увидев Гулю, Илья вспомнил «*облачно-журавлиное кружение далёкого весеннего дня*» [Рубина 2015, I: 69]; на свадьбе счастливый Илья, глядя на невесту, вспоминает эпитет «*лунолика*» из восточных сказок [Рубина, 2015, I, с. 263], бабушка постоянно отмечает «*непрочность*» Гули [Рубина, 2015, I, с. 286]. Птицы – это тоже неземные создания, поэтому в описании Гули часто присутствуют «птичьи» эпитеты: так, у Гули – «*ласточкины*» брови [Рубина, 2015, I, с. 273]. Гуля в сознании Ильи всегда связана с музыкой – тоже с чем-то неземным: она играет на скрипке; увидев её родню, Илья отмечает, что Гуля «*была инструментом из другого оркестра*» [Рубина, 2015, I, с. 262]; в её фигуре – «*скрипичная линия бёдер*» [Рубина, 2015, I, с. 285]. Даже в жестах Гули есть что-то музыкальное: «*...подняла палец, словно приглашая мужа прислушаться к звуку невидимого камертона*» [Рубина, 2015, I, с. 266]. Узнав о смерти жены, Илья отказывается в это верить: «*...пытался увернуться от догонявшего его, летящего на него любимого имени, скрипично-пассажного, канифольно-саднящего, вензелисто-ледового, непрочного, обречённого растаять*» [Рубина,

2015, I, с. 291]. И через двадцать пять лет после смерти для Ильи Гуля осталась навсегда связанной с музыкой: «...яснее всего помнил профиль жены с бледной щекой на подбородке скрипки; взмах руки со смычком, резкий взлёт, удар по струнам и шершавая оттяжка аккорда вниз...» [Рубина, 2015, I, с. 269].

Мотив анимализации имени можно отметить в творчестве Д.И. Рубиной [Кихней, Тулушева, 2021, с. 212]. Так, исследователи обращаются к роману «Белая голубка Кордовы», в котором главный герой, Захар Кордовин, воображает свою фамилию в виде ящерицы. Мы нашли подтверждение этому мотиву и в других романах. Например, в трилогии «Русская канарейка» есть персонаж – доктор *Рачковский*: «...внешне он поразительно соответствовал своей фамилии: маленький, скособоченный <...>, но с неожиданно быстрыми, как у прибрежного рачка, хватками» [Рубина, 2015, I, с. 309]. Прозвища *Русская канарейка*, *Кенарь* становится основным в череде прозвищ Леона Этингера. Они, как мы уже отмечали выше, связаны с тем, что герой имеет уникальный голос. Естественное имя *Гуля* также связано с птицами. *Влюблённая Вошь* – прозвище классной дамы Эсфирь Этингер (так же трилогия «Русская канарейка»). Сочетание создаёт комический эффект. Директор школы из трилогии «Наполеонов обоз» носит прозвище *Чижик*. Птицу чижик зоологи считают «мастером маскировки», так и Валентин Владимирович Шеремякин, выпускник ИФЛИ, талантливейший человек, по каким-то причинам оказывается на станции Вязники.

Интересным стилевым приёмом является также то, что все антропонимы романа связаны с центральным концептом. Например, в трилогии «Русская канарейка» концепт Музыка представлен многочисленными художественными антропонимами: *Русская канарейка*, *Кенарь*, *Голос*, *Музыка*, *Гуля*, *Станислав Шик*, *Артист* и др.

Другие особенности естественных и искусственных антропонимов в произведениях писателя – их частая многокомпонентная структура [Ланге, 2020]; отражение посредством антропонимов определённых хронотопов [Ланге, 2023]; повторяемость некоторых личных имён в различных произведениях (например, имени Пётр) [Ланге, 2020], богатый культурно-исторический фон [Ланге, 2023], значимость отчества в трёхкомпонентной структуре личного имени [Ланге, 2021], связь антропонимов с Библией [Ланге, 2018].

Таким образом, глубина смыслов художественных антропонимов, различные мотивы, концепты и коды, отражаемые ими, говорят об особом ономастическом стиле писателя. Анализ и систематизация художественных антропонимов позволяет считать ономастическую лабораторию Д.И. Рубиной уникальной.

Список литературы

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – С.-Пб. – М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. – 724 с.

Еврейские фамилии [Электронный ресурс]. URL: <https://semfamily.ru/istoriya-familij-stati/evreysk> (дата доступа 7.09. 2023).

Значение имени Айгуль [Электронный ресурс] URL: <https://kakovut.ru/names/aygul.html> (дата доступа 16.04.2024).

Кихней Л.Г., Тулушева Е.С. Ономастический код в произведениях Дины Рубиной «Наполеонов обоз» и «Белая голубка Кордовы» // Научный диалог. – 2021. – № 3. – С. 206 – 217.

Кормилаева А.А. Об ассоциативном потенциале антропонимов в повести Дины Рубиной «Двойная фамилия» // Новые горизонты русистики. – 2023. — № 3 (21). – С. 58 – 63.

Ланге Н.В. Библейские имена в трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка» // Ономастика в Смоленске и Витебске. – Смоленск: СмолГУ, 2018. – С. 52 – 56.

Ланге Н.В. Искусственные и естественные имена в трилогии Д.И. Рубиной «Русская канарейка»: Леон Этингер // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 123 – 132.

Ланге Н.В. Многокомпонентные искусственные имена в трилогии Д.И. Рубиной «Русская канарейка» (линия Этингеров) // Четырнадцатые Поливановские чтения: материалы научной конференции. – Смоленск: СмолГУ, 2020. – С. 134 – 142.

Ланге Н.В. Пётр и Петровичи в романах Д.И. Рубиной // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: материалы международной научной конференции. – Смоленск: СмолГУ. – 2020. – С. 65 – 71.

Ланге Н.В. Прецедентные антропонимы в романе Д.И. Рубиной «Маньяк Гуревич» // Ономастика Поволжья: материалы XXI Международной научной конференции. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2023. – С. 357 – 361.

Ланге Н.В. Прецедентные антропонимы, характеризующие время, в романе Д.И. Рубиной «Маньяк Гуревич» // Смоленский медицинский альманах. – 2023 – № 3. – С. 105 – 108.

Ланге Н.В. Функция отчества в романах Д.И. Рубиной // Ономастика Поволжья: материалы XIX Международной научной конференции. – Оренбург: Оренбургская книга, 2021. – С. 340 – 346.

Расторгуева М.Б. Онимы романа Д. Рубиной «Бабий ветер» // Вестник славянских культур. – 2023. – Т. 70. – С. 250 – 258.

Расторгуева М.Б., Савицкайте Е.Р., Полевая Г.Н. К вопросу об употреблении имён собственных в произведениях современной прозы (на примере романа Д. Рубиной «Желтухин») // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 3 (38) – С. 79 – 86.

Рубина Д.И. Русская канарейка. Книга 1. Книга 2. Книга 3. – М.: Издательство «Э», 2015.

Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: дисс...доктора филол.наук. – Воронеж, 2020. – 392 с.

Что значит фамилия Эткин. История, происхождение и значение фамилии Эткин [Электронный ресурс] // URL: https://toldot.com/life/lnames/lnames_10681.html#:~:text=Фамилия%20Эткин%20произошла%20от%20женского,уничтожения%20в%20истории%20праздника%20Пурим.%2Fp%3E (дата доступа 1.05.2024).

Эльфия Ваффа Хидир Мохаммед Али Интерпретация имён собственных как один из способов выражения основ мироздания личности (по материалам романа Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 8 (86). – Ч. 1. – С. 203 – 206.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЕГО АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Е.А. Попова

*Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Россия)*

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме: «Формирование российской гражданской идентичности личности посредством отечественной персониферы в условиях неоднородности современного медийного пространства» (соглашение № 073-03-2024-074/2 от 13.02.2024 г.).

В статье раскрывается аксиологический потенциал региональных антропонимов и топонимов, образующих ономастическое пространство Провинциального (Липецкого) текста. Региональные антропонимы и топонимы, между которыми существует тесная связь, являются одним из средств формирования российской гражданской идентичности личности.

Ключевые слова: *региональные антропонимы; региональные топонимы; аксиологический потенциал; Провинциальный (Липецкий) текст*

Провинциальный текст русской литературы, имеющий большое количество локальных ответвлений (Воронежский, Пермский, Липецкий, Тульский и другие тексты), представлен региональными прецедентными текстами, под которыми понимаются тексты (как правило, национально-прецедентные), в которых говорится о конкретном крае (регионе). Это могут быть как художественные, так и публицистические, мемуарные, дневниковые, эпистолярные тексты. Региональную направленность им придают региональные топонимы и антропонимы, образующие региональную топосферу и персониферу как важнейшую часть ономастического пространства, которое в свою очередь является частью культурного пространства и этого региона, и России в целом.

Литературное наследие любого региона России уникально, о чем свидетельствуют литературные карты различных регионов, включающие большое количество персоналий. Так, Липецкий край – родина А.П. Буниной, И.А. Бунина, М.М. Пришвина, Е.И. Замятина, П.И. Бартенева, П.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.П. Грот (Семеновой), А.И. Левитова, С.П. Жихарева, А.И. Эртеля, П.Д. Боборыкина, Г.В. Плеханова, Н.Я. Данилевского, П.Н. Шубина, Н.А. Задонского, предков А.С. Пушкина, отца М.Ю. Лермонтова. О липецкой земле писали жившие и бывавшие здесь В.А. Жуковский, А.А. Шаховской, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Н.С. Лесков, Г.И. Успенский, В.И. Немирович-Данченко, А.О. Смирнова (Россет), М. Горький, Б.Л. Пастернак, К.Г. Паустовский, М.И. Цветаева, В.В. Розанов и др. Произведения всех указанных авторов, если в них говорится о липецком крае, составляют Липецкий текст русской литературы, представляющий собой одно из локальных ответвлений Провинциального сверткста. Все названные персоналии образуют персониферу Провинциального (Липецкого) текста.

Как подчеркивал В.В. Абашев, который положил начало исследованию локальных провинциальных текстов и ввел понятие Пермского текста как локальной структурно-семантической категории русской культуры, «изучение локальных текстов имеет серьезный практический аспект и приложение. <...> подобные исследования имеют непосредственное отношение к жизни человека, выявляя важный аспект его жизненного мира. Локальный текст оказывается живой и действенной инстанцией, организующей отношения человека и среды его обитания. Его символические ресурсы включаются в процесс самоидентификации. Поэтому *осознанное* (курсив автора. – Е.П.) отношение к месту собственной жизни становится актуальной задачей духовного творчества» [Абашев, 2000, с. 14]. Исследование любого из региональных прецедентных текстов обязательно связано с понятием «малая родина», поэтому позволит современным носителям русского языка увидеть в великих русских писателях и деятелях культуры, созданных ими произведениях, запечатлевших образ того или иного города или края, часть «своего» мира, почувствовать через малую Родину свою причастность к большой Родине, ее языку и культуре. Во всех регионах России ведется изучение регионального литературного наследия, того, какую роль оно сыграло в развитии родного языка и литературы.

Преподавателями кафедры русского языка и литературы ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского в рамках научного проекта, поддержанного РФФИ, – «Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики» (2018–2019), – были составлены два выпуска корпуса прецедентных текстов региональной направленности, образующие Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы, см.: [Провинциальный..., 2018; 2020]. В данный корпус вошли национально-прецедентные тексты и их фрагменты (художественные, публицистические, мемуарные, дневниковые, эпистолярные), созданные родившимися, жившими и/или бывавшими на липецкой земле и писавшими о ней прозаиками, поэтами, драматургами и другими деятелями русской культуры XIX–XXI вв. Каждый выпуск завершается списком региональных топонимов разных классов с указанием того, какие авторы использовали тот или иной топоним в своих произведениях. Эти издания являются учебными пособиями для студентов и школьников Липецкой области. Тем же авторским коллективом написана монография, в которой представлены результаты теоретического изучения Липецкого текста, см.: [Провинциальный..., 2023].

Региональные топонимы и их репрезентанты-апеллятивы (*город, городок, городишко, место, местечко, родина* и др.) вступают в разнообразные синтагматические связи: с притяжательными местоимениями *мой, наш*; оценочными лексемами (*красивый, живописный, хорошенький, милый, чистенький, рай земной* и др.) и т.д. Приведем примеры, связанные с астионимом *Липецк*: *Я признаюся вам, что Липецк рай земной!* [Шаховской, 1961, с. 156]; *Липецк весьма красивый город на высоте* [Жуковский, 2004, XIV, с. 64–65]; *Вообще Липецк очень живописен, и сопровождавший в 1837 году наследника Александра Николаевича В.А. Жуковский занес в свой*

дорожный альбом два вида **нашего Липецка с его прекрасным собором** <...> [Бартенев, 1994, с. 48]; **Липецк и тогда был хорошеньким городком, чисто и привлекательно обстроенным на возвышенности над очаровательной рекою Воронежем** [Семенов-Тян-Шанский, 2019, I, с. 127].

Для многих писателей-земляков региональные топонимы, связанные с местом их рождения, жизнью в детские и отроческие годы, часто ассоциируются с понятиями родины, счастья, красоты. Например, в поэтических миниатюрах М.М. Пришвина 1946–1947 гг., составивших книгу «Глаза земли», малая родина писателя – село Хрущево, входившее до Октябрьской революции в состав Соловьевской волости Елецкого уезда Орловской губернии (сейчас это Становлянский район Липецкой области), – характеризуется как «лучшее, прекрасное место, какого и не бывало на свете» [Пришвин, 1984, VII, с. 91], предстает как утраченная навсегда родина, связанная с детством и счастьем. С Хрущево писатель постоянно сравнивает то, что его окружает в настоящем: *После обеда вздремнул и проснулся как будто в Хрущеве. Сколько в жизни ездил, искал, и в конце концов оказалось – искал того, что у меня было в детстве и что я потерял* («В Дунине») [Пришвин, 1984, VII, с. 122]. На склоне лет Пришвин часто обращается в своих дневниках к воспоминаниям о родных местах, прежде всего к Хрущеву и Ельцу.

В настоящее время села Хрущево уже не существует, но в памяти современных носителей языка оно сохранилось, так как это родина Пришвина, о которой он с большой теплотой писал во многих произведениях. Следовательно, региональные прецедентные тексты сохраняют и названия исчезнувших населенных пунктов, и – самое главное – ценностное отношение к ним.

Для современного писателя З. Прилепина родина его предков, которую он считает и своей родиной, – село Каликино Добровского района Липецкой области – связано с понятием красоты, через это понятие писатель объясняет происхождение своей фамилии: *Мои предки по отцовской линии происходят из села Каликино Добровского района Липецкой области. В Каликино очень много Прилепных* <...>

Каликино очень красиво, там есть такие холмы, за деревней, куда я забирался и проводил там целые дни, совсем ребенком и потом подростком. <...>

На этом холме, озирая многие километры каликинских полей, еще в детстве я вспомнил, что есть такое слово “лепота”, то есть красота. И то, что в чудесном Каликине живет половина деревни Прилепных, означает, что когда-то моя родня поселилась при лепоте. И прозвали их Прилепины. Так мне нравится думать и по сей день.

Невзирая на то, что у меня написано в паспорте, я считаю себя каликинским. Там мой корень, там могилы Прилепных [Прилепин, 2015, с. 9–10].

Таким образом, как следует из этого текста, для З. Прилепина между региональным топонимом (комонимом) *Каликино* и антропонимом *Прилепины*

существует тесная связь: *Каликино* – это деревня *Прилепных*, которые когда-то поселились «при лепоте».

Как заметил Э. Бабаев в послесловии к роману Г.И. Николаева «Астапово», посвященному последним месяцам жизни и смерти Л.Н. Толстого на железнодорожной станции Астапово, которая из-за этого печального события стала известна всему миру, «великий человек налагает свой отпечаток на все, к чему он был причастен, на города и веси, по которым ему пришлось пройти» [Бабаев, 1990, с. 402]. Поэтому в сознании носителей языка тот или иной город, причем не только провинциальный, село/деревня оказываются тесно связанными с определенной персоналией или персоналиями. Так, Петербург – это, прежде всего, город Петра I: «Петра творенье», «град Петров» [Пушкин, 1957, IV, с. 381, 382]. К.Г. Паустовский в «Золотой розе», целая глава которой посвящена И.А. Бунину, назвал Елец «бунинский город» [Паустовский, 1967, III, с. 466]. Такое название объясняется как тем, что Бунин жил в Ельце, так и тем, что Бунин писал о Ельце во многих своих произведениях («Жизнь Арсеньева», «Легкое дыхание», «Поздний час», «Над городом» и др.), чаще всего называя его апеллятивом *город*. Уездный город *Раненбург*, который в настоящее время называется Чаплыгин, П.П. Семенов-Тянь-Шанский в мемуарах именует «город Меншикова» [Семенов-Тянь-Шанский 2019, I, с. 119], так как этот он был основан сподвижником Петра I – А.Д. Меншиковым. Уездная *Лебедянь* в сознании ее уроженца Е.И. Замятина является городом, о котором «писали Толстой и Тургенев» [Замятин, 1989, с. 23]. Имеется в виду знаковое для старой Лебедяни событие – Лебедянская конная ярмарка, описанная И.С. Тургеневым в рассказе «Лебедянь» и упомянутая в повести Л.Н. Толстого «Два гусара». И.А. Бунин называет деревню *Кропотово*, где жил отец М.Ю. Лермонтова и сам поэт бывал несколько раз, «лермонтовское Кропотово» [Бунин, 1988, VI, с. 550]. Таким образом, региональные ойконимы или замещающие их апеллятивы вместе с антропонимами или их производными образуют словосочетания, выступающие как вторичные наименования того или иного ойконима.

В отдельных случаях имя писателя, связанного с определенным населенным пунктом, становится официальным названием топонима, чаще всего ойконима, как это произошло со станцией и поселком *Астапово*, переименованными в *Лев Толстой*. В стихотворении «Станция “Лев Толстой”» В.Г. Руделёв описывает свои впечатления от посещения музея памяти Толстого, расположенного в домике начальника железнодорожной станции И.И. Озолина. Деревня *Кропотово* в Становлянском районе Липецкой области, связанная с именем Лермонтова, теперь называется *Кропотово-Лермонтово*. Некоторые писатели берут название родного города в качестве творческого псевдонима: из писателей липецкого края это *Николай Задонский* (настоящая фамилия Коптев), *Алексей Липецкий* (настоящая фамилия Каменский). Один из самых почитаемых русских святых – *святитель Тихон Задонский* – назван *Задонским* потому, что последние годы жизни провел в Рождество-Богородицком монастыре, расположенном в Задонске. Здесь он написал самые известные свои сочинения.

Региональные прецедентные тексты, образующие то или иное локальное ответвление Провинциального сверткста и содержащие важную для современных носителей русского языка культурологическую, историческую, лингвистическую информацию, обладающие в силу этого большим аксиологическим потенциалом, должны обязательно использоваться при изучении русского языка и литературы в школе и вузе. Региональные антропонимы и топонимы, между которыми существует тесная связь, как «средство репрезентации культурно-исторической памяти, способ вербализации, сохранения и трансляции культурно-исторического наследия» [Робустова 2022: 32] являются мощными символическими ресурсами, которые включаются в процесс самоидентификации русской языковой личности, и одним из действенных средств формирования образа или образов Родины (как малой, так и большой) в сознании представителей молодого поколения, следовательно, выступают как средство формирования российской гражданской идентичности личности.

Список литературы

- Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с.
- Бабаев Э. Десять дней из жизни Льва Толстого // Николаев Г.И. Астапово: Роман. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 401–406.
- Бартенев П.И. Воспоминания // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. [Т.] 1. – С. 47–95. [Электронный ресурс] // URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra1/ra1-047-.htm> (дата обращения 11.05.2024).
- Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. – М.: Художественная литература, 1988. – 719 с.
- Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 768 с.
- Замятин Е.И. Мы: Романы, повести, рассказы, сказки. – М.: Современник, 1989. – 560 с.
- Паустовский К.Г. Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. – М.: Художественная литература, 1967. – 528 с.
- Прилепин З. «Да кто ж там сидит...». Семь пунктов о родстве и происхождении // Колобродов А.Ю. Захар. – М.: Издательство АСТ, 2015. – С. 7–12.
- Пришвин М.М. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 7. – М.: Художественная литература, 1984. – 479 с.
- Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Учебное пособие / Отв. редактор Е.А. Попова. – Липецк: Липецк-Плюс, 2018. – 532 с.
- Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Второй выпуск. Учебное пособие / Научные редакторы: Т.В. Гончарова, И.П. Черноусова. Отв. редактор Е.А. Попова. – Липецк: Липецк-Плюс, 2020. – 662 с.
- Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики: монография. – Издание 2-е, переработанное и дополненное / Под ред. Е.А. Поповой. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. – 258 с.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 4. – М.: Изд-во АН СССР, 1957–1958. – 595 с.

Робустова В.В. Концепция спирального развития значения имен собственных // Ономастика Поволжья: материалы XX международной научной конференции, Элиста, 5-7 октября 2022 года. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. – С. 29–33.

Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары: в 5 тт. Т. 1. – М.: Кучково поле, 2019. – 560 с.
Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1961. – 828 с.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ АВИНЬОНА И РИМА В «ПИСЬМАХ БЕЗ АДРЕСА» Ф. ПЕТРАРКИ

Е.А. Разумовская

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского
(Саратов, Россия)*

Идея статьи – построение противопоставленных друг другу образов Авиньона, где в 1309–1377 находился папский престол, и Рима, символизирующего единство Италии и связь с величием Древнего Рима, – возникла благодаря полному изданию русского перевода «Писем без адреса» Ф. Петрарки в переводе Л.М. Лукьяновой. Анализ проводится на примере отдельных писем сборника. Сохраняясь от первого письма до последнего, это противостояние образует смысловую и композиционную ось книги.

Ключевые слова: *Ф. Петрарка; «Письма без адреса»; Треченто; Авиньон; Рим; топонимика; анализ художественного образа*

Идея данной статьи возникла благодаря полному русскому изданию «Писем без адреса» Ф. Петрарки [Петрарка, 2022] в переводе Л.М. Лукьяновой и со статьей Н.И. Девятайкиной. Центральной темой «Писем без адреса» является «“вавилонское пленение” папства, его резиденция в Авиньоне (1309–1377), вызывающем отвращение у человека, страстно убежденного в превосходстве Рима» [Petrarch, 2009, с. 24]. Это противопоставление Авиньона и Рима бросается в глаза уже при первом чтении «Писем». В статье разбирается построение этих образов на примере отдельных писем сборника: писем к Филиппу де Кабассоллю, к Кола ди Риенцо и примыкающего к последним письма к римскому народу. Сохраняясь от первого письма до последнего, это противостояние образует смысловую и композиционную ось книги.

В первом же письме, адресованном другу Петрарки Филиппу де Кабассоллю, синьору Воклюза, епископу Кавейона (весна или раннее лето 1342), отчетливо виден контраст Авиньона и Рима. В центре содержания письма I – традиционная метафора: лодка, попавшая в шторм. При этом ею управляет неумелый старец-кормчий, который, «накачавшись вином», «то шатается, то дремлет, то мгновенно валится в постель» [Петрарка, 2022, с. 11]. И хотя автор «Писем» полностью выдерживает здесь принцип анонимности, заявленный в заглавии сборника, для адресата Петрарки и его современников образ был прозрачен: это находящийся при смерти папа Бенедикт XII, увлекший своим правлением церковь к гибели. Образы пап и кардиналов, возникающие на страницах «Писем без адреса», – лживых, преступных, развращенных – являются одной из постоянных отсылок к Авиньону, где в это время находится папский престол.

Образ терпящего кораблекрушение судна-церкви развивается автором, начиная с первых строк, вливаясь в традиционные формулы приветствия: *Quid*

agis ... quid cogitas? Quem rebus exitum, quem presenti naufragio finem speras? Portum ne tenebimus an in mediis tempestatibus obruemur? [Petrarca, 2015, с. 44]. Кажется, спасения нет: ... *под напором волн мы погибнем среди утесов или попадем в руки пиратов...* [Петрарка, 2022, с. 12]. И только в последних строках письма смутным намеком возникает образ спасительного Рима: *Si consilium meum poscis, in rure tuo, si liceat, optime manebimus: ibi silentium optatum et portus michi quietissimus videtur...* [Petrarca 2015: 44]. С одной стороны, здесь можно прочесть намек на виллу Филиппа де Кабассоля рядом с Воклюзом. Но, как отметили комментаторы итальянского издания «Писем» [Petrarca, 2015, с. 44], в словах «*optime manebimus*» содержится и литературно-историческая отсылка к известным событиям 364 до н.э. После нашествия галлов римляне обсуждали решение покинуть сожженный город и перенести столицу в Вейи, но: ...*последние сомнения разрешила одна к месту прозвучавшая фраза. ... сенат собрался в Гостилиевой курии для обсуждения этого вопроса. Случилось, что тогда же через форум строем прошли когорты, возвращавшиеся из караула. На Комиции центурион воскликнул: «Знаменосец, ставь знамя! Мы остаемся здесь... (Signifer, statue signum: hic manebimus optime) (V, 55, 1) [Ливий, 1989, с. 282].*

Письмо XII также адресовано Филиппу де Кабассолю; оно написано после смерти папы Климента VI и избрания Иннокентия VI в декабре 1352. Для обращения к давнему другу и высшему духовному лицу поэт выбирает стилизацию под псалмы. Письмо представляет собой обращение к Иисусу с просьбой не покидать в беде христиан, над которыми властвуют *свирепые голодные звери (beluae famelicae et immites)* [Petrarca, 2015, с. 60] папской курии.

Петрарка «закольцовывает» оба обращения к одному и тому же адресату не только схожим поводом, но и возвращением к морским образам: *Мы надеемся ..., что Ты укротишь ярость нашего моря, в котором наконец-то погиб так удачно ловивший рыбу известный старец, передав судно наследнику...* [Петрарка, 2022, с. 60]. Упоминая сети, старые и новые из такой же пеньки, с помощью которых наместники святого Петра «удачно ловят рыбу», обирая христиан, автор отсылает своего читателя к образу самого апостола Петра, и сопоставление это отнюдь не в пользу нынешних владык христианского мира.

Письмо II, обращенное к Кола ди Риенцо (1347, сентябрь), вводит стержневые для всего сборника образы Авиньона и Рима; здесь впервые в книге упоминаются оба названия, причем Петрарка обозначает аспект противопоставления – «раб» (Авиньон)/«господин» (Рим), используя в качестве аргумента этимологический комментарий: *О, Авиньон, ... так-то ты считаешь Рим, своего господина! ... Разве ты не знаешь происхождения слова «провинция»?* [Петрарка, 2022, с. 14].

Этим письмом писатель вновь откликается на злобу дня: посольство римского трибуна Кола ди Риенцо к папе Римскому подверглось избиению у ворот Авиньона, несмотря на посольские знаки, во все времена гарантировавшие послам неприкосновенность. Чтобы избежать названий городов, Петрарка вводит названия рек, на которых те стоят. Развивая образ

забывшего свое место раба, Петрарка обыгрывает, как верно отмечено Н.И. Девятайкиной [Петрарка, 2022, с. 13], названия рек, текущих рядом с Авиньоном, – Родана и его притоков, Друенции и Сорга. Характеризуя город без милосердия и справедливости по названиям рек, Петрарка отсылает к лат. *durus* ‘опасный; дерзкий, наглый’ и *ruo, ruere* ‘валить, опрокидывать; разрушать’: *O vere Durentia, ut vulgus appellat, ... sive, ut quidam scriptores vocant, Ruentia: a ruendo diceris...*; упоминает он и Сорг, другой приток Родана, отсылая к глаголам *sorbeo* ‘поглощать; проглатывать’ и *surgo* ‘подниматься; подниматься войной’: *O non tua sorbens et tumide in dominum surgens Sorgia!* Наконец, используя существовавшую в его время этимологию глагола *rodo, rodere* ‘грызть, глотать; размывать’, пишет о Родане: *O Rodanus, rodens omnia!* [Petrarca, 2015, с. 46].

Впервые в этом письме, в связи с именем Кола ди Риенцо, символом единой Италии, Ф. Петрарка вводит важное для всей книги символическое значение Рима, – символа мощи, согласия, единства, – вокруг которого и теперь, как прежде, должны объединиться все итальянские земли. Развивая эту мысль, Петрарка проводит постоянную в его творчестве параллель между современностью и историей, нынешней Италией и Древним Римом. Он вспоминает случай нападения карфагенской толпы на римских послов Л. Бебия, Л. Сергия и Л. Фабия (Ливий, 30, 25, 2–3), говоря о послах Рима «*legati nostri*» [Petrarca, 2015, с. 50]. Перенося на своих современников-итальянцев стойкость и мужество римлян пред лицом различных напастей, Петрарка видит в населении Авиньона примеры бесчестия и вероломства худшие, чем предлагает древняя история: *Насколько безопаснее твой посол пришел бы в Парфию...! Насколько более невредимым он оказался бы в Германии..., чем здесь в то время, когда ты с сыновней почтительностью относишься к римской церкви...* [Петрарка, 2022, с. 17].

Создавая образ порочного Авиньона, Петрарка уже в этом письме использует обширный арсенал образных средств. Он, как мы видели, обыгрывает этимологию топонимов; обращается к примерам из древней истории, привлекая в качестве свидетеля Тита Ливия, а также из истории раннего христианства, сопоставляя папу с апостолом Петром. Он использует басенный образ раздувшейся лягушки, сияющейся сравниться размером с быком, известный, например, по «Сатирам» Горация (II, 3, 314–320). Развивая «животную» образность, поэт вводит образы скорпиона и паука, сравнивая с ними поведение авиньонцев. Петрарка опирается и на авторитет церкви: он использует, характеризуя Авиньон, библейский образ горького винограда (Втор., 32, 32), а образом кровавых виноградных гроздей, возможно, отсылает к изображению Божьего суда в «Откровении» (Откр., 14, 18–20). В рассуждении о мнимом величии Авиньона он использует и формулу «*reccatum nihil est*» [Августин] бл. Августина с его концепцией греха. Прибегает Петрарка, как отмечает Н.И. Девятайкина, и к юридической аргументации, говоря о небрежении законами и оскорблении международного права [Петрарка, 2022, с. 16].

Противостояние Рима и Авиньона мы также видим в письме к Кола ди Риенцо (III) и к римскому народу (IV). В центре письма III, написанного к Кола ди Риенцо в том же сентябре 1347, стоит образ Рима, римского народа, с которым у Петрарки связан народ всей Италии: трижды в письме он употребляет вместе слова «римский народ и Италия» [Petrasca, 2015, с. 54, 56]. Поскольку в этом письме главный акцент приходится на образ Рима, то на первый план выходит идея италийского единства и актуализируются связи «Рим/Кола ди Риенцо/Италия» и «современный Рим/Древний Рим».

Авиньон в письме III не назван прямо и не охарактеризован. Однако кульминацией письма является рассказ, ради которого письмо и написано, о некоем споре: *... лучше ли будет кругу земель, если город Рим и Италия обретут мир и единодушие...* И в этом споре тот, кто у них считается самым мудрым, дыша ядом, говорил, что мир и единодушие никоим образом не принесут пользы; слова его были горячо поддержаны собеседниками [Петрарка, 2022, с. 19–20]. Поскольку письмо написано из Авиньона, намек на папскую курию и папу Римского здесь предельно ясен; его дополняют крайне негативные характеристики «властителей» [Петрарка, 2022, с. 20], враждебных всему народу Италии.

К письмам, адресованным Кола ди Риенцо, по содержанию и по стилистике примыкает письмо IV – к римскому народу, написанное в Авиньоне в 1352 г. Это обращение к римским гражданам с призывом потребовать выдачи Кола ди Риенцо, взятого под арест и незаконно судимого в Авиньоне церковным, не гражданским судом, без права привлечения адвоката: *Убеждаю и заклинаю вас ... не оставлять вашего гражданина в крайней опасности, но показать, что он – ваш, вытребовав его назад... смело требуйте назад вашего гражданина...* [Петрарка, 2022, с. 31, 32]. В этом письме противостояние папского Авиньона в лице папы Климента VI и его несправедливого суда, с одной стороны, и Рима в лице заключенного Кола ди Риенцо и римского народа, с другой, достигает своей кульминации. Вновь актуализируются связи «Рим/Кола ди Риенцо/Италия» и «современный Рим/Древний Рим»: *... о непобедимый народ мой, покоритель земель... Когда-то ваш трибун, а ныне ... чужой пленник, сидит в тюрьме...* [Петрарка, 2022, с. 21]. В своем страстном призыве освободить римского гражданина Петрарка связывает меж собой Древний Рим и наступление христианской эпохи: *Был ли когда-либо столь прочный мир... как в то время, когда была одна голова у круга земель, и ею являлся Рим? Именно это время удостоилось того, что родился от Девы и сошел на землю Бог, ревнитель мира и справедливости. ... Есть множество свидетельств, что всемогущий Господь хочет видеть высшей главой именно Рим...* [Петрарка, 2022, с. 23–24]. Он устанавливает прочную связь между древнейшими временами римской истории и христианскими добродетелями, упоминая и ту, и другие в едином контексте: *... у ваших отцов никогда не было больше мужества, чем в то время, когда римская бедность была богата добродетелями...* [Петрарка, 2022, с. 34]. Связав между собой христианскую историю и Древний Рим, Петрарка делает еще одно, и весьма резкое, замечание, подчеркивая, что нынешний папский престол враждебен Христу и

христианству: *Христос, ... оглянись на недругов наших (а они в той же мере и Твои) – как много их и как они без всякого основания ненавидят нас, да и Тебя не меньше...* [Петрарка, 2022, с. 24–25].

Мы не стали включать в настоящий анализ письмо VII, в русском издании «Писем без адреса» [Петрарка, 2022] также адресованное Кола ди Риенцо, поскольку оно по общему тону выбивается из полных политических призывов к объединению Италии под властью Рима писем, обращенных к этому адресату. Это обстоятельство является одним из оснований изменить представления о возможном адресате письма и более поздней дате написания [Petrarca, 2015, с. 89].

В заключение подведем итоги проделанного анализа. Из 19 писем сборника мы взяли письма, объединенные адресатами (Филиппу де Кабассоллю, I, XII; Кола ди Риенцо, II, III, и примыкающее к двум последним письмо к римскому народу, IV). Их объединяет место написания (из Авиньона). Кроме того, все они входили в первый вариант сборника «Писем без адреса», датируемый началом 1350-х гг. [Martinez, 2009, с. 291].

Поскольку анонимность является концептуальным принципом всей книги, Петрарка часто не называет города прямо. Для отсылки к городам он использует упоминание рек (Родан с притоками Друенцией и Соргом для Авиньона, Тибр для Рима), название области или страны (Прованс, Италия); упоминание населения (папа Римский и верховные прелаты; римский народ, Кола ди Риенцо). Чтобы охарактеризовать город, Петрарка использует этимологию топонимов; исторические примеры и параллели, в том числе, взятые из христианской истории; отсылки к авторитетным текстам (Т. Ливий, Гораций, Аврелий Августин, библейские тексты).

Во всех письмах сборника прослеживается магистральная тема: противостояние Рима и Авиньона, «господина» и «раба» в терминологии писателя. Не называя имен, Петрарка развивает контраст этих двух образов уже в I-II письмах сборника. Если в письме I образы городов спрятаны за метафорами и аллюзиями, то во II письме семантическое наполнение образов Авиньона и Рима складывается окончательно: Авиньон, папская столица того времени, воплощает собой христианские грехи (надменность, алчность, ложь, похоть, притворное лицемерие), а Рим – идею единства и согласия, свободы и справедливости, идею спасения.

Список литературы

Martinez R. L. The book without a name: Petrarch's open secret (*Liber sine nomine*) // Petrarch. A critical guide to the complete works. Kirkham V., Maggi A. (Eds.) Chicago; London: University of Chicago Press, 2009. – Pp. 291–300.

Petrarca F. *Liber sine nomine* / a cura di Gi. Cascio. Firenze: Casa editrice le Lettere, 2015.

Petrarch. A Critical Guide to the Complete Works. – Chicago, London: University of Chicago Press, 2009. – 542 p.

Piur P. “Buch ohne Namen” und die papstische Kurie. – Halle: Max Niemeyer, 1925. – 486 S.

Августин А. Рассуждение 1: На Ин., 1, 1-5 / пер. с лат. С.А. Степанцова [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/rassuzhdenija-na-evangelie-ot-ioanna/#source (дата обращения: 09.06.2024).

Девятайкина Н.И. Петрарка и Авиньонское папство (по «Письмам без адреса») // Возрождение: культура, образование, общественная мысль. – Иваново: Изд-во Иванов. ун-та, 1985. – 25–40 с.

Ливий. История Рима от основания города. Т. 1. – М.: Наука, 1989. – 576 с.

Петрарка Ф. Письма без адреса. – Саратов: Саратовская гос. консерватория им. Л.В. Собинова, 2022. – 260 с.

Хлодовский Р.И. Франческо Петрарка. Поэзия гуманизма. – М.: Наука, 1974. – 186 с.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ РАСШИРЕНИЯ СЕМАНТИКИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В.В. Робустова

МГУ имени М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

Настоящее исследование посвящено изучению реализации языковой игры с помощью имен собственных в произведении J. Archer “Traitors Gate”. Языковая игра понимается в широком смысле как использование нестандартных языковых форм для объективации определенного смысла. Изучена специфика применения имен собственных для актуализации людической функции, в основе языковой игры может лежать как внеязыковое значение онима, так и употребление в непривычном контексте. Использование онимов в нестандартных контекстах выступает катализатором развития их интерпретирующего потенциала, тем самым создавая основу для расширения семантики имени.

Ключевые слова: *оним; языковая игра; расширение семантики имени*

Развитие креативного мышления, креативных способностей, креативной компетенции находится сегодня в фокусе внимания лингвистов, педагогов, психологов, социологов, философов и представителей других наук. Креативные способности человека проявляются в его деятельности, и коммуникация представляется одним из ведущих каналов реализации креативного потенциала личности. Игра расширяет действительность, делает ее разнообразнее и глубже, дополняет эстетической красотой и острым юмором повседневное общение. В настоящем исследовании анализируется функция имен собственных в языковых играх, определяются основы актуализации игрового потенциала ономастического знака.

Феномен игры в целом и языковой игры в частности емко рассмотрен в статье С.Ж. Нухова «Языковая игра: возможные подходы и трактовки явления» [Нухов, 2012]. В ней автор приводит обзор наиболее важных концепций и работ в этой области: Л. Витгенштейн, Дж. Серль, Э. Митчелл, Б. Мэйсон, Й. Хейзинга, П. Фарб. В рамках настоящего исследования мы понимаем языковую игру как «использование языка для достижения надъязыкового, эстетического, художественного (чаще всего – комического) эффекта» [Норманн, 1994, с. 228]. Языковая игра относится к интеллектуальной игровой деятельности, подразумевающей относительную свободу выбора языковых средств для вербализации смысла высказывания. Языковая игра представляет собой специфический код, где автор определенным образом кодирует сообщение, а реципиент старается его разгадать. Языковая и культурная специфика кода зависит от креативности автора и его фоновых знаний.

«Игру можно рассматривать как некий инстинкт, приводящий в действие творческие способности человека. Говорящих отличает индивидуальный стиль,

их речевые усилия могут выливаться в обыденную речь, достаточно нейтральную и бесцветную, а могут достигать вершин языковой виртуозности в художественной литературе, поэзии, ораторском искусстве. Но как в первом, так и во втором случаях это будет самовыражение языковой личности, проявление ее лингвокреативных способностей» [Нухов, 2012, с. 169]. Изучение творчества в языке тесно связано с раскрытием сути языковой способности, которая подразумевает умение производить и понимать языковые выражения. Творчеством может быть названа любая деятельность, в которой мы сталкиваемся с нетривиальным выбором одного из способов решения проблемы.

О.К. Ирисханова определяет креативность как способность человека творчески конструировать и интегрировать различные ментальные образования в режиме реального общения. «Вербальное общение как одна из сторон творческого освоения мира человеком предполагает, кроме всего прочего, не только способность нашего сознания порождать новые концепты и новые концептуальные структуры, но и строить языковые единицы различной степени конвенциональности для описания мыслей, опыта и человеческой деятельности» [Ирисханова, 2004, с. 17]. Профессор трактует поиск и нахождение новых языковых форм как отражение поисков, передачи, объективации нового мыслительного (концептуального) содержания, что раскрывает проблему связи языкового творчества с теми знаниями о мире и языке, которыми располагает человек, и с его повседневной деятельностью.

Креативная деятельность представляет собой переход от того, что человек знает, к тому, как он раскрывает эти знания в речевых единицах [Кубрякова, 1995]. Е.С. Кубрякова считала, что подлинное творчество в любой деятельности заключается в нахождении новых ассоциаций, комбинировании в единые структуры различных концептов и концептуальных элементов, в стяжении новых концептуальных образований в языковом обозначении. Имена собственные в силу многослойности их семантики представляют собой единицы повышенного лингвокреативного потенциала.

Креативный потенциал использования имен собственных основан на их семантическом богатстве и реализуется в плоскости языкового и внеязыкового аспектов значения онимов. Для понимания языковой игры, основанной на имени, необходима не только языковая, но социокультурная компетенция, автор и реципиент должны обладать одинаковыми фоновыми знаниями относительно упоминаемого онима для его адекватной интерпретации.

Рассмотрим особенности реализации языковой игры с ономастическим компонентом в произведении J. Archer “Traitors Gate” (2023). Языковая игра встречается на всех уровнях языка, но Дж. Арчер в своем произведении использует игру только на уровне семантики, что достигается путем актуализации внеязыкового значения онима и требует соответствующей ономастической компетенции у читателя. Автор использует как названия реальных объектов действительности, так и ономастикон художественных произведений, что позволяет создать эффект реальности происходящего в романе, добавить юмористические нотки повествованию и максимально

актуализировать эстетическую функцию. Рассмотрим три примера, которые используются для юмористического описания пребывания одного из героев в тюрьме.

“*A few weeks later Miles was transferred to **Ford Open Prison**, which felt like a holiday camp compared with **Wormwood Scrubs**” [Archer, 2023, с. 11]. Юмористическая функция реализуется благодаря актуализации значения *Wormwood Scrubs* – тюрьма, в основе интенсификации лежит оксюморон «тюрьма – пансионат-кемпинг», использование онимов добавляет парольную функцию, что позволяет имеющему необходимые фоновые знания читателю насладиться остротой слога автора.*

“*Not many inmates made their way to the library, and almost all those who did headed straight for the crime section in search of a well-thumbed paperback. **War and Peace** had gathered dust on the shelf for the past twenty year, serving its own life sentence” [Archer, 2023, с. 12]. Олицетворение лежит в основе языковой игры, актуализация которой возникает благодаря интерпретирующему потенциалу названия романа Л.Н. Толстого «Война и мир», в фокусе внимания в настоящем контексте сложность и объем произведения. Юмористическая функция достигается при условии наличия фоновых знаний у читателя, и, если в первом примере автор использовал имена нарицательные, помогающие правильно интерпретировать фразу, то здесь «поддерживающие конструкции» отсутствуют.*

“*During those years of incarceration he'd read everything from **Daphne du Maurier to Thomas Hardy**, and by the time he was released, he could have taken an English Degree at **Oxford**, which had turned him down thirty years before” [там же]. Дж. Арчер иронично описывает время, проведенное героем в тюрьме. Персонаж прочитал все, что было в тюремной библиотеке, однако автор использует не стандартную фразу «все книги», а фамилии авторов совершенно разных по жанру написанных произведений – from *Daphne du Maurier* to *Thomas Hardy* – от легкого чтения до фундаментальной литературы. Иронический эффект заключается в помещении в единое смысловое пространство несочетаемых понятий – тюрьма и Оксфорд.*

В следующем примере языковая игра основывается на вкраплении отрицания в устоявшуюся фразу, от читателя не требуется глубоких фоновых знаний и актуализации внеязыкового значения онима достигается путем помещения трансформированного высказывания в определенный контекст, а именно наличия репродукции известной картины в музее, а оригинала в квартире персонажа. “*Something else that must never be allowed to happen, because if she ever suspected **her Christ was not the Saviour**, the first person she'd inform would be her husband” [Archer, 2023, с. 20].*

Дж. Арчер использует разные формы языковой игры для вербализации смыслового наполнения произведения. В следующем примере впервые появляется антропоним, на котором основывается смысловое развертывание сюжетной линии романа. “*I can think of two reasons,” said William. “First, I wouldn't trust their Lordships with the Crown Jewels overnight – after all, there might well be a **Colonel Blood** among them” [Archer, 2023, с. 23]. Автор*

использует не прямую номинацию – предатель, а антропоним, носитель которого имеет неоднозначную трактовку в истории своей страны и этимологическое значение его фамилии как нельзя лучше дополняет рисуемый образ. Юмористический эффект достигается путем актуализации внеязыкового значения антропонима. В произведении данный антропоним встречается несколько раз в разных контекстах. Приведем еще один, где языковая игра строится на актуализации внеязыкового значения имени. *“Just off to take the children to school,” she announced. “What’s the password?” “Colonel Blood,” replied the Governor. “I’m glad to see someone’s got a sense of humour”, his wife replied before going off in search of the children”* [Archer, 2023, с. 277].

*“Go home and spend some time with Berth and the children. Just make sure you’re back at the palace in time to collect the State Crown and Sword before returning them to **the Tower**. Because if they’re not safely back in place by this time tomorrow, it might become your permanent residence”* [Archer, 2023, с. 24]. Как и в примере выше для адекватной интерпретации высказывания требуется актуализации знаний об истории Тауэра. Здесь мы вновь встречаем бленд, а именно помещение в одно пространство несочетаемых понятий «тюрьма – дом», что усиливается историей Тауэра, а точнее его целевым назначением в разные исторические периоды.

*“It turns out,” continued Arthur, “that Bertie Lomax, Gordon’s father, purchased a 999-year lease on number 12A Jermyn Street in 1942 for the princely sum of ten thousand pounds”. “That sounds ridiculously cheap,” suggested Berth. “Not while the Germans were dropping bombs all over London, and it looked as if **Adolf Hitler** might be your next landlord”* [Archer 2023: 49]. Языковая игра основана на актуализации внеязыкового значения антропонима, контекст реализует поддерживающую функцию. Антропоним использован для интенсификации и усиления эмоционально-экспрессивной функции, так как антропоним мгновенно рисует образ его носителя, пробуждая эмоциональную реакцию читателя.

*“You’re looking gorgeous, my darling,” gushed Christina, although Beth was well aware she was once again **playing Amelia Sedley to her friend’s Becky Sharp**”* [Archer, 2023, с. 55]. Аллюзия на классическое произведения В. Теккерея «Ярмарка тщеславия» иронично передает особенности отношений героинь. Онимы позволяют в компрессивной форме передать одновременно сложность взаимоотношений и добавить ироническую нотку в повествование. Языковая игра построена на внеязыковом значении онима, подразумевает наличие определенных фоновых знаний у читателей.

*“On one occasion Ross had suggested to Berth they might add **Ian Fleming** to their reading list only to be greeted with a short, sharp shake of the head. “One **James Bond** in the house is quite enough,” was her only comment on the subject”* [Archer, 2023, с. 79]. Юмористический эффект основан на контекстуальном использовании онима, именно сюжетная линия произведения выступает катализатором возникновения языковой игры. Супруг героини является полицейским.

*“You’ll already know he’s been promoted to Chief Superintendent, but you may not be aware that he’s being strongly tipped as a future commissioner”. “He’ll be lucky to end up as **the commissioner of his local Odeon**, with his sidekick selling the ice creams by the time I’ve finished with them”* [Archer, 2023, с. 167]. Языковая игра получает реализацию на фонетическом уровне благодаря схожести звучания двух разных понятий, интенсификация юмористического эффекта заключается в добавлении названия кинотеатра и конструировании на основе оксюморона полярных образов: «комиссар – швейцар».

*“You’ve done wonders with this café,” said Christina, deliberately changing the subject. “It may be **the Fitz** and not **the Ritz**, but a great improvement on the last time I was here”* [Archer, 2023, с. 172]. Здесь так же видим построение языковой игры на основе фонетического подобия, но для смысловой реализации необходима актуализация внеязыкового значения онимов. Изысканность интерьеров музейного кафе рисуется с помощью отсылки к комфорту и роскоши известной сети фешенебельных отелей.

*“How’s business been lately?” “Up and down, like **Tower Bridge**”* [Archer, 2023, с. 179]. Юмористический эффект возникает благодаря использованию нестандартного сравнения, использования онима в непривычном для него контексте. Именно контекст выступает катализатором реализации игровой функции.

*“A long silence followed before William finally said, “The press would hail Faulkner as the new **Raffles**, while I would be cast as **Inspector Clouseau**”* [Archer, 2023, с. 317]. Языковая игра основана на внеязыковом значении онимов, юмористический эффект достигается только в случае актуализации соответствующих фоновых знаний у читателя. Красочность рисуемых образов напрямую зависит от степени знакомства с величайшим криминальным героем Раффлсом и катастрофически некомпетентным инспектором Жаком Клузо. Гротескная противоположность помещенных в одно смысловое пространство образов усиливает иронический эффект.

*“And the rest of the team?” the Hawk asked. “Trying to put **Humpty Dumpty back together again**”. The Hawk laughed for the first time in days”* [Archer, 2023, с. 351]. Языковая игра основана на смешении исходного образа персонажа и обстоятельств нового контекста употребления, когда герои пытались поставить упавшую статую Принцессы Дианы в музей Мадам Тюссо, что дает возможность актуализации нескольких смысловых пластов, позволяющую развернуть интерпретирующий потенциал онима не только для передачи комичной ситуации, но и намек на монархические отношения в целом.

Языковая игра с использованием имен собственных может строиться как на актуализации внеязыкового значения онима, так и на помещении его в необычный для него контекст. Для реализации людической функции степень актуализации внеязыкового значения может быть различной, а объем знаний читателя о том или ином носителе имени расширяет/сужает создаваемые автором анализируемого произведения картины. Как в первом, так и во втором случае, языковая игра строится на расширении семантики имени собственного, развитии его интерпретирующего потенциала, что делает возможным

использование онимов в нестандартных для них контекстах для реализации юмористической, эстетической, парольной и иных функций языка. Языковая игра основана на актуализации внеязыкового значения онима, требует соответствующего объема фоновых знаний читателя, основывается на наличии определенного уровня сформированности ономастической компетенции у реципиента.

Список литературы

- Archer J. Traitors Gate. – London: Harper Collins Publishers, 2023.
- Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. – М.: Издательство ВТИИ, 2004. – 352 с.
- Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века / Ред. Ю.С. Степанов. – М.: Ин-т яз-я РАН, 1995. – С. 144–238.
- Норманн Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во С.Петербург ун-та, 1994. – 227 с.
- Нухов С.Ж. Языковая игра: возможные подходы к трактовке явления // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 1. – С. 165–170.

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ МЕТАЯЗЫКОВОГО КОММЕНТАРИЯ В «СЕМЕЙНОМ АЛЬБОМЕ» М. Л. МАТУСОВСКОГО

И. Г. Родионова

Пензенский государственный университет

(Пенза, Россия)

Обоснован выбор ономастической лексики разных разрядов в качестве объекта метаязыкового комментария в автобиографическом произведении М. Л. Матусовского «Семейный альбом». Выделены и проанализированы типы метаязыковых комментариев имён собственных. Делается вывод о том, что включение метаязыковых суждений в текст «Семейного альбома» позволяет читателю получить более полное представление о личности автора и является одной из черт идиостиля М. Л. Матусовского.

Ключевые слова: *ономастическая лексика; метаязыковой комментарий; интерпретация; языковая единица; автобиографический текст*

Михаил Львович Матусовский известен прежде всего как поэт-песенник. Однако в его творческом наследии есть место прозаическому произведению, имеющему автобиографический характер. Это «Семейный альбом», содержащий воспоминания автора о детских и юношеских годах, дневниковые записи времён Великой Отечественной войны, впечатления от поездок, размышления о профессии и песенном творчестве, заметки об отечественных поэтах и писателях и т. д.

Анализ текста «Семейного альбома» позволил сделать вывод о том, что описание автобиографических фактов и событий в этом произведении сопровождается метаязыковыми комментариями. Под метаязыковым комментарием понимается «эксплицитное интерпретативное вербальное замечание, касающееся разнообразных аспектов употребления языковых знаков и являющееся продуктом осмысления говорящим своей коммуникативной интенции и стратегий, способствующих пониманию текста адресатом» [Кравцова, 2012, с. 130].

Объём и состав корпуса комментируемых в том или ином тексте языковых единиц и фактов, аспект и полнота их описания обусловлены личным

опытом говорящего, в том числе языковым, который проявляется в необходимости и даже потребности обратить внимание на языковую единицу, интерпретировать её, выразить отношение к названной ею реалии. Включение метаязыковых комментариев в автобиографическое произведение определяется осознанным желанием автора сделать текст более понятным для адресата, передать ему своё отношение к языку и миру, вступить с ним в своеобразный виртуальный диалог. Читателю метаязыковой комментарий помогает более точно представить описываемую реалию или ситуацию, понять замысел автора, почувствовать его настроение, осмыслить факт его биографии.

В «Семейном альбоме» М. Л. Матусовского объектом метаязыкового комментирования часто становится ономастическая лексика. «Имя в литературном произведении играет очень важную роль – ориентира во времени и пространстве», – справедливо отмечает А. В. Суперанская [Суперанская 1973, с. 30]. Являясь индивидуальными обозначениями предметов, имена собственные в автобиографическом тексте приобретают дополнительную функцию – они становятся смысловым центром повествования, отражая вехи биографии автора, называя имена людей, с которыми его свела жизнь и которые оказали влияние на формирование его личности, показывая места событий. Иными словами, имена собственные в автобиографическом тексте являются своеобразными знаками языковой картины мира автора, и их метаязыковое комментирование чрезвычайно важно для передачи – с одной стороны, и для осмысления – с другой, идейного замысла произведения. Данными факторами определяется актуальность проведённого исследования.

Объектом метаязыкового комментирования в «Семейном альбоме» становятся имена собственные разных разрядов, а именно:

- антропонимы (имена собственные, называющие человека): *Могу засвидетельствовать, как он (режиссёр И. А. Пырьев – И. Р.) был влюблён в Дунаевского, как ласково называл его милым именем Дуня, Дунечка, как удивлённо и восторженно смотрел на него, когда Исаак Осипович садился за рояль; А то ещё был у него рассказ про соседского паренька Димку Булгача, который во время выступления в цирке «Палас» дрессировщика, носившего какое-то чудное заграничное имя – не то Бен Али Саид, не то Саид Али Бен, – утащил маленького львёнка; На углу, сидя на козлах, дремал городской извозчик с безнадёжной фамилией Могила;*

- топонимы (названия географических объектов): *Час езды от Крестцов, и мы оказываемся в «столице» Северо-Западного фронта, в городе, в котором, шутя, любят прихвастнуть, что, мол, наши пригороды – это с одной стороны Ленинград, а с другой – Москва; в городе, в имени которого слышится перезвон ямщицких поддужных колокольцев (о Валдае); Вот и Градобить – село, название которого годится для древнерусских былин; С тех пор сохранились названия улиц, такие, например, как Кузнецовская, где всегда можно было набить обруч на колесо и подковать коня; А реки здесь называются так, что каждое имя просится в народную песню: Хоби, Ногела, Абаша, Цхенисцкали, Губисцкали; Что подадут пассажирам авиалайнера, летящего в Дели, утром на завтрак? Гималаи. Это – не*

фигуральное выражение, а так оно и есть на самом деле, ибо люди даже не замечают, что ставят перед ними стюардессы на пластиковых подносах, и не отрываясь смотрят в иллюминаторы: там в клочьях облаков, в росчерках хребтов и внезапных вспышках горных рек, фокусирующих солнечные лучи, торжественно, с полным сознанием своего величия появляются Гималаи; Сейчас у туристского Селигера, где, забыв все земные заботы, как святые на Ганге, сидят рыболовы; где на каждом островке хотелось бы остаться; где от музыки одних названий, придуманных когда-то неведомым народным поэтом: деревня Неприе или Кравотынь, остров Городомля или озеро Стерж, – заходится сердце;

- эргонимы (названия организаций и объединений): *«Сосной» закодированно называли нашу редакцию на фронте. Это звучало особенно забавно, когда редактором газеты одно время был подполковник Ракита и дежурный телефонист спрашивал: «Это "Сосна"? Позовите к аппарату Ракиту». Подслушивающий такой телефонный разговор вражеский лазутчик мог быть сбит окончательно с толку; «Может, скажешь, ты и на Сенно-Заготовительном был?» – так армейские остряки, как известно никого не щадящие ради красного словца, в шутку расшифровывали название нашего фронта – СЗФ, сражавшегося в топях и трясилах Северо-Запада;*

- прагмонимы (названия результатов практической деятельности людей): *В 1930 году вышел первый сборник Павла Беспощадного, принесший ему признание, – «Каменная книга», одно название которого представляется мне поэтичным и значительным; Орудия называют: Марфуша, Катюша. Надо же так тосковать по женщинам, чтобы пушки называть женскими именами.*

В лингвистической науке отсутствует единая классификация метаязыковых комментариев, поскольку они, являясь результатом индивидуальной интерпретации явлений и фактов языка, разнообразны как по содержанию, так и по форме. Однако, несмотря на это, видится возможным выделить три основных типа метаязыковых высказываний в тексте:

1. Представления о языке, языковых единицах и отношениях между ними, основанные как на научных знаниях и объективных фактах, так и на наивном понимании языковых явлений. Подобные представления могут содержать информацию о происхождении и значении лексической единицы, её системных и ассоциативных связях с другими словами, о способах и мотивах номинации и т. п.

2. Характеристика языковой единицы и языкового факта, основанная на особенности их восприятия индивидом и содержащая оценку единицы с точки зрения ценностного и эмоционального отношения к ней говорящего, достоверности вводимого ею сообщения, указания на источник и под.

3. Способы актуализации, применения языковой единицы в конкретной речевой ситуации.

Рассмотрим метаязыковые комментарии ономастической лексики в «Семейном альбоме» М. Л. Матусовского в соответствии с выделенными типами.

1. Представления о языке, языковых единицах и отношениях между ними отражают:

а) факты и мотивы номинации топонимических объектов: *Мы учимся с Мотькой в строительном техникуме на бывшей Казанской, переименованной в улицу Карла Маркса; Человек, в честь которого село Погорелое, спасённое партизанами от гибели, местные жители переименовали в Хониново; Так и остался Айрапетян в городе и поселился на Канавной улице, одно название которой говорит само за себя;*

б) ненаучное, субъективное объяснение происхождения топонима: *Какой-то самодеятельный фронтовой лингвист пустил слух, что название посёлка (Яжельбицы – И. Р.) пошло якобы от воинственных слов: «Я желаю биться», и это изыскание охотно было принято на веру всеми, кто проезжал эти края;*

в) ассоциативные связи между языковыми единицами: *Редко выпадает в бою такая удача, и он закричал своему механику-водителю с артиллерийской фамилией Пушкирский: «Давай жми на всю катушку!»*

2. В анализируемом произведении широко представлены метаязыковые высказывания, отражающие авторскую оценку онима.

Оценка антропонима имплицитно проецируется на объект именованного: *Есть у Мотьки сестра с весёлым и тоненьким именем: Роня; Неплохие результаты давала такая уловка: надо было громко, как бы обращаясь к своему соседу, а на самом деле стараясь, чтобы тебя расслышали впереди идущие, заявить: «А я знаю, как зовут этих девочек» – и, заинтриговав их, сразу же начать выпаливать имена как можно почуднее – такие, как Секлетя или Антиподия.*

Оценка топонима может выражаться метафорически: *А все эти подмосковные названия: Ельня, Боровск, Лопасня, Дорогобуж, в каждом из которых во всей чистоте и первозданности сохраняется поэзия русской речи* или подкрепляться сравнением: *И вспоминались необычные названия деревень, такие, как Мокрый Остров, Ижицы, Взгляды или Миронеге, будто попавшие на знакомые валдайские дороги прямо из поэтического словаря Велимира Хлебникова.* Оценочные метаязыковые высказывания отражают значимость топонимического объекта в судьбе индивида: *Мой собеседник был буквально начинён всевозможными фронтовыми историями, он кончал одну и начинал новую. Я мог его понять, он давно тосковал по такому разговору, а тут ему подвернулся подходящий человек, для которого совсем не пустой звук – и озеро Ильмень, и станция Пола.*

3. В «Семейном альбоме» М. Л. Матусовского используются метаязыковые суждения, отражающие способы актуализации онима в речи. При этом обращает на себя внимание использование в комментариях данного типа метаязыковых глаголов *звать, именовать* и их производных. Непосредственно на способ актуализации онима в конкретной речевой ситуации указывают зависящие от метаязыкового глагола лексемы. Высказывания, в которых описываются особенности использования антропонимов, помогают читателю увидеть характер взаимоотношений между людьми: *Санитарке Вере Чуриной двадцать лет, а в батальоне все её звали*

уважительно, как зовут учительницу в школе: Вера Николаевна; отражают особенности именования человека в определённом возрасте: Играя на самых низменных чувствах и толкая меня на путь коррупции и продажности, Софочка невинно говорила: «Мика, – так уменьшительно звали меня в детстве, – хочешь, я подарю тебе листок с переводными картинками?»; показывают специфику общения в профессиональной среде: Оказывается, они (учительницы Крымаковы – И. Р.) были связаны с партизанами, не боялись в меру своих сил и возможностей помогать им, и в их доме одно время располагался штаб партизанского вожака Николая Васильева и его комиссара Сергея Орлова, который, кстати сказать, учился когда-то у сестёр Крымаковых и которого старушки по учительской привычке, несмотря на то что он был большим начальником, звали Серёжей, в том числе с учётом служебного положения и социального статуса участников речевого акта: Когда артисты спели и протанцевали всё, что могли, в гулком нетопленном зале поднялся старший батальонный комиссар, ведавший отправкой актёрских бригад на фронт и потому запросто называвший Жарова Мишей, а Утёсова Лёдей.

Отметим, что метаязыковые комментарии, отражающие авторскую оценку онима и способ его актуализации в речи, могут использоваться в одном контексте: *Я считаю, что он даже слишком красив для мальчишки. Не случайно и зовут его Мотькой, не Матвеем, а Мотькой, именем нейтральным, которым в равной степени можно звать и мальчика и девочку; Композитор Борис Смит, именовавшийся до войны так по-заграничному, вероятно, потому, что эффектно звучало в устах конферансье объявление: «Выступает джаз-оркестр под управлением Бориса Смита», – так вот, композитор Борис Смит, а на самом деле просто Боря Карамышев, руководил духовым оркестром нашего фронта.*

Таким образом, на основании сказанного можно сделать вывод, что включение в текст «Семейного альбома» метаязыковых комментариев, объектом которых является ономастическая лексика разных разрядов, многоаспектная авторская интерпретация онимов позволяет читателю получить более полное представление о личности М. Л. Матусовского, об основных этапах его жизни. Наличие метаязыковых комментариев в автобиографическом тексте является одной из черт идиостиля М. Л. Матусовского.

Список литературы

Кравцова Т. А. О некоторых типах метаязыкового комментария (на материале художественных текстов) // Филология и человек. – 2012. – № 2. – С. 129–135.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 367 с.

КИТАЙСКИЕ ОНИМЫ В РУССКОМ ТЕКСТЕ: НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. К. АРСЕНЬЕВА

Цзян Синьхао

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград, Россия)*

В статье рассматриваются китайские онимы, включённые В. К. Арсеньевым в свои художественные произведения. Эти китайские имена собственные обладают национально-культурной спецификой и отражают историю и природу Дальнего Востока.

Ключевые слова: *китайские онимы; антропонимы; топонимы; хрононимы; национально-культурная специфика имен собственных; В. К. Арсеньев*

Имена собственные являются важной частью художественного текста. Они именуют главных действующих лиц, места, в которых разворачивается повествование, могут характеризовать темпоральные особенности событий, выступают в качестве фона, на котором осуществляются действия персонажей. «Имена и название являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. Они могут нести ярко выраженную смысловую нагрузку, и обладать скрытым ассоциативным фоном, и иметь особый звуковой облик; имена и названия способны передавать местный колорит, отражать историческую эпоху, к которой относится действие художественного произведения, обладать социальной характеристикой» [Горбаневский 1988, с. 4].

Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930) является известным русским географом, этнографом, путешественником, писателем и исследователем Дальнего Востока. Он отдал почти свою жизнь делам исследования этого края, за 30 лет совершил 12 раз экспедиций. Благодаря его многолетним усилиям были стёрты многие белые пятна с карты Дальнего Востока. Организованные им экспедиции по исследованию горной области Сихотэ-Алиня в 1906–1910 годы внесли большой вклад в российскую науку. Собранные им этнографические и археологические материалы поступили в музеи России [Егорчев 2012, с. 99].

На основе своих экспедиций В. К. Арсеньевым был написан целый ряд научных и художественных произведений: «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг.», «Дерсу Узала», «Китайцы в Уссурийском крае», «Сквозь тайгу», «В горах Сихотэ-Алиня» и др. Большинство его книг относится к Дальнему Востоку.

История взаимодействия и сотрудничества России и Китая, русских и китайцев насчитывает более 400 лет. В 1618 году первое русское посольство, возглавляемое Иваном Петлиным, посетило Пекин для установления дипломатических отношений между странами. В 1689 году был подписан Нерчинский договор, который впервые определил границу между Россией и Китаем, в Нерчинске начинает бурно развиваться пограничная торговля. В 1860 году был подписан Пекинский договор, после этого Уссурийский край становится частью Российской империи.

С этого времени начинается топонимическое освоение новой территории, на географические карты попадают названия, которые употреблялись местными поселенцами, прежде всего гидронимы и оронимы [Зуенко, 2021, с. 83]. В произведениях В. К. Арсеньева встречаются не только русские имена, фамилии, названия географических объектов, но и единицы разных разрядов китайских онимов.

Единицы распределяются в ономастическом пространстве неравномерно: некоторые часто включаются в текст, другие же имеют единичное употребление. Для понимания причин различий в функционировании онимов разных разрядов в произведениях целесообразно применить полевой подход к совокупности имён собственных. В. И. Супрун считает, что в ономастическом поле выделяется ядро, к которому относят антропонимы, представляющие собой «собственное имя по преимуществу» [Белецкий, 1972, с. 161]. К ним примыкают смежные разряды (зоонимы, теонимы, мифонимы). Топонимы распределены в ономастическом поле в ядре, околождерном пространстве и периферии в зависимости от местоположения на шкале *язык – речь*. Периферию, имеющую ближнюю, дальнюю и крайнюю зоны, составляют остальные разряды имён собственных: гемеронимы, геортонимы, фалеронимы, документонимы, прагмонимы, эргонимы, товаронимы и др. [Супрун, 2000, с. 17].

С учётом полевого подхода рассмотрим функционирование антропонимов в произведениях В. К. Арсеньева. Самым частотным китайским антропонимом текста писателя является имя охотничьего старшины *Чжан бао*. Его настоящее имя – Чан Гинчин, он с 1880 до 1908 г. был начальником дружины, организованной для борьбы с хунхузами в Уссурийском крае [АСС: 182]. Это была весьма авторитетная личность в регионе от Кусуна до залива Ольги. В книге «В дебрях Уссурийского края» его имя встречается 88 раз. С первой встречи Чжан бао выражает уважительно отношение В. К. Арсеньеву и в дальнейшем он оказывает помощь экспедиции: *Пришлось мне сидеть на месте до сих пор, пока рана на ноге не зажила как следует. Через три дня я уже мог ходить, а через неделю совсем оправился. Чжан бао несколько раз навещал меня. От него я узнал много интересного* [АВДУК, с. 156].

Второе по частотности имя в произведениях В. К. Арсеньева – *Чжан Цзолин*. Так зовут китайского генерала с богатой биографией. Он родился в 1870 году. Некоторое время он был хунхузом. Так китайцы звали бандитов Северо-Восточного Китая: 红胡子 [*hóng húzi*], буквально ‘краснобородые’, потому что в начале своего развития они маскировали внешность при помощи фальшивых бород красного цвета, заимствованных из обихода традиционного китайского театра [Соковнин, 1903]. Чжан Цзолин участвовал на стороне Японии в Русско-японской войне 1904–1905 гг. По окончании войны вместе с отрядом перешёл в ряды регулярных китайских войск, где получил видный военный пост. В 1911 году он был назначен военным губернатором Маньчжурии (трёх восточных провинций: Фэнтянь, Гирин и Хэйлунцзян). В 1918 году пекинское правительство официально признало его власть над Маньчжурией. В 1922 году генерал объявил о своей независимости от Пекинского правительства. В 1925 году Чжан Цзолин подписал договор с СССР, который ранее был заключён СССР с Пекинским правительством. В апреле 1928 года он погиб при взрыве поезда, на котором генерал возвращался из Пекина в Мукден. Полагают, что взрыв был организован японцами за попытку Чжан Цзолина уйти из-под японского покровительства. Когда В. К. Арсеньев проводил экспедиции в Уссурийском крае, Чжан Цзолин был

военным губернатором Маньчжурии, многие важные дела были связаны с ним и их решение зависело от него: *Дороговизна жизни в Хунчуне и возможность устроиться в инородческой семье лучше материально служили большой приманкой для маньчжур, и многие из них, отправившись на промыслы в Уссурийский край, не возвращались в Хунчун обратно, а остались там навсегда. Последнее обязательство заставило хунчунского Цзо-лина, являющегося ответчиком перед своим правительством за численность знаменного войска, принимать меры к розыску беглецов, но беглецы эти уходили ещё дальше вглубь страны, и нередко были случаи, когда посланные на розыски их не возвращались тоже* [АКУК, с. 106].

В книгах В. К. Арсеньева обнаруживаются многие китайские исторические имена, в том числе такие специфические ономастические единицы, как девизы правления китайского императора: *Была надежда на иезуитов-миссионеров, посетивших в начале XVIII столетия Приамурский край по приказанию императора Кан-си, что у них найдутся сведения об Уссурийском крае более подробнее* [АКУК, 1914, с. 65]. *По Хюку, напротив, до императора Дао-гуана китайцам запрещено было переселяться в Сунгарийский край и особенно возделывать там землю* [АКУК, 1914, с. 61]. Оба этих имени императоров на самом деле являются избранными ими девизами правления. Четвёртый представитель маньчжурской династии Сюань, правивший 61 год с 1662 по 1723 год, выбрал себе девизом 康熙 [*kāngxī*], буквально «Процветающее и лучезарное», с этим именем он и вошёл в историю. Восьмой император маньчжурской династии Цин Айсиньгёро Мяннин (1782–1850) назвал себя Даогуан – 道光 «Целенаправленное и блестящее» [Непомнин, 2005].

Поскольку произведения В. К. Арсеньева в значительной степени посвящены описанию географии Дальнего Востока, неудивительно, что в них обнаруживается большое количество китайских топонимов. Иногда автор подробно рассказывает историю топонима и называет его варианты. В качестве одной из целей экспедиции В. К. Арсеньева 1906 года было изучение горной области на Дальнем Востоке Сихотэ-Алинь. В книге «Китайцы в Уссурийском крае» этот ороним повторяется 48 раз: *Водораздел, отделяющий Зауссурийский край от бассейна Уссури, на картах назван Сихотэ-Алинем. Название это маньчжурское и, вероятно будет истинным. Местные китайские охотники называют его Си-хо-да-Линь и по-своему производят его от слов си - запад, хо - река, да - большой, линь - хребет. При таких иероглифах перевод будет: Западных больших рек хребет. Иногда Китайцы называют Сихотэ-Алинь другим именем, например, Лао-линь, что означает Старый перевал, в смысле седой, древний, Да-лин, то есть Большой перевал* [АКУК, с. 79].

В этой же книге отмечены другие китайские оронимы данного региона: *Западная граница этого района проходит по хребту Лао-сун-лин (то есть старый сосновый хребет), отделяющий бассейн реки Хунчунхэ от рек, несущих свои воды в море* [АКУК: 8]. *Другое племя фу-юй жило по обеим сторонам хребта Чань-бо-шаня, но было истреблено соседями* [АКУК, с. 53].

Важное место в его произведениях занимают гидронимы. Река Уссури упоминается в книге «Китайцы в Уссурийском крае» 73 раза. В. К. Арсеньев даёт также её китайское название: *Местные китайцы страну также называют У-су-ли-цзян, т.е. Большая река Уссури* [АКВГ, с. 175]. Иногда в тексте встречается целая гроздь гидронимов: *Жемчуг добывается в Уссурийском крае по рекам Бикину, Иману, Баку, Ното, Даубихэ, Улахэ, Фудину и в Маньчжурии по рекам Муреню, Нору, Мудацияну и Сунгари* [АКУК, с. 146].

Довольно часто встречаются в книгах В. К. Арсеньева названия китайских городов. В одном из отрывков перечисляются астионимы, которыми обозначаются места ссылки преступников, при этом он опровергает мнение о том, что китайцы сослали бандитов и воров в Уссурийский край: *Уссурийский край никогда не был местом ссылки преступников, как это часто приходится слышать. Заключение это выведено только из этого, что русские застали в нем преступный элемент. Наоборот, в литературе мы находим указание на другое действительно место ссылки: Города **Нингута** и **Гирин**, лежащие в самом центре Сунгарийского края, а еще более находящийся уже за пределами собственно Маньчжурии, на Амуре, город Айгун издавна упоминаются как места ссылки. **Айгун** и окрестности его вверх и вниз по Амуру имеются и в тех случаях в виду, когда речь идет лишь просто о ссылке на Амур. Палладий называет в числе ссылочных мест **Хулань**, **Хулнь-Буир** и особенно **Цицикар**, куда высылается наибольшее число преступников, и при том самых тяжких* [АКУК, с. 67].

Итак, в художественных и научно-публицистических произведениях В. К. Арсеньева встречаются разные виды имен собственных, которые отражают национально-культурную специфику. Они играют текстообразующую роль, сообщают читателю о китайцах и представителях других национальностей Дальнего Востока и Приамурья, о местах действия героев и природных объектах. Знакомство с текстами писателя и учёного позволяет определить уровень и объём русско-китайских взаимоотношений конца XIX – начала XX века

Список источников

АВДУК – Арсеньев В. К. В дебрях Уссурийского края. – Хабаровск: Книжное дело, 1928. – 456 с.

АКВГ – Арсеньев В. К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. – Хабаровск: Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1921. – VI + 335 + XIX с.

АКУК – Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнографический // Записки Приамурского отдела Русского географического общества. Т. X, вып. 1. – Хабаровск: тип. Канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1914. – 203 с.

АСС – Арсеньев В. К. Собрание сочинений в 6 томах. Том II. – 2-е изд., доп. – Владивосток: Изд-во альманаха «Рубеж», 2011. – 608 с.

Список литературы

Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания: Ономастика. – Киев: Изд-во Киев. гос. ун-та, 1972. – 212 с.

Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе: Ономастические этюды. – Москва: Изд-во УДН, 1988. – 88 с.

Егорчев И. Н. В. К. Арсеньев, известное и неизвестное // Записки Общества изучения Амурского края. – 2012. – №. 1(11). – С. 98–119.

Зуенко И. Ю. Китаеязычная топонимика Приморского края как результат межкультурного взаимодействия в Дальневосточном регионе // Известия Восточного института. – 2011. – №1. – С.83–87.

Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин: XVII – начало XX века. Москва: Вост. литер., 2005. – 712 с.

Соковнин М. А. Хунхузы Маньчжурии // Военный сборник. – 1903. – № 12. – С.194–218.

Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

АНГЛИЙСКИЕ ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖЕЙН ОСТИН «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»)

Э. Н. Шехтман, С. В. Мангушев

*Оренбургский государственный педагогический университет
(Оренбург, Россия)*

Данная статья посвящена проблеме употребления форм обращения, принятых в английском обиходе в конце XVIII – начале XIX века, при этом данные устные и письменные формы обращения рассматриваются на материале классического английского романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение». Рассматриваются формы обращения супругов, детей и родителей, родственников, друзей и знакомых, а также формы обращения к домочадцам и слугам.

Ключевые слова: формы обращения; обращения к родственникам; устные обращения; письменные обращения; обращение по имени; обращение по фамилии с именем и без имени

Формы обращения в конце XVIII – начала XIX вв. в Англии были, в отличие от современных, строго регламентированы, формализованы и ограничены. Проследить за их употреблением позволяет изучение текста романа Джейн Остин (1775 – 1817) «Гордость и предубеждение», впервые опубликованного в 1813 году (Jane Austen “Pride and Prejudice”).

Остановимся сначала на обращениях друг к другу супругов. Даже в кругу семьи жены и мужа обращаются друг к другу, употребляя «мистер + фамилия» или «миссис + фамилия». Так, роман начинается диалогом супругов Беннет: “*My dear Mr. Bennet,*” said his lady to him one day, “*have you heard that Netherfield Park is let at last?*” [Austen 1961: 23], далее муж обращается к жене: “*There, Mrs. Bennet*” [Austen 1961: 79] или в другом месте: “*Your mother insists upon your accepting it. Is that so, Mrs. Bennet?*” [Austen, 1961, с. 126], несколькими фразами позже следует обращение жены к мужу: “*What do you mean, Mr. Bennet, by talking in this way?*” [Austen, 1961, с. 127]. Или: “*Mrs. Bennet, before you take any, or all of these houses for your son and daughter, let us come to a right understanding*” [Austen, 1961, с. 304].

Дети, обращаясь к родителям, называют их довольно официально *madam* (“*ma’am*”) и *sir*, но также иногда *mamma* и *papa*: “*Very well – and this offer of marriage you have refused?*” спрашивает м-р Беннет Элизабет. “*I have, sir,*” – отвечает она [Austen, 1961, с. 126]. Или в другом месте Элизабет говорит отцу:

“Thank you, sir, but a less agreeable man would satisfy me” [Austen, 1961, с. 150]. К матери Элизабет обращается так: “Dear ma’am, do not go. I beg you will not go. Mr. Collins must excuse me” [Austen, 1961, с. 119]. Особенно такая форма употребления обращения к матери уместна в присутствии посторонних: “For heaven’s sake, madam, speak lower. What advantage can it be to you to offend Mr. Darcy? You will never recommend yourself to his friend by so doing” [Austen, 1961, с. 115]. Или: “This is the consequence, you see, madam, of marrying a daughter,” said Elizabeth [Austen, 1961, с. 322]. Элизабет обращается к матери иногда и неформально: “But you forget, mamma, said Elizabeth, “that we shall meet him at the assemblies” [Austen, 1961, с. 26] или “Indeed, mamma, you are mistaken,” said Elizabeth, blushing for her mother [Austen, 1961, с. 61]. Элизабет обращается таким же образом и к отцу: “Oh, papa, what news?” [Austen, 1961, с. 296]. И тут же Джейн и Элизабет обращаются к нему несколько более официально: “My dear father, I congratulate you” и “Oh, my dear father” [Austen, 1961, с. 297].

Другая дочь Беннетов, Китти, простодушно спрашивает у матери в присутствии м-ра Бингли: “What is the matter, mamma? What do you keep winking at me for?” [Austen, 1961, с. 336].

Обращение *madam* употребляется Дарси по отношению к родной тётке: “I assure you, madam,” he replied, “that she does not need such advice <...>” [Austen, 1961, с. 182].

При обращении к родственникам более широко, чем с настоящее время, употреблялись слова, обозначающие термины родства. Так, старшая из сестёр Беннет, Джейн, обращается в письме к своей младшей сестре, Элизабет Беннет: “By this time, my dearest sister, you have received my hurried letter” [Austen, 1961, с. 271]. А м-с Беннет, обращаясь к родному брату, говорит: [Austen, 1961, с. 283] “...if you are not kind to us, brother, I do not know what we shall do” и далее: “Oh! my dear brother,” replied Mrs. Bennet, that is exactly what I could most wish for” [Austen, 1961, с. 284].

М-р Гардинер начинает письмо к м-ру Беннету, мужу своей родной сестры, словами: “MY DEAR BROTHER” [Austen, 1961, с. 296]. В начале писем в обращении употребляется капитализация, написание прописными буквами. Вот как начинается письмо к Элизабет Беннет её тётка м-с Гардинер:

“MY DEAR NIECE –

“I have just received your letter, and I shall devote this whole morning to answering it <...>” [Austen, 1961, с. 314] (капитализация, абзацы и пунктуация сохранены).

В письменном ответе Элизабет обращается к м-с Гардинер: “My dear aunt” [Austen, 1961, с. 372].

М-с Беннет обращается как к сестре к жене своего брата: “Oh, sister! It is very hard to think that she might have been Mr. Collins’s wife by this time, had not it been for her own perverseness” [Austen, 1961, с. 152]. И далее там же: “The Lucases are very artful people, indeed, sister” [Austen, 1961, с. 152].

К родной сестре она, естественно, обращается таким же образом: “Well, well, and so Mr. Bingley is coming down, sister” (for Mrs. Philips first brought her the news)” [Austen, 1961, с. 323].

Близкая и любимая старшая сестра, Джейн, обращается к Элизабет: “*My dearest sister, now be, be serious*” [Austen, 1961, с. 364], но на этой же странице мы встречаем и её краткое и ласковое обращение к Элизабет “*Lizzy*” [Austen, 1961, с. 364].

Часто родственники, даже самые близкие, в разговорах с третьими лицами обозначаются сочетаниями терминов родства с фамилиями, так, например, м-с Беннет говорит: “*I told my sister Philips so the other day*” [Austen, 1961, с. 230]. Китти говорит: “*And my aunt Philips is sure it would do me a great deal of good*” [Austen, 1961, с. 232]. В речи м-с Беннет, обращённой к м-ру Бингли, встречаем: “*It was my brother Gardiner’s drawing up, too, and I wonder how he came to make such an awkward business of it*” [Austen, 1961, с. 328].

Обращение «дочь», однако, не было принято (см.: [Демурова, 1989, с. 366]). Так, м-с Беннет обращается к дочерям либо просто по имени, либо следующим, более формальным образом: “*But I tell you what, Miss Lizzy, if you take it into your head to go on refusing every offer of marriage in this way, you will never get a husband at all <...>*” [Austen, 1961, с. 128].

Породнившись с семьёй Беннет благодаря браку с Лидией Беннет, Джордж Уикхем начинает обращаться к Элизабет “*sister*”, а её дядю и тётку Гардинеров начинает называть своими (или их общими) дядей и тёткой: “*I am afraid I interrupt your solitary ramble, my dear sister?*” said he, as he joined her <...> [Austen 1961: 319]. “*And so, my dear sister, I find, from our uncle and aunt that you have actually seen Pemberley*” [Austen, 1961, с. 319].

В этой же беседе Элизабет чуть ниже говорит Уикхему: “*Come, Mr. Wickham, we are brother and sister, you know*” [Austen, 1961, с. 321]. Тем не менее, как видно из этого примера, будучи более искренней и непосредственной, а также зная теперь всё об истинном характере Уикхема, сама Элизабет не обращается к Уикхему “*brother*”.

Опущение имени при фамилии имеет определённое значение. Так, Джейн Беннет, старшую из сестёр Беннет, называют и при обращении, и в авторской речи “*Miss Bennet*”: “*Miss Bennet had not been able to hear of his coming without changing colour*” [Austen, 1961, с. 323]. Или ещё два примера такого рода из авторской речи: (1) “*Mrs. Bennet was prevented replying by the entrance of the footman with a note for Miss Bennet*” [Austen, 1961, с. 48]. (2) “*Elizabeth was disgusted and even Miss Bennet was shocked*” [Austen, 1961, с. 309].

Однако леди Кэтрин де Бур обращается таким же образом, *Miss Bennet*, к Элизабет ([Austen, 1961, с. 344 – 345]), очевидно, не желая называть её по имени из-за своего отношения к ней. Леди Кэтрин выражает таким образом социальную дистанцию и холодное отношение к Элизабет на протяжении всего их общения, а при последней встрече (Chapter LVI) – откровенную неприязнь, граничащую с грубостью. В этой беседе леди Кэтрин десять раз обращается к Элизабет именно таким образом, *Miss Bennet*. С другой стороны, Элизабет в этой ситуации – единственная присутствующая сестра Беннет, поэтому здесь нет необходимости употреблять данное обращение в его смыслообразительной функции. И только один раз леди Кэтрин называет Элизабет иначе: “*I was told <...> that you, that Miss Elizabeth Bennet would, in*

all likelihood, be soon afterwards united to my nephew, my own nephew, Mr. Darcy” [Austen, 1961, с. 345]. Можно предположить, что в данном случае леди Кэтрин вынуждена назвать Элизабет по имени, с одной стороны, для того чтобы подчеркнуть, что речь идёт именно об этой сестре Беннет, а также, с другой стороны, чтобы выразить своё крайнее удивление, тревогу и возмущение тем, что кто-то, как ей сообщили, может рассматривать как реальную саму возможность подобного союза, представляющегося леди Кэтрин совершенно невозможным, немислимым.

Говоря о леди Кэтрин, необходимо упомянуть ещё некоторые формы обращения к этой даме. Леди Кэтрин упоминается в письме м-ра Коллинза с полным титулом: “*the Right Honourable Lady Catherine de Bourgh*” и с уточнением “*widow of Sir Lewis de Bourgh*” [Austen, 1961, с. 79], а при кратком и устном обращении употребляется форма “*your Ladyship*” или “*Lady Catherine*”. “*Right Honourable*” (‘достопочтенный, достопочтенная’) – титулование на письме пэров ниже маркиза, младших сыновей и дочерей, жён и вдов герцогов и маркизов, членов Тайного Совета, министров и лорд-мэров ряда крупных городов, виконтов, виконтесс, баронов, баронесс. Такое титулование употребляется практически только на письме [Великобритания, 1978, с. 355].

Как видим, обращение *Miss Bennet*, таким образом, не относится исключительно к старшей сестре. Оно может быть знаком неблизкого знакомства с любой из сестёр при обращении к каждой из них. Так, м-р Дарси при первых встречах с Элизабет, второй по старшинству сестрой Беннет, в частности, танцуя с ней на балу у Бингли, также обращается к ней *Miss Bennet*, “<...> *I could wish, Miss Bennet, that you were not to sketch my character at the present moment <...>*” [Austen, 1961, с. 109]. (В скобках заметим, что в сцене объяснения с Элизабет, будучи отвергнутым ею, Дарси обращается к ней иначе и ещё более официально: “*You have said quite enough, madam*” [Austen, 1961, с. 201].)

Как указывает Нина Михайловна Демурова, в обращении между молодыми людьми наблюдалась бóльшая сдержанность, чем в наши дни. Даже будучи хорошо знакомы друг с другом, они употребляли формы *мисс* и *мистер* с фамилией; по имени назывались лишь близкие родственники. Иногда употреблялась компромиссная форма – *мисс* в сочетании с именем, а не с фамилией, как обычно (см.: [Демурова, 1989, с. 366]). М-р Коллинз, без сомнения считая себя потенциальным и весьма желательным для всего семейства Беннет женихом Элизабет, обращается к ней полуофициально *Miss Elizabeth*: “*My dear Miss Elizabeth, I have the highest opinion in the world of your excellent judgment in all matters within the scope of your understanding <...>*” [Austen, 1961, с. 112]. Женщины, говоря о мужчинах, как отмечает Н. М. Демурова, иногда употребляют фамилии без слова *мистер*, такое употребление, однако, свидетельствует о некоторой вольности и даже фамильярности (см.: [Демурова, 1989, с. 366]). Так сёстры Беннет говорят об Уикхеме. Лидия называет просто по фамилиям знакомых офицеров: *Chamberlayne, Denny, Pratt* (см.: [Austen, 1961, с. 224]).

Мисс Бингли называет Элизабет при обращении к ней “*Miss Eliza*”: (1) “*So, Miss Eliza, I hear you are quite delighted with George Wickham?*” [Austen, 1961, с. 109] и другой пример там же: (2) “*I pity you, Miss Eliza, for this discovery of your favourite’s guilt* [Austen, 1961, с. 110]. Таким же образом, “*Miss Eliza*”, обращается к Элизабет сэр Уильям Лукас, близкий знакомый и сосед семьи Беннет: “*You excel so much in the dance, Miss Eliza, that it is cruel to deny me the happiness of seeing you <...>*” [Austen, 1961, с. 45].

«Обращение по имени при кратком или далёком знакомстве считалось признаком дурного воспитания» [Демурова, 1989, с. 366].

Даже при общении родственников, как видно из текста романа, фамилия как форма обращения предпочиталась имени. Так, леди Кэтрин обращается к племянникам не по имени, а по фамилии: “*What is that you are saying, Fitzwilliam?*” [Austen, 1961, с. 181] обращается она к своему племяннику полковнику Фицуильяму. И “*How does Georgiana get on, Darcy?*” [Austen, 1961, с. 182] спрашивает она у другого своего племянника.

Шарлотта Лукас, однако, называет Элизабет просто по имени, употребляя его краткий вариант, что объясняется их давней дружбой: “*My overhearings were more to the purpose than yours, Eliza,*” said Charlotte. “*Mr. Darcy is not so well worth listening to as his friend, is he? Poor Eliza! To be only just tolerable*” [Austen, 1961, с. 37].

То же самое относится к Элизабет, которая называет подругу просто Charlotte: “*Engaged to Mr. Collins! my dear Charlotte, impossible!*” [Austen, 1961, с. 139].

Таким же образом, просто по имени, Лидия обращается в письме к своей подруге, жене полковника Форстера, начиная письмо так:

“*MY DEAR HARRIET* –“ [Austen, 1961, с. 287].

Текст романа «Гордость и предубеждение» даёт читателю возможность узнать, как в конце XVIII – начале XIX века господа обращались к подчинённым и слугам. Вот как в семье Беннет обращаются к домоправительнице: “*What do you mean, Hill?*” говорит Джейн Беннет. “*Dear madam,*” cried Mrs. Hill, in great astonishment <...>” [Austen, 1961, с. 295]. “*Oh! Here comes Hill. My dear Hill, have you heard the good news?*” говорит м-с Беннет [Austen, 1961, с. 301]. Примечательно, однако, что в авторской речи постоянно и последовательно употребляется м-с Хилл: “*Mrs. Hill began instantly to express her joy*” [Austen, 1961, с. 301].

Так же, по фамилии, называют домоправительницу Пемберли м-с Рейнолдс. Уикхем говорит: “*And you saw the old housekeeper, I suppose? Poor Reynolds, she was always very fond of me*” [Austen, 1961, с. 320].

Что касается слуг и служанок, господа неизменно называют их и обращаются к ним по имени, например, хозяйка дома, м-с Беннет, говорит служанке: “*Here, Sarah, come to Miss Bennet this moment, and help her on with her gown. Never mind Miss Lizzy’s hair*” [Austen 1961: 335]. Лидия пишет своей подруге: “*<...> but I wish you would tell Sally to mend a great slit in my worked muslin gown <...>*” [Austen, 1961, с. 287].

Таким образом, роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение» даёт читателю уникальную возможность проследить за особенностями форм обращения, принятых в английском обиходе на рубеже XVIII – XIX веков.

Список литературы

Austen, J. *Pride and Prejudice*. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1961. – 388 p.
Великобритания: Лингвострановедческий словарь. 9500 единиц / А.Р.У. Рум, Л.В. Колесников, Г.А. Пасечник и др. – М.: Рус. яз., 1978. – 480 с.

Демурова Н.М. Комментарии // Остин, Д. Гордость и предубеждение: Пер. с англ. И. С. Маршака / Вступ. ст. и коммент. Н.М. Демуровой; Ил. М.Ф. Петрова. – М.: Издательство «Правда», 1989. – 384 с. – С. 366 – 381.

ОНИМЫ В РАЗНЫХ ВИДАХ ИСКУССТВА И В СМИ

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗООНИМОВ В КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЕ LEAGUE OF LEGENDS

А.С. Абрамкина

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

Статья посвящена вопросам функционирования зоонимов в компьютерной игре League of Legends. Приведены определение и функции имен собственных. При исследовании 167 имен персонажей рассматриваемой компьютерной игры определены 29 зоонимов. Они призваны реализовывать идентифицирующую и характеризующую функции, создать определенный образ персонажа. Кроме того, под влиянием игрового контекста может быть актуализирована оценочная функция.

Ключевые слова: ономастика; ономастикон; зоонимы; функции имен собственных

Зоонимы – это, по определению Д.И. Ермоловича, «имена собственные, присваиваемые животным (в просторечии — клички животных)» [Ермолович, 2001, с. 113]. В общем виде зоонимы – это класс языковых единиц, имён собственных, обозначающих животных. Приведем расширенную дефиницию: «совокупность лексем, имеющих в структуре семантики элемент, обозначающий названия животных, представляющих прямую номинацию» [Новьюхова, 2019, с. 11]. Также его можно более полно определить как «лексико-семантический вариант слова, выступающий в качестве родового названия животного, и метафоричное именование при анализе лексики с точки зрения характеристики человека» [Галимова, 2004, с. 12]. При этом А.В. Суперанская описывает зоонимы не просто как имена собственные животных, но как особый раздел ономастики со своими традициями, которые различаются в зависимости от эпохи употребления и народа, который его использовал [Суперанская, 2012, с. 173].

Однако, как отмечает Г.Ф. Ковалев, в ономастике этот термин вполне определен и используется в единственном значении, в то время как в других исследованиях «этот термин используют вместо понятия «название животного», то есть употребляют обычное нарицательное название, типа: кот, лошадь, свинья, медведь, ворона и т.д., а отнюдь не имя собственное. Чаще всего этот термин несправедливо употребляют в исследованиях по метафорике и анализе паремийных сравнений» [Ковалев, 2023, с. 114].

Предметом настоящего исследования выступают зоонимы как разряд имен собственных, их происхождение и особенности функционирования. Объектом выступают особенности функционирования зоонимов в компьютерной игре League of Legends. Цель работы – выявление и анализ функционального потенциала зоонимов в ономастическом пространстве компьютерной игры League of Legends, рассмотрение их происхождения и особенностей функционирования.

Зоонимы в разное время изучали, в частности, выдающийся отечественный лингвист Р.Ф. Брандт [Брандт, 1882], польский ономаст П. Зволиньски [Зволиньски, 1975], а также В.М. Мокиенко и О.И. Фонякова [Мокиенко, Фонякова, 1976], Е.Н. Варникова [Варникова, 2011] и другие. Зоонимы зачастую происходят из фольклорных традиций и используются для иносказательного обозначения человека. В том числе они применяются как имена собственные.

Е.О. Опарина выделяет следующие общие функции имен собственных: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую и коммуникативную [Опарина, 2020, 152]. Кроме того, имена собственные могут выполнять следующие функции:

- мифологическую [Прийтенко, 2012, II, с. 219–223];
- характеризующую [Прийтенко, 2012, I, с. 78–85];
- кодирующую [Робустова, 2021, с. 165–175];
- репрезентирующую [Робустова, Манченкова, 2021, с. 32–41];
- воспитательную [Дашеева, 2013, с. 40–44].

В ходе исследования мы проанализировали имена персонажей компьютерной игры League of Legends. При запуске игры в 2009 году, основных персонажей было 40, а сейчас их 167. Из общего ономастикона как зоонимы можно определить 29 имен собственных. К ним относятся, в частности: Бел`Вет ‘*Bel’Veth*’ (скат); Варвик ‘*Warwick*’ (собака/волк); Вейгар ‘*Veigar*’ (кот, хомяк); Векс ‘*Vex*’ (хомяк); Вел`Коз ‘*Vel’Koz*’ (осьминог); Волибир ‘*Volibear*’ (медведь); Гнар ‘*Gnar*’ (хомяк); Зиггс ‘*Ziggs*’ (хомяк); Ка`Зикс ‘*Kha’Zix*’ (насекомое); Кеннен ‘ *Kennen*’ (хомяк); Клед ‘*Kled*’ (хомяк); Коз`Мао ‘*Kog’Maw*’ (ящерица); Корки ‘*Corki*’ (хомяк); Наафири ‘*Naafiri*’ (собака); Нидали ‘*Nidalee*’ (пума); Нико ‘*Neeko*’ (хамелеон); Поппи ‘*Poppy*’ (хомяк); Рамбл ‘*Rumble*’ (хомяк); Раммус ‘*Rammus*’ (хомяк); Рек`Сай ‘*Rek’Sai*’ (насекомое); Ренган ‘*Rengar*’ (кот); Рейкан ‘*Rakan*’ (человек-птица); Седжуани ‘*Sejuani*’ (кабан); Таам Кенч ‘*Tahm Kench*’ (лягушка); Твич ‘*Twitch*’ (крыса); Тимо ‘*Teemo*’ (хомяк); Тристана ‘*Tristana*’ (хомяк); Физз ‘*Fizz*’ (лягушка); Шая ‘*Shayah*’ (человек-птица).

В этой связи можно отметить, что при номинации диких животных, которые, очевидно, не могут существовать в культуре, так как им если и дают имена, то крайне редко, разработчики используют собственные идеи. Это относится, в частности, к именам ската, пумы, осьминога, медведя, насекомого, кабана, людей-птиц и лягушек: Бел`Вет ‘*Bel’Veth*’, Вел`Коз ‘*Vel’Koz*’, Ка`Зикс

'Kha'Zix', Нудали *'Nidalee'*, Рек`Сай *'Rek'Sai'*, Рейкан *'Rakan'*, Седжуани *'Sejuani'*, Таам Кенч *'Tahm Kench'*, Физз *'Fizz'* и Шая *'Xayah'*.

Также необходимо отметить, что при номинации диких животных и насекомого разработчики используют имена, написанные через апостроф, разделяя слова на две части. Это может говорить о том, что создаются фактически зоонимические микросистемы по одной и той же структурно-семантической модели. Резкие звуки и разделение слова апострофом в данном случае служат цели описать внешность и характер персонажа в его имени. При этом в зоониме Бел` Вет *'Bel'Veth'* обыграна связь животного с морем, водой, поэтому оно звучит гораздо мягче.

Другие зоонимы уже представлены в культуре, только иногда в виде других онимов. В частности, Варвик *'Warwick'* – это изначально топоним (название города в Англии) и фамилия многих деятелей Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Вейгар *'Veigar'*, в свою очередь, это антропоним – исландское имя из древнескандинавских частей *'veig'* («сила, крепость, суть, сердцевина») и *'arr'* («воин, воитель»). Аналогично, путем трансонимизации как образованный от антропонима создан зооним Волибир *'Volibear'*, который имеет значение «зверь».

В свою очередь, зооним Гнар *'Gnar'* построен по смешанному принципу, это также антропоним с австралийскими корнями. Однако изначально это имя собственное переводится как «рычать», и такая номинация хомяка представляет собой антонимическую метафору со звукоподражанием: хомяк, очевидно, не может рычать, однако это может быть черта характера – животное может быть агрессивным. Звукоподражание и описание характера также может использоваться в конструировании имени Физз *'Fizz'*. В переводе это означает «шипеть», а лягушки умеют издавать такой звук. В свою очередь, зооним Твич *'Twitch'* – реально используемое для животных имя собственное, а также отсылка к популярной стриминговой платформе. А Тимо *'Teemo'* – реально существующий зооним, который раскрывает черту характера, фонетика имени собственного предполагает милого и дружелюбного зверька.

Зооним Векс *'Vex'* уже существует в культуре, так называют, в частности, лошадей. Само по себе это слово может быть отсылкой к характеру животного, так как в переводе с английского оно означает «дразнить» или «беспокоить», а чемпион Векс *'Vex'* описывается как «мрачнистка», персонаж, который приносит мрак и темноту вместо ярких красок.

Имена другой группы персонажей можно отнести как к зоонимам, так и к именам, имеющим мифологическое происхождение (мифонимам): Анивия *'Anivia'* (птица); Ари *'Ahri'* (лиса); Киндред *'Kindred'* (овца и волк); Лилия *'Lillia'* (олень и человек); Насус *'Nasus'* (собака и бог); Орн *'Ornn'* (баран); Ренектон *'Renekton'* (крокодил); Скарнер *'Skarner'* (скорпион); Юми *'Yuumi'* (кошка).

Таким образом, мы можем заключить, что зоонимы имеют широкое распространение в компьютерной игре League of Legends. Зоонимы призваны реализовывать идентифицирующую и характеризующую функции, создавая

определенный образ персонажа. Так же может быть актуализирована оценочная функция под влиянием игрового контекста.

Список литературы

Брандт Р.Ф. О присвоении животным собственных имен // Русский филологический вестник. — 1882. — Т. VIII.

Варникова Е.Н. Зоонимы: место в ономастическом пространстве. Вопросы ономастики. — 2011, — 1 (10). — С.51—62.

Дашеева В.В. Воспитательная функция китайских антропонимов // Вестник БГУ. — 2013. — №8. — С. 40—44.

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. — М.: Р.Валент, 2001. — 200 с.

Зволински П. Место зоонимов в ономастиконе // *Namen in Kontakt*. XII Internationaler Kongress für Namemforschung. — Bern, 1975. — 78 с..

Ковалев Г.Ф. Зооним как объект изучения литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2023. — №2 (49). — С. 113—120.

Мокиенко В.М., Фоякова О.И. Способы называния в зоонимии // Ономастика Поволжья. — Саранск, 1976. — № 4. — С.317—322.

Новьюхова Г.Б. История изучения зоонимов в отечественном языкознании // Современное педагогическое образование. — 2019. — №4. — С. 11—13.

Опарина Е.О. Имена собственные: языковые характеристики, функции и методы изучения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. — 2020. — №3. — С. 152—158.

Прийтенко Е. Г. Мифологическая функция собственных имен в романе М. Пруста «в поисках утраченного времени» // Язык и культура (Новосибирск). — 2012. — №1-1. — С. 219—223.

Прийтенко Е.Г. Характеризующая функция собственных имен в романе М. Пруста «в поисках утраченного времени» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2012. — №2. — С. 78—85.

Робустова В.В. Кодирующая функция имен собственных в художественном тексте (на примере романа Льва Кассиля «Будьте готовы, ваше высочество!») // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — №2. — С. 165—175.

Робустова В.В., Манченкова А.И. Репрезентирующая функция имен собственных // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — №1. — С. 32—41.

Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. — Изд. 4е. — М.: URSS, 2012. — 367 с.

ФУНКЦИЯ ТЕМАТИЧЕСКОГО ФОКУСИРОВАНИЯ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СМЕНЫ МОНАРХИЧЕСКИХ ФИГУР В ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Е.М. Гординская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

Статья посвящена исследованию формирования ономастического окружения образа монархических фигур в контексте определённой тематики. Сопоставление именных групп, концентрирующихся вокруг центральных фигур-фокусов в равновременной период царствования, позволяет детализировать и глубже понять образ монархических фигур, созданный в медийном пространстве.

Ключевые слова: ономастика; топонимия; семантика; урбанонимы; ойкодомонимы; экклезионимы; тематическое фокусирование

Ономастическое окружение в художественном тексте является дополнительным средством для построения не только образа персонажа, но и организации смыслового кодирования на уровне глубинной структуры текста. Данное утверждение справедливо и для текста публицистического характера, – одному из видов литературной речи, обслуживающего сферу массовой коммуникации. Публицистическому тексту (далее ПТ) свойственны информационная, воздействующая, познавательная, аксиологическая, творчески-созидательная, воспитательная, эстетическая функции [Самарская, 2012]. Отличительной чертой ПТ является также экспрессивность, широкое использование терминологии, клише и элементов разговорной речи, эмоционально-оценочной лексики, художественных средств выразительности (метафора, метонимия, аллегория, аллюзия, эпитет, оксюморон и т.д.), употребление точных цифр, должностей, имён. В общих словах, стиль ПТ представляет собой чередование экспрессии и газетно-языковых стандартов [Костомаров, 1971]. Понимание смысла ПТ не может быть исключительно на лингвистическом уровне, обязательно должны учитываться и экстралингвистические параметры: а) творческая судьба автора и текст; б) текст и действительность; в) текст и культура (категория интертекстуальности) [Бабенко, 2004, с. 52]. Онимы, как часть ПТ, особенно ярко отражают два последних параметра. Для прессы важным критерием является актуальность, современность материала, поэтому имена, упоминаемые в статьях, непосредственно связаны с реальностью, а также, благодаря референциальной функции, могут отсылать к элементам культуры. Имена называют предмет и вместе с тем апеллируют к фоновым знаниям реципиента, обращение к которым даёт денотацию предмета. Функционируя в речи, онимы «накапливают» смыслы, что приводит к наличию у одного имени нескольких значений. Так, оним *Oxford* может обозначать как «английский город, знаменитый университетом, расположенным на его территории», так и «вид ткани» и «парусный корабль Балтийского флота во времена Российской империи». Денотационное толкование обусловлено характером фоновой базы индивида, его полом, возрастом, семейным положением, уровнем образования, родом деятельности и многими другими факторами. Взаимодействие с контекстом опосредует значение слова оценкой, то есть коннотацией [Карпенко, 2011].

Номинативно-тематическая сущность имён позволяет не только идентифицировать предмет и передать его «накопленное» информативное содержание, но и произвести эмоциональное воздействие. Исследуя ономастическое окружение объекта, можно выделить тематические фокусы, возле которых концентрируются ономастические единицы. Мы рассматриваем изменения в ономастическом пространстве образа британской королевской семьи на стыке двух монархических фигур. Согласно В.И. Супруну, мы рассматриваем ономастическое пространство как совокупность онимов, без структурных взаимоотношений, которые характерны для ономастического поля [Супрун, 2000, с. 9].

Практическое исследование строилось на основе газеты The Guardian. Выбор был обусловлен в первую очередь крупным масштабом данного издания, а также наличием конкретной рубрики, отвечающей цели нашей работы – “Monarchy + Opinion”.

Королева Великобритании Елизавета II царствовала на протяжении 70-ти лет. За этот временной промежуток произошло множество событий: войны, глобальные катастрофы, перестройки экономических систем, а также разнообразные кризисы. Такой временной масштаб не может быть объективно исследован в рамках одной статьи. Однако за эти годы успел сформироваться устойчивый образ правящей фигуры в лице Елизаветы II, который за последние годы не претерпел коренных изменений. Карл III, занимает свой пост только на протяжении года, данное обстоятельство обуславливает выбор периода исследования – с сентября 2021 по май 2024 года.

Соответственно выделяются три временных отрезка:

1. С сентября 2021 г. по 8 сентября 2022 г. – период царствования Елизаветы II.
2. С 8 сентября 2022 г. по 5 мая 2023 г. – докоронационный период царствования Карла III.
3. С 6 мая 2023 г. по май 2024 г. – послекоронационный период царствования Карла III.

Первый период имеет несколько акцентных точек:

1. Антропонимы, эргонимы и топонимы, фокусирующиеся вокруг образа королевской семьи как символа власти, монархии или пережитка прошлого. *Oxford, Magdalen College, Windsor Castle, Sandringham, Norfolk, Quebec, Canada, Stone of Destiny, Queen, Gavin Williamson, Britain, Twitter, Boris Johnson, Buckingham Palace, Kensington Palace, Philip, Prince Charles, Camilla.*
2. Топонимы, урбанонимы, годонимы, эргонимы, антропонимы, связанные с прощальной церемонией, соболезнованиями, завещанием после смерти принца Филипа. *Philip, Camilla, Diana, McFarlane, Dumfries House, Michael Fawcett, Dumfries House, Land Rover.*
3. Имена, связанные с «зелёной повесткой». В статьях фиксируется позиция британской королевской семьи по защите окружающей среды. *The Queen, Charles, William, Fawcett, Dumfries, Mahfouz Marei Mubarak bin Mahfouz, Insulate Britain, Aston Martin, Extinction Rebellion, Elon Musk, Jeff Bezos, Richard Branson, Prince George's Wood.*
4. Эргонимы, топонимы и имена членов королевской семьи в связи со скандалами на почве современной этики. В большей степени статьи на эту тематику концентрируются вокруг герцогов Сассекских. *Princess Diana, Sarah Ferguson, Prince Andrew, Jeffrey Epstein, Virginia Giuffre, Charles, Harry, Meghan, 40X40, Ripple of Hope, Balmoral, Kensington Palace, David Cameron, United States, the Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, Charles.*

Тематика статей второго периода подразделяется на несколько групп:

1. Топонимы, эргонимы и антропонимы в связи с соболезнованиями как на уровне государств, так и со стороны частных лиц, народа. *Westminster Abbey Parliament House, Downing Street, The Bank of England, Norfolk, the United Kingdom, Anthony Albanese, Liz Truss, Emmanuel Macron, King Charles, Queen*

Elizabeth II, Liz Truss, Boris Johnson, Recep Tayyip Erdoğan, Biden, Michaelia Cash, Linda Reynolds, Jane Hume, Gordon Reid, London, Hyde Park, the Tower of London, Balmoral, Castle, Cardiff Castle, Edinburgh Castle, Holyrood Palace, Hillsborough Castle, Colchester, York, Portsmouth, Gibraltar, Aberdeenshire, Knightsbridge, Sir Lindsay Hoyle, Belfast, St Paul's Cathedral, Belgium, Norway, Denmark, Sweden, Spain, the Netherlands, Netflix, The Crown.

2. Имена, связанные с церемониями объявления Карла III королём, названия дворцов, стран, их официальных представителей, депутатов Соединённого Королевства и 14 государств-участников Содружества наций. *Mama Charlie, St James's Palace, Buckingham Palace, Scotland, Northern Ireland, Wales, Canada, Ottawa, Britain, British Empire, the Commonwealth, Australia, Australians, Tuvalu, Kenya, Nigeria, African, Jamaica, Canberra, Katy Gallagher, Oliver Dowden, St Edward's crown, Canterbury.*

3. Онимы- воспоминания о моментах личной жизни Елизаветы II, её характере, быте и о взаимоотношениях с представителями других государств. *Saudi Arabia, Buckingham Palace, Theresa May, House of Commons, Prince Philip, Neath, Margam Park, Royal Welsh Show, South Africa, Cape Town, Royal Mile, Queen Victoria, King George VI, Winston Churchill.*

4. Имена, связанные с престолонаследием и будущим королём, напоминающие о его биографии, заслугах, политической позиции, роли в государстве в предшествующие годы и в будущем. Списки всех членов королевской семьи, их титулов, дат рождения, территориального местонахождения на тот момент и родственных связях. *Charles, Prince William, Prince George, Diana, Archie Mountbatten-Windsor, Cambridge, Sussex, Wessex, The Queen Consort Camilla Rosemary Shand, Dumbrells School, South Kensington, Switzerland, Institut Britannique, Paris.*

5. Имена, сфокусированные вокруг сохранившихся спорных вопросов, например, вопрос о принадлежности Фолклендских островов. *Star of Africa, The Koh-i-noor, Mountain of Light, Kenya Human Rights Commission (KHRC), National Heroes Square, Buenos Aires, India, Argentine, Britain, Falkland Islands, Barbados, Argentinian, British, Margaret Thatcher, Narendra Modi, Maharajah Duleep Singh.*

В статьях послекоронационного периода тематически выделяются несколько групп, включающие имена, в окружении которых находится королевская семья.

1. Имена, связанные с коронацией и всеми церемониями принятия власти. А также сравнение впечатлений от предыдущих коронаций (в особенности королевы Елизаветы) и нынешней, сопоставление ситуаций вступления на престол и состояние государства в эти периоды. *Elizabeth I, George V, Edward VII, William IV, Queen Victoria, George III, George VI, Charles, King Charles III, Camilla, "Fred and Gladys", Queen Mother, Elizabethan, William, Kate, Anne, Harry, Meghan, Andrew, Diana, Camilla, Shelley, Shakespeare, King Lear, Leontes, Prospero, Cymbeline, Canterbury, Norfolk, UK, England, Scotland, Wales, Northern Ireland, Operation Golden Orb, India, Cape Town, Britain, Britons, Defender of the Faith, House of Lords, The Truman Show, Commonwealth Day, Priyamvada Gopal, Insurgent Empire.*

2. Эргонимы, имена владельцев/директоров компаний и характер их взаимоотношений с Елизаветой II и Карлом III. *Burberry, Moët & Chandon, Gieves & Hawkes of Savile Row, Wilkin & Sons, Asbestos Removals, Event-A-Loo, Fortnum & Mason, Dubonnet, Corgi Hosiery, Rigby & Peller, Craig Beaumont, Scott Goodfellow, Chris Jones, June Kenton.*

3. Имена, связанные с решением первых проблем и принятием первых решений новой правящей фигурой, сконцентрированные вокруг формирующегося образа и выстраиваемой позиции нового короля. *“Chuck the Rex”, Edinburgh, Cardiff, Graham Smith, Trafalgar Square, Republic.*

Активность функционирования тех или иных имён отражена в актуальных тематиках, например, образ Карла в первый период часто связан с неоднозначными ситуациями из прошлого, в фокусе появляются *Prince Andrew, Epstein, Giuffre*. На контрасте с третьим периодом мы видим удаление имени короля из этой тематики, однако мы видим актуализацию *Camilla* и *Diana*. Онимы *Commonwealth, Canada* в основном связаны с королевой, в рамках сотрудничества или в воспоминаниях о нём, с королём они соприкасаются в рамках соблезнований и коронации, вероятно, сотрудничество ещё не налажено. Второй период довольно сдержан, в акцентах *Scotland, Wales, Prince William, Knightsbridge, Sir Lindsay Hoyle*, соблезнования, воспоминания, прощания, наследники. Уникальна группа вопросов, связанных с *Koh-i-noor, Mountain of Light*, она показывает растерянность после смерти Королевы, ожидание новой эпохи. Самым стабильным онимом возле образа королевской семьи являются названия их резиденций *Windsor Castle* и *Buckingham Place*. *Balmoral* часто упоминается в первый период, Елизавета II предпочитала эту резиденцию. *Kensington Palace* употребляется в окружении принца Уильяма и его семьи.

Таким образом, мы рассмотрели основные фокусы внимания в британской прессе вокруг королевской семьи в различные периоды. Британская королевская семья и Елизавета II являются символами аристократической власти. Даже в последний год её жизни мы видим устойчивую картину в отношении института монархии. Её стабильный образ поддерживается молодым поколением герцогов Кэмбриджских. Их деятельность имеет исключительно положительный репутационный след. Вокруг них «витают» имена церемоний, замков, благотворительных организаций и инициатив, одобряемых народом. Рядом с ними равнозначно присутствует имя королевы и народной любимицы, принцессы Дианы. До смерти Елизаветы II Кэмбриджские совмещают в себе верность традициям и общественное признание.

«Бунтовщики» семьи представляют альтернативную точку зрения на институт монархии, как парадокс современного общества. Герцогов Сассекских больше устраивает жизнь в статусе «селебрити», вокруг них мы видим названия телешоу, имена ведущих и журналистов, названия общественных наград в области борьбы за права меньшинств.

Смерть долгоцарствующей Королевы действительно важная и переломная точка для Великобритании, согласно мнению СМИ, она должна

была ещё больше подчеркнуть разницу между прошлым и настоящим. Этот период очень сумбурный. Мнение прессы по поводу нового Короля высвечивает имена, связанные с его основными увлечениями: защита окружающей среды, зелёная энергия, климатический кризис, машины, садоводство, бизнес. Немалая часть имён посвящена его личной жизни: покойная жена Диана и супруга Камилла. В биографии Карла III много заслуг, чтобы разозлить представителей различных течений. Однако в последние годы он сократил количество личных интервью, начал уклоняться от высказываний на острые темы, стал нейтральной фигурой, находящейся в существующем курсе, а не формирующей свой курс, что и отражается в его ономастическом поле, сходном с его предшественницей.

В послекоронационный период Карл успел проявить себя в различных областях. Зачастую мы видим сравнение его действий с политикой предыдущих монархов, здесь много антропонимических единиц. Начатые обсуждения острых вопросов после кончины Елизаветы II, активно продвигаются, всё чаще мы видим в этом контексте прецедентные онимы, например, в статьях о возвращении алмазов «Звезда Африки», «Кохинур». Их воспринимают как наследие жестокой колонизации и геноцида коренных народов, называют «украденными артефактами». Королева Елизавета отложила день расчёта и объяснения на неустановленную будущую дату. Эта отложенная расплата теперь выпала на долю ее старшего сына и наследника. Но Карл III наследник не только назревших проблем, но и имущественных активов. Внимательные взгляды журналистов не обходят эту тему, скрупулёзно перечисляя компании и их руководителей, которые находятся в сотрудничестве с новым королём.

Количество упоминаемых эргонимов по «зелёной повестке» несколько уменьшается, так как Карл III, официально заявляет, что не будет располагать достаточным временным ресурсом, чтобы продолжать деятельность в этой сфере на прежнем уровне. Тем не менее, эта тематика не исчезает совсем.

Внимание, уделяемое герцогам Сассекским, также имеет скорее сниженный характер – бунтовщики не так выделяются на фоне возникших проблем у «благополучной» части семьи, у герцогов Корнуолльских и ухудшающегося здоровья самого Короля.

Ещё более мелкие темы связаны с религиями и политикой в отношении меньшинств. В основном эти группы представлены антропонимами, экклезионимами и топонимами. Эти онимы говорят об интересе короля к различным религиям, а также о более толерантном взгляде на этнические и расовые меньшинства.

Подводя итоги нашей статьи, хотелось бы сказать, что королевская семья по-прежнему остаётся строгой иерархической структурой, в которой глава семьи является её «рулевым». В отношении к нему строятся все остальные элементы и взаимосвязи, отражающиеся в поддержке, оппозиции или нейтральном отношении. Имена, репрезентирующие образ семьи в периоды смены монархических фигур, отражают тематику, а часто и оценку тому или иному событию/члену семьи. Исходя из особенностей выбора онимов в статьях и их тематического окружения, можно сделать вывод о том, что Карл III во

многим продолжает курс, намеченный своей предшественницей, хотя и несколько скорректированный новой этикой.

Список литературы

Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. – М.: Академический Проект, 2004. – 434 с.

Карпенко Ю.А. Специфика ономастики // Русская ономастика. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2011. – 95 с.

Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: Изд-во МГУ, 1971 – 267 с.

Сайт газеты «The Guardian» // URL: <https://www.theguardian.com/uk> (дата обращения: 10.05. 2024).

Самарская Т.Б., Мартиросьян Е.Г. Публицистический текст: сущность, специфика, функции // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология. Искусствоведение. – 2012. – Вып. 1. – С. 143–147.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АРТИОНИМИИ ОТДЕЛЬНОГО РЕГИОНА

Ю.В. Дулова

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
(Витебск, Республика Беларусь)*

Работа подготовлена в рамках выполнения НИР «Традыцыі і навацыі ў развіцці мовы і культуры Беларускага Паазер'я», № ГР 20210510 от 05.04.2021 г. задания 6.1.08 «Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання» подпрограммы «Беларуская мова і літаратура» государственной программы научных исследований «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

В статье рассмотрены названия произведений изобразительного искусства отдельного региона с позиции прагматики. Определены прагматические компоненты артионимов. С опорой на данные проведенного опроса очерчен прагматический потенциал артионимии, выявлены интенции номинаторов. Полученные данные представлены в соответствии с частотой их упоминания опрошенными. Определена структура предложенных названий.

Ключевые слова: *артионим; ономастическая периферия; прагматика; региональная ономастика; Витебская область*

Исследование собственных имен, относящихся к ономастической периферии, в последние десятилетия осуществляется все чаще с позиции прагматики, которая, по утверждению Ю.С. Степанова, занимается вопросами выбора языковых средств «для наиболее успешного воздействия на адресата, для эффективного достижения намеченной цели в конкретных обстоятельствах речевого общения» [Степанов, 1981, с. 325–326].

Цель данного исследования – выявить прагматический потенциал артионимии отдельного региона.

В качестве региона, артионимное пространство которого подлежало исследованию, выступила территория Витебской области Республики Беларусь. Развитие ее онимной системы характеризуется влиянием многочисленных экстралингвистических факторов: географического, социального, исторического, культурного и т.д.

Материалом исследования послужили названия произведений искусства, собранные методом сплошной выборки из листов поступления основного фонда коллекций живописи и графики учреждения культуры «Витебский областной краеведческий музей», из изданных каталогов картин, а также из статей интернет-портала «Художники Витебщины». К авторам, названия произведений которых были отобраны, относятся белорусские художники, родившиеся и/или жившие/живущие на территории витебского региона; представители витебской художественной школы, как правило, являющиеся членами Белорусского союза художников.

Несмотря на то, что у артионима рекламная функция не является преобладающей, прагматические компоненты выделяются и в нем: разнообразные лексические, словообразовательные и синтаксические средства. Использование эмоционально-оценочной лексики (В.Н. Вольнов «Символ успеха», Л.С. Антимонов «Грезы»), заимствований (А.С. Изойтко «Memory»), структур с диалоговой семантикой (О.В. Крошкин «Что дальше?», В.З. Краевский «Привет!») в названиях произведений живописи и графики направлены на вызов у реципиента определенных ассоциаций (чаще позитивных) и выполняют фатическую функцию.

Названия произведений изобразительного искусства по своей природе выступают своеобразным зеркалом материальной культуры, народных традиций, ценностных ориентаций и т.д. Так, прагматический компонент в артионимах может быть представлен национально-культурной составляющей. Примечательны в этом отношении артионимы, в основу которых положены прецедентные феномены. Для того, чтобы коммуникация между номинатором и адресатом состоялась, необходимо наличие определенных фоновых знаний у реципиента, с одной стороны. С другой стороны, данная группа названий сама способна формировать у адресата новые знания.

Использование прецедентных имен свойственно портретной живописи и графике. В имеющемся в нашем распоряжении материале было выявлено 325 таких артионимов, сферами-источниками которых выступили «Искусство», «История», «Общество» и «Религия»: В.И. Кухарев «Марк Шагал», Ф.Ф. Гумен «Поэт Давид Симанович», В.А. Андросов «Соллертинский Иван Иванович в 20-е годы»; Б.Г. Лалыко «Ольгерд», Г.П. Киселев «Герой Советского Союза Вера Хоружая»; В.А. Андросов «Портрет учительницы Т.В. Филипенко»; И.Ф. Хруцкий «Митрополит Иосиф Семашко слушает в своем кабинете доклад секретаря».

Номинаторы фиксируют в артионимах не только имена известных личностей, но и обращаются к названиям произведений литературы и музыки: Н.Н. Дундин «Человек, который смеется», В.И. Кухарев «Прощание славянки». Использование прецедентных феноменов для номинации картин характеризует направленность данного разряда периферийных онимов. В отличие от рекламных названий, которые, как правило, создаются с учетом особенностей отдельной социальной группы, для исследуемых номинаций свойственна размытость гендерной направленности, но вместе с тем прослеживается ориентация на определенный уровень образования реципиента.

При анализе отдельного разряда онимов необходимо обращать внимание на характеристики номинатора и реципиента. Здесь важно учитывать неопределенность личности адресанта и адресата, а также условия коммуникации, которые не предполагают непосредственного контакта между ними.

С целью определения возможных номинативных интенций мы провели опрос, в котором приняли участие 557 респондентов – белорусских граждан, проживающих на территории Витебской области, в возрасте от 15 до 75 лет. В одном из блоков анкеты мы продемонстрировали участникам репродукцию картины В.Е. Тихоненко *«Подснежники»* [Художники Витебщины] без указания ее авторского названия и попросили предложить свою номинацию для изображенного на полотне, а также кратко объяснить свой выбор.

Исходя из полученных результатов, данная картина относится к произведениям с высоким соответствием онима и изображения.

Предложенное название у 6 опрошенных полностью совпало с авторским. Еще в 2 случаях лексема *подснежники* вошла в название. Номинаторы аргументировали свой выбор следующим образом: *«это основная доминанта работы по цвету и композиции»* (жен., 34 г., искусствовед); *«на картине изображены первые весенние цветы»* (жен., 16 л., обучающаяся); *«на картине отчетливо виднеется тающий снег и подснежники, время года весна»* (жен., 24 г., переводчик).

Наиболее частотным названием стал артионим *«Весна»* (76): *«так как на картине показана данная пора года»* (муж., 18 л., студент); *«на картине изображено пробуждение природы после зимы, поэтому можно догадаться, что наступает весна»* (жен., 19 л., студентка); *«потому что тает снег и, глядя на эту картину, можно ощутить запахи только наступающей весны»* (жен., 18 л., студентка), т.е. в основу положен не какой-то отдельно изображенный объект, а время, когда может происходить изображенное на полотне.

Артионим *«Весна в лесу»* был предложен 29 опрошенными: *«отображена пора года и конкретное место»* (жен., 33 г., преподаватель); *«потому что весна и лес. Это пейзаж – название должно соответствовать»* (муж., 29 л., индивидуальный предприниматель). Указанный артионим является ограниченно ориентирующим, как и предыдущий, поскольку не дает информации о деталях изображенного, а лишь отражает время и место.

28 опрошенных предложили более образный артионим *«Пробуждение»*, который в некоторой степени является стереотипным, когда мы говорим о переходе от зимы к весне: *«ранняя весна и есть пробуждение»* (жен., 62 г., библиотекарь); *«именно эта ассоциация у меня возникла при просмотре данной картины»* (жен., 32 г., библиотекарь).

Артионим *«Оттепель»* встретился в 27 заполненных анкетах: *«с первого взгляда кажется, что это весна, но, присмотревшись, я поняла, что это просто оттепель, и скоро лес снова укроет снег»* (жен., 18 л., студентка); *«первое весеннее тепло. Днем солнце прогревает. В лесу ветра нет. Первые цветы. Но ночью опять будет мороз»* (жен., 52, педагог-художник).

Приведем некоторые предложенные названия: «Весенний лес» (17), «Приход весны» (15), «Весенняя тропа» (12), «Ранняя весна» (10), «Начало весны» (9), «Первые цветы» (9), «Дыхание весны» (8), «Весна пришла» (7), «Март» (7), «Проталина» (7), «Весеннее пробуждение» (6), «Весеннее утро» (6), «Подснежники» (6), «Пробуждение весны» (5), «Пробуждение природы» (5), «Апрель» (4), «Запах весны» (4), «Наступление весны» (4), «Пролески» (4), «Проталины» (4), «Аромат весны» / «Ароматы весны» (3), «Весенние проталины» (3), «Весна идет» (3), «Начало жизни» (3), «Новая жизнь» (3), «Уход зимы» (3), «В лесу» (2), «Весеннее тепло» (2), «Весеннее утро в лесу» (2), «Весенний день» (2), «Весенний пейзаж» (2), «Весенний расцвет» (2), «Весенняя расходя» (2), «Весной в лесу» (2), «Лесная тропа» (2), «На пути к весне» (2), «Начало» (2), «Оживление» (2), «Первоцвет» (2), «Первый день весны» (2), «Пралеска» (2), «Пралески» (2) (именно в таком написании: вероятно, под влиянием белорусского языка), «Пришла весна» (2), «Пробуждение леса» (2), «Просека» (2), «Проталинка» (2), «Рождение весны» (2), «Снежная тропа» (2), «Тропа к весне» (2), «Утро в лесу» (2) и т.д. Значительная часть номинаций – единичные названия (179).

Структурно полученные в ходе опроса номинации представляют собой: отдельные слова (17,6 %): «Спокойствие», «Тихонечко», «Тепло», «Весеннее», словосочетания (74,2 %): «Адчуванне вясны», «Весенний звон», «Границы времен», «Зимнее прощание»; предложения (8,2 %): «Весна идет!», «Да проснется все живое!», «Весна обязательно будет», «Здравствуй, весна», «Все хорошее кончается». Такая структура артионимов является традиционной.

Исходя из полученных в ходе опроса результатов, при создании номинации для полотна, относящегося к пейзажной живописи, большинство номинаторов делает акцент на времени и месте изображенного. Несмотря на значительное количество повторяющихся артионимов, не отличающихся оригинальностью, наблюдается стремление придать названию образность и привлекательность для реципиента, что свойственно в первую очередь онима-словосочетаниям и онима-предложениям.

В проведенном опросе принимали участие студенты художественно-графического факультета ВГУ имени П.М. Машерова, а также художники и искусствоведы. Данная группа анкетированных предложила номинации, отвечающие общему настроению номинаторов и входящие в состав повторяющихся. Можно предположить, что номинативной интенцией в описанном случае стало информирование адресата об изображенных на полотне объектах, времени и месте изображенного. Это подтверждается и краткими объяснениями опрошенных.

Таким образом, артионимия отдельного региона обладает значительным прагматическим потенциалом, выявить который представляется возможным посредством эксперимента. Для отдельного региона подобное исследование позволит определить как универсальные средства прагматизации, так и тенденции, свойственные непосредственно данной территории, установить номинативные интенции авторов названий, условия успешности их

коммуникации с реципиентами, а также способствует описанию речевого портрета жителей данной местности.

Список литературы

Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – №4. – С. 325–332.

Художники Витебщины [Электронный ресурс] // URL: <http://painters.vlib.by/images/sampleddata/Tihonenko/gallery/tikhonenko-ve-podsnezniki.jpg> (дата обращения: 08.06.2024).

ФЕЛИНОНИМЫ КАК ТРЕНД ТИКТОК

Завьялова Е.Е.

*Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
(Астрахань, Россия)*

В статье представлены результаты исследования по выявлению принципов презентации использования «паспортных» и «неформальных» кличек животных в соцсетях. Рассматриваются фелинонимы, которые сделали предметом обсуждения в видеороликах, в большом количестве появившихся на сервисе ТикТок в начале 2020-х годов. В подавляющем большинстве случаев они наложены на хит "That's Not My Name". Материалом для анализа стали 30 записей о котках и кошках с 30 кличками и отобранными 183 вариантами их замены.

Ключевые слова: фелинонимы; зоонимика; кличка; имя собственное; котоконтент; ТикТок; медиапространство; тренды социальных сетей

В 2008 году британский инди-дуэт The Ting Tings выпустил альбом "We Started Nothing", одна из песен которого мгновенно сделалась хитом. Сингл "That's Not My Name" («Это не моё имя») до сих пор популярен. Более того, благодаря композиции в ТикТок зародился тренд, вдохновивший к началу 2022 года сотни блогеров. Под знаменитый трек домашнее животное (собака, лошадь, крыса, попугай, краб и проч.) «от себя лично» рассказывает, каким зоонимом его наделили изначально, а какие прозвища хозяева стали использовать впоследствии. Текст в большинстве случаев неизменен и сводится к **шаблону**, задающему ритм сообщения:

«Она дала мне красивое имя <...>,

...

чтобы потом называть:

<...>, <...>, <...>, <...>, <...>».

Числовой диапазон прозвищ, представленных в последней строке схемы, в рассмотренных нами вариантах – от четырёх, равных повторам стихов в припеве песни, до восемнадцати. Каждое, как правило, сопровождается новым видео-отрывком либо подходящей по семантике надписи фотографией. Часто в расположении ряда слов наблюдается градация: от стандартных кличек – к оригинальным и неожиданным.

Выявление закономерностей в употреблении «официальных» и «неформальных» зоонимов, точнее – принципов публичной презентации их применения в соцсетях, стало целью настоящего исследования. Материалом послужили 30 видеороликов о котках и кошках с 30 кличками и отобранными 183 вариантами их замены.

Очевидно, что *Felis catus* – самый распространённый в соцсетях питомец. М. Тиболт и Г. Марино объясняют чрезвычайную успешность кошек в

цифровой среде широким спектром антропоморфизации поведения, а также «дураковатостью» ("derpness") [Thibault, Marino, 2018, с. 487] – способностью с энтузиазмом совершать бессмысленные, на взгляд людей, действия и приходиться от них же в оцепенение, резко диссонирующее с их привычной надменностью. Как доказала Дж.Г. Майрик, «счастье, получаемое от просмотра интернет-кошек, может смягчить взаимосвязь между мотивами промедления, чувством вины и удовольствием» [Myrick, 2015, с. 168]. По справедливому замечанию С.В. Тихоновой, «сентиментальный котоконтент позволяет пользователям находить выход для своей уязвимости, обнаруживая её способом, который максимально снижает риски осуждения и хейтинга» [Тихонова, 2023, с. 150].

Породистость многих животных, а также юмористический характер тренда предопределили **контрастность сопоставлений** в рассматриваемых видеороликах: Мелисса – Мохнач¹ [irena.volkova]², Лексингтон – Кусака [lex.bengal], Ральф – Жироцераптор [blalakot], Мартин – Чмошник [martinosbaby], Бенджамин Гарфилд – Хомяк пушистый [benjii_cat] и т.п.

По понятным причинам значительная часть фелинонимов (17 % от общего числа) представляет собой **модификаты** – переименованные клички, вариации имени собственного. Это близкие по звучанию другие имена (Мэри – Маруся [2yanchenko2], Бурбон – Буба [catbourbon]), окказионализмы (Август – Авджуст [dimaermuzevich], Симба – Симбусик [zarrriina], Тихон – Тишандрий), а также слова, существующие в языке, но имеющие далёкое от зоонимии значения (Барби – Барбариска [cat_barbie], Кокос – к0кс [neevvaan], Бустер – Бупс [zlata.orlica]). Как видим, далеко не всегда здесь срабатывает правило упрощения «паспортных» имён, отмеченное А.В. Суперанской [Суперанская 1973: 163–164] и Н.Г. Рядченко [Рядченко, Рядченко, 1994, с. 84].

Самой объёмной частью фелинонимов оказались обозначения **черт внешности** питомцев – 28,4 %. Из них почти половина построена на экспрессивных сравнениях с другими животными: КаБыЛа [anastaci_ryti], БелкаБешеная [lex.bengal], Наглая моська [chernyshka_nat], Афганская крыса [cat.lesha], Хомяк пушистый [benjii_cat], Мышонок [2yanchenko2], Жучок [chernyshka_nat] и т.п. На этом ещё более необоснованными с точки зрения стандартной логики представляются следующие варианты: Петух [irena.volkova], Кошка-лягушка [cat.lesha], Креветка [chernyshka_nat].

В соответствии с давней традицией поводом для имянаречения становятся телосложение и степень упитанности питомца (Толстопузый гном [guccisupercat], Жиропузик Пушистый [tikho], Жироцераптор [blalakot]), мера пушистости (Мохнач [irena.volkova], Облачко [chernyshka_nat], Плюша [benjii_cat], Пухнорылик [blackblack_cat1], Кожаная морда [**koska_yoska**]), **окрас** (Снег [neevvaan], Серый [martinosbaby], Ржавый [labrikrif], Пятнашка [iriska_058]). Впрочем, и здесь находятся оригинальные примеры: Самый грязный котёнок России [cat.lesha], Панк [cat.lesha], Секси кот [kotgibson].

Внушительное количество зоонимов (15,3 %) отражает характерную **манеру поведения** животных. Напрямую: БешенкаВолосатая [blalakot], Тыгдыковна [lyaskakissa], Кусака [lex.bengal], Подлиза [catbourbon], Жрун

[kotik_ryzhik1], Ленивец [kotik_ryzhik1], СоннаяСкладка [blalakot]. И косвенно, например, путём идентификации с профессией или родом занятий человека: Ученик [kotik_ryzhik1], Спортсмен [ligrisko_], Футболист [ligrisko_], Бандит [2yanchenko2], Стример [ligrisko_], Суетолог [ligrisko_]. Ещё своеобразнее звучат имена, связанные с неодушевлёнными предметами (Пенсил [anastaci_ryti], Пуля [ligrisko_], Шайтан-машина [ligrisko_], ШредерШерстяной [lex.bengal]) и явлениями (Шторм [kottornado], Чума [ligrisko_]). Упоминания киногороев и медийных лиц на удивление редки, они составляют менее 3 % (Терминатор [kottornado], Котопёс [blackblack_cat1], Джигурда [labrikrif]).

Неожиданно объёмной оказалась доля фелинонимов, относящихся к лексико-семантическому полю «еда», – 12 %. Ряд из них можно объяснить схожими очертаниями. Это, прежде всего, овощи (Кочан [irena.volkova], Качан [shayjeu], Капуста [shayjeu], Кабачок [shayjeu], [guccisupercat], Баклажан [shayjeu], Патиссон [shayjeu]). Достаточно распространены и названия мясных блюд / блюд с мясом, что, вероятно, объясняется ещё и вкусовыми пристрастиями питомцев (Колбаска [cat_barbie], Наггетс [ligrisko_], Кулебяка [ligrisko_], Шаурма [neevvaan], Пельмень [labrikrif], Беляш [labrikrif], Пирожок [chernyshka_nat], Любимый пирожочек [blackblack_cat1]). Встречается Батон [catbourbon], [kotgibson] – здесь видится отсылка к позе буханки (яп. «кобакодзувари»), которую так любят принимать коты и кошки. Лидирующие позиции занимают зоонимы, указывающие на названия кондитерских и сладких хлебобулочных изделий: Тортик [kottornado], Булочка [2yanchenko2], [martinosbaby], [cat_barbie], Сладкая булочка [kotgibson], [zarrriina], Сладкий котик [zlata.orlica]. Гастрономическое наслаждение, получаемое от такой пищи, всё чаще соотносится не с любовными радостями, а с **блаженством общения** с домашним питомцем.

Напрямую комплиментарные характеристики звучат в зоонимах Подарочек [cat.lesha], Пуся [ligrisko_], Пуся-лапуся [lyaskakissa], Лапатуля [benjii_cat], Бубочка [anastaci_ryti], Милашка [kotik_ryzhik1], Моя любовь [zarrriina] (около 6 % от общего числа кличек). Практически столько же употребляемых в отношении животных нежных ругательств, среди которых несомненное первенство принадлежит выражениям с уменьшительно-ласкательным «жопка»: Шерстяная [catbourbon], [labrikrif], Пушистая [zlata.orlica], [chernyshka_nat], Розовая [**koska_yoska**], Карамельная [kotgibson], Сладкая [irena.volkova].

И, наконец, отдельную группу (7 %) представляют фелинонимы, созданные из **восклицаний хозяев**, вернее – формулировок, имитирующих их восприятие наивными питомцами: АхТыВоришка! [lex.bengal], Только не ноги!!! [simba_syan], ЧёТыТамОпятьСожрал [blalakot], БрысьОтКофе [blalakot], Анунельзя! [catbourbon].

Проведённый анализ показывает, что пользователи TikTok, поддержавшие тренд "That's Not My Name", очень редко обращаются к традиционным зоонимам, функционировавшим в прошлом. Но часто используют антропонимные клички – как русские, так и иноязычные (последние чаще употребляются в отношении представителей редких пород

кошек). Красивые и одиозные «официальные» имена в большинстве случаев заменяются на прозвища, имеющие иронический подтекст либо открыто транслирующие любовь к питомцу. Количество деминутивов значительно превосходит число пейоративов. В стремлении продемонстрировать креативный подход и завоевать внимание подписчиков авторы видеороликов стараются быть оригинальными как в содержательном, так и в формальном плане – начиная с использования разнообразных словообразовательных средств, заканчивая графонами и графическими изощрениями.

Ссылки

¹ Написание имён идентично тому, что даётся в видеороликах.

² В квадратных скобках помещены никнеймы – псевдонимы, под которыми пользователи ведут блоги.

Список литературы

Myrick J.G. Emotion regulation, procrastination, and watching cat videos online: Who watches Internet cats, why, and to what effect? // *Computers in Human Behavior*. – 2015. – Vol. 52. – P. 168–176.

Thibault M., Marino G. Who run the world? Cats: cat lovers, cat memes, and cat languages across the Web // *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. – 2018. – Vol. 31, no. 3. – P. 473–490.

Рядченко, Н.Г. Зоонимика. Зоонимия русская // *Русская ономастика и ономастика России. Словарь* / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Школа-Пресс, 1994. – С. 77–84.

Суперанская А.В. *Общая теория имени собственного*. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

Тихонова С.В. Сентиментальный визуальный контент новой нормальности: как цифровые коты одомашнивают кризисы // *Вестник Санкт-Петербургского Университета. Социология*. – 2023. – 16 (2). С. 149–167.

НАЗВАНИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СЕРИАЛОВ: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т.А. Корнейчук

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград, Россия)*

Статья посвящена прагмалингвистическому исследованию названий кинофильмов (фильмонимов) на материале названий испаноязычных латиноамериканских сериалов. На основе анализа названий 80 телесериалов выделяются 4 прагматических принципа, которыми руководствуются создатели сериалов при изобретении фильмонима (аттрактивности, языковой игры, эстетичности, экономии), и анализируются языковые средства их реализации.

Ключевые слова: фильмоним; сериал; принцип аттрактивности; принцип языковой игры; принцип эстетичности; средства прагматизации

Под *сериалом* понимается многосерийный фильм с несколькими сюжетными линиями, а также вообще многосерийная программа [Ожегов, Шведова, 2009]. В XX веке сериалы занимали второстепенное место в кинопроизводстве по сравнению с кинофильмами, однако в наше время ситуация изменилась. С точки зрения картины мира, телесериал представляется как информационная модель реального мира, создаваемая каждым отдельным телесериалом, который категоризирует и структурирует (адаптирует) мир для своих зрителей с определенных идейных позиций [Зарецкая, 2010]. Во-первых, телеэкранизация на сегодняшний день является значимым фактором процесса индустриализации, а также важным условием успеха. Во-вторых, это

неотъемлемая часть стратегии государственной культурной политики в области телевидения, ориентированной на широкую аудиторию.

Телевидение отражает новые реальности и производит новые формы. В. Луков справедливо замечает, что в спектре этих собственно телевизионных форм образовалось два тележанра, оказавшиеся на разных полюсах: видеоклип (в краткости которого отразился вариант минимализации досуга) и телесериал (в длительности которого, доходящей до нескольких тысяч серий, отразился вариант максимализации досуга) [Луков, 2012].

Особый интерес для лингвистического исследования представляют названия многосерийных фильмов. Точно так же, как и для односерийных фильмов, для них в ономастике используется специальный термин – *фильмоним*, отделяющий наименования кинофильмов от других групп идеонимов – названий произведений духовной культуры [Кныш, 1992; Руфова, Охлопкова, 2018 и др.].

Согласно полевому подходу, применяющемуся в исследовании имен собственных, совокупность онимов того или иного языка или определенной коммуникативной сферы образует ономастическое пространство, для которого характерны ядерно-периферийные отношения. Фильмонимы располагаются на периферии ономастического пространства, это значит, что они имеют ослабленную номинативно-выделительную функцию, двуплановую семантику, слабую структурированность и системность, прагматическую направленность [Крюкова, 2017, с. 172]. Основным свойством фильмонимов является их прагматическая направленность, поскольку они представляют результат творческой деятельности имядателя с целью воздействия на потенциального адресата.

В связи с вышеизложенным, при исследовании фильмонимов, как и других периферийных онимов, могут быть определены прагматические принципы, которые используются для осуществления общей прагматической установки – создания аттрактивной языковой единицы, способной выступать средством управления вниманием. Известны следующие прагматические принципы: аттрактивности, языковой игры, эстетичности и экономии [Врублевская, 2006]. Каждый прагматический принцип реализуется с помощью определенного средства прагматизации. Проследим реализацию данных принципов на материале 80 испаноязычных названий телесериалов, созданных в странах Латинской Америки. Выбор названий латиноамериканских сериалов обусловлен, в первую очередь, их сверхвысокой популярностью начиная с 1960-х гг. в европейских странах и примерно с 1997 г. в России [Виноградова, 2020, с. 114]. Во-вторых, особой значимостью в самих странах Латинской Америки, которая заключается во влиянии на общество, в частности, на поведение людей. Так, после просмотра сериала «*Simplemente María*» (*Просто Мария*) в Перу было отмечено повышение грамотности, а в Мексике после сериалов «*Ven conmigo*» (*Пойдем со мной*) и «*Vamos juntos*» (*Давайте вместе*) – уменьшение уровня рождаемости (в 80-е годы в стране стоял вопрос о бесконтрольно высоком уровне рождаемости) [Marcos Américo, 2023, с. 482]. В

дальнейшем освещение различных общемировых проблем латиноамериканскими сериалами только возрастало.

Проведенный анализ позволил выделить ряд прагмалингвистических особенностей названий латиноамериканских телесериалов. Ведущую позицию занимает принцип аттрактивности, он реализуется с помощью следующих маркированных лексических, словообразовательных и синтаксических средств.

Среди лексических средств прагматизации отмечается три характерные особенности. Во-первых, достаточно частотное использование в составе названий сериалов слов с эмоционально-оценочной окраской. Примечательно, что латиноамериканские имядатели используют в названиях лексику преимущественно с отрицательным семным набором: «*Mala fortuna*» (Невезение), «*Perfil falso*» (Фальшивый профиль), «*Código implacable*» (Суровый кодекс), «*Bandidos*» (Бандиты), «*Rebelde*» (Мятежники), «*Las malcriadas*» (Испорченные). Многие из них номинируют главных героинь сериала: «*Ana de nadie*» (Ничья Ана), «*Mujer de nadie*» (Ничья женщина), «*La mujer del diablo*» (Женщина дьявола), «*Mujeres asesinas*» (Женщины-убийцы), «*Travesuras de la niña mala*» (Похождения скверной девчонки), «*La usurpadora*» (Узурпаторша). Лексика с положительной оценкой представлена в меньшей степени: «*Los Protectores*» (Защитники), «*El amor invencible*» (Непобедимая любовь), «*Horario Estelar*» (Прайм-тайм), «*Supernova*» (Суперновая), «*Santa Evita*» (Святая Эвита).

Ярко выраженной эмоциональной оценкой обладают названия, в которых слова используются в переносном значении: «*Pablo Escobar: El patrón del mal*» (Пабло Эскобар, хозяин зла), «*La fiscal de hierro*» (Железный прокурор), а также в составе антитезы «*Argentina, tierra de amor y venganza*» (Аргентина, земля любви и мести).

Во-вторых, отмечается использование устойчивых словосочетаний и прецедентных имен и высказываний в названиях сериалов. Например, названия-фразеологизмы: фильмоним «*Caer en tentación*» (Придаться искушению) представляет устойчивое словосочетание *caer en la tentación*, то есть 'поддаться искушению, соблазну'; фильмоним «*Amar a muerte*» (Любить до смерти) включает речевой оборот *a muerte* 'не на жизнь, а на смерть'.

Названия сериалов и сами могут становиться устойчивыми словосочетаниями. Например, название «*Los ricos también lloran*» (Богатые тоже плачут) стало известным выражением не только в испаноязычной, но и в русскоязычной лингвокультуре после демонстрации этого сериала по русскому телевидению. Выражение стало русской поговоркой со значением 'о равенстве всех перед ударами судьбы' [Мокиенко, Никитина, 2008], оно также используется при ироничной оценке проблем и бед богатых людей [Крюкова, Врублевская, Кирпичева, 2021].

Кроме того, обращают на себя внимание национально прецедентные антропонимы, входящие в названия телесериалов: «*La cabeza de Joaquín Murrieta*» (Голова Хоакина Мурьета), «*Pablo Escobar: El patrón del mal*» (Пабло Эскобар, хозяин зла), «*María Félix: La Doña*» (Мария Феликс: История Доньи). Наиболее значимые из этого списка – антропонимы Хоакин Мурьета

(полулегендарная фигура времен золотой лихорадки; также известен как мексиканский и чилийский Робин Гуд, прототип Зорро) и Пабло Эскобар (колумбийский наркобарон).

В-третьих, на лексическом уровне отмечается использование англицизмов, отражающих модные языковые тенденции: «*Freeks*» (Фрики), «*Melody*» (Мелодия); в том числе с нарушением грамматических норм английского языка или добавлением испанского артикля: «*Dani who?*» (Кто такая Дани?), «*La influencer*» (Инфлюэнсер).

Среди синтаксических средств прагматизации отметим использование словосочетаний и предложений с диалоговой семантикой двух типов: репрезентативы – утверждения, констатации, описания («*Sos mi vida*» (Ты – моя жизнь), «*Ella Camina Sola*» (Она идет одна), «*Siempre Fui Yo*» (Я всегда была ею); а также и экспрессивы: «*Perdona nuestros pecados*» (Простите нам грехи наши). В таких названиях, как правило, присутствуют личные и притяжательные местоимения или глаголы в повелительном наклонении, которые маркируют диалоговый характер фильмонима.

Прагматический потенциал также реализуется в принципе языковой игры, при помощи словообразовательного и лексико-семантического способа номинации. Как замечает Т.П. Куранова, языковая игра многофункциональна, она выполняет ряд функций: комическую, развлекательную, характерологическую, фатическую, аттрактивную, смыслообразующую, выразительную, эстетическую, экспрессивную, дискредитирующую и оценочную функции [Куранова, 2008].

В фильмонимах «*Los Espookys*» (Лос страшилкас) и «*Noobees*» (Нубы) помимо заимствованных слов из английского *spooky* в значении ‘страшный’ и *noob* ‘сленг. ‘новый интернет-пользователь, новичок’ присутствуют элементы языковой игры. Данные названия – это грамматический каламбур, образованный путем добавления окончания множественного числа *-s*. Кроме этого, в названии «*Los Espookys*» (Лос страшилкас) употребляется испанский определенный артикль множественного числа *los* и добавляется гласная *e* в начале слова, которая не только маркирует нестандартную, каламбурную номинацию, но и облегчает всем испаноговорящим произнесение слов, начинающихся с буквосочетаний *-sp*, *-sc*.

Каламбур может создаваться и с помощью словообразовательного способа, который отражен в названии «*Barrabrava*» (Банды Буэнос-Айреса). Это название образовано путем сложения существительного *barra* ‘район’ и прилагательного *bravo* ‘смелый’. Приемом аффиксации отражен в названии латиноамериканского сериала «*Ojitos de huevo*» (Глазки размером с яйцо), образованного при помощи добавления суффикса субъективной оценки *-ito* к существительному *ojos* ‘глаза’.

Встречаем также единичные случаи проявления принципа эстетичности и принципа экономии. Принцип эстетичности, отвечающий за внешнюю и звуковую привлекательность языкового знака, отмечен в фильмониме «*El amor después del amor*» (Любовь после любви), образованном с помощью приема лексического повтора, который придает названию ритмичность и благозвучие.

Принцип экономии используется имядателями для создания краткого и семантически содержательного названия. Одним из способов реализации этого принципа является прием аббревиации, что демонстрирует фильмоним «*R*» (*Ошибка*), в котором название сокращено до одного лишь знака, а также фильмоним «*Alias J.J.*» (*Переживший Эскобара: по прозвищу Джей Ха*), в котором сокращается *J.J.* – имя Джона Хайро Веласкеза – правой руки Пабло Эскобара.

Прагмалингвистический анализ позволил заключить, что все прагматические принципы, применяющиеся в процессе номинации, имеют одну общую прагматическую цель – создание привлекательного названия для теле-/кинозрителя. Они отражают национально-культурную специфику испаноязычных стран латиноамериканского континента. Примечательно, что латиноамериканские имядатели дают названия телесериалам чаще с отрицательной оценочной семантикой, чем с положительной. Также названия телесериалов содержат заимствования из английского языка, что указывает на влияние английской культуры на постколониальные государства; слова с переносным метафорическим значением, что привлекает особый интерес со стороны потенциального адресата; слова и выражения с диалоговой семантикой, устанавливающих контакт с адресатом; прецедентные имена собственные, а именно библионимы и антропонимы, наиболее ярко подчеркивающие в национально-культурную специфику названия. Остальные прагматические принципы (языковой игры (словообразовательный и лексико-семантический способ), принцип эстетичности (лексический повтор), принцип экономии (аббревиация)), которые дополняют принцип аттрактивности, в совокупности создают условия для благозвучности, внешней привлекательности, лаконичности и семантической ёмкости названий латиноамериканских телесериалов.

Список литературы

Marcos Américo. Método Sabido: entretenimento e educação na produção de telenovelas com benefícios sociais comprovados // *Boletim de Conjuntura*. – 2023. – Vol. 15, №43.

Виноградова Е.А. Латиноамериканский телесериал как канал межкультурной коммуникации с Европой // *Современная Европа*. – 2020. – №6. – С. 112–118.

Врублевская О.В. Названия торжественных мероприятий: прагмалингвистический аспект (на материале русских и немецких номинаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 24 с.

Зарецкая А.Н. Картина мира телесериала через призму когнитивной лингвистики // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2013. – № 24 (315). – С. 8–90.

Кныш Е.В. Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке: Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Одесса, 1992. – 191 с.

Крюкова И.В. Периферийные разряды ономастики // *Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография*. – Майкоп, 2017. – С. 166–180.

Крюкова И.В., Врублевская О.В., Кирпичева О.В. Коннотативные имена постсоветского периода: опыт лексикографического описания. – Волгоград: Перемена, 2020. – 199 с.

Куранова Т.П. Языковая игра в речи теле-и радиоведущих: автореф. дис... канд. филол. наук. – Ярославль, 2008. – 24 с.

Луков Вл. А. Телевидение: конструирование культуры происходящего. // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2012. – №3.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 783 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М.: ИНФОРТЕХ, 2009. – 938 с.

Руфова Е.С., Охлопкова Е.Е. Функционально-прагматические особенности фильмонимов (на материале японского языка) // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2018. – №1. – С. 111–121.

ХРЕМАТОНИМЫ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ

И.А. Михайлин

*Волгоградский государственный социально-педагогический
университет
(Волгоград, Россия)*

В статье рассматривается специфика создания фикциональных хремотонимов в дискурсе компьютерной игры. На наиболее наглядных примерах, взятых из русскоязычного варианта игры жанра «шутер», проводится семантический анализ хремотонимов двух групп: названия оружия и названия экипировки. Хремотонимы первой группы метафорически обозначают характерные особенности оружия (принцип стрельбы, строение и др.), а хремотонимы второй группы показывают связь предмета с персонажем игры. Отмечается корреляция хремотонима, как с реальностью (отсылка к объектам реального мира), так и с фикциональным нарративом игры.

Ключевые слова: фикциональный хремотоним; названия оружия; названия экипировки; компьютерная игра; дискурс

Современные ономастические исследования посвящены разным разрядам имен собственных: антропонимам, топонимам, мифонимам, зоонимам, урбанонимам. При этом не уделяется должного внимания хремотонимам. Хотя в некоторых типах дискурса они достаточно репрезентативны и сопоставимы с иными разрядами имен собственных.

В словаре Н.В. Подольской хремотоним определяется как «собственное имя уникального предмета материальной культуры, в том числе название оружия, музыкального инструмента, ювелирного изделия, драгоценного камня, предмета утвари. Пр.: “Царь-Пушка”, золотые самородки “Заячьи уши”, “Верблюд”, алмазы “Орлов”, “Шапка Мономаха”, кубок “Лебедь”» [Подольская, 1988, с. 146]. Определение указывает на сущностный признак номинации с детерминацией границ явления.

С опорой на положение о том, что ономастическое пространство любого языка делится на имена реальных и вымышленных предметов [Суперанская, 2007, с. 148], считаем возможным выделение реальных и вымышленных (фикциональных) хремотонимов. Исследования реальных хремотонимов немногочисленны, т.к. употребление данных имен собственных ограничено рамками определенного типа профессионального дискурса. Например, военного дискурса атомной и космической отраслей [Юдина, Фельдман, 2019].

Исследование хрематонимов в произведении жанра «фэнтези», проведенное М.М. Давыдовой, показывает функциональную значимость ономастического исследования не только реальных, но и фикциональных хрематонимов [Давыдова, 2021].

В современных реалиях мы считаем актуальным и перспективным анализ вымышленных хрематонимов на материале компьютерных игр. Это связано с экстралингвистическим статусом компьютерных игр – широкая популярность (доступность) и простота в освоении. Кроме того, лингвистический аспект основывается на проработанности языкового наполнения дискурса мира игры, в разы превышающего художественные варианты [Югай, 2008, с. 26].

Для анализа хрематонимов была выбрана игра «Borderlands 3». По существующей классификации жанров компьютерных игр, она относится к жанру «шутер» от первого лица с элементами RPG [Култалиев, 2014, с. 25]. В данной игре присутствует шутерная составляющая (оружие и дополнительные элементы экипировки) и элементы RPG (градирование предметов по уровням редкости). Сам дискурс игры можно охарактеризовать как агрессивный, спонтанный, с большим количеством шуток и долей сюрреализма, что отражается в неоднородных принципах номинации предметов. Исследовался русский вариант игры, поскольку многие игроки, не обладая знаниями иностранных языков (изначальный вариант игры), полагаются именно на русский вариант.

В качестве материала мы рассматриваем уникальные названия предметов наивысшего уровня редкости, полученные путем сплошной выборки из игры «Borderlands 3». Данные номинации коррелируют с названиями предметов, представленными в определении Н.В. Подольской. В сумме было проанализировано 223 названия уникальных предметов, обладающих всеми признаками хрематонима.

Выделяются две наиболее частотные группы хрематонимов: названия оружия – 137 предметов (61,5%) и название экипировки – 86 предметов (38,5%). В каждой из представленных групп присутствует деление предметов на иные репрезентативные классы.

Так, в группу оружия входят названия штурмовых винтовок – 29 ед./21%, пистолетов – 37 ед./27,5%, пистолетов-пулеметов – 26 ед./19%, ракетометов – 9 ед./6,5%, снайперских винтовок – 10 ед./7%, дробовиков – 26 ед./19%. Среди дополнительной экипировки выделяются: щиты – 24 ед./28%, артефакты – 16 ед./18,5%, модификаторы гранат – 21 ед./24,5% и модификаторы класса – 25 ед./29%.

Названия предметов основываются на характерных особенностях каждого экземпляра: компания-производитель, физические паттерны (стихия, принцип стрельбы и работы), принадлежность к классу персонажа и отсылки, которые учитывались создателями игры на этапе ее разработки.

Многие эти признаки выражены не прямо, а косвенно через метафору. У каждого оружия есть карточка с текстом, объясняющим некоторые особенности выбора названия. Приведем наиболее характерные примеры хрематонимов-

названий оружия, которые метафорически обозначают особенности стрельбы или внешнего вида оружия.

Например, название штурмовой винтовки *Кошачий медведь* – это отсылка к реально существующему животному Бинтуронгу. Туристы называют их кошачьим медведем из-за внешнего сходства тела с кошачьими и медленным паттерном передвижения как у медведя. Поясняющий текст на карточке предмета гласит: «Я люблю запах попкорна по утрам». Это комбинированная отсылка к фильму «Апокалипсис сегодня», где один из персонажей говорит: «Обожжаю запах напалма по утрам». В карточке она изменена так, чтобы коррелировать с особенностью животного. Muskusный запах из желез этого зверька отдаленно напоминает запах свежего попкорна. Так отражается фактическая особенность процесса стрельбы из этого оружия: медленный темп (медленный зверёк) и мощные выстрелы, напоминающие эффект воздействия напалма.

В наименовании легендарного пистолета *ААА* сочетаются несколько сем: стихийный элемент оружия, стрелковая особенность и отсылка, связывающая их. Во многом этот пистолет – глобальная референция к типоразмеру гальванических элементов и аккумуляторов – *ААА* (мизинчиковые батарейки). В результате выстрела патроны формируют в воздухе букву «А» расходуя 3 патрона (отсюда 3 буквы «А» в названии). Стихийный элемент этого оружия всегда «шок», что соотносится с электрической природой батареек. Карточка предмета еще усиливает эту семантику фразой «Подождите! Они же литиевые!».

В названии пистолета-пулемета *Сучонок* отражены небольшие габариты в сопоставлении с другими представителями группы (характерно для компании «Гиперон»). Суффикс *-онок* в названии «при добавлении к основе существительного образует существительное со значением (с общим прототипическим значением) маленький (по отношению ко взрослому, маленький предмет)» [Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка, 2016, с. 812]. Кроме того в визуальной составляющей предмета превалирует красный цвет, характеризующийся семой «привлечения внимания». В данном случае его функцию выполняет название через сему «провокации» и просторечную форму.

Название ракетомета *Тунгусский метеорит* отсылает нас к одноименному метеориту, упавшему в 1908 году. Падение метеорита характеризуется большим поражающим радиусом, взрывом при столкновении и баллистической траекторией падения. Эти характеристики во многом легли в основу работы ракетомета: один снаряд, движущийся по определённой баллистической траектории и огромный взрыв с поражающей волной. Такое название было выбрано с целью создания единицы с наиболее считываемой эксплицитной семантикой (пресуппозиция о метеорите).

Снайперская винтовка *Максим* – это хремотонимы-аллюзия на собирательный образ советских снайперов Великой Отечественной войны Максима Брыскина и Максима Пассара, которые ликвидировали большое количество солдат противника. Мы делаем такой вывод на основе нескольких

фрагментов информации дискурса игры (в том числе оригинала). Корпорация-производитель этого оружия «Владоф» ассоциируется в мире игры с революционерами, коммунистическим строем и освободителями. В оригинале эта снайперская винтовка называется *Lyuda*, в честь советской женщины-снайпера Людмилы Павличенко, которая ликвидировала 309 нацистских солдат и офицеров в годы Великой Отечественной войны. Ее называли самой результативной женщиной-снайпером в истории. В нашей локализации смена антропонима, от которого образован хрематоним, основана на идее, что почти все названия оружия мужского рода.

Название дробовика *Ванпанч* – это хрематоним, в основе создания которого лежит аллюзия на популярную японскую мангу «One-Punch Man». Это транскрипция исходного онима манги «One-Punch». Главный персонаж произведения способен поразить любого врага всего с одного удара. Эта особенность выражается во вместимости и мощи дробовика – это однозарядное оружие с большим уроном.

Хрематонимы-названия экипировки зачастую характеризуют персонажей игры. Например, хрематоним-артефакт *Статический разряд* получил свое название из-за способности, которой он наделяет своего игрока. При скольжении персонаж способен накапливать статический заряд, позволяющий игроку наносить урон электричеством в ближнем бою. Во многом это схоже со способом накопления статического заряда в реальном мире путем трения вещей о специальные ткани и поверхности. Таким образом, мы можем говорить, что хрематоним получил свое название на основе смежности добычи статического заряда в игре и реальном мире.

Название модификатора гранат *Пиявка Чупы* – это хрематоним, сформировавшийся в результате смешения двух семантических основ. Часть хрематонима *Чупа* является уменьшительной формой, производной от антропонима Чупакабрэч – имени персонажа, из которого этот модификатор добывается в качестве награды. Другая часть, *Пиявка*, отображает принцип его работы: нанося урон, граната конвертирует его часть в здоровье и передает его владельцу. Схожим принципом действуют пиявки в реальности: присасываются, питаются кровью других существ, чем восполняют свое здоровье.

Название щита *Трансформер* отображает его характерную особенность экипировки протагониста. Он защищает персонажа путем впитывания попадающих снарядов и преобразует (трансформирует) их в амуницию (патроны), которой персонаж может сразу пользоваться. Другими словами, оним отображает принцип трансформации.

Однако наиболее репрезентативные модификаторы класса персонажей – это группа хрематонимов, демонстрирующая непосредственную связь предметов и персонажей посредством использования числовых и буквенных индексов. Например, хрематоним *СН4ЙПЗР* – это модификатор класса, используемый персонажем *ЗЛП*. Здесь в антропониме *ЗЛП*, буква «А» заменена на цифру 4 ввиду их частичного графического сходства. Это характерно для языка общения гейминг-среды, в особенности при

придумывании ников для персонажей [Селютин 2021: 131-137]. Нарратив игры разворачивается в мире высоких технологий будущего, где имена собственные призваны отображать специфику персонажа. Сам антропоним принадлежит человеку, подобному роботу, для названий, которых характерно использование цифровых составляющих. Поэтому здесь наблюдается смешение семантических основ, коррелирующих с геймерским дискурсом и дискурсом мира игры. В данном случае при формировании хремотонима *СН4ЙПЗР* был применен идентичный подход. Гласные буквы были заменены на цифровые символы, совпадающие с ними в графическом плане: А-4, Е-3.

Подводя итог нашего исследования, сформулируем некоторые выводы. Хремотонимы способны быть значимым классом онимов в дискурсивном пространстве компьютерной игры. Их характер коррелирует со спецификой игры и отражает реальность номинации (отсылки к объектам реального мира) в сочетании с фикциональным началом. В результате хремотонимы способны выступать маркерами жанра. Например, жанра «шутер», в рамках которого номинируется большое количество оружия и предметов экипировки. При этом названия оружия в большинстве своем метафорически отображают характерные особенности предмета номинации (строение, принцип стрельбы и т.д.), а названия экипировки в большей степени характеризуют персонажей. При создании хремотонимов автор использует разнообразные способы номинации: лексико-семантический (метафоризация), морфологический, аббревиатурный и комплексный (сочетание с иными знаковыми системами) и т.д. Хремотонимы в нарративе демонстрируют связанность интернет-дискурса и дискурса игры. Перспективы исследования мы видим в анализе связи хремотонимов с онимами иных классов в дискурсе компьютерной игры.

Список литературы

Давыдова М.М. Хремотонимы в романе Т. Пратчета «Мрачный лжец» // Новые научные исследования: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 101–103.

Кутлалиев Т. Х. Жанровая типология компьютерных игр: проблема систематизации художественных средств: автореф. дисс. канд. культурологии – М., 2014. – 25 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – С.161.

Селютин А.А. Игровой сленг и трансмедийность // Вестник ЧелГУ. – 2021. – С.131-137.

Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Изд. 2-е испр. – М.: ЛКИ, 2007. – 188 с.

Югай И.И. Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX-XXI веков: автореф. дис. ... кандидата искусствоведения. – Санкт-Петербург, 2008. – 26 с.

Юдина Н. В., Фельдман Н. Б. Хремотонимы в профессиональном дискурсе атомной и космической отраслей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 227–238.

ИНДЕКС ПРАГМАТИЗМА В НАЗВАНИЯХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ КАНАЛОВ «Ю» И «КУЛЬТУРА»

М.М. Сулейман

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград, Россия)*

Особенности современного ономообразования в телевизионном дискурсе представляют интерес для лингвистов, т.к. отражают модные тенденции в обществе и дают представление о языковой картине в сфере СМИ, а именно названий телепередач. В данной статье названия телепередач каналов «Культура» и «Ю» рассматриваются как объект прагмалингвистики и будут проанализированы согласно двум основным прагматическим принципам (принцип информативности и аттрактивности). Как следствие, все названия телепередач в дальнейшем будут классифицированы согласно их прагматическому потенциалу (индексу прагматизма) на информемы и прагмемы, и будет сделан вывод о зависимости статуса телеканала и выборе способа и принципа номинации телепередачи.

Ключевые слова: ономастика; телепередача; гемероним; прагматические принципы; индекс прагматизма; средства прагматизации; информемы; прагмемы

Телевизионный дискурс – это медиаполе, которое очень живо и стремительно реагирует на изменения в обществе и адаптирует сеть вещания под потенциального адресата медиапродуктов того или иного канала. Иными словами, можно заметить, как отличаются стилистические тенденции в процессе имянаречения медианоминаций, их тематика и жанровое своеобразие в зависимости от статуса канала и потребителя медиапродукта. В этом мы видим актуальность исследования названий телепередач с точки зрения прагмалингвистики, т.к. СМИ оказывают значительное влияние на телезрителя, его мировоззрение, мышление, а создатели программ заинтересованы в привлечении как можно большего количества потенциальных зрителей к своему медиапродукту, что приводит к появлению новых тенденций и стратегий в нейминге, ведь именно благодаря заголовку мы останавливаем свой выбор на просмотре той или иной передачи. Это непосредственным образом связано с главной целью прагмалингвистики – «выявление наиболее оптимальных языковых средств для влияния на читающего или слушающего с целью достижения желаемого эффекта» [Сусов, 1983, с. 4]. Прагмалингвистический подход к анализу имен собственных, в том числе рекламных имен, представлен в работах волгоградских исследователей русских и английских школьных прозвищ [Стаханова, 2011], русских и английских эргонимов [Трифонова, 2006], русских и китайских прагматонимов [Ван Мяо, 2010], русских и немецких геортонимов [Врублевская, 2006].

Названия телепередач, как результат вторичной номинации [Сулейман, 2023] очень ярко отражают процесс целенаправленного отбора языковых единиц, что увеличивает их прагматичность, и как результат повышает заинтересованность у телезрителя, поэтому считаем актуальным проанализировать названия телепередач каналов «Культура» и «Ю» в рамках функционального направления прагмалингвистики [Сулейман, 2023]. По названиям телепередач, проанализированным с этих позиций, можно судить о предпочтениях, интересах и вкусах людей, относящихся к тому или иному лингвокультурному сообществу.

Согласно словарю русской ономастической терминологии Н.В. Подольской, все СМИ можно отнести к гемеронимам, классу ономастических единиц, которые «обладают единым названием, имеют определенное время трансляции и объединены общей идеей и тематикой» [Подольская, 1988], [Сулейман, 2016]. Подобный набор характеристик также сближает гемеронимы и с другим ономастическим классом – эргонимами, где, как отмечает Н.В. Шимкевич, название является ярким связующим звеном между организатором и клиентом [Шимкевич, 2002], поэтому оно всегда достаточно прагматично. Иначе говоря, в принципе любая телепередача способна оказывать прагматическое воздействие на телезрителя, независимо от ее типа и канала трансляции.

Однако в медиадискурсе степень прагматизации названий телепередач не всегда находится на высоком уровне, что нам уже удалось проследить в более ранних публикациях при анализе телепередач государственных каналов России и Великобритании [Сулейман, 2018], поэтому в этой статье мы решили представить анализ названий передач российских телеканалов, имеющих различный статус (*государственный федеральный канал «Культура»* и *частный независимый холдинг группы Медиа-1 канал «Ю»*) и тематическую направленность, с целью выявления средств прагматизации, используемых создателями программ, чтобы придать названию уникальный и неповторимый вид.

Согласно Л.А. Киселевой, языковые единицы, которые обладают информативной функцией и номинируют явления или предметы, относятся к информемам, в то время как языковые единицы с ярко выраженной регулятивной функцией и коннотативной окраской – к прагмемам [Киселева, 1978]. Такой подход может быть применен и к гемеронимам.

В группе проанализированных нами названий встречаются как информемы, так и прагмемы, однако способы их создания в выбранных нами телеканалах различны. Исследуя медиополе телеканала «Ю», мы выделили следующие примеры информем: *Популярная правда, Обмен домами (русский сезон), Обмен женами (русский сезон), Стилистика.Новости моды, Школа музыки, Люди, Ювелир, Измены, Русский балет, Твое тело, Косметический ремонт* и др. В сети теле вещания канала «Культура» также присутствуют информемы: *Большая семья, В мире танца, Время музыки, Звездные портреты, Культура, Кумиры, Мир авиации, Чтения.Уроки русского, Читая Библию, Спортивные встречи* и др. В данных названиях телепередач используется нейтральная лексика, они часто представляют собой словосочетания или состоят из одного слова. Считаем, что присутствие названий-информем в сети вещания обоих телеканалов обусловлено тем, что для создателей остается важным прямо отразить тематику программы через название, и тем самым, помочь адресату с выбором программы.

Однако названия-информемы могут быть далее также классифицированы согласно индексу прагматизма [Шимкевич, 2002] [Сулейман, 2023]. Нередко названия телепередач прямо отражают тематику программы, но в их составе присутствует прагматический компонент. Следующие медианоминации канала

«Ю», как *Худший повар, Самая прекрасная женщина, Супермама, Одержимые, Суперняня, Идеальное предложение, Моя “прекрасная” свадьба, Гуру кухни, Самая опасная и полезная еда в мире, Модель XL* и др. включают в себя слова со значением наивысшей степени чего-либо, а в таких названиях телепередач, как *Будни роддома, Истории роддома, Кошмарные татуировки, Помешанные на чистоте, Холостяк* и др. используются слова разговорного стиля. Интересный случай представляет название *Модель XL*, где используется аллитерация, что придает названию ритмичность, благозвучие и делает его запоминающимся. Еще одной отличительной особенностью названий-информем с прагматическим компонентом является включение ведущего или создателя программы в название, например, *Соблазны с Машей Малиновской, Детская десятка с Яной Рудковской, КиноблогГ с Валерией Гай Германикой* и др. Особый интерес здесь представляет последний пример, где инициалы ведущей интегрированы в слово «киноблог», что делает это название прагматичным. Указание на ведущего/автора передачи имеет особое значение для адресата, т.к. выступает неким стимулом к просмотру программы, если данная личность является авторитетной для зрителя, а отображение тематики в названии снимает трудности декодировки сути программы.

Прагматические информемы присутствуют и на телеканале «Культура». К ним можно отнести названия, включающие ведущих передачи, например, *В гостях у Эльдара Рязанова, Обыкновенный концерт с Эдуардом Эфировым, Вместе с Фафалей, Короли песни с Артемием Троицким, Уроки рисования с Сергеем Андриякой, РОКовая ночь с Александром Ф. Скляр* и др. Последнее название представляет собой также и языковую игру, где в прилагательном «роковая» выделяется направление музыкальных концертов лидера рок-группы «Ва-Банк» и по совместительству ведущего данной программы Александра Ф. Скляра. Нередки также и случаи использования в названиях телепередач лексем, указывающих на превосходство или уникальность описываемого объекта – *Абсолютный слух, Легенды кино, Шедевры мирового музыкального театра, Вокзал мечты, Книжный клад* и др. Подобные названия обладают образностью, что важно для привлечения внимания адресата, но также и являются понятными, что облегчает телезрителям выбор программы для просмотра.

Названия-прагмемы также присутствуют среди анализируемых нами телепередач. Их особенность заключается в том, что они не дают представления о тематике программы, даже косвенно, поэтому обладают высоким индексом прагматизма и иллюстрируют творческий подход создателей к неймингу с использованием различных средств прагматизации. Примерами подобных названий телепередач на телеканале «Ю» могут быть следующие группы медианоминаций:

- предложения с диалоговой семантикой (повествовательные, вопросительные, восклицательные и побудительные предложения): *Я стесняюсь своего тела, Зови меня мамой, Брак или никак!, Кто сверху?, Готов на все, Почему он...?, Едим для вас, Спасите моего ребенка!, Угадай мой возраст, Одинокий папа мечтает познакомиться, Женись на мне!, Моя*

соседка медиум, Осторожно, злая невеста!, Мама дорогая! и др. Такой прямой контакт с телезрителем через название оказывает сильное влияние и увеличивает интерес к просмотру телепередачи.

- использование компьютерных символов и специальной лексики в названии телепередач, копирующих Интернет-общение: хэштеги – *#яправа, #девочкитакиедевочки, #всёпротсо* и др., молодежный сленг – *Осторожно, мимими!, Статус: неравный брак, Селфи, В теме, В стиле, Большой Кэш, Любовь с первого лайка* и др. Подобные развлекательные медианоминации направлены на молодого зрителя, поэтому название адаптировано под стиль общения данной группы и вызывает определенные ассоциации и эмоциональный отклик у адресата.

- использование сниженной и разговорной лексики: *Жиголо, Папочка и мамочки, Ждули, Грешницы на перевоспитании, Дорогая, я забил!, Мисс Детсад* и др. Данные лексемы уже сами по себе коннотативны, поэтому включение их в названия телепередач повышает их прагматичность и выделяет среди других программ.

Как видно из анализа, названия телепередач канала «Ю» направлены в основном на среднестатистического молодого зрителя, носят развлекательный характер, что обуславливает выбор данных стратегий нейминга СМИ. Кроме того, частный статус канала позволяет использовать в названиях элементы разговорной речи, что повышает интерес у потенциальной аудитории к просмотру.

Телеканал «Культура», напротив, является государственным федеральным каналом, поэтому большинство названий телепередач проходят этап цензуры перед запуском. Это влияет на отбор средств прагматизации, которые будут включены в название. Нам удалось найти следующие примеры:

- метафоры: *Власть факта, Живое слово, Правила жизни, Культурная революция, Цвет времени, Дуновение века, Мелодия стиха, Сказки из глины и дерева, Экология литературы* и др.

- устойчивые словосочетания и прецедентные тексты: *Черные дыры. Белые пятна, Гении и злодеи, За семью печатями, Ближний круг, Игра в бисер, Жизнь замечательных идей, Очевидное - невероятное* и др.

- внешние заимствования и кальки из других языков: *Pro memoria, BLOW-UP. Фотоувеличение, ACADEMIA, БлокНОТ, До мажор, Джем-5, Капучино, Камертон, Концертино, Джаз мемориз* и др.

- словосложение: *Смехоносталягия, Худсовет, Утренняя Джазофрения, Кинопанорама, Культтовары, Телесуфлер* и др.

- предложения с диалоговой семантикой: *Кто мы?, Мы – грамотеи, Россия, любовь моя!, Что делать?, В музей – без поводка, Есть упоение в бою, И снова шлягер, Красуйся, град Петров!, Поэт в России – больше, чем поэт!, Кто в доме хозяин?, Послушайте!, Смотрим... Обсуждаем..., Телевидение – любовь моя!, Чем живет Россия, Чему смеетесь? или Классика жанра* и др.

Как видно из проанализированного материала, в названия телепередач включается литературная и общеупотребительная лексика, часто встречаются слова в переносном значении или устойчивые словосочетания, которые могут

сформировать в сознании адресата определенные ассоциации и образы и подсказать тематику телепередачи. Очевидным остается тот факт, что у зрителя должны быть дополнительные знания в области литературы, кино, искусства, поэтому можно сделать вывод, что тематика программ телеканала «Культура» направлена на более взрослого и образованного зрителя, что обуславливает выбор таких стратегий нейминга. Еще одной отличительной особенностью медиаполя канала «Культура» является жанровое своеобразие программ – в основном это образовательные и научные интервью, репортажи, беседы, очерки и интеллектуальные игры. Присутствуют также и патриотические телепередачи о России, что мы связываем с государственным статусом телеканала.

Таким образом, анализ названий телепередач каналов «Культура» и «Ю» показал, что статус канала влияет не только на тематическую направленность программ, но и на принципы и способы их номинации.

Список литературы

Ван Мяо. Названия кондитерских изделий в прагмалингвистическом аспекте (на материале русских и китайских прагматонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ван Мяо. – Волгоград, 2010. – 24 с.

Врублевская О.В. Названия торжественных мероприятий: прагмалингвистический аспект (на материале русских и немецких номинаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Оксана Валентиновна Врублевская. – Волгоград, 2006. – 24 с.

Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия: монография. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 188 с.

Стаханова И.С. Прагматика школьных прозвищ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ирина Сергеевна Стаханова. – Волгоград, 2011. – 170 с.

Сулейман М.М. Место названий телепередач в системе имен собственных // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – №6 (110). – С. 125–130.

Сулейман М.М. Прагматика названий передач телеканала «Культура» // Русский язык в образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа. II Намитоковские чтения. Материалы международной научной конференции по общей региональной ономастике, Майкоп, 22-24 мая 2023. – Майкоп, 2023. – С. 206–211.

Сулейман М.М. Прагматические принципы создания названий российских и британских телепередач // Филологические этюды: сборник научных статей молодых ученых Всероссийской научной конференции. В 3-х частях. – 2018. – С.148–151.

Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин: КГУ, 1983. – С. 5–15.

Трифонова Е.А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Екатерина Александровна Трифонова. – Волгоград, 2006. – 20 с.

Шимкевич Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / Николай Валерьевич Шимкевич. – Екатеринбург, 2002. – 22 с.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЗАГОЛОВКАХ РУССКОЙ ПРЕССЫ: ЯЗЫКОВАЯ ИГРА С ОНИМАМИ

Цзян Линьлин

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград, Россия)*

В статье рассмотрены имена собственные с точки зрения их использования в заголовках газетных статей в российском медиапространстве. Проанализированы имена собственные разных разрядов, активно используемые современными российскими газетами

в своих заголовках. Определено, что самым частотными в заголовках и подзаголовках являются антропонимы и топонимы. С помощью трансформаций, цитатного использования имён собственных в газетах реализуется языковая игра. Создание игрового эффекта в заголовочных текстах доказывает высокий креативный потенциал ономастической лексики.

Ключевые слова: имя собственное, газета, медианпространство, заголовок, языковая игра, антропоним, топоним

Имена собственные занимают важное место в системе языка. Являясь именами существительными или субстантивированными единицами, они представляют собой бесчисленное количество слов-названий, присваиваемых единичным объектам на Земле и за её пределами: людям, животным, поселениям, рекам, морям, горам, странам, планетам, звёздам, предприятиям, учреждениям, обществам, газетам, единичным предметам и мн. др. «Русская грамматика» различает собственные имена и наименования. «Собственные имена в узком смысле этого слова – это географические и астрономические названия и имена людей и животных. Это – лексически ограниченный и медленно пополняемый круг слов-названий, присваиваемых или присвоенных одному предмету» [Русская грамматика, 1980, с. 460]. Заметим, что представление о лексической ограниченности и медленной пополняемости русского ономастикона зависит от того, считаем ли мы варианты и комбинации антропонимов, обозначающих конкретного человека, одной единицей или каждый компонент считаем самостоятельной единицей: *Иван Иванович Иванов, Иван, Иваныч, Иванов, Ваня, Ванюша, Ванятка, Иванушка, Ванька* и др. У топонимов существуют исторические и речевые варианты: *Санкт-Петербург, Петербург, Питербурх, Питер, Ленинград*. «Для имён собственных наименований используются нарицательные существительные или сочетания слов. При этом нарицательные существительные не утрачивают своего лексического значения, а лишь изменяет свою функцию» [Русская грамматика, 1980, с. 460]. Однако приведённый пример заставляет сомневаться в справедливости этого тезиса: *фабрика «Большевичка» – большевичка < большевик* ‘член большевистской партии, сторонник большевизма (первоначально представитель революционного большинства Российской социал-демократической рабочей партии, возглавляемого В.И. Лениным)’ [БТС, с. 90]. Фабрика не является членом партии.

А.В. Суперанская разделяет имена собственные на: 1) антропонимы (имена, фамилии, отчества); 2) зоонимы (имена и клички животных); 3) фитонимы (имена растений); 4) топонимы (имена географических объектов); 5) космонимы (имена зон Вселенной); 6) астронимы (имена небесных тел); 7) фалеронимы (награды); 8) хрононимы (имена временных отрезков, в рамках которых происходили те или иные события); 9) документонимы; 10) теонимы (имена божеств); 11) демонимы (имена объектов духовной культуры); 12) хрематонимы (имена объектов материальной культуры); 13) фиктонимы (имена в художественных произведениях) [Суперанская, 1974, с. 17]. В. И. Супрун выделяет в ономастическом поле ядро, к которому относит антропонимы, к ним примыкают смежные разряды (теонимы, мифонимы, зоонимы). Периферию составляют остальные разряды имён собственных (гемеронимы, геортонимы,

фалеронимы, документонимы, прагмонимы, эргонимы, товаронимы и др.), кроме топонимов, которые распределены в поле в зависимости от местоположения на шкале *язык – речь* [Супрун, 2000, с. 17].

Язык СМИ располагает большим арсеналом средств экспрессивизации, которые используются как в текстах статей, так и в заголовках. Не вызывает сомнения то, что заголовок является одним из ключевых элементов газетного текста, так как он занимает стилистически сильную позицию, первым привлекает внимание читателя, даёт первоначальную информацию о содержании статьи, мотивирует (или не мотивирует) читателя к знакомству с содержанием текста [Паневина, 2019, с. 153].

Особую группу исследований занимают работы по изучению имён собственных в газетных текстах. Ономастическая лексика является важной частью публицистического текста. «В газетной публицистике оним выполняет информативную, характерологическую и экспрессивную функции. Информативной функцией наделены, как правило, фактуальные антропонимы, то есть антропонимы, выполняющие идентифицирующую функцию. Источником характеризующей и экспрессивной функций являются стилистические возможности имени» [Буркова, 2010, с. 6].

Ономастическая лексика в газетном тексте способна оказывать на читателя эмоционально-оценочное воздействие, так как она накапливает тезаурусную информацию об именуемом объекте, поэтому она становится часто используемым материалом для языковой игры в заголовках публицистических изданий, что усиливает аттрактивность текста, привлекает читателей к его прочтению. При этом ономастические единицы используются в заголовках в составе прецедентных текстов, каламбуров, разрушенных фразеологизмов, деонимизируются, употребляются как наименования типичных лиц, мест, явлений, предметов и пр.

Активно используются в газетных заголовках антропонимы. Чаще всего они встречаются как номинация реального героя публикации. Однако при употреблении в составе языковой игры в заголовке они способствуют значительному повышению интереса читателя к тексту, поскольку имена, фамилии, прозвища способны вызвать в его сознании разнообразные ассоциации, воспоминания, намёки, что повышает интерес к самой статье.

① *Петров, твой номер – 16-й!* (КП. Волгоград, 2023, 13 октября, с. 15).

Фраза «Твой номер – шестнадцатый» возникла в языке бильярдистов. При игре в русский бильярд используются пятнадцать пронумерованных шаров, а шестнадцатый шар – биток – номера не имеет. Без него игра не бывает, но в общем счёте партии он не учитывается. Прецедентный текст возник благодаря фильму «Выборгская сторона», снятом в 1938 году. В нём петербургский конторщик Платон Васильевич Дымба, пьяница, дебошир и «король петербургского бильярда», говорит прачке Евдокии, которая собралась выполнять задание уговорившего её члена ЦК партии эсэров Ропшина: «Цыц! Понеслась! Ваш номер шестнадцатый, Вас вызовут!» Но в современное употребление фраза вошла после телесериала «Место встречи изменить нельзя», в котором её произносит начальник отдела борьбы с бандитизмом

Глеб Егорович Жеглов: «Твой номер – шестнадцатый, помалкивай в трубочку, ясно?». Фактически герой телесериала процитировал высказывание из довоенного фильма, но несколько преобразовал его. Смысл фразы – ‘ты не очень нужен; без тебя могут обойтись; жди, когда тебя вызовут’. В тексте статьи речь идёт о том, что федеральная государственная информационная система «Моя школа» с 1 сентября стала обязательной для всех. Там есть электронный дневник, журнал, учебники, расписание уроков, материалы в помощь учителям. Она может автоматически, в зависимости от текущих оценок, выстраивать рейтинги детей, а учителя как бы становятся лишними. Фамилия **Петров** в заголовке – любой учитель, она взята из известного перечисления *Иванов, Петров, Сидоров* как обозначения любых русских людей.

② *Любовь к Малахову нагрывает* (КП. Волгоград, 2023, 21 ноября, с. 1).

В этом заголовке снова используется цитата из фильма. В 1934 году режиссёром Григорием Васильевичем Александровым была снята советская музыкальная комедия «Весёлые ребята». Музыка к фильму написал Исаак Осипович Дунаевский. Герой фильма талантливый пастух-музыкант Костя Потехин исполняет песню на стихи Василия Ивановича Лебедева-Кумача, в которой второй куплет начинается словами: «Любовь нечаянно нагрывает». В статье рассказывается, как известные в России мужчины встретили свою вторую половинку. Заголовок сохраняет ритм стиха, в нём слово *нечаянно* заменено на фамилию популярного телеведущего, который счастливо женат 12 лет.

③ *Петр Первый – царь прыжков!* (КП. Волгоград, 2023, 21 ноября, с. 15).

В данном заголовке осуществляется собственно *ономастическая игра*. Всем известно имя Петра Первого, царя и императора России, который осуществил значительные преобразования в стране. Однако в статье речь идёт о российском фигуристе Петре Гуменнике, которому на пятом этапе гран-при России в Самаре покорилась сумма свыше 300 баллов. Он набрал за счёт *прыжков* 300,66 балла, чем установил рекорд для внутренних стартов. Пётр стал *первым* российским фигуристом с таким высоким результатом, что позволило употребить по отношению к нему слово *царь* ‘тот, кто подчиняет окружающих или окружающее своему влиянию, превосходит всех в каком-л. отношении’ [БТС, с. 1458].

④ *Эрик Булатов нашел выход* (МК, 2023, 8 декабря, с. 8).

Эрик Булатов – классик современного отечественного искусства, один из лидеров Московской концептуальной школы, его картины хранятся в самых престижных музейных и частных коллекциях и ставят громкие рекорды на аукционах. В 2014 году его 80-й день рождения отмечался большой ретроспективой в столичном Манеже. Но в год 90-летия художника выставить его работы решилось всего несколько площадок, из них одна в Москве. Булатов своими картинами-плакатами говорит про реальное и иллюзорное, в них слова или фразы включены в пространство пограничного пейзажа. На выставке в

Москве фон на картинах сведён к минимуму, картины содержат зеркальные фразы-лозунги и фразы-притчи: «Вперед – Вперед», «Враг вдруг друг», «Опасно – Опасно», «Все не так страшно», «Не ведаем, что творим». Заголовок содержит разрушенный фразеологизм *найти выход* ‘испытывая трудности, затруднения чём-либо, суметь преодолеть их, продумав возможности для этого’ [ФФС]. Разрушение фразеологизма происходит за счёт артионима: одна из картин Эрика Булатова носит название «Exit – Exit».

Топонимы являются важным компонентом публицистического стиля, так как они документально точно локализуют действие во времени и пространстве. Публицистический текст – продукт анализа реальных событий, который «воспроизводит преимущественно объективное пространство с помощью лексических и контекстных средств» [Пушкарева, 2012, с. 104]. Топонимические единицы охотно включаются номинаторами в газетные заголовки.

① *Вот и кончились деньги, до свиданья, Италия!* (КП. Волгоград, 2023, 27 октября, с. 4).

В данном заголовке обыгрывается текст из песни «Поздний вечер в Сорренто» в исполнении известного российского певца Алексея Глызина. Музыка к ней написал Владимир Бородин, а текст – Александр Бережной. В тексте имеется строка: «Вот и кончились лето, до свиданья, Италия!» Но в заголовке слово *лето* заменено на *деньги*, поскольку в тексте идёт речь о том, что не менее 15% россиян, уехавших в за границу после начала СВО, уже вернулись обратно. Одна из главных причин «обратной релокации» – финансовая, у них кончились деньги. Топоним *Италия* обозначает в заголовке не только конкретную страну, но и другие государства, куда первоначально уехали релоканты, но потом из-за того, что кончились деньги, вернулись назад.

② *Майдану уже 10 лет, а Европы все нет* (КП. Волгоград, 2023, 21 ноября, с. 12–13).

Под *Майданом* в заголовке понимается одновременно и урбаноним – название центральной площади Киева, и политические события – массовая многомесячная акция протеста, начавшаяся 21 ноября 2013 года в ответ на приостановку украинским правительством подготовки к подписанию соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом. Под макротопонимом *Европа* подразумевается вступление Украины в Европейский союз. После так называемого Евромайдана прошло 10 лет, а с вступлением Украины в эту международную организацию нет никаких перспектив. Заголовок имеет ироничную коннотацию. Для усиления языковой игры используется рифмовка: *лет – нет*.

В заголовках российских прессы встречаются и единицы других ономастических разрядов, которые также служат цели привлечения внимания читателей за счёт использования прецедентных феноменов, языковой игры.

① *«АиФ» ягодка опять* (КП, 2023, 8 декабря, с. 11).

Популярная российская газета «Аргументы и Факты» издаётся с 1978 года. В 2023 году ей исполнилось 45 лет. В заголовке содержится намёк на

прецедентный текст «Сорок лет – бабий век, сорок пять – баба ягодка опять». По отношению к женщинам имеется в виду, что в прошлом в 40-летнем возрасте у них обычно начиналась гормональная перестройка организма, завершался репродуктивный (детородный) период, женщины теряли красоту и становились раздражительными, а к 45 годам физиологические проблемы заканчивались, и они снова становились красивыми и желанными. В тексте словосочетание *ягодка опять* используется только в темпоральном значении, газету в шутку сравнили с 45-летней русской бабой.

② **«Виллой» в бок** (Ком., 2023, 8 декабря, с. 12).

В заголовке языковая игра строится на паронимической аттракции названия английского профессионального футбольного клуба из Бирмингема «Астон Вилла» и фразеологизма *вилы в бок* ‘сложная, безвыходная ситуация’. Этот клуб является одним из 12 клубов-основателей Футбольной лиги Англии в 1888 году. «Астон Вилла» победила в родном городе команду «Манчестер Сити», в результате чего клуб из Манчестера покинул тройку лидеров.

Итак, в современной российской прессе значительное число заголовков нацелено на языковую игру, одним из способов которой является включение в название ономастических единиц. Как и целом в языке, наиболее активны в этом отношении единицы ядерных и окооядерных разрядов – антропонимы и топонимы. Разнообразие приёмов трансформации фраз при создании игрового эффекта в заголовке доказывает высокий потенциал ономастической лексики. Благодаря онимам повышается аттрактивность газетных заголовков, читатели охотно обращаются в полному тексту статьи, что и ставилось журналистом целью номинации.

Список источников и словарей

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.
Ком. – Коммерсантъ.
КП – Комсомольская правда.
КП. Волгоград – Комсомольская правда. Волгоград.
МК – Московский комсомолец.
ФФС – Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – 3-е изд., испр. – Москва : АСТ : Астрель, 2008. – 878 с.

Список литературы

- Буркова Т. А. Функционально-стилистическое варьирование антропонимов в немецком языке: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Уфа, 2010. – 45 с.
Паневина И. А. Языковая игра в газетном заголовке с использованием имён собственных // Поливановские чтения. Вып. 13. Смоленск: Изд-во Смолен. гос. ун-та, 2019. С. 152–157.
Пушкарева И. А. Категория пространства в художественно публицистическом тексте (на материале городской газеты) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2012. – № 6 (260). – С. 104–109.
Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва: Наука, 1980. – 783 с.
Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – Москва: Наука, 1974. – 365 с.
Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОНОМАСТИКИ

ИНФОРМАТИВНОСТЬ ДЕРЖАВИНСКИХ ОНИМОВ В РОССИЕВЕДЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ (на материале стихотворения «Памятник»)

Го Цзюаньцзюань

*Тамбовский университет имени Г.Р. Державина
(Тамбов, Россия)*

В статье анализируется стихотворение Г.Р. Державина «Памятник» с точки зрения информативности имен собственных для выражения общей идеи произведения и национальной идентичности автора. Делаются выводы о том, что включение в текст имен собственных создает самобытное национально-ориентированное поэтическое полотно: хорошо узнаваемые онимы типа Волга, Дон, Нева придают произведению национальную окраску, проникновение в основы русской культурной ориентации и углубляют познание россиеведения.

Ключевые слова: *Г.Р. Державин; стихотворение «Памятник»; онимы; россиеведение; познание*

«Активное развитие ономастических исследований, развернувшееся по всей России, хотя и не везде с одинаковой интенсивностью» [Межуева, Щербак, 2010, с. 150], способствует плодотворному изучению ономастикона русского литературного языка.

Еще в XIX веке ученый Казанского университета К.К. Фойгт определил принадлежность поэтического наследия Г.Р. Державина к особому литературному направлению – «руссизму» [Сидорова, 2015, с. 238–241), Г.Р. Державин служил «народу, Родине, Богу» [Дьячков, 2024, с. 340].

Стихотворение «Памятник» было написано в 1795 году. На литературном поприще в это время Державин уже имел много заслуг: сочинил «сотни стихотворений», написал «тысячи строк» [Западов, 1965, с. 126] и мог по праву подводить определенные итоги своих жизненных и поэтических достижений.

Первоначально стихотворение «Памятник» Державина имело название «К Музе. Подражание Горацию», так как это действительно было вольное переложение оды Горация, переведенной Ломоносовым. Однако текст «Памятника» Державина – это самобытное произведение, и написано оно русским поэтом, который использует прецедентную форму для выражения своего «духа», возвращенного на почве родной культуры.

В текст стихотворения включены культурно маркированные имена собственные, которые современные ученые обоснованно рассматривают «как продукт определенной культуры и определенного исторического периода» [Чжан Х., 2023, с. 4]. Совершенно очевидно, что «ни один язык, ни одна культура не обходится без имён собственных. Народ сам создаёт свой язык, именно поэтому имена собственные своеобразны и национальны» [Щербак, 2022, с. 7].

Имена собственные в стихотворении «Памятник» помогают выразить «русскость» автора. В небольшом по объему произведении Державин использует 9 имен собственных: антропоним Фелица, гидронимы Белое море, Черное море, Волга, Дон, Нева, Урал; топоним Рифей и теоним Муза. Лишь два

из них отсылают нас к античной культуре, другие же в контексте идеи широкого распространения поэтической славы поэта воссоздают пространственный образ екатерининской России:

«Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал...»

Хорошо узнаваемые онимы придают произведению национальную окраску. Волга, Дон, Нева, Урал – эти реки и водные системы, которые являются яркими репрезентантами образа России, ее водных богатств и обширных территорий. Словосочетание «*От Белых вод до Черных*» буквально обозначает «с севера до юга России».

Особого внимания заслуживает оним Рифей, не очень понятный современным читателям. Рифей (от лат. *Riphaei montes* «Рифейские горы») – так иногда античные географы называли Уральские горы, это было древнее название Урала. Действительно, река Урал «льет» с Рифея: начинается на восточном склоне Уральского хребта в Учалинском районе Республики Башкортостан [Рифейские горы. Геологический словарь].

Используя названия ключевых для России гор, морей и рек, Г.Р. Державин представил перед читателем образ огромной территории России того времени: Центральная Россия и Поволжье представлены гидронимами *Волга* и *Дон*, Северо-Западная часть – гидронимом *Нева*, *Урал* и устаревшим топонимом *Рифей*, юг и север образными названиями морей «Белые и Чёрные воды».

Гидронимы и оронимы создают и ценностную систему координат картины русского мира: ценностно-окрашенным оказывается пространственная составляющая России. Онимы в этом случае выступают трансляторами лингвокультурных ценностей и инструментом руссиеведческого познания сквозь призму имен собственных в системе национального русского языка.

На поверхности текстового содержания отражается желание автора, чтобы его помнили все жители России. Думается, есть и более глубокий авторский замысел: имена собственные помогают поэту обозначить свою принадлежность как поэта и гражданина к России и своему народу. Известно, что гидронимы и топонимы, кроме основной денотативной функции, обладают кумулятивной функцией и скрытым пластом страноведческой информации, так как хранят исторически значимые для социума знания, что делает их историко-культурными феноменами.

Включение в текст ономастических единиц такого содержания помогает выразить в национальном облике и культурных коннотациях ключевые авторские идеи. Гидронимы *Волга*, *Дон*, *Нева*, *Урал* не только обозначают широту географии страны, где живет поэт, но и силу влияния, незыблемость, важность поэтического слова, которое «разольется» по этой стране. Язык, поэзия, литература, поэт как истинный гражданин своей родины важны для всего общества, подобно рекам, что веками несут свои воды по российским землям и во благо живущим на их берегах людям.

Присутствует антропоним *Фелица* (лат. «счастье», в римской мифологии богиня успеха и счастья): «О добродетелях *Фелицы* возгласить», которая отсылает читателя екатерининской эпохи. Известно, что данным именем в

своей лирике Державин называл Екатерину II. В последней части стихотворения лирический герой обращается к музе. Вспомним, первоначальное название стихотворения, в котором слово «муза» написано с заглавной буквы – «К Музе. Подражание Горацию», призывающее «возгордиться» «заслуженной справедливой» Екатерины II. Муза (греческое Μοῦσα) – также хорошо известный теоним из античной мифологии: Музами называли девять сестёр, рождённых в Пиэрии, дочерей бога Зевса и титаниды Мнемосины, покровительниц поэзии и поэтов, искусств и наук. Образ Музы становится символом бессмертия поэзии («Чело твое зарей бессмертия венчай»). Как и ключевой образ стихотворения – памятник, который «вечный», «металлов тверже», «выше пирамид», «и времени полет его не сокрушит».

Таким образом, информационный потенциал ономастических единиц реализуется в стихотворении Державина в явной и в скрытой форме: денотативных значениях, коннотациях и ассоциациях. Включённые в пространство литературного текста, имена собственные как языковые знаки, имеющие «этнокультурную подоплеку» [Чанышева 2006: 6], являются богатым материалом для изучения общенациональных и индивидуально-авторских языковых пространств в аспекте культурно-ценностных глубин.

В оде Г.Р. Державина «Памятник» имена собственные важны для русистического познания, особенно для изучающих русский язык как иностранный. «Исходя из того, что имена собственные отражают концептуальную информацию с помощью языка и способны хранить и отражать результаты ментальной деятельности человека» [Щербак, 2012, с. 246], включение в стихотворение «Памятник» ключевых русских гидронимов Волга, Дон, Нева, Урал, ономастической перифразы «от Белых вод до Черных» (с севера на юг) свидетельствует о творческой деятельности поэтической языковой личности Г.Р. Державина, который с помощью ономастических средств языка передаёт национально-ориентированные знания о культурно-историческом своеобразии России.

Список литературы

- Дьячков А.А. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»: стихотворения-«памятники» в русской поэзии // Церковь. Богословие. История. – 2024. – № 5. – С. 320–343.
- Западов В. Г.Р. Державин. – М.-Л.: Издательство «Просвещение». – 1965. – 167 с.
- Межуева О.В., Щербак А.С. Региональные прозвища: вторичные номинации // Вестник Тамбовского государственного университета. 2010. Вып. 10 (90). – С. 150–154.
- Рифейские горы // Геологический словарь / Под редакцией К.Н. Паффенгольца, 1978. // <https://rus-geolog-enc.slovaronline.com/search?s=Рифей+>
- Сидорова М.М. О «русизме» Державина: речь профессора Казанского университета К.К. Фойгта при открытии памятника Г.Р. Державину 23 апреля 1847 года // Филология и культура. – 2015. – № 1(39).
- Чанышева З.З. Этнокультурные основания лексической семантики: автореф. дисс. ... д. филол. наук. – Уфа, 2006. – 45 с.
- Чжан Х. Культурная маркированность русских и китайских антропонимов: сопоставительный анализ (на материале словарных источников): автореф. дисс. ... к. филол. наук. – Москва, 2023. – 21 с.
- Щербак А.С. Введение в ономастическое лингвокраеведение. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. – 168 с.

Щербак А.С. Общерусское слово в теории репрезентации региональной концептосферы онимов // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2012. – Вып. 4 (108). – С. 246–251.

О СТРУКТУРЕ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Н.А. Максимчук

*Смоленский государственный университет
(Смоленск, Россия)*

На основе подхода к имени собственному как одному из двух (наряду с термином) основных носителей общеобязательного научного знания – опорных единиц нормативно-научной картины мира – рассматривается общая структура ономастического наполнения текстов учебников по предметам программы обязательного школьного образования. Обосновывается возможность квалификации совокупности имён собственных, функционирующих в текстах школьных образовательных программ и учебников как особого рода ономастического пространства. Приводятся данные о количественном и качественном составе ономастической лексики в нормативно-научных текстах по разным учебным предметам. Формулируются задачи всестороннего анализа структуры ономастической составляющей общеобязательного научного знания с позиций теоретической и прикладной ономастики.

Ключевые слова: *имя собственное; ономастическое пространство; общеобязательное научное знание; нормативно-научный текст; школьные образовательные программы*

Имя собственное является неотъемлемой частью не только языковой системы: как уникальное наименование самых разных объектов внеязыковой сферы, по той или иной причине выделенных человеком из ряда однородных и получивших вследствие этого собственное (индивидуальное, единичное) обозначение, оно сопровождает человека во всех проявлениях его существования, выполняя, помимо основной – номинативной – функции, многие другие. Особое место в их числе занимает кумулятивная функция, определяющая способность слова вообще и онима в частности быть накопителем, хранителем и транслятором внеязыкового знания. Именно этой способностью обуславливается, прежде всего, влияние языка на формирование личности его носителя.

В структуре внеязыкового знания выделяется *знание индивидуальное*, присущее отдельно взятому человеку и складывающееся в процессе жизни на основе его личного, индивидуального опыта, и *знание коллективное*, принадлежащее определённому культурно-языковому сообществу и служащее средством выделения и формирования данного социума. С точки зрения формирования языковой личности, это знание квалифицируется как *общеобязательное*, поскольку владение им обеспечивает подключение индивида к данной социокультурной среде. Роль такого рода знаний была сформулирована ещё Т. Ван Дейком: «Социальные субъекты постоянно выражают эти знания, проверяют и сравнивают их со знаниями других членов тех же социальных групп, в той же культуре, они предполагают, что такими знаниями обладают и другие участники социального взаимодействия, общения посредством дискурса» [Ван Дейк, 1989, с. 146].

В составе общеобязательного знания выделяются два, на первый взгляд, относительно автономных компонента. Первый – это *общеобязательное научное знание*, которое отражено в содержании учебных программ общеобразовательной школы, иными словами – в содержании общего образования. В условиях общеобязательности среднего образования оно осваивается каждым членом социума в процессе обучения в школе. Вторым компонентом является знание культурологического характера, на основе которого формируется *единое культурное пространство* как условие объединения членов социума в народ. Его основными носителями являются единицы с выраженной лингвокультурной ценностью, в ряду которых имя собственное как культурный знак занимает одно из центральных мест. Имя собственное играет значимую роль в составе обоих компонентов общеобязательного знания [Максимчук, 2017]. Формы, способы и средства формирования названных компонентов общеобязательного знания с участием имени собственного могут быть как различными, индивидуальными, так и совмещёнными.

Очевидно, что имя собственное как обозначение уникальных объектов и как многослойная в ценностном, фоновом отношении лингвокультурологическая единица одновременно является не просто носителем определённого объёма общеобязательного научного знания, но и одной из двух его (наряду с термином) опорных (базовых) единиц. Это значит, что существенная часть общеобязательного научного знания в свёрнутом виде зафиксирована в совокупности онимов, функционирующих в учебных текстах, которые в рамках разрабатываемой концепции квалифицируются как *нормативно-научные* (ННТ). Понятие нормативности по отношению к учебным текстам связано с тем, что содержание и объём излагаемого в них научного знания регламентируются (нормируются) официальными образовательными документами. Поскольку знание – «это не собрание случайных фактов, а набор сведений, объединённых в определённую упорядоченную систему» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 28], важнейшей задачей при анализе общеобязательного научного знания будет выявление тех связей и отношений между его компонентами, наличие которых позволяет характеризовать его как единое целое, как особого рода систему.

Соглашаясь с тем, что перечисленные свойства и характеристики имени собственного делают ономастическое наполнение школьных образовательных программ (содержания общего образования) правомерным объектом внимания теоретической и прикладной ономастики, необходимо определить вытекающие из этого задачи. Выделяя теоретические и практические направления данных ономастических исследований, необходимо при этом подчеркнуть их самое тесное взаимодействие, что связано со сферой функционирования анализируемого ономастического материала.

Так, в теоретическом плане перед ономастикой могут быть поставлены следующие основные вопросы, первая группа которых опирается на анализ существующих учебных текстов:

1) какое место занимает ономастическая лексика в составе нормативно-научных текстов отдельного учебника, отдельного предмета (*нормативно-научного макротекста*), всего текстового массива предметов программ общеобязательного школьного образования (*нормативно-научного гипертекста*)?

2) сведения какого типа (какой предметной, тематической принадлежности) – об истории, о географии, об искусстве, о науке, об экономике, о политике и т.д. – передаются в ННТ посредством имён собственных, каково количественное соотношение этих типов?

3) онимы каких разрядов и в каких количественных соотношениях представлены в учебных текстах?

4) в каких соотношениях выступают имена собственные разных разрядов в нормативно-научных текстах разной тематической принадлежности?

5) какие имена собственные являются самыми частотными в ННТ по разным предметам школьных образовательных программ?

6) какие имена собственные в составе ННТ можно охарактеризовать как ключевые?

7) относятся ли выявленные в ННТ наиболее частотные имена к числу ономастических маркеров единого культурного пространства?

Вторая группа вопросов касается формулирования требований к ономастическому наполнению нормативно-научных текстов:

1) каковы должны быть критерии отбора ономастической лексики при создании *нормативно-научного текста*?

2) являются ли эти критерии универсальными, применимыми к текстам по любым учебным предметам, или для отдельных предметов могут быть выделены дополнительные критерии?

3) нужна ли типовая модель представления в нормативно-научных текстах имён собственных разных разрядов с учётом их статуса в структуре общеобязательного научного знания и содержательного наполнения их ассоциативно-культурного фона?

К задачам прикладного характера (с учётом относительности границ теоретического и прикладного) можно отнести:

1) анализ ономастического наполнения конкретных ННТ разных предметов и уровней: от ННТ отдельного учебника до гипертекста – совокупного ННТ всех учебных предметов (с выделением ядра и периферии);

2) установление состава и количества многовекторных (транзитных) онимов, то есть тех, которые функционируют в ННТ разной предметной ориентации;

3) выявление способов раскрытия в тексте содержательного компонента онимов, их ассоциативно-культурного фона;

4) разработка трёхуровневой системы развёртывания в текстовой форме внеязыковой информации, заключённой имени собственном;

5) определение ономастической насыщенности конкретных ННТ;

6) установление уровня восприятия содержания ННТ в зависимости от его ономастической насыщенности;

7) разработка рекомендаций по ономастическому наполнению создаваемых нормативно-научных текстов и способам представления его ассоциативно-культурного фона и др.

Одним из главных теоретических вопросов является определение общей квалификации ономастического наполнения нормативно-научных текстов, обоснование векторов проявления его системности, поскольку от этого зависит выбор подходов к решению других задач.

Внимание исследователей к функционированию ономастической лексики в тексте имеет достаточно длительную традицию. Прежде всего, эта традиция связана с изучением роли онимов в художественном тексте (В.И. Чернышёв, А. М. Бём, П.Я. Черных, А.С. Бушмин, В.Н. Михайлов, Т.Н. Кондратьева, О.И. Фоякова, М.В. Карпенко, С.И. Зинин, Г.А. Силаева, В.И. Супрун, Г.Ф. Ковалёв, В.М. Калинин, И.А. Королёва и мн. др.) и заметно меньше – в текстах других функциональных стилей и разновидностей языка (Д.Б. Гудков, Е.А. Нахимова, Н.В. Васильева, В.И. Карасик, Е.М. Какзанова и др.).

В последние десятилетия продуктивно развиваются исследования форм бытования и взаимодействия имён собственных, рассматривающие текстовые совокупности имён собственных как *ономастическое пространство*. Первоначально это понятие, возникшее в работах В.Н. Топорова и А.С. Суперанской, использовалось исследователями для обозначения двух видов совокупностей ономастической лексики. В.Н. Топоров определял как (топ)ономастическое пространство массив всех принадлежащих ему собственных наименований [Топоров, 2004]. А.В. Суперанская использовала понятие пространства для характеристики совокупности собственных имён, функционирующих в определённом социуме в определённый период [Суперанская, 1973]. Несложно заметить, что на начальном этапе для придания определённому набору собственных имён статуса ономастического пространства достаточно найти и указать тот главный признак, по которому все обозначенные онимы могут рассматриваться как единое целое: в первом случае – это признак территориальной, географической общности, во втором – общности социальной. Для ономастической лексики, рассматриваемой в данной работе, квалифицирующим признаком является её функционирование в структуре нормативно-научных текстов, посредством которых передаётся общеобязательное научное знание.

Следующим этапом в исследовании ономастического пространства школьных образовательных программ является определение опорных элементов его состава и структуры. Исходный состав ономастического наполнения нормативно-научных текстов задаётся нормативными образовательными документами, определяющими набор обязательных школьных предметов. К ним относятся: астрономия; география; биология; химия; физика; математика, информатика; история, обществознание; русский язык; литература. Другие школьные предметы, которые не входят в число постоянных, выделяются в группу *разное*.

Представление содержания школьного образования как целостной системы предполагает обозначение соотношения этого содержания и

окружающего мира. С другой стороны, анализ структуры ономастического пространства необходимо включает установление структурно-тематических связей предметных сфер и типов (разрядов) ономастических единиц. Отметим, что на этом уровне анализа количество разрядов имён собственных ограничивается десятью основными, выделяемыми в традиционных классификациях. Три названных параметра ономастического пространства формируют следующую структуру. Первая цифра означает одну из четырёх сфер действительности, сведения о которой входят в состав общеобязательного знания; цифра 2 – учебный предмет, содержащий научные сведения о данной сфере; под цифрой 3 перечисляются типы (разряды) имён собственных, функционирующих в нормативно-научных текстах по данным предметам:

1. *Человек и Вселенная*; 2. Астрономия; 3. Космонимы, астрономы, антропонимы.

2. *Человек и природа*; 2. География, биология, физика, химия; 3. Топонимы, зоонимы, хрематонимы, антропонимы.

3. *Человек в сфере чисел, величин, пространств, фигур*; 2. Математика; 3. Антропонимы, хрематонимы.

4. *Человек и общество*; 2. История, обществознание; русский язык; литература; 3. Топонимы, зоонимы, антропонимы, религионимы, мифонимы, хрононимы, документонимы, политонимы, хрематонимы.

О структуре ономастического пространства на уровне предметных зон дают представление их количественные параметры: *история, обществознание* – 6586 единиц, *география* – 2792, *литература (авторы и произведения)* – 538, *русский язык* – 388, *математика* – 240, *биология* – 233, *астрономия* – 186, *химия* – 140, *физика* – 128.

На следующем уровне анализа определяется структура ономастического поля. Например, в ядро поля *История* (нормативно-научные тексты школьных программ и учебников 5 – 11 классов) вошли следующие онимы с частотным индексом более 100: 1. Россия – 1589, 2. Русь – 639, 3. Москва – 490, 4. Киев – 270, 5. Пётр I – 239, 6. Петербург – 233, 7. Новгород Великий – 230, 8. Пётр Великий – 208, 9. Германия – 206, 10. Сибирь – 186, 11. Александр I – 173, 12. Столыпин П.А. – 167, 13. Европа – 166, 14. Николай I – 164, 15. Рим – 137, 16. Франция – 135, 17. Ульянов-Ленин В.И. – 126, 18. Олег – 124, 19. Сталин И.В. – 123, 20. Англия – 115, 21. Хрущёв Н.С. – 114, 22. Волга – 113, 23. Польша – 106, 24. Иван Грозный – 105, 25. Турция – 103. Очевидно, что каждое из этих имён как свёрнутый текст может развёртываться (в зависимости от цели и потребностей адресата) с разной степенью детализации, формируя вокруг себя собственную ономастическую структуру.

Дальнейшее структурирование ономастического пространства проходит в двух направлениях. Вертикальная линия указывает движение от общего к частному: её конечной точкой будет конкретное имя в контексте. Назначение горизонтальной линии – выявить все внутри- и межпредметные связи между онимами как одного, так и разных разрядов. Объединение результатов обоих направлений анализа позволит представить в обозримом и наглядном виде

скрытую системность «школьного» ономастического знания как необходимую предпосылку и условие его качественного усвоения.

Список литературы

Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

Максимчук Н.А. Ономастические маркеры единого культурного пространства в структуре общеобязательного научного знания // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, 25–27 октября 2017 года. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2017. – С. 225–228.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука. 1973. – 246 с.

Топоров В.Н. Имя как фактор культуры // Исследования по этимологии и семантике. В 3-х томах. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Том 1. – С. 380–383.

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА ЧЕРЕЗ КОНЦЕПТ «РОДИНА» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Е.В. Сабиева, М.Е. Какимова, Н.К. Ереженова

Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева

(Петропавловск, Казахстан)

Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта ИРН АР19676219 «Интегральное исследование топонимического ландшафта приграничных районов Северного Казахстана и Российской Федерации» согласно Договору МНВО РК на грантовое финансирование № 243/23-25 от 03 августа 2023 года.

В современной образовательной системе одним из приоритетных направлений является патриотическое воспитание. Привитие любви к Родине, к родному языку, к родному краю являются основополагающими в формировании духовно-нравственных ценностей. В статье описывается концепт «Родина» в произведениях русских и казахских авторов. Для выявления особенностей региональной ментальности этносов использован метод этнопоэтического анализа. Концепт «Родина» рассматривается также в региональном топонимическом ландшафте на материале поэтических произведений местных авторов Северо-Казахстанской области.

Ключевые слова: патриотизм; концепт; топонимический ландшафт; топоним; гидонимы; лингвокультурология; языковая картина этноса

Сущность «концепта» весьма неоднозначна, она расходится у представителей разных научных направлений. Это понятие является сложным междисциплинарным образованием, которое используется одновременно во многих областях науки: политологии, психологии, лингвистике, философии, культурологии и др. С. А. Аскольдова-Алексеева определяет концепт как мысленное образование в процессе мыслительной деятельности. Но концепт не всегда является заменителем реальных предметов. Это может быть некие стороны предмета или какие-то определенные действия [Аскольдов-Алексеев, 1997, с. 270]. Видный русский ученый Д. С. Лихачев предполагал, что концепт может заменить значение слова, что в свою очередь, весьма значительно облегчает понимание того, что обозначает слово, тем самым упрощая общение [Лихачев, 1997, с. 280]. Несколько иной смысл вкладывает Ю. С. Степанов. Он считает, что концепт «...как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 2004, с. 43]. Н. Ф. Алефиренко, определяет концепт как термин, который выделяет единицу

«ментальных ресурсов сознания и информационной структуры». В свою очередь, эта единица суммирует опыт индивида, аккумулируя его познания в этой области. В целом концепты – это «интерпретаторы смыслов», форма обработки субъективного опыта путем подведения его под определенные категории и классы, основная единица хранения и передачи информации» [Алефиренко, 2010, с. 173]. Г. Г. Слышкин утверждает, что это «единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, культуре и опредмечивается в языке» [Слышкин, 2000, с. 9]. Ю. С. Степанов предполагал, что в связи со сложностью определения концепта, научные работы, освещающие эту тему, будут интересны лишь специалистам.

Казахстанский ученый З.П. Табакова сформулировала определение концепта, которое понятно каждому, а не только «знатокам» лингвистики [Табакова, 2014, с. 199]. Автор считает, что семантическая структура концепта включает:

- понятие, которое совпадает с лексическим содержанием слова и может быть уточнено в толковом словаре;
- ментальное содержание, определяющееся национальным восприятием;
- этнический компонент, который не является обязательным для всех концептов и зависит от степени взаимодействия культур разных этносов на рубеже лингвокультур;
- интеллектуальный компонент как отражение мировой культуры [Табакова, 2014, с. 199].

Существует и другие определения данного понятия. При этом центральное место в национальной языковой картине мира занимают именно бытовые представления, которые основываются на повседневном коммуникативном опыте носителей языка [Шкуропацкая, 2016, с. 81].

Важнейшей сферой пополнения, распространения и функционирования концептов являются художественное творчество писателей. В статье рассматривается концепт «Родина». Для полного раскрытия, на наш взгляд, логично использовать локальный материал (топонимический ландшафт, описание природы). В качестве практического материала используются произведения казахских и русских авторов, которые изучаются в среднем и старшем звене общеобразовательной школы, а также местные топонимы.

С. И. Ожегов определяет «патриотизм» как «Преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу» [Ожегов, 2006, с. 1822]. К этой теме обращалась З.П. Табакова, отмечая, что «Патриотизм – духовная категория, от которой зависит судьба страны и людей, населяющих её» [Табакова, 2016, с. 68].

Два больших этноса (казахи и русские) испокон веков живут в тесном взаимодействии, что определило много общего в их культуре и ментальности. Большое внимание уделяется воспитанию детей, привитию уважения к старшим, почитанию предков, заботе и любви к детям. Ценностными ориентирами являются милосердие, гостеприимство, отзывчивость.

В русских и казахских пословицах также прослеживается любовь к родному краю: *Береги землю родимую, как мать любимую; Любовь к Родине*

сильнее смерти; Человек без Родины - соловей без песни. В казахском языке немало пословиц схожих по значению с русскими: *Отан үшін отқа тұс, күймейсің «За родину иди в огонь, не сгоршишь».*

Тема патриотизма прослеживается в творчестве выдающего казахского просветителя Абая Кунанбаева. Основные идеи, заложенные в его трудах, актуальны и сейчас. Считаем, что целесообразно использовать его творчество на уроках литературы для формирования патриотического сознания учащихся.

При изучении поэзии А.С. Пушкина уделяется особое внимание теме Родины. Олицетворяя природу, автор помогает лучше проникнуться любовью к родному краю. Природа в его творчестве живая, она окружает человека, создаёт настроение. Об осени он пишет:

*Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало... [10].*

Цикл стихов А. Кунанбаева о временах года перекликается с творчеством А. С. Пушкина. В стихах, посвященных лету, он представляет джайляу.

*День июля летний пришёл.
Где подснежник рос одиноко
Снова стебли травы большой
Всё покрыли. В пыли дорога. [11]*

Абай описывает весну через образы близких родственников.

*Мама и папа источники солнца,
Лето к нам входит красой через них. [11].*

У И.Бунина природа - живая картина, где ощущаются даже запахи:

*Здесь полусвет и запах пряный
Сухой листвы, а вдалеке
Лес расступается поляной
К долине мирной и реке [12].*

К. Д. Бальмонт обращается к теме «Родина» в стихотворении «Россия».

*Есть слово — и оно едино.
Россия. Этот звук - свирель.
В нем воркованье голубино.
Я чую поле, в сердце хмель [13].*

Тема Родины является основополагающей и в творчестве североказахстанских авторов. Родиной талантливого поэта и журналиста М. Кангожина был Северный Казахстан. Бескрайние степи вдохновляли поэта. Его стихи посвящены богатой и в то ж время суровой природе родного края.

*Казахстан – это край и отар, и пшеницы.
Край и степи, и горы вместивший в границы.
Край заоблачных пиков, джайляу широких,
Неуёмных и пенистых речек протоки,
Лишь о нем мои думы, о нем мои строки... [14].*

В поэзии Б. Канапьянова сливаются воедино две ментальности: русская и казахская. Тема коня перекликается с темой природы, так как конь – важный атрибут жизни казахов.

Войду ли в ночь... Но белый конь

*Скачком с кургана
Обронит и в мою ладонь
Росу тумана. [15].*

Стихи В. Г. Шестерикова передают бесконечную ширь, даль, горизонт. С болью и тоской автор говорит о любви к Родине.

*Пусть срываются ветры с цепи,
Изнывая от злобы и ревности,
Я из тех, кто привязан к степи
Навсегда лебединой верностью. [16].*

Тема Родины активно прослеживается и в региональном топонимическом ландшафте на материале поэтических произведений местных авторов. В нашем случае, это поэты Северо-Казахстанской области. Здесь Родина раскрывается посредством ядерно-периферийных разрядов ономастического пространства региона.

В творчестве В.Г. Шестерикова находим следующие строки:

*Красуйся, город **Петропавловск**,
Среди берез, среди полей,
Пари над степью, слово парус,
Во славу Родины моей.*

*Раскину смело крылья улиц, скверов, парков,
Мой город рос на берегах **Ишима**,
Он, музыкой представ **святых Петра и Павла**,
Стал песнею и клятвой нерушимой.*

С большой любовью автор описывает реку Ишим.

*Седой **Ишим** в степи широкой
Легенды древние хранит...
На стыке Азии с Европой...*

Любовью к родине пропитано стихотворение И. Плетухина «Над рекой Ишимом».

*Любовался я зеленым Крымом,
Колесил по горному Алтаю,
Но вот лучшего, чем над **рекой Ишимом**,
Города не видел и не знаю.*

Широкая палитра топонимической ядерно-периферийной лексики представлена в поэтическом сборнике «Пение соловья на Парковой улице» В.И. Любушина. Этот цикл стихов пронизан трогательной тоской и безграничной любовью к своей малой родине. Поэт окунается в далекое счастливое детство, увлекая нас за собой. Здесь любовь к родине передается через гидронимы

*А рядом клинком серебристым
Мелькает красавец **Ишим**,
И вечером в сумерках мгlistых
К его берегам мы спешим [17].*

*... Внизу течет **Ишим**... Перед грозой*

Он прячет волны в зарослях из тала...

В произведениях этого автора встречаются и другие топонимы.

*Любовь, нас увези в глухое **Петухово**,
Целуй нас, ветер, ласковый, бедовый...
Луна и звезды запевают дружным хором,
И ночь ликует в ритмах вальса снова.*

*Как в памяти моей всплывает остро
Из образов, картин, бегущих облаков
То озеро, зовущееся **Пестрым**,
Что в окоеме золотистых берегов.*

В произведениях этого цикла стихов наиболее широко представлены топонимы, как основные единицы городского топонимического ландшафта. Ностальгия, тоска по прошлому, беззаботное детство читается сквозь поэтические строки стихов, посвященных улицам и другим объектам г. Петропавловска.

*Мне эти улки, переулки
Знакомы с давних детских лет,
Бродил по ним, и эхом гулким
Судьба пророчила ответ.*

*Деревянная держава.
Городская слобода,
Ты в сиреневой оправе,
Где в колодцах стынть-вода.*

*Деревянная держава.
Слобода, любовь моя!
У Арбата – Окуджава.
У тебя поэтом – я.*

***Парковая** улица – сводница любви,
Исходил тебя я с ночи до зари.*

***Улица Степанова**, хлебный магазин.
Очередь длиннющая... а над нею синь...*

***Парковая улица**, не забыл тебя,
Будь же ты прекрасна в прозе и стихах...*

***Водопроводная башня**
Из красного кирпича
Дороже чем день вчерашний
Чем Мавзолей Ильича*

Считалась хозяйкой прекрасной.

Так вкусно пекла блины.

Ходили в леса Мещанские

И собирали грибы

В поэзии местных авторов можно встретить упоминание об объектах городского топонимического ландшафта того периода.

Погодинский театр –

Своей судьбы творец,

Погодинский фиакр –

У времени гонец.

В темном зале «Ударника»

Вдруг зажегся экран...

И на нем лава всадников,

Сабель свист, ураган...

Стадион «Динамо» выстроен не нами,

Стадион «Динамо» возведен отцами...

Стадион «Динамо»! Жаль, тебя не стало.

Мы тебя не предали. Мы тебя не сдали.

Анализ поэтического наследия классиков и местных поэтов Северо-Казахстанской области показал, что концепт «Родина» занимает важное место в любой национальной концептосфере.

Тесный контакт этносов Северо-Казахстанского региона, оказал влияние на ментальность народов, проживающих на данном топонимическом пространстве. Особую роль в формировании патриотизма среди подрастающего поколения играют топонимы и объекты городского топонимического ландшафта. Для старшего поколения эта поэзия вызывает чувство ностальгии, и в этом особую роль играют названия улиц. Наибольшая экспрессия достигается посредством топонимов и других объектов городского топонимического ландшафта, что подтверждают приведенные выше многочисленные примеры.

Таким образом, мы приходим к выводу, что концепт «Родина» на материале поэтического творчества местных авторов базируется на основных общечеловеческих ценностных понятиях: память, детство, природа, ностальгия, восприятие и ассоциативный фон посредством наименований топонимического ландшафта.

Формирование патриотизма у молодежи является неотъемлемой частью воспитания подрастающего поколения. Использование в учебном процессе материалов творчества местных поэтов - представителей разных национальностей, будет способствовать развитию познавательных когнитивных навыков, обучающихся и привитию им общечеловеческих ценностей: любви к малой Родине, родному языку и культуре, глубинному пониманию и восприятию окружающего топонимического пространства.

Список литературы

- Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 173. – 224 с.
- Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории к структуре текста: антология / С. А. Аскольдов-Алексеев // под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
- Бальмонт К. Д. Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи. – М., 1980.
- Бунин И. А., Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 1. – М., 1987.
- Канапьянов Б. М. Каникулы кочевья. – Алматы: Жибек жолы, 2003. – 321 с.
- Кангожин М. Сердце гранитом я размягчил // Простор. – 2012. – №2. – С.111– 116.
- Кунанбаев А. Времена года: стихи. – Алма-Ата, 1992.
- Лихачев Д. С. Концепт и слово // Русская словесность. От теории к структуре текста: антология / Д. С. Лихачев / Под ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.
- Любушин. В. Песни соловья на парковой улице. – Петропавловск, 2009. – 164 с.
- Ожегов С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ИТИ Технологии, 2006. – 2314 с.
- Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. – Санкт-Петербург, 1997.
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: изд. 3-е, исп. и доп. / Ю. С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2004. – 991 с.
- Табакова З. П. Этнопоэтика: предмет исследования и этнопоэтический анализ / З. П. Табакова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 7. – С. 198–206.
- Табакова З.П. Патриотизм как базовый концепт русской ментальности / З.П. Табакова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. LX междунар.науч.-практ. конф. №5(60). – Новосибирск: СибАК, 2016. – С. 66–75.
- Шестериков В. Г. Лиловые снега. – Алматы, 1988. – 75 с.
- Шкуропацкая М. Г., Даваа Ундармаа. Национальная языковая картина мира как компонент языкового сознания русской и монгольской языковой личности (сопоставительный аспект) / М. Г. Шкуропацкая, Даваа Ундармаа // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – №1. – С. 80–95.

КОМЕНТАРИИ К НАЗВАНИЯМ ВОЛЖСКИХ БАРОК В ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКЕ В. ХЛЕБНИКОВА (РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА РКИ НА ДАННОМ ПРИМЕРЕ)

В. Шетэля¹, А.С. Мамонтов²

¹*Московский городской педагогический университет*

²*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
(Москва, Россия)*

Данная статья посвящена историко-этимологическому и лингвокультурологическому анализу слов, употреблённых в стихотворной строке поэта В. Хлебникова. Наименования барок белана, дощаник, ползунок, употребленных у В. Хлебникова, дают возможность обогатить содержание занятия по РКИ не только за счет сведений о русской лексикологии и семантике времени проживания поэта, а и за счет сведений, почерпнутых из текстов российской прозы и поэзии разных авторов, у которых также находим эти названия. Данный материал должен способствовать формированию ряда компетенции иностранного учащегося, что и предусмотрено научно-методическими проектами.

Ключевые слова: историзмы; историко-лингвокультурологический анализ; лексикография; лексикология; стихотворная строка; слово

Поэтическая строка со словом *беяна* и с другими названиями средств транспорта по воде (*досчана, паузок, челн*) в стихотворении В. Хлебникова «В холопий город парус тянет ...» [Хлебников, 1988, с. 34], созданном в 1916 г. на волне воспоминаний о волжских просторах, позволяют произвести анализ этих единиц и одновременно познакомить слушателей РКИ с русской поэзией, и шире, способствовать развитию на данном материале лингвокультурно-логической компетенции иностранных студентов-филологов, специализирующихся на изучении русской культуры в плане современного и исторического ее состояния. Подробнее об данном проекте см., статью С.Г. Персияновой и Е.Г. Ростова, которые предусматривают использование при рассмотрении подобных тем «Мультимедийного лингвострановедческого словаря „Россия”», находящегося на портале Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина [Персиянова, 2019, с. 177–186].

Название *челн*: *Что задумалися, други, Иль у челна слабы упруги?* [Хлебников, 1988, с. 34]. Это известное название лодки «однодеревки» особого комментария не требуют. Известно, что это название засвидетельствовано уже в древнерусских текстах XI века [Черных, 2009, с. 377].

Интересны другие историзмы, каким являются наименования барок, барж конца XIX – начала XX веков, которые вплетены в поэтическую речь Хлебникова, во многом подражающую речь волжских речников того времени.

Далее в поэтической строке Хлебникова читаем: *На купеческой беяне Браги груз несетя пьяный* [Хлебников, 1988, с. 34].

В таких строках название *беяна*, как и названия других барок, употреблено как свидетельство существования подобных средств коммуникации и транспорта по просторам российских рек в данную эпоху.

В русской лексикографии даны определения названию *беяна* – «волжское плоскодонное, неуклюжее и самой грубой работы речное, сплавное судно, самая большая барка, белая, несмоленая, в ней нет ни одного железного гвоздя, и она даже проконопачена лыками...» [Даль, 1880, 1, с. 154]; «плоскодонное несмоленное, некрашеное (белое) большое водородное судно (до 100 м. длины и до 9000 т. грузоподъемностью), употребляемое на Волге и на Дону для сплава лесных материалов вниз по течению» [БАС, 1950, 1, с. 391].

М. Горький дал следующее определение беяне: «несмоленное и некрашеное плоскодонное судно для сплава теса» [Горький, 1989, с. 23].

Более полные пояснения для этого судна находим у других авторов, см. у того же В. Даля: «Самые большие барки беяны, по Волге, ходят только в полноводье, сидят до 5 арш. и поднимают до 150 т. пуд» [Даль, 1880, 1, с. 49].

Это были настоящие единственные в своем роде многопалубные корабли на водяных речных просторах Волги, Дона, Камы и на других рек России.

М. Горького восхищается беяной: *Дородная красавица-беяна боком идет по реке; желтый тес, нагруженный на ней, блестит золотом и тускло отражается в мутной вешней воде* [Горький, 1989, с. 23].

У Г.П. Данилевского названы вместе с беяной и другие речные барки: *По гладкой равнине вод мимо бугров, затонов, песчаных россыпей и степей двигались, бея парусами, вечные караваны Синего морца, Волги, всякие*

расшивы, беляны, мокшаны, коломенки и простые рыбацкие лодки [Данилевский, 1984, с. 249].

Как видим, здесь упоминается *расшива*, часто у авторов в разных вариантах написания: *разшив, расшив, розшив* (от плотнич. термина *расшить*) – «**расшива**, вид баржи на Волге», «большое парусное судно, каспийское» [Фасмер, 1987, с. 447].

В газетных сообщениях *расшива*, а также *гусянка, сурские* (барки на местных водах) упоминаются довольно часто: *С 23 го по 30 е сего месяца пришло к Рыбинской пристани, с низу реки Волги разных судов: 2 гусянки, 3 сурских, 139 розшив, 32 коломенки и 13 барок..., 133 бревенчатые плоты и 128 дровяных (обрубков)* [СПб. вед. 1807, с. 58, 724]. Более подробно о расшиве см. [Шетэля, 2018, II, с. 192].

Мокшана (от *мо́кша* – «название части морд. народа *моkša*») – «речное судно»: *мокшаны* [Даль, 1880, 1, с. 49]. См.: [Шетэля, 2018, I, с. 598].

Коломенка [лат. *camelāncium*, нем. *Kalamank, Kalmanck* или голл. *kal(a)mlink*] – «судно типа барж, оборудованного первоначально для перевозки пеньки и льняных тканей (*коломенка, каламенка*), производимых в гор. Коломна» [БАС, 1956, 5, с. 1178]. Название баржи от тканей, производимых в гор. Коломна [Шетэля, 2018, I, с. 409].

Принято было в текстах авторов XIX века, в том числе и в газетных сообщениях, совместно употреблять названия ряда речных судов, что отвечало реальной ситуации на российских реках, когда разные типы барж и челнов составляли целые караваны.

Слово *досчана* у Хлебникова употреблено в следующей строке: *Мчимтесь дальше на досчане!* [Хлебников, 1988, с. 34].

Досчана, досчаник, дощаник (от слова *доска*) в знач.: «речное перевозное судно различной величины, плоскодонное, с мачтой; большая плоскодонная лодка, с палубой или полупалубой» [Даль, 1880, 1, с. 477].

У Салтыкова-Щедрина дано описание дощаника и перевозки при его помощи: *Дощаник приближается; это небольшая лодка, поперек которой перекинут дощатый накат. Тарантас едва может уставиться на нем, и задние колеса, только вполовину уместившиеся на накате, ежеминутно угрожают скатиться в воду и увлечь за собою весь экипаж* [Щедрин, 1951, с. 392]. Существовали разные виды этого водного транспорта.

Другое употребление этого слова: *Большая (и с большой грязью) дорога... впадала в реку; река была в разливе; на обоих берегах стояли телеги, повозки, тарантасы...; два дощаника ходили непрерывно взад и вперед...* [Герцен, 1940, с. 246].

Ниже представлены уже события ближе к середине XX века. Дощаниками все пользовались и название сохранилось: *Через Чуну перебрались на дощанике. До берега он не доходил, шли в брод, несли вещи, втаскивали телегу* [Рыбаков, 1988, с. 234].

Паузок – «Речное несамоходное деревянное беспалубное судно малой грузоподъемности, с плоским днищем, предназначенное для перевозки грузов по мелководью» [БАС, 1959, 9, с. 310].

От данного слова употреблялся глагол *паузить* – «перегружать какой-либо груз на паузок» [БАС, 1959, 9, с. 309].

У Хлебникова: *Мчитесь дальше, паузки!* [Хлебников, 1988, с. 34].

В газетных сообщениях об этой лодке мало, но это наименование встречается по БАС у А. Печерского, у которого глагол *паузить* может иметь обратное значение «не загружать, а разгружать лодку»: *Велел Меркулов перегрузить тюленя с паузков на баржи* [БАС, 1959, 9, с. 310].

На всякие подобные размышления приводят наименования волжских барок, употребленных во фразах стихотворения В. Хлебникова.

Таким образом, этих несколько названий из поэтической строки В. Хлебникова могут, на наш взгляд, составить содержание занятий по РКИ. Данные единицы вызывают интерес фактом их употребления как В. Хлебниковым, так другими авторами, а также фактом межкультурной коммуникации, которая проявляется между преподавателем и студентами при объяснении иностранным учащимся семантики единиц, способов их употребления, этимологии, что определяет важность для поэтического произведения подобных слов.

Список литературы

. Газета «Санкт-Петербургские ведомости». – СПб., 1807. – № 58.

Герцен А. Кто виноват? // Герцен А. Избранные произведения. – Моск. рабочий, 1940. – С.99 – 281.

Горький М. Фома Гордеев; Трое // Горький М. Собр. соч. в 8-и т. – М.: Сов. Россия, 1989. – Т.4. – С.5 – 244.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб., М., 1880 – 1882. – Т. 1 – 4.

Данилевский Г.П. Беглые в Новороссии; Воля (Беглые воротились): Романы / Вступ. статья и примеч. Э.Виленской. – М.: Худ. лит., 1984. – 479 с.

Персиянова С.Г., Ростова Е.Г. Формирование профессиональной (лингвокультурной) компетенции итальянских студентов-культурологов // Вестник Российского университета Дружбы народов, Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М. 2019. – Т. 10. – № 1. – С.177-186.

Рыбаков А.Н. Дети Арбата. – М.: Сов. писатель, 1988. – 560 с.

Словарь современного русского литературного языка. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – Т. 1 (БАС)

Словарь современного русского литературного языка. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 5 (БАС).

Словарь современного русского литературного языка. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 9. (БАС).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3

Хлебников В. Избранное: Стихотворения, поэма и отрывки из поэм. – М.: Дет. лит., 1988. – 126 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – 9-ое изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2009. – Т. II.

Шетгэля В. Историко-этимологический словарь русской лексики конца XVII – XIX века. – М.: Прометей, 2018. – Т. I – II.

Щедрин Н. (М.Е. Салтыков), Губернские очерки // Щедрин Н. (М.Е. Салтыков), Собрание сочинений. – М.: Правда, 1951. – Т.1. – С. 51 – 459.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД СЕМАНТИЧЕСКИМ И СТИЛИСТИЧЕСКИМ КОММЕНТИРОВАНИЕМ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН В КУРСЕ РИТОРИКИ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

А.А. Шульдишова

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)*

Представлены наблюдения эффективности применения в курсе риторики для иностранных студентов-медиков некоторых приёмов семантического и стилистического комментирования поэтонимии из юмористических рассказов А.П. Чехова о медицине.

Ключевые слова: *поэтонимия; русский язык как иностранный; семантика; стилистика; художественная речь*

Изучение русского языка – нелёгкий труд. Задача преподавателя РКИ – сделать его увлекательным.

На продвинутом этапе, по мнению методистов, русская художественная литература является «одним из главных источников совершенствования обогащения знаний и речевых умений» [Васильева, 1970, с. 5]. Однако использование возможностей художественной речи не только при изучении РКИ, но и в курсе риторики на завершающем этапе овладения языком всего лишь предполагается программами по русскому языку как иностранному, но далеко не всегда реализуется.

Читая рассказы А.П. Чехова, студенты-иностранцы не только узнают много новых слов и выражений, начинают «чувствовать» их разнообразие и выразительность, знакомятся с возможностями образной передачи мыслей, но и узнают юмористические истории о медицине, которые до сих пор считаются одними из лучших в мировой классической литературе.

При восприятии художественных произведений иностранному читателю на любом неродном языке часто трудно уяснить семантику неизвестных слов – архаизмов, малоупотребительных слов, авторских неологизмов и пр., а также различных устойчивых сочетаний – сращений, единств, фразеологизмов. Даже сравнительно хорошо владеющий языком иностранец будет воспринимать произведение скорее в буквальном смысле, чем в полноте заложенных в нём смыслов, подтекстов, иносказаний и т.д., потому что «языком искусства является язык образов, а образы складываются в читательском восприятии тогда, когда прочтение текста выходит за пределы буквализма» [Верещагин, Костомаров, 1987, с. 54]. Для того, чтобы понять скрытый смысл художественного произведения иностранный студент должен понять взаимодействие слов друг с другом, «переливы и сочетания словесных красок» [Виноградов, 1959, с. 230], организацию лексики в художественном тексте.

В.В. Виноградов писал: «Смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквальное значение слова здесь обрастает новыми, иными смыслами (так же, как и значение описываемого эмпирического факта вырастает до степени типического обобщения). В художественном произведении нет и, во всяком случае, не должно быть слов немотивированных, проходящих только как тени ненужных предметов. Отбор слов неразрывно связан со способом отражения и выражения действительности в слове <...> В контексте всего произведения

слова и выражения, находясь в теснейшем взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого» [Виноградов, 1959, с. 234].

В структуре уроков РКИ важно предусмотреть задания и вопросы, направленные на адекватное понимание сюжетной линии произведения, обеспечивающее качество последующего обсуждения содержания. В предтекстовых, при- и послетекстовых заданиях должны быть заложены не только средства тестирования фактического содержания, но и выяснения уровня восприятия подтекстов, если таковые имеются, а также понимания художественно-эстетических задач, решавшихся автором. Этим формируется умение осмысленного чтения.

Гуманитарии или будущие инженеры, медики, филологи и студенты творческих специальностей, выполняя разные по степени сложности задания и знакомясь с различными чеховскими текстами, смогут в полной мере насладиться шедеврами русской художественной литературы. Ясно, что читать юмористические рассказы о медицине можно со студентами любой специализации, но особый интерес они будут вызывать у студентов-медиков, поскольку связаны с уже имеющимся или предполагаемым и прогнозируемым профессиональным опытом.

Традиционная последовательность работы с текстом, в том числе, с художественным, в полной мере удовлетворяет потребности обучения как на продвинутом, так и на завершающем этапах обучения, и для достижения целей РКИ, и для решения задач курса риторики. Поэтому значительную часть подробностей мы из обсуждения в данном случае исключим, что позволит в границах пространства сообщения сосредоточиться на ономастической составляющей учебной работы. При этом формат и последовательность шагов сохраним.

Предтекстовый этап.

1. Ознакомление студентов-иностранцев с жизнью и творчеством А.П. Чехова – писателя и врача.

1.1. В «микрополе» *медицина* творческого наследия писателя достаточно внушительный набор образов медицинских работников: «В текстах писателя зафиксировано 386 случаев употребления образа врача» [Громов, 1989, с. 240]. Иностранным студентам-медикам можно показать целый ряд медицинских микрконтекстов с разнотональными содержательными акцентами.

Притекстовый этап.

1. Входной литературоведческий комментарий, предшествующий семантизации лексики.

1.1. Снятие лексико-грамматических трудностей восприятия художественных текстов. Для полного понимания произведений, их подтекстов, кроме лексическо-семантического толкования, соотнесённого только с контекстом, в первую очередь должны быть прокомментированы собственные имена (поэтонимы): антропоэтонимы, топопоэтонимы и пр., поскольку они не просто вводят читателя в определённую культурную

обстановку («микроклимат», поле, окружение), но и, в отдельных случаях, являются «становым хребтом» понимания содержания текста.

1.2. Одной из важнейших культурно значимых компетенций иностранцев в этой зоне является владение русской антропонимической системой.

Сформировать навык можно, как представляется, следующими способами: 1) разработать и включать лингвистические комментарии к именам собственным при чтении программных текстов; 2) предложить в качестве домашнего задания самостоятельную работу: а) подготовить сообщение о характерных особенностях антропонимической системы, формах и способах употребления личных имён, т.е. дать общее представление о системе личных имён в родном языке и в изучаемой лингвокультуре; б) рассказать об употреблении собственных имён в национальном фольклоре (сказках, песнях, анекдотах) и устойчивых выражениях (поговорах, пословицах); в) антропонимическую систему сопоставить с русской моделью имён собственных.

Если в процессе обучения и общения иностранный студент постепенно усваивает правила использования русской антропонимической лексики в разговорной речи, то с антропонимами, по нашим наблюдениям, иностранные учащиеся вообще не знакомы. Как показывает практика, встречая имена в художественных текстах учебных пособий, студенты понимают их либо примитивно, либо неправильно.

При чтении художественных текстов на русском (как, впрочем, и любом другом неродном) языке часто трудно постичь смысл, передаваемый онимными средствами. Иностранному студенту, возможно, поймёт антропонимы, но в «неметафорическом», буквальном смысле, т. е. не сможет уяснить подтекстовое содержание имён.

Рассмотрим некоторые приёмы работы с текстом, содержащим собственное имя.

Студентам можно предложить простейший анализ содержания фрагмента рассказа Чехова: 1) определение ключевых образов текста; 2) выявление лексических средств, связанных с ключевыми образами.

Текстовый этап.

Традиционно используется чтение текста. Малый объём чеховских юмористических рассказов допускает чтение в аудитории. В случае возникновения у отдельных студентов вопросов по тексту, они тут же «купируются» преподавателем. Кроме чтения, могут использоваться аудиозаписи профессионального исполнения текстов мастерами слова. В ряде случаев возможно аудиовизуальное ознакомление с текстом.

Послетекстовый этап.

Рассказы о медицине складывались под влиянием непосредственных впечатлений писателя-врача, а до того – начинающего писателя и студента-медика одновременно. Поэтому важное место в анализе произведения, с нашей точки зрения, занимают лексико-стилистические средства «реализации» медицинской тематики, включая свойства художественной речи, характерные для жанра, и манеру использования образов медицины.

Художественный текст допускает возможность широких интерпретаций. Каждый читатель находит в тексте «своё», определяемое субъективностью мировосприятия, и, следовательно, по-своему интерпретирует прочитанное. Например, текстуальное экспонирование отдельных фрагментов, образов, мотивов чеховских рассказов о медицине у иностранного студента медицинского вуза может вызвать “профессиональные” ассоциации. Н.Л. Лейзеров писал: «<...> читая произведение литературы, мы не видим образов, но создаем их в своем воображении <...> При встрече с изображением искусства мы видим образ и присоединяем к нему личное» [Лейзеров, 1974, с. 50].

В круг рабочих материалов, опробованных нами в курсе риторики для иностранных студентов-медиков, включены фрагменты и полные тексты нескольких рассказов А.П. Чехова. Ограничимся несколькими примерами.

Поэтонимия рассказа «Средство от запоя» (фрагмент текста без адаптации) представлена рядом антропоэтонимов в различных антропонимических формулах (*г. Фениксов-Дикобразов 2-й, Дикобразов 2-й, Дикобразов; Федор Гребешков, Федя, Феденька, Федька, Гребешков; Почечуев; Прокл Львович; Макар*) и двумя топопоэтонимами (город *Д.*, *Москва*). В рассказе «Средство от запоя» наибольший интерес представляет «вычурная» антропоформула артистического псевдонима актёра-алкоголика. Юмористический эффект возникает в результате соположения фамильных компонентов театрального псевдонима. Первая часть которого – «отсылает» к мифологическим аллюзиям (Феникс – мифологическая долгоживущая птица, возрождающаяся после гибели), а вторая – Дикобразов – мотивирована названием животного семейства грызунов, что в совокупности реализует эффект несовместимости компонентов. А добавление числительного «второй» дополнительно пейоративизирует имя персонажа. «Словообразовательный анализ ономастических микросистем показал, что Чехов, отражая языковые закономерности структурно-морфологического строя русской ономастики, включал в свою ономастическую систему такие собственные наименования, внешняя форма которых могла быть подчинена сатирическому и юмористическому изображению социальных сторон действительности» [Колоколова, 1970, с. 14]. Компоненты антропоформулы второго персонажа – театрального парикмахера и «физиотерапевта» Гребешкова – интересны тем, что фамилия связана с основной профессией. Гребешков – естественная аллюзия: инструмент парикмахера – гребешок. Для иностранных студентов небезынтересными являются четыре формы имени: *Федор, Федя, Феденька, Федька*.

Поэтонимия «Палаты № 6» (фрагмент текста без адаптации) более разнообразна разрядами, однако основу, как в большинстве коротких юмористических рассказов А.П. Чехова, составляют антропоэтонимы (*доктор Андрей Ефимыч Рагин, Андрей Ефимыч, какой-нибудь Андрей Ефимыч; Матрена Савишина; Иван Дмитрич Громов, Громов, Иван Дмитрич; жид Мосейка; Никита; Иван, Ваня; Семен Лазарич; Сергей Сергеич; Михаил Аверьяныч; Дарьюшка*), два топопоэтонима (*Петербург, Кавказ*), один

экклезиопозтоним (*Святогорский монастырь*), фалеронимы (*Станислав второй степени со звездой, шведская Полярная Звезда*). Определённый интерес представляют «аллегривые» формы отчеств – редукция финального суффикса (*Лазарич, Сергееч, Аверьяныч* вместо *Лазаревич, Сергеевич, Аверьянович*).

Поэтонимия рассказа «**Лошадиная фамилия**» (фрагмент текста без адаптации), имея лишь относительное отношение к медицинской тематике, невероятно насыщена антропозтонимами и представляет, по нашему мнению, уникальный факт в истории юмористической литературы не только в России, но, пожалуй, и в мире. Представляем перечень антропозтонимов (*отставной генерал-майор Булдеев, Булдеев; Петька; приказчик Булдеева Иван Евсеич; Яков Васильич, Васильич; Саратов; раб божий Алексей, Алеша; Кобылин, Кобылицын, Кобылятников, Кобелев, Кобылкин, Кобылянский, Конявский, Кобылеев; Коренной, Коренников; Жеребцов, Жеребятников, Жеребчиков, Жеребкин, Жеребковский, Жеребенко, Жеребкович, Жеребовский, Жеребеев; Лошаднин, Лошаков, Лошадкин, Лошадинский, Лошадевич, Лошадников, Лошадицкий, Лошадский; Коненко, Конченко; Пристяжкин; Табунов; Копытин; Тройкин; Уздечкин; Гнедов; Рысистый; Меринов; Буланов; Чересседельников; Засупонин; Овсов*). Материал рассказа «Лошадиная фамилия» интересен не только разрушением «ожиданий» (все персонажи предлагают фамилии доктора, образованные от различных названий лошадей), а в действительности «лошадность» фамилии Овсов заключается лишь в том, что она происходит от названия злака, которым кормят лошадей. Весь же ряд так называемых «лошадиных» фамилий интересен тем, что демонстрирует словообразовательные возможности русского фамильного антропонимикона.

Л.И. Колоколова, положившая начало изучению поэтонимии в раннем творчестве А.П. Чехова, писала, что, продолжая традиции русской сатирической литературы, автор «соответственно подбирает собственные имена и фамилии в зависимости от жанров и направления своего творчества» [Колоколова, 1961, с. 5].

Поэтонимия рассказа «**Хирургия**» (текст без адаптации) представлена следующими собственными именами: *Курятин; Вонмигласов; Сергей Кузьмич; Ефим, Ефим Михеич; Гликерия Анисимовна; Афонская гора; Александр Иваныч Египетский, Господин Египетский, Александр Иваныч; Петербург; Христос-бог*. Компоненты, составляющие фамилию дьяка *Вонмигласов*, взяты из библейской книги «Псалтирь» (Псалом Давиду № 140): «*Господи, воззвах к тебе, услыши мя: **вонми гласу** моления моего, внегда воззвати ми к тебе*». Комментарий можно дополнить толкованием молитвы, можно дать энциклопедическую справку. Это дополнит языковой материал интересными деталями, помогающими носителю иного языка и культуры полноценно воспринять информацию об имени литературного образа.

При работе с литературно-художественными текстами в иностранной аудитории имена собственные представляют особый интерес с точки зрения именно поэтической семантики. Она передаёт тонкие нюансы в степени проявления чувств, эмоционального состояния персонажей произведений. Различные виды работы с текстом помогают иностранному студенту найти

разгадку смысла поэтонимов и, следовательно, усилить читательский интерес к русской литературе.

Список литературы

Васильева А.Н. Пособие по чтению художественной литературы со стилистическим комментарием (стилистический анализ языка художественного произведения). – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 279 с.

Виноградов, В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654 с.

Громов М.П. Книга о Чехове. – М.: Современник, 1989. – 384 с.

Колоколова Л.И. Имена собственные в раннем творчестве А.П. Чехова (литературно-художественная антропонимия). – Киев: Изд-во Киевского университета, 1961. – 76 с.

Колоколова Л.И. Ономастика в художественной речи А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1970. – 16 с.

Лейзеров Н.Л. Образность в искусстве. – М.: Наука, 1974. – 205 с.

Лингвострановедение и текст : сборник статей / Сост. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров – М.: Русский язык, 1987. – 178 с.

Научное издание

ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ

Материалы XXII Международной научной конференции

Саратов, 26–29 сентября 2024 года

Верстка Н. И. Данилиной

Подписано в печать 01.10.2024. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Объем 23,8 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 4955-24 .

Саратовский государственный медицинский университет
им. В.И. Разумовского
410012, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 112

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

Саратов, 26-29 сентября 2024 года